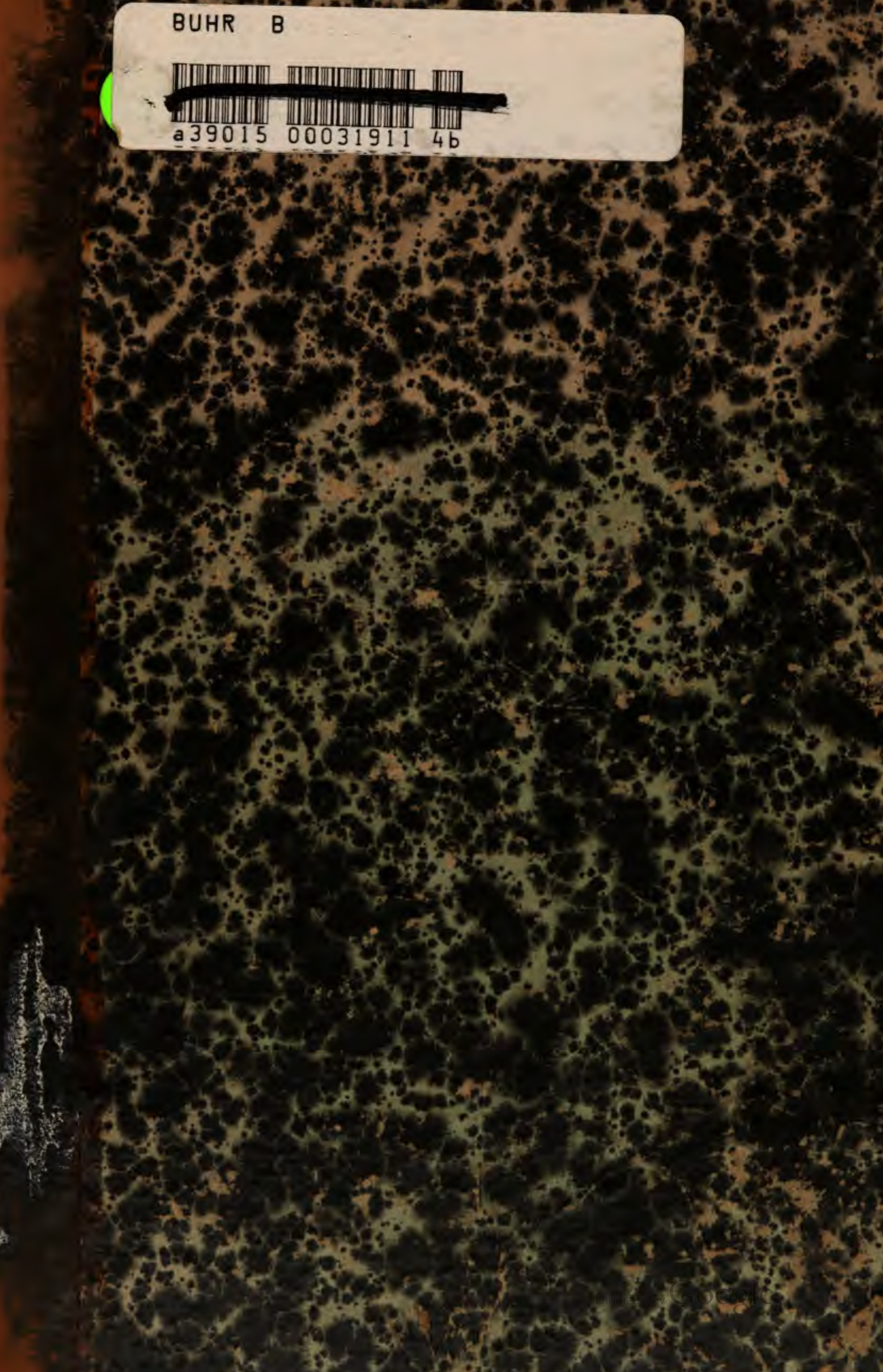
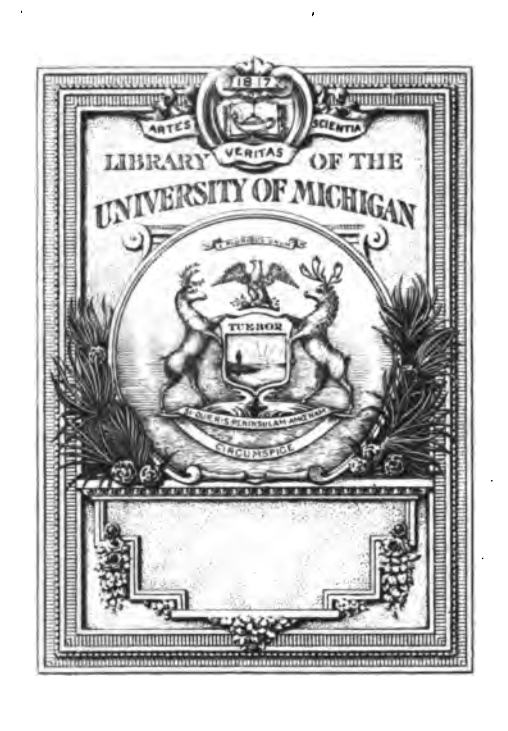

BUHR B
a39015 00031911 4b
Digitized by Google

1817
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ
КИТАЙСКАГО НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

Анны Столповской.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РЕЦЕНЗІИ НА СТАТЬЮ Г. В. С. СОЛОВЬЕВА „КИТАЙ И ЕВРОПА".

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

ЦѢНА 3 РУБ.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Арбатъ, домъ Каринской.
1891.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

(ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.)

Брайса, Дж. Американская республика. 3 части, Пер. *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1890. Ц. 10 р. 50 к.

Буасье, Гаэтона. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья — — М. 1880 г. Ц. 2 р.

Бэна, А. Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго.* М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Переводъ *Э. Циммермана.* М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.

Вебера, Г. Всеобщая исторія. Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII. М. 1890 г. Ц. за 12 т. 57 р. 50 к.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. *А. Н. Веселовскаго.* М. 1881 г. Ц. 3 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева.* М. 1879 г. Ц. 20 р.

Викторова, П. Ученіе о личности, вып. 1-й, М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гайма, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Пер. *В. Невѣдомскаго.* М. 1888. Т. I и II. Ц. 10 руб.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. *В. Невѣдомскаго.* М. 1891 г. Цѣна 5 руб.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. *А. Козлова.* т. II. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XIII вѣка. Т. III, кн. I и III, М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.

Гиббона, Э. Исторія упадка и разруш. римской имперіи, съ портретомъ автора. Пер. *В. Невѣдомскаго.* Т. I, II, III, IV, V, VI и VII. М. 1885 г. Цѣна 26 руб.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова.* М. 1877 г. Ц. 4 р.

Гнейста, Руд. Исторія государств. учрежденій Англіи. Пер. съ нѣмецкаго, *С. Венгерова.* М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Дройзена. Исторія эллинизма, т. I., пер. *М. Шелгунова.* М. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.

Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зибера, Н. И. Очерки первобытной эконом. культуры. М. 1883 года. Ц. 4 р. 50 к.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова.* М. 1872 г. Ц. 75 к.

Кавелина. Сочиненія въ 4 томахъ. Ц. 5 р.

Карьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Пер. *Е. Корша.* М. 1874 г. Ц. 16. р.

(См. 3-ю страницу обложки.)

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ
КИТАЙСКАГО НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Столповской.

Съ приложеніемъ рецензіи на статью г. В. С. Соловьева
„КИТАЙ и ЕВРОПА“.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Арбатъ, домъ Каринской.
1891.

Приношу глубокую благодарность многоуважаемому мною инспектору 2-й Московской прогимназіи Виктору Михайловичу Михайловскому за оказанное имъ содѣйствіе въ моей работѣ и всѣмъ лицамъ, облегчившимъ для меня возможность пользоваться необходимыми источниками.

ВВЕДЕНІЕ.

Незначительность количества популярныхъ историческихъ сочиненій въ русской литературѣ заставляетъ считать полезными произведенія въ родѣ предлагаемаго здѣсь очерка исторіи культуры китайскаго народа, тѣмъ болѣе, что его до сихъ поръ еще вовсе и не имѣется у насъ. Такія сочиненія, быть можетъ, особенно умѣстны при существующемъ въ настоящее время въ Россіи броженіи понятій въ области политическихъ и общественныхъ вопросовъ, на которые, какъ извѣстно, только и можетъ давать ясные отвѣты одна историческая наука.

Китайское государство отличается своеобразностью формъ народной жизни и можетъ служить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ образцомъ громадной пользы вліянія сильнаго нравственнаго авторитета на массу народа и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ вреда, происшедшаго отъ этого обстоятельства для всесторонняго нормальнаго прогресса. Притомъ первый въ мірѣ по количеству населенія китайскій народъ, живущій необыкновенно продолжительной исторической жизнью, послѣ многовѣковой замкнутости вступилъ теперь въ сношенія почти со всѣми государствами западной Европы, съ нѣкоторыми странами Америки съ Австраліей и въ особенности съ ближайшимъ къ нему государствомъ—Россіею, пограничнымъ съ Китаемъ на протяженіи 8.000 верстъ. Русскія владѣнія въ Китаѣ быстро увеличиваются въ размѣрахъ, Россіи легко въ настоящее время сдѣлать тамъ и еще болѣе значительныя завоеванія; торговыя связи нашего государства съ Китаемъ непрерывно усиливаются, а русскому правительству давно уже приходится объединять и просвѣщать пріобрѣтаемыхъ имъ китайскихъ подданныхъ.

Численность китайскихъ эмигрантовъ постоянно растетъ всюду Выходцы изъ срединнаго царства составляютъ одинъ изъ важныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасныхъ элементовъ населенія. Вотъ какъ

отзывается о нихъ знаменитый географъ Реклю: «Отличаясь крайней воздержанностью и умѣренностью потребностей, обладая способностью приспособляться ко всякой средѣ, занимаясь самыми разнообразными ремеслами, настойчивые въ осуществленіи своихъ предпріятій, искусные въ эксплоатированіи человѣческихъ страстей и слабостей, крѣпко связанные между собою въ общества тайныя и гласныя, умѣющіе втереться всюду съ изумительной пронырливостью, эти выходцы успѣваютъ тамъ, гдѣ пропали бы колонисты другихъ расъ и основываютъ благоденствующіе общины. Они легко выучиваются говорить на чужихъ языкахъ, хотя и коверкая при этомъ слова. Китайская кровь вездѣ слыветъ крѣпкой кровью: дѣти китайскихъ эмигрантовъ почти всегда сохраняютъ китайскій типъ, къ какой бы національности ни принадлежала мать. Колонисты-китайцы основываютъ прочныя общины на чужбинѣ, какъ бы маленькіе «Китаи», несокрушимые иначе, какъ только въ видѣ поголовнаго избіенія. Въ чужихъ краяхъ они становятся необходимыми людьми. Какъ ни малы бываютъ иногда заработки китайца на чужбинѣ, онъ всегда съумѣетъ разбогатѣть и при этомъ не оставляетъ въ обитаемомъ имъ краѣ никакихъ слѣдовъ своего достатка: маленькія сбереженія китайцевъ регулярно отсылаются ими на родину черезъ особыхъ уполномоченныхъ.» Въ чужомъ краю патріотъ-китаецъ, отличаясь рѣзкимъ несходствомъ понятій и нрава отъ окружающаго его населенія, ненавидя притомъ иноземцевъ, какъ эксплоататоровъ его родины и, быть можетъ, съ презрѣніемъ относясь къ дѣйствительно дурнымъ свойствамъ, проявляемымъ послѣдними, исподтишка старается эксплоатировать всѣхъ, съ кѣмъ приходитъ въ сношенія. Вслѣдствіе такихъ качествъ китайскихъ эмигрантовъ, водворенія ихъ уже во многихъ мѣстахъ начинаютъ опасаться правительства и принимаютъ противъ него мѣры, подвергая китайцевъ различнымъ притѣсненіямъ. Но движеніе китайской эмиграціи сдѣлалось неудержимымъ!—Съ другой стороны все усиливается и притокъ европейцевъ въ самомъ Китаѣ: страна эта постоянно посѣщается иностранцами многихъ національностей съ разнообразными цѣлями, которые иногда надолго водворяются тамъ; цѣлые европейскіе кварталы уже существуютъ въ городахъ Китая.

Между китайскимъ народомъ и другими національностями происходитъ постоянный обмѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и товаровъ, существуетъ свобода международныхъ и соціальныхъ сношеній. Такимъ образомъ, сближеніе китайцевъ съ иностранцами съ каждымъ годомъ все больше и больше увеличивается и, вѣроятно, произведетъ громадныя послѣдствія, ожиданія которыхъ, въ виду многочисленности китайскаго народа и особыхъ свойствъ его характера даже пугаетъ многихъ до такой степени, что находятся люди, совѣтующіе снова прекратить возникшія сношенія съ Китаемъ; они предлагаютъ европейскимъ державамъ вернуться назадъ, запереть открытые ими порты

и постараться заключить китайцевъ въ ихъ прежнее изолированное положеніе и въ ихъ невѣжество. Другіе радуются, что опіумъ усыпляетъ китайскую націю, съ ужасомъ задають вопросъ: что сдѣлаютъ эти огромныя толпы народа, когда завоеватели дисциплинируютъ ихъ? «Не будь опіума, говоритъ профессоръ Васильевъ, Китай овладѣлъ бы рано или поздно всѣмъ свѣтомъ; онъ задушилъ бы Европу и Америку въ своихъ чудовищныхъ объятіяхъ!»—«Восточная Азія составляетъ теперь часть открытаго міра: вопросъ первой важности то обстоятельство, каковы будутъ результаты этого присоединенія ея къ общему движенію исторіи? Съ такой точки зрѣнія нельзя не признать чрезвычайно значительнымъ въ настоящее время изученіе азіатскаго востока и этихъ желтолицыхъ народовъ, которымъ суждено играть столь важную роль въ будущей цивилизаціи человѣчества!» говоритъ Реклю. «Вопросъ о будущности Китая имѣетъ громадную міровую важность, такъ какъ тотъ или другой исходъ столкновенія Востока съ Западомъ существеннымъ образомъ повліяетъ на дальнѣйшій прогрессъ человѣчества!» замѣчаетъ Георгіевскій.

О географическихъ названіяхъ въ Китаѣ.

У китайцевъ существуетъ большое разнообразіе географическихъ терминовъ, относящихся къ одному и тому же предмету: названія, дѣлавшіяся общеупотребительными въ различныя эпохи, сохраняютъ свое первоначальное значеніе и могутъ замѣняться синонимами. Только иностранцы называютъ Китаемъ государство этого народа. Имя Китай произошло отъ династіи Кидань, жившей въ 10 и 11 столѣтіяхъ: она владѣла территоріей, составляющей часть нынѣшней Китайской имперіи; государство этой династіи было впослѣдствіи разрушено, но самое названіе страны сохранилось у ближайшихъ народовъ: монголовъ, турокъ и татаръ, отъ которыхъ оно перешло потомъ къ русскимъ. Сами же китайцы даютъ своему отечеству много другихъ различныхъ именъ: въ обыденномъ языкѣ они называютъ его Чунъ-Куо, что значитъ «Срединное царство» или «Центральная имперія». Терминъ этотъ, вѣроятно, произошелъ отъ постепенно увеличивавшагося преобладанія центральныхъ равнинъ надъ окружающими государствами, но въ немъ можетъ выражаться и общая всѣмъ первобытнымъ народамъ идея именно ихъ отечество и считать истинной серединой—центромъ обитаемыхъ земель, чему въ раннюю пору, конечно, способствуютъ и неточныя свѣдѣнія людей по географіи. Китайцы не ограничиваются четырьмя главными странами свѣта или точками горизонта и прибавляютъ къ нимъ пятую точку — средину; средоточіемъ этимъ считается, конечно, Китай. Но кромѣ названія Срединное царство у китайцевъ существуетъ нѣсколько другихъ именъ

для ихъ страны: «Поднебесная, Великая и Чистая имперія, Внутренняя земля, Цвѣтущее царство или царство цвѣтовъ и проч.» Въ настоящее время Китай во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ называется по имени царствующаго дома Дай-цин-го. Себя китайцы называютъ въ честь особенно прославляемыхъ династій «Людьми Циновъ» или «Лиминъ» —загадочное слово, переводимое обыкновенно выраженіемъ «Черноволосая раса»; кромѣ того, они принимаютъ еще и многія другія прозвища. Такое же разнообразіе встрѣчается и въ именахъ горъ, рѣкъ, провинцій населенныхъ мѣстъ и проч.: ни одна рѣка, ни одна горная цѣпь не сохраняетъ того же самаго названія на всемъ своемъ протяженіи, ни одинъ городъ не удерживаетъ своего первоначальнаго имени отъ династіи до династіи. Быть можетъ, это разнообразіе географическихъ терминовъ находится въ связи съ общими свойствами китайскаго языка, отличающагося большимъ разнообразіемъ интонаціи при произнесеніи одного и того же слова въ различныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего звуки совершенно измѣняются.

Природа страны *).

Китайская имперія состоитъ изъ обширныхъ и разнообразныхъ странъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже не имѣютъ между собою ничего общаго ни по природѣ, ни по населенію. Площадь ея достигаетъ 209,910 квадратныхъ географическихъ миль; она на 23,069 квадратныхъ миль больше территоріи всей Европы. Главныя составныя части имперіи внутренній Китай и подвластныя ему земли: Маньчжурія, Монголія, территоріи бывшаго Чжунгарскаго ханства, восточнаго Туркестана и Тибета; кромѣ того еще королевство Корея номинально считается въ зависимости отъ Поднебесной имперіи.

Взятыя вмѣстѣ всѣ земли подвластныхъ государствъ составляютъ площадь, далеко превышающую размѣры самого Китая. Китайская имперія находится, какъ извѣстно, въ старомъ свѣтѣ, а именно въ восточной части восточнаго полушарія. Собственно Китай вмѣстѣ съ лежащимъ противъ его береговъ островомъ Японіей, получившимъ названіе «Страны восходящаго солнца», составляетъ крайній востокъ; къ нему примыкаютъ, преимущественно съ сѣверной стороны, обширныя территоріи подвластныхъ Китаю земель; но ни одна изъ нихъ не слилась тѣсно съ Китаемъ, не ассимилировалась съ китайскимъ народомъ; это искусственное сцѣпленіе разноплеменныхъ тѣлъ. Преобладающее пространство подвластныхъ земель составляетъ, такъ-называемую, Центральную Азію (Монголія, восточный Туркестанъ съ Чжунгаріей и Тибетъ). На обширной ея площади въ 120,000 кв. миль

---

*) Реклю: „Всеобщая географія".

обитаютъ три главныя народности: монголы, тибетцы и туркестанцы; спорадически еще живутъ тамъ на оазисахъ китайцы и дунганы, а на западной окраинѣ кочуютъ киргизы. Общее число всѣхъ обитателей этой мѣстности не превышаетъ 9 милліоновъ—цифра ничтожная сравнительно съ обширностью занимаемой ими территоріи. Но физическія свойства страны роковымъ образомъ опредѣляютъ такое малолюдье: за исключеніемъ немногочисленныхъ оазисовъ, разбросанныхъ въ видѣ островковъ по Центральной Азіи, у подножья гигантскихъ горныхъ хребтовъ, тамъ нѣтъ другихъ мѣстъ для осѣдлой культурной жизни; даже для номадовъ съ ихъ стадами Центральная Азія даетъ мало правильныхъ пастбищъ и то только на сѣверной и восточной окраинахъ; все остальное приблизительно $^4/_5$ пространства заполонила пустыня, въ которой лишь кое-гдѣ ютится неприхотливый номадъ, многія части этой пустыни вовсе не пригодны для человѣка. Но въ крохотныхъ клочкахъ-оазисахъ населеніе скопилось издавна и стало въ уровень съ производительностью почвы, такъ что ему трудно прибавиться. Такимъ образомъ, Центральная Азія, не смотря на свою громадную площадь, представляетъ очень мало мѣстностей, годныхъ не только для осѣдлой, но и для кочевой жизни. Скудная цифра населенія этой страны не можетъ увеличиться значительно: пустыня навсегда останется непригодной для жизни человѣка.

Народы, обитающіе въ Центральной Азіи, не смотря на различіе расъ, языка, религіи и образа жизни, представляютъ много общихъ чертъ характера и умственныхъ способностей.

«На всей духовной сторонѣ человѣческой природы здѣсь лежитъ печать вялости и нравственной распущенности. Вѣковое рабство, бывшее главнѣйшимъ стимуломъ исторической жизни этихъ народовъ, выработало у азіатцевъ, въ большинствѣ случаевъ, отвратительное лицемѣріе и крайній эгоизмъ; не менѣе выдающимися чертами характера служатъ также лѣнь и апатія. Отъ предѣловъ Сибири и Туркестана до глубины Тибета у туземцевъ постоянно слышатся слова «потише» и «помаленьку». «Хорошіе люди никогда не торопятся, это дѣлаютъ только дурные — воры и разбойники при своихъ похожденіяхъ!» Соотвѣтственно такому складу понятій вездѣ среди азіатцевъ большимъ уваженіемъ пользуется апатичность и тупая лѣнь, въ особенности богатаго человѣка. Вообще, азіатецъ въ своемъ житейскомъ идеалѣ стремится достигнуть соединенія благоденствія съ отсутствіемъ труда. Изъ той же лѣности вытекаетъ и консерватизмъ всѣхъ азіатцевъ; свобода въ ихъ глазахъ не имѣетъ ровно никакой цѣны; рельефно выдѣляется ихъ нравственная распущенность: отношенія между полами основаны на одной чувственности; женщина—товаръ или рабочій скотъ, не болѣе; въ семейной жизни царитъ деспотизмъ мужа относительно жены и дѣтей. Грубое удовлетвореніе физическихъ желаній и страстей—главная задача жизни каждаго азіатца; этотъ чело-

вѣкъ эгоистъ через-край, свое «я» у него всегда на первомъ планѣ; высшія чувства чести, долга и нравственности здѣсь неизвѣстны; наоборотъ, лицемѣріе и хитрость считаются высокими достоинствами человѣка; въ мыслительныхъ способностяхъ азіатца проявляется чисто ребяческій характеръ; дарованія свои онъ употребляетъ большею частію исключительно на мелкія житейскія дѣла, такъ что человѣкъ способный дѣлается здѣсь почти всегда ловкимъ проходимцемъ; жажды чистаго знанія, стремленія къ наукѣ нѣтъ и въ поминѣ. Если отмѣтить еще мимолетность впечатлѣній при отсутствіи сосредоточенности вообще и прирожденную трусость, то этимъ можно заключить перечень отрицательныхъ качествъ народовъ Центральной Азіи. Хорошія свойства ихъ состоятъ только въ нѣкоторомъ добродушіи, гостепріимствѣ и уваженіи къ старшимъ въ семьѣ, совѣты которыхъ рѣшаютъ общественныя дѣла», говоритъ Пржевальскій. Словомъ, это патріархальный бытъ болѣе или менѣе дикихъ народовъ. Таковы преобладающіе сосѣди китайцевъ. Выше, какъ по своей природѣ, такъ и по культурѣ жителей, входящее въ составъ Китайской имперіи государство Маньчжурія. По флорѣ и фаунѣ оно принадлежитъ къ переходной области между восточной Сибирью и Китаемъ. Соотвѣтственные виды деревьевъ, кустарниковъ и низкихъ растеній придаютъ физіономіи этой страны черты, напоминающія Европу. Маньчжуры больше всѣхъ другихъ подвластныхъ Китаю народцевъ походятъ на китайцевъ; они выдаются привѣтливой обходительностью обращенія съ иностранцами. Въ настоящее время большаго развитія достигла цивилизація восточныхъ сосѣдей Китая, обитателей острова Японія: ихъ называютъ восточными французами. Собственно Китай, какъ центръ исторической жизни китайскаго народа, естественно получаетъ преобладающее значеніе надъ всѣми составными частями имперіи. Главныя отличительныя свойства этой страны: изолированное, уединенное положеніе, вслѣдствіе окружающихъ Китай съ трехъ сторонъ громадныхъ горъ, а съ четвертой—Великаго океана; географическое единство и однообразіе замкнутой внутренней площади; разнообразіе климата; изобиліе видовъ и формъ растительной и животной жизни, т.-е. флоры и фауны. Границы Китая отличаются недоступностью: охватывающій его поясъ громадной центрально-азіатской возвышенности почти не имѣетъ стоковъ къ океану и крайне пустыненъ; омывающія восточную окраину Китая, моря Тихаго океана не глубоко вдаются во внутренность материка. Китай не можетъ похвалиться, какъ Европа, удивительнымъ разнообразіемъ контуровъ: на всемъ пространствѣ отъ береговъ русской Маньчжуріи до береговъ Кохинхины одинъ только полуостровъ значительнаго протяженія—Корея отдѣляется отъ континентальнаго туловища и только одинъ большой заливъ, заслуживающій названія моря,—Гоанхай проникаетъ во внутренность земель. Правда, два обширные острова: Формоза и Гайнанъ и великолѣпный Японскій архипелагъ оживляютъ воды Ти-

хаго океана противъ китайскаго прибрежья. Но эти полуострова и острова азіатскаго востока имѣютъ очень небольшое значеніе въ сравненіи съ группами островов и полуостровов Европы, которая и сама въ своей совокупности представляетъ огромный полуостровъ, гдѣ повсюду проникаетъ животворное вліяніе моря, приносящее съ собой обильные дожди и теплую атмосферу. Китай на востокѣ вмѣстѣ съ Кореей и сосѣднимъ архипелагомъ представляетъ, какъ бы особый міръ, окруженный амфитеатромъ плоскихъ возвышенностей и горъ, охватывающимъ около 10.000 верстъ протяженія. Всѣ эти высокія выпуклости континентальнаго рельефа слѣдуютъ одна за другой въ видѣ полукруга вокругъ той четверти азіатскаго материка, которую занимаетъ Китайская имперія. Въ своихъ естественныхъ границахъ, собственно такъ называемый, Китай представляетъ довольно большое географическое единство: можно сказать вообще, что его горныя цѣпи понижаются и развѣтвляются отъ запада къ востоку, открывая повсюду удобныя дороги населенію, поднимающемуся отъ береговъ моря къ внутреннимъ областямъ страны; проломы въ цѣпи горъ, невысокіе или, по крайней мѣрѣ, легко доступные горные проходы и перевалы дѣлаютъ возможнымъ сообщеніе между населенными мѣстностями противоположныхъ скатовъ, и нигдѣ отдѣльные мірки, образовавшіеся между хребтами горъ, не имѣютъ достаточно важнаго значенія, чтобы прерывать связь между окружающимъ населеніемъ; двѣ главныя рѣки Китая — Гоанго и Янтсекіангъ расположены такимъ образомъ, что онѣ чрезвычайно облегчаютъ поддерживаніе національнаго единства; обѣ эти рѣки имѣютъ общее направленіе, параллельное экватору, такъ что переселенія могутъ совершаться послѣдовательно изъ одной мѣстности въ другую, сосѣднюю, вдоль по теченію рѣкъ; при чемъ колонистамъ не приходится страдать отъ рѣзкой перемѣны климата; между средними теченіями рѣкъ открываются проходы черезъ горы Куенъ-Луня, сдѣлавшіеся очень оживленными путями сообщенія, которые ведутъ изъ сѣверной долины въ южную. Можно сказать, что два главные рѣчные бассейна имперіи, составляющіе вмѣстѣ поверхность въ 340.000 квадратныхъ километровъ, принадлежатъ къ одной и той же гидрографической системѣ. Половина этого пространства, которая находится къ югу отъ монгольскихъ степей и къ востоку отъ тибетскихъ плоскогорій, сдѣлалась естественно земледѣльческой областью одной и той же націи. Въ древности Китай обладалъ самой обширной культурной территоріей, существовавшей въ одной межѣ, въ умѣренномъ климатѣ. Въ немъ находится то громадное пространство «Желтой земли» или желтозема, которое можетъ считаться, по преимуществу, областью, пригодной для земледѣлія, гдѣ естественнымъ образомъ должны были развиваться мирныя привычки, порождаемыя земледѣльческимъ трудомъ. Почти весь бассейнъ Желтой рѣки, получившей свое названіе отъ желтоземной почвы, покрытъ слоемъ этого желтозема;

можно даже сказать, что слой желтозема въ видѣ лёсса (смѣсь изъ песку, глины и извести) покрываетъ половину Китая, особенно въ его сѣверныхъ провинціяхъ. Формаціи желтоземной почвы занимаютъ пространство болѣе значительное, чѣмъ вся Франція. Онѣ простираются вплоть до Голубой рѣки, а съ западной стороны прилегаютъ къ тибетскимъ нагорьямъ. Въ этихъ странахъ все желтое: холмы, дороги и поля, дома, построенные изъ этой же глины, ручьи и потоки, несущіе мутную желтоватую воду; самая растительность скрывается тамъ подъ кровомъ желтой пыли и малѣйшій вѣтерокъ поднимаетъ тучи мелкихъ частицъ желтой глины. На плоскогорьяхъ желтая земля простирается однообразнымъ слоемъ; но вездѣ, гдѣ какая-нибудь брешь въ горной оградѣ позволяла совершаться работѣ размыванія, огромные овраги съ перпендикулярными стѣнами открываются въ глинистой массѣ. Вода, быстро уходящая въ безчисленныя отверстія, оставленныя корнями растеній, разрыхляетъ мало-по-малу землю и дѣлитъ ее на вертикальныя плоскости или стѣны. Тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе подвергаются разрушительному дѣйствію стихій, обрушиваются всей массой, и вслѣдствіе этого образуются обрывистые утесы, разрѣзанные по всѣмъ направленіямъ соотвѣтственно неровностямъ поверхности: въ результатѣ получается цѣлый лабиринтъ узкихъ корридоровъ, открывающихся въ глубинѣ почвы между перпендикулярными стѣнками. Иногда процессъ размыванія происходитъ въ самыхъ глубинахъ земли, вслѣдствіе постепеннаго просачиванія воды; отъ проваловъ почвы тогда образуются подземныя галлереи, и вдругъ верхніе слои обрушиваются, оставляя по себѣ отверстія, похожія на колодцы. Въ другихъ мѣстахъ торчатъ только стѣны между двумя пропастями, но отъ нихъ иногда остаются однѣ развалины. Трудно встрѣтить мѣстность съ болѣе причудливыми пейзажами тамъ, гдѣ желтая земля приняла форму памятниковъ, нагроможденныхъ другъ на друга въ видѣ башни Вавилонскаго столпотворенія. Общая толщина желтозема въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая достигаетъ, по меньшей мѣрѣ, 600 метровъ.

Во многихъ округахъ области желтыхъ земель всѣ обитатели страны живутъ во внутренности почвы. Глинистая масса, достаточно крѣпкая, чтобы не обрушиться на головы находящихъ въ ней себѣ пріютъ, изрыта внутри безчисленными галлереями; даже публичныя зданія и трактиры подземныхъ деревень вырыты въ желтоземѣ. Почти вездѣ отверстія, образовавшіяся въ желтоватой стѣнѣ, указываютъ на существованіе колоній людей и домашнихъ животныхъ въ пещерахъ глиняныхъ горъ. Богатые троглодиты (подземные жители) заботливо украшаютъ фасады своихъ пещерныхъ жилищъ: колоннады, выступающія крыши, балконы, кіоски слѣдуютъ другъ за другомъ по ступенямъ естественной лѣстницы. Тамъ и сямъ огромная глыба глины уединенно высится, какъ башня среди глубокихъ промоинъ.

На вершинахъ этихъ башенъ туземцы выстроили укрѣпленные храмы, въ которые укрываются они во время войны, взбираясь туда по лѣстницамъ, изсѣченнымъ во внутренности массива. Бассейнъ Желтой рѣки содежитъ въ себѣ огромное количество жирнаго угля или антрацита. Скопленіе минеральнаго топлива такъ изобильно въ этой области, что въ сравненіи съ нимъ каменноугольныя копи Великобританіи кажутся незначительными. Тамъ находится богатѣйшій въ свѣтѣ солончакъ; соляные ключи во многихъ мѣстахъ бьютъ изъ подъ земли. Желтоземъ самая плодородная почва, какой только обладаютъ китайскіе земледѣльцы: его нѣтъ надобности удабривать; онъ никогда не истощается, потому что содержитъ въ себѣ всѣ питательные элементы растеній. Этотъ слой земли появляется, вслѣдствіе осажденія поднимаемой въ степи сильными вѣтрами желтоватой пыли, изъ которой образуется замѣчательная по своему плодородію желтоватая почва. Китайцы ожидаютъ этой пыли, какъ предвѣстника урожайнаго года; она поднимается такой густой массой, что даже заслоняетъ солнце; желтоземъ представляетъ лучшее естественное удобреніе, потому что въ составъ его входятъ мелкія частицы самыхъ разнообразныхъ породъ и органическія вещества; въ нихъ-то и заключается сила плодородія. Тонкозернистое сложеніе, обусловленное покрытыми и сгнившими корнями и стебельками растеній, представляетъ лучшую структуру для питанія растеній. Эта атмосферная пыль, накопляясь съ теченіемъ вѣковъ, образуетъ буровато-желтаго цвѣта песчанистую глину, называемую лёссомъ. Средняя Азія представляетъ главную область развитія этого осадка. По составу своему лёссъ, при всей его мягкости или даже нѣжности сложенія, достаточно твердъ и вязокъ. Эта мягкость съ одной стороны и устойчивость съ другой и способствовали легкому проведенію въ немъ обширныхъ пещеръ, въ которыхъ иногда живутъ китайскіе земледѣльцы, чтобы не терять ни одного клочка драгоцѣнныхъ земель поверхности.

Итакъ, желтоземъ приноситъ китайцамъ самую разнообразную пользу: на немъ собираютъ по 2 и даже по 3 раза въ годъ изобильныя жатвы, комками его удобряютъ землю, изъ него строятъ дома и, наконецъ, въ немъ живутъ. Эта желтоватая почва, повидимому, обусловливаетъ пристрастіе желтолицыхъ китайцевъ къ желтому цвѣту. Даже китайскій императоръ носитъ титулъ Гоанъ - ти, т.-е. повелитель Желтой земли. Но въ области Гоанъ-ту встрѣчаются большія препятствія для сообщенія: можно утонуть въ тамошней пыли и грязи. Между слоями лёсса существуетъ цѣлый лабиринтъ овраговъ. Китайцамъ приходилось прокапывать глубокія траншеи, даже иногда совершенно переносить дорогу на новое мѣсто. Совокупность этихъ прокоповъ представляетъ гигантскій трудъ. Нѣкоторые факты въ исторіи Китая могутъ быть объяснены только особымъ образованіемъ желтой земли. Къ этой области примыкаютъ другія культур-

ныя территоріи, имѣющія другую почву, другой климатъ и соотвѣтственно этому другія флору и фауну. Такимъ образомъ, распространяясь постепенно все далѣе и далѣе, цивилизованная жизнь въ Китаѣ овладѣла обширнымъ пространствомъ земли отъ пустынь Монголіи до береговъ Тонкинскаго залива. При существованіи обмѣна произведеній между различными провинціями, могло быть вводимо большое разнообразіе въ способѣ обработки земли и родѣ культурныхъ растеній. Частныя усовершенствованія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ приносили пользу всей странѣ. Менѣе прочно соединялась съ остальной имперіей южная часть Китая, простирающаяся на югъ отъ двухъ рѣкъ-близнецовъ, которыя окружаютъ истинный «Цвѣтокъ середины». Въ этой области горы выше, чѣмъ въ центрѣ страны, и раздѣляются на большее число цѣпей. Южная часть имперіи, составляющая особую территорію, рѣзко отличается отъ области двухъ главныхъ рѣкъ Срединнаго царства, какъ климатомъ и естественными произведеніями, такъ и характеромъ населенія: южные китайцы много разнятся отъ сѣверныхъ по языку и нравамъ. Въ теченіе продолжительной исторической жизни націи они часто входили въ составъ другихъ политическихъ агломерацій.

Климатъ Китая сходенъ съ климатомъ Западной Европы, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китай ближе къ экватору, къ югу отъ Кантонскаго лимана все китайское прибрежье лежитъ въ тропическомъ поясѣ; но кривизна изотермическихъ линій, изгибающихся тамъ къ югу, какъ бы приподнимаетъ китайскую территорію въ сѣверномъ направленіи и сообщаетъ ей климатъ относительно холодный.

Средняя годовая температура Пекина равна съ годовой температурой южной Англіи и сѣверной Франціи; климатъ Шанхая соотвѣтствуетъ Марсели и Генуѣ; вообще, климатъ Китая рѣзче европейскаго: лѣтомъ жары тамъ сильнѣе, а зимой холода суровѣе, особенно восточные берега континента представляютъ климатъ крайностей. Въ Европѣ существуютъ правильныя атмосферныя теченія; а на восточныхъ берегахъ Азіи центръ притяженія, образуемый громаднымъ басейномъ Тихаго океана, отклоняетъ воздушные токи отъ ихъ нормальнаго направленія. Полярные вѣтры, проходящіе надъ Сибирью, уклоняются къ югу и къ юго-востоку, чтобы замѣщать теплую атмосферу, которая изъ тропическихъ морей переливаетъ къ полюсу. Лѣтомъ, напримѣръ, накаленныя солнцемъ «Желтыя земли» по рѣкѣ Гоанго, голыя степи, глинистыя и песчаныя пространства Монголіи, привлекаютъ къ себѣ морскіе вѣтры и часто воздушные слои, простирающіеся надъ Великимъ океаномъ, образуютъ юго-восточные муссоны, направляющіеся къ внутренности Китая. Это уклоненіе атмосферныхъ токовъ, проявляется съ наибольшей силой на сѣверъ отъ Голубой рѣки, вѣтры неуклонно дуютъ изъ Бенгальскаго залива къ плоскогорьямъ Юнана и изъ Кохинхины къ острову Формозѣ. Въ

этихъ областяхъ моря происходятъ «большiе вѣтры», тѣ тифоны, которыхъ такъ боятся мореплаватели.

Благодаря правильнымъ юго-западнымъ вѣтрамъ и муссонамъ, которые направляются съ моря къ внутренности континента, земли, расположенныя на пути этихъ атмосферныхъ теченiй, получаютъ среднее количество влаги болѣе значительное, чѣмъ страны Западной Европы. Почти вся она падаетъ въ видѣ дождя, снѣгъ составляетъ большую рѣдкость; когда однажды сильный вихрь принесъ нѣсколько хлопьевъ снѣга въ Кантонъ, то удивленные обитатели этого города сочли его за летучiй хлопокъ и стали собирать въ запасъ. Обыкновенная правильность чередованiя временъ года и перемѣнъ погоды способствуетъ успѣхамъ земледѣлiя въ Китаѣ. Тамъ не мѣняется такъ часто, какъ въ Европѣ величина и цѣнность жатвы, уклоненiя производства отъ средней нормы гораздо менѣе значительны и китайскiй крестьянинъ съ меньшимъ безпокойствомъ за будущее, бросаетъ зерно свое въ борозду пашни. Но иногда и въ Китаѣ случаются большiя катастрофы въ видѣ наводненiя или совершеннаго бездождiя, отъ которыхъ пропадаетъ урожай, и тогда голодъ становится неизбѣжнымъ.

Вслѣдствiе разнообразiя въ климатѣ, въ южныхъ областяхъ близкомъ къ тропическому, Китай обладаетъ очень богатой флорой, въ которой растительныя формы индiйской области смѣшиваются съ растенiями европейскаго вида. Въ промежуточныхъ округахъ юга одно и то же поле можетъ производить сахарный тростникъ и картофель; дубъ и бамбукъ растутъ рядомъ въ одной и той же рощѣ. По направленiю отъ юга къ сѣверу замѣчается постепенный переходъ отъ индiйской флоры къ маньчжурской, сходной съ европейской. Перемѣщенiе тропическихъ растенiй объясняется наклонностью многочисленныхъ китайскихъ долинъ къ малайскому полуострову: переходъ отъ одного климата къ другому не затрудняется въ Китаѣ никакой естественной преградой, въ видѣ горныхъ цѣпей, пустынь, степей или морей, какъ на югѣ Европы, въ Западной Азiи и въ Сѣверной Америкѣ. Между китайскими растенiями самый полезный бамбукъ: изъ него строятъ дома, выдѣлываютъ мебель, веревки, паруса, приготовляютъ бумагу и даже употребляютъ его въ пищу, — молодые побѣги бамбука составляютъ одно изъ лакомыхъ блюдъ китайской кухни (изъ бамбука же выдѣлываются трости, употребляемыя китайцами при всякой расправѣ). Главное отличiе китайской флоры отъ европейской состоитъ въ томъ, что первая заключаетъ въ себѣ большее количество лiанъ (вьющихся растенiй), кустарниковъ и деревьевъ. Въ этомъ отношенiи Китай напоминаетъ тропическiя области, хотя, можно сказать, что онъ не имѣетъ настоящихъ тропическихъ лѣсовъ; но деревья и кустарники съ вѣчно зеленой листвой очень многочисленны, въ особенности смолистыя породы представляютъ тамъ

самые разнообразные типы, такъ что флора Китая превосходитъ въ этомъ отношеніи даже лѣсную область сѣверной полосы Америки. Лавровыя деревья, олеандръ и мирта также принадлежатъ къ нормальной физіономіи китайскаго пейзажа. Древесныя формы области Средиземнаго моря всѣ имѣютъ соотвѣтственные виды въ китайской флорѣ. Преимущество китайской флоры надъ флорой Европы заключается еще въ большемъ количествѣ видовъ, отличающихся пышностью своихъ цвѣтовъ и красотой листьевъ. Цвѣты тамъ и въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ.

Въ Европу привезены изъ «цвѣтущаго царства» камелія, жасминъ, азалія, глицина и другія, но кромѣ этого Китай далъ еще Европѣ шелкъ—самое драгоцѣнное изъ волоконъ растительнаго царства.

Наиболѣе выдающіяся растенія въ Китаѣ, кромѣ бамбука, чайное дерево, шелковичное, восковое, камфорное дерево, масса фруктовыхъ деревьевъ, розовыхъ, апельсинныхъ, хлопчатники, безчисленное множество древянистыхъ и травяныхъ породъ, а также прядильныхъ, хлѣбныхъ и вообще полезныхъ въ хозяйствѣ деревьевъ, многія изъ которыхъ еще не существуютъ въ Европѣ, хотя и могли бы быть перенесены туда. Уходу за наиболѣе полезными растеніями издавна покровительствуетъ правительство, небрежность въ этомъ случаѣ даже преслѣдуется китайскимъ законодательствомъ. Съ особенной заботливостью относятся къ обработкѣ риса, такъ какъ онъ составляетъ преобладающую пищу китайцевъ. Появляющаяся иногда въ Китаѣ засуха заставляетъ народъ предпринимать обширныя работы для искусственнаго орошенія полей; въ Китаѣ и склоны горъ засѣваются до самой вершины, но встрѣчаются значительныя пространства и вовсе необработанной земли. Между продуктами китайской почвы чай и ревень представляютъ предметы особенно дѣятельной торговли. Китайская флора далеко еще неизвѣстна во всей своей цѣлости. Особенной силой и пышностью отличается растительность басейна Голубой рѣки или Янтсекіанга, той части Китая, которая спеціально носитъ названіе «Цвѣтка середины». Тамъ необыкновенно роскошны травы и лѣса замѣчательны изумительнымъ разнообразіемъ древесныхъ породъ, даже на крутизнахъ, почти вертикальныхъ, папоротники, кустарники и деревья укореняются въ углубленіяхъ камня, прикрывая скалы занавѣсками изъ цвѣтовъ и листьевъ, между которыми трудно разглядѣть выступы утесовъ. Каждая деревня въ долинахъ притока рѣки Мынь теряется въ чащѣ фруктовыхъ деревьевъ: абрикосовыхъ, персиковыхъ, орѣховыхъ и другихъ, въ батанской равнинѣ растутъ виноградная лоза и тутовое дерево. Эта мѣстность одна изъ самыхъ населенныхъ въ Китаѣ.

Китайская фауна до сихъ поръ также неизслѣдована во всей полнотѣ, хотя неутомимые зоологи изъѣздили Китай во всѣхъ направленіяхъ и каждый новый наблюдатель открываетъ тамъ новые,

прежде невѣдомые виды. Вѣроятно, многіе виды перестали существовать уже въ теченіе историческаго періода народной жизни; постепенные захваты земледѣлія въ концѣ концовъ лишили ихъ всякаго убѣжища. Древнія описанія Китая говорятъ о носорогѣ, слонѣ, тапирѣ, какъ о животныхъ, водящихся въ имперіи.—Неизвѣстно, въ какую именно эпоху эти толстокожіе исчезли.—Китайская фауна въ томъ видѣ, какъ она могла сохраняться въ гористыхъ областяхъ и лѣсахъ западныхъ плоскогорій, очень богата, гораздо богаче европейской; но во внутреннихъ провинціяхъ Китая находится уже весьма мало дикихъ видовъ. Въ животномъ царствѣ у китайцевъ такъ же, какъ и въ китайской флорѣ замѣчается постепенный переходъ отъ индійскихъ видовъ къ маньчжурскимъ. Обезьяны, которыя могутъ служить представителями тропическаго міра въ умѣренной полосѣ Китая, живутъ въ небольшомъ количествѣ въ лѣсныхъ чащахъ и пещерахъ горъ до окрестностей Пекина. По отзывамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, по крайней мѣрѣ, девять видовъ четырерукихъ встрѣчается на Китайской и Тибетской территоріи; около десятка видовъ кошачьяго рода, въ томъ числѣ тигръ, барсъ и другіе плотоядные звѣри, которыхъ, казалось бы, можно найти только въ тропическихъ лѣсахъ, рыскаютъ въ небольшомъ числѣ въ наименѣе населенныхъ мѣстностяхъ Китая.

Нѣкоторыя особенности, касающіяся китайскихъ животныхъ: лошади тамъ мельче и не такъ красивы, какъ европейскія; изъ множества собачьихъ породъ иныя употребляются въ пищу; въ Китаѣ страшно размножаются грызуны и въ огромныхъ размѣрахъ наводняютъ провинціи; тамъ существуетъ множество денныхъ и ночныхъ хищныхъ птичьихъ породъ; особенной оригинальностью выдѣляются золотые и серебряные фазаны.

Въ цѣломъ своемъ составѣ китайская фауна много разнится отъ фауны Западной Европы: на двѣсти видовъ млекопитающихъ насчитываютъ всего только какой-нибудь десятокъ такихъ, которые могутъ быть названы въ одно и то же время и европейскими и китайскими, да и то между этими животными запада и востока оказывается различіе. Европейскія птицы представляются сравнительно большимъ числомъ видовъ въ китайской фаунѣ, общихъ видовъ около одной пятой—почти всѣ хищныя и водяныя птицы, до шестидесяти видовъ принадлежатъ къ фаунѣ Новаго Свѣта. Многихъ видовъ китайской фауны вовсе не существуетъ въ Европѣ. Точно также за исключеніемъ угря, всѣ рыбы китайскихъ рѣкъ отличаются отъ рыбьихъ породъ запада: онѣ имѣютъ больше общаго съ рыбами Сѣверной Америки. Большимъ изобиліемъ и разнообразіемъ замѣтельно также минеральное царство Китая: Вулканическая почва занимаетъ тамъ весьма значительное пространство, но въ настоящее время уже вовсе незамѣтно дѣйствующихъ вулкановъ, а сохранились

только одни землетрясенія, повторяющіяся чаще въ сѣверныхъ провинціяхъ. Теперь врядъ ли существуетъ въ Китаѣ какой-либо продуктъ минеральнаго царства, не подвергащійся эксплоатаціи! Тамъ находятся огромныя залежи золота, серебра, желѣза, мѣди, олова, свинца, ртути, мраморовъ, хрусталя, лазури и проч. Большая часть золота добывается въ пескахъ рѣкъ и источниковъ, вытекающихъ съ горъ Тибета.

Желѣзо, свинецъ и олово, вѣроятно, также изобильны и распространены въ Китаѣ, потому что металлы эти цѣнятся очень дешево на всемъ пространствѣ имперіи. Изъ находящейся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ мѣди очень давно уже выдѣлывается вся мелкая монета государства. Кромѣ обыкновенной мѣди, китайцы употребляютъ еще бѣлую мѣдь, которая такъ чиста и изящна, что сходитъ за серебро. Вездѣ очень много минеральнаго угля, каменнаго угля, антрациту и магниту. Китай отапливается исключительно углемъ, дровъ тамъ очень мало, и потому они дороги.

Огромный бассейнъ каменноугольныхъ залежей Китая еще очень мало разработанъ. Въ Китаѣ находится, такъ называемые, огненные колодцы, выходящіе изъ значительной глубины. Они очень распространены и эксплоатируются въ видахъ экономической пользы. Поднимающійся изъ этихъ колодцевъ газъ легко воспламеняется. Если подставить факелъ къ отверстію колодца, наполненнаго водою, газъ выходитъ оттуда въ видѣ огненнаго столба въ 20 или 30 футовъ вышины. Для возможности пользоваться этимъ огнемъ, нужно особое устройство. Всякое сколько-нибудь зажиточное частное лицо въ Китаѣ старается найти себѣ товарища и вырываетъ одинъ или нѣсколько колодцевъ, издерживая на это отъ 7 до 8,000 франковъ. Способъ вырыванія колодцевъ у китайцевъ не похожъ на европейскій. Народъ этотъ привыкъ достигать цѣли, потративъ много времени и терпѣнія, но всячески, избѣгая лишнихъ издержекъ: почти всѣ колодцы вырыты въ скалахъ. Они имѣютъ отъ 15 до 18 французскихъ футовъ глубины и не больше 5, 6 дюймовъ ширины. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ добывается соль и огонь вмѣстѣ, въ другихъ исключительно одинъ огонь, т.-е. горящій газъ, его проводятъ куда слѣдуетъ черезъ маленькія бамбуковыя трубочки, обмазанныя внутри желтой глиной, препятствующей огню сжигать бамбукъ. Трубками, проведенными снаружи, освѣщаютъ улицы, огромные рынки и кухни; но нельзя употребить весь находящійся въ колодцѣ газъ. Поверхность почвы въ этихъ мѣстахъ очень горяча и свѣтится между-каменьями. Работники тамъ въ теченіе всего года принуждены оставаться полунагими. Зимой бѣдняки грѣются вокругъ огня, который появляется даже, если вырываютъ песокъ на дюймъ глубины; когда отверстіе засыпаютъ пескомъ, пламя потухаетъ.

Такъ много приноситъ разнообразной пользы китайцамъ существованіе у нихъ почвы, изъ которой можно добывать огонь. Богатые

граждане имѣютъ иногда по цѣлой сотнѣ огненныхъ колодцевъ. Помимо такого изобилія матеріальныхъ благъ Китая, и съ чисто художественной точки зрѣнія природа этой страны замѣчательна красотой многихъ мѣстностей: иногда глазу разомъ представляются сотни горъ различной величины и формы, долинъ, ущелій, руслъ и горныхъ склоновъ съ разсѣянными по нимъ деревнями, разноцвѣтными полями, пашнями и фермами, окутанными зеленью, съ сверкающими на солнцѣ голубыми озерами; нѣкоторые изъ китайскихъ городовъ такъ роскошно обсажены деревьями, что издали походятъ на парки. Вотъ какъ описываетъ китайскую природу французскій консулъ Симонъ, проведшій 10 лѣтъ въ Китаѣ: «Нигдѣ въ мірѣ природа не проявляетъ красоты такой трогательной, такой симпатичной человѣческому сердцу, говоритъ онъ, мѣстами, по отлогимъ скатамъ холмовъ, высятся одна надъ другою бамбуковыя рощицы съ граціозной и легкой листвой, вокругъ домовъ и полей зеленѣютъ древесныя насажденія, которыя въ ровныхъ мѣстностяхъ напоминаютъ очаровательный характеръ луарскихъ пейзажей, а въ гористыхъ странахъ еще болѣе прелестные виды горныхъ виноградниковъ; въ окрестностяхъ пагодъ, а также на нѣкоторыхъ горныхъ вершинахъ уцѣлѣли кое-гдѣ остатки лѣсовъ; но то, что встрѣчается вездѣ и повсюду, — такъ это цвѣты, цвѣты всевозможныхъ сортовъ: пурпуровыя азаліи, рододендры, душистыя гарденіи и глициніи одѣваютъ обрывистые склоны; розы, ноготки и множество другихъ растеній, извѣстныхъ въ Европѣ, лишь благодаря тому, что ихъ удалось вывезти изъ Китая, наполняютъ ароматами воздухъ и веселятъ взоры во всякое время года въ окрестностяхъ мызъ. Нигдѣ въ мірѣ человѣкъ не проникся такъ глубоко сокровеннымъ смысломъ окружающей его природы. Въ китайскихъ обыденныхъ пѣсняхъ не слышно отголосковъ грустныхъ, покорныхъ судьбѣ, въ китайскихъ легендахъ ничто не напоминаетъ объ ужасахъ дремучихъ лѣсовъ, уединенныхъ суровыхъ горныхъ вершинъ, все это можно встрѣтить развѣ за Великой стѣной или еще далѣе, къ сѣверному полюсу, гдѣ-нибудь въ Сибири. Самая популярная китайская народная пѣсня «Синъ-фа» имѣетъ очень пріятную и веселую мелодію, отъ которой такъ и вѣетъ миромъ и спокойствіемъ. Ни въ Синъ-фа, ни въ какой-либо другой китайской народной пѣснѣ или легендѣ не сохранилось и слѣдовъ борьбы съ безпощадными силами природы!»

Итакъ, вообще можно сказать, что природа страны въ Китаѣ щедро осыпала человѣка своими разнообразными дарами, и, несомнѣнно, должна была способствовать быстрому развитію цивилизаціи обитателей этой мѣстности. Но легко удовлетворяя потребности людей, она тѣмъ самымъ мѣшала пробужденію всѣхъ природныхъ силъ у нихъ, проявленію многосторонней дѣятельности и необходимости за-

водить сношенія съ культурными странами, ставя еще при этомъ китайскій народъ въ совершенно изолированное положеніе, посреди его недоступныхъ границъ. Слѣдовательно, природа страны въ Китаѣ далеко не въ такой степени могла способствовать цивилизаціи его обитателей, какъ менѣе роскошная, но болѣе разнообразная, отличающаяся умѣреннымъ климатомъ, природа Европы, населенной при томъ взаимно-вліявшими другъ на друга разнообразными культурными народами.

Народонаселеніе.

Численность китайскаго населенія до сихъ поръ составляетъ спорный вопросъ у европейскихъ писателей; наиболѣе вѣроятныя данныя даютъ китайскія оффиціальныя свѣдѣнія, такъ-какъ они основаны на народныхъ переписяхъ, производимыхъ періодически и контролируемыхъ правительственными чиновниками. По нимъ населеніе всей имперіи считается слишкомъ въ 398 милліоновъ жителей обоего пола. Изъ этого числа $381\frac{1}{2}$ милліоновъ приходится на 18 провинцій внутренняго Китая. Скученность населенія во внутреннемъ Китаѣ заставляетъ огромное число людей жить постоянно на судахъ, гдѣ они родятся, воспитываются и умираютъ. Пловучія человѣческія жилища въ безчисленномъ множествѣ покрываютъ рѣчныя и прибрежныя морскія воды Срединнаго государства, вмѣщая въ себѣ милліоны жителей. Причины такого изобилія въ населеніи: физическія свойства необыкновенно плодородной страны; продолжительная многовѣковая жизнь націи, въ теченіе которой народъ жилъ въ сравненіи съ другими національностями спокойно и мало подвергался губящимъ людей бѣдствіямъ; ранніе браки и многоженство, незначительный процентъ безбрачныхъ лицъ. Но въ настоящее время, вслѣдствіе усилившейся эмиграціи, народныхъ бѣдствій и междоусобныхъ войнъ во внутреннемъ Китаѣ, за послѣдніе 40 лѣтъ, съ 1842 по 1882 г. населеніе не только не увеличилось, а, напротивъ, значительно уменьшилось, въ размѣрахъ именно на цифру 31 милльона жителей.

Китайскій народъ очень смѣшаннаго происхожденія: самые разнообразные типы встрѣчаются на громадномъ протяженіи Срединной имперіи. Зерно китайской націи положили выходцы съ запада, съ высотъ Памира. Въ доисторическую эпоху большой влажности восточнаго материка, когда постепенно высыхающія, пустынныя страны Центральной Азіи, уничтоживъ препятствія, позволили населенію сблизиться, осаждающій песокъ бассейна рѣки Тарима, на оазисахъ котораго живетъ теперь немногочисленное населеніе, принадлежалъ еще

арійцамъ, гдѣ предки китайцевъ жили въ сосѣдствѣ съ Индійцами, Халдеями, Арабами и находились въ частыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, потому то эти народы наслѣдовали до мельчайшихъ подробностей сходныя астрономическія понятія и имѣютъ много общаго въ языкѣ, религіи, обычаяхъ и культурѣ вообще. По мѣрѣ того, какъ высыхали озера Центральной Азіи и песчаная пустыня вторгалась все далѣе въ область культурныхъ земель, населенія, вытѣсняемыя изъ западныхъ странъ, постепенно спускались къ области Гоанту. Такимъ образомъ, пришли въ Китай съ запада бѣлые люди, родственные Арійцамъ по происхожденію. Поселившись въ этой странѣ, они съ теченіемъ времени разнообразно смѣшались съ ея туземными обитатели, людьми менѣе, чѣмъ арійцы, одаренныхъ породъ неродственныхъ между собою группъ и переродились въ новы типы, при чемъ утратили совершенно бѣлый цвѣтъ кожи.

Если попытаться опредѣлить въ несмѣтныхъ толпахъ народа Центральной имперіи преобладающій типъ Китайца, то увидимъ передъ собою индивидуумъ средняго роста, съ довольно стройными формами тѣла и гибкими членами, съ круглымъ лицомъ, которое отличается высокими челюстными костями, выпуклыми скулами и косо-лежащими маленькими глазами, составляющими самую характеристическую примѣту Китайцевъ, цвѣтъ глазъ какъ и волосъ черный, но волосы грубые, жесткіе, борода рѣдкая, цвѣтъ кожи соотвѣтственно климату свѣтлый, желтый или смуглый, общая форма черепа продолговатая. Большинство китаянокъ маленькія и тонкія, онѣ отличаются граціей манеръ и гибкостью тѣла. Таковъ представитель преобладающаго типа современнаго Китая. Очевидно, по красотѣ и физическимъ свойствамъ вообще онъ вполнѣ уступаетъ пальму первенства обитателю Европы, принадлежащему къ чисто арійской, бѣлой породѣ людей, отличающейся, какъ извѣстно, и болѣе высокими умственными способностями.

Первоначальные элементы народа въ Китаѣ, или оборигены, смѣшивались съ тибетцами, тюрками, монголами, маньчжурами, бирманами, малайцами и многочисленными полудикими народцами, которые даже не имѣютъ еще этнографическихъ названій.

Образовавшись изъ такихъ сложныхъ элементовъ, китайскій народъ, несомнѣнно, долженъ былъ въ значительной степени утратить высокія качества своихъ предковъ, людей бѣлой породы, родственной арійцамъ. Слѣдовательно, народонаселеніе Китая такъ же, какъ и природа его страны, менѣе способно къ развитію многосторонней цивилизаціи, чѣмъ самое совершенное по происхожденію, почти исключительно арійское народонаселеніе Европы.

Источники исторіи Китая.

Исторія не знаетъ начала жизни ни одного народа. Племена вступаютъ въ ея кругозоръ только тогда, когда пріобрѣли уже своеобразное развитіе; но прежде, чѣмъ достигается оно проходятъ цѣлые вѣка, счесть которые никто не въ силахъ. Особенно было бы трудно это сдѣлать въ исторіи китайцевъ, которыхъ неизвѣстны вещественные памятники, гдѣ не было богатой миѳологіи и культурныхъ сосѣдей, при томъ этотъ народъ имѣетъ только весьма незначительное количество вполнѣ достовѣрныхъ и письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ, въ особенности древнихъ; хотя бѣдное по слогу и мысли собраніе китайскихъ лѣтописей отличается большой полнотой. Китайскіе лѣтописцы изъ національнаго тщеславія относятъ начало своего государства и цивилизаціи къ баснословно-давнему времени, чтобы придать этому періоду больше значенія и даже приписать священный характеръ, вслѣдствіе чего всякія преобразованія того, что учреждено въ глубокой древности, считаются какъ бы преступнымъ нарушеніемъ законнаго хода національной жизни. Древнѣйшій первоначальный бытъ китайцы представляютъ себѣ золотымъ вѣкомъ превосходнѣйшаго гражданскаго порядка, величайшаго благоденствія. Такое направленіе лѣтописцевъ, вѣроятно, произошло подъ вліяніемъ бѣдственныхъ событій современной имъ дѣйствительности. Лѣтописи эти, несомнѣнно, большею частію, произведенія довольно поздняго времени. Чѣмъ дольше жили китайцы, тѣмъ большую приписывали себѣ древность: Во времена Геродота они считаютъ ее за 2357 лѣтъ до Р. Х., позже во второмъ вѣкѣ до Р. Х. за 2697 л., позднѣе за 2952 г. до Р. Х.; наконецъ, еще позднѣе древность считается уже милліонами.

По всей вѣроятности, китайцы могли почерпать свои самыя первыя свѣдѣнія объ ихъ отечествѣ только изъ лѣтописи Чунь-цю (Весна и Осень), въ которой съ 723 года до Р. Х. событія описываются уже шагъ за шагомъ. (Самая письменность изобрѣтена лишь за 8-мь вѣковъ до нашей эры). Языкъ этой лѣтописи сжатъ, необработанъ, едва понятенъ; она написана первобытнымъ способомъ писанія китайцевъ: выковыриваніемъ буквъ ножемъ на бамбуковыхъ дощечкахъ,—обстоятельство, указывающее на дѣйствительную древность этого источника. Остальныя лѣтописи отличаются только большей или меньшей достовѣрностью (позднѣйшія изъ нихъ заслуживаютъ большаго довѣрія). Итакъ, богатое собраніе китайскихъ лѣтописей характеристично, главнымъ образомъ, какъ литературный памятникъ китайскаго народа. Объ исторіи въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ о наукѣ, у китайцевъ до сихъ поръ нѣтъ никакого понятія. Постоянно усиливающіяся съ 16-го столѣтія сношенія съ этимъ народомъ европейцевъ заставляютъ все больше

и больше обращать на него вниманія. Теперь существуетъ довольно много уже сочиненій о Китаѣ, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ.

Исторія китайцевъ *).

Политическая исторія китайскаго народа въ настоящее время можетъ быть представлена только въ общихъ чертахъ.

Территорія, которую Китайцы въ 221 г. до Р. Х. считали уже своей, не имъ принадлежала въ вѣка, давно минувшіе. Страна, служившая ареною исторической дѣятельности для періода Чжоуской династіи, существованіе которой несомнѣнно, имѣла первоначально самый дѣвственный видъ: ничѣмъ не сдерживаемыя рѣки затопляли своими разливами низменныя мѣста, непроходимыя болота занимали весьма значительную часть территоріи; дремучіе лѣса росли повсюду; дикія травы сплошнымъ зеленымъ ковромъ покрывали свободныя отъ лѣсовъ пространства. На лонѣ этой первобытной природы жили во множествѣ дикіе звѣри: въ сѣверныхъ частяхъ медвѣди, въ южныхъ слоны, повсюду кабаны, волки, лисицы, зайцы, по мѣстамъ олени, носороги, леопарды, тигры и шакалы. Эта дѣвственная страна, сперва чуждая всякой культуры, въ теченіи ряда вѣковъ постепенно измѣняла свой видъ, уступая усиліямъ человѣка: сдерживались разливы рѣкъ, осушались болота, вырубались лѣса, искоренялись дикія растенія, и истреблялись ядовитыя животныя; для ловли звѣрей охотникамъ нерѣдко приходилось поджигать траву. Чѣмъ болѣе возрастало населеніе, чѣмъ болѣе распространялось земледѣліе и совершенствовалась культура вообще, тѣмъ меньшею, какъ это всегда и вездѣ бываетъ, становилась дикость страны. Процессъ окультивированія территоріи, несомнѣнно, совершался постепенно и при томъ довольно медленно. Можно себѣ представить какая была дичь и глушь до 7-го вѣка и въ теченіи его во всей странѣ. Наконецъ, она совершенно измѣнила свой видъ: лѣсовъ и болотъ осталось очень мало, на мѣстѣ ихъ раскинулись тучныя нивы, замолкъ вой и ревъ дикихъ звѣрей, которыхъ замѣнили домашнія животныя, самая флора и фауна стали до нѣкоторой степени видоизмѣняться человѣкомъ. Починъ этого процесса окультивированія страны принадлежалъ не туземнымъ обитателямъ Китая, большею частію, полудикарямъ и даже совсѣмъ дикимъ людямъ. Китай въ древнѣйшую пору былъ населенъ различными племенами, для рѣшенія вопроса объ этнографическомъ типѣ которыхъ нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ. Если китайская имперія повѣствуетъ, что государи, называемые Жень-хуань, первые пріучили людей жившихъ въ разсыпную и не имѣвшихъ постоянныхъ жилищъ, къ осѣдлости; познакомили ихъ съ употребленіемъ огня и приготовленіемъ

*) Георгіевскій: Древняя Исторія Китая.

различнаго рода кушаній; установили правильныя отношенія между полами въ брачномъ союзѣ; что при государяхъ періода У-лунь люди, выведенные уже изъ состоянія первобытной дикости, еще не научились строить домовъ и продолжали жить либо въ пещерахъ, либо на деревьяхъ; что въ концѣ періода Сюнь-фай люди стали умѣть строить хижины; что государи первой династіи періода Инь-ши научали людей пользоваться звѣриными шкурами, какъ одеждою, и выдѣлывать изъ звѣриныхъ волосъ родъ ткани,—то едва ли можно сомнѣваться, что въ указанныхъ случаяхъ подъ людьми нельзя разумѣть китайцевъ, такъ какъ послѣдніе даже въ періодъ своего переселенія изъ средней Азіи не стояли на самомъ низкомъ уровнѣ бытовой культуры и, что картины дикости списаны съ оригиналовъ, существовавшихъ въ дѣйствительности. Въ среду этого-то грубаго населенія и пришли съ запада первобытные китайцы. Въ какомъ количествѣ впервые появились они въ новой мѣстности и всѣ ли разомъ или разновременно отдѣльными группами? Вопросы, еще нерѣшенные, но несомненно, что то былъ народъ болѣе совершенной, родственной арійцамъ породы, и болѣе высокой культуры. Китайцы еще до своего переселенія знали употребленіе металловъ, занимались скотоводствомъ, земледѣліемъ, умѣли воздѣлывать многія растенія и жили въ родовомъ быту: преданіе говоритъ, что они пришли въ Китай въ видѣ ста семействъ.

Родовой бытъ въ большей или меньшей степени развитія переживался всѣми историческими народами. Основой его служитъ кровная связь людей и общее происхожденіе. Родъ составляютъ всѣ семьи вмѣстѣ, происшедшія отъ одного предка. Каждый изъ членовъ рода обязанъ подчиняться общему родоначальнику или патріарху, который пользуется огромной властью: онъ жрецъ и судья, онъ полный владыка своего рода. Его ограничиваетъ только обычай или преданіе. При этомъ всѣ живутъ по-братски: имущество и трудъ общіе; всѣ стоятъ другъ за друга и всѣ мстятъ за обиду, нанесенную комулибо изъ своихъ. Въ родовомъ быту частная собственность только постепенно вытѣсняетъ общинную. Съ увеличеніемъ населенія родовой бытъ переходитъ въ племенной. Нѣсколько родовъ составляютъ племя, въ которомъ всѣ уже подчиняются главѣ племени. При родовомъ бытѣ группы семействъ объединены внутри себя ясно сознаваемымъ родствомъ, а при племенномъ счетъ родства простирается уже не особенно далеко, но у всѣхъ единицъ сохраняется память объ общности происхожденія отъ одного предка. Въ такомъ состояніи политическаго развитія находились китайцы еще на своей первобытной родинѣ. Но если первоначально отецъ являлся у нихъ полнымъ господиномъ своей семьи, а старшина группы, то для распоряженія общими дѣлами колоніи, вѣроятно, выбирался главный старшина или царь, управлявшій населеніемъ въ роли законодателя, судьи, администра-

тора и военачальника. Подъ предводительствомъ такихъ царей китайцы колонизировали, быть можетъ, не одинъ разъ, съ верховьемъ рѣки Тарима въ долины рѣкъ Вэй и Фынь и въ область знаменитой «желтой земли» или «желтозема», лежащей главной своей частью на сѣверъ отъ Гоанъ-Го: нигдѣ во всемъ свѣтѣ, не существуетъ въ одной межѣ такого огромнаго протяженія легко воздѣлываемой земли; на пространствѣ въ полтора раза превосходящемъ поверхность Франціи, почва вездѣ легкая, рыхлая, пригодная къ культурѣ пищевыхъ растеній; только вершины нѣкоторыхъ горныхъ цѣпей поднимаются надъ этой желто-земной степью, которую плугъ могъ бы сплошь преобразовать въ хлѣбныя поля; превосходныя качества желтозема извѣстны. Такимъ образомъ, милліоны и милліоны земледѣльцевъ легко находили себѣ средства къ пропитанію въ области Гоанъ-ту, гдѣ они къ тому же были защищаемы отъ набѣговъ окрестныхъ кочевыхъ народцевъ безчисленными промоинами, оврагами и ущельями, превратившими всю страну въ лабиринтъ, недоступный чужеземцамъ. Эта область желтозема, слѣдовательно, представляла очень благопріятныя естественныя условія для мирно развивающагося населенія. Отсюда цивилизація китайцевъ-колонистовъ стала распространяться во всѣ стороны; обстоятельство это облегчалось географическимъ единствомъ Китая. Въ новой странѣ китайцы не находились въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ другими цивилизованными народами Азіи и продолжали развиваться уже одиноко. Обладаніе новою территоріею не безъ борьбы досталось пришельцамъ. Часть туземцевъ, вытѣсненная изъ ея района, должна была выселиться въ земли, лежавшія къ востоку и юго-востоку отъ юго-западнаго угла провинціи Шань-си и долины рѣки Вэй. Утвердившись, китайскій народъ простеръ свои завоеванія на востокъ и югъ, овладѣлъ излюбленными пунктами въ земляхъ, принадлежавшихъ инородцамъ, и закрѣпилъ свои пріобрѣтенія путемъ развитія исконной и, въ виду тогдашнихъ обстоятельствахъ, всего болѣе цѣлесообразной удѣльной системы. Она развилась въ большихъ размѣрахъ. Китайцы при удѣльной системѣ, широко распространяя свою власть по всей территоріи сѣвернаго и средняго Китая, были завоевателями и чувствовали необходимость постоянно помнить о своей безопасности со стороны инородцевъ. Главные города удѣловъ походили на тѣ остроги, которые въ 16 и 17 столѣтіяхъ выстраивались русскими въ населенной инородцами Сибири. Если первоначально китайцы главныхъ разнообразныхъ удѣловъ были только центральными піонерами китаизма, то впослѣдствіи главные удѣлы сами сдѣлались центрами, изъ которыхъ китаизмъ сталъ распространяться еще дробнѣе, но также отдѣльными группами по занятымъ инородцами территоріямъ: родственники и сподвижники удѣльныхъ князей являлись обладателями новыхъ цен-

тровъ, откуда въ свою очередь высылались новые піонеры въ среду тѣхъ или другихъ инородцевъ.

Когда прекратилось такое спорадическое распространеніе китайской власти и культуры сказать трудно. Но во всякомъ случаѣ въ древней исторіи Китая наступилъ такой періодъ, не отмѣченный хронологіей, когда китайцы явились фономъ, а инородцы пятнами или спорами на этомъ фонѣ. Въ слѣдующемъ и послѣднемъ періодѣ древней исторіи китайцы оказываются уже полными и единственными обладателями всего средняго и сѣвернаго Китая. Широко разселившись, они съ теченіемъ времени объединились между собой; а инородцы во множествѣ гибли отъ разныхъ причинъ: когда воевали между собою, когда нападали на китайцевъ, когда возмущались и были усмиряемы китайцами, когда оказывали помощь враждующимъ между собою китайцамъ. Инородцы во время войнъ захватывались въ плѣнъ, послѣ чего по большей части, обращались въ рабство; они принудительно перемѣщались китайцами, силою вытѣснялись съ занимаемыхъ ими территорій, сами уступали китайцамъ свои территоріи, завоевывались китайцами или добровольно признавали ихъ власть надъ собою, и гибли, помогая тѣмъ или другимъ великимъ князьямъ въ междоусобной борьбѣ, возможность естественнаго приращенія для инородцевъ была ограничена. Такимъ образомъ, на вопросъ о судьбѣ инородцевъ, въ среду которыхъ проникли завоеватели-китайцы; можно отвѣтить, что они растворились въ массѣ китайскаго народа и перестали быть инородцами. Одновременно съ процессомъ этнографическаго объединенія, не безъ зависимости отъ него, совершался другой процессъ объединенія административно-территоріальнаго. Само собою понятно, что, растворяя инородцевъ, и китайскій народъ не сохранилъ первоначальной чистоты своего типа: измѣнился и сталъ уже не похожъ на своихъ единоплеменниковъ стародавнихъ азіятскихъ сосѣдей. Въ самыя древнія времена, когда въ Китаѣ начала развиваться гражданственность, соотвѣтственно родовому быту народа земля составляла общественное достояніе. Первоначально родственныя семьи жили нераздѣльно, группами, при чемъ отцы семействъ подчинялись одному старшинѣ—представителю группы. Каждый отецъ въ своей семьѣ былъ полнымъ господиномъ, власть всецѣло сосредоточивалась въ его рукахъ, онъ пользовался правами жреца, законодателя, судьи, администратора, правами, переходившими по смерти родителя къ его первородному сыну. Этого требовалъ въ Китаѣ всесильный культъ предковъ, соединяющійся всегда съ родовымъ бытомъ народа. Такое значеніе, при застоѣ позднѣйшей исторической жизни народа, сохранилось въ китайской семьѣ и во всѣ послѣдующія времена. Культъ предковъ требовалъ также, чтобы всякій усопшій отецъ семейства былъ погребаемъ на принадлежащей ему землѣ и чтобы духу усоп-

шаго приносились жертвы съ семейнаго поля. Вѣроятно, первые колонисты-китайцы раздѣлили землю вновь занятой ими территоріи между группами семействъ, которыя получили участки въ собственность. При этомъ можно допустить, что часть занятой китайцами территоріи была оставлена нераздѣленною для общаго пользованія всей колоніи. Несомнѣнно, что китайцы въ началѣ живо представляли себѣ отличіе одного рода отъ другого. Старшины родовъ управляли въ своей сферѣ; но потребность въ военачальникѣ при борьбѣ съ иностранцами и общемъ правителѣ всѣми дѣлами колоніи заставляла ихъ выбирать царя. Изъ правъ царя, какъ военачальника, истекали и другія его права: законодателя, судьи и администратора, (право верховнаго жречества китайскіе государи получили позднѣе другихъ правъ). Если отъ царя, по обстоятельствамъ самаго дѣла, прежде всего требовалась цѣлесообразная распорядительность въ дѣлѣ военномъ, то понятно, что царская власть первоначально не могла быть наслѣдственною,—только благодаря личнымъ достоинствамъ, достигалъ тотъ или другой членъ колоніи первенствующаго значенія (такъ всегда бываетъ въ патріархальномъ быту народа). Всѣ китайскіе государи до династіи Ся являются выборными. Цари избирались, конечно, не всѣмъ народомъ, а, потребованію культа предковъ, только представителями родовъ или старшинами группъ нераздѣльно живнихъ семействъ. Эти старшины были и совѣтниками царей и ближайшими исполнителями ихъ воли, древніе цари любили совѣщаться съ своими помощниками, въ древности это было коренное общее правило администраціи. Такимъ образомъ, политическій строй жизни первоначальныхъ китайцевъ можетъ представиться въ слѣдующей формѣ: Pater familias является полнымъ и отвѣтственнымъ господиномъ своей семьи; группы родственныхъ и нераздѣльно живущихъ на собственной землѣ семействъ управляются старшинами, которыхъ власть, по требованію культа предковъ, обусловлена правомъ первородства по главной линіи; распоряженіе общими дѣлами всей колоніи находится въ рукахъ царей, достигающихъ первенствующаго значенія, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и избираемымъ сеймомъ старшинъ. На вопросъ, входили ли въ составъ первобытной колоніи китайцевъ посторонніе ингредіенты (напримѣръ, военноплѣнные инородцы). нельзя отвѣтить съ точностью; но можно думать, что первоначально китайцы старались только отстранять и оттѣснять инородцевъ, а при удобныхъ случаяхъ и истреблять ихъ: военноплѣнные, какъ внутренніе враги колоніи являлись бы для нея только бременемъ и грозили бы ей опасностью. Повинности членовъ первобытной колоніи, по требованію самыхъ обстоятельствъ и условій жизни, были, конечно, общеобязательными и не ограничивались искусственно ни по формѣ, ни по размѣрамъ. Борьба съ иноплеменниками, имѣвшая, вѣроятно, всего чаще партизанскій характеръ, дѣлала вся-

каго китайца воиномъ и едва ли въ тѣ времена опредѣлялось, кто долженъ и кто не долженъ носить оружіе. Обезпеченіе колоніи провіантомъ на случай болѣе или менѣе правильныхъ военныхъ дѣйствій противъ инородцевъ, на случай неурожаевъ и всякаго рода бѣдствій, требовало общественныхъ запасовъ хлѣба и другихъ продуктовъ. Рубка лѣсовъ, расчистка новыхъ пашень, осушеніе болотъ и истребленіе дикихъ звѣрей заставляли всякаго китайца трудиться настолько, насколько этого требовали обстоятельства. Однимъ словомъ, повинности первоначально сами собою истекали изъ борьбы колоніи за существованіе и изъ ея стремленій расширить предѣлы, занимаемой территоріи и улучшить свой матеріальный бытъ. Таковы предположительно были первоначальныя формы жизни единой колоніи китайцевъ, если они выселились изъ Средней Азіи за одинъ разъ, или нѣсколькихъ колоній, если партіи китайцевъ вступили въ предѣлы новой территоріи чрезъ промежутки времени и занимали различныя мѣста: однѣ въ провинціи Шань-си и Хэнань, другія въ провинціи Шень-си. Если удѣльная система развилась постепенно и сама собою, то постепенно же, не по какому-либо центральному распоряженію, и путемъ естественнымъ, удѣльные князья и правители теряли свою самостоятельность, удѣлы менѣе сильные поглащались болѣе сильными. Поглощеніе удѣловъ, въ особенности крупныхъ, совершалось, по большей части, не за одинъ разъ: сколько войнъ должно было предшествовать утратѣ ихъ самостоятельности! Происходила упорная междоусобная борьба, самолюбіе, честолюбіе и властолюбіе князей являлись основными стимулами въ ней. Борьба эта велась при слѣдующихъ условіяхъ: прежде, когда удѣлы, еще весьма незначительные по своему территоріальному объему, были разобщены между собою землями, занимаемыми инородцами, князья либо вовсе не могли воевать другъ съ другомъ, либо дѣйствовали одинъ противъ другаго, пользуясь враждебнымъ настроеніемъ независимыхъ инородческихъ племенъ. Когда удѣлы расширились и стали непосредственно соприкасаться одинъ съ другимъ, подкладкою междоусобной борьбы князей должны были являться этнографическое различіе и традиціонная враждебность подвѣдомственныхъ тому или другому удѣлу инородцевъ: при этнографическомъ безразличіи населенія двухъ удѣловъ, князь удѣла менѣе сильнаго не долго могъ бы пользоваться поддержкою своего народа въ борьбѣ съ могущественнымъ сосѣдомъ и былъ бы принужденъ положить оружіе по недостатку людей, сочувствующихъ борьбѣ. По самому географическому положенію удѣловъ и по распредѣленію между ними болѣе или менѣе независимыхъ инородческихъ племенъ, военныя дѣйствія князей могли быть направлены только туда, гдѣ благопріятствовали обстоятельства. Центральные удѣлы (Цао, Сунь, Чень, Чусенъ, Вэй отчасти Лу и другіе) могли усиливаться на счетъ инородцевъ только до извѣстной степени и встрѣчали препятствіе

своему дальнѣйшему территоріальному распространенію въ удѣлахъ окрайныхъ. Эти послѣдніе (Чу, Цинь, Цзинь, Ци, У) могли усиливаться на счетъ инородческихъ племенъ и ихъ территоріи до неопредѣленныхъ размѣровъ и въ борьбѣ съ удѣлами центральными, естественно, должны были получать перевѣсъ и преобладаніе. Удѣлъ Цинь сдѣлался могущественнѣе всѣхъ другихъ, потому что принялъ въ себя болѣе инородцевъ. Окрайные удѣлы, хотя и могли значительно усиливаться на счетъ инородцевъ, но были отдѣлены отъ центральнаго Китая другими окрайными удѣлами, и потому уступали послѣднимъ и въ силѣ и въ размѣрахъ политическаго вліянія. Удѣлы менѣе сильные могли поглощаться болѣе сильными только въ той постепенности, въ какой независимыя племена инородцевъ, занимавшихъ промежуточныя между удѣлами земли, прецедентно утрачивали свою самостоятельность. Инородцы того района, который служилъ ареною исторической дѣятельности для періода Чжоуской династіи, теряли свою независимось въ 7 и 6 вѣкахъ. Не ранѣе этого времени стали поглощаться и удѣлы. Такимъ образомъ, объединеніе административно - территоріальное совершалось постепенно и обусловливалось предварительнымъ постепеннымъ же объединеніемъ этнографическимъ. При императорѣ Цинь-Ши-хуанъ-ди понятіе «единая имперія» было эквивалентно понятію «единый народъ.» Въ то же время совершался и процессъ объединенія лингвистическаго; китайскій языкъ успѣлъ не только самъ объединиться, но и растворить въ себѣ языки инородческіе. (По лѣтописи Чжоу-ли, въ 7-ой годъ по объѣздѣ государя слѣдовало собираться толмачамъ, чтобы сличать различныя нарѣчія - языки и приводить къ однообразію формулы обращенія; въ 9-й годъ по объѣздѣ государя слѣдовало собираться слѣпцамъ и анналистамъ, чтобы сличать іероглифы и опредѣлять ихъ правильное произношеніе). Нѣтъ сомнѣнія, что письменность, объединенная при Цинь-Ши-хуанъ-ди, закрѣпила своими знаками, какъ достояніе обще-китайскаго языка, тѣ слова, которыя первоначально являлись выраженіемъ діалектическихъ особенностей китайскаго языка съ одной стороны и самобытнаго существованія инородческихъ языковъ съ другой. Сводя все, сказанное, можно прійти къ слѣдующему исключительному положенію.—Если Цинь-Ши-хуанъ-ди явился территоріально-административнымъ объединителемъ Китайской имперіи, то это объединеніе подготовлялось постепенно и было предшествуемо постепеннымъ же этнографическимъ и лингвистическимъ объединеніемъ всей массы народа, жившаго въ томъ районѣ, который служилъ ареною исторической дѣятельности для періода Чжоуской династіи. Могущество Чжоускихъ государей, утвердившихъ свою власть на принципѣ племенной отчужденности китайцевъ и инородцевъ, было бы въ теченіе ряда вѣковъ обратно пропорціонально объему народнаго единенія и, если Чжоускіе государи правили во имя вражды къ инородцамъ,

то Цинь-Ши-хуанъ-ди явился императоромъ во имя народнаго единства. Эпоха Цинь-Ши-хуанъ-ди служитъ гранью, отдѣляющею первый періодъ китайской исторіи, въ которомъ китайцы завладѣли всѣми лежащими къ югу отъ рѣки Янъ-цзы-цвяна (Янтсекіанга) землями, выступая, какъ многочисленный единый народъ, какъ сплоченное единое государство.—Хотя бытовая культура древняго китайскаго народа, развивавшагося одиноко въ новомъ мѣстѣ жительства, должна была улучшаться, конечно, медленно, особенно въ тотъ періодъ исторіи, когда китайцы изъ своего центральнаго мѣстопребыванія путемъ размноженія удѣловъ расселялись во всѣ стороны среди инородческихъ племенъ, тѣмъ не менѣе матеріальный бытъ народа представляется въ то время уже довольно усовершенствованнымъ: Китайцы знаютъ употребленіе многихъ металловъ; культивируютъ при посредствѣ хозяйственныхъ орудій многочисленныя полезныя растенія и овощи; занимаются рыболовствомъ, умѣютъ дѣлать сѣти и лодки изъ различныхъ матеріаловъ; держатъ домашнихъ животныхъ; умѣютъ гнать рисовую водку; украшаютъ вышивками одежды, сдѣланныя изъ шелковой матеріи или холста, носятъ кожаныя, или холщевыя шапочки и башлыки, опоясываются шелковыми поясами съ прицѣпленными къ нимъ драгоцѣнными каменьями и булавками изъ слоновой кости, украшаютъ волосы гребенками изъ слоновой кости, отъ которыхъ на уши свѣшиваются золотыя бляхи съ драгоцѣнными камнями, носятъ кольца изъ слоновой кости; живутъ въ домахъ съ довольно удобной обстановкой: на полу сухая трава, поверхъ которой постланы циновки, назначенныя для сидѣнья; для спанья служатъ постели, возвышающіяся надъ поломъ; утварь изобильная, есть даже металлическія зеркала; кубки для вина иногда отдѣлываются драгоцѣнными каменьями; города они тогда уже окружали земляными стѣнами и рвами; имѣли различныя сорта оружій, за исключеніемъ огнестрѣльныхъ; шлемы съ султанами изъ шелка; различнымъ образомъ украшенныя поножи, щиты и колесницы для запряжки въ 4 и 6 лошадей, знамена съ изображеніями драконовъ, птицъ, змѣй; флаги бунчуки и барабаны, музыкальные инструменты, денежные знаки, знаки единицъ и измѣреній, видовъ и формъ промышленности обрабатывающей и торговой. Словомъ, это былъ бытъ уже значительно цивилизованнаго народа. Уровень матеріальной культуры въ отдѣльныя моменты исторіи въ особенности же древней, не могъ быть одинаковымъ для всѣхъ частей широко раскинувшагося и при томъ не однороднаго населенія. Если инородцы имѣли своеобразную обстановку быта и жизни, то и культура самихъ китайцевъ разныхъ удѣловъ первоначально должна была представлять не мало качественныхъ варіацій, обусловленныхъ съ одной стороны большею или меньшею удаленностью удѣловъ отъ центра имперіи, а съ другой медленностью (при затруднительности сношеній) распространенія и

популяризаціи всякаго рода мѣстныхъ изобрѣтеній и усовершенствованій. Въ періодъ Чунь-цю уровень матеріальной культуры китайцевъ не могъ не повышаться гораздо быстрѣе, нежели въ предшествовавшіе вѣка на томъ основаніи, что удѣльные князья, враждебно относившіеся одинъ къ другому, старались увеличивать свои военные силы, принуждая и поощряя подвѣдомственный народъ къ трудолюбію въ дѣлѣ различныхъ родовъ промышленности. Значеніе князя Хуаня обусловливалось, конечно, тѣмъ, что Гуань-ту привелъ Циньскій удѣлъ въ цвѣтущее положеніе и сдѣлалъ его сильнымъ путемъ благоразумныхъ административныхъ мѣръ, путемъ улучшенія земельной культуры, путемъ содѣйствія промышленности обрабатывающей и торговой. Насколько размѣры междоусобной борьбы въ періодъ Чжень-сю сдѣлались шире, нежели въ періодъ Чунь-цю, настолько же должна была увеличиться и конкуренція удѣльныхъ князей въ поднятіи уровня матеріальной культуры подвѣдомственныхъ имъ удѣловъ. Вотъ причина, почему въ то время являются въ Китаѣ многіе выдающіеся князья, соперничавшіе другъ съ другомъ. Что улучшеніе формъ бытовой культуры не совершалось самостоятельно въ каждомъ удѣлѣ, а обусловливалось передачею и заимствованіемъ изобрѣтеній, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Если удѣльные князья старались превзойти другъ друга въ могуществѣ и принимали мѣры къ тому, чтобы развить всѣ виды промышленности въ подвѣдомственномъ имъ народѣ, то они съ одной стороны не могли слѣдить за всякаго рода усовершенствованіями и изобрѣтеніями, а съ другой не могли не заводить у себя всего того, что было уже извѣстно въ другихъ мѣстахъ. Формы роскоши усваивались путемъ заимствованія по прецедентномъ увеличеніи военной силы того или другого удѣла. Если прочность административно-территоріальнаго объединенія удѣловъ обусловливалась процессомъ этнографическаго сліянія разноплеменныхъ обитателей Китайской имперіи, то этому процессу, довольно медленному, по своей сущности, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ должно было предшествовать объединеніе формъ бытовой культуры, какъ встрѣчающее менѣе препятствій и болѣе легкое само по себѣ. Жители удѣловъ менѣе цивилизованныхъ подчинялись удѣламъ болѣе сильнымъ, т.-е. раньше цивилизовавшимся. Можно думать, что денежные знаки и единицы измѣренія приводились къ однообразію послѣ утраты удѣлами ихъ самостоятельности: князья господствующихъ удѣловъ должны были устранять различіе для удобствъ администрированія. Постепенно сливавшіеся съ китайцами инородцы, само собою разумѣется, усвоивали ихъ матеріальную культуру. Послѣ всего, сказаннаго, нельзя не сдѣлать заключенія, что формы бытовой культуры китайцевъ сдѣлались единообразными нѣсколько ранѣе, нежели населеніе Китайской имперіи объединилось этнографически и было объединено Цинъ-ши-хуанди въ отношеніи

административно-политическомъ. Уровень матеріальной культуры китайцевъ при государѣ объединителѣ не могъ быть низокъ: сооруженія, подобныя великой китайской стѣнѣ, простирающейся на 3000 верстъ, необыкновенно широкой съ зубчатымъ верхомъ и башнями черезъ каждыя сто сажень, обусловливаются высокимъ развитіемъ всѣхъ видовъ промышленности народа. Установляя единообразіе въ системѣ письма, мѣръ и путей сообщенія, Цинь-ши-хаунди окончательно объединилъ бытовую культуру подвѣдомственнаго ему народа. Такимъ образомъ, при этомъ государѣ объединеніе было полное.

Развитіе политической жизни Китая изъ ея простѣйшей, основной формы, совершалось при двухъ весьма существенныхъ условіяхъ: измѣненіи отношеній китайцевъ къ инородцамъ (послѣдніе сперва только истреблялись и оттѣснялись, а потомъ стали приводиться въ подчиненіе) и смѣнахъ династій, подъ которыми надо разумѣть преобладаніе однихъ колоній китайцевъ надъ другими. Это развитіе выразилось въ слѣдующемъ: Родовой бытъ китайцевъ перешелъ въ племенной, сохранивъ отчасти свой первоначальный характеръ. Общность языка и происхожденія объединила всѣхъ китайцевъ, какъ членовъ одного племени. Но при застоѣ позднѣйшей китайской жизни, закрѣпленное письменностью сознаніе принадлежности каждаго китайца къ тому или другому роду продолжаетъ сохраняться въ Китаѣ и теперь, хотя возможность опредѣлять степени родства всѣхъ принадлежавшихъ роду единицъ съ размноженіемъ населенія, естественно, утратилась. Если первоначально изъ массы китайскаго народа по своимъ правамъ и по своему положенію выдѣлялись только отцы отдѣльныхъ семействъ, старшины группъ родственныхъ семействъ и цари, то съ теченіемъ времени при смѣнѣ династій число переходныхъ ступеней отъ царя къ простолюдину увеличилось: народные старшины селеній, получившихъ преобладаніе, а также родственники и сподвижники державныхъ завоевателей повышались въ рангѣ передъ старшинами колоній, терявшихъ политическую самостоятельность; этимъ обусловливалось возникновеніе титуловъ и преимуществъ вельможъ и князей пяти разрядовъ (чунъ, хоу, ба, цзы, нань). Если первоначально колоніи китайцевъ, разсматриваемыя въ отдѣльности, представлялись совершенно однообразными по своему этнографическому составу и не заключали въ себѣ постороннихъ ингредіентовъ, то впослѣдствіи, при измѣненіи отношеній китайцевъ къ инородцамъ, многія инородческія племена были причислены на разныхъ условіяхъ подчиненности къ китайской имперіи; понятіе о простолюдинѣ при этомъ затемнялось: китаецъ-пахарь, (нерѣдко) инородческій старшина, подчиненные послѣднему инородцы—все это въ глазахъ китайскаго правительства были одинаково простолюдины. Развитіемъ внутренне-юридическихъ и перемѣною внѣшне-политическихъ отношеній китайскаго народа обусловливалось возникновеніе неизвѣстнаго прежде

рабства: рабами стали дѣлаться военнопленные инородцы и нѣкоторые китайцы-преступники. Рабы первоначально употреблялись для государственныхъ работъ или отдавались въ услуженіе лицамъ, составляющимъ правительство. Впослѣдствіи рабами стали владѣть и частныя лица. По нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи Чжоу-ли можно заключить, что рабы наравнѣ съ домашними животными продавались на рынкахъ. Первоначально группы родственныхъ китайскихъ семействъ жили на собственныхъ земельныхъ участкахъ, при чемъ нѣкоторое количество территоріи могло быть оставляемо для общаго пользованія, но впослѣдствіи, при измѣнившихся условіяхъ жизни, сдѣлались потребными передѣлъ земли и искусственная группировка населенія имперіи. Государь Хуанъди постановилъ, чтобы восемь семействъ причислялись къ одному колодцу; три колодца должны составлять околотокъ; 3 околотка—урочище, 5 урочищъ—селеніе, 10 селеній—волость, 10 волостей—округъ, 10 округовъ—провинцію. Послѣ разнаго рода реформъ земельнаго раздѣла, произведенныхъ императорами Яо, Шунемъ и Юемъ въ первыя времена Чжоуской династіи были установлены слѣдующія формы осѣдлости народа: 900-му (десятинъ), занятыхъ восемью или девятью семействами, составляли одинъ цзйнъ (колодецъ); 4 цзйна—одинъ и; 4 и—одинъ цю; 4 цю—одинъ дянь; 4 дянь — одинъ сянь; 210-ю — одну чжоу (область, которыхъ въ имперіи было 9-ть). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о хронологической и фактической достовѣрности указанныхъ дѣленій (быть можетъ, императоръ Хуанъ-ди никогда не существовалъ; быть можетъ, изложенная въ Чжоу-ли система администраціи являлась только не проведеннымъ въ жизнь проектомъ) по самой допустимости ихъ можно заключить уже, что первобытное дѣленіе территоріи стало несовмѣстимо съ новыми, болѣе сложными условіями жизни разросшагося, диффиренцировавшагося и принявшаго въ себя посторонніе ингредіенты народа. Цари первобытной колоніи китайцевъ, какъ извѣстно, должны были являться прежде всего въ качествѣ способныхъ военачальниковъ, и потому царская власть не была наслѣдственною. Изъ правъ царя, какъ военачальника, истекали и другія его права.

Съ теченіемъ времени китайскій народъ усилился до такой степени, что могъ не бояться за самостоятельность его политическаго существованія и, сознавая свое превосходство надъ инородческими племенами, не имѣвшими стройной организаціи и дѣйствовавшими не солидарно въ дѣлѣ ослабленія утвердившагося среди нихъ чужеземнаго народа, началъ мало по малу распространять на инородцевъ свою власть, выставляя для борьбы не всѣ принадлежащія ему силы, а только часть ихъ, и при томъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ того требовали обстоятельства. При такомъ измѣнившемся положеніи дѣлъ, китайскій народъ для своего расширенія на счетъ иноплеменниковъ дол-

женъ былъ нуждаться не столько въ одномъ искустномъ военачальникѣ (царѣ) сколько во многихъ, вслѣдствіе чего коренная прерогатива царской власти стала дѣлаться все болѣе и болѣе номинальной. Съ другой стороны введеніе въ составъ населенія имперіи новыхъ этнографическихъ ингредіентовъ и усложненіе внутренне-юридическихъ отношеній въ самомъ китайскомъ народѣ, диффиренцировавшемся при смѣнѣ династій, т.-е. при господствѣ одной колоніи китайцевъ надъ другою, придавали прочность государственной организаціи, заставляли царя являться чаще въ роли законодателя, судьи, администратора и переводили даже эти прерогативы царской власти изъ фактически осуществляемыхъ въ номинально-санкціонирующія. Такимъ образомъ, если первоначально отъ царя требовались многостороннія личныя достоинства, и цари были избираемыми, то впослѣдствіи царская власть, какъ выраженіе постоянно дѣйствующей и санкціонирующей народной воли, сдѣлались наслѣдственною (съ династіи Ся), при чемъ за царями, являвшимися средоточіемъ всѣхъ верховныхъ правъ народа, навсегда было усвоено и право верховнаго жречества. Въ первобытной колоніи китайцевъ старшины группъ нераздѣльно жившихъ семействъ были и совѣтниками царей, и ближайшими исполнителями ихъ воли: при немногочисленномъ населеніи, однородномъ по своему этнографическому составу" и при несложности формъ и условій быта цари могли de facto являться и военачальниками, и законодателями, и судьями, и администраторами, при чемъ пользовались своею властью только по мѣрѣ надобности. Когда естественно разросшійся китайскій народъ, расширилъ свои территоріальныя владѣнія и подчинилъ себѣ нѣкоторыя инородческія племена, когда при этомъ одни колоніи китайцевъ получили преобладаніе надъ другими и когда царская власть, утративъ характеръ временности, сдѣлалась постоянно-дѣйствующей, цари потеряли возможность проявлять свои права во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ фактическихъ потребностей, и сохранивъ ихъ прерогативы, какъ санкціонирующія, стали дѣйствовать, слѣдуя опредѣленной и самой жизнью выработанной системѣ, черезъ посредство цѣлаго строя лицъ, явившихся спеціальными и постоянными органами верховной власти. Такимъ образомъ, первоначально звеномъ, связывавшимъ правителя-царя съ управляемымъ народомъ, служили старшины группъ нераздѣльно жившихъ семействъ, а, при измѣнившихся условіяхъ народнаго быта, эта связь, диффиренцировавшаяся въ своей формѣ, стала выражаться въ выработанной системѣ администраціи, сдѣлавшейся постоянной и потребовавшей для своего осуществленія спеціальнаго состава лицъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено общее названіе чиновниковъ. Въ роли органовъ постоянно дѣйствующей верховной власти прежде всего выступили лица, отличавшіяся отъ другихъ-либо знатностью своего происхожденія (князья и вельможи) либо индивидуальными способ-

ностями, либо профессіональными знаніями, нерѣдко сохранявшимися въ извѣстныхъ семействахъ наслѣдственно. При постепенномъ дифференцированіи функцій административныхъ органовъ, обусловившимъ увеличеніе числа должностей, и при укрѣпленіи коренныхъ основъ правительственной системы отъ лицъ, вводимыхъ въ разрядъ чиновниковъ, все болѣе и болѣе стали требоваться: отъ однихъ, въ видахъ лучшей выработки административной организаціи, обладаніе выдающимися умственными способностями (отсюда прогрессивное развитіе бюрократизма), отъ другихъ только желаніе и умѣнье неуклонно слѣдовать готовымъ уже формуламъ и безпрекословно исполнять волю выше стоящихъ руководителей. (Отсюда пополненіе контингента чиновниковъ не высшаго ранга простолюдинами). Вопросъ о томъ, какія фактическія формы имѣла выработавшаяся административная система, при условности историческихъ данныхъ невозможно рѣшить съ точностью.

Нѣтъ основаній утверждать, что Хуанъ-ди раздѣлилъ имперію на провинціи, назначилъ каждой изъ нихъ штатъ чиновниковъ и избралъ въ помощь себѣ шестерыхъ министровъ; что при Шунѣ было 12 областныхъ правителей и 9 министровъ; что въ первыя времена чжоуской династіи было, дѣйствительно, столько чиновввниковъ, сколько ихъ указано въ Чжоу-ли. Но тѣмъ не менѣе, соображая все то, что извѣстно о развитіи административнаго строя въ вѣка, о которыхъ повѣтствуютъ достовѣрные уже историческіе источники, можно относить къ временамъ первыхъ государей чжоуской династіи окончательную выработку идей, по крайней мѣрѣ, объ областномъ и уѣздномъ управленіи (чтобы ни разумѣлось подъ областями, шестью министерствами и верховномъ совѣтѣ, который долженъ былъ направлять рѣшающую волю царя). Въ первобытной колоніи китайцевъ, однородной по своему этнографическому составу и при томъ весьма немноголюдной, нормы жизни и дѣйствовавшія законоположенія были соотвѣтственны обычному праву въ тѣхъ случаяхъ, когда они регулировали установившіяся юридическія отношенія отдѣльныхъ единицъ одной къ другой и по всему государству измѣнялись въ своей сущности только при общенародномъ сознаніи новыхъ потребностей, а потому носили характеръ цѣльности, которая исключала всякую дробность правилъ, касавшихся одинаковыхъ и одноименныхъ обязанностей, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Когда однѣ колоніи китайцевъ получили господство надъ другими и когда въ составъ населенія имперіи были введены племена инородческія, имѣвшія свои, обычаемъ закрѣпленныя, нормы жизни, дѣйствующія законоположенія утратили характеръ единства, перестали быть общепримѣняемыми и сдѣлались настолько же разновидными, насколько являлись нетождественными отдѣльныя китайскія и инородческія общины. Въ древнемъ Китаѣ къ инородцамъ сѣвера (ди), востока (и), юга

(минь) и запада (жунь) не могли быть примѣняемы тѣ же законы, которыми регулировались взаимныя юридическія отношенія китайцевъ, жившихъ въ провинціяхъ Шань-си и Шень-си. Какое фактическое содержаніе имѣли раздѣльно дѣйствовавшіе законы и каковы были варіаціи обычнаго права, по недостаточности и условности историческихъ указаній, нельзя сказать съ точностью; но несомнѣнно, что нормы, регулировавшія жизнь населенія Китайской имперіи, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена Чжоуской династіи были неодинаковы.

Это можетъ до нѣкоторой степени выводиться изъ заключающихся въ Чжоу-ли постановленій. Подать и повинности простолюдиновъ первобытной колоніи китайцевъ, какъ обусловленныя ея борьбой за существованіе и ея стремленіемъ расширить предѣлы занимаемой территоріи и улучшить свой матеріальный бытъ, не могли имѣть опредѣленныхъ формъ и не ограничивались какими-либо размѣрами: съ каждой семьи или группы семей для общаго пользованія взималось то, что оказывалось потребнымъ по обстоятельствамъ внутренней жизни и внѣшнихъ отношеній народа. Когда одна колонія китайцевъ получила преобладаніе надъ другою и когда китайцамъ подчинились нѣкоторыя инородческія племена, установилось понятіе о правильной подати и дани: для удовлетворенія потребностей господствующихъ лицъ, для обезпеченія матеріальныхъ нуждъ чиновниковъ и для содержанія строеваго и гарнизоннаго войска. Первую должны были платить простолюдины китайцы, вторую (вѣроятно, въ неопредѣленныхъ размѣрахъ) инородцы не деньгами, а натурою: шкурами звѣрей, солью, свинцомъ, драгоцѣнными камнями, продуктами моря, сосновымъ деревомъ, шелкомъ, тонкими матеріями и проч. При дальнѣйшемъ, обусловленномъ смѣною династій, развитіи государственной жизни китайскаго народа подати и повинности простолюдиновъ опредѣлялись съ большею точностью и едва-ли можно сомнѣваться, что постановленія первыхъ Чжоускихъ государей относительно подати хлѣбомъ, повинности военной и другихъ личныхъ сервитутовъ имѣютъ фактическую достовѣрность, если не по своей формулировкѣ, то, по крайней мѣрѣ, по своей сущности.

Чжоускіе государи, явившіеся представителями Шэньской колоніи китайцевъ, положили конецъ династіи Шань, владѣвшей землями въ провинціяхъ Шаньси, Хэнань, Чжили и Шань-дунъ, распространили свою власть на многія территоріи нынѣшнихъ провинцій Чжили, Чжянъ-су, Чжэ-цзянъ, Ань-хой и Ху-бэй, раздѣлили имперію (фиктивно вводя въ составъ ея почти всѣхъ инородцевъ названныхъ провинцій) на девять областей и наградили удѣлами своихъ родственниковъ и сподвижниковъ. Государственный строй, обрисованный съ такими подробностями въ лѣтописи Чжоули, не могъ быть по своей сущности только фикціею позднѣйшихъ вѣковъ, а былъ, вѣроятно, самой дѣйствительностью, но неудержавшеюся на долгое время: об-

ласти имперіи съ ихъ номинально покоренным инородческимъ населеніемъ были слишкомъ велики для того, чтобы центральное правительство, все болѣе и болѣе терявшее свою силу, могло фактически простирать на нихъ его власть въ установленной системѣ администраціи; а удѣлы, сперва очень небольшіе по своему пространству, стали постепенно увеличиваться въ размѣрахъ: многія инородческія племена оказались опять вполнѣ самостоятельными, областное управленіе само собою пало и полуфиктивное единство имперіи уступило мѣсто удѣльной раздробленности. Въ періодъ времени отъ ближайшихъ преемниковъ Увана до начала Чунь-цю, характеризующемся расширеніемъ главныхъ удѣловъ и спорадическимъ образованіемъ второстепенныхъ, могутъ быть отмѣчены слѣдующія видоизмѣненія раньше выработанныхъ формъ государственной жизни. Вслѣдствіе громадности пространства, на которомъ среди инородческихъ племенъ оазисами раскинулся далеко немногочисленный китайскій народъ, императоры, не имѣвшіе возможности фактически пользоваться своими верховными правами (кромѣ права верховнаго жречества), мало-помалу упускали власть изъ своихъ рукъ и все болѣе и болѣе являлись только санкціонирующими дѣйствія удѣльныхъ князей, усиленіе которыхъ оказывалось прямо пропорціональнымъ развитію административной децентрализаціи. Князья удѣловъ, достигшихъ по силѣ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ первенствующаго значенія, фактически сдѣлались почти такими же (каждый въ своемъ мѣстѣ) верховными правителями, какъ и сами императоры, и утвердили въ своихъ владѣніяхъ систему администраціи подобную той, выработка которой, производившаяся въ періодъ смѣны династіи, окончательно завершилась при первыхъ государяхъ Чжоускаго дома (верховный совѣтъ, шесть министровъ, уѣздные правители). Хотя въ населеніи удѣловъ (въ особенности главныхъ) и можно было различить тѣ же, что и въ составѣ центра имперіи, категоріи общественныхъ положеній: князь-правитель и его родственники, вельможи, подъ которыми безъ особенной натяжки можно разумѣть и чиновниковъ всѣхъ ступеней іерархической лѣстницы; старшины родственныхъ семействъ; простолюдины и рабы; но оно заключало въ себѣ уже весьма большой процентъ покоренныхъ или добровольно присоединившихся инородцевъ, вслѣдствіе чего понятіе о дани само собою должно было переходить въ понятіе о правильной подати. Дѣйствовавшіе въ удѣлахъ законы въ силу согласуемости ихъ съ обычнымъ правомъ мѣстнаго населенія, получали все болѣе и болѣе сепаративный характеръ и утрачивали сходство съ тѣми законоположеніями, которыми регулировалась жизнь народа центральныхъ частей имперіи. Когда спорадическое размноженіе удѣловъ достигло своего кульминаціоннаго пункта, который могъ опредѣляться только внутренней жизнен-

ностью и количествомъ коренного китайскаго народа, начался обратный процессъ постепеннаго сліянія удѣловъ, завершившійся единодержавіемъ Цинь-ши-хуанъ-ди, государя огромной, строго-организованной имперіи. Въ теченіе Чунь-цю, т.-е. тѣхъ періодовъ времени, когда удѣлы слабѣйшіе поглощались сильнѣйшими (до окончательнаго объединенія всего древняго Китая), произошли слѣдующія перемѣны въ строѣ государственной и внутренне-политической жизни народа. Съ тѣхъ поръ, какъ Пин-ванъ, тѣснимый западными инородцами, перенесъ свою резиденцію изъ провинціи Шэньси въ провинцію Хэнань (въ 770 г. до Р. Х.), фактическая власть Чжоускихъ императоровъ стала умаляться быстрѣе прежняго. Это обусловливалось самымъ положеніемъ города Ло-яна и принадлежавшей непосредственно государямъ территоріи: она никогда не могла быть пространною, потому что со всѣхъ сторонъ ограничивалась удѣлами (Цзинь, Чжэнь, Чу, Цинь), князья которыхъ увеличивали свое могущество, подчиняя себѣ инородческія племена и захватывая ихъ земли. Ослабленіе Чжоускихъ государей шло прогрессивно по мѣрѣ роста удѣловъ Цзинь, Чу, Цинь и, наконецъ, династія Чжоу пала сама собою, безъ всякой потрясающей катастрофы (256—249 гг. до Р. Х.). Но если императоры Чжоускаго дома не были въ состояніи удерживать фактически въ своихъ рукахъ верховныя прерогативы, то во всякомъ случаѣ идеалъ державнаго царя не затемнялся въ сознаніи китайскаго народа: пока Чжоускіе государи являлись только санкціонирующими дѣйствія своихъ вассалловъ, фактическими правителями выступали бы (предводители князей), а впослѣдствіи, когда династія Чжоу утратила всякое значеніе, князья первостепенныхъ удѣловъ сами объявили себя ванами (царями, разница стала заключаться не въ содержаніи, а только въ объемѣ понятія ванъ). Чѣмъ болѣе усиливался Циньскій удѣлъ, тѣмъ рельефнѣе обнаруживалась идея верховнаго правителя, и единодержавіе Цинь-ши-хуанъ-ди было конечнымъ сближеніемъ объема и содержанія понятія ди (императоръ). Если удѣлы менѣе сильные могли поглощаться болѣе сильными только въ той постепенности, въ какой независимыя племена инородцевъ, занимавшихъ промежуточныя между удѣлами земли, прецендентно устраивали свою политическую самостоятельность, этнографическую обособленность, то при поглощеніи удѣловъ, во-первыхъ, само-собою становилось архаическимъ понятіе о военноплѣнныхъ рабахъ, и люди низводились въ рабство только за свои преступныя дѣйствія; во-вторыхъ, уничтожилась грань, отдѣлявшая простолюдина-китайца отъ простолюдина-инородца. Процессомъ этнографическаго сліянія вырабатывался такой тягловый человѣкъ, въ которомъ было столько же иноплеменнической, сколько и китайской крови. Лица привилегированныя (князья и вельможи) тѣхъ удѣловъ, которые теряли

свою политическую независимость, лишались пророжденныхъ титуловъ и прерогативъ и низводились князьями господствующихъ удѣловъ въ разрядъ простолюдиновъ.

Такимъ образомъ, число княжескихъ домовъ постепенно сокращалось, и въ эпоху Цинь-ши-хуанъ-діева объединенія имперіи только представители Вэйскаго дома (по особымъ обстоятельствамъ) сохраняли унаслѣдованный отъ предковъ титулъ: масса народа состояла уже изъ политически-равноправныхъ семействъ. По мѣрѣ сліянія китайцевъ съ иноплеменниками, обезличивавшаго типъ тягловаго человѣка, дань все болѣе и болѣе замѣнялась правильными податями и повинностями, и при началѣ Циньской династіи всѣ простолюдины Китайской имперіи были уже одинаково податными. Въ какой постепенности измѣнялись формы и размѣры податей, нельзя сказать утвердительно.

Относительно колодцевой системы обработки можно думать, что она была оставлена прежде всего въ удѣлѣ Лу въ 594 г. и земли были подѣлены между семействами съ обязательствомъ для пахарей платить правительству $^{2}/_{10}$ получаемаго съ полей хлѣба.

Въ Циньскомъ удѣлѣ подати были уравнены министромъ Вэй-яномъ, которому, вѣроятно, подражали и министры другихъ удѣловъ.

Первоначально въ удѣлахъ высшія административныя должности занимались, по большей части, лицами знатнаго происхожденія, и аристократическія фамиліи нерѣдко наслѣдственно удерживали въ своихъ рукахъ завѣдываніе тѣми или другими частями администраціи. Такой порядокъ вещей, вполнѣ естественный для первыхъ періодовъ исторіи обособившихся удѣловъ, сталъ казаться неудобнымъ въ тѣ времена, когда предводители князей, фактически являвшіеся замѣстителями государей, стремились придать, хотя наружное единство имперіи, и на сеймѣ въ Куй-цю (651 г. до Р. Х.), собравшемся подъ предсѣдательствомъ Цинскаго Хуаня, было, между прочимъ, постановлено, что чины не должны быть наслѣдственными и различныя административныя мѣста занимаемы однимъ лицомъ и что контингентъ чиновниковъ долженъ пополняться людьми, проявившими свои дарованія. Но насколько роль ба (предводителей князей) была временною въ исторіи древняго Китая, настолько же и законоположенія ихъ являлись неосуществимыми въ дѣйствительности, и при усиленіи удѣльныхъ князей, когда Чжоускіе государи фактически утратили свою власть, все еще продолжалось господство аристократическихъ фамилій. Положеніе дѣлъ измѣнило потребности самой жизни: чѣмъ болѣе роковою становилась междоусобная борьба удѣльныхъ князей, тѣмъ яснѣе обрисовывалась для нихъ необходимость имѣть при себѣ талантливыхъ помощниковъ и исполнителей ихъ воли,—аристократизмъ, по требованію обстоятельствъ жизни, долженъ былъ уступить мѣсто бюрократизму. Количествомъ способныхъ

администраторовъ въ удѣлѣ обусловливалось могущество послѣдняго, и въ виду этого князья стали привлекать къ себѣ на службу даровитыхъ чиновниковъ, какъ изъ покоряемыхъ удѣловъ, такъ и изъ удѣловъ независимыхъ. Чиновники часто переходили отъ одного князя къ другому. Если ваны Циньскаго дома могли достигать первенствующаго значенія въ имперіи, то это, между прочимъ, потому, что они придавали талантливости служилыхъ лицъ большую цѣну, нежели родовитости, и охотнѣе другихъ вановъ поручали высшія должности способнымъ чужестранцамъ. Могъ ли послѣ того Цинь-ши-хуанъ-ди, объединитель имперіи, измѣнить принципу, проведенію котораго въ жизнь онъ былъ обязанъ своимъ могуществомъ; формы административнаго строя въ періодъ поглощенія удѣловъ при варіаціи частностей въ коренномъ своемъ существѣ (князь или ванъ, верховный совѣтъ, шесть министерствъ, областное и уѣздное управленіе) оставались прежними. Въ тотъ періодъ времени, когда удѣлы спорадически образовались въ средѣ инородцевъ и еще не занимали большихъ пространствъ, на области и уѣзды могли дѣлиться только императорскія владѣнія. По мѣрѣ того, какъ происходило сліяніе удѣловъ, оказывалась нужною административно-географическая группировка земель и внѣ центра имперіи. Присоединяемыя къ тому или другому удѣлу территоріи получали названіе уѣздовъ (сянь), а изъ этихъ послѣднихъ составлялись области (цзюнъ). Такое административное подраздѣленіе земель было прямымъ результатомъ расширенія удѣловъ, поглощавшихъ удѣлы менѣе сильные и раздвигавшихся на счетъ занимаемыхъ инородцами территорій. Если вспомнить, что и до объединенія имперіи въ первостепенныхъ удѣлахъ было много областей съ тѣми названіями, которыя встрѣчаются въ таблицѣ Цинь-ши-хуанъ-діевыхъ 36, то будетъ ясно, что установляя (въ 221 г.) административно-географическія группы (36 областей, подраздѣляемыхъ на уѣзды), единодержавный государь только заканчивалъ ту систему, которая вырабатывалась до него въ исторической постепенности по частямъ и въ разныхъ мѣстахъ.

Дѣйствовавшіе въ удѣлахъ законы отличались характеромъ обособленности въ силу ихъ согласуемости съ обычнымъ правомъ мѣстнаго населенія, и сліяніе удѣловъ становилось возможнымъ только при устраненіи этнографическаго различія между китайцами и инородцами (т.-е., при сведеніи къ единству установленныхъ обычаемъ нормъ жизни); но чѣмъ болѣе удѣловъ соединялось въ одну группу, тѣмъ большій районъ примѣняемости должны были имѣть законоположенія, санкціонированныя властью господствующаго князя.

Когда число удѣловъ сократилось путемъ поглощенія одних другими до 12 (Цинь, Чу, Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци, Юэ, Сунь, Чжэнъ, Лу, Сѣ) и когда стимулъ для междоусобной борьбы удѣльныхъ кня-

зей сталъ заключаться въ ихъ желаніи не только сохранить свою независимость, но и получить въ свои руки верховную власть, на арену исторической дѣятельности выступили, такъ-называемые, юшо-чжи-ши, которые, дѣйствуя въ различныхъ удѣлахъ, старались всѣми способами увеличивать могущество князей, имъ довѣрявшихся, и совершенствовали системы законовъ, регулировавшихъ жизнь подвѣдомственнаго населенія. Хотя каждый изъ юшо-чжи-ши стремился осуществить въ дѣйствительности только то, что самъ считалъ истиннымъ и полезнымъ; но необходимо замѣтить, что всѣ они, оставаясь людьми утилитарной практики, объединялись политико-философскою доктриною и въ своихъ мѣропріятіяхъ чужды были всякаго принципіальнаго сепаратизма: юшо-чжи-ши служили единой идеѣ, и сепаратизмъ могъ заключаться только въ силѣ жизненнаго воплощенія этой идеи. Такъ какъ ваны Циньскаго дома болѣе своихъ соперниковъ пользовались совѣтами пропагаторовъ политико-философской доктрины, то и Циньскіе законы получили такую основательность и жизненность, что оказались удобопримѣняемыми ко всей объединенной имперіи. Цинь-ши-хуанъ-ди явился завершителемъ того государственнаго строя, который постепенно вырабатывался въ періодъ поглощенія удѣловъ. Въ 221 г. до Р. Х. мы видимъ громадную имперію, которая раздѣлена на 36 областей, подраздѣлявшихся на уѣзды; въ этой имперіи есть единодержавный царь, — многочисленный штатъ обязанныхъ своимъ положеніемъ личнымъ способностямъ чиновниковъ, — масса семействъ равноправныхъ тягловыхъ простолюдиновъ, — низведенные за свои преступныя дѣянія до степени рабовъ люди; въ ней дѣйствуетъ единая, общепримѣняемая система законовъ. Такимъ образомъ, при Цинь-ши-хуанъ-ди этнографическое и матеріально-культурное единство Китайской имперіи восполнялось единствомъ государственнаго строя и формъ внутренне-политической жизни народа.

Итакъ, въ древнѣйшемъ первоначальномъ періодѣ своей исторіи китайскій народъ развивался такъ же органически, какъ и другія націи, прошелъ во многомъ сходныя съ ними фазы развитія и выработалъ сходныя функціи государственной жизни. Словомъ, въ цивилизаціи его выразились тогда общеисторическіе законы развитія народной жизни. Съ ростомъ государственнаго организма, развитіемъ политической жизни и матеріальной культуры развивались, какъ это всегда бываетъ, и интеллектуальныя силы народа, — его идеальная культура. Этому послѣднему обстоятельству особенно благопріятствовала пора децентрализаціи верховной власти, когда въ Китаѣ было нѣсколько почти равносильныхъ правителей, боровшихся за преобладаніе, — удѣльныхъ князей. Въ междоусобной войнѣ имъ приходилось, главнымъ образомъ, стремиться увеличивать свое могущество черезъ повышеніе уровня цивилизаціи принадлежащихъ каждому вла-

дѣній: князья покровительствовали земледѣлію, торговлѣ, промышленности въ своихъ удѣлахъ и тѣмъ привлекали къ этимъ центрамъ многочисленное населеніе, которое стало въ то время быстро увеличиваться въ размѣрахъ. Они также заботились и о привлеченіи интеллектуальныхъ силъ къ своимъ дворамъ, выбирая талантливыхъ помощниковъ въ управленіи. Удѣльные владѣльцы съѣзжались на сеймы, гдѣ обмѣнивались идеями. Тамъ были изданы замѣчательныя постановленія. Вотъ къ какимъ рѣшеніямъ пришли на одномъ изъ такихъ сеймовъ: казнить непочтительныхъ къ родителямъ, не перемѣнять назначенныхъ наслѣдниками сыновей, не дѣлать наложницы женой, уважать достойныхъ, поддерживать таланты для прославленія добродѣтели, почитать старыхъ, любить малыхъ, не забывать путешествующихъ и странствующихъ; чины не должны быть наслѣдственны, должности не должно соединять въ одномъ лицѣ; выбирать чиновника непремѣнно годнаго, не казнить исключительно (т.-е. безъ суда) вельможъ; не дѣлать вредныхъ запрудъ, не останавливать вывоза хлѣба, не возводить въ званіе безъ объявленія (тутъ разумѣлись княжескія званія, въ которыхъ могъ утверждать одинъ императоръ). Китайскій народъ начиналъ все сознательнѣе относиться къ политическимъ вопросамъ его жизни: въ лицѣ княжескихъ помощниковъ,—юшо-чжи-ши, появились въ Китаѣ великіе тактики и еще болѣе великіе дипломаты: «Трехдюймовый язычокъ, говорили тогда, стоитъ стотысячной арміи». Дипломаты переходили съ мѣста на мѣсто, часто прикидывались врагами того удѣла или царства, въ пользу котораго хотѣли дѣйствовать; составляли союзы, усыпляли тѣхъ, чей голосъ и сила могли заразъ покончить столкновенія. Вслѣдъ за тактиками и дипломатами появились, такъ называемые, философы: одни совѣтовали ввести строгій порядокъ, устроить государство на правильныхъ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ; другіе прибѣгали къ планамъ экономическимъ, къ средствамъ обогатить народъ; толковали о томъ, какъ возвысить земледѣліе и промышленность, которая достигала уже тогда высокой степени совершенства. Этому обстоятельству способствовало и все усиливающееся въ высшемъ классѣ стремленіе къ роскоши: князья жили въ то время въ великолѣпныхъ дворцахъ, украшали свои экипажи драгоцѣнными каменьями, носили одежды изъ затканныхъ золотомъ матерій, часто устраивали лукулловскіе обѣды и попойки. Народъ могъ все это приготовлять для нихъ, потому что отличался тогда необыкновеннымъ трудолюбіемъ и напряженной энергіей въ дѣятельности. Въ китайцахъ замѣтенъ въ ту пору необыкновенный подъемъ духа (вѣроятно, вслѣдствіе постоянной готовности къ борьбѣ), какъ бы пробужденіе ихъ національнаго генія, проявляющагося во многихъ сферахъ, — тогда обогатилась народная поэзія, создались идеалы государственнаго устройства, наконецъ, появилась и философія въ религіозной

формѣ, потому что иная была еще недоступна китайскому народу по общему уровню его тогдашней цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ выступаютъ на сцену даосизмъ и столь многозначительное, можно даже сказать, роковое для китайцевъ, конфуціанство.—Но эта въ высшей степени оживленная, плодотворная, многообѣщающая пора китайской жизни была временемъ смутъ и произвола. Въ политикѣ чувствовалась потребность объединенія, единой сильной верховной власти, потому что всякое удѣльное владѣніе не только стремилось къ преобладанію, но и старалось поработить другія; свободно развивающаяся философская мысль подрывала традиціонныя основы жизни китайской семьи, тѣсно соединенныя съ древней религіею; съ другой стороны еще сохранялась первобытная грубость нравовъ вошедшихъ въ составъ китайскаго народа иноплеменниковъ; нравственная распущенность стала преобладающей чертой народа, но больше всего разоряли и угнетали его непрерывныя междоусобныя войны. Въ китайскихъ пѣсняхъ того времени выражается народный ропотъ на безпрестанные походы и тяжелыя работы на укрѣпленіяхъ: «Жалкіе, жалкіе наши воины! Только вы развѣ не люди? Вѣдь вы не туры и не тигры, зачѣмъ же вамъ рыскать по степи! Отчего и утромъ и вечеромъ нѣтъ вамъ покоя? — Длиннохвостая лисица бѣгаетъ по густой травѣ, военныя колесницы тянутся по большой дорогѣ!»

Смуты и неурядицы въ политической жизни Китая возникли еще при послѣднемъ государѣ Шаньской династіи, по имени Чжоу-синь; онъ является въ китайскихъ преданіяхъ жестокимъ тираномъ, а жена его, по справедливости, можетъ быть названа Мессалиною. Не взирая на благоразумные совѣты благонамѣренныхъ вельможъ, Чжоусинь не измѣнялъ своего дурного поведенія и переполнилъ, наконецъ, мѣру народнаго терпѣнія. Сочувствіе націи склонилось на сторону Чжоускаго князя Вэнь-вана, и этотъ послѣдній благословилъ своего сына Увана на открытую борьбу съ законнымъ, но недостойнымъ правителемъ.

Разбитый Уваномъ въ равнинѣ Муѣ, Чжоу-синь бѣжалъ въ столицу, заперся, въ такъ называемой, оленьей башнѣ и сжегъ себя тамъ; а свободный престолъ достался побѣдителю, который въ 1122 году до Р. Х., при полномъ сочувствіи народа, положилъ основаніе Чжоуской династіи. Какъ самъ Уванъ, такъ еще болѣе отецъ его Вэнь-ванъ и братъ Чжоу-гунь представляются въ глазахъ потомства высокими образцами добродѣтели: они дали спокойствіе мучимому народу, повысили его матеріальное благосостояніе, просвѣтили его нравственными наставленіями. Сдѣлавшись самодержавнымъ правителемъ, Уванъ не измѣнилъ исконной традиціи и роздалъ своимъ родственникамъ, сподвижникамъ, равно какъ и потомкамъ прежнихъ династій, до 22 удѣловъ. Эти удѣльные владѣтели при первыхъ императорахъ Чжоускаго дома не выходили изъ рамокъ своего завѣды-

ванія; но обстоятельства стали измѣняться, когда съ одной стороны потомки Вэнь-вана утратили доблести ихъ великаго прародителя, а съ другой кочевники начали чаще и чаще тревожить Китай своими набѣгами. Не находясь на высотѣ ихъ положенія, императоры упускали изъ собственныхъ рукъ фактическую власть и давали удѣльнымъ князьямъ возможность не только быть самостоятельными въ своихъ владѣніяхъ, но и распространять послѣднія на счетъ менѣе сильныхъ сосѣдей. Руководимые честолюбіемъ и властолюбіемъ, князья начали враждовать между собою,—удѣлы то увеличивались, то уменьшались и дробились, то падали, то снова возникали, а императоры, потерявшіе фактическую силу и сохранившіе, главнымъ образомъ, только свои религіозныя прерогативы, были, по большей части, пассивными свидѣтелями совершавшихся передъ ихъ глазами междоусобій. Мелкіе князья постепенно должны были уступить свои земли болѣе сильнымъ, и въ періодъ времени отъ 723—481 г. до Р. Х. мы видимъ Китай уже въ вѣдѣніи 15 домовъ (Чжоу, Лу, Вэй, Ци, Цзинь, Сунь, Чжэнъ, Чэнь, Цай, Сюй, Цао, Цинь, Чу, У и Юэ). Эти дома, конечно, не довольствовались пріобрѣтеннымъ могуществомъ и, простирая виды на обладаніе престоломъ и всѣмъ Китаемъ, еще съ большею энергіей продолжали междоусобныя войны. Онѣ, несомнѣнно, должны были отражаться тяжело на положеніи народа, который во множествѣ погибалъ на поляхъ сраженій, бѣдствовалъ матерьяльно отъ всякаго рода насилій и разореній, въ немъ разнуздывались дурные инстинкты человѣческой природы. Но хуже всего этого была другая сторона дѣла: исконною и для простолюдиновъ единственною религіею было поклоненіе усопшимъ предкамъ, вытекавшее естественнымъ образомъ изъ воззрѣній древняго человѣка на сущность души и сопряженное съ исполненіемъ извѣстнаго рода обязательствъ. Чтобы пользоваться покровительствомъ своего усопшаго родителя, чтобы не навлечь на себя его карающаго гнѣва, сынъ долженъ былъ прежде всего знать, гдѣ покоится его родитель, и приносить ему въ жертву саморучно убитыхъ звѣрей, хлѣбныя зерна съ саморучно обработаннаго поля, саморучно сотканныя матеріи и т. п. Все это требовало, какъ прочной осѣдлости, такъ и достаточныхъ гарантій владѣнія земельной собственностью. Но когда, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, человѣкъ не могъ ручаться за цѣлость ни своей жизни, ни своего имущества, когда онъ по необходимости очень часто долженъ былъ манкировать исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, то отъ этого самаго привыкалъ къ религіозному индифферентизму. Кромѣ того, культъ предковъ въ тѣ времена испытывалъ уже на себѣ подавляющее вліяніе развивавшагося многобожія, вѣроятно, главнымъ образомъ, подъ дѣйствіемъ ассимиляціи китайцевъ съ инородцами, а древнему принципу жизни грозила опасность со стороны отрицательнаго философскаго мышленія. Такимъ

образомъ, тогда гибли люди, исчезало священное право собственности, развращалась нація, погибала основная религія! Къ этой-то печальной эпохѣ исторія и пріурочиваетъ дѣятельность Конфуція. Свойственный родовому быту культъ предковъ всегда имѣетъ очень большое вліяніе на бытъ того народа, гдѣ онъ достигалъ большаго развитія. Въ Китаѣ культъ этотъ регулировалъ жизнь индивидуума, семьи и рода, сдерживалъ эгоизмъ людей, содѣйствовалъ увеличенію ихъ экономическаго благосостоянія, требовалъ разумнаго педагогическаго отношенія къ подростающимъ поколѣніямъ. Въ древности родовые старшины составляли сеймы для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся всѣхъ одноплеменниковъ, выбирали императоровъ, которые получали власть въ храмѣ своихъ предковъ при жертвенникахъ Небу; старшины, какъ посредники между народомъ и верховнымъ Шанди (императоромъ), дѣлались цензорами гражданъ. Понятно, что результатомъ ослабленія вліянія въ жизни такой религіи явилась распущенность нравовъ въ то время: велись братоубійственныя войны, существовали постоянныя интриги, безсовѣстное коварство, подлыя измѣны, политика отличалась безнравственностью, дѣти бунтовали противъ отцовъ, поведеніе даже княжескихъ женъ не было безукоризненно, корыстолюбіе и честолюбіе не знали предѣловъ. Этому-то направленію и явилась реакція въ лицѣ великаго реформатора нравовъ, философа-консерватора Конфуція.

«Что такое Конфуцій, передъ которымъ, какъ передъ идеаломъ высшей мудрости, преклоняется 400-милліонная нація? Почему императоры Китая не считали для себя унизительнымъ падать на колѣни передъ могилою этого удивительнаго человѣка? (При торжественныхъ жертвоприношеніяхъ Конфуцію, совершаемыхъ ежегодно въ средніе мѣсяцы весны и осени въ императорской коллегіи, китайскій императоръ дважды падаетъ на колѣни и, шесть разъ преклоняя голову къ землѣ, призываетъ духъ Конфуція слѣдующими словами: «Великъ ты, о совершенный святой! Твоя добродѣтель полна, твое ученіе закончено! Между смертными людьми не было тебѣ подобнаго! Всѣ государи чтутъ тебя. Твои уставы и законоположенія сохранились до насъ во всей ихъ славѣ. Ты являешься образцомъ въ этой императорской школѣ! и проч.). Почему направленіе этого философа сдѣлалось какъ бы девизомъ жизни Небесной имперіи? Почему въ храмахъ, посвященныхъ Конфуцію, чествуются души тѣхъ, которые при жизни отличались благочестіемъ?» говоритъ Г. Георгіевскій *).

Конфуцій родился въ 551 г. до Р. Х. Рано потерявъ отца, онъ до 7-лѣтняго возраста находился на попеченіи матери. Прежде всего Конфуцій восхваляется, какъ образцовый и не по годамъ серьезный ребенокъ. Безгранично покорный и послушный сынъ, онъ питалъ глубокое уваженіе ко всѣмъ людямъ старше его, и никогда не упу-

*) Георгіевскій. „Принципы жизни Китая“.

скалъ случая почтить всякаго, встрѣтившагося ему старика. 7 лѣтъ Конфуцій былъ отданъ въ школу, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ. Онъ не предавался тамъ дѣтскимъ забавамъ со своими сверстниками и свободное время посвящалъ особаго рода занятіямъ: раскладывалъ на какомъ-либо возвышеніи попадавшіеся подъ руку предметы и старался исполнять съ товарищами все то, что по ритуалу должно было совершаться при чествованіи душъ усопшихъ предковъ. Затѣмъ Конфуцій является примѣрнымъ ученикомъ школы: отличаясь прилежаніемъ и прекраснымъ поведеніемъ, онъ не только очень скоро опередилъ другихъ учениковъ, но и сдѣлался ихъ репетиторомъ. На двадцатомъ году Конфуцій получилъ должность надсмотрщика за продажею зернового хлѣба и разныхъ другихъ продуктовъ въ своемъ родномъ удѣлѣ Лу. Въ зрѣломъ возрастѣ философъ выступаетъ въ качествѣ примѣрнаго сына и ревнителя древнихъ священныхъ обычаевъ,—онъ съ большимъ почетомъ похоронилъ свою мать: «жизнію нашей, говорилъ Конфуцій, мы одинаково обязаны отцу и матери, слѣдовательно, и почести должны воздавать имъ одинаковыя; тѣ, которые были связаны узами при жизни, не должны быть разлучаемы по смерти!» Совершивъ погребеніе, философъ, согласно древнимъ предписаніямъ, наложилъ на себя глубокій трауръ, требованія котораго исполнялъ 3 года. На 22 году Конфуцій былъ повышенъ въ званіе генералъ-инспектора земледѣлія и скотоводства. Съ 27 до 50-лѣтняго возраста философъ занимался то литературными трудами, то проповѣдью, для распространенія которой предпринималъ путешествія. Въ 500 г. Конфуцій получилъ должность начальника Лускаго города Чжунду, а въ слѣдующемъ затѣмъ году—въ томъ же удѣлѣ должность товарища министра.—Какъ чиновникъ, онъ надѣляется всѣми лучшими качествами администратора: благоразуміемъ и благонамѣренностью, ревностью и неутомимостью; мягкостью и въ то же время строгой энергіей. Когда онъ сдѣлался градоначальникомъ, то первой заботой Конфуція было снискать расположеніе массы. Благодѣтельствуя народу, философъ часто вступалъ съ нимъ въ разговоры, старался приравниваться къ народному пониманію, подавалъ ему совѣты и незамѣтно внушалъ мысль о необходимости того, что заранѣе рѣшился привести въ исполненіе, и только вслѣдъ за такой подготовкой, когда находилъ уже, что достаточно убѣдилъ въ пользѣ какого-либо нововведенія, онъ отдавалъ приказаніе и настойчиво требовалъ его исполненія. Послѣ трехъ мѣсяцевъ такой дѣятельности правитель увидѣлъ, что положеніе дѣлъ существенно измѣнилось: миръ сталъ царствовать въ семьяхъ, добрыя отношенія утвердились между гражданами, на честности основалась торговля, трудолюбіе сдѣлалось девизомъ ремесленниковъ.—Вотъ примѣръ строгой энергіи въ управленіи Конфуція: одинъ продавецъ мяса, имѣя въ рукахъ значительный капиталъ, мало-по-малу скупилъ въ окрестностяхъ своего города не только весь скотъ, но даже и выгонные луга и сдѣлался тамъ мо-

нополистомъ мясной торговли. Хотя масса населенія питалась, большею частію, растительной пищею, но даже самые бѣдные люди три или четыре раза въ годъ должны были покупать у него мясо для домашнихъ пиршествъ, имѣвшихъ религіозное значеніе, и по необходимости переплачивали монополисту противъ справедливой стоимости товара. Когда Конфуцій, бывшій тогда градоначальникомъ, узналъ о такомъ поведеніи эксплуататора, то онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ слѣдующее: «Я узналъ, что вы одинъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ города; я желалъ бы, чтобы ваши богатства были плодомъ вашего труда и честной промышленности,—тогда я порадовался бы вмѣстѣ съ вами и содѣйствовалъ бы увеличенію вашихъ средствъ, указавъ то, къ чему вы могли бы приложить свои дарованія. Но, къ несчастію, состояніемъ, которымъ судьба дала вамъ пользоваться, вы обязаны монополіи и за нее должны быть наказаны. Я васъ прощаю, но только подъ тѣмъ условіемъ, что вы исправитесь и возвратите обществу то, что у него похитили. Способъ, которымъ должно быть приведено въ исполненіе мое рѣшеніе, охранитъ вашу честь: изъ своихъ богатствъ оставьте у себя необходимое для прожитія въ честномъ довольствѣ, а остатокъ отдайте мнѣ въ мое распоряженіе на нужды государства. Не пытайтесь оправдываться, тѣмъ болѣе склонить меня къ измѣненію рѣшенія или обмануть меня. Я даю вамъ нѣсколько дней на соображеніе, обдумайте серьезно и не поступите легкомысленно! Я ничего не имѣю болѣе сказать вамъ, ступайте!» Монополистъ исполнилъ въ точности рѣшеніе Конфуція..— Получая должность начальника суда, Конфуцій въ слѣдующихъ словахъ выражалъ передъ Лускимъ княземъ свои ближайшія намѣренія: «Будьте увѣрены, что вы не имѣете подданнаго, болѣе вѣрнаго и болѣе преданнаго вашей службѣ, нежели я,—ищу только случая доказать это. Я приложу всѣ заботы, чтобы сдѣлаться достойнымъ вашей доброты ко мнѣ и довѣрія, которое вы мнѣ оказываете. Но я долженъ предупредить васъ, что начну свою новую службу процессомъ самымъ громкимъ, хотя въ то же время самымъ необходимымъ для вашего княжества. Одинъ изъ первыхъ придворныхъ оказывается виновнымъ во множествѣ преступленій, изъ которыхъ и одного было бы достаточно, чтобы осудить его на безславную потерю жизни. Чудовище, о которомъ я говорю, самый богатый, самый довѣренный изъ вашихъ вельможъ. Это Шао-гэнъ-мао. Нужно, чтобы онъ умеръ и чтобы казнь его устрашила злонамѣренныхъ людей! Если вы позволите ему жить, народъ все будетъ стонать подъ бременемъ тираніи, и вы не избѣгнете того, что вашъ тронъ будетъ потрясенъ. Онъ, онъ, вѣроломный человѣкъ, главный виновникъ всѣхъ бѣдствій, которыя постигали доселѣ Луское княжество: онъ раздувалъ пламя раздоровъ, онъ поджигалъ, онъ употреблялъ всѣ средства къ возбужденію мятежнаго духа. Нужно, чтобы этотъ человѣкъ погибъ. Не противь-

тесь, если всѣ его преступленія доказаны такимъ образомъ, что онъ самъ долженъ сознаться въ нихъ!» Заручившись согласіемъ князя, Конфуцій предалъ вельможу суду, и черезъ нѣсколько дней голова виновника была публично отрублена.—Спустя два года послѣ этого онъ оставилъ службу и до 56 лѣтъ путешествовалъ по Китаю, проповѣдуя свое ученіе. Какъ частный человѣкъ, Конфуцій обладалъ всѣми качествами, необходимыми для снисканія полнаго уваженія со стороны окружающихъ. Вотъ какъ рисуется онъ съ этой стороны въ Луньюѣ. «Философъ былъ совершенно свободенъ отъ четырехъ недостатковъ,—самолюбія, предвзятости, упрямства и эгоизма», говорится тамъ. Конфуцій, когда еще жилъ въ своемъ родномъ мѣстечкѣ, былъ человѣкомъ чрезвычайно искреннимъ и прямымъ, но при этомъ такимъ скромнымъ, что казался лишеннымъ способности говорить. Когда онъ встрѣчалъ на дорогѣ кого-либо въ траурномъ платьѣ, Конфуцій слѣзалъ съ телѣги и привѣтствовалъ его; такъ же поступалъ онъ при встрѣчѣ съ людьми, несшими таблички, на которыхъ были написаны имена гражданъ-чиновниковъ. Когда умиралъ кто-либо изъ Конфуціевыхъ друзей и не было человѣка, могшаго воздать ему погребальныя почести (погребеніе при культѣ предковъ очень важно), философъ говорилъ: «я беру на себя озаботиться его похоронами».—Величіе своихъ нравственныхъ качествъ Конфуцій соединялъ съ глубокой ученостью: основательно усвоивъ весь кругъ тогдашнихъ наукъ, онъ посвятилъ свои силы собиранію и обработкѣ всего того, что сохранилось до его времени отъ древности. Такимъ образомъ, Конфуцій, редактировалъ И-цзинъ (книгу перемѣнъ) Лиц-зци (замѣтки объ обрядахъ) и Шуц-зцинъ (книгу древней исторіи). Редактированіе заключалось въ томъ, что Конфуцій выбрасывалъ все, по его мнѣнію, лишнее и ненужное; а съ другой стороны дѣлалъ замѣчанія на все, что могло казаться темнымъ или быть истолковано превратно. (Китайскій философъ ввелъ нравственную оцѣнку историческихъ фактовъ, употребляя извѣстныя слова; напримѣръ, объ одномъ онъ говоритъ околѣлъ, объ другомъ скончался, о третьемъ умеръ; различаетъ слова: убѣжалъ, удалился, былъ прогнанъ; одного называетъ въ униженіе по имени, другого чествуетъ титуломъ. Этотъ историческій языкъ положенъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ исторій, онъ страшенъ для китайцевъ, какъ посмертный судъ). Будучи преклоннымъ уже старцемъ, Конфуцій выступилъ самостоятельнымъ авторомъ и написалъ знаменитую Чунь-цю, лѣтопись удѣльныхъ княжествъ Китая за періодъ времени отъ 721 до 480 г. до Р. Х. Слава Конфуція, какъ основательнаго знатока древности, была очень громка и распространена въ Китаѣ: къ нему обращались всякій разъ, когда требовалось разъяснить смыслъ того или другого древняго учрежденія или обряда; Конфуцій всегда давалъ отвѣты, вполнѣ удовлетворяющіе его современниковъ.—Но всего важнѣе значеніе его, какъ реформатора

нравовъ и философа: онъ не могъ не понимать всего зла, которое причиняли Китаю междоусобныя войны удѣльныхъ князей и потеря императорами фактической силы въ управленіи страной. «Когда имперія», говоритъ философъ, «находится на правильномъ пути, то обрядами, музыкою, войною заправляетъ сынъ неба. Когда имперія сбивается съ пути, то обрядами, музыкою и войною заправляютъ удѣльные князья. Но рѣдко бываетъ, чтобы черезъ 10 поколѣній эти послѣдніе не потеряли своихъ незаконно присвоенныхъ прерогативъ, которыя переходятъ тогда въ руки бояръ; въ свою очередь, не далѣе, какъ черезъ 5 поколѣній, завѣдываніе обрядами, музыкою и войною обыкновенно переходитъ въ руки боярскихъ чиновниковъ, которые лишаются завѣдыванія уже не далѣе, какъ черезъ 3 поколѣнія. Если имперія находится на правильномъ пути, то простолюдины не дѣлаются совѣтниками управленія». Но именно при жизни-то Конфуція имперія и теряла свои древніе основные принципы. «Недостатокъ почтенія къ усопшимъ, замѣчаетъ китайская исторія, былъ однимъ изъ результатовъ развращенности вѣка. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ удѣльные князья стряхнули съ себя иго покорности, нравы имперіи, вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, настолько испортились, что никто не чувствовалъ никакого стыда и къ злоупотребленіямъ самымъ чудовищнымъ было полнѣйшее равнодушіе въ народѣ».

Обычай оставлять усопшихъ почти на произволъ судьбы сталъ утверждаться въ массѣ, и это обыкновеніе не искоренялось императорами; а правительствомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже поощрялось. (Значитъ, Китай былъ тогда близокъ къ новой высшей фазѣ развитія въ его цивилизаціи, которая должна была выразиться въ смѣнѣ основныхъ принциповъ жизни). Насколько Конфуцій горячо принималъ къ сердцу бѣдствія своего отечества и какъ глубоко понималъ ихъ причины, видно изъ слѣдующаго разсказа: «У меня, говорилъ онъ однажды тремъ ученикамъ своимъ, нѣтъ собственнаго горя: что меня тревожитъ, и васъ должно тревожить, что меня поражаетъ, и васъ должно поражать. Глядя съ вершины горы (говоря это, Конфуцій стоялъ на горѣ) на четыре стороны свѣта, я представлялъ въ воображеніи окружающій насъ народъ, который самъ себѣ строитъ засаду, самъ себѣ вредитъ, самъ себя губитъ взаимными раздорами; народъ, который готовъ обрушиться и на насъ, чтобы погубить насъ. Развѣ этого недостаточно, чтобы возбудить скорбь? Печально не имѣть силы ни уврачевать существующее зло, ни отвратить будущія бѣдствія! Поищемъ вмѣстѣ средствъ для исцѣленія этого зла!» Тогда ученики Конфуція стали поочереди высказывать ему по такому поводу свои мнѣнія; изъ нихъ важнѣе всѣхъ—принадлежащее послѣднему. «Я желалъ бы быть, сказалъ онъ, только подданнымъ государя (два первые хотѣли быть царями для уврачеванія зла), но такого, который, будучи добродѣтельнымъ

и просвѣщеннымъ, пользовался бы моими слабыми талантами для хорошаго управленія страной. Самое благовонное растеніе и самое зловонное не могутъ расти на одномъ полѣ: императоры Яо и Цзѣ, живя даже въ одно время, не могли бы вмѣстѣ управлять имперіею. Для начала удалимъ отъ насъ льстецовъ и людей порочныхъ и замѣнимъ ихъ людьми искренними и добродѣтельными, поручимъ этимъ послѣднимъ наставлять народъ, лично или черезъ уполномоченныхъ агентовъ, и пріучать его къ выполненію пяти главныхъ обязанностей,—человѣколюбія, справедливости, обрядовъ, прямоты и вѣрности. Обставивъ такъ дѣло управленія, намъ нечего будетъ бояться непріятелей, намъ не понадобятся готовыя войска, не нужно будетъ укрѣплять городовъ стѣнами и рвами. Эти послѣдніе будутъ мѣстомъ посѣва, матерьялъ укрѣпленій будетъ служить для постройки зданій на пользу гражданъ, оружіе пойдетъ на земледѣльческіе инструменты. Такъ-какъ тогда военное искусство и храбрость будутъ намъ не нужны, то не нужно будетъ думать и о военныхъ подвигахъ, а строже исполнять требованія гражданскаго долга. Тогда не представится необходимости искуственно убѣждать людей дѣлать добро и избѣгать зла, потому что всѣ будутъ знать чего держаться. Всего лучше убѣждать людей не краснорѣчіемъ, а собственнымъ примѣромъ». «Ты мудрецъ», замѣтилъ этому ученику философъ и въ заключеніе прибавилъ: «Если бы то, что вы сейчасъ услышали, могло имѣть мѣсто, то люди возвратили бы себѣ утраченное благоденствіе и упрочили бы свое счастіе на будущее время, не проливая ни одной капли крови, не тратя своего имущества, не вредя имуществу ближнихъ, не теряя времени въ тонкихъ переговорахъ». Такимъ образомъ, мы видимъ, что Конфуцій вполнѣ понималъ тѣ коренныя причины, которыя, выражаясь очевидными послѣдствіями, такъ тяжело отражались на его родинѣ. Не то было важно, что нація бѣднѣла въ отношеніи матерьяльномъ, экономическомъ, что разоренные и опустошенные удѣлы то-и-дѣло переходили изъ рукъ въ руки: важнѣе то, что она теряла свои жизненные принципы, и утрачивая старые, не успѣла еще выработать никакихъ новыхъ; важно было то, что вслѣдствіе этого распадалась семья, разлагалось общество, казалось погибающимъ государство. Къ выясненію и утвержденію коренныхъ-то основъ человѣческой нравственности и считалъ себя призваннымъ Конфуцій. Этотъ-то предметъ и былъ исходнымъ пунктомъ его многолѣтней проповѣди и ученія. «Исторія уже давно потеряла свой путь, и небо дѣлаетъ философа колоколомъ», выражались о Конфуціи его современники. «Я, говорилъ Конфуцій, проводилъ цѣлые дни безъ пищи и цѣлыя ночи безъ сна, все предаваясь размышленіямъ, и не было пользы: занятіе изученіемъ лучше, я не родился съ готовыми знаніями, а только любилъ древнихъ и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы усвоить ихъ мудрость. Я ком-

ментирую, объясняю древнія произведенія, но не составляю новыхъ трудовъ,—я вѣрю древнимъ и люблю ихъ». «Мое ученіе, продолжаетъ философъ, есть то, которому всѣ люди должны слѣдовать, это— ученіе Яо и Шуня. Мой способъ учить очень простъ: я привожу примѣры поведенія древнихъ, рекомендую чтеніе Цзиновъ и требую, чтобы мои ученики привыкали размышлять о вычитанныхъ изъ Цзиновъ наставленіяхъ». «Я требую, говоритъ Конфуцій въ другомъ мѣстѣ, только того, чего должно требовать отъ людей. Мое ученіе— старое ученіе, я ничего не прибавилъ къ нему, ничего не убавилъ отъ него, но передаю его въ первоначальной чистотѣ. Оно неизмѣнно, какъ само небо; я уподобляюсь только земледѣльцу, который кладетъ зерна въ землю и поливаетъ ее, но не имѣетъ силы заставить посѣвъ пустить ростки и принять формы растенія иного рода». Конфуцій прежде всего считалъ себя человѣкомъ, основательно усвоившимъ мудрость древнихъ; въ качествѣ хранителя, толкователя и учителя этой мудрости онъ и хотѣлъ являться въ глазахъ современниковъ. Онъ желалъ быть среди соотечественниковъ основателемъ и утвердителемъ завѣтовъ старины, пришедшихъ въ забвеніе, или, по крайней мѣрѣ, утратившихъ свой внутренній смыслъ въ практическомъ примѣненіи; желалъ быть новаторомъ съ характеромъ поборника старины и консерватизма. Но Конфуцій старался вкладывать въ старыя формы и новое содержаніе: «Неужели, замѣтилъ онъ однажды своему ученику, ты думаешь, что я держу въ памяти весь матерьялъ моей громадной учености?—Нѣтъ, я все свелъ къ одному принципу». Вотъ это-то обстоятельство и ставитъ философа на грани консерватизма и новаторства. Конфуцій считалъ себя какъ бы посланникомъ неба, какъ бы исполнителемъ небесной воли: «Вэнь-вана, говорилъ онъ, нѣтъ болѣе,—не я ли только могъ преподать ученіе о пути? Если бы небу было угодно погубить ученіе, то продолжатели Вэнь-вана не имѣли бы возможности поддерживать его». Конфуцій собственной дѣятельностью подавалъ примѣръ исполненія того, что совѣтовалъ дѣлать другимъ. Онъ былъ самымъ примѣрнымъ сыномъ, самымъ образцовымъ, доступнымъ для всѣхъ администраторомъ, самымъ высокогуманнымъ и строго исполняющимъ древнія обязанности человѣкомъ.

Во время своихъ частыхъ и обширныхъ путешествій по Китаю Конфуцій вступалъ въ спеціальные разговоры съ князьями и правителями удѣловъ. Наконецъ, онъ, и это главное, былъ въ буквальномъ смыслѣ слова основателемъ философской школы. На 30 году жизни Конфуцій растворилъ двери своего дома и сдѣлался, такимъ образомъ, общенароднымъ учителемъ: всякій, безъ различія возраста, званія или общественнаго положенія, могъ приходить къ нему и пользоваться его наставленіями.—Родные стремились отклонить Конфуція отъ этой, по ихъ мнѣнію, пустой затѣи, совѣтовали ему упо-

требить свои силы на достиженіе высшихъ должностей въ государствѣ. Философъ выразилъ по такому поводу свои стремленія въ слѣдующихъ опредѣлительныхъ словахъ: «Тщетны ваши усилія отклонить меня отъ предпринятаго мною. Я безразлично обязанъ всѣмъ людямъ, потому что смотрю на человѣчество, какъ на одну семью, которой долженъ быть наставникомъ. Оставьте ваши совѣты, они ни къ чему не приведутъ. Мнѣ тридцатый годъ, а въ этомъ возрастѣ и умственныя и физическія силы человѣка достигаютъ полнаго развитія». Конфуцій не долго практиковалъ такое домашнее обученіе и вскорѣ уѣхалъ даже изъ Лускаго удѣла; но роли открытаго, всѣмъ доступнаго, учителя не оставлялъ въ теченіе всей своей жизни. Число Конфуціевыхъ учениковъ доходило до 3000 человѣкъ. Это были люди разныхъ удѣловъ, возрастовъ, занятій, люди, не оставлявшіе своихъ семействъ, и только повременамъ посѣщавшіе философа для назидательныхъ бесѣдъ.

Ближе къ Конфуцію стояли 72 ученика и изъ ихъ числа 12 почти безотлучно находились при своемъ учителѣ. Въ систему занятій философа входила древняя литература, которой Конфуцій придавалъ огромное значеніе: «Возвысимъ, говорилъ онъ, духъ нашъ Шицзиномъ, утвердимся въ правилахъ по Лиоцзи, усовершенствуемъ себя музыкою!» Къ бесѣдамъ о литературѣ Конфуцій присоединялъ наставленія относительно добраго поведенія, искренности и вѣрности. Послѣднее время своей жизни онъ проводилъ въ своемъ родномъ удѣлѣ Лу. Конфуцій умеръ въ 479 году до Р. Х. Незадолго до смерти онъ любилъ говорить съ своими учениками на тему о суетѣ земной; мысль эта выражена въ любимой пѣснѣ Конфуція, которую онъ часто пѣлъ съ аккомпаниментомъ гитары; она переведена русскимъ поэтомъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

* * *

Предъ вселенной—ничто человѣкъ!
Онъ—песчинка на днѣ океана;
Передъ вѣчностью—мигъ его вѣкъ,
Это дымъ предъ лицомъ урагана.
. . . .
. . . .

* * *

Чадо почести, нѣги, пировъ!
Твоя слава—лишь пѣна морская;
Она блещетъ на гребняхъ валовъ
Лишь при вѣтрѣ, красиво играя.

*
* *

А дѣла твои—листья: они
Древо жизни твоей покрывали;
Но твои закатилися дни—
Съ ними вмѣстѣ и листья пропали.

*
* *

Славный воинъ, богачъ и бѣднякъ
Одинаково сходятъ въ могилу.
Поглощаетъ забвенія мракъ
Ихъ дѣянья, и славу, и силу.

*
* *

Исчезаетъ все въ мірѣ навѣкъ
Вмѣстѣ съ жизнью, и только порою
Холмикъ, сорной покрытый травою,
Намъ напомнитъ, что жилъ человѣкъ.

По силѣ и глубинѣ философской мысли и по высотѣ нравственной идеи стихи эти могутъ сдѣлать честь любому современному поэту!— Такой является личность Конфуція въ ореолѣ вѣками пріобрѣтенной славы. Идеализація эта несомнѣнно вѣрна въ своей основѣ, въ противномъ случаѣ она не могла бы и возникнуть: Конфуцій былъ человѣкъ высоконравственный, исполненный самыхъ гуманныхъ стремленій и притомъ до педантизма консервативный. Послѣднее обстоятельство, естественно, вызывалось условіями жизни того времени. Въ эпохи смутъ и броженія всегда возникаетъ реакція въ видѣ консервативнаго направленія: существующія бѣдствія настоящаго въ особенно выгодномъ свѣтѣ выставляютъ спокойное состояніе прошедшаго; нововведенія кажутся тогда источникомъ всѣхъ современныхъ золъ. Тѣмъ болѣе это могло случиться въ Китаѣ, гдѣ неуспѣло еще выработаться никакихъ новыхъ принциповъ для руководства жизнью, взамѣнъ, въ высшей степени многозначительныхъ въ этомъ отношеніи, старыхъ, освященныхъ первобытной религіей въ томъ періодѣ жизни народа, когда она еще преобладаетъ и отражается на всемъ народномъ бытѣ. Вслѣдствіе этого, лучшіе люди Китая, естественно, должны были сожалѣть о потерѣ религіозныхъ основъ жизни; потому-то и лѣтописцы того времени представляютъ старый бытъ—золотымъ вѣкомъ наилучшаго гражданскаго порядка, величайшаго благоденствія. Не китайцамъ было тогда понять, что существующее броженіе ихъ эпохи можетъ служить предвѣстникомъ

новой высшей фазы развитія цивилизаціи, какъ это было у другихъ историческихъ народовъ. Итакъ, консерватизмъ Конфуція естественно вытекалъ изъ обстоятельствъ того времени и долженъ былъ встрѣтить большое сочувствіе въ массѣ народа, что и случилось въ Китаѣ. Но, придерживаясь старыхъ формъ, конфуцій все-таки внесъ въ жизнь китайцевъ новое содержаніе: особенно важно его педагогическое значеніе. Съ ученіемъ своимъ философъ сначала обращался къ правителямъ Китая, но былъ оттолкнутъ ими, вѣроятно потому, что оно тогда шло въ разрѣзъ съ личными выгодами этихъ людей,—имъ жилось лучше, чѣмъ другимъ классамъ народа, притомъ князья должны были отличаться и большимъ либерализмомъ въ сравненіи съ народной массой; тогда Конфуцій обратился, главнымъ образомъ, къ простому народу, сдѣлался его учителемъ, утѣшителемъ въ бѣдственномъ состояніи и нашелъ въ немъ полное сочувствіе своему ученію. Этому обстоятельству, несомнѣнно, содѣйствовали и личныя качества философа, производящія сильное впечатлѣніе на окружающихъ. Притомъ Конфуцій былъ первымъ народнымъ учителемъ, передавшимъ народу искусство письма, познакомившимъ его съ отечественной исторіей и литературой. До того времени письменность существовала только какъ орудіе правительства. Конфуцій первый сдѣлалъ науку, образованіе, достояніемъ народнымъ. Если до Конфуція и были школы, то все же только правительственныя; нигдѣ не видно, чтобы помимо ихъ находились гдѣ-либо народные учителя. Но съ тѣхъ поръ въ Китаѣ, кромѣ конфуціанскихъ школъ, не существовало никакихъ другихъ даже и впослѣдствіи. Въ основу изученія въ этихъ школахъ легли конфуціанскія классическія книги, составляющія китайскую библію. Всѣхъ ихъ пять, изъ которыхъ двѣ, несомнѣнно, прошли черезъ руки Конфуція, а именно Шуцзинъ и Чунь-цю; но ему приписываютъ и три остальныя: Шицзинъ, Луньюй, Лицзи. Общее содержаніе всѣхъ книгъ состоитъ изъ философскихъ разсужденій о нравственности и литературно-историческихъ свѣдѣній, перемѣшанныхъ съ нравоучительными сентенціями; но направленіе неодинаково: Шуцзинъ, главнымъ образомъ, преслѣдуетъ одну и ту же цѣль— выставить на видъ конфуціанскія воззрѣнія и желанія при созиданіи государственнаго строя; Шицзинъ — сборникъ народныхъ пѣсенъ — высказываетъ нравственныя правила, проникшія и въ толкованія на Чунь-цю, которымъ онъ служитъ подкрѣпленіемъ; Луньюй отражаетъ борьбу этихъ началъ; Лицзи представляетъ смѣсь разнообразныхъ сюжетовъ и взглядовъ. Такимъ образомъ, Конфуцій въ основу своего ученія положилъ зародыши народнаго образованія, а именно: науку (въ видѣ исторіи), народность (въ формѣ сборника народной поэзіи), нравственность (основанную на выводахъ изъ исторіи и поэзіи). Итакъ, конфуціанскія школы должны были повысить общій уровень развитія народной массы въ Китаѣ и особенно сильно содѣйствовать

нравственному исправленію народа, отъ недостатка котораго происходило такъ много бѣдствій въ народной жизни. Какъ извѣстно, это послѣднее обстоятельство составляло главный предметъ заботъ Конфуція. Къ нему онъ стремился и въ своемъ религіозномъ ученіи, стараясь возстановить формы обрядности древне-китайскаго культа предковъ и поклоненія духамъ природы. Древняя китайская религія была тѣсно связана съ практической жизнью народа и имѣла глубокое нравственное на него вліяніе. Она состояла въ культѣ предковъ и цѣлой іерархіи подчинявшихся другъ другу духовъ природы, олицетворяемыхъ въ видѣ различныхъ предметовъ. Во главѣ всѣхъ находилось верховное божество небо, высшій владыка, блюститель порядка на землѣ; императоръ былъ его представителемъ и считался сыномъ неба. Древніе китайцы вѣрили въ необходимость гармоніи, или строгаго порядка въ жизни природы, который, по ихъ мнѣнію, можетъ нарушаться только вслѣдствіе дурного поведенія людей, а потому всякія бѣдствія старались они отвращать выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и строгимъ образомъ жизни. Міръ благотворенъ только для достойнаго и грозитъ гибелью недостойному. Они думали, что природа требуетъ отъ человѣка не одного только подчиненія ей и почитанія, но и сохраненія мѣры и порядка во всѣхъ дѣлахъ жизни, она строго блюдетъ за выполненіемъ его обязанностей. Верховное небо искренно любитъ народъ и покровительствуетъ ему; если люди дурно ведутъ себя, то небо являетъ имъ свою волю, чтобы они исправились; на сынѣ неба, китайскомъ императорѣ, прежде всѣхъ отражается воля верховнаго владыки, который олицетворяетъ собою какъ бы самаго древняго предка—родоначальника китайскаго народа. Небо наказываетъ дурныхъ императоровъ и награждаетъ добродѣтельныхъ; отъ неба исходятъ законы неизмѣнныхъ отношеній между людьми, поклоненіе небу было завершеніемъ китайскаго политеизма — вѣры въ духовъ природы, на-ряду съ которымъ въ Китаѣ существовало въ сильно развитой формѣ поклоненіе духамъ усопшихъ предковъ, вытекавшее изъ примитивнаго вѣрованія въ загробное существованіе душъ, уподоблявшееся въ воображеніи народа земному состоянію людей; а потому покойники для удовлетворенія ихъ загробныхъ потребностей требовали тщательныхъ заботъ отъ живыхъ своихъ потомковъ, за это покровительствовали послѣднимъ и считались какъ бы принимающими участіе въ ихъ жизни. Поклоненіе предкамъ при родовомъ бытѣ въ большей или меньшей степени существовало у всѣхъ историческихъ народовъ; но нигдѣ оно не достигало такой широкой и своеобразной формы развитія, не проникало такъ глубоко въ практическую жизнь народа, какъ въ Китаѣ. Можно даже сказать, что обязанности, вытекавшія изъ этого культа, служили основой какъ духовной, такъ и матеріальной жизни народа: онѣ выражались въ

многочисленныхъ религіозныхъ обрядахъ, церемоніяхъ и набожныхъ обычаяхъ.

Существующее въ родовомъ бытѣ уваженіе къ старшему въ родѣ переносилось и на покойника-предка, подъ контролемъ котораго семья, какъ бы находилась и послѣ его смерти. Кромѣ душъ усопшихъ родственниковъ, были покойники, душамъ которыхъ воздавалось общее поклоненіе: государи, доблестные чиновники, изобрѣтатели, ученые, вообще благодѣтели общества, наконецъ люди, не оставившіе послѣ себя потомковъ или умершіе неоплаканными.

Умершіе предки являются властными правителями семейства, ихъ воля священна для потомковъ; совѣта и благословенія предковъ испрашиваютъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ семейной жизни, имъ докладываютъ обо всемъ выдающемся въ обыденной дѣйствительности; императоры даже не предпринимаютъ ничего важнаго безъ совѣщанія съ предками въ дѣлахъ государственныхъ. Глава семейства, какъ первородный сынъ, наслѣдуетъ званіе главнаго семейнаго жреца, и какъ посредникъ между членами семьи и предками, облекается огромной властью, хотя она, главнымъ образомъ, принадлежитъ предкамъ и черезъ него получаетъ только реальное осуществленіе. Словомъ, культъ предковъ былъ основаніемъ всѣхъ семейныхъ отношеній между китайцами. Дѣянія усопшихъ излагались въ храмовыхъ надписяхъ для того, чтобы служить руководствомъ примѣрнаго поведенія для потомковъ. Кромѣ того, въ храмахъ предковъ сохранялись, какъ скрижали домашняго закона, тѣ письменно-изложенные завѣты, которые умирающій отецъ давалъ своимъ сыновьямъ. Вотъ образецъ одного изъ такихъ завѣщаній: «Вы (сыновья) начали свои научныя занятія, но, получивъ степень кандидата или доктора, всегда памятуйте о томъ пути, гораздо болѣе трудномъ, которымъ шелъ я... Если вы сдѣлаетесь чиновниками, то должны проявлять высокую честность, непоколебимую вѣрность, ревность о благѣ общественномъ и дѣтскую прямоту сердца. Если будете мѣнять свое поведеніе, сообразуясь съ обстоятельствами, если станете заглушать въ себѣ добрыя качества и стремленія, то люди скажутъ о васъ, что вы негодныя дѣти безупречнаго отца. Ваша мать—женщина прямой души, прекраснаго сердца: всячески старайтесь проявлять въ отношеніи къ ней свое сыновнее благочестіе. Всегда согласуйтесь съ ея взглядами... Если вы причините вашей матери, хотя малѣйшее огорченіе, то это будетъ служить знакомъ, что въ васъ нѣтъ и искры сыновняго благочестія,—вы подвергнетесь карѣ небесной и моему мщенію. Оба вы — дѣти одной матери. Живите вмѣстѣ до конца дней, не думая о раздѣлѣ имущества. Ты, Инь-ци (младшій изъ сыновей), почитай своего старшаго брата, какъ меня самого, будь безпредѣльно къ нему внимателенъ; если онъ будетъ гнѣваться на тебя, не задумываясь падай передъ нимъ на колѣни и старайся успокоить его своими извиненіями;

если онъ не перестанетъ гнѣваться, прибѣгни къ его друзьямъ и проси ихъ успокоить его... Если между вами возникнутъ какія-либо серьезныя несогласія, то пригласите родственниковъ, чтобы они выслушали васъ и разсудили. Помните, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ прибѣгать къ судебному разбирательству. Если одинъ изъ васъ пойдетъ въ судъ, то пусть другой предъявитъ суду это мое завѣщаніе и обличитъ брата въ неисполненіи священныхъ обязанностей сыновняго благочестія,—тогда судьи не преминутъ заставить непослушнаго сына памятовать о своемъ сыновнемъ долгѣ... Старайтесь извлекать пользу изъ чтенія, — облагораживайте вашу душу. Когда видите чей-либо хорошій поступокъ, всегда говорите: «и намъ слѣдуетъ поступать такъ же въ подобныхъ обстоятельствахъ». Проникайтесь уваженіемъ къ доблестямъ великихъ людей и старайтесь достигнуть высоты послѣднихъ. Строго соблюдайте въ домѣ разграниченіе внутреннихъ женскихъ и внѣшнихъ мужскихъ апартаментовъ. Пусть дѣвочки старше 10-лѣтняго возраста не выходятъ изъ своихъ комнатъ и мальчики не посѣщаютъ послѣднихъ; я одобряю даже, если доступъ на женскую половину будетъ закрытъ и для ближайшихъ родственниковъ: частыя посѣщенія даютъ поводъ къ разнаго рода переговорамъ, сплетнямъ, сѣтованіямъ, а отъ нихъ происходятъ только смуты... Мой примѣръ долженъ служить для васъ руководствомъ. Блюдите, чтобы дворовая ограда была достаточной высоты и покрыта сверху терновникомъ. Если стѣна въ какомъ-либо мѣстѣ обрушится и по времени года нельзя будетъ починить ее, то скорѣе завѣсьте отверстіе рогожками: должно предупреждать воровство, поощряемое такими случайностями.

Имѣйте кладовую для провизіи,—вина, фруктовъ, соленаго мяса, масла и житницу для риса и овощей. Пусть богатыя одежды на другихъ не ослѣпляютъ взоровъ вашихъ: слѣдуетъ одѣваться сообразно своему положенію. Видѣть хорошій домъ и строить такой же, видѣть цѣнную мебель и пріобрѣтать подобную же,—это вѣрный путь къ потерѣ состоянія,—мудрая экономія сохранитъ вамъ средства на необходимыя издержки и на прожитіе вполнѣ приличное. Если вы, для увеличенія наслѣдства своихъ сыновей, будете совершать покупки, то не прибѣгайте къ займу; даже умѣренные проценты мало-по-малу увеличиваютъ занятый капиталъ и разоряютъ семейное состояніе. Не забывайте этого,—это очень важно!

Я оставляю вамъ 400 десятинъ хорошей земли, ихъ хватитъ на васъ обоихъ; а жажда богатства всегда роковая... Въ отношеніи къ людямъ вамъ слѣдуетъ быть честными, скромными, снисходительными. Когда вы работаете съ кѣмъ-либо, берите на себя часть болѣе трудную; когда приглашены на пиршество, отвращайте взоры отъ лучшихъ кусковъ. Уступайте лучшій путь тому, съ кѣмъ идете, и лучшее мѣсто тому, съ кѣмъ сидите. Я самъ лучше люблю ока-

зывать вѣжливость, уступчивость и почтеніе, нежели пользоваться ими въ отношеніи себя; лучше люблю потерять свое, чѣмъ пріобрѣсти чужое. Если мнѣ оказали услугу, я въ теченіе всей жизни вспоминаю о ней съ признательностью; если мнѣ нанесли оскорбленіе, я тотчасъ же его забываю... Если васъ увѣдомятъ, что такой-то сердитъ на васъ и распускаетъ на вашъ счетъ неблаговидные слухи, не задумываясь отвѣчайте: «мы всегда жили съ нимъ дружно и не вѣримъ, чтобы онъ хотѣлъ оскорбить насъ»... Ваша младшая сестра рождена отъ той же матери, какъ и вы. Если ей придется жить въ довольствѣ, то она не будетъ нуждаться въ вашей помощи, но если она будетъ стѣсняться въ средствахъ, то предупреждайте ея просьбы, помогайте ей добровольно, давайте то, чего потребуетъ ея положеніе. Если ваша мать захочетъ сдѣлать вашей сестрѣ какой-либо подарокъ, то не подумайте воспрепятствовать ей: это значило бы отречься отъ братской любви, вонзить ножъ въ материнское сердце, потерять всякое благородство, попереть сыновнее благочестіе. Помните объ этомъ! помните!... Завѣщаніе мое положите возлѣ моей табели въ храмѣ предковъ. Въ 1-й и 15-й день каждаго мѣсяца собирайте всѣхъ членовъ семейства и по принесеніи жертвъ предкамъ прочитывайте завѣщаніе вслухъ. Я вамъ приказываю не уклоняться отъ этой обязанности даже при самыхъ важныхъ занятіяхъ!» — Въ храмахъ предковъ на статуяхъ находились надписи такого содержанія: «Древніе люди были осмотрительны въ своихъ словахъ; будьте и вы осторожны, говорите поменьше,— многословіе ведетъ къ ошибкамъ, незамѣтно скажешь то, чего бы не слѣдовало. Не обременяйте себя дѣлами, обиліе дѣлъ ведетъ къ заботамъ; не предавайтесь излишне покою и удовольствіямъ; не дѣлайте того, въ чемъ могли бы потомъ раскаяться! Будете говорить: «это не важно, это не опасно, это не вредно»,—и непремѣнно попадете въ большую бѣду! Не говорите: «насъ никто не слышитъ»,—духи бдительно наблюдаютъ за людьми. Маленькаго огня не погасишь, онъ дѣлается большимъ пламенемъ: осторожность—корень благополучія; разсужденія: «то не бѣда, другое не бѣда»—врата несчастій!—Кто, имѣя силу, употребитъ ее во вредъ другимъ, тотъ не окончитъ дней своихъ естественной смертью; кто любитъ побѣждать, тотъ непремѣнно встрѣтитъ такого противника, который побѣдитъ его самого!» Такова освященная религіей мораль древне-китайскаго человѣка, которую такъ заботливо старался возстановить Конфуцій.

Какъ велико и благодѣтельно должно было быть нравственное вліяніе культа предковъ на бытъ и поведеніе людей! Культъ этотъ требовалъ разумнаго педагогическаго отношенія къ подрастающимъ поколѣніямъ: чтобы обезпечить себѣ благоденствіе въ загробной жизни, человѣкъ долженъ не только имѣть дѣтей, но и воспитать ихъ здоровыми, постараться развить въ нихъ качества, необходимыя

для сношеній съ окружающими людьми, обществомъ и государствомъ. Послѣ этого становится вполнѣ понятнымъ стремленіе Конфуція въ его смутное время возстановить столь многозначительный для китайцевъ древній культъ, ослабѣвшій подъ вліяніемъ историческихъ условій народной жизни, дававшихъ ей совершенно противоположное направленіе. На-ряду съ поклоненіемъ духамъ предковъ и природѣ, имѣвшимъ характеръ правительственной религіи, развивалась въ Китаѣ религія чисто народная, сохранявшаяся не по преданію, а выработанная исключительно народнымъ сознаніемъ. Она гораздо менѣе, чѣмъ древніе китайскіе культы, отличалась практическимъ характеромъ, въ ней выработались высокіе чисто религіозные идеалы.

Эта же религія есть фактъ высшаго проявленія развитія философской мысли того времени. Она носила названіе даосизма (отъ Дао или Тао—путь) и считалась произведеніемъ философа Лаоцзы, современника Конфуція; но, по всей вѣроятности, идеи, высказываемыя въ ней, вырабатывались постепенно лучшими интеллектуальными силами всего китайскаго народа. Основу содержанія даосизма составляли слѣдующія понятія: «Небытіе предшествуетъ бытію. До бытія неба и земли существовалъ хаосъ, сохранявшій полное спокойствіе, единый и не измѣняющійся, все собою объемлющій и не подверженный какой-либо опасности».

Этотъ хаосъ можно считать матерью всего существующаго въ природѣ: Я не знаю его имени и даю ему названіе Дао, говоритъ авторъ книги Таотекинга, Дао неопредѣлимо словами и непостижимо чувствами; Дао вѣчно и не имѣетъ имени, Дао не даетъ впечатлѣній, ни вкуса для рта, ни свѣта для глазъ, ни звука для ушей; темно, неопредѣленно понятіе о Дао, но въ немъ заключаются идеи и предметы. Какъ первобытная матерія и первосущая идея, Дао предшествуетъ многообразію предметовъ природы. Изъ Дао произошелъ видимый міръ: всѣ предметы природы. Міръ есть не что иное, какъ Дао, принявшее форму многообразія. Дао порождаетъ предметы природы, добродѣтель (т.-е. Дао же), питаетъ ихъ, даетъ имъ ростъ, доводитъ до полнаго развитія и зрѣлости. Природа вещей такова, что когда одно находится впереди, то другое должно быть позади; когда одинъ дышетъ тепломъ, то другой дышетъ холодомъ; когда одно усиливается, то другое ослабѣваетъ. (Дао, означающее путь, въ ученіи Лаоцзы имѣетъ обширное употребленіе и прилагается къ самымъ отвлеченнымъ понятіямъ). Все существующее преходяще; когда предметъ достигаетъ полноты своего развитія, то онъ старѣетъ. Возникновеніе и уничтоженіе предметовъ есть не что иное, какъ обнаруженіе жизни вѣчносущаго Дао, единаго самаго въ себѣ, но двойственнаго въ проявленіи своихъ силъ. Предметы природы заключаютъ въ себѣ съ одной стороны силу положительную—Янь, а съ другой отрицательную—Инь; взаимодѣйствіемъ этихъ силъ обусловливается

гармонія природы. Возникая изъ Дао, индивидуальности по прекращеніи ихъ временнаго существованія тѣмъ же Дао и поглощаются. Это называется покоемъ, достиженіе покоя есть исполненіе своего назначенія, оно называется вѣчностью. Великое Дао можетъ одновременно быть и на правой и на лѣвой сторонѣ, оно вездѣсуще. Индивидуальности, получая отъ единаго, абсолютнаго Дао свое существованіе, должны согласовать съ его волей свои поступки. Дао неба не споритъ, но умѣетъ побѣждать; не говоритъ, но умѣетъ отвѣчать (желаніямъ предметовъ природы), никого не призываетъ, но все къ нему приходитъ; оно просто, но велика его разумность. Для человѣка закономъ является земля, для земли небо, для неба Дао, оно само въ себѣ находитъ законъ. Дао вѣчно бездѣйствуетъ, однако ничего безъ него не дѣлается». Слѣдовательно, по ученію Лаоцзы многообразіе видимаго міра есть не что иное, какъ обнаруженіе жизни Дао, вѣчносущаго, единаго, абсолютнаго; Дао является и міровою матеріею, и міровою силою, и міровымъ разумомъ: высшее благо міра состоитъ въ томъ, чтобы индивидуальности не стремились къ проявленію своихъ собственныхъ желаній и всегда согласовались съ Дао. Кто умирая не погибаетъ, тотъ долговѣченъ. Слугъ человѣческой жизни 13 (органы чувствъ и главнѣйшіе члены тѣла), каждымъ изъ нихъ она приводится къ смерти: потому что люди полагаютъ свою жизнь только въ матеріальныхъ благахъ. То, отъ чего міръ получилъ начало, можно назвать матерью міра. Только познавъ мать, можно познать ея сына. Душа человѣка, по мнѣнію Лаоцзы, не умираетъ, оставляя тѣло,— будучи самостоятельной индивидуальностью въ матеріальномъ тѣлѣ, она продолжаетъ свое существованіе. Но если тѣло, возникшее изъ Дао, какъ міровой матеріи, въ него возвращается послѣ смерти, то и душа, какъ часть того же Дао—мірового разума, имъ поглощается и въ его вѣчномъ бытіи находитъ свое существованіе. Такимъ образомъ, душа можетъ считаться безсмертною только по отношенію къ тѣлу, но не по отношенію къ Дао, которымъ поглощается. Добродѣтель въ высокомъ смыслѣ есть не что иное, какъ слѣдованіе по пути Дао. Для этого человѣкъ долженъ познать самого себя, ограничить свои желанія, побѣдить свои страсти. Кто знаетъ людей, тотъ мудръ, но еще мудрѣе тотъ, кто знаетъ самого себя. Чрезмѣрная любовь къ чему-нибудь непремѣнно требуетъ отъ человѣка большого самопожертвованія; многостяжаніе непремѣнно сопровождается великими утратами. Кто знаетъ мѣру довольства, тотъ не посрамляется; кто знаетъ, когда слѣдуетъ остановиться, тотъ не впадаетъ въ бѣду,—при этихъ условіяхъ можно долго существовать. Что дѣлаешь, то рано или поздно разрушится, чѣмъ обладаешь, то утратится; поэтому мудрецъ ничего не дѣлаетъ, у него ничто и не разрушается, ничѣмъ не обладаетъ, у него ничего и не утрачивается. Самое большое преступленіе

—давать волю своимъ желаніямъ, самое большое бѣдствіе—не знать мѣры довольства, самая большая вина—стремиться къ пріобрѣтеніямъ. Мудрецъ заботится о внутреннемъ своемъ существѣ, а не о глазахъ. Сомкни уста, закрой двери (т.-е. закрой глаза и заткни уши),—и ты до конца своей жизни не будешь приходить въ волненіе. Только черезъ тѣло люди испытываютъ великія безпокойства. Мудрецъ не эгоистиченъ,—сердце ста семействъ (т.-е. китайскаго народа) онъ считаетъ своимъ сердцемъ; за добро отплачиваетъ добромъ; за зло также добромъ,—добродѣтель есть добро; за вѣрность отплачиваетъ вѣрностью, за невѣрность — также вѣрностью; — добродѣтель есть вѣрность; мудрецъ считаетъ всѣхъ людей какъ бы своими дѣтьми. Вотъ чего онъ держится и что считаетъ драгоцѣнностью: сострадание, бережливость, смиреніе. Будучи сострадательнымъ, онъ можетъ быть отважнымъ, будучи экономнымъ, можетъ быть щедрымъ, будучи смиреннымъ, можетъ быть представителемъ лучшихъ людей: Мудрый человѣкъ, познавая себя, не стремится выдаться, любя себя, не величается; когда желаетъ быть выше другихъ, на словахъ показывается ниже ихъ, когда желаетъ быть впереди другихъ, наружно ставитъ себя позади ихъ, онъ не восхваляетъ самого себя, и потому достигаетъ признанія своихъ заслугъ, не тщеславится, и потому снискиваетъ высокое положеніе, ни съ кѣмъ не заводитъ ссоры; онъ, какъ бы не заботится о самомъ себѣ, а продолжаетъ благоденственное существованіе; мудрецъ не собираетъ сокровищъ: чѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ для людей и даетъ людямъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ для самого себя. Таковы нравственныя правила, которыя, по мнѣнію Лаоцзы, могутъ приводить людей къ блаженству. «Лаоцзыева система философіи, несомнѣнно, должна считаться первоисходною для философскаго мышленія китайцевъ, какъ по отрывочности ея изложенія, такъ и по тому, что системы всѣхъ остальныхъ китайскихъ философовъ развились на основѣ или по поводу тѣхъ или другихъ ея частностей», говоритъ г. Георгіевскій.

Итакъ, въ этой религіозно-философской системѣ является и понятіе о верховномъ божествѣ, какъ творцѣ міра, изъ котораго все исходитъ и которымъ снова все поглощается, и опредѣляется путь для наилучшаго поведенія человѣка, и высказывается высоко-гуманный идеалъ мудреца. Даосизмъ былъ религіею, преимущественно, интеллигентныхъ слоевъ общества, онъ имѣлъ цѣлую школу послѣдователей, подробно и многосторонне развившихъ сущность этого ученія. Но не всѣмъ могли быть понятны высокія идеи даосизма, притомъ отрывочность и неясность выраженія мысли въ Даодѣдзинѣ (книга, въ которой излагалось это ученіе) дали поводъ къ разсужденіямъ о возможности избѣгать смерти и постоянно оставаться на землѣ, превративъ свое тѣло изъ грубо-матеріальнаго въ нѣчто эѳирное, почти неосязаемое.

Послѣдователи этого ученія стали составлять жизненные элексиры, напитки безсмертія, сдѣлали выводъ, что земная жизнь должна служить единственнымъ мѣстомъ дѣйствія для человѣка, и дошли до проповѣдей въ родѣ слѣдующей, принадлежащей философу Янъ-чжу: «Всѣ, говоритъ онъ, считаютъ нѣкоторыхъ историческихъ личностей всего болѣе достойными удивленія за ихъ добродѣтели. Эти мудрецы въ теченіе всей своей жизни не посвятили ни одного дня удовольствіямъ, а по смерти стяжали себѣ славу, которая не помрачится во-вѣки. Но прославляйте, награждайте ихъ: они уже не сознаютъ этого! Ихъ слава для нихъ самихъ то же, что для пня или куска земли!—Императоръ Цзѣ считается злодѣемъ; онъ былъ обладателемъ вѣками собранныхъ сокровищъ; возсѣдалъ на императорскомъ тронѣ, былъ настолько уменъ, что могъ презрительно относиться къ людямъ, ниже его стоящимъ; былъ такъ грозенъ, что могъ приводить въ трепетъ имперію; онъ услаждался тѣмъ, что веселило слухъ и зрѣніе; онъ исполнялъ всѣ свои желанія и, окруженный блескомъ, приблизился къ смерти. Цзѣ жилъ роскошнѣе и шире всѣхъ смертныхъ. Императоръ Чжоу также былъ обладателемъ вѣками собранныхъ сокровищъ, возсѣдалъ на императорскомъ тронѣ, его грозное величіе всѣми признавалось, и ему всѣ оказывали повиновеніе; а онъ давалъ волю своимъ страстямъ, пренебрегая дѣлами управленія, и проводилъ долгія ночи, предаваясь удовольствіямъ, онъ не омрачалъ себя мыслію о правилахъ истинно-должнаго поведенія. Окруженный блескомъ, Чжоу приблизился къ смерти, онъ позволялъ себѣ больше всѣхъ смертныхъ. Эти два злодѣя въ теченіе своей жизни наслаждались, исполняя всѣ свои прихоти, а по смерти прославились какъ образцы глупости и жестокости. Но вѣдь нельзя ощущать удовольствія отъ хорошей славы по смерти. Будутъ ли порицать или хвалить умершихъ, они уже не сознаютъ этого. Ихъ безславіе для нихъ самихъ то же, что для пня или куска земли! Жизнь мудрецовъ, которымъ удивляются, была горькая, трудовая, а ихъ удѣломъ была смерть; жизнь двухъ этихъ злодѣевъ была полна удовольствій, хотя удѣломъ ихъ была также смерть!»—«Сто лѣтъ, говоритъ философъ Янъ-чжу, крайній предѣлъ долговѣчности, и изъ тысячи человѣкъ едва ли одинъ достигаетъ его. Положимъ, кто-нибудь живетъ сто лѣтъ,—что же оказывается?—дѣтство и старость отнимаютъ у него одну половину жизни, а страданія, болѣзни, печали, огорченія, утраты, безпокойства и страхъ наполняютъ другую; остается какихъ-нибудь лѣтъ 10, да и въ теченіе ихъ едва ли выпадаетъ для человѣка хотя одинъ часъ веселаго самодовольства, не омрачаемаго безпокойствами. Къ чему же человѣку жизнь? Какое въ ней удовольствіе? Да и самыя удовольствія скоро надоѣдаютъ, притомъ существуютъ запреты, казни, ограниченія со стороны законовъ, побужденія наградами и перспективою громкаго имени,—все

это заставляетъ людей безостановочно гоняться за мимолетною и простою похвалой, стремиться къ пріобрѣтенію этой славы по смерти, съ крайней осторожностью относиться къ тому, что видятъ глаза и слышатъ уши, постоянно наблюдать за правильностью своихъ поступковъ и мыслей; такимъ образомъ, человѣкъ ни на минуту не можетъ чувствовать себя совершенно свободнымъ. Чѣмъ же отличается онъ отъ узника, связаннаго по рукамъ и по ногамъ? Древніе люди, понимая, какъ быстротечна жизнь, спѣшили пользоваться возможностью наслаждаться ею, предавались влеченіямъ сердца, а похваламъ не придавали никакой цѣны и не заботились о посмертной славѣ. Все, живущее, представляетъ различіе, пока живетъ, а по смерти дѣлается одинаковымъ. Ни жизнь, ни естественная смерть не во власти человѣка, не отъ него зависитъ быть умнымъ или глупымъ. По смерти всѣ люди превратятся въ гнилыя кости, и кто тогда въ состояніи будетъ сдѣлать различіе между ними?—Поэтому, пока мы живы, поспѣшимъ воспользоваться жизнію!—Развѣ есть время думать о томъ, что будетъ послѣ смерти?» Эта эпикурейская философія, единственной цѣлью которой является стремленіе наслаждаться жизнью, несомнѣнно, должна была дѣйствовать самымъ развращающимъ образомъ на китайскій народъ.

Быть можетъ, противъ нея то, въ особенности, Конфуцій и выступалъ со своимъ строго нравственнымъ ученіемъ. Онъ не изложилъ его въ систематичной формѣ, но афоризмы и бесѣды Конфуція сохранились въ книгахъ его учениковъ и продолжателей. Говоря о религіи, Конфуцій вовсе не старался изобрѣтать какіе-либо новые религіозные идеалы, онъ даже не любилъ касаться области сверхъестественнаго; главной цѣлью его при этомъ было достиженіе результатовъ благотворнаго вліянія проповѣдуемой религіи на нравы и практическую жизнь китайскаго народа. Для Конфуція бытіе человѣка представлялось готовымъ фактомъ, не требующимъ высшаго трансцендентальнаго объясненія: человѣкъ живетъ, потому что природа призвала его къ жизни; человѣкъ умираетъ, потому что природа назначила предѣлъ его существованію. Судьба—начало природы человѣка; смерть—конецъ жизни. Гдѣ есть начало, тамъ непремѣнно есть и конецъ. Однажды философа спросили, какъ нужно служить духамъ и что такое смерть? Онъ отвѣчалъ: «Когда не умѣютъ служить людямъ, то гдѣ же умѣть служить духамъ? когда еще не знаютъ, что такое жизнь, то гдѣ ужъ знать, что такое смерть?» На вопросъ о томъ, сознаютъ ли усопшіе, что имъ приносятъ жертвы и воздаютъ почести? Конфуцій отвѣчалъ: «Если я скажу, что сознаютъ, то можно бояться, что тѣ, которые исполнены сыновняго благочестія, пренебрегутъ всѣми земными интересами, чтобы служить усопшимъ родителямъ; если я скажу, что не сознаютъ, то можно опасаться, что дѣти будутъ оставлять умершихъ родителей безъ по-

требенія. Для тебя не представляется необходимости въ непремѣнномъ рѣшеніи этого вопроса, а придетъ время—самъ все узнаешь!» Конфуція, какъ-будто, даже стѣсняли вопросы о сверхъестественномъ. Это былъ не фанатическій проповѣдникъ религіи, а мудрый человѣкъ практики, патріотъ, желающій прежде всего блага своему отечеству, стремившійся избавить народъ отъ бѣдствій современной ему дѣйствительности. Собственная природа требуетъ отъ человѣка, по мнѣнію философа, чтобы онъ пользовался всѣми своими естественными способностями, чтобы удовлетворялъ всѣмъ своимъ чувствамъ; но съ другой стороны, чтобы не извращалъ эти чувства злой волей, не сокращалъ своихъ жизненныхъ силъ: природа, по-своему, разумна и сама по себѣ не только не влечетъ человѣка къ какимъ-либо излишествамъ, но и наказываетъ за нихъ: «Должно избѣгать 3-хъ вещей: въ юности—чувственныхъ удовольствій, въ пору зрѣлости—распрей, въ старости—скряжничества. Неизмѣнность въ срединѣ, т.-е. пользованіе золотой срединой или справедливой умѣренностью—вотъ что составляетъ добродѣтель!» Конфуцій очень много говорилъ о томъ, какъ слѣдуетъ относиться людямъ другъ къ другу: «Отношенія между государемъ и чиновниками, а также и между подданными, между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женою, между братьями, между друзьями (подъ ними подразумѣваются и люди вообще) основаны, по словамъ философа, на небесномъ законѣ. Дѣти должны быть проникнуты преданностью, почтеніемъ и любовью къ своимъ родителямъ». «Въ настоящее время, говоритъ Конфуцій, сыновняя почтительность полагается только въ томъ, что дѣти кормятъ своихъ родителей; но вѣдь эта забота простирается также на собакъ и лошадей. Если нѣтъ дѣйствительнаго уваженія и почтенія, то чѣмъ отличается отношеніе къ родителямъ отъ отношенія къ собакамъ и лошадямъ? Если дѣти освобождаютъ родителей отъ какого-либо предстоящаго труда, если удѣляютъ имъ часть пищи и питья, имѣя то и другое въ изобиліи,—то значитъ ли это имѣть сыновнее благочестіе? Пока живы родители, сынъ не долженъ думать, что тѣло его или имущество составляютъ его собственность».

Могутъ быть три сорта сыновняго благочестія: малое, среднее и великое. Памятовать о родительскихъ милостяхъ и любви, но позабывать о понесенныхъ ими трудахъ — это малое сыновнее благочестіе; проникнуться человѣколюбіемъ и сознаніемъ справедливости—это среднее; стараться всѣхъ другихъ людей сдѣлать отцепочтительными—это великое сыновнее благочестіе. Если родители любятъ тебя, радуйся и не забывай этого; если родители совершаютъ проступки, увѣщевай, но не противься; когда родители твои умрутъ, приноси имъ жертвы, проникнувшись человѣколюбіемъ. Сознательное почтеніе къ родителямъ приводитъ человѣка къ сознательному же уваженію братьевъ, помимо существованія инстинктивной любви. Чело-

вѣкъ долженъ памятовать, что братья его произошли изъ субстанціи его родителей, что на этихъ братьевъ простирается родительская любовь и заботы. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ, утвердившій въ себѣ коренную любовь и сознавшій коренную справедливость, не можетъ уже не обнаруживать этихъ качествъ въ отношеніи къ ближайшимъ послѣ родителей людямъ. Супруги должны быть проникнуты взаимною любовью, взаимнымъ уваженіемъ. Бракъ самое естественное состояніе человѣка, потому что послѣдній черезъ него только выполняетъ свое назначеніе на землѣ.

«Изъ супружескихъ обязанностей одни общи обоимъ поламъ, другія спеціальны для того или другого пола. Мужъ—глава, и долженъ распоряжаться; жена — существо подчиненное и должна оказывать ему повиновеніе. Въ отношеніяхъ своихъ супруги должны брать за образецъ небо и землю, которыя ихъ взаимодѣйствіемъ производятъ и сохраняютъ все сущее. Взаимная нѣжность, довѣріе, честность и уваженіе должны быть положены въ основаніе супружескихъ отношеній... Нашъ первый святой законодатель Фуси (древній царь) послѣ того, какъ собралъ людей, жившихъ врассыпную и звѣринымъ обычаемъ, наложилъ на нихъ ярмо брака и указалъ ихъ обязанности: онъ смотрѣлъ на бракъ, какъ на основаніе законодательства, и на бракѣ, какъ на фундаментѣ, воздвигъ зданіе общественности. Въ самомъ дѣлѣ, только бракъ дѣлаетъ людей (въ высокомъ смыслѣ слова) отцами и матерями, только изъ брака исходитъ различіе семействъ, равно какъ высшее и низшее гражданское положеніе человѣка. Отнимите бракъ— и люди опять возвратятся въ то состояніе дикости, изъ котораго святой человѣкъ Фуси извлекъ ихъ». Какъ слѣдуетъ относиться человѣку къ друзьямъ, то-есть къ обществу и всѣмъ людямъ выясняется изъ слѣдующихъ цитатъ: «Будьте строги къ самимъ себѣ и снисходительны къ другимъ; чего не желаете для самихъ себя, того не должны дѣлать никому; воздавать добромъ за зло—это значитъ быть великодушнымъ и человѣколюбивымъ; воздавать зломъ за добро— это значитъ всѣхъ вооружить противъ себя. Быть человѣколюбивымъ безъ корыстныхъ цѣлей—вотъ истинное человѣколюбіе... Оно можетъ быть обусловлено тремя совершенно различными побужденіями: потребностью души—это истинное человѣколюбіе, практическимъ разсчетомъ—это корыстное человѣколюбіе, боязнью совершить проступокъ — это принужденное человѣколюбіе. Человѣколюбіе — какъ бы правая сторона, мудрость — лѣвая: въ силу перваго человѣкъ дѣлается истиннымъ человѣкомъ; въ силу второй — онъ дѣлается только справедливымъ. Любить людей отъ полнаго сердца— это истинное человѣколюбіе; любить людей только по мѣркѣ и требованію закона — это человѣколюбіе мелкое, корыстное. Имѣть достаточно самообладанія, чтобы судить объ обязанностяхъ людей по

себѣ самимъ, поступать въ отношеніи людей такъ, какъ желательно, чтобы они поступали въ отношеніи насъ, — это называется гуманностью! Человѣкъ долженъ быть почтителенъ и внимателенъ къ окружающимъ. Если ты почтителенъ, то удалишь безпокойства; если внимателенъ, то люди будутъ тебя любить; если исполненъ преданности, то со всѣми будешь жить въ согласіи; если будешь вѣренъ, то люди могутъ на тебя полагаться. Мудрый человѣкъ постоянно заботится о нравственномъ самоусовершенствованіи, чтобы снискать уваженіе людей, чтобы обезпечить людямъ спокойствіе, чтобы сдѣлать, наконецъ, счастливымъ все человѣчество!» Государи должны служить образцами для своихъ подданныхъ. Вотъ съ какой рѣчью Конфуцій обращается къ нимъ: «Если вы будете любить своихъ родителей, то тѣмъ самымъ и въ народѣ укрѣпите чувство любви; если вы будете почитать своихъ старшихъ родственниковъ, то тѣмъ самымъ научите народъ послушанію; укрѣпивъ въ себѣ чувство любви, простолюдины будутъ цѣнить своихъ родителей; научившись почтенію къ старшимъ, будутъ съ уваженіемъ относится къ приказаніямъ правителя, и управленіе имперіею пойдетъ тогда совершенно правильнымъ путемъ. Кто служитъ государю, того великое слово (т.-е важный совѣтъ) имѣетъ великую пользу. Если государю даютъ совѣтъ далекіе (т.-е. невысокихъ степеней) чиновники, то это лесть; если государю не подаютъ совѣтовъ приближенные чиновники, то отъ нихъ столько же пользы, какъ отъ мертвыхъ... Служа государю, должны заботиться не о томъ, чтобы непремѣнно повыситься, а о томъ, чтобы уступить дорогу болѣе способнымъ людямъ,—тогда чиновныя особы будутъ расположены по порядку, т.-е. соотвѣтственно ихъ качествамъ. Чиновникъ долженъ съ полной тщательностью исполнять приказанія государя, независимо отъ того, будутъ ли они согласны или несогласны съ его собственными взглядами. Не понявши справедливости, человѣкъ не можетъ хорошо устроить свою жизнь и отношенія къ другимъ людямъ. Проникнуться любовью и понять справедливость можно только, вырабатывая въ себѣ сыновнее благочестіе, потому что любовь къ родителямъ инстинктивная, самая первая любовь человѣка на землѣ, уваженіе родителей и сознаніе въ отношеніи ихъ обязанностей есть выводъ здраваго разума изъ понятія о справедливости; если человѣкъ не любитъ родителей и не признаетъ своего долга, то онъ существо не нормальное, поврежденное. Слѣдовательно, не любить и не почитать родителей—все равно, что сократить, если не совсѣмъ погубить, свою жизнь: Pietas ergo parentes—эта коренная основа всей жизни человѣка; это залогъ не только его благоденствія, но даже и самаго существованія». Объ обязанностяхъ государя по отношенію къ подданнымъ Конфуцій говоритъ слѣдующее: «Если государь даетъ наставленія народу своимъ собственнымъ до-

бродѣтельнымъ поведеніемъ, если путемъ соблюденія ли (правила) управляетъ народомъ, то этотъ послѣдній питаетъ наилучшія чувства къ государю; напротивъ, отвращается отъ него, когда получаетъ одни только формальныя распоряженія и наказанія. Если народъ пользуется отъ государя отеческой любовью, искренностью, уваженіемъ, то и самъ любитъ его, привязанъ къ нему, послушенъ его волѣ. Правитель народа долженъ благодѣтельствовать безъ расточительности; облагать народъ повинностями, не возбуждая его ропота; удовлетворять своимъ желаніямъ, не впадая въ алчность; сознавать свое достоинство и не быть надменнымъ. Заботиться о доставленіи народу всего, что можетъ служить ему на пользу, — развѣ это не значитъ благодѣтельствовать безъ расточительности? Если народъ облагается истинно-необходимыми повинностями, кто будетъ роптать? Когда осуществляемыя желанія основываются на человѣколюбіи, то развѣ это будетъ алчность? Не поступать небрежно въ обращеніи съ своими подданными и внимательно относиться къ дѣламъ важнымъ и неважнымъ—развѣ это не значитъ сознавать свое достоинство и не быть гордымъ? Если государь всегда одѣвается прилично и держитъ себя съ достоинствомъ, то пользуется почтеніемъ со стороны народа,—развѣ это не значитъ сохранять величіе и не быть надменнымъ?

Самая главная задача управленія, говоритъ Конфуцій, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать подданныхъ богатыми и долгоденствующими. Подданные сдѣлаются богатыми, если отъ нихъ будутъ требовать исполненія легкихъ повинностей и уплаты необременительныхъ податей; подданные сдѣлаются долгоденствующими, если ихъ научатъ пониманію сущности «ли» (правилъ для поведенія) и тѣмъ самымъ предостерегутъ отъ преступленій и соединенныхъ съ ними наказаній... Въ Шиц-зинѣ сказано: «любвеобильный государь—отецъ и мать своего народа», — а гдѣ видано, чтобы родители были бѣдны, когда дѣти владѣютъ богатствами?

Необходимымъ регуляторомъ государственнаго управленія служатъ «ли», они регулируютъ поведеніе людей и не даютъ имъ впадать въ крайности. Святой можетъ изъ поднебесной (т.-е. Китайской имперіи) сдѣлать, какъ бы одно семейство, одного человѣка. Но для этого онъ долженъ знать проявленія человѣческаго сердца, существующіе виды справедливости, что людямъ полезно и что составляетъ для нихъ предметъ безпокойства: отецъ долженъ быть милостивъ, а сынъ—почтителенъ; старшій братъ—ласковъ, а младшій—покоренъ; мужъ долженъ быть вѣренъ, а жена послушна; старшій долженъ быть снисходителенъ, а младшій послушенъ; государь долженъ быть человѣколюбивъ, а чиновникъ преданъ,—вотъ десять видовъ справедливости, чтобы усиливать полезное людямъ и черезъ то устранять все, служащее къ безпокойству ихъ...» «Когда сынъ неба добродѣтель дѣ-

лаетъ своею колесницею и управляетъ, распространяя довольство; когда князья, сообразуясь съ «ли», занимаютъ то или другое положеніе; когда вельможи, сообразуясь съ закономъ, занимаютъ ту или другую должность, а чиновники съ искренностью себя провѣряютъ; когда сто семействъ (т.-е. Китай) взаимной любовью себя охраняютъ, то это называется полнотою имперіи, великимъ согласіемъ. Только при великомъ согласіи можно питать живыхъ, провожать усопшихъ, служить духамъ и геніямъ. Когда выяснена справедливость молебствій небу и землѣ, когда выясненъ обрядъ весенняго и осенняго жертвоприношенія въ храмѣ предковъ, то управленіе представляется какъ на ладони!»

Считая соблюденіе обрядовъ необходимымъ, Конфуцій требовалъ, чтобы они не исполнялись только, какъ пустая формальность, не истолковывались своимъ примитивнымъ содержаніемъ, а возвышались бы до степени «ли», т.-е. реальнаго выраженія высшихъ нравственныхъ качествъ и стремленій человѣка. Высказывая цѣли своего ученія, Конфуцій говоритъ слѣдующее: «Я хочу, чтобы старикамъ былъ обезпеченъ покой, чтобы въ отношеніяхъ къ друзьямъ утверждена была вѣрность, чтобы малолѣтніе окружены были заботами. Если есть соразмѣрность въ обладаніи имуществомъ, то не можетъ быть бѣдности; если есть согласіе, то не можетъ быть безпомощности; если царствуетъ миръ, то не можетъ пасть государство. Поэтому, когда чуждые народы не покоряются, то нужно внутри своего государства усиливать образованность и добродѣтель, чѣмъ только и можно покорить чужеземцевъ; когда послѣдніе приведены въ покорность, то должно обезпечить для нихъ пользованіе спокойствіемъ».

Сущность ученія Конфуція сводится къ слѣдующему: «Существуетъ единая, неизвѣстнымъ образомъ возникшая природа, состоящая изъ двухъ противоположныхъ силъ, — положительной и отрицательной; совокупностью этихъ силъ она произвела человѣка, который, какъ сознательная единица, долженъ прожить на землѣ извѣстное время и прекратить бытіе. Такъ какъ человѣкъ рождается съ извѣстными инстинктами и потребностями, то онъ, какъ продуктъ природы, стремится къ полному ихъ удовлетворенію. Но человѣкъ существуетъ на землѣ не одинокимъ; онъ рождается, возрастаетъ и живетъ въ кругу семейства, общества, государства, человѣчества. Возможность полнаго удовлетворенія своихъ инстинктовъ и потребностей является, слѣдовательно, для человѣка обусловленною отношеніями его къ другимъ живущимъ на землѣ людямъ. Прежде всего возникаютъ отношенія къ родителямъ и они становятся для человѣка пробнымъ камнемъ, основою всѣхъ другихъ его отношеній. Отсюда необходимость ученія о сыновнемъ благочестіи. Натуральный человѣкъ, явившись уже въ роли почтительнаго сына, опредѣляетъ свои отношенія къ ближайшему кругу людей—своимъ братьямъ и родственникамъ. Отсюда

ученіе о братскомъ согласіи. Освоившись во всѣхъ отношеніяхъ съ ролью члена семьи, натуральный человѣкъ стремится удовлетворить одинъ изъ самыхъ сильныхъ своихъ инстинктовъ—половой и опредѣляетъ свои отношенія къ людямъ другого пола. Отсюда ученіе о бракѣ. Одновременно съ переходомъ въ роль отца семейства натуральный человѣкъ, исходя изъ положеннаго раньше основанія, окончательно опредѣляетъ свои отношенія къ обществу, государству и человѣчеству. Всѣ категоріи отношеній требуютъ отъ человѣка извѣстныхъ качествъ, и онъ долженъ развить въ себѣ эти качества, чтобы не быть нарушителемъ гармоніи и черезъ то не сократить своей жизни или своего благоденствія. Такимъ образомъ, натуральный человѣкъ превращается въ культурнаго человѣка, стремящагося развить свои только лучшіе инстинкты и потребности. Когда путемъ опредѣленія отношеній натуральный человѣкъ опредѣлитъ и разовьетъ свои лучшіе инстинкты и потребности, то его благоденствіе можетъ считаться уже обезпеченнымъ. Слѣдовательно, высшее благо человѣка, земное благоденствіе, достижимо только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ правильно понимаетъ сущность благоденствія и правильно опредѣляетъ свои отношенія къ людямъ; правильность опредѣленія отношеній зависитъ отъ широты и крѣпости основы, т.-е. отъ той мѣры, въ какой человѣкъ сознаетъ и исполняетъ свои сыновнія обязанности. Такимъ образомъ, сыновнее благочестіе есть залогъ человѣческаго благоденствія, есть основаніе культурно-соціальнаго прогресса.

Понятіе о такомъ его значеніи, несомнѣнно, явилось у консервативнаго философа подъ вліяніемъ исконныхъ традицій существовавшаго въ Китаѣ родового быта и культа предковъ; но исходный пунктъ необходимости существованія этого факта у Конфуція уже совершенно другой, чѣмъ у древнѣйшихъ китайцевъ: здѣсь сыновнее благочестіе нужно было, главнымъ образомъ, для благополучія загробнаго существованія душъ усопшихъ предковъ; тамъ для благоденствія живыхъ людей, для благоустройства государственнаго быта, для устраненія смутъ и бѣдствій современной Конфуцію дѣйствительности.

При этомъ китайскій философъ выказываетъ необыкновенную проницательность и ясность взгляда, можно даже сказать, политическую мудрость: хорошая семья всегда бываетъ оплотомъ государственнаго благосостоянія; великая истина, что главный источникъ народныхъ бѣдствій коренится прежде всего въ нравахъ самого народа, кажется, далеко еще не сознается вполнѣ и въ наше время, но ею глубоко былъ проникнутъ Конфуцій и съ необыкновеннымъ практическимъ тактомъ съумѣлъ провести въ жизнь эту идею. Мудрый реформаторъ нравовъ прежде всего старался внушить народу самоуваженіе и въ правѣ былъ ожидать отъ этого факта многихъ хорошихъ послѣдствій для народной жизни.

Итакъ, Конфуцій былъ мудрецъ-практикъ, истинный благодѣтель своего времени, глубокомысленный мыслитель и великій моралистъ, проповѣдующій свое ученіе въ формѣ дорогихъ народному сердцу древнихъ принциповъ жизни, онъ привлекъ къ себѣ симпатіи народа и сдѣлался идеаломъ мудрости въ глазахъ китайской интеллигенціи.

Послѣ смерти Конфуція въ теченіе 200-лѣтняго періода времени ученіе его продолжало непрерывно развиваться и распространяться въ Китаѣ многочисленными ближайшими и болѣе отдаленными учениками Конфуціанской школы, проникало глубоко въ сознаніе китайскаго народа и, наконецъ, пріобрѣло огромное политическое значеніе.—Пора смутъ тогда еще не успѣла миновать: удѣльные князья были сильны и оказывали большое вліяніе на судьбу своего повелителя,—избраніе и поддерживаніе его на престолѣ зависѣло отъ воли сильнѣйшаго. Императоръ, нося только одно названіе главы имперіи, не могъ положить конца раздорамъ и кровопролитнымъ войнамъ между своими вассалами. Цѣлыя области и удѣлы воевали другъ противъ друга; десятитысячныя арміи приводились въ движеніе; не щадились ни поля, ни жизнь человѣка; послѣ одного сраженія отрѣзано было болѣе 240,000 головъ. Ожесточеніе усилилось, когда всѣ удѣлы превратились въ семь царствъ, владѣтели которыхъ, не считая уже болѣе нужнымъ поддерживать главу имперіи изъ потомковъ Чжоускаго дома, открыто боролись между собою за верховный престолъ въ теченіе 33 лѣтъ (255—222 гг. до Р. Х.). Тогда весь Китай взволновался, всякій мужчина становился солдатомъ. Пагубныя слѣдствія удѣльнаго управленія, паденіе его, стремленіе къ созданію монархіи и поддержкѣ ея, паденіе Циньскаго дома и воцареніе Ханьскаго,—этотъ 50-лѣтній переворотъ въ Китаѣ отнялъ милліоны рукъ отъ земледѣлія. Оно остановилось,—поля поросли травой, да и не стоило стремиться воздѣлывать нивы, когда безпрестанно проходившія войска уничтожали труды земледѣльцевъ въ самомъ началѣ. Земли закладывались, продавались, владѣльцы ихъ отправлялись въ другія мѣста изыскивать себѣ всякія позволительныя и непозволительныя средства пропитанія; а люди корыстолюбивые, пользуясь обстоятельствами, захватывали чужую собственность. Продолжительное отсутствіе прежнихъ владѣльцевъ, запутанность управленія, вѣсъ богатыхъ людей въ глазахъ чиновниковъ, сдѣлали то, что присвоенныя земли навсегда остались за присвоителями; прежніе владѣльцы уже не могли потребовать своей собственности, такъ какъ законные документы во время смутъ исчезали и разборъ тяжебъ даже для самаго добросовѣстнаго судьи становился затруднительнымъ, а иногда и вовсе невозможнымъ. Богатые люди отдавали свои обширныя земли бѣднымъ земледѣльцамъ въ аренду за тяжкіе оброки; землевладѣльцы все больше и больше богатѣли, а арендаторы приходили въ крайнюю нищету и, наконецъ, закладывали или продавали, кабалили себя,

своихъ женъ и дѣтей на вѣчное рабство своему земельному хозяину. При такихъ обстоятельствахъ многочисленные ученики Конфуція не могли уже, вѣроятно, оставаться пассивными свидѣтелями происходящихъ передъ ихъ глазами бѣдствій. Сознавая свое превосходство надъ окружающими, они долго оставались въ тѣни, разработывая идеи дорогого учителя, быть можетъ, создавая тѣмъ временемъ многое и собственными силами; но когда терпѣніе ихъ истощилось, является знаменитый конфуціанецъ Мень-цзы и начинаетъ громить правительство: «Что должна сдѣлать жена съ мужемъ, ее покинувшимъ?» спрашиваетъ онъ у владѣтельнаго князя.—«Бросить его и взять другого», отвѣчаетъ послѣдній.—«Что должно сдѣлать съ чиновникомъ, не исполняющимъ своихъ обязанностей?»—«Отставить!»—«Ну, а когда князь дурно правитъ?»—Князь посмотрѣлъ направо и налѣво и завелъ рѣчь о другомъ.—Конфуціанство могло легко разростаться во время междоусобныхъ войнъ. Когда Цинъ-ши-хуань-ди соединилъ Китай подъ одну власть, общественное мнѣніе, поддерживаемое конфуціанцами, отнеслось уже ко всѣмъ его распоряженіямъ, такъ враждебно что онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ конфуціанцами, раздраженными тѣмъ, что не по ихъ идеямъ соединили Китай, не спросясь ихъ правятъ. По словамъ преданія, Цинь-ши-хуань-ди сжегъ нѣкоторыя конфуціанскія книги и зарылъ въ землю живыми 400 недовольныхъ конфуціанскихъ писателей. Это вовсе не было гоненіемъ на науку, какъ говорятъ китайцы: оставались и казенные ученые академики, не преслѣдовались книги астрономическія, математическія, по части сельскаго хозяйства, естественной исторіи, медицины и, вообще, всѣ полезныя для народа въ его домашнемъ обиходѣ; сдѣлана была даже уступка въ духѣ конфуціанства: позволено брать уроки у правителей для изученія гражданскихъ законовъ. Вооружались лишь противъ педантовъ, осуждавшихъ все новое въ пользу стараго. Но конфуціанцы мѣтко и ядовито обозвали такое распоряженіе правительства: «Оно хочетъ, сказали они, оглупить черноголовый народъ», т.-е., чтобы онъ не имѣлъ своего мнѣнія, на все бы глядѣлъ глазами правительства. Конфуціанцы уже могли тогда быть увѣрены, что общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ, что народъ уже въ ихъ рукахъ, смотритъ ихъ глазами, сочувствуетъ только тому, чему они его учатъ. Дорого поплатился Цинь-ши-хуань-ди за это презрѣніе къ народу и его ученію: скоро пала его династія, и нѣтъ сомнѣнія, что причиной этого паденія была вражда конфуціанцевъ, которые открыто присоединялись къ бунтовщикамъ. Но вслѣдъ затѣмъ съумѣлъ взяться за дѣло хитрый домъ Хань: онъ видѣлъ силу общественнаго мнѣнія и призвалъ конфуціанцевъ къ управленію.—Ставъ у трона и взявъ въ свои руки бразды правленія, конфуціанцы уже отдѣлились отъ народа, хотя и считались его друзьями: власть измѣняетъ характеры, немногіе могутъ устоять про-

тивъ ея вреднаго вліянія. Всѣ ученики Конфуція не могли отличаться великодушіемъ ихъ учителя: нѣкоторые изъ нихъ остались вѣрны, главнымъ образомъ, только принципу хулить всякое нововведеніе, ссылаясь на образецъ древнихъ царствъ, и заботиться о расширеніи своей власти. Но, разумѣется, великія основы конфуціанскаго ученія, отъ которыхъ конфуціанцы получили ихъ значеніе, не могли быть измѣнены въ своей сущности и продолжали развиваться въ томъ же направленіи конфуціанской школой, хотя и доведены были впослѣдствіи до крайности. Желаніе угодить правительству заставляло даже иногда измѣнять нѣкоторыя мѣста въ классическихъ книгахъ въ пользу усиленія авторитета монархической власти. Занесенная въ китайскія книги легенда говоритъ, что Конфуцій незадолго до смерти далъ наиболѣе любимымъ своимъ ученикамъ завѣщаніе поддерживать и распространять его ученіе соотвѣтственно особымъ способностямъ каждаго изъ нихъ: «Вы, сказалъ онъ, обращаясь къ однимъ, должны поддерживать мораль,—вы въ состояніи раскрывать принципы нравственности и указывать способы ихъ выраженія на практикѣ, вы можете дѣлать высокодобродѣтельными тѣхъ людей, которые попадутъ подъ ваше руководство». Относясь къ другимъ, онъ сказалъ: «Вы имѣете природный даръ слова и усовершенствовали его путемъ искусственнымъ, вамъ слѣдуетъ заниматься краснорѣчіемъ: съ помощію его вы легче убѣдите современниковъ въ томъ, что они не достигнутъ на землѣ благоденствія, если не будутъ въ точности исполнять своихъ обязанностей». «Вы, сказалъ онъ, обращаясь къ третьимъ, много вращались въ свѣтѣ, знаете интересы князей и понимаете, какъ нужно управлять людьми; вы должны принимать на себя бремя гражданскихъ должностей, и особенно тѣхъ, которыя могутъ ставить васъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, вы можете даже въ случаѣ приглашенія помогать государямъ въ ихъ управленіи». Четвертымъ Конфуцій сказалъ: «Вы пріобрѣли большія научныя познанія путемъ изученія древности, вы можете принести большую пользу, если будете знакомить и государей, и народъ съ доктриною, законами, нравами, обычаями и поведеніемъ первыхъ основателей китайской имперіи, проводя при этомъ параллель между древними временами и новыми, вы можете такимъ образомъ возбудить въ современникахъ чувство стыда, и тѣмъ самымъ заставить ихъ, если ужъ не во всемъ подражать древнимъ мудрецамъ, то, по крайней мѣрѣ, стремиться къ подражанію. Вотъ мой послѣдній вамъ совѣтъ, какъ друга, послѣдній урокъ, какъ учителя!» Ученики Конфуція, вѣроятно, старались приблизительно слѣдовать этой программѣ. Но въ роли правительства въ виду смутныхъ обстоятельствъ того времени и необходимости усилить авторитетъ монархической власти въ Китаѣ, отчасти, быть можетъ, и изъ угожденія этой власти, они больше всего занимались разработкой важ-

наго вопроса о китайскихъ «ли» (церемоніяхъ, или правилахъ для поведенія) и писали многочисленные комментаріи на «Лицзинъ», каноническую книгу церемоній, приписываемую Конфуцію, стараясь опредѣлить при этомъ до мельчайшихъ подробностей поведеніе гражданина въ его отношеніяхъ къ семьѣ, обществу и, въ особенности, къ правительству. Въ отношеніи строгости требованій выраженія сыновней почтительности конфуціанцы идутъ дальше своего учителя. Вотъ что говорится по этому поводу въ Сяоцзинѣ—приписываемой Конфуцію книгѣ «о сыновнемъ благочестіи:» «Тѣломъ нашимъ, до самыхъ волосъ и кожи, мы обязаны родителямъ: сохранять свое тѣло и не портить его — это первое требованіе сыновняго благочестія; утвердиться въ нравственномъ поведеніи, обезсмертить свое имя и простереть славу на родителей—это конечное требованіе сыновняго благочестія. Начало этого послѣдняго—служеніе родителямъ, средина—служеніе государю, конецъ нравственное самоусовершенствованіе... Кто любитъ своихъ родителей, не посмѣетъ ненавидѣть людей; кто уважаетъ родителей, не посмѣетъ презирать людей. Истощать все свое уваженіе, всю свою любовь въ служеніи родителямъ, направлять народъ на путь добродѣтели, простирать свое нравственное вліяніе въ предѣлахъ четырехъ морей (т.-е. на варваровъ)— вотъ въ чемъ заключается сыновнее благочестіе государя... Сыновнее благочестіе чиновниковъ заключается въ томъ, чтобы отъ служенія отцу переходить къ служенію матери и къ обоимъ чувствовать одинаковую любовь, чтобы отъ служенія матери переходить къ служенію государю и къ обоимъ питать одинаковое уваженіе: отца должно любить, какъ мать, и уважать, какъ государя. Если чиновники будутъ служить государю съ чувствами сыновняго благочестія, то они сдѣлаются преданными; если будутъ относиться съ почтеніемъ къ высшимъ, то станутъ послушными... Пользоваться тѣмъ, что земля производитъ въ каждое время года, быть осмотрительнымъ къ самому себѣ, умѣрять свои расходы, чтобы имѣть чѣмъ кормить родителей,—вотъ въ чемъ заключается сыновнее благочестіе простолюдина.

Человѣкъ—самое драгоцѣнное созданіе земли и неба, сыновнее благочестіе—самое главное въ поведеніи человѣка, почтеніе къ родителю—самое важное въ сыновнемъ благочестіи. Что можетъ прибавить мудрый человѣкъ къ сыновнему благочестію? Человѣкъ получаетъ отъ родителей жизнь, потому его связи съ ними важнѣе всѣхъ другихъ связей, и права родителей на дѣтей важнѣе всѣхъ другихъ правъ. Не почитать своихъ родителей противно естественному закону... Всегда выражать полное уваженіе къ родителямъ; доставлять имъ пищу самую любимую; скорбѣть, когда они больны; сокрушаться до глубины души при ихъ кончинѣ; приносить имъ — усопшимъ жертвы съ религіозной торжественностью,—вотъ пять обязанностей

сыновняго благочестія. Кто такъ служитъ своимъ родителямъ, тотъ, находясь въ высокомъ положеніи, не гордится; находясь въ низшемъ, не производитъ возмущеній, избѣгаетъ споровъ: гордость ведетъ къ паденію, возмущенія — къ наказаніямъ, споры — къ вооруженнымъ дракамъ; кто не остерегается всего этого, тотъ не имѣетъ сыновняго благочестія, хотя бы онъ и кормилъ своихъ родителей тремя сортами жертвенныхъ животныхъ... Самъ императоръ имѣетъ кого почитать—отца своего, имѣетъ кого считать впереди (выше) себя—своихъ старшихъ родственниковъ. Чествуя предковъ въ храмѣ ихъ, императоръ выражаетъ память о нихъ; чтобы не покрыть своихъ предковъ стыдомъ, императоръ заботится о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи. Благочестивый сынъ, въ траурѣ по родителямъ, не имѣетъ силы рыдать, совершаетъ церемоніи, какъ бы не владѣя собой; говоритъ безсвязно, некрасиво; чувствуетъ неловкость даже и отъ хорошо сдѣланной одежды; не находитъ удовольствія въ музыкѣ, не разбираетъ вкуса въ пищѣ,—такова сила печали... Въ конфуціанскомъ кодексѣ правилъ или церемоніяхъ постановленъ по умершемъ отцѣ трехлѣтній трауръ — временное монашество: въ теченіе этого срока нельзя было жениться, пользоваться какими-либо удовольствіями, заниматься музыкою, даже бриться. Чиновникъ, какое бы онъ мѣсто ни занималъ, даже во время войны, какъ только получитъ извѣстіе о кончинѣ кого-либо изъ своихъ родителей, долженъ прежде всего заплакать и, не спрашивая разрѣшенія начальства, бросить должность и спѣшить ко гробу покойнаго. Конфуціанство, ратующее противъ расточительности, ставитъ въ обязанность похоронную роскошь; сынъ, и не получивъ никакого наслѣдства, долженъ заплатить долги своего отца и дѣда; изъ-за одной только идеи сыновней почтительности, онъ не имѣетъ права подвергать себя самоубійству, потому что тѣло получено имъ отъ родителей; за отцеубійство не только рѣжутъ виновника въ куски, но наказаніе простирается на самую мѣстность, гдѣ жилъ преступникъ: у города выламываютъ часть стѣны; отецъ даже и послѣ совершеннолѣтія сына — полный хозяинъ его имущества, хотя бы оно было нажито трудомъ; вводилось множество унизительныхъ для сына обычаевъ: онъ не имѣетъ права идти рядомъ съ отцомъ, не смѣетъ сѣсть въ его присутствіи и т. п. — Съ идеей сыновней почтительности тѣсно связано ученіе о почтеніи къ старшимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается мѣрка и для всего общества; въ немъ только и существуютъ, что старшіе да младшіе; равные другъ передъ другомъ называютъ себя братьями. Конфуціанство, по выраженію г. Васильева, золотитъ за то правительство: «Рѣдко бываетъ, чтобы кто изъ почтительныхъ къ родителямъ и старшимъ возставалъ на высшихъ, и не можетъ быть, чтобы тотъ, кто не возстаетъ на высшихъ, произвелъ бы возмущеніе», говорится въ Луньюѣ. — Но и почтительность сыновняя, и уваженіе къ стар-

шимъ, и устройство дома, заключающееся въ выполненіи должнаго порядка въ отношеніяхъ всѣхъ членовъ семьи, все клонится въ конфуціанствѣ къ одной общей цѣли — къ поддержанію государства на службѣ восточному государю. Преданность и вѣрность престолу — вотъ къ чему сводится, главнымъ образомъ, все это устройство. Права сына немногимъ разнятся отъ правъ раба. Первое требованіе отъ чиновника—вѣрность престолу: ему все скорѣе можно простить, чѣмъ измѣну, хотя въ поведеніи, вообще, чиновникъ долженъ подражать образцу выработаннаго конфуціанствомъ идеала благороднаго мужа, или ученаго. «Онъ учится многому, а платье его сообразно съ мѣстностью. Ученый, сидя на рогожкѣ, усвоиваетъ высшія правила, въ ожиданіи, что его спросятъ: укрѣпляется въ преданности престолу, ожидая, что его повысятъ въ должности; напрягаетъ усилія, чтобы быть способнымъ къ исполненію порученій. Такъ онъ приготовляетъ себя... При полной вѣжливости, онъ какъ-будто небреженъ; въ маловажныхъ случаяхъ, какъ-будто стыдится, смотритъ слабымъ, какъ будто неспособенъ... прежде чѣмъ заговорить, уже внушаетъ довѣріе... заботится не о богатствѣ, а объ изяществѣ... передъ выгодой не повредитъ истины... видя смерть, не измѣнитъ своему долгу... его можно умертвить, но не пристыдить; ученый живетъ съ нынѣшними людьми, а изслѣдуетъ древнихъ; дѣйствуетъ въ настоящемъ, а думаетъ о будущемъ». — Но конфуціанство изобрѣло строгія правила и для восточнаго деспота богдыхана: онъ стѣсненъ въ своемъ дворцѣ больше, чѣмъ послѣдній изъ его подданныхъ; подмѣчается каждое слово императора, каждое дѣйствіе; онъ ѣстъ, спитъ и встаетъ по расписанію.

Всякое сколько-нибудь важное дѣло обсуждается въ совѣтѣ, и богдыханъ можетъ только примкнуть къ той или другой сторонѣ въ этомъ случаѣ. Вотъ какія наставленія даетъ императорамъ знаменитый конфуціанецъ Менъ-цзы, пользовавшійся самой большой славой послѣ Конфуція: «Если ты, государь, говоритъ онъ, даруешь народу гуманное правленіе, уменьшишь казни и взысканія, сбавишь подати и налоги; если въ твоемъ царствѣ будутъ пахать глубоко, выпалывая сорныя травы; взрослые въ свободное отъ трудовъ время будутъ руководиться почтительностью къ родителямъ, братскою любовію, преданностью и честностью, услуживая дома отцу и старшимъ братьямъ, а внѣ дома старшимъ и высшимъ, то народъ съ простыми дубинками разобьетъ крѣпкія латы и отточенные мечи царствъ Цинь и Чу (они въ то время считались страшными). Если въ этихъ царствахъ народъ будетъ бѣдствовать, а ты пойдешь наказать правителей и освободить угнетенныхъ, кто будетъ тебѣ врагомъ? Если отъ уваженія собственныхъ родныхъ стариковъ ты перейдешь къ уваженію стариковъ народа, если любовь къ собственнымъ юношамъ перенесешь на молодежь всего народа, то вся вселенная будетъ у тебя въ рукахъ...

Расширяя милосердіе, можно охранить все, заключающееся въ 4-хъ моряхъ (весь Китай), не расширяя—не охранишь и собственной жены и дѣтей. Если ты, государь (Цинскій Сюань-юнъ), даруя гуманное управленіе, возбудишь въ служащихъ во всей вселенной желаніе служить при твоемъ дворѣ, въ пахаряхъ — желаніе пахать на твоихъ поляхъ, въ купцахъ — складывать товары на твоихъ рынкахъ, въ путешественникахъ—ѣздить по твоимъ дорогамъ, и всѣ недовольные своими государями захотятъ тебѣ жаловаться, въ такомъ случаѣ кто можетъ противиться?

Только одни возвышенные государственные мужи могутъ, не имѣя обезпеченнаго состоянія, сохранять твердость духа; народъ же безъ обезпеченной собственности не можетъ быть постояненъ, и потому всегда готовъ предаваться разврату, заблужденіямъ и необузданности. Наказывать его при такомъ положеніи за преступленія—то же, что разставлять сѣти. Можетъ ли гуманный человѣкъ, сидя на престолѣ, разставлять сѣти своему народу? Поэтому умный государь распредѣляетъ народную собственность такъ, чтобы народу было чѣмъ прокармливать родителей, содержать женъ и дѣтей; чтобы въ благопріятный годъ ему было досыта, а въ бѣдственный—чтобы онъ могъ избѣжать голодной смерти. При такихъ условіяхъ можно требовать отъ народа, чтобы онъ устремился къ добру, и народъ легко исполнитъ это требованіе. Никогда еще не бывало, чтобы кто радуется и печалится со вселенной, не властвовалъ!

Великій учитель Конфуцій говоритъ, что въ древности сынъ неба считалъ придворныхъ вельможъ своими руками, добродѣтель и законъ уздою, сто чиновъ — вожжами, уголовныя наказанія стимуломъ, народъ—лошадьми. Чтобы хорошо управлять лошадьми, нужно правильно ихъ взнуздать, ровно держать вожжи и стимулъ, слѣдуетъ соразмѣрять силы лошадей и наблюдать за согласнымъ бѣгомъ послѣднихъ; при этихъ условіяхъ управителю можно не издавать ни одного звука, вовсе не хлопать вожжами и не подстрекать стимуломъ: лошади побѣгутъ сами собою. Такъ точно и хорошее управленіе народомъ состоитъ въ томъ, чтобы возвышать добродѣтель и законность, правильно распредѣлять должности, соблюдать соразмѣрность въ пользованіи народными силами, приводить въ согласіе и успокоивать сердце народа. Шунь былъ великій государь, потому что умѣлъ выслушивать наставленія приближенныхъ; ему долженъ подражать всякій на его мѣстѣ». Китайскій императоръ обязанъ выслушивать всѣ проэкты, предлагаемые ему совѣтниками. На цензорахъ даже лежитъ прямая обязанность доносить обо всемъ, что они услышатъ императору. Богдыханъ обязанъ наряжать слѣдствія по этимъ доносамъ; отвѣтственности никто не подвергается, если они окажутся ложными. Отъ цензоровъ не ускользаетъ и самъ императоръ: малѣйшее отступленіе имъ отъ правилъ можетъ возбудить гласный про-

тестъ.—Общими усиленными трудами конфуціанцевъ выработался китайскимъ правительствомъ цѣлый кодексъ необходимыхъ правилъ для поведенія, получившій характеръ законодательнаго акта, называемый «Лицзи» или Собраніе церемоній; кромѣ того, составилось еще нѣсколько книгъ въ томъ же родѣ. Это своеобразные комментаріи на Лицзинъ,—каноническую книгу церемоній, приписываемую Конфуцію; но здѣсь основная мысль его является уже значительно измѣненной: Конфуцій искалъ въ исторіи только законовъ и выводовъ для нравственности, а конфуціанцы прямо изъ придуманныхъ и добытыхъ изъ исторіи законовъ нравственности дѣлаютъ предписанія для всей будущей жизни народа, и, такимъ образомъ, останавливаютъ историческое развитіе. Китайское слово «ли» (церемонія) имѣетъ очень обширное значеніе: оно охватываетъ религію, весь образъ жизни человѣка, весь государственный строй. Во всемъ этомъ нуженъ порядокъ, форма, но съ ней тѣсно соединяется и внутреннее ея содержаніе.

Вотъ что говорятъ китайцы о смыслѣ слова «ли»: «Церемоніи составляютъ связь неба съ землею; онѣ утверждаютъ порядокъ между людьми, онѣ прирождены человѣку, а не искусственная только внѣшность или прикраса въ выраженіи сердечныхъ влеченій; церемоніи основаны на различіи въ высшемъ и низшемъ достоинствѣ вещей, на разнобразіи природы. Вслѣдствіе этого, введены формы для одежды, правила для выполненія обрядовъ: совершеннолѣтія, браковъ, похоронъ, жертвоприношеній, представленій ко двору, угощеній, почтенія къ старости; опредѣлены отношенія между государемъ и чиновниками, отцомъ и сыномъ, старшими и младшими братьями, мужемъ и женою, другомъ и товарищемъ; даже средства къ образованію себя, устройству домашняго порядка, управленію государствомъ, устройству вселенной не могутъ обойтись безъ церемоній.» Словомъ, всѣ китайцы, начиная съ самого императора, на каждомъ шагу должны были подчиняться своимъ «ли», или церемоніямъ.—Но ученіе конфуціанцевъ, по ихъ словамъ, состояло, главнымъ образомъ, въ объясненіи требуемыхъ отъ всякаго пяти неизбѣжныхъ достоинствъ и въ утвержденіи трехъ главныхъ отношеній: Первыя, — человѣколюбіе, истина, нравственность, или церемоніи, мудрость (т.-е. знаніе конфуціанскаго ученія) и честность, ими долженъ украшать себя всякій, а отъ украшенія собственной особы зависитъ устройство дома; когда будетъ устроенъ домъ, тогда устроится и государство, а отъ этого зависитъ и вся вселенная. Три необходимыхъ отношенія: отца къ сыну, мужа къ женѣ и государя къ чиновникамъ. (Въ нихъ выражается, главнымъ образомъ, характеристика не только конфуціанства, но и всего Китая вообще).—Сочиненія конфуціанцевъ еще до выступленія ихъ на политическое поприще составляли обширную литературу; съ этого же времени они считали своей обязанностью постоянно упраж-

няться въ комментаріяхъ на девять каноническихъ книгъ Конфуція— эту китайскую библію, легшую въ основу воспитанія всего народа. Она состоитъ изъ пятикнижія (У-цзинъ) и четверокнижія (Сыту). Первое заключается: въ И-цзинѣ—книгѣ перемѣнъ, Шу-цзинѣ—книгѣ исторіи, Ши-цзинѣ—книгѣ поэзіи, Ли-цзи—замѣтокъ о ритуалѣ (обрядахъ), Чунь-цю—весна и осень (лѣтопись). Въ составъ четверокнижія входятъ: Дасе—великое ученіе, Чжунъ-юнъ—ученіе о неизмѣнной срединѣ, Лунь-юй — разговоры, Мэнъ-цзы—изложеніе ученія этого философа. Историческая легенда повѣствуетъ, что императоръ Цинь-ши-хуанъ-ди въ 213 году до Р. Х. приказалъ сжечь главнѣйшія конфуціанскія книги, что и было, будто бы, исполнено. Слѣдующіе затѣмъ императоры покровительствовали конфуціанству, совершали торжественныя путешествія къ могилѣ Конфуція; императоръ Чжанъ-ди (75 — 88 гг. по Р. Х.) приказалъ собранію ученыхъ пересмотрѣть классическія книги и сдѣлать полный сводъ ихъ; императоръ Линъ-ди (168—190 г. по Р. Х.) повелѣлъ вырѣзать 5 цзиновъ на 46 мраморныхъ доскахъ и поставить эти доски передъ входомъ въ академію. Канонъ классическихъ книгъ не разъ подвергался измѣненіямъ: то распространялся, то сокращался. Послѣдняя окончательная его редакція въ формѣ пятикнижія и четверокнижія принадлежитъ ученымъ сунской династіи (960 — 1279 г. по Р. Х.) На книги эти, несомнѣнно, нужно смотрѣть, какъ на общее произведеніе конфуціанства; но въ нихъ развиваются всѣ стороны Конфуціева ученія, дополненныя комментаріями его послѣдователей. Можно даже сказать съ достовѣрностью, что въ цзинахъ и шу не осталось ни одного параграфа, ни одной строчки безъ самаго полнаго объясненія.

Насколько подробны толкованія на каноническія книги, можно судить уже по одному тому, что сборникъ всѣхъ конфуціанскихъ книгъ содержитъ въ себѣ 134 книги, а толкованія на него 360 книгъ; кромѣ того, критика комментаріевъ составляетъ еще 300 книгъ; но и помимо комментированія ученые конфуціанцы написали огромное количество сочиненій въ духѣ Конфуціева ученія. Конфуціанская литература весьма обширна; все, касающееся нравственности человѣка, его семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ и религіозныхъ отношеній, исчерпано до конца на основаніи указанныхъ Конфуціемъ принциповъ. Касаясь вопросовъ первой важности и возбуждая къ себѣ общій интересъ, конфуціанская литература и обязательно распространяется въ Китаѣ правительствомъ.—Съ императора Уди (86—140 гг. по Р. Х.) на государственныя должности назначаются, преимущественно, конфуціанцы: чиновниковъ выбираютъ по предварительному экзамену въ конфуціанскихъ книгахъ; онѣ же составляютъ въ большей или меньшей степени основной матерьялъ преподаванія въ китайскихъ училищахъ всякаго рода,—отъ низшихъ до высшихъ; соотвѣтственно степени знанія классическихъ книгъ ученые получаютъ ихъ

государственныя должности, высшая ученая степень дается послѣ экзамена въ конфуціанскихъ книгахъ. Такимъ образомъ, почти все управленіе обширной имперіей находится въ рукахъ людей, усвоившихъ вполнѣ систему конфуціанской философіи. Перспектива сдѣлаться чиновникомъ заставляетъ и самыхъ бѣднѣйшихъ китайцевъ стараться давать своимъ дѣтямъ конфуціанское образованіе; даже люди разнообразныхъ религій поступаютъ въ конфуціанскія школы. Но знаніе принциповъ конфуціанства можетъ почерпаться китайцами и не изъ одной только конфуціанской литературы: почти всѣ лучшія литературныя и другія произведенія, какъ развившіяся на почвѣ конфуціанства, содержатъ въ себѣ большую или меньшую долю того же начала, которое указано было Конфуціемъ, какъ коренное въ жизни отдѣльнаго человѣка, семейства, общества и государства.

Принципы конфуціанства въ сильной степени поддерживаются китайскимъ законодательствомъ: карая нечестіе и награждая добродѣтель, оно положительнымъ образомъ заставляетъ каждаго человѣка помнить объ обязанностяхъ къ родителямъ и исполнять эти обязанности, — самыя строгія наказанія назначаются за непочтительность къ старшимъ и высшимъ, исходной точкой этихъ постановленій служитъ сыновнее благочестіе: «Наказывается 80 ударами бамбуковой трости тотъ, кто, отправившись куда-либо для занятія государственной должности, оставитъ на родинѣ отца, мать, дѣда или бабку въ очень преклонномъ возрастѣ (80 л.); такому же наказанію подвергается всякая женщина и всякій мужчина, позволяющіе себѣ пировать или играть на музыкальныхъ инструментахъ, когда случилось съ кѣмъ либо изъ главныхъ родственниковъ что-либо дурное или непріятное; мужчина не долженъ даже подъ страхомъ наказанія жениться въ такомъ случаѣ.

Сынъ, обвиняющій отца или мать въ какомъ-либо преступленіи, наказывается 100 ударами и трехлѣтнею ссылкой, хотя бы обвиненіе и оказалось справедливымъ; но онъ прощается, если самъ повинится въ своемъ преступленіи. Подвергается смертной казни черезъ разсѣченіе на части тотъ, кто будетъ бить своего отца или мать, дѣда или бабку по отцу; кто нечаянно убьетъ одного изъ старшихъ родственниковъ, наказывается 100 ударами и вѣчной ссылкой за 3000 м.; смертной казни черезъ разсѣченіе на части подвергается тотъ, кто оставитъ на произволъ судьбы трупъ отца или матери, дѣда или бабки; наказывается 60 ударами и ссылкою на годъ тотъ, кто сниметъ съ себя трауръ раньше положеннаго срока времени. Во время продолженія трехлѣтняго траура чиновникъ не можетъ занимать никакой должности. Это не выполняется только тѣми, кто находится вдали отъ родины съ важными порученіями. Убійство родителей, какъ колеблющее главную основу китайской жизни, ведетъ къ самымъ строгимъ наказаніямъ и считается непрощаемымъ.

При императорѣ Цзя-цинѣ (1796—1821 г. по Р. X.) случилось, что въ одной изъ губерній мужъ въ согласіи съ женой убилъ свою мать. Губернаторъ провинціи донесъ объ этомъ происшествіи въ Пекинъ, и государь, считая положенное закономъ наказаніе за такое преступленіе недостаточно сильнымъ, въ эдиктѣ своемъ постановилъ слѣдующее: «Мѣсто, гдѣ случилось происшествіе, проклясть и отвести подъ дорогу; обоихъ виновныхъ подвергнуть смертной казни черезъ разсѣченіе на части; мать жены преступницы наказать палочными ударами; студентовъ округа, гдѣ случилось убійство, въ теченіе 3-хъ лѣтъ не допускать къ экзаменамъ; чиновниковъ этого округа лишить должностей и выслать; домъ, въ которомъ жили преступники, разрушить до основанія! Пусть губернаторъ, прибавлялось въ эдиктѣ, сдѣлаетъ оное рѣшеніе извѣстнымъ по всей имперіи. Я приказываю правителямъ губерній довести объ этомъ до свѣдѣнія старшинъ семействъ и деревень и прочитывать мое постановленіе во 2-й и 16-й день каждаго мѣсяца, чтобы выяснить важность житейскихъ отношеній, дабы никто не осмѣливался возставать противъ своихъ родителей, и весь народъ былъ бы проникнутъ дѣтскими чувствами!»

За особенное проявленіе сыновняго благочестія сыновья и дочери награждаются 30 ланами серебра и выстраиваемыми передъ ихъ воротами почетными арками, а по смерти—оффиціальными жертвоприношеніями. Для приведенія въ дѣйствіе постановленій закона на практикѣ въ Китаѣ существуетъ прокурорскій приказъ Ду-ча-юань; онъ занимается надзоромъ за порядкомъ въ дѣлахъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, кромѣ того, за поведеніемъ чиновниковъ и за нравственностью народа *). Цензоріатъ—древнее учрежденіе въ Китаѣ. Въ лѣтописи Чжоули сказано: «На обязанности цензора лежитъ наблюденіе за нравственностью простолюдиновъ; цензоръ заставляетъ ихъ жить въ согласіи между собою, быть добронравными, совершенствоваться въ искусствахъ; во время своихъ объѣздовъ цензоръ тщательно провѣряетъ поведеніе простолюдиновъ и отмѣчаетъ тѣхъ, которые отличаются добродѣтелью, добронравіемъ, успѣхами въ искусствахъ, способностями вообще, и которые могутъ быть призваны къ государственной службѣ; онъ контролируетъ, какъ областныхъ, такъ и сельскихъ правителей и доноситъ о нихъ высшему начальству, отличая тѣхъ, которые должны быть удалены отъ должностей... Наставникъ (т.-е. цензоръ же) обязанъ указывать императору то, что было бы хорошо и справедливо сдѣлать... Наставникъ долженъ находиться при императорѣ всякій разъ, когда тотъ совершаетъ жертвоприношенія, принимаетъ иностранныхъ пословъ, созываетъ со-

*) Георгіевскій: «Принципы жизни Китая».

бранія удѣльныхъ князей, участвуетъ въ похоронныхъ процессіяхъ, командуетъ войсками, отдаетъ тѣ или другія приказанія во время своихъ объѣздовъ по имперіи... Охранитель обязанъ дѣлать императору замѣчанія относительно всякаго рода его погрѣшностей... Охранитель долженъ находиться при императорѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда считается необходимымъ присутствіе наставника». Насколько китайская прокуратура, слѣдящая, какъ за исполненіемъ буквы закона, такъ и за народной нравственностью въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, является истиннымъ Дамокловымъ мечомъ не только для всякаго простолюдина, но и чиновника, всего лучше видно изъ тѣхъ замѣчаній, которыя могутъ дѣлаться цензорами императорамъ, этимъ «сынамъ неба», безконтрольнымъ, какъ принято думать, повелителямъ обширной имперіи: «Что главная, государь, обязанность сына заключается въ почтеніи къ родителямъ,—это вѣковая истина. Сынъ не ропщетъ на родителя, выслушивая его наставленія, не упрекаетъ самого себя, взвѣшиваетъ свои слова, критикуетъ свои поступки, съ крайней осмотрительностью начинаетъ относиться къ самымъ неважнымъ обстоятельствамъ, чтобы во всемъ обнаруживать передъ родителями самое полное къ нимъ почтеніе. Если при всѣхъ своихъ стараніяхъ сынъ не снискиваетъ расположенія родительскаго, онъ говоритъ самъ себѣ: мои поступки не соотвѣтствуютъ ни воззрѣніямъ, ни склонностямъ родителей, и начинаетъ трудиться надъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, чтобы стать безпорочнымъ. Таково, государь, истинное сыновнее благочестіе, украшающее вселенную, восхищающее людей, заслуживающее небеснаго благоволенія. О, сколь дорого сыновнее благочестіе! сколь исполнено прелести для всякаго человѣка! Я слыхалъ, что и хорошій государь такимъ же образомъ въ себѣ самомъ усматриваетъ причину всего, нарушающаго добрый порядокъ государственнаго управленія, что онъ печалится, узнавая даже о малѣйшихъ проступкахъ своихъ подданныхъ и старается предотвратить тѣ безпорядки, которые могли бы грозить общественному благоденствію. Спокойствіе великой имперіи обезпечивается глубокомысліемъ и постоянными заботами государя: если онъ серьезно размышляетъ, то даетъ направленіе ходу дѣлъ, парализуетъ вліяніе случайностей и во всемъ успѣваетъ. Когда государь перестаетъ быть ревностнымъ и внимательнымъ, — власть начинаетъ терять свою силу, всему начинаетъ грозить опасность, и изъ одного безпорядка, противъ котораго не было своевременно принято мѣръ, возникаетъ множество другихъ безпорядковъ. Вашему величеству, необходимо сосредоточить всѣ силы вашего великаго ума, чтобы надлежащимъ образомъ исполнить двѣ вышеуказанныя великія обязанности. Да будетъ мнѣ позволено увѣрить ваше величество, что то время, которое вы посвятите заботамъ о настоятельныхъ нуждахъ имперіи,

тѣмъ самымъ будетъ употреблено вами, наилучшимъ образомъ, на благо вашего августѣйшаго семейства!»

«Почему, ваше величество, вы, отправляясь съ наступленіемъ весны на пріятную прогулку, не остановились, проѣзжая мимо дворца вашей матушки,—это совершенно необъяснимо! Какое мнѣніе могутъ составить о вашей священной особѣ ваши подданные? Вы, можетъ быть, скажете, что у васъ не было для этого времени, — конечно, государь, заботы и труды по управленію огромны: они оставляютъ вашему величеству слишкомъ мало свободнаго времени, стоятъ многихъ безсонныхъ ночей и настолько поглощаютъ ваше вниманіе, что вы, не опасаясь какихъ-либо послѣдствій, сочли возможнымъ не дѣлать визита. Но развѣ только у вашего величества дни такъ заняты, что вы уже совершенно не могли найти времени исполнить обязанности къ императрицѣ, вашей августѣйшей матушкѣ? Можете ли вы сравниться въ этомъ отношеніи съ самымъ низшимъ чиновникомъ или простолюдиномъ? Тѣ, хотя и принуждены постоянно трудиться, чтобы снискивать средства къ жизни и по возможности ограждать себя отъ тысячи случайностей, не осмѣливаются, однако, быть небрежными къ своимъ сыновнимъ обязанностямъ и всячески стараются исполнять ихъ, потому что на почтеніе, оказываемое родителямъ, они смотрятъ, какъ на постоянный урокъ младшимъ членамъ своихъ семействъ и какъ на первую побудительную причину къ дружбѣ съ своими согражданами. Не они должны въ этомъ отношеніи служить примѣромъ для вашего величества, а, напротивъ того, вы—для всей имперіи. Да будетъ благоугодно вашему величеству не поступать впередъ такимъ образомъ!» «Почему вы, государь, не присутствовали на похоронахъ вашей матушки? Почему не явились, когда тѣло усопшей полагаемо было въ гробницу? Почему не пришли обнаружить слезами и вздохами свою безутѣшную скорбь? Почему, наконецъ, вы не облеклись въ трауръ?... И во дворцѣ и въ городѣ неудовольствіе всеобщее, всѣ единогласно кричатъ: онъ началъ тѣмъ, что, проѣзжая мимо ея дворца, не остановившись около него, поступилъ вопреки требованіямъ сыновняго благочестія; теперь онъ осмѣлился не отдать послѣдняго долга ей усопшей; онъ не признаетъ закона, установленнаго небомъ! —Ваше величество, ссылаетесь на болѣзнь, но какъ бы народъ ни былъ умственно ограниченъ, онъ все-таки имѣетъ настолько проницательности, чтобы не давать вѣры такому пустому извиненію. Говорятъ, что ваше величество, устраиваете, какъ и въ обыкновенное время, пиры и предаетесь удовольствіямъ! Какъ же вѣрить болѣзни, которою вы себя оправдываете? — никто и не вѣритъ. Трудно объяснить, на что вы разсчитываете! Народъ не видитъ даже пользы въ сохраненіи вашего драгоцѣннаго здоровья и ожидаетъ бѣдствій, о которыхъ боится и подумать. (Въ Китаѣ су-

ществуетъ понятіе, что небо наказываетъ народъ за грѣхи императора). Какъ возможно вамъ, императору, уклоняться отъ исполненія великой обязанности, которую выполняетъ простой сановникъ или простолюдинъ? Въ ночь третьихъ сутокъ траура показалась бѣлая радуга (сѣверное сіяніе), распространявшаяся по всей сѣверной части неба,—въ народѣ говорятъ, что это предвѣщаетъ войну. Какъ же вы, ваше величество, ничѣмъ не обнаруживаете ни печали, ни страха, ни раскаянія, ни собственнаго исправленія! Мы всѣ поражены ужасомъ, и не знаемъ ужъ, какого рода смерти и ожидать для себя! Въ древности сынъ, наслѣдовавшій отцу, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти не позволялъ себѣ производить какихъ-либо реформъ въ управленіи. Я нижайшій подданный, вашего величества, умоляю васъ держаться этого древняго правила, которому вы должны тѣмъ болѣе слѣдовать, что теперь еще только начало второго года траура по усопшемъ государѣ. Трехгодичный трауръ обязателенъ для всѣхъ — отъ императора до самаго послѣдняго подданнаго, — осмѣливаюсь просить ваше величество запретить во дворцѣ музыку, пиршества, празднества и какого бы то ни было рода увеселенія. Когда истечетъ срокъ трехгодичнаго траура, ничто не помѣшаетъ вашему величеству дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Но въ настоящее время вамъ слѣдуетъ быть внимательному къ самому себѣ, чтобы не поступать вопреки этому прекрасному древнему правилу, имѣющему столь глубокій смылъ. Воздавая почести предкамъ, нужно заботиться, чтобы это проявленіе было согласно съ законами и могло служить примѣромъ для будущихъ поколѣній. Я, нижайшій подданный вашего величества, умоляю васъ серьезно подумать объ этомъ предметѣ и постараться не нуждаться впередъ въ какихъ-либо указаніяхъ!»—«Я, нижайшій подданный вашего величества, не могу долѣе молчать. Съ тѣхъ поръ, какъ вы находитесь на тронѣ, времена года замѣтно утратили свою правильность, свѣтила движутся какъ бы по новымъ путямъ; поля не удовлетворяютъ самымъ насущнымъ нашимъ потребностямъ; чиновники-правители не являются болѣе ни отцами для народа, ни защитниками невинности; злодѣи становятся смѣлѣе и составляютъ заговоры противъ общественнаго спокойствія. Истинная и единственная причина всего этого заключается въ томъ, что ваше величество, отвратили взоры отъ своихъ августѣйшихъ предковъ, не подражаете ихъ примѣру и день ото дня все болѣе уклоняетесь отъ пути, ими начертаннаго. Это они, ваши предки, государь, воздвигли тотъ тронъ, который вы теперь, по соизволенію неба, занимаете; только своими добродѣтелями вы можете утвердить этотъ тронъ и поддержать его славу. Жить во дворцѣ, быть окруженнымъ великолѣпіемъ и роскошью, ничего не значитъ! Ваше величество, не любите, когда къ вамъ приходятъ высказывать самыя необходимыя истины, и удаляете отъ себя

тѣхъ лицъ, которыя всего болѣе вамъ преданы. Ваши солдаты, наборъ которыхъ стоитъ такихъ издержекъ, разбѣгаются, скорѣе пораженные печалью, нежели испуганные, и люди, которыхъ должно считать проклятіемъ неба и позоромъ земли, мало трогаемые общественными бѣдствіями, окружаютъ ваше величество хорами музыкантовъ и опьяняютъ удовольствіями, между тѣмъ, какъ народъ не имѣетъ достаточно слезъ, чтобы оплакивать свое несчастное положеніе, свою крайнюю бѣдность! Значитъ ли это царствовать? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, и первое, чѣмъ вы безчестите вашихъ предковъ и въ чемъ не слѣдуете примѣру ихъ, заключается въ....... (Дальше цензоръ подробно указываетъ, въ чемъ именно государь не подражаетъ своимъ предкамъ). Если мой докладъ заслуживаетъ быть сохраненнымъ, то умоляю ваше величество положить его въ Манъ-доу (зала совѣта); если же я, нижайшій подданный, высказалъ пустыя, безосновательныя слова, то соблаговолите, ваше величество, призвать меня къ подножію вашего престола и судить по всей строгости законовъ;—но умоляю, прочтите со вниманіемъ мой докладъ!»—Такъ гремятъ цензоры, представители основнаго государственнаго принципа, обязательно конфуціанцы по своему образованію, въ защиту того, что, являясь исходнымъ пунктомъ ученія великаго философа, служитъ въ то же время коренною основою семейнаго, общественнаго и государственнаго строя. Цензорскіе доклады не остаются втайнѣ, посредствомъ печати они доводятся до всеобщаго свѣдѣнія. Сынъ неба долженъ самъ обладать добродѣтелями, которыхъ требуетъ отъ другихъ, и сіять для всѣхъ, какъ образецъ вѣрнаго исполненія всякихъ обязанностей, подражать высокому примѣру древнихъ. Выполненіе обрядовъ, завѣщанныхъ стариной—главное мѣрило хорошаго поведенія императора: въ древнемъ преданіи выражается воля самаго неба, и потому у сына неба—китайскаго императора, забывающаго свои обязанности, нарушается гармонія съ небомъ. Въ такомъ случаѣ народъ имѣетъ даже право его низвергнуть и выбрать себѣ другого, истиннаго владыку. Такимъ образомъ, въ Китаѣ верховный вождь не смѣетъ производить никакихъ реформъ не въ духѣ народномъ, и перевороты тамъ, въ протовоположность европейскимъ, совершались съ цѣлью не нововведеній, а возстановленія старины. Какъ сильно такимъ порядкомъ вещей долженъ былъ поддерживаться многовѣковой консерватизмъ китайцевъ! Послѣдствіемъ того же конфуціанства была въ народѣ и необыкновенная преданность, вѣрность престолу и возсѣдающему на немъ сыну неба, который считается отцомъ народа. Измѣна престолу непростительна. Китайцы, несмотря на свою врожденную трусость, являются героями, когда имъ нужно доказать свою привязанность къ императору: въ такихъ случаяхъ они давятся, бросаются въ колодцы, закалываютъ сперва своихъ женъ и дѣтей, потомъ, зажегши весь домъ, умерщвляютъ и себя самихъ. Лучшею смертью считается та,

когда чиновнику доставятъ случай обругать врага своего государя, наплевать на него, призвать всѣ проклятія, чтобы вывести непріятеля изъ терпѣнія и заставить его растерзать себя. Недавнее возмущеніе въ Китаѣ доставило императору массу преданныхъ слугъ, пожертвовавшихъ для него жизнью.

Связывая волю самого императора, конфуціанство еще сильнѣе должно было подчинять своему вліянію китайскій народъ. Съ теченіемъ времени авторитетъ имени великаго основателя этого ученія растетъ все больше и больше въ глазахъ смѣняющихъ другъ друга поколѣній, оно становится главной народной святыней. По смерти Конфуція, около его могилы, въ провинціи Шань-дунъ княземъ удѣла Лу былъ воздвигнутъ храмъ; въ немъ помѣщены: изображеніе философа, его литературные труды и принадлежащія ему нѣкоторыя вещи; Луській князь первый совершилъ торжественное жертвоприношеніе усопшему; въ 200 году до Р. Х. императоръ Гоади посѣтилъ могилу Конфуція и далъ ему титулъ князя; при Танской династіи онъ получилъ названіе перваго святого; въ 998 году по Р. Х. сунскій императоръ Чжень-Цзунь совершилъ поклоненіе передъ статуей Конфуція въ его примогильномъ храмѣ, и съ того времени было утверждено закономъ, чтобы всякій, претендующій на полученіе ученой степени или правительственной должности, передъ этимъ оказывалъ чествованіе философу, являясь въ тотъ или другой изъ посвященныхъ ему храмовъ; вслѣдъ затѣмъ Конфуція наименовали «государевымъ наставникомъ» и статую его облекли въ царское одѣяніе съ короною на головѣ; при Минской династіи философу былъ данъ титулъ: «Святѣйшій, мудрѣйшій, доблестнѣйшій учитель»; въ настоящее время въ каждомъ китайскомъ городѣ есть храмъ, посвященный памяти Конфуція, между ними особеннымъ великолѣпіемъ отличается Пекинскій, возлѣ котораго находятся кедровыя аллеи, существующія, какъ говорятъ, не менѣе 500 лѣтъ; экзамены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ производятся передъ статуей Конфуція; государственное религіозное чествованіе воздается не только ему, но и 86 ближайшимъ ученикамъ его, и даже позднѣйшимъ, наиболѣе выдающимся мыслителямъ конфуціанской школы. Изъ конфуціанскаго ученія выработалась, наконецъ, государственная религія Китая, хотя великій основатель конфуціанства не далъ новыхъ религіозныхъ идеаловъ китайскому народу и даже не любилъ говорить о религіи съ самой важной, таинственной, сверхъестественной стороны ея; но онъ собственнымъ примѣромъ и ученіемъ поддержалъ и возстановилъ древне-китайскій культъ духамъ предковъ и природы; послѣдователи Конфуція продолжали дѣйствовать въ томъ же направленіи: изложенныя письменно правила богослуженія были до мельчайшихъ подробностей выработаны конфуціанствомъ; надзоръ за ихъ выполненіемъ порученъ одному изъ шести министровъ, который долженъ былъ управлять всѣмъ штатомъ связан-

ныхъ съ религіей чиновниковъ, даже музыкантами и танцовщиками, необходимыми при религіозныхъ торжествахъ. Конфуціанская религія была всецѣло дѣломъ правительства и слилась съ государствомъ. Такимъ образомъ, не только возстановились, но даже утвердились закономъ въ жизни китайцевъ многочисленные обряды и набожные обычаи древне-китайскихъ культовъ, а вмѣстѣ съ ними надолго укоренилось въ народѣ и множество суевѣрій, свойственныхъ первобытнымъ вѣрованіямъ людей, отъ которыхъ китайцы начали было уже въ значительной степени освобождаться, вслѣдствіе развивающейся цивилизаціи. Значитъ, съ этой стороны произошло регрессивное (т.-е. обратное) движеніе въ развитіи мысли китайскаго народа.—Древніе культы, выполнявшіеся уже не въ силу одного только непосредственнаго вліянія религіознаго чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принужденія со стороны правительства, становились все болѣе и болѣе сухими и формальными. Этому въ значильной степени способствовали также официальные представители конфуціанства — государственные чиновники-конфуціанцы: они развили обрядовую сторону до крайности, религіозные обычаи стали регулировать всѣ поступки людей и стѣснять китайца на каждомъ шагу. «Конфуціанцы никогда не объясняли значенія обрядовъ со стороны богословско-философской; они долго даже не приводили въ систему своего ученія, что давало поводъ къ произвольнымъ объясненіямъ. Ученые разрабатывали отдѣльно каждую классическую книгу, писали комментаріи даже и на упоминаемыя въ ней животныя и растенія, болѣе или менѣе удачно разъясняли историческія и географическія названія и тому подобное; но въ теченіе долгаго времени не составлялось никакого катехизиса конфуціанской религіи. Причисливъ къ своимъ книгамъ «И-цзинъ»—книгу перемѣнъ, конфуціанцы раздули содержаніе ея до высшихъ предѣловъ мудрости и сочли за откровеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ приписали Конфуцію сдѣланныя къ этой книгѣ дополненія. Ицзинъ —нѣчто въ родѣ нашего Мартына Задеки, она предназначалась для гаданья и была написана отрывистымъ безсвязнымъ языкомъ», говоритъ г. Васильевъ. *)

Книга эта состоитъ изъ 6-ти поставленныхъ одна подъ другою то цѣльныхъ, то ломаныхъ линій, такъ что онѣ образуютъ 64 фигуры, т.-е. именно столько, сколько фигура, состоящая изъ перемѣшивающихся между собою 6-ти линій, можетъ имѣть перемѣнъ (отсюда и названіе «книга перемѣнъ»). Въ ней очевидно скрывается первоначальное выраженіе десятиричнаго счисленія: въ Ицзинѣ есть квадратъ изъ 9-ти клѣточекъ, въ каждой изъ которыхъ вписано особое простое число и притомъ такъ, чтобы вмѣстѣ взятыя числа вдоль, поперекъ и вкось составляли 15. Это-та фигура и считается у китай-

*) Васильевъ: Религіи Востока.

цевъ откровеніемъ: ее вынесла древнему царю Вень-вану лошадь изъ рѣки Ло. Появленіе такой книги въ первобытное время могло считаться чудомъ, въ ней видѣли таинственную связь съ судьбою человѣка, къ фигурамъ придѣлали загадочныя изреченія. Ицзинъ долго не принималась конфуціанствомъ; но впослѣдствіи изреченія ея конфуціанскіе ученые любили приводить на каждомъ шагу. Между книгами представителей новаго конфуціанства особенно отличается выспренней пустотой содержанія, такъ называемая, «Гармонія въ срединѣ», она почти вся состоитъ изъ высокопарныхъ и неясныхъ фразъ въ родѣ слѣдующаго: «Дарованное небомъ называется руководящею природою — путемъ, отъ пути нельзя ни на минуту отдѣлиться; то, отъ чего можно отстать, не есть путь; вотъ почему благородный мужъ остороженъ въ отношеніяхъ къ тому, чего не видитъ, боится того, чего не слышитъ. Путь благороднаго ясенъ и сокровененъ. Небо и земля такъ велики, что человѣку можно даже досадовать! Путь благороднаго начинается съ обязанностей мужа и жены, но въ высшемъ развитіи проявляется въ небѣ и землѣ. Когда еще не проявилась радость и гнѣвъ, печаль и веселіе—это называется срединою. Средина есть главное основаніе вселенной. Благородный мужъ, находясь въ высшемъ званіи, не притѣсняетъ низшихъ; въ низшемъ не гонится за высшимъ; когда держа себя въ прямотѣ, ничего не требуютъ отъ людей, то не можетъ быть и ропота: вверху не ропщутъ на небо, внизу не винятъ другихъ; потому благородный живетъ легко, дожидаясь судьбы, а низкій человѣкъ пускается въ опасности на счастье. Чтобы взойти на высоту, начинаютъ снизу. Великія достоинства непремѣнно добьются своего мѣста, получатъ свое жалованье, свою славу, свое долголѣтіе. Итакъ, обладающій великими достоинствами непремѣнно понимаетъ повелѣніе неба сдѣлаться царемъ. Дальше идетъ уже совсѣмъ безсмыслица: «Изъ чистоты проявившееся называется природою; изъ яснаго вышедшую чистоту называютъ ученіемъ; что чисто, то ясно, что ясно, то чисто. Только самый чистый во вселенной можетъ вполнѣ исполнить свою природу; тотъ, кто нѣсколько второстепеннѣе, достигаетъ чистоты съ изворотами, тогда она принимаетъ форму; форма предполагаетъ проявленіе, проявленіе—свѣтъ, свѣтъ—движеніе, движеніе—измѣненіе, измѣненіе — просвѣщеніе; только самый чистый во вселенной можетъ просвѣщать. Многое можно узнать напередъ: это обнаруживается по гадательнымъ палочкамъ и по черепахѣ въ движеніи 4-хъ членовъ ея тѣла. Чистота есть начало и конецъ тварей, безъ истины нѣтъ тварей. Истина не только совершаетъ себя, но совершаетъ и твари; потому высочайшая чистота не имѣетъ остановки, слѣдовательно, продолжительна, слѣдовательно проявляется;. если проявляется, то длинна и далека; если длинна и далека, то весьма толста; если весьма толста, то высоко свѣтла, — толста для поддер-

жанія тварей, высоко свѣтла для покрытія ихъ; длинна и далека для совершенія тварей; по толстотѣ сопоставляется землѣ, по высокой свѣтлости—небу; длинное и долгое не имѣетъ границъ. Путь неба и земли можно обозначить однимъ словомъ, но будучи двояки, они неистощимы въ произведеніи тварей! Великъ путь мудраго, какъ океанъ обширенъ онъ, въ произведеніи тварей возвышается до неба, обиленъ и великъ: 300 церемоній, 3000 обрядовъ! Только обладающій высочайшей чистотой можетъ распредѣлить великіе непреложные законы, утвердить великое основаніе вселенной; онъ можетъ знать, какъ небо и земля образовываютъ и питаютъ, и какая можетъ быть опора. Сильно его человѣколюбіе, какъ бездна обширно его небо! Если бы, поистинѣ, не умный и мудрый проникали въ небесныя добродѣтели, то кто могъ бы знать ихъ!» — По этой книгѣ конфуціанство представляется не простою гражданскою религіею, — это религія болѣе религіозная, чѣмъ всѣ другія. Здѣсь человѣкъ не отличается отъ божества, онъ даже является какъ бы богомъ-творцомъ. Названія Богъ въ новомъ конфуціанствѣ нѣтъ, но творческая сила принадлежитъ небу, землѣ и человѣку. Послѣдній помогаетъ первымъ въ возращеніи и питанія тварей, отъ его совершенства зависитъ даже то, чтобы небо и земля производили питаніе благотворно. Такой человѣкъ называется святымъ и мудрымъ—Шэнь-жень, вслѣдъ затѣмъ такимъ же (Шэнь-жень) признается и самъ Конфуцій, а потому слова его не должны подвергаться критикѣ, а только съ благоговѣніемъ разъясняться.

Такъ они съ тѣхъ поръ и принимаются, да еще съ очень длиннымъ дополненіемъ, которое составляютъ сочиненія всѣхъ знаменитыхъ конфуціанскихъ ученыхъ, пишущихъ безъ всякой научной систематичности: сопоставляя факты, конфуціанцы не умѣютъ дѣлать выводовъ и всего менѣе заслуживаютъ названія философовъ; съ дѣтства до старости изучаютъ они однѣ только классическія книги. «Это длящееся въ теченіе вѣковъ постоянное изученіе милліонами людей все одного и того же предмета должно было породить въ цѣломъ государствѣ нѣчто къ родѣ мономаніи, проявляющейся у отдѣльной личности, когда она постоянно занята одной и той же мыслью. Конфуціанцы, наконецъ, до того заучились, что въ самыхъ простыхъ междометіяхъ (охъ, ахъ, увы) Шицзина готовы были видѣть цѣлую программу исторической жизни и исторической критики. Этому, вѣроятно, способствовали и свойства восточнаго человѣка изъ пустой фразы дѣлать невообразимыя заключенія. Состояніе позднѣйшей конфуціанской литературы даетъ поучительный примѣръ того, что углубленіе мысли въ вѣчное комментированіе чего-либо одного и того же доводитъ, наконецъ, до отупѣнія», говоритъ г. Васильевъ.

Конфуціанство—важнѣйшій фактъ Китайской исторіи. Оно соста-

вляетъ эпоху въ жизни китайскаго народа, принявшей совершенно новое направленіе подъ сильнымъ вліяніемъ этого событія. Каковы же его послѣдствія для китайцевъ?

Между ними есть хорошія и дурныя: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ конфуціанство принесло громадную пользу китайскому народу, въ другихъ—несомнѣнный вредъ. Возникшее въ пору страшныхъ народныхъ бѣдствій, броженія мысли, исчезанія нравственныхъ принциповъ изъ жизни, господства произвола, всякихъ смутъ и безпорядковъ, отсутствія общественнаго спокойствія и даже безопасности внутри государства, вслѣдствіе почти непрерывныхъ междоусобныхъ войнъ,—оно постепенно внесло сравнительный миръ и тишину въ Китайскую имперію; хотя смуты отъ придворныхъ интригъ продолжались и впослѣдствіи, но онѣ уже никогда не могли достигнуть прежнихъ размѣровъ. Государству даны были прочныя, незыблемыя формы управленія, сохранявшія Китай въ теченіе тысячелѣтій; улучшился семейный и общественный бытъ народа: усвоиваемыя каждымъ китайцемъ чуть ли не съ пеленокъ китайскія церемоніи, или формы правилъ для поведенія въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ и почти во всевозможныхъ случаяхъ жизни, избавляютъ его отъ непредвидимыхъ хлопотъ, многочисленныхъ столкновеній, ссоръ, брани, преступленій; благодаря этому обстоятельству, китайца очень не легко вывести изъ терпѣнія; масса всего китайскаго народа, постоянно подвергаясь дисциплинѣ конфуціанства, облагораживается его вліяніемъ; говорятъ, что трудно встрѣтить, кромѣ Китая, другую націю въ свѣтѣ, въ которой каждый умѣлъ бы держать себя такъ прилично, нашелся бы во всякомъ положеніи, какъ это, нисколько не стѣсняясь, дѣлаетъ даже и самый простой китайскій крестьянинъ. Нравственно дисциплинированный китаецъ отличается благоразумной бережливостью, энергіей въ трудѣ, выразившейся, главнымъ образомъ, въ цвѣтущемъ состояніи китайскаго земледѣлія и громадномъ развитіи китайской промышленности. Слѣдовательно, конфуціанство улучшило и экономическій бытъ китайцевъ. Но важнѣе всего было то обстоятельство, что весь китайскій народъ, въ сильной степени повысивши умственный и нравственный уровень своего развитія, проникся высокими принципами конфуціанскаго ученія и сдѣлался необыкновенно солидарнымъ во взглядахъ и способнымъ даже къ политическому самоуправленію. Послѣдствіемъ этого является развившійся въ теченіе вѣковъ высоко-благоустроенный соціальный бытъ 400-милліонной китайской націи. Основные принципы конфуціанства получили такое господство во всей исторической жизни китайцевъ и такъ глубоко проникли въ нее, что ничего подобнаго этому факту никогда не случалось нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Такое явленіе есть результатъ совокупнаго дѣйствія многихъ причинъ. Ими были высоко-нравственная идеальная личность основателя конфуціанства, освятившая его въ глазахъ народа своимъ автори-

тетомъ; гуманныя и практическія основы самаго конфуціанскаго ученія, выразившагося въ формѣ дорогихъ и привычныхъ народу древнихъ преданій; могущественное соединеніе въ конфуціанствѣ политической и религіозной власти, давшее ему страшную силу; утомленіе народа безурядицей и бѣдствіями общественной жизни; врожденная способность китайцевъ къ подчиненію дисциплинѣ, проявившаяся у нихъ еще въ доконфуціанскій періодъ въ строгости и чинности выполненія многочисленныхъ религіозныхъ обрядовъ китайскаго культа предковъ; наконецъ, тутъ же должна была отчасти дѣйствовать и восточная апатичность, пассивность въ подчиненіи сильному авторитету. Китай гордится основными принципами своей жизни; изъ-за нихъ онъ относится съ презрѣніемъ къ другимъ народамъ: когда Тибетскій государь, желая познакомиться съ содержаніемъ нѣкоторыхъ китайскихъ классическихъ книгъ, попросилъ императора Юнъ-Цзуна (713—755 г. по Р. Х.) прислать ему ихъ, то одинъ изъ ученыхъ китайцевъ замѣтилъ сыну неба, что отправлять въ Тибетъ конфуціанскія книги не безопасно, такъ какъ тибетцы, усвоивъ Конфуціево ученіе, сдѣлаются просвѣщенными и черезъ то могущественными и грозными для Китая; но другой ученый сказалъ при этомъ: «Я думаю, что теперь было бы весьма кстати удовлетворить желаніе Тибетскаго государя съ его подданными и послать имъ книги, тибетцы почерпнутъ изъ нихъ принципы великаго ученія, которое безгранично, и черезъ то станутъ лучше. О, если бы мы могли сдѣлать подобный подарокъ всѣмъ варварскимъ народамъ, тогда въ скоромъ времени вся земля была бы населена мудрецами, и намъ не представлялось бы необходимости такъ часто собирать многочисленныя войска для обузданія назойливой дерзости и хищничества тѣхъ, кто несправедливо нападаетъ на насъ!» Китаецъ съ гордостью и уваженіемъ отзывается о своей родинѣ: «Какъ счастливъ я, что родился въ Китаѣ! Я постоянно размышляю о томъ, какова была бы моя судьба, если бы мнѣ пришлось увидѣть свѣтъ по ту сторону моря, въ какой-либо отдаленной части земли, гдѣ... не знаютъ ни мудрыхъ законоположеній нашихъ древнихъ монарховъ, ни сладкихъ узъ домовитости (семейственности); тогда я хотя и родился бы человѣкомъ, но былъ бы похожъ на дикаго звѣря... О, какъ счастливъ я, что родился въ Китаѣ!» Такъ пишетъ одинъ китаецъ, и, вѣроятно, мысли эти раздѣляются всѣми его соотечественниками.

Итакъ, конфуціанство, несомнѣнно, способствовало благоденствію Китая, особенно въ пору бурной, безпорядочной, тяжелой жизни послѣдняго; результатомъ его явилось экономическое и соціальное благосостояніе китайцевъ и впослѣдствіи. Но то же конфуціанство сдѣлало ужъ слишкомъ однообразной умственную жизнь націи, парализовало ея дѣятельность и задержало прогрессивное движеніе,—въ этой сферѣ понизилось даже многое и изъ того, что было выработано народомъ прежде. Въ конфуціанствѣ хорошо только то, что носитъ

на себѣ типъ древности; такой взглядъ не можетъ гармонировать съ историческимъ прогрессомъ, а, напротивъ, сильно поддерживаетъ неподвижность. Конфуціанское образованіе, заключающееся въ вѣчномъ пережевываніи одного и того же, главнымъ образомъ, важно потому только, что имъ проникается цѣлая народная масса; но всякій умственный трудъ, заключенный въ строго-однообразную рамку, несомнѣнно, лишаетъ умъ свободы. Конфуціанство, не допускающее обновленія его принциповъ, подчинило своему вліянію всю сферу идеальной жизни народа: религію, литературу, науку, и задержало естественное прогрессивное развитіе этой области, стѣсняя свободную инициативу личности, хотя оно и пріучало къ выдержкѣ характера. Проникаясь съ самаго ранняго дѣтства рутинными понятіями окружающей среды, которыя стараются прежде всего внушать ребенку его родители, китаецъ, выростая черезъ религію, школу, государственную службу, законодательство, литературу, общество и весь народный бытъ, все сильнѣе и сильнѣе подчиняется имъ. Результатомъ такого порядка вещей является полное сходство въ понятіяхъ и нравахъ всѣхъ китайцевъ, почти совершенное отсутствіе между ними оригинальности, безъ которой немыслимы выдающіеся люди въ государствѣ,—эти, такъ называемые, геніи-руководители человѣчества. (Но зато китайцы стали сильны своей коллективной дѣятельностью въ области практической жизни). Доведенная до крайности дисциплина конфуціанства опутала своими сѣтями и подвела всѣхъ подъ одинъ общій типъ конфуціанца—терпѣливаго труженника, но крайне сухого человѣка, лишеннаго идеальныхъ стремленій въ жизни формалиста, руководящагося во всемъ, главнымъ образомъ, практическимъ разсчетомъ, мысль котораго не поднимается надъ уровнемъ обыденной дѣйствительности.

Слѣдствіемъ всего этого является странное обстоятельство—необыкновенно продолжительный застой въ идеальной сферѣ жизни китайскаго народа, развитіе которой шло такими быстрыми шагами въ доконфуціанскій періодъ исторіи Китая, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительный прогрессъ въ экономической жизни и соціальномъ бытѣ народа, гдѣ въ высшей степени благотворно отразилось вліяніе нравственнаго конфуціанскаго авторитета. Оказывается, что такая рутина, какъ конфуціанство, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть выгоднѣе для народа поверхностной, хотя бы и всесторонней цивилизаціи, но зато она не даетъ возможности надѣяться на скорыя улучшенія въ будущемъ; тогда какъ зло, происходящее отъ несовершенства, т.-е. недостаточнаго развитія цивилизаціи, производящее иногда безурядицу въ жизни, бываетъ только временное. При династіи Гань, существовавшей въ теченіе 4-хъ столѣтій (съ 202 года до Р. Х. по 211 послѣ Р. Х.), конфуціанство постепенно становится огромной политической силой и регуляторомъ народной жизни. Время это было

началомъ и завершеніемъ знаменитой эпохи высшаго развитія китайской цивилизаціи. Конфуціанское ученіе распространилось во всѣхъ частяхъ имперіи и способствовало ея процвѣтанію; умолкли непрерывныя междоусобныя войны; поощряемый конфуціанствомъ народъ получилъ возможность спокойно трудиться надъ увеличеніемъ своего матеріальнаго благосостоянія; понемногу стали снова оживляться промышленность и торговля, окрѣпшее государство могло расширять свои территоріальныя границы и распространять китайскую цивилизацію за предѣлами Китая; но культурная жизнь народа съ тѣхъ поръ небогата содержаніемъ, въ ней водворилось многовѣковое однообразіе. Выдающимися политическими событіями въ теченіе вѣковъ были только, главнымъ образомъ, военные подвиги, да придворныя интриги, вслѣдствіе которыхъ смѣнялись династіи. Власть императора въ дѣйствительности оставалась слабой, хотя конфуціанское ученіе и повысило идеалъ верховнаго правителя въ глазахъ народа въ качествѣ сына неба и отца отечества, но воля богдыхана строго ограничивалась цензоріатскимъ надзоромъ, руководящимся въ своихъ дѣйствіяхъ основнымъ принципомъ конфуціанскаго ученія и народными преданіями. При этомъ, вѣроятно, оказывалось много поводовъ умышленно придираться къ поведенію богдыхана, который не былъ въ достаточной степени обезпеченъ ни войскомъ, ни финансами, и интриговать противъ него: въ много-вѣковой китайской исторіи династіи нерѣдко смѣнялись насильственнымъ образомъ, между претендующими на престолъ возникали даже вооруженные раздоры, имперія иногда временно раздѣлялась на части; хотя все это не могло уже вести къ прежней полной безурядицѣ въ общественной жизни и сильно отражаться на народномъ благосостояніи,—его оберегали господствующіе въ Китаѣ принципы конфуціанской морали, подъ вліяніемъ которыхъ съ возрастаніемъ населенія размѣры народнаго благоденствія съ теченіемъ времени все увеличивались. *) Пора правленія ганьской династіи заключаетъ въ себѣ три различныхъ періода. Въ теченіе перваго столицею служитъ провинція Шеньси, на китайскомъ престолѣ послѣдовательно смѣняется четырнадцать императоровъ. Второй періодъ (правленіе восточнаго Ханьскаго дома) начинается съ того года, когда 15-й верховный представитель этой династіи отодвинулъ столицу на западъ (въ Лоянъ); въ теченіе третьяго періода, состоящаго всего изъ 54 лѣтъ, при двухъ верховныхъ представителяхъ, называемыхъ счастливыми ханами, верховная власть, или скорѣе тѣнь ея, принадлежала тремъ королевствамъ, подѣлившимъ между собою національную территорію. Возникшіе по этому поводу безчисленные раздоры между соперниками окончились возведеніемъ на престолъ новой династіи Цзинь. Изъ событій того времени замѣчательны:

---

*) **Marquise de Courcy**: „L'empire du Milieu".

военные успѣхи императора Вути, который завладѣлъ сѣверомъ Кореи и частью Индо-Китая; введеніе въ Китаѣ буддизма и его быстрые тамъ успѣхи; славныя побѣды двухъ китайскихъ императоровъ въ центральной Азіи, распространившихъ свои владѣнія, которыя сохранялись въ теченіе 2-хъ столѣтій, до Каспійскаго моря; возникновеніе первыхъ политическихъ и торговыхъ сношеній китайцевъ съ иностранцами; усиленіе войска для усмиренія внутреннихъ раздоровъ; знаменитая репутація воиновъ, принимавшихъ участіе въ развязкѣ этой борьбы, ученыхъ и поэтовъ, ее прославлявшихъ. Всѣ эти факты и, главнымъ образомъ, конечно, полное торжество конфуціанства придаютъ порѣ Ганьской династіи блескъ, ослѣпляющій черноволосую расу еще и въ наше время. Китайцы съ гордостью носятъ названіе дѣтей Гана.

Главой династіи Тсинь сдѣлался главнокомандующій принцъ Ши, воевавшій тогда съ императоромъ; онъ завладѣлъ трономъ для своего семейства. Династія эта владѣла престоломъ отъ 265 до 420 г. по Р. X., 15 императоровъ управляли частями Китая въ теченіе 2-хъ вѣковъ, непрерывно воюя съ владѣльцемъ восточной части имперіи; то была пора проявленія буйнаго честолюбія вассальныхъ князей и быстраго распространенія буддизма въ Китаѣ; придворныя интриги унижали верховную власть. Послѣдній императоръ изъ династіи Тсинь былъ свергнутъ съ престола генераломъ Ліую и задушенъ въ его дворцѣ; столицей сдѣлался Нанкинъ. Ліую царствовалъ со славою подъ именемъ Котзу. Онъ былъ основателемъ Сунской династіи, существовавшей съ 420—479 по Р. X. При этомъ императорѣ ослабѣло вліяніе сильныхъ князей и возстановилась прежняя полнота авторитета верховной власти; восемь его послѣдователей мягко управляли народомъ. Тѣмъ не менѣе послѣдній представитель Сунской династіи былъ низвергнутъ съ престола однимъ герцогомъ въ 479 г. по Р. X. Побѣдитель въ теченіе 30 лѣтъ служилъ совѣтникомъ и опорою для свергнутой династіи, которой такъ коварно измѣнилъ. Все это, конечно, производило сильное впечатлѣніе на народъ и, вѣроятно, подрывало въ его глазахъ авторитетъ царской власти. Въ одномъ очень распространенномъ китайскомъ историческомъ романѣ разсказывается множество эпизодовъ о національныхъ драмахъ, продолжительныхъ интригахъ, войнахъ, преступленіяхъ и всякаго рода героизмѣ, происходившихъ при всѣхъ этихъ трехъ династіяхъ съ эпохи паденія Ханьскаго дома. Династія Ци состояла изъ 5 верховныхъ представителей, начиная съ ея основателя Кооти. Въ 502 г. по Р. X. одинъ изъ министровъ императора Готи составилъ противъ него заговоръ, взбунтовался и съ помощью принца Ліана старался завладѣть трономъ въ пользу фамиліи послѣдняго, который подъ именемъ Вути строго управлялъ имперіей въ теченіе 48 лѣтъ (съ 502 по 557 г. по Р. X.) Увлеченный ученіемъ буддистовъ, онъ сдѣлался

бонзой (духовнымъ лицомъ); потомъ снова принялъ царскую власть, ослабѣвшую въ рукахъ его сына, и хотѣлъ соединить обязанности буддійскаго жреца съ обязанностями монарха, посвящая все время пропагандѣ своего религіознаго ученія. Ему наслѣдовали три лица изъ той же фамиліи; послѣдній изъ нихъ, Канти, осажденный въ самой столицѣ, былъ взятъ и умерщвленъ главнокомандующимъ войскъ.

Онъ сдѣлался основателемъ династіи Чинъ, царствовавшей съ 557—589 г. по Р. Х. Правленіе пяти ея императоровъ считается незначительнымъ въ китайской исторіи. Три первые изъ нихъ, бывшіе братьями, царствовали въ продолженіе 30 лѣтъ, не управляя. Уже въ теченіе 4-хъ вѣковъ, исключая только нѣкоторыхъ правленій, императорская власть была лишь номинальной. Китай раздѣлялся на нѣсколько почти совершенно независимыхъ частей, число и размѣры которыхъ измѣнялись безпрестанно. Еще къ концу I-го вѣка нашей эры три главныхъ властителя раздѣлили между собою территорію Китая. Наиболѣе могущественный изъ нихъ, Оней, котораго владѣнія составляли сѣверныя страны, имѣлъ 11 верховныхъ представителей, послѣдовательно управлявшихъ страною, пока въ 534 году, вслѣдствіе сильныхъ революцій, владѣніе это не сократилось въ двѣ провинціи, которыя вскорѣ раздѣлились еще на огромное количество маленькихъ государствъ. Въ 589 году князь Сунъ, родственникъ и министръ маленькаго державнаго государя, завладѣлъ скипетромъ своего зятя, подчинилъ себѣ всю страну, которая составляла прежде королевство Оней, покорилъ сосѣднихъ князей и водворился въ Нанкинѣ на императорскомъ тронѣ, откуда вышелъ послѣдній отпрыскъ династіи Чинъ (отъ 589—618). Недостойные наслѣдники такъ славно завоеванной короны носили ее 39 лѣтъ, не проявляя ни доблести, ни энергіи. Она была возложена на голову принца Танъ-Муэна. Его восшествіе на престолъ въ 618 году открыло династію, которой принцъ этотъ далъ свое имя. Она существовала 3 вѣка (отъ 618—907 г. по Р. Х.). Время это считается наиболѣе славнымъ въ китайской исторіи. Въ теченіе его 20 монарховъ смѣнились на престолѣ. Говорятъ, что Ліуэнъ происходилъ изъ древняго императорскаго рода. Это былъ государь умный, благочестивый, умѣренный, дѣятельный, энергичный и воинственный. Тяжелый трудъ управленія раздѣлялъ съ нимъ его сынъ Ли-чи-минъ; послѣ семилѣтняго управленія императоръ отказался отъ престола въ его пользу. Ли-чи-минъ, царствовавшій съ 618 по 641 г. по Р. Х., принялъ императорскій скипетръ и своими великодушными поступками пріобрѣлъ уваженіе націи и почетное имя въ потомствѣ. Онъ считается въ Китаѣ наиболѣе великимъ изъ монарховъ, главнымъ основателемъ національнаго могущества и цивилизаціи народа. Расширяя границы имперіи до Каспійскаго моря и предѣловъ Персіи, Ли-чи-минъ старался организовать администраціи въ этихъ своихъ огромныхъ владѣніяхъ и под-

чинилъ ихъ власти 4-хъ правителей; императоръ этотъ сдѣлался также извѣстенъ своимъ гуманнымъ, благочестивымъ направленіемъ въ литературѣ, бдительностью управленія, радушіемъ въ гостепріимствѣ; онъ установилъ государственные экзамены на различныя ученыя степени и религіозный культъ Конфуцію; повелѣлъ сдѣлать пересмотръ классическихъ книгъ и издалъ кодексъ законовъ. При дворѣ этого государя появлялись посланники отъ индійскихъ князей и императора Ѳеодосія, онъ милостиво принималъ несторіанскихъ монаховъ, самъ просматривалъ ихъ книги и дозволилъ имъ построить храмъ въ своей столицѣ. Смерть такого выдающагося добродѣтелями и энергіей государя возбудила глубокое сожалѣніе въ народѣ. При немъ столица была перемѣщена въ Синганъ-фу. Сынъ Ли-ши-мина, Каотзонгъ, оказался слабымъ и нерѣшительнымъ въ управленіи. На него имѣла большое вліяніе и даже съ пользой для государства помогала ему одна изъ его женъ; богдыханъ ее очень любилъ и незаконно сдѣлалъ императрицей, разведясь для того съ главной женой. Послѣ его смерти вся императорская власть сосредоточилась въ рукахъ этой женщины; она одна управляла Китаемъ въ теченіе 20 лѣтъ. Генералы тогда одерживали побѣды и правители облегчали бѣдствія народа; но подъ конецъ императрица эта обезславила свою память жестокостями, и сынъ ея, Шангъ-тзонъ, лишилъ мать власти. Для него первый министръ этого императора составилъ книжку въ конфуціанскомъ духѣ, въ которой находились 10 слѣдующихъ наставленій въ управленіи: «Бойся неба; люби народъ; трудись надъ самоусовершенствованіемъ; прилежно изучай науки; назначай въ должности людей разумныхъ; слушайся дѣльныхъ совѣтовъ; убавь налоги; умѣрь строгость наказанія; избѣгай расточительности; удаляйся отъ разврата!» Вообще, конфуціанскія гуманныя идеи въ области экономическихъ вопросовъ и соціальной жизни китайцевъ не только не заглохли съ теченіемъ вѣковъ, но еще и продолжали развиваться въ томъ же направленіи. Во второй половинѣ 9-го столѣтія по Р. Х. въ Китаѣ появляется нѣкто Вань-ань-ши, старавшійся произвести реформу въ конфуціанскомъ духѣ, хотя онъ идетъ дальше конфуціанскаго ученія и не вполнѣ сходится съ нимъ. Въ Китаѣ обыкновенно принято взваливать на государя вину даже и за естественныя бѣдствія народной жизни. Вань-ань-ши осмѣливается сказать, что они не зависятъ ни отъ добродѣтелей, ни отъ беззаконій императоровъ, а составляютъ естественное явленіе; онъ требуетъ только, чтобы государь былъ просвѣщенъ, не вдавался въ формалистику и для избѣжанія ея старался бы найти самую легкую, несложную форму правленія, при которой нужно измѣнить нѣкоторые обычаи и, главнымъ образомъ, заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей. Въ классическихъ книгахъ, какъ извѣстно, затронуто много политико-экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ: чтобы производ-

ство шло быстро, а потребленіе медленно, чтобы человѣкъ, по крайней мѣрѣ, хоть на старости лѣтъ могъ бы не нуждаться въ необходимомъ. Вотъ къ чему стремился китайскій соціализмъ, Вань-ань-ши продолжалъ разрабатывать эти идеи. Онъ обратилъ вниманіе на увеличеніе государственныхъ доходовъ; измѣнилъ систему податей; ввелъ кадастръ, расширилъ внутреннюю торговлю; желая господствовать надъ нею отъ имени правительства, открылъ по всей имперіи большой кредитъ съ цѣлью освободить народъ отъ монополистовъ; ввелъ всеобщую воинскую повинность, переложилъ натуральныя повинности на деньги. Но новую систему трудно было привести въ исполненіе, хотя неизбѣжныя на первыхъ порахъ ошибки могли бы уладиться впослѣдствіи, и она, несомнѣнно, должно была бы значительно двинуть впередъ китайскую цивилизацію. Противъ этой системы сильно возстали китайскіе рутинеры и педанты, т.-е. ученые китайцы-конфуціанцы. Они тогда не только уже занимали всѣ должности, но и школы ихъ были разсѣяны по селамъ и городамъ всей имперіи; да и какъ имъ было не бороться, когда предстояло переучиваться или лишаться правъ на почести и богатство! Понятно, что протесты слѣдовали за протестами, волненіе распространилось и на народъ. Составились партіи. Та изъ нихъ, члены которой считаются мучениками, заключала въ себѣ дѣйствительныхъ ученыхъ. Новая система пользовалась покровительствомъ большей части императоровъ, и борьба продолжалась полтораста лѣтъ. Въ началѣ 13-го вѣка выставлены были къ позорному столбу имена Сы-ма-гуана и 120 его приверженцевъ, составленъ былъ списокъ именъ 50-ти педантовъ, которыхъ было не велѣно принимать на службу; но въ немъ помѣщались уже не лица, раздѣлявшія простые взгляды гражданскаго конфуціанства, а приверженцы новаго ученія, выросшаго именно въ продолженіе этой борьбы. Старые конфуціанцы рады были пристать къ кому угодно, чтобы только не соглашаться съ нововводителями. Въ это время случились важные перевороты въ исторической жизни Китая. Онъ подвергся нападенію предковъ Чжурженей, нынѣшнихъ манджуръ, которые завладѣли цѣлой половиной Китая. Обстоятельство это должно было сильно скомпрометировать реформы, обѣщавшія Срединному царству первенство въ мірѣ. Когда явилось новое ученіе и, пріобрѣвъ извѣстность, стало преслѣдоваться на югѣ, на сѣверѣ возникло царство Чингисхана, потомки котораго уже завоевали весь Китай; при этомъ невольно у китайцевъ должна была родиться суевѣрная мысль, что новое ученіе возбудило гнѣвъ неба. Возвращаясь къ политическимъ событіямъ конца 9-го столѣтія, нужно сказать, что вмѣстѣ съ императоромъ Тзонгъ-тзонгомъ начинается упадокъ этого дома,—послѣдніе представители его подпадаютъ подъ власть евнуховъ и развратницъ. Въ началѣ 10-го вѣка одинъ генералъ взбунтовалъ войска, умертвилъ императора Тзонгъ-тзонга и

воцарился на его мѣстѣ. Начатая имъ династія Ліангъ-постерьеръ (904—923) царствовала только 16 лѣтъ.

Братъ Тзонгъ-тзонга смѣнилъ его, убилъ, замѣнилъ и, въ свою очередь, былъ свергнутъ въ 923 году генераломъ турецкаго происхожденія, который пережилъ предшествующую династію, подъ именемъ Ганга позднѣйшаго. Китай полстолѣтія наполнялся смутами и кровью. Пять великихъ узурпаторовъ послѣдовательно владѣли престоломъ, прикрываясь именемъ древнихъ династій. Періодъ правленія ихъ былъ очень печаленъ для Китая. Прихоть арміи свергла послѣдняго изъ тирановъ, онъ былъ убитъ своими солдатами, а маленькій сынъ его сожженъ во дворцѣ. Эта династія только 13 лѣтъ управляла имперіей (923—936 г. по Р. Х.). Счастливый солдатъ, похитившій тронъ, принялъ прозваніе Тзина позднѣйшаго. Онъ былъ принужденъ платить дань татарамъ, помогавшимъ ему въ достиженіи престола. Династія Тзина правила отъ 936—944 г. по Р. Х. Племянникъ и наслѣдникъ императора Чюти не хотѣлъ платить постыдную субсидію татарамъ, которые за то наводнили имперію и выгнали богдыхана изъ столицы, но они, въ свою очередь, сами были изгнаны изъ Китая патріотическими усиліями одного храбраго генерала. Онъ былъ провозглашенъ императоромъ, ему наслѣдовалъ его сынъ, династія котораго подъ именемъ Гана позднѣйшаго сохраняла корону только 4 года (947—951 г. по Р. Х.). Новый мятежный солдатъ смѣнилъ ее и сдѣлался родоначальникомъ династіи Тшао (951—960). Строгое управленіе его сына, Ши-тзунга, дало возможность отдохнуть потрясенной китайской монархіи; онъ умеръ послѣ короткаго и славнаго царствованія, оставивъ скипетръ въ рукахъ несовершеннолѣтняго ребенка, при которомъ предводители войскъ составили заговоръ съ цѣлью возвести на тронъ одного изъ своихъ. Династія Сунъ насчитываетъ 18-ть императоровъ, она существовала въ теченіе 3-хъ вѣковъ (отъ 960—1280 по Р. Х.), въ продолженіе которыхъ приготовлялось и постепенно совершилось завоеванія Китая монголами. Послѣ одного сраженія противъ татаръ, когда ими предводительствовалъ Кинъ, императорское правительство принуждено было покинуть всѣ страны, расположенныя на сѣверъ отъ Желтой рѣки. Кинъ становился все болѣе страшнымъ для китайцевъ; онъ возбуждалъ противъ нихъ въ 1245 году, въ правленіе Литзонга опасное соперничество татаръ съ монголами. Китайскій предводитель Кубилай наводнялъ китайскую территорію, предводительствуя своими дикими ордами, которыя больше не покидали ея. Въ 1280 году завоеваніе было окончено. Геройское сопротивленіе южныхъ провинцій затопилось рѣками крови. Послѣдній представитель сунской династіи былъ низвергнутъ вмѣстѣ съ его семействомъ и куртизанками въ рѣку Жемчужную (близъ Кантона). Въ теченіе 80-ти лѣтъ (отъ 1280—1368 г. по Р. Х.) китайцы оставались подъ владычествомъ монголовъ и

послѣдовательно управлялись девятью князьями изъ племени Уэнъ (императорскій титулъ, который Кубилай далъ своему дому), самъ онъ принялъ имя Ше-тзу. Кубилай старался успокоить свою новую имперію, управлялъ ею съ большою предусмотрительностью и твердостью; въ его царствованіе начаты были работы по Великому каналу; Кубилаю покорились Тибетъ, Кохинхина, Пегу; столицей государства тогда сдѣлался Пекинъ. Въ это время Срединное царство посѣтилъ европейскій путешественникъ Марко-Поло и былъ пораженъ могуществомъ его цивилизаціи; изъ его отзывовъ видно, что въ Китаѣ того времени процвѣтали конфуціанскія добродѣтели и достигъ большого развитія прогрессъ матеріальной культуры.

Марко-Поло говоритъ о великолѣпныхъ обширныхъ дворцахъ и другихъ постройкахъ, въ изобиліи украшенныхъ мраморомъ, серебромъ и золотомъ, о цѣлыхъ башняхъ, сдѣланныхъ изъ этихъ матеріаловъ (въ Китаѣ зданія стали меньше украшаться дорогими металлами, когда узнали ихъ болѣе разнообразное примѣненіе), роскошныхъ садахъ и паркахъ съ затѣйливыми украшеніями; дорогой утвари, комфортѣ и строгомъ этикетѣ придворной жизни, вообще; многолюдіи городовъ и процвѣтающей въ нихъ богатой торговлѣ, строгомъ полицейскомъ порядкѣ, трудолюбіи и честности гражданъ, при которыхъ можно даже безопасно оставлять незапертыми двери домовъ на ночь, благоустройствѣ китайскихъ почтъ, заботливости императора о нуждахъ народа. Словомъ, по выраженію Марко-Поло, «трудно описать всѣ добродѣтели и богатства китайской націи!» Достовѣрность большинства сообщаемыхъ имъ фактовъ подтверждается позднѣйшими свидѣтельствами о состояніи Китая того времени. Монгольскій тронъ, когда его занимали Тимуръ-ханъ и Железъ-кинъ (сынъ и племянникъ Кубилая) былъ уважаемъ; но непредусмотрительный фаворитизмъ ихъ наслѣдниковъ, жаловавшихъ всевозможныя административныя должности своимъ соотечественникамъ, не обращая вниманія на ученую іерархію китайскихъ чиновъ и древніе обычаи, возбудилъ противъ этихъ императоровъ ненависть націи.

Одинъ бонза темнаго происхожденія организовалъ національную инсурекцію, успѣхи и патріотическое чувство быстро пополнили число его сообщниковъ. Императоръ Тшинъ-тзонгъ, юноша, преданный удовольствіямъ, разомъ потерялъ и тронъ и жизнь. Отважный мятежникъ сдѣлался основателемъ національной Минской династіи и управлялъ имперіею подъ именемъ Гон-ву. Въ этой династіи смѣнилось 16 императоровъ, она существовала отъ 1368—1644 г. по Р. Х.; начало ея было славнымъ, конецъ постыднымъ и трагическимъ. Гон-ву, ловкій и энергическій императоръ, реорганизовалъ имперію; онъ сдѣлалъ своей столицей Нанкинъ и оставилъ по духовному завѣщанію корону своему маленькому сыну Уангъ-логу. Сынъ Гон-ву старался доставить императорскую власть своему племяннику Кьенъ-

уанъ и строго держалъ въ рукахъ бразды правленія государствомъ. Онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о древнихъ обычаяхъ, эдикты его предшественниковъ, издалъ кодексъ законовъ, составившій основу законодательства, положилъ основаніе фарфоровому производству, утвердилъ для безопасности отъ татарскаго нашествія мѣстопребываніе высшаго правительства въ Пекинѣ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался главной столицей Китая. При этой династіи возникли сношенія съ иноземцами. Въ 1580 году императоръ Ванъ-мо милостиво принялъ іезуитовъ, основавшихся въ Пекинѣ; въ то же время японская экспедиція, завоевавшая Корею, не безъ потери была отражена императорскими войсками. Это была послѣдняя побѣда Минской династіи, упадокъ которой уже начинался. Эксплоатируя ея пороки и слабость, восточные татары дѣлали частые набѣги на территорію китайской имперіи; въ 1618 году глава племени Манджу (Mandchoux) Тьенъ-мингъ, указывая на ничтожные убытки, поклялся принести 200,000 китайцевъ въ жертву манамъ его рода, онъ обнародовалъ дикій манифестъ Минской династіи, перешелъ границы и совершилъ неслыханныя злодѣйства въ Ліаотунѣ. Сынъ его Тьенъ-Тзонгъ продолжалъ злодѣйства отца и окончилъ ихъ съ удальствомъ и ловкостью. Начальники многихъ мятежныхъ бандъ стремились къ опустошенному трону, стараясь ослабить имперію; одинъ изъ нихъ завладѣлъ Пекиномъ и послѣднимъ императоромъ Минской династіи; главнокомандующій императорскихъ войскъ обратился къ помощи Тьенъ-тзонга, чтобы прогнать узурпатора, но хитрый Манджу старался извлечь собственныя выгоды изъ этой политической связи и съ помощью своего прямодушнаго сообщника водворился въ Пекинѣ. Онъ умеръ въ 1644 году, оставивъ верховную власть своему наслѣднику, основателю нынѣшней династіи Цингъ. До настоящаго времени (20 лѣтъ тому назадъ) восемь верховныхъ представителей этой династіи послѣдовательно занимали китайскій престолъ.

Вотъ главныя событія ихъ царствованія: императоръ Шунчи (1644—1659 г.), стараясь пріучить китайцевъ къ монгольскимъ обычаямъ, запретилъ перемѣну національнаго костюма и приказалъ своимъ подданнымъ, несмотря на ихъ упорное сопротивленіе, заплетать волосы по татарскому обыкновенію; его солдаты продолжали завоеваніе имперіи: поднялась кровавая борьба въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ, гдѣ населеніе поддерживалось потомками несчастнаго Хуангъ-Тзонга; два начальника банды увѣковѣчили въ Шикіанѣ и Фокіенѣ кровавыя жестокости. При этомъ Амовитъ, дядя и опекунъ Шуноги, проявилъ большую военную энергію и административную ловкость.

Произошла реорганизація двора и войска; Китай не сохранилъ своей національной арміи, въ немъ, оставались только иностранная полиція и татарскіе гарнизоны; монгольскіе чиновники старались угнетать народъ тяжелыми налогами и разными жестокостями; китайцы часто

бывали вынуждены даже спасаться бѣгствомъ; они эмигрировали въ Корею, Филиппинскіе острова и Формозу. Пекинскій дворъ милостиво принималъ миссіонеровъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ на югѣ были вѣрны памяти Минской династіи. Императоръ до самаго конца своей жизни предавался скандальному разврату; его наслѣдникъ Кангъ-хи (отъ 1662—1722 г. по Р. Х.), былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ государей Китая. До совершеннолѣтія этого юноши управлялъ совѣтъ опекуновъ; 14-ти лѣтъ принцъ взялъ въ свои руки бразды правленія и управлялъ государствомъ съ такимъ же искусствомъ, какъ и успѣхомъ: императоръ Кангъ-хи отличался обширными свѣдѣніями и зрѣлыми сужденіями, неутомимымъ усердіемъ въ дѣлахъ, мужествомъ на войнѣ и охотѣ, ловкостью въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, величіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простотой образа жизни, горячимъ стремленіемъ облегчать страданія народа, строгимъ соблюденіемъ общественныхъ обязанностей, словомъ, многочисленными добродѣтелями, возбуждавшими удивленіе и гордость въ его подданныхъ. Онъ покорилъ страны, лежащія на сѣверъ и югъ отъ знаменитыхъ Селестскихъ горъ, и раздвинулъ границы имперіи до Кокандъ, Бадакха и Тибета, пользуясь ловкою помощью іезуитовъ, которыхъ онъ прежде осыпалъ милостями, а потомъ выгналъ, вслѣдствіе печальныхъ разногласій между миссіонерами; построилъ обсерваторію, передѣлалъ календарь; заключилъ договоръ о границахъ съ Россіею; усовершенствовалъ артиллерію, составилъ очень полную и подробную карту всѣхъ китайскихъ провинцій, а для монголовъ и китайцевъ знаменитый словарь, носящій его имя. Царствованіе Кангъ-хи, продолжавшееся 61 годъ, составляетъ наиболѣе знаменитый періодъ въ національной исторіи Китая. Онъ назначилъ престолъ своему 4-му сыну. Но старшій изъ сыновей этого Императора Уангъ-Шингъ, которому было 14 лѣтъ, подмѣнилъ цифру 4 на 14 и такая уловка, какъ говорятъ, доставила ему тронъ. Царствованіе этого государя (отъ 1428—1436 г. по Р. Х.) не отличалось славой, хотя онъ обходился съ народомъ благосклонно и справедливо. Желая возстановить древнія китайскія преданія во всей ихъ цѣлости и чистотѣ, Императоръ хотѣлъ уничтожить въ Китаѣ христіанство и преслѣдовалъ миссіонеровъ. Кіенъ-Лунгъ (отъ 1736—1796 г. по Р. Х.) послѣ Кангъ-хи былъ наиболѣе знаменитымъ изъ династіи Чингъ (Tsing); онъ находился на тронѣ въ теченіе 60 лѣтъ, его продолжительное правленіе велось съ искусствомъ и строгостью; возставшіе народцы въ горныхъ округахъ Формозы и Кансу-Чеу (Koncі-tchou) были усмирены; Тибетъ, чтобы избавиться отъ притѣсненій Непала, призналъ зависимость отъ Китая, которому онъ платилъ дань; Россія, Англія и Голландія присылали въ Пекинъ посольства, они принимались тамъ, какъ представители зависимыхъ странъ, или какъ лица, явившіяся признать верховенство Китайской имперіи; незадолго до смерти

императоръ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Кіа-Кинга, царствовавшаго отъ 1796—1821 г. по Р. Х., который отличался завистливымъ, суевѣрнымъ характеромъ, былъ развратенъ, жестоко преслѣдовалъ христіанъ и возбудилъ сильное недовольство при своемъ дворѣ; послѣдствіемъ его были бунты и заговоры во дворцѣ. Императоръ остался обязанъ жизнью только привязанности своего второго сына. Южные берега имперіи опустошала тогда огромная шайка морскихъ разбойниковъ, располагавшая 600 джонокъ, хорошо вооруженныхъ китайскихъ судовъ; правительство не въ силахъ было ее уничтожить. Наконецъ, разъединенные искусными дѣйствіями китайскихъ правителей, два главные начальника этой шайки, ослабленные ихъ многочисленными атаками, постепенно подчинились китайской власти. Съ 1821—1850 г. на китайскомъ престолѣ правилъ второй сынъ императора Кіа-Кинга, возведенный на тронъ завѣщаніемъ своего отца, которому онъ спасъ жизнь во время бунта. Въ 1828 году произошло возстаніе Туркестана и пролились рѣки крови. Глава возстанія прибылъ въ Пекинъ, довѣрившись договорамъ, и погибъ тамъ жертвою ужасныхъ пытокъ. Два мятежа слѣдовали одинъ вслѣдъ за другимъ: одинъ на островѣ Формозѣ, другой въ городѣ Куанси, и были усмирены только при помощи денегъ. Тѣмъ временемъ возникли важныя несогласія между Китаемъ и Англіей. Комиссаръ Линъ хотѣлъ уничтожить весь опіумъ, которымъ владѣли иностранные купцы; поэтому поводу была объявлена война, продолжавшаяся 2 года; вслѣдъ затѣмъ заключено нѣсколько торговыхъ трактатовъ съ Англіей, Соединенными Штатами и Франціей. Эти державы учредили въ Китаѣ постоянныя посольства; нѣсколько портовъ открылись для всеобщей торговли. Императоръ Гіенгъ-фунгъ правилъ съ 1850 г. по 1861; при немъ сильное внутреннее возстаніе Тайпинговъ, или Великихъ миротворцевъ, потрясло имперію и даже самыя основы трона. Оно быстро распространилось по всему Китаю. Глава возстанія занялъ Нанкинъ, гдѣ объявилъ себя государемъ. Армія Тайпинговъ сражалась очень храбро: они были усмирены только съ помощью европейцевъ, которые то воевали, то мирились съ Китаемъ. Императоръ Гіенъ-фунгъ умеръ еще до усмиренія возстанія; послѣ него въ Китаѣ и до настоящаго времени царствуетъ наслѣдникъ престола Гонгъ-Те подъ опекою двухъ императоровъ. Его дядя, князь Гунъ, предсѣдательствуетъ въ правительственномъ совѣтѣ, управляетъ администраціей въ качествѣ перваго министра. Китайское правительство поддерживаетъ дружескія уже многочисленныя сношенія съ иностранными державами, представители которыхъ живутъ теперь въ Пекинѣ. Сношенія Китайцевъ съ европейцами, развивавшіяся очень медленно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, достигли, наконецъ, значительной степени, и Китай сдѣлался доступнымъ вполнѣ.

*) Они возникли уже очень давно, хотя размѣры этихъ сношеній долго оставались ничтожными. Первыя письменныя свѣдѣнія о Китаѣ достигли европейскихъ народовъ во второмъ столѣтіи по Р. Х; но слухи о землѣ Конфуція, окружавшіе ее ореоломъ богатства и могущества, распространялись въ Европѣ и прежде. Съ незапамятныхъ временъ желаніе раздобыться богатыми естественными и искусственными произведеніями Индіи и Китая побуждало европейскихъ искателей приключеній стремиться на востокъ, чтобы за промѣнъ почти исключительно однихъ только драгоцѣнныхъ металловъ получить желаемое. Китайскія и индійскія шелковыя и бумажныя ткани, а также и другія рѣдкости, вывозившіяся изъ этихъ отдаленныхъ странъ, цѣнились чрезвычайно высоко.

У римскаго историка 4-го столѣтія по Р. Х. Аміана Марцелина встрѣчается уже довольно вѣрное изображеніе національнаго характера китайцевъ. По его описанію, они старательно уклонялись тогда отъ всякихъ сношеній съ иностранцами, дозволяли торговлю только въ пограничныхъ мѣстностяхъ, и то съ большими предосторожностями; продавая свои произведенія, китайцы того времени ничего уже не принимали въ обмѣнъ, кромѣ денегъ. Они изображаются римскимъ историкомъ людьми замѣчательно воздержанными, покорными и спокойными, но вовсе не воинственными, даже чувствующими отвращеніе къ употребленію оружія. Въ китайскихъ историческихъ лѣтописяхъ встрѣчается извѣстіе, что около 166 года по Р. Х. въ предѣлы Китая прибыло морскимъ путемъ посольство отъ Римской имперіи. Но эта попытка со стороны римлянъ такъ же, какъ и большая часть ихъ посольствъ въ послѣдующія времена, оказалась не вполнѣ удачной,—посольства возвращались, не достигнувъ никакихъ практическихъ выгодъ въ сношеніяхъ и въ торговлѣ. По китайскому обыкновенію, ихъ принимали съ чванной пышностью и покровительственными замашками. Событія эти китайскій народъ объяснялъ въ своихъ лѣтописяхъ, какъ доказательство величія и славы «сына неба». Сношенія между Китаемъ и Греціею постоянно разрастались вплоть до мусульманскаго нашествія на послѣднюю. Изъ Китая доставляли въ Византію шелковыя и бумажныя одежды, драгоцѣнные камни, жемчугъ и другіе изящные товары. Въ 6-мъ столѣтіи, въ царствованіе императора Юстиніана, шелковое производство перенесено изъ Китая въ Европу однимъ монахомъ. Въ 9-мъ столѣтіи два арабскихъ путешественника составили описаніе своихъ путешествій въ Китай. Въ немъ упоминается о раззореніи китайскаго города Канфу—главнаго порта арабскихъ купцовъ, при

---

*) Мертваго. Сношенія китайцевъ съ европейцами.

чемъ отъ рукъ туземныхъ жителей погибло 120.000 иностранцевъ: магометанъ, евреевъ, христіанъ и парсовъ. Слѣдовательно, иностранцы уже появлялись тогда въ Китаѣ въ значительныхъ размѣрахъ. Кромѣ этого мѣста, арабская торговля процвѣтала и въ устьѣ другой китайской рѣки, Чукіана, на которой стоитъ Кантонъ. Въ 9-мъ вѣкѣ магометане составляли тамъ уже настолько вліятельную общину, что могли воздвигнуть мечеть.

Между 1270 и 1295 годами при дворѣ китайскаго правительства находилось венеціанское семейство Поло, одинъ изъ членовъ котораго пріобрѣлъ такое уваженіе въ Китаѣ, что даже занималъ важное административное мѣсто въ Чикіанѣ — провинціи, гдѣ лежитъ Нанкинъ, древняя столица Китайской имперіи. Послѣ арабовъ въ сношеніе съ китайцами вступили португальцы; но поведеніе ихъ не могло возбудить къ западно-европейскимъ пришельцамъ довѣрія и расположенія со стороны туземцевъ. Соперничество за торговые интересы между португальцами, голландцами и англичанами показало китайцамъ всю алчность европейскихъ торгашей и возбудило къ нимъ враждебное чувство.

Китайцы и до сихъ поръ считаютъ населеніе Европы расой крайне корыстолюбивой и не разборчивой на средства въ достиженіи цѣлей.

Пораженное вѣчными раздорами, происходившими между чужеземцами, мало различавшимися, вслѣдствіе сходства въ костюмахъ и обычаяхъ, туземное китайское правительство дошло до того, что начало обращаться со всѣми европейцами съ подозрительностью и ограниченіями, которыя считались прежде излишними съ болѣе спокойными и порядочными ихъ предшественниками арабами. Эта характеристика преобладанія алчности и склонности ко всякаго рода насиліямъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ господствующей въ представленіяхъ китайскаго народа объ европейцахъ. Результатомъ первыхъ посѣщеній Китая португальцами было открытіе для нихъ Кантона, какъ наиболѣе отдаленнаго отъ Пекина пункта. Но онъ долго оставался на китайскомъ прибрежьи единственнымъ мѣстомъ произведенія дозволенной торговли съ европейцами. Позднѣе были открыты еще три порта для португальцевъ, которые такъ дурно вели себя, что возбуждали даже ненависть въ туземныхъ обитателяхъ. Однажды 800 человѣкъ португальцевъ было умерщвлено за устройство большой охоты на женщинъ въ окрестностяхъ китайскихъ селеній. Въ 1544 году португальцы были изгнаны изъ города Амоя, а въ 1549—изъ Чингу. Но въ окрестностяхъ Кантона они построили три поселенія. Въ 1573 году китайцы, чтобы отдѣлиться отъ европейскаго населенія, построили стѣну поперекъ перешейка, соединяющаго полуостровъ Макао съ островомъ Готланомъ. Въ 16-мъ же столѣтіи начались морскія сношенія китайцевъ съ испанцами; въ 17-мъ вездѣ уже существовали сношенія между Китаемъ и голландцами; съ того же столѣтія наступаетъ и для Англіи періодъ

7*

все болѣе и болѣе возрастающихъ сношеній съ Китаемъ. Посольства иностранныхъ державъ принимались въ Китаѣ въ древности надменно: посланниковъ заставляли падать ницъ передъ пустымъ престоломъ императора и выполнять многія другія церемоніи. Нѣкоторыя изъ испанскихъ и португальскихъ посольствъ отличались характеромъ унизительнаго подслуживанія китайскому двору, находившему удовольствіе въ безконечныхъ почестяхъ, которыя ему воздавались. Надъ посланниками даже издѣвались при дворѣ, заставляя ихъ продѣлывать многочисленные и разнообразные церемоніалы, угощая пирами и даже принуждая ихъ къ балаганнымъ выходкамъ. Но при этомъ долго притворялись незамѣчающими главной цѣли пріѣзда иноземныхъ посѣтителей, тщательно избѣгая даже малѣйшаго намека на нее. Вся исторія сношеній иностранцевъ съ Китаемъ въ теченіе 18-го столѣтія представляетъ картину ежедневныхъ и непрерывныхъ торговыхъ затрудненій: имъ безпрестанно приходилось жаловаться на задержки судовыхъ грузовъ; на грабежъ товаровъ при перевозкѣ послѣднихъ въ Кантонъ; на обидныя и оскорбительныя объявленія, то-и-дѣло издававшіяся правительствомъ, въ которыхъ иностранцамъ приписывались самыя гнусныя преступленія; на взятки второстепенныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и недоступность высшихъ властей. Факторійскіе купцы, вслѣдствіе своего положенія посредниковъ между обѣими сторонами, старались и успѣвали въ достаточной степени обманывать обѣ; но кромѣ того, они еще, будучи отвѣтственными за всѣ дѣйствія и платежи иностранцевъ, чрезвычайно способствовали ухудшенію положенія иностранныхъ гостей въ Кантонѣ. Китайское правительство подъ вліяніемъ обстоятельствъ дошло до ужасныхъ правилъ въ обращеніи съ иностранцами. «Варвары подобны дикимъ звѣрямъ, и потому съ ними не слѣдуетъ обращаться такъ же, какъ съ гражданами, если бы кому-либо вздумалось управлять варварами посредствомъ великихъ началъ разума, то это лишь повело бы къ хаосу. Древніе властители управляли такими людьми не закономъ, но беззаконіемъ. Вотъ настоящій лучшій путь для этого»! Китайцы вначалѣ со страхомъ и уваженіемъ смотрѣли на приплывавшихъ къ ихъ берегамъ чужеземцевъ, признавая въ нихъ превосходство надъ собою и въ военномъ искусствѣ и въ предпріимчивости; но своими послѣдующими поступками пришельцы превратили почтительный страхъ въ надменное презрѣніе къ нимъ, и китайское правительство приняло рѣшеніе вымогать все, что только можно, съ настаивавшихъ на продолженіи торговли европейцевъ, не освѣдомляясь вовсе о дѣйствительныхъ средствахъ и могуществѣ тѣхъ странъ, откуда они являлись. Большимъ источникомъ непріятныхъ столкновеній между китайцами и европейцами было буйное поведеніе матросовъ европейскихъ судовъ. Между англійскими и французскими матросами существовала постоянная вражда, проявлявшаяся даже въ убійствахъ. Всѣ иностранцы составляли въ Китаѣ совершенно отдѣль-

ную обиду и въ сношеніяхъ между собою зависѣли отъ большаго или меньшаго сознанія чувства чести. Относительно же Китая они находились въ положеніи въ родѣ того, которое законовѣды называютъ состояніемъ по природѣ. Перемѣна китайскаго генералъ-губернатора, начальника таможни или старшины изъ факторійскихъ купцовъ вела за собой и перемѣну въ правахъ и обязанностяхъ иностранцевъ, зависѣвшихъ отъ личнаго характера чиновниковъ. Мѣстное правленіе Остъ-Индской компаніи располагало большой властью надъ британскими подданными, но консулы остальныхъ націй почти не имѣли никакого вліянія на своихъ соотечественниковъ. Торговля велась также на неопредѣленныхъ основаніяхъ. Отсутствіе общепризнаннаго тарифа вызывало контрабанду и постоянно поддерживало духъ сопротивленія и недовольства между иностранными купцами. Среди торговавшихъ не было никакихъ законныхъ посредниковъ, потому что не признаваемые китайскимъ правительствомъ консулы пріѣзжали и уѣзжали, поднимали свои флаги и спускали ихъ безъ малѣйшаго участія властей. Отношенія между торговавшими запутывались, и приходилось прибѣгать къ особымъ мѣрамъ для уничтоженія этихъ затрудненій. Въ 18-мъ столѣтіи вошли въ торговыя сношенія съ Китаемъ и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Первое судно, отправившееся въ Китай, оставило Нью-Іоркъ 22 февраля 1784 г. и возвратилось 11 мая 1785 г. Съ тѣхъ поръ торговля Америки съ Китаемъ постоянно расширялась, хотя оффиціальныхъ сношеній между правительствами не происходило, они возникли только въ 19 столѣтіи. Исторія сношеній западныхъ европейцевъ съ Китаемъ за послѣднее столѣтіе почти всецѣло исчерпывается лѣтописью споровъ и войнъ Китая съ Англіей и Франціей. Торговля англичанъ съ Китаемъ въ первой четверти текущаго столѣтія достигла громадныхъ размѣровъ; но и англичане такъ же, какъ и другіе иностранцы, не имѣли въ Китаѣ для регулированія своихъ взаимныхъ отношеній никакихъ опредѣленныхъ законовъ. Съ 1839 по 1842 годъ велась англо-китайская война — событіе чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ. Передъ этимъ отношенія между англичанами и китайцами были до того враждебны, что въ концѣ 1833 года вызвали у Кантона жестокія побоища. Въ продолженіе торговаго сезона 1834 и 1835 гг. иностранцы соединенными силами сдѣлали первую попытку къ распространенію въ Китаѣ европейской науки, учредивъ «Общество распространенія полезныхъ знаній между китайцами». Особенное негодованіе въ китайскомъ населеніи возбуждали англичане, главнымъ образомъ, тѣмъ, что нерѣдко прибѣгали къ хитрымъ обманамъ. Китайцы указывали на непослѣдовательность со стороны англичанъ: жаловаться на китайскую лживость и въ то же время самимъ являться въ страну съ явнымъ намѣреніемъ отыскать тайные способы для нарушенія ея законовъ. Англичане старались распространять въ Китаѣ торговлю опіумомъ, которая вначалѣ велась контра-

банднымъ путемъ. Сами они никогда не участвовали въ столкновеніяхъ изъ-за опіума, а только привозили причину и цѣль этихъ столкновеній въ предѣлы, доступные для мѣстнаго населенія, и затѣмъ спокойно смотрѣли, какъ оно изъ-за привезеннаго ими продукта побивало другъ друга. Высшее китайское правительство искренно желало уничтожить торговлю опіумомъ; но алчность къ деньгамъ и продажность мѣстныхъ чиновниковъ дѣлали его усилія тщетными. Какъ на извиненіе своихъ дѣйствій, англичане указывали на то обстоятельство, что сами таможенные крейсеры участвовали въ контрабандной торговлѣ, а провинціальныя власти смотрѣли на нее сквозь пальцы. Барыши были очень велики. Само англійское правительство получало съ этого торга не менѣе 200,000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, а потому и не отдавало приказаній о прекращеніи его у береговъ Китая. Китайцы всѣ, начиная съ высшаго сановника и кончая разваливающимся, окончательно погибающимъ курильщикомъ опія, убѣждены въ зловредности торга такимъ продуктомъ, но положеніе ихъ въ этомъ случаѣ близко походитъ на состояніе ягненка въ кольцахъ удава. Въ теченіе войны съ иностранцами китайская военная тактика выказывала отчаянное незнаніе самыхъ обыкновенныхъ правилъ военнаго искусства: у китайцевъ господствовало мнѣніе, что одержать побѣду можно, показывая только видъ готовности къ бою, огромные результаты ожидались отъ одной внушающей страхъ военной обстановки, а не отъ силы оружія и искусства въ его употребленіи; послѣ перваго залпа всякій порядокъ въ китайскихъ войскахъ уничтожался и каждый солдатъ начиналъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, спасаясь бѣгствомъ или вступая въ одиночный бой; многіе изъ мандариновъ, потерпѣвъ пораженіе, кончали самоубійствомъ (вѣроятно, вслѣдствіе китайскаго взгляда на бѣдствія войны, какъ на наказаніе неба). Такимъ образомъ, лучшіе люди погибали, остальные же солдаты разбѣгались и, сбросивъ съ себя солдатскую одежду, пропадали иногда безъ вѣсти. Передъ сраженіемъ солдаты обыкновенно получали впередъ свое жалованье, которое имъ выдавалось въ видѣ побудительной мѣры къ бою за императора, но послѣ этого многіе изъ нихъ дезертировали, не дожидаясь сраженія. Вмѣсто доставки войскамъ провизіи, начальство каждой провинціи обязано было собирать для солдатъ только рисъ, предоставляя имъ самимъ добывать все остальное, вслѣдствіе чего народъ подвергался грабежамъ; при бѣгствахъ раненые просто бросались; количество военнаго матеріала было громадно, но по качеству оно никуда не годилось.

Передвиженія войскъ наносили гораздо больше вреда самимъ китайцамъ, чѣмъ непріятелю: недисциплинированныя толпы военныхъ разоряли мирныхъ жителей, отыскивая бѣлье на каждомъ заборѣ; между сельскими, городскими обывателями и солдатами нерѣдко происходили побоища. Нуждаясь въ средствахъ, правительство обраща-

лось съ требованіемъ патріотическихъ приношеній къ богатымъ гражданамъ, старавшимся вслѣдствіе этого скрываться въ мѣстахъ, недоступныхъ для вымогателей Китайское правительство, сознавая бѣдствія войны, изъ самолюбія и тщеславія продолжало вести ее, и часто задавалось несбыточными военными планами. Напримѣръ, китайскій императоръ повелѣваетъ: «ни въ какомъ случаѣ не заключать мира съ презрѣнными варварами, но поддерживать достоинство имперіи! Не уступать имъ ни одного дюйма земли, не платить никакого вознагражденія за убытки, не дозволять торговли!» Тѣмъ не менѣе китайцамъ приходилось дѣлать все большія и большія уступки иностранцамъ: 8-го октября 1843 года англійскій полномочный министръ въ Китаѣ и гонъ-конгскій губернаторъ подписали трактатъ, въ условія котораго было между прочимъ введено, что выгоды, пріобрѣтенныя англичанами въ силу ихъ прежнихъ договоровъ съ Китаемъ, должны распространяться и на всѣ остальныя цивилизованныя страны, находящіяся въ сношеніяхъ съ Китаемъ; что британскимъ подданнымъ будутъ принадлежать всѣ добавочныя преимущества, которыя могли бы быть пріобрѣтены впослѣдствіи для подданныхъ какой бы то ни было другой націи, что мѣстныя китайскія власти по взаимному соглашенію съ англійскими консулами въ пяти открытыхъ для европейцевъ портахъ должны опредѣлить предѣлы, доступные для поѣздокъ иностранцевъ по Китаю съ какими бы то ни было цѣлями; что всѣ казенныя зданія и всякія правительственныя учрежденія, которыя могли бы быть воздвигнуты англичанами на временно занятыхъ ими позиціяхъ, должны перейти къ китайцамъ въ неизмѣненномъ видѣ; чтобы въ каждомъ изъ пяти открытыхъ портовъ англичане получили право содержать на станціи военное судно для охраны порядка. Споры между англичанами и китайцами положено было представлять на рѣшеніе консула, а въ важныхъ случаяхъ—смѣшаннымъ комиссіямъ; по произнесеніи приговора каждой изъ сторонъ предоставлялось исполненіе наказанія надъ своимъ провинившимся соотечественникомъ. Китай вполнѣ открылъ свои порты для внѣшнихъ сношеній. Съ 1844 года усилились сношенія китайцевъ съ американцами: президентъ Соединенныхъ Штатовъ прислалъ китайскому императору дружелюбное письмо съ предложеніемъ упорядочить и расширить уже существующія торговыя сношенія между Америкой и Китаемъ. Послѣдствіемъ этого предложенія былъ американскій трактатъ, утвержденный императоромъ 14-го августа 1844 г., было объявлено, что всѣ условія договора китайцами введены въ дѣйствіе. Затѣмъ послѣдовалъ договоръ франко-китайскій; для заключенія его въ Китай прибылъ 14-го августа 1844 г. уполномоченный де-Лагране со свитою, въ числѣ которой было пять лицъ, присланныхъ правительствомъ для спеціальнаго изслѣдованія торговли, искусствъ и промышленныхъ силъ Китая. Въ двухъ французскихъ

договорахъ было сказано, что черезъ 12-тилѣтній срокъ они должны подвергнуться пересмотру. Тамъ между прочимъ говорилось, что всякое военное судно, крейсирующее для покровительства торговлѣ, должно быть дружественно принимаемо во всѣхъ портахъ Китая. Въ статьѣ о дружбѣ обезпечивалось пониженіе ввозныхъ пошлинъ на нѣкоторые французскіе товары, давалось европейцамъ право учрежденія въ Китаѣ церквей, госпиталей, пріютовъ, училищъ и кладбищъ въ предѣлахъ пяти портовъ, открытыхъ для европейцевъ. Затѣмъ, послѣдующимъ указомъ было разрѣшено туземнымъ христіанамъ свободно выполнять всѣ обряды христіанской религіи; строго запрещалось наносить раны, бить и, вообще, причинять какой-либо вредъ задержаннымъ и въ чемъ-либо провинившимся французамъ, но обращаться съ жалобою къ ихъ консулу. (На практикѣ это далеко не выполнялось). Слухи о заключенныхъ китайцами трактатахъ распространялись въ Европѣ и вскорѣ Датскій, Шведскій дворы, нидерландское правительство прислали въ Кантонъ своихъ консуловъ и уполномоченныхъ для собиранія свѣдѣній относительно торговли съ китайцами. Вслѣдъ затѣмъ прусскій король, испанское правительство, португальцы—всѣ присылали въ Китай своихъ уполномоченныхъ. Однимъ словомъ, съ 1844 года Китай становится значительно открытою для всего міра страною. Самая война съ иностранцами продолжалась тогда въ Китаѣ уже при болѣе мирной обстановкѣ, антагонизмъ между китайской и другими національностями нѣсколько смягчился: прежде китайская чернь часто возмущалась противъ европейцевъ, теперь это случалось рѣже; происходили и совершенно мирныя сношенія между представителями воевавшихъ народностей; въ пяти открытыхъ портахъ велась торговля; въ 1858 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, секретари посланниковъ: англійскаго, французскаго, русскаго и сѣверо-американскаго совершили путешествіе изъ Шанхая внутрь страны, для передачи генералу-губернатору провинціи мирныхъ условій. Четверо посольскихъ секретарей не нашли генералъ-губернатора провинціи и, имѣя въ виду важность своевременнаго исполненія порученнаго имъ дѣла, не задумались въ сопровожденіи французскаго консула продолжать свою поѣздку до Сучао, чтобы тамъ лично передать въ руки вице-короля сообщенія своихъ правительствъ. До того времени въ Сучао, знаменитый китайскій торговый городъ, иностранцы проникали чрезвычайно рѣдко и, не иначе, какъ переодѣвшись въ китайское платье. На этотъ разъ секретари посольствъ были приняты миролюбиво народомъ и привѣтливо сановникомъ. 13-го іюня 1858 г. былъ подписанъ между Россіею и Китаемъ трактатъ, заключавшій въ себѣ условія свободы совѣсти для христіанъ всѣхъ исповѣданій въ Китаѣ, свободы путешествія миссіонеровъ по всему пространству имперіи и права на временное пребываніе въ Пекинѣ дипломатическихъ агентовъ Россіи въ случаѣ возникновенія

надобности представить китайскому правительству какія-либо требованія (сношенія Россіи съ Китаемъ возникли въ 17 столѣтіи). Но содержать въ Пекинѣ постоянныя дипломатическія миссіи китайцы не соглашались. Россіи и Америкѣ пришлось удовлетвориться только временнымъ пребываніемъ ихъ пословъ въ Пекинѣ. Первый отдѣлъ англо-французской войны съ Китаемъ окончился между 1853—1860 годами и заключился Тяньзинскими трактатами. Между ними замѣчателенъ франко-китайскій —о дружбѣ, торговлѣ и судоходствѣ между Франціей и Китаемъ. Онъ начинался словами: «да будетъ постоянный миръ и вѣчная дружба между его величествомъ императоромъ Китая и между подданными обѣихъ имперій безъ исключенія кого бы то ни было и гдѣ бы то ни было; всѣ должны одинаково пользоваться въ соотвѣтственныхъ владѣніяхъ высокихъ договаривающихся сторонъ полнымъ и совершеннымъ покровительствомъ какъ личностей, такъ и собственности». Французскіе подданные по этому трактату допускались для переселенія, занятій торговлей и промышленностью во всѣ города Китая, но снабженные для того особыми паспортами. Франко-китайскій договоръ содержитъ въ себѣ 42 статьи съ дополненіями и касается очень многихъ сторонъ въ отношеніяхъ китайцевъ къ французамъ; онъ заключенъ въ Тяньзинѣ 27 іюня 1858 года.

Поведеніе китайцевъ 25-то іюля 1859 года въ устьѣ рѣки Пейхо было съ ихъ стороны нарушеніемъ Тяньзинскихъ трактатовъ, и въ слѣдующемъ затѣмъ году снова возгорѣлась война. Иностранныя правительства вступили въ союзъ и вели съ Китаемъ войну при очень выгодныхъ для нихъ обстоятельствахъ: военныя дѣла китайцевъ находились тогда въ бѣдственномъ состояніи, сѣверъ и югъ въ опасности, имъ оставалось только употребить всѣвозможныя усилія для заключенія мирнаго трактата съ европейцами; городъ Сучао потерянъ, верховное управленіе въ разстройствѣ. Китайскіе начальники жалуются императору и просятъ заключить миръ. «Если мы не совсѣмъ разлагаемся, то только потому, что существуетъ надежда на скорое заключеніе мира», говорятъ генералъ - губернаторы.—Китайское правительство боялось скрытыхъ дѣйствій иностранцевъ и не довѣряло имъ: «Если допустить въ Пекинъ европейскихъ посланниковъ, то эти господа, визжа и неистово лая, безъ всякаго сомнѣнія, изъ пустяковъ выставятъ новыя требованія, и отдѣлаться отъ нихъ потомъ будетъ уже нелегко!» говоритъ китайскій императоръ. Но и китайскіе государственные люди держались обыкновенія въ сношеніяхъ съ иностранцами сохранять свое достоинство и отличаться доблестью только на бумагѣ, а въ дѣйствіяхъ руководиться особыми соображеніями. Самый Пекинъ въ то время подвергался опасности быть взятымъ приступомъ. Это казалось ужаснымъ для всего китайскаго народа; для сохраненія его энергіи ему необходима была увѣрен-

ность въ личномъ присутствіи такъ «отца отечества». Китайскіе министры старались всѣми силами удержать императора отъ бѣгства. Ему подавались записки, которыя въ одинъ голосъ указывали, что слѣдовало бы императору дѣлать въ столь критическихъ обстоятельствахъ. Въ нихъ говорилось, что въ подобныя времена общественныхъ бѣдствій человѣкъ геройскаго поведенія долженъ быть готовъ умереть на своемъ посту. «Вашему величеству, писалось въ одной изъ записокъ, хорошо извѣстно великое правило, что принцъ обязанъ жертвовать собою для своей страны; но во времена, подобныя настоящему, да будутъ далеки отъ вашихъ министровъ желанія нанести ударъ чувствованіямъ вашего величества ссылками на такіе принципы! Какими глазами ваше величество, смотрите на вашъ народъ и на алтари вашихъ боговъ? Желаете ли сбросить наслѣдство вашихъ праотцевъ, какъ изношенный башмакъ? Что скажетъ исторія о Вашемъ величествѣ тысячамъ будущихъ поколѣній? До настоящаго случая еще ни одинъ изъ государей не отправлялся охотиться во дни государственной опасности! Такое путешествіе, поставивъ въ критическое положеніе все государство, покроетъ позоромъ царствующую династію; отъѣздъ императора можетъ послужить причиною самыхъ серьезныхъ безпорядковъ въ столицѣ и повести къ революціи! Народъ нашей имперіи смотритъ на тронъ какъ на центръ, отъ котораго одного только и могутъ исходить планы спасенія страны. Народный духъ смутится, мужество войскъ поколеблется; а мятежники, напротивъ, почерпнутъ въ этомъ фактѣ новую энергію. Только столица представляетъ достойное мѣстопребываніе величества, и въ подобное время государь въ особенности долженъ оставаться въ ней; покинуть ее значило бы подстрекнуть варваровъ на новыя предпріятія. Ваше величество, должны немедленно объявить о рѣшимости вашей ожидать событій въ столицѣ, которую слѣдовало бы тотчасъ же привести въ наилучшее состояніе для обороны. Въ настоящее время идетъ рѣчь объ уплатѣ варварамъ 20 милліоновъ телей; но, повидимому, было бы гораздо лучше назначить часть этой суммы на подкупъ измѣнниковъ - китайцевъ, нанявшихся въ огромномъ числѣ служить въ арміи варваровъ. Покойный императоръ въ своемъ завѣщаніи со стыдомъ говоритъ о заключеніи мира съ англійскими варварами, а потому нынѣшнему въ особенности подобаетъ, оставаясь въ Пекинѣ, поддерживать достоинство трона и умиротворить духъ предка. Со времени утвержденія царствующей династіи, т. е. въ теченіе болѣе 200 лѣтъ небо хранило просвѣщенное правительство, и если теперь его величество не обратитъ вниманія на совѣтъ своихъ министровъ, то впослѣдствіи онъ горько пожалѣетъ объ этомъ! Результатъ всѣхъ такихъ совѣтовъ былъ очень печаленъ для китайцевъ: императоръ Гинъ-фуни издалъ наивно-нелѣпый манифестъ и тайно оставилъ Пекинъ. Въ императорскомъ манифестѣ 25-го іюня

1859 года говорилось: «Едва только варвары покусились на прорывъ по фарватеру къ Таку, какъ въ одно мгновеніе ока всѣ суда ихъ были потоплены, и тысячи варварскихъ тѣлъ начали плавать по водамъ на пространствѣ 4-хъ ли. Я твердо былъ убѣжденъ, что этого урока для нихъ достаточно и что на будущее время они сдѣлаются осмотрительнѣе. Но кто бы могъ подумать! Едва минулъ годъ съ достопамятной побѣды, увѣнчавшей наше оружіе, и вотъ они уже снова здѣсь, и еще заносчивѣе, чѣмъ были прежде! Теперь надутые гордостью по случаю успѣха, котораго имъ слѣдовало бы стыдиться, они осмѣлились двинуться на Тяньзинъ; но гнѣвъ мой настигнетъ ихъ, и пощады имъ не будетъ! Итакъ, мы повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ истреблять варваровъ, какъ зловредныхъ животныхъ! Мы повелѣваемъ всѣмъ мандаринамъ и должностнымъ лицамъ, военнымъ и гражданскимъ, распорядиться выселеніемъ жителей, находящихся подъ ихъ начальствомъ, изъ всѣхъ городовъ и селеній, къ которымъ эти низкіе люди вздумали бы направиться. Точно также пусть будутъ уничтожены огнемъ и водою всякая провизія и всѣ запасы, перевезти которые въ другія мѣста окажется невозможнымъ! Такимъ образомъ, это проклятое племя, обойденное желѣзомъ и голодомъ, скоро погибнетъ, какъ рыба въ прудѣ, изъ котораго спущена вода!» На другой день послѣ объявленія манифеста императоръ выѣхалъ на охоту въ Монголію.

Когда 6-го октября французы вступили въ загородный дворецъ китайскаго императора, хозяина тамъ не было уже двѣ недѣли. Разгромъ дворца, резиденціи великаго хана, произвелъ на народъ очень сильное впечатлѣніе. Китайцы видѣли въ этомъ событіи самое большое доказательство превосходства надъ ними европейцевъ. Впослѣдствіи европейцы съ умысломъ разоряли также и дворцы высокопоставленныхъ лицъ китайской администраціи. Ими руководило при этомъ, главнымъ образомъ, желаніе избрать наиболѣе чувствительный для китайцевъ способъ мести за ихъ вѣроломство, выразившееся по одному поводу въ очень сильной степени. Китайцы арестовали присланныхъ къ нимъ для переговоровъ французскихъ и англійскихъ парламентеровъ. Китайскому правительству вслѣдствіе этого пришлось получить письмо такого содержанія: «Чрезвычайно трудно вѣрить правительству, которому не стыдно нарушать свое слово и которое до такой степени забываетъ правила чести и собственнаго достоинства, что арестовываетъ и пытаетъ самымъ вѣроломнымъ способомъ безоружныхъ людей, присланныхъ подъ покровительствомъ парламентскаго флага для заключенія съ ними условій!»

Требованія объ освобожденіи этихъ людей остались неудовлетворенными. Но только по возвращеніи парламентеровъ могли быть возобновлены переговоры о мирѣ. Принцъ Кунъ старался доказать, что захватъ парламентеровъ произошелъ вслѣдствіе ихъ собственной

невоздержанности, которая довела парламентеровъ до столкновенія съ китайскими властями. Принцъ увѣрялъ, что плѣнники находятся въ добромъ здоровьи, но такъ какъ миръ еще не заключенъ, форты Таку и Тяньзина въ рукахъ союзниковъ, то невозможно ожидать, чтобы они были возвращены до очищенія страны непріятелемъ. Принцъ предлагалъ союзникамъ вывести войска изъ Китая и тогда, писалъ онъ, плѣнники, конечно, будутъ возвращены. Но европейцы не хотѣли дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ за освобожденіе консуловъ: это значило бы показать китайскому правительству, что воровать европейцевъ во время войны съ ними выгодно. Посланники старались доказать, что захваченные парламентеры не военноплѣнные, и настаивали, что это просто предательски украденные люди. Принцъ Кунъ старался выторговать отъ союзниковъ, что было можно, и, подражая имъ, пробовалъ даже прибѣгать къ угрозамъ. Наконецъ, плѣнники были возвращены. Съ 8-го по 14-е октября происходило возвращеніе въ лагерь союзниковъ остававшихся у китайцевъ европейскихъ плѣнниковъ: англичанъ 13 человѣкъ изъ 26 задержанныхъ, французовъ 6 изъ 13 плѣнныхъ; 16-го октября китайцы прислали союзникамъ гробы съ изуродованными останками замученныхъ парламентеровъ; тѣла двухъ изъ нихъ не отыскались. Состояніе, въ которомъ оказались трупы замученныхъ, повергло ихъ соотечественниковъ въ неистовое желаніе достойнымъ образомъ отмстить правительствующему классу въ Китаѣ. Вообще, китайцы варварски обращались съ плѣнными во время войны, изобрѣтая для нихъ всевозможныя пытки. На эти требованія сдержанности со стороны правительства принцъ Кунъ выразилъ негодованіе за разграбленіе лѣтняго императорскаго дворца въ Пекинѣ: «Зачѣмъ французскіе солдаты, писалъ онъ, разграбили лѣтній дворецъ императора? Франція имперія цивилизованная, ея солдаты содержатся въ строгой дисциплинѣ; какъ же могло случиться такое своевольство? Генералы притворяются только, что будто бы ничего объ этомъ не знаютъ!» Баронъ Гро отвѣчалъ принцу, что дворецъ частію былъ разграбленъ и китайскими разбойниками. Миръ возможенъ, если китайское правительство покинетъ, наконецъ, систему обмановъ и безсовѣстности и пожелаетъ вести дѣла открыто, не выпуская изъ виду, что не сдерживаемое имъ слово освобождаетъ и другихъ поступать такъ же. «Въ Пекинъ опасно вступать безъ охраны изъ конвоя, прибавляетъ онъ. Нижеподписавшійся требуетъ вознагражденія въ 400 тысячъ рублей за умерщвленіе обманомъ людей». Англичане требовали 300 тысячъ за своихъ плѣнниковъ. Отвѣтъ принца назначался не позже 20-го октября, прибавлялась самая сильная для китайцевъ угроза—сжечь императорскій дворецъ. Принцъ Кунъ согласился на уплату суммъ, требуемыхъ англичанами и французами. 24 и 25-го октября 1858 года между враждующими сторонами былъ заключенъ торжественный миръ въ Пекинѣ, сопро-

вождаемый большимъ церемоніаломъ. Представители правительствъ встрѣтились въ сопровожденіи огромной свиты, одѣтой въ парадныя формы. Послѣ взаимныхъ поздравленій посольскій переводчикъ передалъ принцу, что баронъ Гро, полномочный министръ его величества императора французовъ, проситъ принять выраженіе своихъ чувствъ уваженія къ императору, его августѣйшему брату, а также и къ нему самому, равно какъ и увѣреніе въ искреннемъ желаніи мира и согласія, которое одушевляетъ его государя. Принцъ Кунъ отвѣчалъ, что «это желаніе добраго согласія, которое должно освятиться заключеніемъ сегодняшняго трактата, лежитъ на днѣ и его сердца, наполняетъ и его самыя дорогія мысли!»

Баронъ Гро съ секретарями и главнокомандующимъ заняли мѣста на возвышеніи. У длинныхъ столовъ съ одной стороны сидѣло 12 мандариновъ съ коралловыми шариками, а съ другой—французскіе бригадные генералы и начальники спеціальныхъ частей экспедиціоннаго корпуса. Послѣ подачи чая начались дипломатическія формальности. Секретари обмѣнялись экземплярами трактатовъ для провѣрки печатей, затѣмъ уполномоченные подписали ихъ. Въ этотъ моментъ по сигналу пушечнымъ выстрѣломъ, сдѣланному возлѣ «Трибунала обрядовъ» съ крѣпостной стѣны у Аньдинскихъ воротъ, произведенъ былъ салютъ въ 21 выстрѣлъ. Уполномоченные поздравили другъ друга съ окончаніемъ дѣла.

При заключеніи этого мира китайцы должны были сознаться, что они не могутъ одерживать въ полѣ побѣды надъ европейскими войсками. 26-го іюня 1858 года въ Тяньзинѣ былъ подписанъ между королевою Великобританіи и китайскимъ императоромъ трактатъ мира, дружбы и торговли (въ немъ заключался пересмотръ и улучшеніе прежнихъ трактатовъ). Конвенція 1860 г. навсегда открыла ворота Пекина для представителей европейскихъ правительствъ, мирные договоры китайцевъ были опубликованы въ Пекинской газетѣ. Къ этому времени и Россія успѣла заключить съ Китаемъ нѣсколько договоровъ, обезпечивающихъ расширеніе ея границъ на сѣверѣ Китайской имперіи и увеличеніе торговли съ Китаемъ, хотя морскія сношенія русскихъ съ Срединною имперіею начались только съ небольшимъ 30 лѣтъ тому назадъ. Но въ настоящее время военные суда русскаго флота проводятъ много времени въ Китаѣ и сталкиваются тамъ съ китайскими интересами и съ представителями флотовъ другихъ народовъ. Точки соприкосновенія русскихъ съ китайцами очень многочисленны. По Пекинскому дополнительному трактату 1860 года за Россіею утверждено все нижнее теченіе Амура и владѣніе Уссурійскимъ краемъ; русскіе выработали правила для сухопутной и морской торговли съ Китаемъ и для отношеній между ними и китайцами, вообще. Всѣхъ договоровъ, заключенныхъ между Россіею и Китаемъ, было девять, первый изъ нихъ происходилъ въ концѣ 17-го столѣтія,

послѣдній въ 1881 году. Въ настоящее время для европейской торговли по китайскому прибрежью открыты 24 порта, и въ нихъ европейцы пользуются не только безопаснымъ, но даже привилегированнымъ положеніемъ иностранцевъ, живущихъ на чужой территоріи, но подъ управленіемъ своихъ собственныхъ законовъ, сносящихся и съ мѣстными властями на особыхъ правахъ. Но торговые суда европейскихъ купцовъ все еще сильно страдаютъ отъ пиратовъ восточныхъ морей, очень многочисленныхъ, и нисколько не скрывающихъ своей профессіи. Они даже для возбужденія духа соревнованія въ современникахъ выставляютъ напоказъ трофеи, добытые предками: награбленные предметы роскоши, черепа убитыхъ жертвъ и т. п. Въ свои грабительскія экспедиціи разбойники китайскихъ прибрежій отправляются съ многочисленнымъ флотомъ судовъ, украшенныхъ соотвѣтственно ихъ дикому вкусу съ полной военной торжественностью.

Лѣтопись разбойничьихъ дѣлъ въ китайскихъ портахъ довольно велика.

Иностранныя правительства сдѣлали съ китайскимъ правительствомъ условіе оказывать помощь въ охранѣ отъ морскихъ разбойниковъ. Но это мало помогаетъ: въ маѣ 1866 года былъ опубликованъ отчетъ о числѣ китайскихъ пиратскихъ судовъ, захваченныхъ или уничтоженныхъ англійскою эскадрою,— въ теченіе одного года ихъ было 71 судно.

По мнѣнію англичанъ, уничтожить совершенно пиратство въ моряхъ востока, вѣроятно, невозможно, потому что оно коренится не только въ обычаяхъ, но и въ самыхъ правилахъ проживающихъ вокругъ этихъ морей туземцевъ.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ КИТАЙЦЕВЪ.

Языкъ*).

Въ языкѣ прежде всего выражается самосознаніе народа въ его историческомъ развитіи. Но до извѣстной степени языкъ проявляется и у животныхъ, въ этой формѣ онъ очень близокъ къ тому, что называется языкомъ первобытнаго человѣка, состоящимъ изъ односложныхъ, инстинктивныхъ или звукоподражательныхъ восклицаній и жестовъ. Механизмъ языковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ представляется въ такой сложной формѣ въ сравненіи съ языкомъ первобытнымъ, что долго не вѣрили, чтобы онъ былъ изобрѣтенъ человѣкомъ. Но наука показала, что ни одинъ языкъ не выходитъ готовымъ изъ головы человѣка, что современные языки цивилизованныхъ націй есть результатъ постепенныхъ, безсознательныхъ пріобрѣтеній. Она даетъ возможность видѣть, какому ряду нечувствительныхъ перемѣнъ подвергался грубый первобытный языкъ, близкій къ языку животнаго, переходя все въ болѣе и болѣе совершенное состояніе. Знаменитый лингвистъ Максъ Мюллеръ говоритъ, что инстинктивныя восклицанія и звукоподражанія — единственный возможный матерьялъ, посредствомъ котораго могъ образоваться человѣческій языкъ. Древнѣйшіе предки человѣчества только посредствомъ выразительной интонаціи и подражанія звукамъ, производимымъ животными или разнообразными предметами, способны были передавать испытываемыя ими ощущенія. Но съ того времени, когда люди стали подражать рычанію дикаго животнаго или шипѣнію змѣи, чтобы предупреждать другъ друга объ опасности и т. п., явился первый опытъ условнаго языка. Первоначальныя слова, введенныя человѣкомъ въ употребленіе были, безъ сомнѣнія, крики и звукоподражательныя восклицанія. Гипотеза эта доказывается тѣмъ, что во многихъ корняхъ неразвитыхъ языковъ оказываются звуки, означающіе предметы, ко-

---

*) Le Bon: „L'homme et les sociétés leurs, origines et leur histoire;“ Васильевъ: „Китайскій языкъ.“

торые они изображаютъ. Конечно, не всѣ корни звукоподражательные, но есть основаніе предположить, что они-то именно и самые древнѣйшіе, а остальные явились впослѣдствіи; звуки, выражающіеся въ азбукѣ многочисленныхъ человѣческихъ поколѣній, въ теченіе продолжительнаго времени должны были составляться изъ смѣси криковъ инстинктивныхъ съ звукоподражательными. Языкъ дикарей очень скуденъ, — трудно сказать, изъ какого именно количества словъ составляется онъ; но объ этомъ можно судить уже потому, что у многихъ и цивилизованныхъ народовъ обитатели деревень имѣютъ не болѣе 300 словъ для разговора. Чѣмъ менѣе развитъ языкъ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ дополненіи разговора жестами, поэтому въ первобытномъ состояніи человѣчества жесты играли очень важную роль въ языкѣ людей. Но и у цивилизованныхъ народовъ до сихъ поръ еще не существуетъ языка, который бы совершенно не нуждался въ жестахъ. Съ усовершенствованіемъ языковъ у различныхъ народовъ въ нихъ исчезаютъ древніе звукоподражательные корни, но можно найти еще простыя ассоціаціи словъ въ языкахъ наименѣе развитыхъ, какъ, напримѣръ въ китайскомъ: слово «родители» составляется тамъ прямо изъ двухъ отдѣльныхъ словъ «отецъ, мать», безъ всякихъ измѣненій, и т. п. Въ такихъ языкахъ часто первоначальные корни не даютъ полнаго понятія о предметѣ, который они выражаютъ, но только о какомъ-либо одномъ качествѣ этого предмета и предпочтеніе въ такомъ случаѣ оказывается вовсе не слѣдствіемъ логики, а простой случайности. Примѣры этого также встрѣчаются въ китайскомъ языкѣ. Механизмъ образованія корней въ языкахъ не допускаетъ ихъ умножаться въ численности, — въ отдаленныя эпохи образованія языковъ человѣческія потребности были невелики, и потому корни во всѣхъ языкахъ очень немногочисленны. Самые богатые изъ нихъ, заключающіе въ себѣ болѣе 100 тысячъ словъ, какъ, напримѣръ, языкъ англійскій, имѣютъ только нѣсколько сотенъ корней: въ санскритскомъ ихъ 500, въ китайскомъ языкѣ 450 корней словъ. Они обыкновенно составляютъ всегда ядро языка, какъ бы его скелетъ: всѣ другія слова, заключающіяся въ языкѣ, постепенно происходятъ изъ корней, поэтому самое первобытное состояніе языка именно то, когда онъ составляется изъ однихъ корней (оно называется эпохою корней); когда говорятъ такимъ языкомъ, то въ фразѣ нѣтъ никакихъ указаній времени, наклоненія, рода, лица, спряженій и предлоговъ. Мысль обыкновенно передается въ очень распространенной формѣ. Многіе языки еще находятся въ этомъ состояніи, въ особенности, языкъ китайскій; чтобы высказать что-нибудь общее у китайцевъ перечисляется цѣлая группа частностей, — вѣрность, любовь, умѣренность, справедливость говорится за одинъ разъ, чтобы выразить понятіе добродѣтели; утромъ три, вечеромъ четыре, говорятъ, чтобы обозначить непостоянство и т. п. Китайскій языкъ состоитъ только

приблизительно изъ 500 различныхъ словъ, каждое изъ которыхъ заключается въ одномъ слогѣ, поэтому для выраженія мысли въ немъ служитъ, главнымъ образомъ, разнообразная интонація. При помощи ея 500 словъ китайскаго языка превращаются въ самомъ богатомъ китайскомъ нарѣчіи въ 2500 Слова состоятъ изъ неразвитыхъ корней, принимающихъ опредѣленный смыслъ только въ данной фразѣ: разставляя эти немногія основныя слова въ извѣстномъ порядкѣ, одни за другими, рѣчь дѣлаетъ изъ нихъ, смотря по надобности, имена существительныя, прилагательныя, глаголы или служебныя частицы—союзы, предлоги; вся грамматика, такимъ образомъ, сводится къ синтаксису. Китайскій языкъ раздѣляется на нѣсколько нарѣчій, употребляющихся въ разныхъ мѣстностяхъ. Замѣчательно, что самое аристократическое нарѣчіе, мандаринское, которымъ говорятъ въ Пекинѣ, наиболѣе бѣдно словами. Скудность китайскаго идіома словами различнаго произношенія заставляетъ китайцевъ измѣнять смыслъ слова при помощи интонаціи, съ которой они его выговариваютъ. Модуляція голоса въ среднемъ, мажорномъ или минорномъ тонѣ опредѣляетъ точное значеніе односложнаго слова въ разговорѣ. Но китайское произношеніе значительно разнится въ различныхъ провинціяхъ и даже въ городахъ, лежащихъ близко одинъ отъ другого. Напримѣръ, знакъ, который переводится на нашъ языкъ словомъ «дитя» и который встрѣчается въ очень многихъ географическихъ именахъ, произносится какъ тс въ Сѣверномъ Китаѣ, въ Кантонѣ его выговариваютъ какъ ц или дз, въ Макао онъ измѣняется въ чи.

Понятіе два выражается однимъ знакомъ; но уже въ самомъ Китаѣ, не говоря о другихъ мѣстностяхъ, можно услышать для этого слова различнѣйшіе звуки: эль, ольръ, уль, уръ, р, люръ, нге, нги, же, жи, э, и. Точно также большая часть одинаково выговариваемыхъ или однозвучныхъ словъ подвергаются подобнымъ же измѣненіямъ звуковъ. Особенно въ фокіенскомъ мѣстномъ нарѣчіи звуки такъ часто и многообразно смѣшиваются, что приводятъ въ отчаяніе иностранца, который тщетно старается уловить различіе между ними. Это разнообразіе произношеній, въ соединеніи съ скуднымъ запасомъ словъ даетъ тѣмъ болѣе значительную цѣну тону, или модуляціи голоса. Гамма китайскихъ словъ состоитъ не исключительно изъ тональности восходящей и нисходящей, но въ ней есть основные тоны. Вопросъ объ ихъ количествѣ спорный: если взять всю совокупность нарѣчій, то нужно допустить существованіе 8-ми тоновъ, полной октавы; такъ какъ каждый изъ тоновъ, указываемыхъ извѣстнымъ синологомъ Ремюза, имѣетъ два варіанта; но принимая въ разсчетъ, всѣ тонкіе оттѣнки языка, можно было бы насчитать 12 и даже большее число интонацій, употребляемыхъ въ разговорѣ жителей провинціи Фокіенъ. Каждое слово имѣетъ собственную модуляцію, къ разговору надобно примѣнять гамму, подобно тому, какъ дѣлаетъ музыкантъ, когда

поетъ слоги. Китайскій говоръ, по словамъ г. Леонъ де-Рони, указываетъ на общее происхожденіе языка и пѣнія. Молитва въ центральномъ царствѣ всегда имѣетъ форму стихотворенія, дѣти въ школахъ учатъ свои уроки громко и нараспѣвъ. Благодаря своимъ разнообразнымъ интонаціямъ, обитатели Небесной имперіи съ тѣми нѣсколькими сотнями словъ, которыми они обладаютъ, могутъ получать тысячи различныхъ значеній, но разговорный языкъ ихъ плохо служитъ для выраженія идей. Китайскій языкъ считается главнымъ представителемъ односложной, моносиллабической, первобытной формы языковъ, за ней слѣдуетъ болѣе совершенная форма—аглютинаціи (спаиваніе, склеиваніе словъ) и еще болѣе совершенная—флективная (измѣненія въ окончаніяхъ словъ, при помощи которыхъ образуются части рѣчи). Въ такомъ состояніи находятся языки наиболѣе цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Но эти три главныя формы въ развитіи языка не рѣзко отдѣляются другъ отъ друга; выражая главныя фазы, онѣ заключаютъ между собой много послѣдовательныхъ, переходныхъ ступеней. Китайскій языкъ содержитъ въ себѣ много указаній на то, что онъ готовъ былъ перейти въ высшую фазу развитія. Конечно, это было до утвержденія въ Китаѣ конфуціанской рутины, когда быстро развивались всѣ элементы народной цивилизаціи. Китайскій языкъ смѣшаннаго происхожденія, онъ организовался въ Срединномъ царствѣ подъ вліяніемъ языка пришедшихъ въ страну представителей высшей арійской расы и вначалѣ рѣзко отличался отъ инородческихъ языковъ, хотя и самъ не былъ вполнѣ однообразенъ; но по мѣрѣ того, какъ китайцы разныхъ удѣловъ съ одной стороны перемѣшивались между собой, а съ другой растворяли въ себѣ инородцевъ, совершался, быть можетъ, не безъ содѣйствія правительства, процессъ объединенія лингвистическаго, и, наконецъ, китайскій языкъ успѣлъ не только самъ объединиться, но и растворить въ себѣ инородческіе языки, вытѣснивъ ихъ какъ самостоятельные, но въ то же время усвоивъ нѣкоторую часть лексическаго содержанія этихъ языковъ. По лѣтописи Чжоу-ли въ седьмой годъ по объѣздѣ государя слѣдовало собираться толмачамъ, которые должны были сличать нарѣчія и приводить къ однообразію формулы обращенія, а въ девятый годъ слѣпцамъ и анналистамъ, обязаннымъ очищать іероглифы и опредѣлять ихъ правильное произношеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что письменность, объединенная при Цинъ-ши-хуанъ-ди, закрѣпила своими знаками, какъ достояніе обще-китайскаго языка, тѣ слова, которыя первоначально являлись выраженіемъ діалектическихъ особенностей съ одной стороны и самобытнаго существованія инородческихъ языковъ съ другой. Въ китайскомъ языкѣ есть корни общіе арійскому языку, татарскому, монгольскому, маньчжурскому и тибетскому. Съ развитіемъ древней китайской цивилизаціи въ ней явилась и письменность, хотя она такъ же, какъ и разговорный китайскій

языкъ, представляетъ первобытную, идеографическую, очень неясную форму: въ ней заключается 50,000 различныхъ измѣненныхъ знаковъ, но при этомъ вовсе не дающихъ понятія о предметѣ, который каждый знакъ изображалъ прежде. Такое письмо, однако, медленно переходитъ въ состояніе фонетическаго, потому что прибавляютъ большое количество знаковъ, изображающихъ звуки, которые присоединяютъ къ идеографическимъ знакамъ: одни для указанія звука, другіе для наименованія смысла. Словарь, составленный по повелѣнію богдыхана Конги, содержитъ 44,449 различныхъ знаковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ группу отдѣльныхъ значеній: болѣе 150 знаковъ, изображающихъ различныя понятія, читаются одинаково, какъ и пишутся, и потому произведенія серьезной литературы могутъ быть понимаемы только читателями, изучившими опредѣленное число необходимыхъ знаковъ, а когда разговоръ поднимается надъ обыденнымъ уровнемъ, то собесѣдники должны прибѣгать къ помощи кисти и туши, чтобы рисовать знаки, соотвѣтствующіе ихъ мыслямъ, т.-е. іероглифы. Письменный китайскій языкъ очень далекъ отъ разговорнаго: не грамотный китаецъ не въ состояніи понять читаемой вслухъ китайской книги, не потому, чтобы сюжетъ ея былъ недоступенъ для слушающаго, а, главнымъ образомъ, потому, что писавшій книгу имѣлъ въ виду не слушателя, а исключительно читателя. Различіе письменнаго языка отъ разговорнаго заключается въ томъ, что въ письменномъ одинъ, слышимый въ чтеніи слогъ почти всегда имѣетъ такое значеніе, которое доступно уже не слуху, а только глазу своимъ начертаніемъ. На одинъ слогъ иногда приходится много іероглифовъ, а въ одномъ іероглифѣ заключается нѣсколько неодинаковыхъ значеній. Китайскіе іероглифы изображаютъ въ нѣсколькихъ чертахъ сокрытый знакъ предметовъ. Фонетическимъ письмомъ, очевидно, трудно передавать китайскія различія интонаціи. Китайская азбука состоитъ не изъ 25—30 буквъ, какъ у насъ, но изъ нѣсколькихъ тысячъ начертаній. Сколько труда и терпѣнья нужно для ея запоминанія! Китайскій письменный языкъ выражаетъ не тоны, а понятія. «Первобытное состояніе китайскаго языка въ сравненіи съ огромной массой идей, существующихъ въ цивилизованномъ китайскомъ государствѣ, несомнѣнно, должно быть приписано поспѣшной культурѣ націи, языкъ которой былъ слишкомъ рано заключенъ въ тѣсныя рамки неизмѣнныхъ правилъ писаками правительства и пуристами академій (слѣдовательно, конфуціанцами). Китайцы не съумѣли сломать преграды, противопоставляемыя оффиціальнымъ говоромъ, свободнымъ преобразованіямъ живой рѣчи. Нѣтъ надобности говорить, какъ много должна была пострадать самая мысль отъ этой остановки развитія языка», говоритъ Реклю.— Конечно, только конфуціанская рутина удерживала до сихъ поръ китайскій языкъ въ такомъ состояніи! Вмѣстѣ съ прогрессомъ промыш-

ленности, наукъ, искусствъ, новыя слова родятся постоянно въ языкѣ народа, въ то же время древнія — подвергаются перемѣнамъ, измѣняютъ смыслъ или исчезаютъ, особенно, когда дается точное значеніе словамъ, которыя языкъ старается усовершенствовать. Когда измѣняются идеи и потребности народа, измѣняется и его языкъ вмѣстѣ съ ними. Перемѣны въ языкѣ соотвѣтствуютъ состоянію народнаго быта. Въ настоящее время, вѣроятно, вслѣдствіе большаго прогресса въ экономическомъ состояніи китайцевъ и, въ особенности, значительно усилившагося вліянія сношеній съ Европой и Америкой, начинается, наконецъ, возрожденіе и въ китайскомъ языкѣ: въ него вошли исковерканныя имена новыхъ понятій, идіомъ языка безпрестанно обогащается многосложными словами, ненавистными пуристамъ неологизмами, которые тѣмъ не менѣе пріобрѣли уже право употребленія и оказываютъ вліяніе на образъ мышленія китайцевъ, сближая ихъ съ западно-европейцами. Образуются новыя составныя слова, новые термины, нарождающіяся сотнями во всѣхъ городахъ Китая, открытыхъ для европейской торговли, чтобы обозначать предметы иностраннаго привоза или выражать иностранныя идеи. Слова эти получаютъ мало-по-малу права гражданства, хотя и непріязненно встрѣчаются поклонниками добраго стараго времени. Новыя составныя слова употребляются въ устной рѣчи и въ популярныхъ изданіяхъ. Они составляютъ часть соуэна, обыкновеннаго, общеупотребительнаго стиля, который преобразовываетъ благородный языкъ Конфуція и болѣе, чѣмъ другіе діалекты, пригоденъ для народной поэзіи, сказокъ и комедій. Измѣненія, совершавшіяся въ арійскихъ языкахъ еще въ доисторическую пору, происходятъ теперь въ языкѣ китайцевъ.

Религія китайцевъ *).

Чтобы сдѣлать понятной характеристику религіи китайскаго народа, необходимо начать съ выработанныхъ современной исторической наукой взглядовъ на возникновеніе и развитіе религіи человѣчества вообще: тогда будетъ ясно, какой ступени прогресса достигла и религія китайцевъ.

Религіозное чувство возникаетъ у человѣка еще на самомъ низкомъ уровнѣ его развитія, нѣчто сходное съ нимъ находятъ даже у нѣкоторыхъ животныхъ, въ испытываемомъ ими страхѣ передъ человѣкомъ. Потребность въ религіи является у дикаря исключительно изъ

*) Le Bon: „L'homme et les sociétés"; Tiele: „Esquise d'une histoire de la religion"; Reville: „Les religions des peuples non-civilisés".

чувства страха передъ обожаемымъ предметомъ, сознанія полной зависимости отъ его воли и желанія направить дѣйствіе этой воли въ свою пользу.

Неразвитому уму свѣтъ кажется наполненнымъ опасностями отъ существующихъ въ немъ, враждебныхъ человѣку, таинственныхъ, грозящихъ силъ, напримѣръ, въ видѣ бури, грозы, тѣней мертвецовъ и т. п., противъ которыхъ онъ безсиленъ: «страхъ родитъ боговъ», говоритъ латинскій поэтъ. Всѣ эти непонятныя для дикаря, грозныя, таинственныя силы въ сознаніи своемъ онъ, естественно, можетъ сравнивать только съ тѣмъ, что извѣстно уже ему самому, и, зная одни лишь собственныя ощущенія, дикарь придаетъ обожаемымъ предметамъ свои качества; а такъ-какъ опытъ доказалъ ему, что человѣкъ можетъ дѣйствовать на сходныхъ съ нимъ, но болѣе сильныхъ людей, только черезъ посредство просьбъ и подарковъ, то онъ поступаетъ также и со всякой непонятной для него нравственной силой, которая чѣмъ-либо проявляетъ себя. Смиряясь передъ этой силой, человѣкъ обращается къ ней съ молитвами и жертвоприношеніями, стремясь такимъ образомъ заслужить ея благосклонность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предотвратить грозящую ему опасность. Страхъ и надежда играютъ главную роль въ религіозномъ чувствѣ дикаго человѣка; въ выборѣ предметовъ обожанія онъ руководится исключительно сознаніемъ ихъ опасности или необходимости для его существованія. Силу свою каждый обоготворяемый предметъ получаетъ, по мнѣнію дикаря, отъ поселяющагося въ немъ духа, его-то, главнымъ образомъ, и стараются ублажать. Это—самое первобытное состояніе религіознаго сознанія людей, оно называется фетишизмомъ (отъ слова фатумъ—роковой, сверхъестественный). Здѣсь имѣетъ значеніе только форма, а не сущность божества, о которой мало думаютъ: качества всѣхъ боговъ равны. Отъ фетишизма люди переходятъ къ многобожію, или политеизму: съ расширеніемъ сознанія человѣкъ обращаетъ вниманіе на большее количество предметовъ, лучше подмѣчаетъ и оцѣниваетъ ихъ отличительныя свойства, а потому и боги его становятся все многочисленнѣе и разнообразнѣе, между ними появляются уже и благодѣтельные,—отъ близкихъ предметовъ онъ переходитъ къ болѣе отдаленнымъ, отъ частныхъ понятій къ отвлеченнымъ, различаетъ предметы по достоинству и ставитъ ихъ въ іерархическую зависимость другъ къ другу; вслѣдъ затѣмъ является понятіе о высшихъ существахъ, управляющихъ природой, народъ начинаетъ много думать о нихъ и разсказываетъ иногда многочисленныя легенды; силы эти вступаютъ въ борьбу между собою, и, наконецъ, одно главное лицо вытѣсняетъ или подчиняетъ себѣ всѣхъ остальныхъ,—это единобожіе, или монотеизмъ—высшая форма религіознаго сознанія человѣчества.

Вмѣстѣ съ историческимъ процессомъ развитія религіи усложняется и самое религіозное чувство человѣка,—въ него входятъ новые эле-

менты: религіозный энтузіазмъ, любовь къ божеству, восхищеніе его свойствами, сознаніе предполагаемыхъ къ нему обязанностей, наконецъ, благоговѣйное почитаніе Бога-творца, удивленіе къ его премудрости, выражающейся въ красотѣ и гармоніи природы; но при всемъ этомъ главный основной мотивъ возникновенія религіознаго чувства—сознаніе человѣкомъ его зависимости и страхъ передъ непонятной ему таинственной силой, не исчезаютъ въ немъ никогда. Причина этого, конечно, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что для человѣческаго ума и до сихъ поръ еще остается очень широкой область недоступнаго его пониманію въ природѣ. Вслѣдствіе того во всѣхъ трехъ главныхъ формахъ развитія религіознаго сознанія людей, являются смѣшанныя понятія, т.-е. въ политеизмѣ встрѣчаются факты, свойственные фетишизму, а въ монотеизмѣ—обѣимъ предшествовавшимъ низшимъ формамъ историческаго развитія религіи. Перемѣна, главнымъ образомъ, происходитъ при этомъ въ уничтоженіи грубой наглядности представленій о божествѣ, въ болѣе возвышенномъ, требующемъ строгой нравственности, религіозномъ идеалѣ поведенія человѣка, за которое послѣ смерти назначается награда или возмездіе, въ сокращеніи области сверхъестественнаго, или чудеснаго, въ уменьшеніи формализма обрядовъ и даже въ ихъ уничтоженіи. Словомъ, религія тогда становится какъ бы болѣе возвышенной и идеальной. Напротивъ, чѣмъ ниже историческая ступень развитія народа, тѣмъ грубѣе и матеріальнѣе его представленіе о религіи, тѣмъ шире доходящая до вѣры въ чародѣйство область чудеснаго, тѣмъ больше ощущеніе зависимости отъ враждебныхъ человѣку силъ и страхъ передъ ними, а отсюда и бо́льшая необходимость въ выполненіи разнообразныхъ обрядовъ въ богослуженіи, иногда необыкновенно многочисленныхъ. Фетишизмъ—религія общая всѣмъ дикимъ и полудикимъ племенамъ и народамъ, только у нѣкоторыхъ изъ нихъ она переходитъ въ болѣе или менѣе развитой политеизмъ; но и всѣ историческіе народы неизбѣжно должны были пережить эту форму религіознаго сознанія. Какъ фетишизмъ, такъ и политеизмъ состоятъ собственно въ вѣрѣ въ духовъ или анимизмѣ. Духи олицетворяются въ видѣ многочисленныхъ предметовъ (огонь, вода, камни, растенія, животныя, земля, рѣки, море, солнце, свѣтила вообще, небо и проч.), ихъ представляютъ свободно обитающими на землѣ и въ воздухѣ; появляются духи добровольно или вслѣдствіе принужденія со стороны людей съ помощью магическихъ заклинаній. При анимизмѣ предметомъ религіознаго поклоненія становится и умершій человѣкъ. Фактъ смерти и въ настоящее время производитъ на многихъ подавляющее впечатлѣніе, возбуждаетъ религіозный страхъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ поражать воображеніе первобытнаго человѣка, не имѣщаго научнаго понятія о неизбѣжномъ разрушеніи всякаго живаго организма. Покойникъ становится духомъ, похожимъ на духовъ природы, живу-

щимъ, какъ и они, въ невидимомъ мірѣ и имѣющимъ возможность появляться людямъ подъ разными видами; мертвецъ въ состояніи пріобрѣсти способности и силы высочайшаго существа, обладаетъ бо̀льшими, чѣмъ живые люди средствами для управленія земными дѣлами. Слѣдовательно, есть поводъ заботиться о благоволеніи такого духа такъ же, какъ и проклинать его злую волю. Но умершіе люди естественно, должны больше всего интересоваться судьбою ихъ потомковъ; а потому является мысль, что предки становятся покровителями и совѣтниками послѣднихъ, или исключительно на нихъ только гнѣваются, если не получаютъ необходимыхъ для своего загробнаго существованія погребальныхъ и другихъ почестей и жертвоприношеній со стороны потомковъ. Въ такомъ видѣ культъ мертвыхъ и въ особенности предковъ становится необходимымъ элементомъ анимизма нецивилизованныхъ народовъ. Анимизмъ въ сущности не религія, а скорѣе просто первобытное міровозрѣніе, преобладающее во всей жизни древняго человѣка; но въ немъ заключается и религіозное начало, хотя религіозныя понятія при этомъ находятся въ зачаточномъ, смѣшанномъ, хаотическомъ состояніи; выполненіе жертвоприношеній— главный поводъ хорошаго или дурного отношенія духовъ къ людямъ; при этомъ злые духи, вѣроятно, какъ болѣе опасные, получаютъ больше жертвоприношеній, чѣмъ добрые; идея безсмертія почти исключительно заключается въ понятіи, что земная жизнь продолжается за гробомъ, и ученіе о возмездіи послѣ смерти по заслугамъ проявляется едва замѣтно. Таковы характеристическія особенности переживаемаго всѣми первобытными народами анимизма, на почвѣ котораго развиваются болѣе возвышенныя и совершенныя религіи. Но при этомъ нужно замѣтить, что тотъ же анимизмъ проявляется у разныхъ народовъ съ нѣкоторымъ разнообразіемъ, соотвѣтственно различному характеру народныхъ расъ, мѣсту ихъ обитанія, образу жизни и вліянію сосѣдей.

Въ религіи вслѣдъ за языкомъ прежде всего выражается самосознаніе народа въ его историческомъ развитіи. Но чѣмъ быстрѣе происходитъ оно, тѣмъ скорѣе соотвѣтственно этому обстоятельству совершенствуется и религія народа, становясь возвышеннѣе и отвлеченнѣе. Вмѣстѣ съ этимъ процессомъ съуживается постепенно и самая сфера проявленія религіи въ народной жизни, многія стороны которой вначалѣ находятся въ соприкосновеніи съ ней и какъ бы даже въ подчиненномъ отношеніи.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ съ теченіемъ времени изъ религіозной области выдѣляется искусство, часто возникающее съ изображенія религіозныхъ сюжетовъ; миѳологія, предметомъ которой служатъ вымыслы религіознаго сверхъестественнаго содержанія, поэзія, развивающаяся на почвѣ миѳологіи; философія, всегда неизбѣжно начинающаяся съ размышленія о религіозныхъ предметахъ; эпиче-

ская литература, въ которой отражается первобытное, а, слѣдовательно, и религіозное міровоззрѣніе народа и проч. Дальнѣйшее самостоятельное развитіе этихъ сторонъ составляетъ уже значительный прогрессъ въ цивилизаціи народа. — Такимъ образомъ, какъ самая форма религіознаго сознанія, такъ и степень смѣшенія религіи съ другими сторонами народной жизни, могутъ служить критеріемъ опредѣленія историческаго прогресса націи.

Религія пришлаго съ запада населенія, послужившаго основой историческаго развитія китайскаго народа, еще на его первобытной родинѣ состояла, какъ извѣстно, при родовомъ бытѣ въ культѣ предковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и въ нераздѣльномъ съ этимъ культомъ вѣрованіи въ духовъ вообще, т.-е. въ свойственномъ всѣмъ полудикимъ народамъ анимизмѣ. Въ новомъ мѣстѣ-жительства народа соотвѣтственно историческимъ обстоятельствамъ она стала принимать особое направленіе и въ 12 столѣтіи до Р. Х., а, можетъ быть, и раньше религію китайцевъ можно съ большой точностью назвать очищеннымъ и правильно организованнымъ, т.-е. приведеннымъ въ порядокъ, анимизмомъ, состоящимъ изъ смѣси политеизма съ фетишизмомъ, съ едва начинающимся стремленіемъ къ монотеизму, скомбинировавшимся въ систему прежде, чѣмъ изъ этой религіи могла развиться правильная миѳологія. Духи въ древнемъ Китаѣ единственные предметы поклоненія; но они подраздѣляются на знаменитыхъ, мірскихъ, человѣческихъ и по правилу тѣсно соединяются съ предметами природы. Олицетворяемое въ видѣ личности небо, какъ верховный вождь, находится во главѣ этихъ духовъ; вмѣстѣ съ землею оно производитъ все существующее, его воля опредѣляетъ судьбу, она награждаетъ и наказываетъ; какъ бы изображая верховнаго вождя народа, небо считается единственнымъ; несмотря на то, что на-ряду съ нимъ существуетъ еще пять высшихъ повелителей и ниже ихъ безчисленное множество духовъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ духи солнца, луны, звѣздъ и созвѣздій. Духъ земли считается женскимъ духомъ, духи горъ, рѣкъ и прочіе имѣютъ свои особыя части владѣній, кромѣ ихъ, существуетъ множество другихъ, вообще, духи безчисленны: вѣрятъ, что они неслышно и незримо существуютъ во всевозможныхъ предметахъ. Но всѣ китайскіе духи, большею частію, величественные слуги высшаго повелителя неба и въ отношеніяхъ къ людямъ на первомъ планѣ ставятъ нравственныя качества. Замѣчательно въ китайской религіи отсутствіе всякаго упоминанія о крайне злыхъ духахъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ іерархическимъ порядкомъ въ подчиненіи духовъ однихъ другимъ съ верховнымъ существомъ—небомъ во главѣ, можетъ считаться значительнымъ прогрессомъ китайскаго анимизма въ сравненіи съ хаотическимъ состояніемъ этой религіи у первобытныхъ народовъ. Но въ существующемъ въ Китаѣ поклоненіи духамъ умершихъ и культѣ пред-

ковъ ученіе о загробной жизни совершенно то же, какъ и у полудикихъ племенъ: человѣкъ обладаетъ двумя душами, изъ которыхъ одна въ моментъ смерти восходитъ на небо, тогда какъ другая остается при мертвомъ тѣлѣ покойника. (Первую китайцы называютъ «Ци», воздухъ, дыханіе, другая душа въ нашемъ смыслѣ слова). При этомъ вовсе не встрѣчается слѣдовъ ученія о загробномъ возмездіи соотвѣтственно земному поведенію человѣка.—Культъ предковъ достигъ въ Китаѣ большаго, чѣмъ гдѣ-либо развитія, въ немъ выражаются серьезныя чувства народа, онъ обставленъ величавой религіозной торжественностью обрядовъ. Духи предковъ предполагаются присутствующими на жертвоприношеніяхъ. Культъ этотъ, какъ извѣстно, проникалъ очень глубоко въ жизнь китайскаго народа и оказывалъ на нее сильное вліяніе, можно даже сказать, что онъ регулировалъ бытъ китайцевъ, требуя отъ нихъ исполненія множества религіозныхъ обрядовъ и набожныхъ обычаевъ.

*) Прежде всего при смерти человѣка производился окликъ его души,—лишь только умретъ кто-либо, какъ одинъ изъ его родственниковъ троекратно восклицаетъ: «такой-то (называя его по имени), воротись!» Если отвѣта не получается, то для всѣхъ членовъ семьи становится понятнымъ, что душа усопшаго ушла отъ людей навсегда, хотя она и остается при мертвомъ тѣлѣ, ощущая всѣ потребности земного существованія, которыя обязательно должны быть удовлетворяемы живыми родственниками усопшаго. Получая все необходимое, душа пользуется покоемъ и благодѣтельствуетъ живымъ людямъ; терпя лишенія, не имѣя пристанища, она бродитъ, становится злою, мстительною, насылаетъ на людей болѣзни и разнаго рода несчастія. Черезъ удовлетвореніе земныхъ тѣлесныхъ потребностей душа умершаго сохраняетъ связь и съ своими потомками; поэтому является необходимость, по возможности, предохранять тѣло покойника отъ разложенія и всѣхъ внѣшнихъ поврежденій. Заботы эти, естественно, главнымъ образомъ, падаютъ на того, кто при жизни усопшаго стоялъ ближе всѣхъ къ нему. Такъ-какъ посмертное существованіе души продолжается вѣчно, то нужно, чтобы цѣпь лицъ, преемственно приносящихъ покойнику жертвы, никогда не прерывалась. Стремясь удовлетворить этому условію, древніе китайцы выработали на практикѣ и освятили обычаемъ то правило, что усопшему отцу долженъ приносить жертвы его старшій сынъ, а этотъ послѣдній обязанъ, въ свою очередь, оставить по себѣ также сына — жертвоприносителя своему отцу и всѣмъ восходящимъ членамъ фамиліи. Неугасаемость рода по прямой, нисходящей линіи гарантировала, такимъ образомъ, посмертное благоденствіе усопшихъ предковъ. Между ними и ихъ живущими на землѣ потомками установились взаимно-обязательныя

---

*) Георгіевскій: „Принципы жизни Китая“.

отношенія: живые заботились о загробномъ благоденствіи усопшихъ, усопшіе посылали благословенія и счастіе живымъ. Еще при жизни родителя почтительный сынъ заботится о томъ, чтобы пріобрѣсти прочное дерево для постройки гроба ему. Имѣть хорошій гробъ — забота всякаго китайца и въ настоящее время. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ больше онъ тратитъ денегъ на устройство своего посмертнаго жилища. Подарить родителю въ день его рожденія хорошій гробъ считается очень похвальнымъ поступкомъ со стороны сына. Гроба лакируютъ какъ изнутри, такъ и снаружи, нѣсколько разъ возобновляемая лакировка дѣлаетъ древесный матеріалъ совершенно непроницаемымъ для воды и сырости. Въ ротъ покойника кладутъ зерна одного растенія, предохраняющаго тѣло отъ разложенія. Умершаго прежде всего омываютъ теплой водой, потомъ совершается обрядъ малаго облаченія, — надѣваютъ чистое исподнее платье, покрываютъ тѣло, особенно въ сгибахъ, слоемъ шелковой ваты; надѣваютъ на руки и на ноги шелковые мѣшки, шелковыми лентами бинтуютъ члены тѣла, потомъ всего покойника обертываютъ шелковымъ сырцовымъ полотенцемъ, не закрывая лица, и двумя еще другими полотнищами обвязываютъ грудь и животъ. Въ заключеніе, надѣваютъ на него новую одежду и парадную шапку. Въ такомъ видѣ кладутъ покойника на особо устроенный одръ и, не закрывая головы, обертываютъ большимъ сырцовымъ одѣяломъ. Такъ тѣло остается до того времени, когда наступитъ пора большого облаченія. Оно совершается соотвѣтственно значенію умершаго лица въ различные сроки: по смерти государей черезъ 7 дней, князей—черезъ 5, чиновниковъ и простолюдиновъ черезъ 3 дня. Въ теченіе этого времени родственники умершаго все еще не теряютъ надежды на его оживленіе. Обрядъ великаго облаченія заключается въ слѣдующемъ: во внутренность находящагося посрединѣ комнаты гроба кладутъ четыре длинныхъ холщевыхъ полотенца, выпуская ихъ концы наружу, потомъ берутъ покойника, находящагося на одрѣ, рядомъ съ гробомъ, опускаютъ его, закутаннаго въ одѣяло, въ гробъ; раскрываютъ мертвеца, помѣщаютъ подъ голову ему подошку, затыкая всѣ пустыя мѣста мягкой бумагой, покрываютъ тѣло простыней, а потомъ со всѣхъ сторонъ одѣяломъ и начинаютъ завязывать полотнища. Послѣ этого въ гробъ насыпается известь, его закрываютъ крышкой, которую приколачиваютъ гвоздями, а пазы заливаютъ составомъ изъ лаку, каменнаго масла и фарфороваго порошка: это мѣры для сохраненія тѣла покойника. Но послѣдній не можетъ удовлетвориться однимъ только сбереженіемъ его тѣла: онъ при жизни носилъ одежды, имѣлъ любимыя вещи,—всѣ такіе предметы подносятся ему и за гробомъ; въ древнее время на усопшаго надѣвали по нѣскольку десятковъ одеждъ, быть можетъ, даже всѣ, ему принадлежащія; наполняли гробы драгоцѣнными камнями, золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и особенно

любимыми покойникомъ его мелкими вещицами. Еще и теперь нерѣдко случается въ Китаѣ, что въ гробъ кладутъ трубку усопшаго, книгу, которую онъ любилъ читать, сочиненіе, имъ написанное, стереоскопъ, въ который любилъ смотрѣть и проч. Чтобы душѣ усопшаго не было скучно, ее увеселяютъ музыкой, обычай призывать музыкантовъ въ домъ, гдѣ есть умершій, до сихъ поръ распространенъ въ Китаѣ. Иностранцевъ поражаетъ контрастъ одновременной скорби и веселья: семья навзрыдъ оплакиваетъ утрату своего члена, и тутъ же играетъ веселая музыка. Душа въ загробномъ своемъ существованіи нуждается въ пищѣ, кормленіемъ ея прежде всего обусловливается поведеніе родственниковъ усопшаго. Лишь только человѣкъ умираетъ, дѣти его распускаютъ свои волосы, разстегиваютъ верхнее платье, распоясываются, снимаютъ обувь и начинаютъ ходить босикомъ; женщины прячутъ въ это время головныя украшенія и всякаго рода привѣски; въ домѣ закрывается все цвѣтное и блестящее. Въ теченіе первыхъ 3-хъ дней семейство усопшаго главы не должно принимать никакой пищи. На другой день послѣ обряда великаго облаченія надѣваютъ траурныя одежды, которыхъ для разныхъ степеней родства существуетъ въ Китаѣ пять разрядовъ; соотвѣтственно этому различенъ и срокъ траура: дѣти обязаны выполнять его предписанія въ теченіе 3-хъ лѣтъ, раздѣляя это время на 3 періода, первый годъ — глубокій трауръ, при чемъ нельзя пить вина, ѣсть мяса, плодовъ, овощей; во второй годъ—трауръ средній, разрѣшается употребленіе плодовъ и овощей; въ третій годъ—легкій, допускается уже мясо и вино. Но въ теченіе всѣхъ 3-хъ лѣтъ запрещаются всякаго рода удовольствія, музыка и даже женитьба.— Кормленіе усопшихъ происходитъ такимъ образомъ: къ постели, гдѣ лежитъ покойникъ, придвигается столъ, на которомъ поставлены вино и яства; сынъ умершаго подходитъ къ столу, умываетъ руки, полощетъ рюмку и наливаетъ въ нее вино; затѣмъ выливаетъ его изъ рюмки на столъ; послѣ того беретъ со стола чашку съ рисомъ, подходитъ къ постели и, поддѣвая рисъ на ложку, въ три пріема наполняетъ имъ ротъ усопшаго: сперва правую половину, потомъ лѣвую и, наконецъ, середину. Тотъ же обрядъ повторяется и на другой день, только съ колѣнопреклоненіями; въ третій день передъ положеніемъ во гробъ сынъ произноситъ слѣдующую доносительную рѣчь: «Я по имени такой-то, осмѣливаюсь выразить скорбныя чувства передъ прахомъ моего отца, по имени такого-то. Избытокъ содѣланныхъ мною неправдъ разразился несчастіемъ на тебѣ, моемъ родителѣ. Обязанный тебѣ рожденіемъ, воспитаніемъ и безчисленными благодѣяніями, я вдругъ лишился тебя навѣки. И вотъ теперь предстоитъ совершить надъ тобой обрядъ положенія во гробъ. Ужъ не услышу я больше твоихъ отеческихъ наставленій и не увижу тебя! Мои сѣтованія ужасны! Зачѣмъ такъ внезапно доведенъ я до такого

крайняго несчастія, о чемъ съ благоговѣніемъ доношу?» Пока тѣло находится въ домѣ, начиная съ 4-го дня, покойника ежедневно кормятъ по 3 раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. При этомъ каждый разъ ставятъ новую смѣну вина, чая и кушаній. Начало и конецъ кормленія всегда сопровождаются поклонами усопшему. Кромѣ пищи, передъ нимъ возжигаютъ куренія. Когда поспѣваютъ тѣ или другіе сорта хлѣба, плодовъ и овощей, прежде, чѣмъ въ семьѣ кто-либо ихъ попробуетъ, они подаются уже на столъ усопшему. Существуютъ особые обряды, чтобы покойника не оставлять въ одиночествѣ: лишь только окликомъ души удостовѣрятся, что человѣкъ, дѣйствительно, скончался, оповѣщаютъ родственниковъ умершаго, и тѣ немедленно приходятъ въ его домъ. По омовеніи тѣла начинаютъ оплакивать покойника, всѣ становятся въ должномъ порядкѣ, постель усопшаго помѣщается въ направленіи къ срединѣ сѣверной стѣны комнаты; у самой постели съ правой стороны, на постланной соломѣ становятся сыновья умершаго и всѣ тѣ мужчины, которымъ предстоитъ носить трехлѣтній трауръ; покрытое рогожками пространство около восточной стѣны и правой половины сѣверной занимаютъ тѣ мужчины, которымъ назначается тотъ или другой изъ 4-хъ сортовъ болѣе легкаго траура, при этомъ каждый изъ нихъ въ выборѣ мѣста руководится соображеніемъ степени своего родства. Съ лѣвой стороны постели помѣщаются женщины въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ расположенію мужчинъ. Затѣмъ, обратившись лицами къ трупу, всѣ начинаютъ громко рыдать и ударять себя въ грудь. При этомъ дѣти покойника или покойной выражаютъ свою глубокую скорбь въ разнаго рода причитаніяхъ, въ родѣ слѣдующаго: «О моя мать! моя нѣжная мать! Итакъ, это случилось, — я, несчастный сынъ твой, навсегда потерялъ тебя. Мои попеченія, мои обѣты не могли продлить твоей жизни. Кто утѣшитъ меня въ моей печали? О какое было бы счастіе, если бы я, безутѣшно опечаленный, могъ бы обезсмертить твое имя похвалами, достойными тебя! Увы! мои мысли путаются, и я ничего не понимаю: рана моего сердца привлекаетъ къ себѣ всѣ силы души моей, и я живу только печалью. О я, несчастный сынъ! потерялъ свою мать, не достигшую еще и осени жизни, едва начавшую 9-е пятилѣтіе. Какую мать! Ты, по своей безграничной нѣжности, жертвовала собственнымъ спокойствіемъ, заботясь о моемъ воспитаніи; ты, сама исполненная мудрости, постоянно указывала мнѣ добродѣтели, къ которымъ я долженъ былъ стремиться; ты служила для меня образцомъ къ подражанію. Какъ была ты внимательна къ моему дѣдушкѣ и бабушкѣ! Съ какой любовью и почтеніемъ служила ты имъ, старикамъ! Всѣ наши родственники находили тебя скромной и степенной, ты принимала ихъ съ предупредительной любезностью, простирала на нихъ свою неизсякаемую доброту, твое великодушіе заставляло тебя позабывать свои права. Когда я, несчастный сынъ

твой, отправлялся въ столицу, ты говорила мнѣ: «Быть можетъ, по возвращеніи своемъ не найдешь меня уже въ живыхъ. Мнѣ было бы великимъ утѣшеніемъ увидаться съ тобою, уже получившимъ докторскій дипломъ; но каковы бы ни были успѣхи твои въ познаніяхъ, помни до конца дней своихъ, что мать твоя болѣе всего желаетъ видѣть тебя добродѣтельнымъ: хотя человѣкъ и безъ добродѣтели, одними талантами, можетъ составить себѣ блестящую карьеру и ослѣплять толпу; но это всего чаще стоитъ многихъ слезъ для семействъ и государства. Если мои внуки будутъ слушаться моихъ наставленій, то ты найдешь ихъ такими, какими желаешь!» О! я, несчастный сынъ, никогда не забывалъ твоихъ словъ, всегда держалъ ихъ въ умѣ и, благодаря имъ, избѣжалъ многихъ ошибокъ. О! добродѣтельная мать!» Обрядъ всеобщаго плача повторяется при возліяніяхъ вина усопшему вслѣдъ за малымъ такъ же, какъ и за большимъ облаченіемъ, кромѣ того, при утреннемъ, полуденномъ и вечернемъ кормленіи усопшаго, начиная съ 4-го дня въ продолженіе всего періода, пока тѣло остается въ домѣ. Начало кормленія и конецъ его всегда сопровождаются по два раза повторяемыми поклонами присутствующихъ. Чтобы усопшій никогда не чувствовалъ себя одинокимъ, при немъ на ночь остаются его жена и дѣти: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ они спятъ у самой постели или при гробѣ умершаго на подброшенной соломѣ и кускѣ твердой земли вмѣсто подушки. Покойника приходятъ навѣщать его друзья. Обрядъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: когда другъ умершаго входитъ въ его домъ, всѣ члены семьи собираются въ комнату, гдѣ лежитъ тѣло, и размѣщаются въ вышеуказанномъ порядкѣ; навѣщающій становится передъ гробомъ, и всѣ начинаютъ рыдать; по окончаніи плача, гость подходитъ къ столу и возжигаетъ куренія, при чемъ всѣ по два раза кланяются. Навѣщающій нерѣдко произноситъ похвалы усопшему; за особыя услуги отечеству и выдающіяся добрыя качества для произнесенія похвальнаго слова назначается правительствомъ чиновникъ. Тѣло покойника въ древнѣйшія времена, вѣроятно, оставалось въ домѣ навсегда, а живые члены его семьи переселялись въ другое мѣсто. Въ Китаѣ сохранились обычаи, намекающіе на это обстоятельство; еще и въ настоящее время распространено обыкновеніе иногда по нѣскольку лѣтъ сохранять покойника въ комнатѣ или въ придѣланныхъ къ дому особыхъ пристройкахъ. Съ теченіемъ времени, соотвѣтственно усложненію формъ бытовой жизни, стали находить неудобнымъ выселяться изъ дому ради покойника и пришли къ мысли перемѣщать его въ отдѣльное зданіе, такъ что обычай строить для умершихъ дома, вѣроятно, предшествовалъ обычаю зарывать трупы въ землю. Когда совершилась такая перемѣна—нельзя сказать утвердительно. Но уже «Лицзи»,—древнѣйшая книга обрядовъ, предписываетъ, черезъ какіе сроки слѣдуетъ хоронить покойниковъ: императоровъ черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ смерти,

князей черезъ 5, чиновниковъ и простолюдиновъ черезъ 3 мѣсяца. Могила должна устраиваться на родовомъ кладбищѣ — это древнее основное правило. Семья владѣетъ неотчуждаемымъ участкомъ земли, который передается изъ рода въ родъ. Онъ называется благословеннымъ полемъ и обносится оградой. Въ древности наслѣдственнаго участка нельзя было продать, а въ настоящее время, хотя законъ этотъ и нарушается, но мѣсто могилъ ни одинъ китаецъ не захочетъ и не посмѣетъ продать ни за какія деньги. Въ древнія времена, когда семьи жили изолированнѣе и были болѣе обезпечены земельной собственностью, коренное правило погребенія исполнялось, конечно, неукоснительно. Развитіе городской жизни и разнообразныя историческія условія ослабили древній обычай; но и до сихъ поръ владѣющія землей китайскія семейства предпочитаютъ хоронить на ней своихъ членовъ. Могила, какъ хранительница тѣла, въ которомъ живетъ душа, прежде всего должна быть гарантирована отъ сырости, поэтому для могилъ выбираются мѣста сухія, нагорныя. Китайскіе императоры всегда погребались и до сихъ поръ погребаются на вершинахъ или по склонамъ горъ. Правила для устройства могилъ слѣдующія: когда яма вырыта, дно ея нужно покрыть трехъ-вершковой толщины слоемъ древеснаго угля, а на него наложить другой слой такой же толщины цемента изъ извести, песку и глины; затѣмъ устроить родъ ящика, больше гроба по размѣрамъ, изъ тонкихъ досокъ, густо смазанныхъ особымъ составомъ; не закрывая крышкой, поставить этотъ ящикъ на дно могилы, внѣшнюю сторону его обмазать цементомъ, а свободное между ящикомъ и стѣнами ямы пространство засыпать древеснымъ углемъ; поставленный въ ящикъ гробъ закрывается крышкой, могилу засыпаютъ землей и возводятъ курганъ. Такое ея устройство предохраняетъ тѣло отъ сырости. Обсаживать все пространство могильной территоріи деревьями, въ особенности кипарисами, было сильно распространеннымъ обычаемъ въ Китаѣ, его стараются придерживаться и теперь. Очень нерѣдко можно встрѣтить родовыя кладбища, представляющія великолѣпные сады. Могила, по возможности, должна заключать въ себѣ ту обстановку, которую умершій имѣлъ въ своемъ домѣ. Пышность погребенія соотвѣтствуетъ средствамъ усопшаго. Наибольшимъ великолѣпіемъ, конечно, отличались царскія могилы. Императоръ Цинъ-ши-хуань-ди (въ 209 г. до Р. Х.) избралъ для своего погребенія изобилующую золотомъ и яшмою гору Ли, 720,000 человѣкъ въ продолженіе 37 лѣтъ работали надъ устройствомъ этой могилы. Сперва въ горѣ вырыли громадную яму, доведя ее до того мѣста, гдѣ показались три ключа, воду которыхъ отвели въ сторону, а оставшіяся отверстія залили мѣдью, надъ ямой насыпали земляной курганъ вышиною въ 500 сажень и окружностью въ нѣсколько миль, густо засадили его деревьями и кустарниками; дно могилы устлали большими красно-

лакированными камнями, стѣны ея также облицевали лакированными камнями и яшмою; затѣмъ на полу, разрисованномъ въ формѣ 9-ти областей Китайской имперіи, помѣстили модели 5-ти священныхъ горъ и наполненныя ртутью подобія 4-хъ морей и рѣкъ Китая съ плавающими на нихъ золотыми и серебряными птицами; потолку могилы придали видъ неба съ его свѣтилами; когда въ устроенную такимъ образомъ могилу былъ поставленъ гробъ, ее наполнили огромнымъ количествомъ драгоцѣнной утвари и всѣми предметами житейской обстановки императора, а чтобы ему не было темно, приспособили неугасаемыя лампы, въ которыхъ горѣніе должно было поддерживаться человѣческимъ жиромъ. Сооруженіе могилы для государя, по древнему китайскому обыкновенію, должно начинаться со 2-го года вступленія его на престолъ. Устройство императорскихъ кладбищъ отличалось большимъ разнообразіемъ украшеній. Но строить могильные мавзолеи съ полною житейскою обстановкой, конечно, находили нужнымъ не одни только государи,—въ древности, вѣроятно, этотъ обычай былъ обще-распространеннымъ и обязательнымъ. Впослѣдствіи при осложнившихся житейскихъ потребностяхъ стали находить неудобнымъ фактически отдавать усопшему всю ту утварь, какую онъ имѣлъ въ своемъ домѣ, и начали употреблять вмѣсто нея модели. Въ приготовленную могилу покойника перемѣщали съ особыми обрядами: передъ выносомъ гроба родственники становятся въ опредѣленномъ порядкѣ и начинаютъ рыдать, по прекращеніи плача дѣлаютъ по четыре большихъ и малыхъ поклона, сынъ покойнаго подходитъ къ столу, опускается на колѣни, возжигаетъ куренія, возливаетъ вино и произноситъ слѣдующую молитву: «Такого-то года, мѣсяца, числа, я, по фамиліи такой-то, осмѣливаюсь явственно донести передъ душою и прахомъ отца своего слѣдующее: глубоко опечаленъ я потерею тебя, моего отца, уже запечатанъ гробъ твой, и ты навсегда оставилъ меня, сегодня я предполагаю, поднявши душу твою и гробъ твой, осторожно перевезти ихъ для погребенія подлѣ такой-то горы, въ такомъ-то мѣстѣ, обращенномъ къ солнцу. Уже траурная колесница покрыта балдахиномъ и готова отправиться въ путь, (балдахинъ устраивается съ крышей, въ видѣ дома), мы объяснили всѣмъ, участвующимъ при переноскѣ гроба, что съ нимъ слѣдуетъ обращаться съ должнымъ уваженіемъ. Итакъ, во время слѣдованія колесницы по дорогамъ, да не смущается душа и прахъ твой опасеніями, о чемъ осмѣливаюсь донести!» По прочтеніи молитвы всѣ простираются до земли и вслѣдъ затѣмъ снова дѣлаютъ по четыре малыхъ и большихъ поклона. Обрядъ этотъ имѣлъ смыслъ просьбы къ покойнику о позволеніи перенести его; онъ соглашался на нее только, какъ бы снисходя къ желаніямъ его родственниковъ, и переселяясь въ новое жилище, забиралъ весь свой скарбъ и имущество.

Пышность похоронъ должна соотвѣтствовать средствамъ умершаго, которыми опредѣляется и составъ похоронной процессіи: гробъ сопровождаютъ родственники и друзья покойнаго, гонится его скотъ, несутся съѣстные припасы и утварь. Чтобы душа усопшаго не скучала во время переѣзда, ее услаждаютъ звуками музыки и пѣніемъ погребальныхъ стихотвореній или, по-нашему, плачей, причитаній. Это дѣлаютъ, конечно, самые близкіе родные умершаго подъ вліяніемъ переполняющей ихъ души скорби. Вотъ, напримѣръ, плачъ дочери объ утратѣ любимой матери: «Увы, увы! имя нѣжной матери возбуждаетъ во мнѣ только печаль! О, моя мать! моя нѣжная мать, не стало тебя? Я обязана тебѣ всѣмъ существомъ моимъ, — ты вскормила меня, заботилась обо мнѣ, когда я была ребенкомъ; ты поддерживала меня при первыхъ шагахъ въ жизни. О, мать моя, одной моей улыбки было достаточно для тебя, чтобы забывать тяжесть заботъ о моемъ воспитаніи. О, заботы! о, нѣжность! заботы безпрерывныя! нѣжность болѣе высокая, чѣмъ небо, и болѣе обширная, чѣмъ земля! Счастливо было то время, когда я носила только тѣ украшенія, которыя ты выбирала для меня. Охъ, украшать мою голову цвѣтами для тебя было самымъ большимъ удовольствіемъ. О, если бы я могла наслѣдовать твою мудрость и добродѣтели! Вступленіе въ бракъ отдалило меня отъ тебя, но какъ велика была моя радость, когда я могла приходить къ тебѣ и видѣться съ тобою! О, мать моя, не стало тебя!... Я пользовалась твоими ласками, твоими восхитительными бесѣдами! Твое сердце изливалось въ мое! О, превосходнѣйшая изъ матерей, ты оставила свою дочь! Гдѣ ты? Придти домой и уже не найти тебя тамъ, — о, какая ужасная мысль! Кто отнынѣ будетъ моимъ совѣтникомъ, утѣшителемъ и опорою? Что теперь для меня моя жизнь? О, моя мать, моя нѣжная мать, не стало тебя!...» Кромѣ музыки, въ похоронной процессіи душу усопшаго развлекаютъ и танцами: въ какомъ видѣ производились они въ древности—трудно сказать утвердительно, но даже и въ настоящее время для этой цѣли приглашаютъ наемныхъ танцоровъ,—они въ полушаманскихъ одеждахъ идутъ впереди гроба подъ спеціально устроеннымъ балдахиномъ и пляшутъ, ударяя въ разнаго рода литавры. Когда процессія достигаетъ могилы, то прежде, чѣмъ опустить въ нее гробъ, передъ усопшимъ снова совершается описанный обрядъ «дянь» (производившійся при выѣздѣ изъ дому). При этомъ въ молитвѣ сына заключается смѣшанное съ выраженіемъ печали донесеніе отцу о томъ, что его уже совсѣмъ погребаютъ. Сынъ обѣщается быть вѣчнымъ стражемъ могилы отца. Послѣдній обрядъ служитъ какъ бы водвореніемъ усопшаго въ его новомъ жилищѣ. Соотвѣтственно древнимъ воззрѣніямъ въ дополненіе къ предметамъ житейской обстановки, вмѣстѣ съ покойникомъ въ глубокой древности должны были погребаться и принадлежащія ему лица: жены, рабы.

Вѣрныя жены награждаются правительствомъ почетными надгробными рѣчами, надписями, помѣщаемыми на воротахъ дома, посмертными жертвами. Умирающихъ вдовъ кладутъ въ одну могилу съ ихъ мужьями; похвально даже для соединенія съ мужемъ рѣшиться на самоубійство. Вдова не имѣетъ права выйти замужъ, и должна всячески избѣгать второго брака. Съ императоромъ Цинь-ши-хуань-ди были погребены всѣ бездѣтныя его жены, въ могилу загнали даже всѣхъ мастеровъ, оканчивавшихъ ея устройство, заперли двери и, такимъ образомъ, похоронили ихъ живыми. Съ однимъ китайскимъ княземъ, жившимъ въ 7 вѣкѣ до Р. Х., было погребено 66 человѣкъ, съ другимъ удѣльнымъ княземъ того же вѣка—177. Изъ преданности къ покойнику нерѣдко близкія ему лица сами вызывались быть заживо погребенными. Позднѣе жены и слуги не погребались съ умершимъ, а только должны были поселяться при кладбищѣ. Принадлежащія покойнику животныя хоронились съ нимъ иногда въ большомъ количествѣ: съ однимъ императоромъ, жившимъ за 86 лѣтъ до Р. Х., было погребено 190 штукъ коровъ, лошадей, тигровъ, леопардовъ, разныхъ другихъ звѣрей, птицъ, рыбъ, черепахъ и проч. Заботились о возможно большей полнотѣ житейской обстановки усопшаго. Это правило, строго соблюдаемое древними китайцами, исполнялось еще и во времена ханьскихъ династій. Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни примитивныя воззрѣнія стали измѣняться, и древніе обычаи начали ослабѣвать. Еще при Чжоуской династіи философы Моцзы и Сюньцзы старались внушать современникамъ, что не слѣдуетъ оставлять покойнику всего его имущества, что отъ этого бѣднѣетъ народъ и подается поводъ къ воровству, что строго соблюдаемый самый трауръ вредитъ земледѣлію и другимъ видамъ промышленности. Нѣкоторые императоры, начиная съ 300 лѣтъ до Р. Х., особыми завѣщаніями предписывали хоронить себя какъ можно скромнѣе, говорили, что любовь дѣтей къ умершему родителю вовсе не должна выражаться въ матеріальныхъ ему приношеніяхъ. Въ періодъ времени отъ 230 до 263 года до Р. Х. императоры вэйской династіи рѣшительно приказывали хоронить себя безъ всякой пышности: «Похороны, замѣчали они, служатъ только для того, чтобы скрыть тѣло усопшаго отъ глазъ людей и дать ему возможность сгнить безъ всякой помѣхи». Таньскій императоръ Личиминъ, скромно выражаясь о себѣ, говорилъ: «я не принесъ людямъ пользы при жизни, такъ не слѣдуетъ наносить имъ ущерба и по смерти... Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ могилу его были помѣщены только модели тѣхъ или другихъ предметовъ, сдѣланныя изъ камня и дерева. Народъ также естественно долженъ былъ тяготиться исполненіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя наложилъ на себя, какъ логическое слѣдствіе своей примитивной вѣры. Что было удобно въ древнѣйшую пору, при крайней простотѣ быта и ограниченности по-

требностей, то стало чрезвычайно обременительнымъ и неудобоисполнимымъ впослѣдствіи, при осложнившейся жизни вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи, которая, увеличивъ потребности людей, выдѣлила народную промышленность, ставя въ то же время успѣхи труда до нѣкоторой степени въ зависимость отъ заранѣе скопленныхъ запасныхъ капиталовъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, наставленій философовъ, т.-е. болѣе развитыхъ и, вообще, передовыхъ людей, народъ началъ изыскивать возможность сохранять исконную вѣру и въ то же время не наносить ущерба своему имуществу: дѣйствительные предметы, которые надобно бы было погребать съ усопшимъ, стали замѣнять моделями. Вѣроятно, прежде всего ослабѣлъ обычай погребать съ покойникомъ принадлежащихъ ему людей. Уже въ глубокой древности вмѣсто нихъ употреблялась чу-линъ—«соломенная душа», т.-е. соломенная кукла, а при Чжоуской династіи—деревянныя статуи. Съ теченіемъ времени замѣна распространилась и на другіе предметы, и обычай погребать съ покойникомъ модели ихъ сдѣлался господствующимъ. Можно думать, что первоначально модели изготовлялись въ количествѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ движимому имуществу усопшаго, но мало-по-малу число ихъ сократилось. Книга Чжу-цзы-Цзяли относительно моделей даетъ такого рода предписаніе: должно полагать въ могилу сдѣланныя изъ глины или дерева тележку, лошадку, диванчикъ съ пологомъ и рогожками, стулики, столики, фигурки слугъ и служанокъ; для лицъ пятой и шестой степени число человѣческихъ фигурокъ 30, седьмой и восьмой—20, для всѣхъ лицъ ниже восьмой степени—15. Вошло также въ обычай и около могильнаго холма ставить каменныя изображенія людей и животныхъ. Размѣры, количество и форма такихъ изображеній, по древнему закону, должны были опредѣляться чиномъ усопшаго. Наибольшая роскошь въ этомъ случаѣ, разумѣется, принадлежитъ государю. На кладбищахъ императоровъ дайцинской (современной) династіи каменныя изображенія людей и животныхъ находятся на обѣихъ сторонахъ главной дороги. Чтобы, живя въ могилѣ, усопшій не чувствовалъ голода, съ нимъ должны погребаться и съѣстные припасы; снабжать ими покойника было не особенно обременительно для его родственниковъ, а потому это обыкновеніе дольше всего не выводилось изъ похоронной практики. По Чжу-цзы-Цзяли, въ могилу должны полагаться 3 корзины съ мясомъ, 3 корзины съ пятью сортами зеренъ хлѣбныхъ растеній, 3 глиняные сосуда съ виномъ и жидкими мясными яствами. Посмертное новоселье покойника должно сопровождаться подарками со стороны родныхъ и знакомыхъ. Дѣлать въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, разнообразныя приношенія (деньгами, чаемъ, курительными свѣчами и, вообще, всякими предметами домашняго обихода) до сихъ поръ общераспространенное обыкновеніе въ Китаѣ. Семья, находящаяся въ траурѣ, очень нуждается,

потому что не считаетъ себя въ правѣ свободно распоряжаться имуществомъ покойнаго. Въ древнѣйшія времена эта помощь осиротѣвшей семьѣ со стороны его родственниковъ и знакомыхъ имѣла, вѣроятно, опредѣленные размѣры и обязательный характеръ. Впослѣдствіи, съ затемненіемъ или даже измѣненіемъ примитивныхъ воззрѣній, пособіе, прежде необходимое для семейства, которое лишилось отца, приняло форму подарка и, сократившись въ размѣрахъ, распространилось даже на тѣ случаи, когда умиралъ не отецъ семейства, но кто-либо изъ второстепенныхъ членовъ его. Приношенія второй категоріи, предлагаемыя усопшему, пока тѣло его остается въ домѣ, въ древности не являлись необходимыми, а въ обычай стали входить по мѣрѣ того, какъ, съ ослабленіемъ первоначальныхъ основъ, коренныя понятія о долгѣ сыновей къ усопшему родителю затемнялись, утрачивали свой исконный смыслъ и принимали окраску формализма или безразличія. Другія основанія имѣетъ третій видъ подарковъ, т.-е. дѣлаемыхъ наканунѣ выноса гроба изъ дома. Усопшій переселяется со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ въ новое жилище, оставляя старый домъ въ распоряженіе семейства. Родственники и друзья покойника, относясь къ нему, какъ къ живому, стараются выполнить то, что установлено обычаемъ, и, какъ бы поздравляя съ предстоящимъ новосельемъ, дарятъ тѣ или другія вещи. Эти послѣднія дѣлаются полною собственностью умершаго и должны полагаться съ нимъ въ могилу. Въ древнія времена, передъ самымъ выносомъ гроба, усопшему прочитывалась полная перепись подаренныхъ предметовъ, чтобы онъ могъ узнать, какіе получилъ подарки и отъ кого именно. Когда могила снабжена всѣмъ необходимымъ для покойника, она запирается, если высѣчена въ скалѣ, или засыпается, если вырыта на ровномъ мѣстѣ. По свидѣтельству Сымавэньгуна, въ древнія времена былъ обычай ставить передъ могилою человѣка, оказавшаго услуги отечеству или отличившагося добродѣтелями, колоколъ или треножникъ, на которомъ написывались его дѣянія, чтобы всякій прохожій могъ знать о доблестяхъ покойнаго. Вѣроятно, этотъ обычай былъ очень распространенъ прежде: всякій сынъ долженъ былъ стараться восхвалять своего усопшаго родителя. Въ древности, когда могилы почти обязательно устраивались на родовой землѣ, могильный памятникъ, каменный или какой-либо другой, для того только и могъ ставиться, чтобы служить историческимъ свидѣтельствомъ жизни усопшаго. Впослѣдствіи сдѣлалось возможнымъ, а въ иныхъ случаяхъ даже и необходимымъ, хоронить покойниковъ на общественныхъ земляхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и назначеніе могильныхъ памятниковъ: они стали употребляться, главнымъ образомъ, для того, чтобы не смѣшивать одну могилу съ другой. Но, вѣроятно, въ виду того, что могильный памятникъ можетъ быть сдвинутъ, унесенъ или разрушенъ, возникъ обычай зарывать въ могилу двѣ

соединенныя между собою каменныя плиты, изъ которыхъ на одной пишется имя, фамилія и званіе усопшаго, а на другой годъ и мѣсто его рожденія, имена его родителей, жены и дѣтей, годъ, мѣсяцъ и день его смерти. Въ Китаѣ существуетъ обычай: старшему сыну усопшаго избирать для покойника хой, т.-е. посмертное имя; этимъ новымъ именемъ усопшій и называется всякій разъ, когда къ нему обращаются съ молитвою при могилѣ или въ домашнемъ храмѣ. Хой не должно произноситься людьми, чуждыми усопшему, да и родственниками послѣдняго употребляется только при жертвоприношеніяхъ обладателю этого имени. Вѣроятно, родные умершаго стараются такимъ образомъ гарантировать ихъ исключительное право на вызовъ его духа, ниспосылающаго свое покровительство за приносимыя ему жертвы. Кромѣ обыкновеннаго памятника, при китайскихъ могилахъ съ древняго времени помѣщаются каменныя изображенія животныхъ, частію существующихъ въ дѣйствительности, частію вымышленныхъ народной фантазіей,—дракона, оленя и черепахи. Является ли этотъ обычай остаткомъ той глубокой старины, когда и китайцы, подобно краснокожимъ американцамъ, для обозначенія родовъ устраивали тотемы, изображенія которыхъ и ставили надъ могилами, какъ знаки, что тотъ или другой усопшій принадлежитъ къ извѣстному роду; возникъ ли онъ въ тѣ времена, когда указанныя животныя сдѣлались символами благополучія и долговѣчности и когда прерогатива лица была поставлена въ зависимость отъ его чина?—объ этомъ нѣтъ достаточныхъ основаній говорить утвердительно. Покойника, чтобы онъ не скучалъ, нужно навѣщать въ его могилѣ: можно думать, что въ древнѣйшія времена одинъ изъ сыновей покойнаго въ теченіе нѣкотораго времени неотлучно жилъ при его могилѣ. Китайская исторія повѣствуетъ, что молодой императоръ Чжунъ-цзунъ-тай-у, по настоянію регентствующаго министра И-нна, долженъ былъ провести все время трехъ-годичнаго траура въ мавзолеѣ усопшаго отца своего Чэнъ-тана (основателя династіи Шань—1783—1122 гг. до Р. Х.) и въ видахъ нравственнаго самоусовершенствованія, предаваться размышленіямъ о добродѣтельномъ его поведеніи. Въ Китаѣ и теперь существуетъ обычай, по которому сынъ три ночи долженъ проспать на могилѣ отца, если этотъ послѣдній погребенъ раньше опредѣленнаго срока. Ничѣмъ также инымъ, какъ только обязанностью для сына оставаться при покойномъ родителѣ и служить ему, не можетъ быть объясняемо и то принявшее силу закона правило, по которому человѣка, носящаго трехъ-годичный трауръ, нельзя брать на государственную службу или оставлять на ней; въ древности даже наслѣдникъ престола въ теченіе трехъ лѣтъ по смерти отца не имѣлъ права принимать въ свои руки управленія, которое поэтому временно вручалось одному изъ министровъ. Изъ китайской исторіи извѣстно множество примѣровъ, что дѣти по смерти роди-

телей поселялись при ихъ могилахъ. Хотя подобныхъ дѣтей впослѣдствіи сами китайцы находили нужнымъ прославлять за ихъ высокое сыновнее благочестіе, тѣмъ не менѣе оно въ данномъ случаѣ не можетъ не являться отголоскомъ нѣкогда общаго и съ теченіемъ времени забытаго правила.

Самымъ виднымъ примѣромъ того, что и знакомые усопшаго остаются иногда при немъ, служитъ Кунъ-ли, то-есть селеніе Конфуція. Послѣ смерти философа, ученикъ его Цзы-гунъ построилъ при его могилѣ хижину и провелъ возлѣ своего учителя все время трехъгодичнаго траура. Впослѣдствіи, по примѣру Цзы-гуна, къ могилѣ Конфуція переѣхали 100 человѣкъ его поклонниковъ съ своими семействами; такимъ образомъ, возникло мѣстечко, получившее имя Кунъ-ли, т.-е. Конфуціева. При могилахъ государей, вѣроятно, въ древности оставались нѣкоторые изъ вельможъ; на это указываетъ обычай ставить на царскихъ кладбищахъ каменныя изображенія чиновниковъ. Живя въ могилѣ, усопшій отецъ продолжаетъ быть управителемъ своего семейства и, какъ при земной жизни, простираетъ свою власть на своихъ людей. Конфуцій сказалъ: «при жизни отца исполняйте его волю, по смерти его постоянно устремляйте взоры на его дѣйствія!». Что Конфуцій совѣтовалъ для своихъ современниковъ, то въ древнѣйшія времена само собою соблюдалось въ силу примитивныхъ воззрѣній и вѣрованій: сынъ не смѣлъ измѣнять заведенныхъ при родителѣ порядковъ, по крайней мѣрѣ, безъ его спеціальныхъ на каждый случай распоряженій. Это правило распространялось и на престолонаслѣдника: онъ долженъ былъ, хотя по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, оставлять неприкосновенною установленную покойнымъ родителемъ систему управленія и, самъ всецѣло занятый служеніемъ усопшему, передавалъ власть исполнительную регентствующему министру, который въ важныхъ случаяхъ долженъ былъ совѣтоваться съ усопшимъ государемъ и узнавать его волю. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говоритъ г. Георгіевскій, что Китай всегда управляется мнимою волею усопшихъ государей, но въ древнѣйшія времена эти совѣщанія должны были производиться при помощи гаданій или другимъ какимъ-либо способомъ въ самомъ мавзолеѣ покойнаго владыки. Хотя на это нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній (да ихъ и, вообще, не существуетъ для эпохъ самыхъ отдаленныхъ), но легенда, существовавшая у сосѣдей китайцевъ — киданей, свидѣтельствуетъ о томъ, что правители этого племени совѣтовались въ важныхъ случаяхъ съ усопшимъ государемъ: у нихъ былъ царь-скелетъ, скрываемый въ жилищѣ за войлокомъ, такъ что никто не видалъ его. Ему въ важныхъ случаяхъ приносили въ жертву бѣлую лошадь и пѣгую корову, послѣ чего онъ каждый разъ будто бы принималъ человѣческій образъ, по окончаніи же дѣла снова уходилъ въ комнату и превращался въ скелета. Имѣя въ виду родство китай-

скаго населенія съ этимъ племенемъ. объединившимся впослѣдствіи съ китайцами, можно предположить, что древніе мало-цивилизованные китайцы за много вѣковъ до Р. Х. соблюдали тѣ же обычаи, какіе были въ ходу у киданей въ 9 или 10 вв. по Р. Х.» По сущности примитивныхъ воззрѣній. усопшій можетъ не только сохранять тѣ прерогативы, какія имѣлъ въ земной жизни, но и пріобрѣтать новыя. Онъ получаетъ награды послѣ смерти за прежнія заслуги. Раздача титуловъ умершимъ всегда практиковалась въ Китаѣ въ весьма широкихъ размѣрахъ: Конфуцій умеръ не особенно важнымъ чиновникомъ, но получилъ въ теченіе вѣковъ и княжескій титулъ, и званіе верховнаго учителя; большинство китайскихъ философовъ повысилось въ титулахъ также послѣ смерти (великіе люди, опережая свой вѣкъ, рѣдко оцѣниваются при жизни по достоинствамъ). Въ Китаѣ усопшіе часто награждаются и за доблести, выказываемыя ихъ дѣтьми, такъ-какъ сынъ не считается вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ поступкахъ, — онъ совершаетъ ихъ по внушенію своего покойнаго отца, которому принадлежитъ всецѣло.

Такимъ образомъ. усопшій продолжаетъ свое существованіе въ могилѣ, какъ живой человѣкъ, и не разрываетъ связей съ семействомъ, родственниками и знакомыми. Забота о постоянномъ удовлетвореніи потребностей умершаго производитъ необходимость могильныхъ жертвоприношеній, постояннаго пополненія тѣхъ предметовъ, которые служатъ на пользу усопшему. Но жертвоприношенія должны соотвѣтствовать состоянію жертвующаго такъ же, какъ похороны—состоянію умершаго. Въ глубокой древности для жертвоприношеній раскрывали могилы или пропускали ихъ туда чрезъ сдѣланное отверстіе сбоку. позднѣе можно было приносить жертвы и внѣ могилы; но душа покойника для этой цѣли должна на-время выйти изъ ея жилища: по понятіямъ китайцевъ, она можетъ временно оставлять тѣло и опять въ него возвращаться, души усопшихъ свободно оставляютъ могилы и являются людямъ. На вѣрѣ въ явленіе душъ основывается одинъ сортъ гаданій, весьма распространенный между образованными людьми въ Китаѣ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: желающіе узнать будущее приготовляютъ себя постомъ, совершаютъ омовеніе и одѣваются въ чистыя одежды. Въ залѣ, гдѣ должно происходить гаданье, ставятъ два стола: на одномъ помѣщаютъ жертвенные предметы,—вино, фрукты, пирожное; другой покрываютъ ровнымъ слоемъ чистаго песку. Когда наступаетъ вечеръ, то пишутъ на карточкѣ къ великому государю Бодисатвѣ посланіе, въ которомъ извѣщаютъ божество, что жертвы приготовлены и просятъ его послать одного изъ духовъ, носящихся по облакамъ, въ домъ такого - то человѣка (при этомъ подробно обозначается имя и адресъ просителя). Карточка относится въ храмъ означеннаго бога и тамъ сожигается передъ его идоломъ вмѣстѣ съ большимъ или меньшимъ количествомъ золотой

бумаги. По возвращении изъ храма, проситель приклеиваетъ на воротахъ своего дома бумажку, на которой написанъ точно такой же адресъ, какъ и на карточкѣ (это дѣлается для того, чтобы призываемый духъ не терялъ напрасно времени въ разыскиваніи дома просителя). Въ серединѣ вечера двое или трое изъ общества, собравшагося для гаданья, идутъ къ двери, жгутъ тамъ золотую бумагу и кладутъ земные поклоны передъ невидимо входящимъ духомъ. Предполагая духа присутствующимъ въ залѣ, къ столу, на которомъ стоятъ зажженныя свѣчи и куренья, придвигаютъ кресла. Въ это время ко второму столу подходитъ медіумъ, съ приготовленною заранѣе магической палочкой, помѣщаетъ ее на свои ладони въ такомъ положеніи, чтобы однимъ концомъ касаться слоя песку, и, почтительно обращаясь къ пустому креслу, произноситъ слѣдующее: «Великій духъ, если ты явился, то соблаговоли написать на столѣ слово «явился». Магическая палочка сейчасъ же начинаетъ двигаться, и на пескѣ четко выписывается желаемый іероглифъ. Тогда приглашаютъ духа сѣсть на приготовленное кресло, а Бодисатву, которымъ предполагается духъ приведеннымъ, помѣщаютъ на другое кресло, находящееся также у стола. Затѣмъ все общество совершаетъ передъ невидимо присутствующими духами земные поклоны, возливаетъ вино и сожигаетъ золотыя бумажки; послѣ этого всѣ въ одинъ голосъ спрашиваютъ: «Великій духъ, при какой династіи ты жилъ на землѣ, какую занималъ должность, какъ назывался по имени и фамиліи?» Магическая палочка сейчасъ же вырисовываетъ на пескѣ іероглифы, служащіе отвѣтомъ на предложенные вопросы. Послѣ этого присутствующіе одинъ послѣ другого начинаютъ узнавать отъ духа то, что для нихъ интересно: извѣстный вопросъ пишется на бумажкѣ, которая сожигается вмѣстѣ съ золотой бумажкою; магическая палочка начинаетъ, какъ бы сама собою двигаться и вычерчиваетъ на пескѣ отвѣтную фразу. Бесѣда съ духомъ продолжается въ теченіи всего вечера. Съ наступленіемъ полуночи (когда, по китайскимъ возрѣніямъ, начинаетъ преобладать отрицательная сила Янь), духъ перестаетъ отвѣчать и пишетъ на пескѣ такія слова: «Господа, благодарю васъ за ваши щедрыя приношенія, но теперь я долженъ отправиться». Послѣ этого всѣ присутствующіе провожаютъ духовъ до дверей дома, при чемъ сожигаютъ золотую бумагу и совершаютъ земные поклоны.

Въ настоящее время могильныя жертвоприношенія производятся въ періодъ Цинъ-минъ (отъ 5-го до 20 числа третьяго мѣсяца, въ день Чжунъ-юань, 15-го числа 7-го мѣсяца, въ день Чунъ-Янь и 9-го числа девятаго мѣсяца). Обрядъ жертвоприношенія соотвѣтственно предписаніямъ Чжу-цзы-Цзяли заключается въ слѣдующемъ. Наканунѣ дня, въ который нужно приносить жертвы, вся семья постится. Въ день жертвоприношенія, раннимъ утромъ, нѣкоторые члены семьи отправляются на могилу и приводятъ ее въ порядокъ: выщипываютъ

сорныя травы, метутъ землю и проч. Днемъ къ могилѣ приходятъ всѣ члены семьи, передъ ними стелется чистая рогожка, на которую помѣщаютъ курильницы, чашки, рюмки и приборы для ѣды. Когда все расположено какъ слѣдуетъ, начинается самый обрядъ поклоненія усопшему. Члены семьи становятся въ должномъ порядкѣ и дѣлаютъ по 4 поясныхъ поклона, привѣтствуя вышедшій изъ могилы невидимый духъ усопшаго. Затѣмъ совершается сведеніе духа на жертвы: хозяинъ умываетъ руки, подходитъ къ рогожкѣ, колѣнопреклоняется, возжигаетъ куренія и возливаетъ вино на землю, при чемъ всѣ дѣлаютъ по одному земному и по два поясныхъ поклона; на рогожку ставятся разнообразныя кушанья. Далѣе слѣдуетъ обрядъ начальнаго предложенія жертвъ усопшему: хозяинъ колѣнопреклоняется, наливаетъ въ рюмку вино и возливаетъ его на землю, опять наполняетъ рюмку виномъ и ставитъ ее на рогожку; всѣ присутствующіе дѣлаютъ по одному земному поклону, поднимаются, снова становятся на колѣни, и хозяинъ читаетъ молитву, въ которой говорится, что такого-то года, мѣсяца и числа почтительный сынъ (внукъ, правнукъ и проч.), такой-то преисполненный любви къ своему родителю (дѣду, прадѣду и проч.) такому-то, совершаемъ предъ нимъ годичное служеніе и благоговѣйно предлагаемъ въ жертву чистые яства и напитки. Присутствующіе при этомъ дѣлаютъ по одному земному и по два поясныхъ поклона, послѣ чего на рогожку ставится блюдо съ печенкою.

Вторичное предложеніе жертвъ усопшему: хозяинъ, стоя передъ рогожкою, колѣнопреклоняется, наливаетъ въ рюмку вино и возливаетъ его на землю, опять наполняетъ рюмку виномъ и ставитъ ее на рогожку; всѣ присутствующіе дѣлаютъ по одному земному поклону послѣ чего на рогожку помѣщается блюдо съ жаренымъ мясомъ. Третье окончательное предложеніе жертвъ усопшему подобно вторичному. Послѣ этого хозяинъ наливаетъ въ чашки чай и потчуетъ имъ усопшаго. Въ заключеніе, присутствующіе, прощаясь съ духомъ, совершаютъ по четыре земныхъ поклона и сожигаютъ бумагу, на которой написана вышеприведенная молитва.

Таковъ существующій ритуалъ обыкновенныхъ могильныхъ жертвоприношеній. Можно предполагать, что въ древности онъ былъ гораздо сложнѣе. Теперь простолюдины посѣщаютъ могилы своихъ усопшихъ предковъ только три раза въ годъ. Но могильныя жертвоприношенія покойнымъ государямъ существующей династіи совершаются пять разъ въ году. До императора Линъ-ди (168 — 190 г. по Р. Х.) могильныя жертвоприношенія государямъ совершались еще чаще, а именно: въ 15 и послѣдній день каждаго мѣсяца, въ четыре годовые сезона и при окончаніи года. Что какъ архаизмъ сохранилось только въ примѣненіи къ царственнымъ лицамъ, то въ древности могло быть обязательно и по отношенію къ простолюди-

намъ. Можно даже допустить, что тогда жертвы великія или малыя предлагались усопшему каждый день передъ его могилой. Вѣдь, покойника, остающагося въ домѣ, обязана же семья кормить утромъ, въ полдень и вечеромъ; ежедневное кормленіе, конечно, не должно было прекращаться и въ томъ случаѣ, когда онъ оставлялъ домъ и переселялся въ могилу, т. е. въ новое жилище, на родовой же землѣ находящееся. «На выполняемое китайцемъ обязательство каждый день совершать поклоненіе передъ своими усопшими предками въ ихъ храмѣ или въ собственныхъ комнатахъ нужно смотрѣть не иначе, какъ на отголосокъ той эпохи, когда, при отсутствіи обычая строить храмы предкамъ, этимъ послѣднимъ приносили ежедневныя жертвы на ихъ могилахъ», говоритъ г. Георгіевскій. Предметомъ древнихъ могильныхъ жертвоприношеній должны были служить не только яства и напитки, какъ теперь, но и многое другое, необходимое въ жизни человѣка. Можно утверждать, на этомъ основаніи, что при могилахъ государей приносились и приносятся въ жертву не одни цѣльныя животныя, но и всякая новь; что передъ могилами простолюдиновъ сожигаются бумажныя изображенія предметовъ быта и обстановки, замѣняющія дѣйствительные предметы въ ихъ натуральномъ видѣ; что жертвоприношеніямъ въ храмахъ предковъ, разнообразнымъ по содержимости, должны были предшествовать жертвоприношенія могильныя. Служеніе усопшимъ предкамъ при ихъ могилахъ въ древнѣйшія времена не ограничивалось только поднесеніемъ тѣхъ или другихъ предметовъ и прочтеніемъ молитвы, какъ теперь, но должно было сопровождаться пѣніемъ стиховъ, музыкальною игрою и мимическими представленіями или танцами. При могилахъ императоровъ, какъ въ древности, такъ и теперь, устраиваются нѣсколько зданій, изъ которыхъ одно служитъ храмомъ, гдѣ приносятся жертвы духу усопшаго; другія, съ совершенно житейскою обстановкою, назначаются для жительства духа (это, какъ бы, внутренніе апартаменты); третьи являются служебными постройками для жертвующаго и служителей: кладбища, кухни, кладовыя и проч. Теперь китайцы въ теченіе года приносятъ жертвы предкамъ въ своихъ домахъ или въ особо построенныхъ храмахъ; въ древнѣйшія же времена жертвы предлагались усопшимъ исключительно передъ ихъ могилами, и мяо (храмъ усопшаго) или изунь-мяо (храмъ предковъ) устраивались не возлѣ жилищъ, но единственно около могилъ. Первоначально подъ мяо разумѣлось то примогильное зданіе, въ которое вызывался духъ усопшаго для принятія жертвоприношеній. Если въ настоящее время подобныя мяо воздвигаются только при могилахъ императоровъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ древности они устраивались также и при могилахъ князей, вельможъ и чиновниковъ, даже можно думать, что и простолюдины приносили жертвы не подъ открытымъ небомъ, какъ теперь храмы предковъ, сравни-

тельно новые по своему происхожденію, возникли не иначе, какъ изъ тѣхъ примогильныхъ построекъ, которыя въ древнѣйшія времена сооружались спеціально, чтобы служить мѣстомъ жертвоприношеній усопшимъ, и все то, что впослѣдствіи стало совершаться въ храмѣ предковъ, нѣкогда совершалось у самыхъ могилъ. Въ древнемъ Китаѣ форма китайскаго предкопочитанія должна была имѣть такой видъ: Вотъ домъ — жилище многочисленной и нераздѣльной семьи поселянъ. Кругомъ дома обширное поле — родовая земля. На ней, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома, подъ сѣнью деревьевъ, группа кургановъ — могилы предковъ семейства. У каждаго кургана маленькій домикъ — храмъ мяо. Покоясь тѣломъ въ землѣ, предки продолжаютъ свое самостоятельное и сознательное существованіе въ качествѣ духовъ, чувствуютъ земныя потребности и желаютъ удовлетворять имъ. Члены семьи смотрятъ на усопшихъ какъ на живыхъ людей: питаютъ къ нимъ родственную любовь и почтеніе, боятся ихъ гнѣва и кары, считаютъ ихъ своими покровителями и защитниками, стараются служить имъ такъ же, какъ служили бы при ихъ жизни. Семья печется о загробномъ благоденствіи предковъ, а они, въ свою очередь, награждая потомковъ за ихъ pietas, посылаютъ имъ свое благословеніе, какъ залогъ счастія.

Прекрати семья служеніе усопшимъ, и они будутъ лишены возможности удовлетворять своимъ необходимымъ потребностямъ, будутъ испытывать на себѣ всѣ муки крайней, безпомощной нужды; подвергнись семья гнѣву предковъ, ее постигнетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ несчастій, посылаемыхъ карающими духами.»

Такимъ образомъ, благосостояніе умершихъ предковъ и живыхъ потомковъ обусловлено ихъ взаимнымъ добрымъ расположеніемъ и обоюдными услугами. Глава семьи ежедневно обходитъ могильные домики и въ каждомъ изъ нихъ передъ вызваннымъ изъ могилы духомъ совершаетъ поклоны и сожигаетъ благовонныя травы. Въ опредѣленные дни все семейство отправляется къ могиламъ, становится въ извѣстномъ порядкѣ и чествуетъ вызванныхъ изъ могилы духовъ поклонами, жертвами, пѣснопѣніями, игрою на музыкальныхъ инструментахъ и разнаго рода танцами. Совершается ли въ семьѣ что-либо выходящее изъ ряда,—сейчасъ же докладываютъ предкамъ; нужно ли что-нибудь предпринять,—непремѣнно совѣтуются съ предками. Однимъ словомъ, предки — это какъ бы живые люди, какъ жадно они пьютъ, ѣдятъ, услаждаются всѣмъ чувственнымъ, принимаютъ непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ семейства и управляютъ имъ!

Такова первобытная форма китайскаго культа предковъ. Съ теченіемъ времени историческія условія развивавшейся китайской жизни должны были оказать сильное вліяніе на этотъ культъ. Расселившимся по всѣмъ направленіямъ въ Китаѣ, среди туземныхъ инородцевъ,

китайцамъ, конечно, приходилось измѣнять и формы культа предковъ: съ развитіемъ колонизаціи посѣщеніе могилъ сдѣлалось затруднительнымъ, а иногда, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и совершенно невозможнымъ. Легко ли, напримѣръ, было семейству, переселившемуся за 100 лье отъ своего первоначальнаго мѣстожительства, дѣлать визиты къ своимъ усопшимъ родственникамъ? Такимъ образомъ, для всякаго переселявшагося китайскаго семейства являлась дилемма: или отказать усопшимъ предкамъ въ должномъ почтеніи, или выработать болѣе удобную форму самаго культа. Первое, какъ влекущее за собою неминуемую кару неудовлетворенныхъ духовъ, являлось совершенно немыслимымъ, — оставалось выбрать второе. Кромѣ колонизаціи, къ измѣненію культа предковъ побуждали китайцевъ и другія обстоятельства: Въ древнѣйшія времена, при малочисленности населенія и сравнительно обильномъ количествѣ свободной земли, китайскія семейства имѣли возможность, каждое въ отдѣльности, владѣть собственными земельными участками, на которыхъ можно было устраивать родовое кладбище, сѣять требуемый для пропитанія хлѣбъ, а также растенія, необходимыя для выдѣлки тканей, наконецъ, отводить мѣсто для пастбища домашняго скота. Если въ древности семейства не жили совершенно изолированно, то во всякомъ случаѣ и не скучивались настолько, чтобы терять характеръ самостоятельныхъ единицъ въ территоріальномъ смыслѣ. Съ теченіемъ времени по общему закону народнаго развитія раздѣленіе труда обособило формы промышленности и вызвало неизвѣстную прежде городскую жизнь. Эта послѣдняя не позволяла тѣмъ семействамъ, которыя покидали земледѣльческій бытъ, находиться въ постоянномъ, ежедневномъ общеніи съ живущими въ могилахъ усопшими предками и приводила къ той же дилеммѣ, какъ и колонизація. Народъ не могъ отказаться отъ поклоненія предкамъ, какъ истекающаго изъ его коренныхъ убѣжденій и вѣрованій; съ другой стороны, въ силу естественнаго теченія своей исторической жизни не могъ всецѣло сохранить и примитивной формы предкопочитанія,—ее слѣдовало измѣнить такимъ образомъ, чтобы удовлетвореніе религіозному чувству не становилось въ разрѣзъ съ свободною колонизаціей, развитіемъ городской жизни и культуры вообще.

Пришли къ мысли, что, если душа покойнаго можетъ оставить могилу и войти для полученія жертвъ въ мяо (храмъ), то можетъ совершать и болѣе отдаленное путешествіе — придти въ домъ оставленнаго ею семейства, чтобы тамъ получить все то, чѣмъ пользуется около могилы. Такимъ образомъ, всякія затрудненія устранялись при перемѣнѣ ролей: стоило только не семейству идти съ жертвами на могилу усопшаго, а этому послѣднему придти въ домъ своего семейства. Съ такою цѣлью стали строить мяо при самыхъ домахъ, первоначально такъ поступали лишь въ случаяхъ крайней нужды;

но впослѣдствіи обычай сдѣлался настолько укоренившимся и распространеннымъ, что примогильные мяо сохранились только на кладбищахъ императоровъ, и поклоненіе предкамъ стало совершаться простолюдинами не болѣе одного раза въ годъ. Можно думать, что въ древнѣйшія времена, при большемъ однообразіи населенія, количество домовыхъ мяо для каждаго семейства могло быть ограничиваемо только числомъ тѣхъ усопшихъ предковъ, которымъ члены семейства должны были приносить жертвы. Впослѣдствіи количество домовыхъ мяо сдѣлалось опредѣленнымъ и соотвѣтствующимъ государственному положенію представителей семействъ. По «Лицзи» опредѣляется, что государь можетъ имѣть 7 мяо, князья по 5-ти, вельможи по 3, чиновники по одному; простолюдины не могутъ строить мяо и должны приносить жертвы своимъ предкамъ въ собственныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ.

Домовые храмы, первоначально замѣняя собой только могильныя мяо, съ теченіемъ времени сдѣлались мѣстомъ постояннаго пребыванія душъ предковъ. Явилось представленіе, что въ могилѣ остается лишь тѣло умершаго, а душа его обитаетъ въ домовомъ храмѣ. Понятіе это выработалось постепенно: сперва душа усопшаго вызывалась изъ могилы въ домовый храмъ каждый разъ, когда ее слѣдовало чествовать поклоненіемъ и жертвами; позднѣе духъ усопшаго въ извѣстные сроки является въ мяо, воплощаясь въ живого человѣка. Въ Китаѣ до сихъ поръ распространено мнѣніе, что духъ умершаго можетъ вселяться въ тѣло живого человѣка, всякій разъ, какъ въ мяо слѣдовало приносить жертвы и поклоняться духу усопшаго предка, одинъ изъ его родственниковъ (обыкновенно внукъ, а за неимѣніемъ такого и другой членъ семейства), облачался въ парадныя одежды покойнаго, являлся его представителемъ и дѣйствовалъ его именемъ. Такимъ образомъ, все то, что прежде совершалось передъ невидимымъ духомъ усопшаго возлѣ его могилы, впослѣдствіи стало производиться въ мяо передъ «ши» тѣмъ живымъ человѣкомъ, въ котораго духъ воплощался. Когда молебствіе оканчивалось, душа, удовлетворенная жертвами, возвращалась въ могилу, а ши опять становился второстепеннымъ членомъ семейства. Если приходилось одновременно приносить жертвы многимъ предкамъ, то каждый изъ нихъ олицетворялся въ отдѣльномъ ши. Позднѣе желаніе видѣть въ храмѣ предметы, въ которыхъ бы постоянно воплощался духъ усопшаго, заставило изобрѣсть для выполненія роли ши статуи и куклы, которыхъ помѣщали въ древнихъ храмахъ. Статуи вначалѣ употреблялись для того только, чтобы служить въ домовыхъ мяо замѣною ши. При династіи Инь (1400—1122 гг. до Р. Х.) существовалъ обычай тотчасъ послѣ смерти всякаго человѣка дѣлать чунъ—двойникъ, вмѣстилище души покойнаго; онъ держался въ домѣ до похоронъ послѣдняго, а послѣ нихъ вѣшался въ мяо, и передъ нимъ члены

семейства совершали обычныя поклоненія. Двойникъ этотъ изображался въ видѣ куклы. Съ теченіемъ времени вмѣсто куклы чунъ стала употребляться хунь бо (кукла души). Водвореніе ея, какъ носительницы души усопшаго, въ мяо, или божницу было до начала Сунской династіи обычно для семействъ чиновниковъ и простолюдиновъ (960—1279 гг. по Р. Х.). Въ «Чжу-цзы-Цзяли» находятся слѣдующія указанія относительно хунь-бо. Ее дѣлаютъ въ день смерти того или другого члена семейства.—Берется большое полотнище бѣлой шелковой матеріи, свертывается и перевязывается посрединѣ; изъ верхней части выходитъ голова съ ушами, грудь и руки, изъ нижней животъ и ноги. Эту куклу сажаютъ на кресло, покрытое мягкими подстилками и одеждами усопшаго; кресло помѣщается возлѣ кровати, на которой лежитъ покойникъ. Пока онъ не положенъ въ гробъ, кукла души остается въ сидячемъ положеніи, и передъ ней производятся жертвенныя поклоненія. По совершеніи да-лянь, т. е. великаго облаченія и положенія въ гробъ, кресло съ куклою души перемѣщается къ самому гробу, противъ входной двери. Передъ сѣдалищемъ души помѣщается жертвенный столъ съ разнаго рода курильницами и сосудами для кушаній и напитковъ. Жертвоприношенія передъ куклою совершаются такъ же, какъ и передъ покойникомъ, когда онъ находится въ домѣ.

По окончаніи вечерняго кормленія души усопшаго, хозяинъ поднимаетъ куклу души съ ея сѣдалища, относитъ въ сѣверную часть комнаты, кладетъ на кровать и покрываетъ одѣяломъ. Такъ кукла проводитъ ночь. Съ наступленіемъ утра хозяинъ опять входитъ въ сѣверную часть комнаты, поднимаетъ куклу съ кровати и торжественно переноситъ на сѣдалище, послѣ чего совершается утреннее жертвоприношеніе усопшему; вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ второстепенныхъ членовъ семейства входитъ въ сѣверную часть комнаты, приводитъ въ порядокъ постель, на которой хунь-бо почивала; перемѣняетъ умывальную воду и проч.—однимъ словомъ, дѣлаетъ все то, что лежитъ на обязанности слуги по отношенію къ спальнѣ живого человѣка. Такимъ образомъ, душа усопшаго продолжаетъ свою земную жизнь въ нѣдрахъ родственнаго семейства: ночью она спитъ, утромъ просыпается, невидимо совершаетъ омовеніе и причесывается, затѣмъ ѣстъ, пьетъ, проводитъ день въ кругу родныхъ и знакомыхъ, пользуясь разнаго рода удовольствіями; вечеромъ, по окончаніи ужина, опять отправляется въ свою опочивальню. Когда по истеченіи трехъмѣсячнаго срока тѣло усопшаго перемѣщается изъ дома въ могилу, сѣдалище души съ находящеюся на немъ хунь-бо торжественно несется въ похоронной процессіи передъ гробомъ. Послѣ того, какъ послѣдній опущенъ въ землю и закрытъ доскою могильнаго ящика, кукла души препровождается опять въ домъ, чтобъ быть водворенною въ мяо, или домашнюю божницу, и служить предметомъ посто-

яннаго чествованія со стороны членовъ семьи. Впрочемъ, обычай совершать въ мяо жертвоприношеніе передъ хунь-бо держался не далѣе первыхъ временъ Сунской династіи, да ито въ семействахъ чиновниковъ и простолюдиновъ. При Чжузцы (1200 г. по Р. Х.) молебствія въ храмахъ предковъ производились уже не передъ куклами души, и эти послѣднія зарывались въ землю вскорѣ по принесеніи съ могилы. Въ сравнительно болѣе новое время въ Китаѣ распространился обычай пользоваться вмѣсто хунь-бо, а иногда и одновременно съ ней, портретомъ усопшаго. Имѣть изображенія родителей и дѣдовъ, нарисованныя красками или тушью — желаніе всякаго мало-мальски состоятельнаго китайскаго семейства. Но портреты никогда не водворялись въ мяо и божницахъ, какъ предметы чествованія,—если они и до сихъ поръ употребляются, то съ одной стороны для того, чтобы воплощать въ себѣ духъ усопшаго, пока тѣло его остается еще въ домѣ, а съ другой, чтобы всегда напоминать членамъ семейства о выраженіи лица того или другого покойника-родственника. Послѣднею видимою формою, въ которую, по понятіямъ китайцевъ, воплощается чествуемый въ мяо духъ усопшаго, служатъ, такъ-называемыя, «чжу» — дощечки, съ именами тѣхъ лицъ, передъ которыми совершаются жертвоприношенія. «Когда возникъ обычай употреблять подобныя чжу, трудно сказать утвердительно. Вѣроятно, таблички эти входили въ употребленіе по мѣрѣ того, какъ китайцы освоивались съ искусствомъ письма. Несомнѣнно, во второй половинѣ 12 вѣка по Р. Х. въ домовыхъ мяо поклоненія совершались исключительно передъ табличками съ именами предковъ. Въ теченіе послѣднихъ семи столѣтій китайцы ничего не изобрѣли взамѣнъ табличекъ, и они до сихъ поръ остаются въ домашнихъ мяо, какъ носительницы душъ предковъ говоритъ г. Георгіевскій. «Число домашнихъ храмовъ было неодинаково для лицъ разныхъ общественныхъ положеній; въ теченіедлиннаго ряда вѣковъ они не могли не измѣняться въ своей конструкціи, зависящей отъ состоянія строительнаго искусства въ ту или другую эпоху. Постройка этихъ храмовъ представляетъ нѣкоторыя разновидности; наиболѣе типиченъ одиночный храмъ: онъ ставится на востокъ отъ дома, въ которомъ живетъ семейство, и можетъ быть трехзвеннымъ или однозвеннымъ, смотря по средствамъ семьи. Самый храмъ, представляющій собою не что иное, какъ обыкновенную комнату съ двумя обращенными на югъ дверями, устраивается на возвышеніи; отъ дверей спускаются двѣ лѣстницы, восточная и западная, на небольшой дворикъ, обнесенный оградою; въ этой послѣдней, прямо противъ храма, воздвигаются входныя ворота. Около храма, на востокъ отъ него, ставится зданіе, въ которомъ должны помѣщаться жертвенная кухня и кладовая для храненіи сосудовъ, одѣяній и, вообще, всякихъ предметовъ, требуемыхъ при жертвоприношеніяхъ. Вся принадлежащая къ храму территорія

отдѣляется отъ остальныхъ владѣній семейства четырехугольною стѣною съ обыкновенными входными воротами. Внутри храмовой комнаты помѣщается у сѣверной стѣны длинный столъ, на которомъ располагаются шкафы съ табличками чжу; передъ этимъ столомъ другой столъ такой же длины (на него въ должное время ставятъ кушанья, предлагаемыя въ жертву душамъ), посрединѣ комнаты квадратный столъ съ курильницами и свѣчами. На храмовомъ дворикѣ, между восточной и западной лѣстницами, также ставится столъ съ курильницами. Въ храмѣ находятся четыре шкафа одинаковой высоты (въ $2^1/_2$ фута), дверцы которыхъ обращены къ югу. Въ крайнемъ шкафѣ, самомъ близкомъ къ востоку, заключаются таблички покойнаго отца и матери, въ сосѣднемъ съ нимъ—таблички дѣда и бабки, въ третьемъ—прадѣда и прабабки; въ крайнемъ къ западу прапрадѣда и его покойной супруги. Къ каждому изъ четырехъ главныхъ шкафовъ приставляются маленькіе шкафики съ табличками второстепенныхъ, безпотомственныхъ родственниковъ разныхъ колѣнъ. Самыя таблички — обыкновенныя доски (фута въ 2 вышиною, 3 верш. ширины и въ 1 верш. толщины), но выкрашенныя въ черный цвѣтъ; на каждой доскѣ надпись красными буквами: «табличка духа отца, матери, дѣда и проч. такого-то». Домашній храмъ имѣетъ въ полномъ смыслѣ слова священное значеніе въ глазахъ китайца. Поселяясь на новомъ мѣстѣ и обзаводясь хозяйствомъ, каждый прежде всего долженъ воздвигнуть храмъ предковъ, снабдить его полнымъ комплектомъ всякаго рода утвари, и только послѣ этого можетъ уже заниматься устройствомъ своего собственнаго дома. Что принадлежитъ храму, того нельзя ни продать (даже въ случаѣ бѣдности), ни употребить для нуждъ семейства; если та или другая храмовая вещь по ветхости окажется негодной, то ее должно сжечь или зарыть въ землю; въ случаѣ опасности семья прежде всего обязана спасать не свое имущество, а храмовое, и, главнымъ образомъ, таблички съ именами усопшихъ родителей и предковъ.

Душа погребеннаго въ могилу человѣка водворяется въ храмѣ предковъ такимъ образомъ: прежде всего совершаютъ обрядъ написанія табели,—передъ куклою души, помѣщенною на сѣдалищѣ, ставится столъ, на него кладутъ камень (замѣняющій нашу чернильницу), тушь и писчую кисть, къ столу, съ лѣвой стороны, придвигаютъ табуретъ, на которомъ находится сосудъ съ водою и полотенце. Чжужэнь (т. е. первенствующій членъ семейства) подходитъ къ этому столу, совершаетъ поклоненіе передъ куклою души и затѣмъ отходитъ. Сы-чжу (одинъ изъ второстепенныхъ членовъ семейства) и писецъ умываютъ руки. Послѣ того сы-чжу вынимаетъ изъ шкафика принесенную въ погребальной процессіи дощечку и полагаетъ ее на столъ. Писецъ подходитъ къ столу и четкими іероглифами надписываетъ на дощечкѣ: «табель духа усопшаго родителя такого-то» (обозначается хой,

т.-е. посмертное имя). Затѣмъ сы-чжу беретъ дощечку со стола и и помѣщаетъ ее на линь-цзо, т.-е. сѣдалище души. По совершеніи всего этого, сы-чжу становится передъ жертвеннымъ столомъ, возжигаетъ куренія, возливаетъ вино, колѣнопреклоняется (при чемъ становятся на колѣни и всѣ члены семейства) и читаетъ молитву: «такого-то года, мѣсяца и дня осиротѣлый сынъ такой-то осмѣливается обратиться къ родителю своему такому-то съ слѣдующими словами: «тѣло твое предано погребенію, но да возвратится духъ твой въ домашній храмъ, табличка для духа уже приготовлена, да оставитъ почтенная душа твоя старое обиталище (тѣло), да послѣдуетъ въ новое (мяо) и да пребудетъ въ немъ неотлучно!» По прочтеніи молитвы всѣ члены семейства совершаютъ по четыре поклона, чѣмъ церемонія и оканчивается. Послѣ погребенія семья съ плачемъ возвращается домой, при чемъ уноситъ съ собою и сѣдалище души съ помѣщенною на немъ табличкою. Водвореніе послѣдней въ храмѣ предковъ совершается не вдругъ, а послѣ цѣлаго ряда спеціальныхъ жертвоприношеній: начальное жертвоприношеніе «юй» происходитъ въ самый день похоронъ, по возвращеніи семьи въ свой домъ послѣ погребенія. Сѣдалище души съ табличкою вносятъ въ зало и помѣщаютъ у сѣверной стѣны. Передъ нимъ ставятъ большой столъ, на которомъ расположены сосуды и приборы для ѣды и питья; передъ этимъ столомъ—другой столъ, поменьше, съ курильницами и свѣчами, на него кладутъ небольшое количество соломы и песку. Въ юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ зала размѣщаютъ разнаго рода табуреты и подставки для сосудовъ съ виномъ, умывальнаго прибора и тому подобныхъ принадлежностей.

Когда все приведено въ порядокъ, начинается самое жертвоприношеніе. Члены семьи занимаютъ должныя мѣста: въ восточной части залы становятся мужчины, въ западной—женщины; тѣ и другія располагаются къ югу отъ жертвеннаго стола по группамъ, соотвѣтственно степенямъ траура (въ каждой группѣ старшіе впереди, младшіе назади), всѣ обращаются лицами къ сѣдалищу души и начинаютъ плакать. По окончаніи плача чжу-жэнь — глава семейства, или хозяинъ, умываетъ руки, подходитъ къ самому столу, возжигаетъ куренія и совершаетъ два поклона передъ табличкою. Затѣмъ слѣдуетъ низведеніе духа: двое изъ второстепенныхъ членовъ семьи (помощники хозяина въ этой церемоніи) умываютъ руки; одинъ беретъ сосудъ съ виномъ, другой—рюмку, подходятъ къ малому столу и становятся по обѣ стороны хозяина, всѣ трое колѣнопреклоняются: хозяинъ принимаетъ отъ одного изъ помощниковъ сосудъ съ виномъ, наливаетъ вино въ рюмку, поданную другимъ помощникомъ, совершаетъ возліяніе на песокъ и солому, дѣлаетъ земной поклонъ и два поясные, такъ же кланяются и всѣ присутствующіе; послѣ этого всѣ трое отходятъ отъ стола и становятся каждый на свое мѣсто. Предста-

вленіе духу: хозяинъ и всѣ члены семьи совершаютъ два поясные поклона, жертвенный столъ уставляется всякаго рода яствами (душѣ усопшаго предлагаются плоды, овощи, бульоны, соусы, супы, мясо, рисъ, однимъ словомъ, все то, что составляетъ хорошій обѣдъ). Начальное предложеніе жертвъ: хозяинъ подходитъ къ малому столу, беретъ и наливаетъ въ рюмку вино, становится на колѣни и въ три пріема выливаетъ вино изъ рюмки на песокъ и солому, опять наполняетъ рюмку и ставитъ ее на жертвенный столъ, потомъ дѣлаетъ земной поклонъ, встаетъ, снова колѣнопреклоняется и читаетъ молитву: «Я, такой-то, въ такой-то день и годъ, осмѣливаюсь обратиться къ душѣ усопшаго родителя моего съ слѣдующими словами: солнце и луна безостановочно совершаютъ путь свой и уже настало время начальнаго жертвоприношенія юй; исполненный любви къ тебѣ, я днемъ и ночью предаюсь печали и не имѣю успокоенія; съ чувствами истинно скорбными совершаю предъ тобою начальное служеніе и благоговѣйно предлагаю тебѣ въ жертву чистыя яства разныхъ сортовъ; сокрушаюсь о томъ, что вотъ уже болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ твоего непосредственнаго нравственнаго вліянія на нашъ домъ; сегодня, избравши такой-то счастливый день, предалъ погребенію прахъ твой въ такомъ-то мѣстѣ; благоговѣйно перенесенную съ кладбища табель твоего духа помѣстилъ на особомъ духовномъ сѣдалищѣ и предлагаю ей настоящую жертву юй; но при этомъ исполненъ грустнаго сомнѣнія относительно того, будетъ ли духъ твой наслаждаться въ нашемъ домѣ вѣчнымъ спокойствіемъ и будетъ ли съ радостью взирать на приносимыя ему жертвы? Прошу осѣнить меня свыше счастіемъ»! По прочтеніи молитвы хозяинъ дѣлаетъ земной поклонъ, встаетъ и начинаетъ плакать (ему вторятъ всѣ присутствующіе); затѣмъ, прекративъ плачъ, дѣлаетъ два поясные поклона и становится на свое мѣсто. Вторичное предложеніе: хозяинъ опять подходитъ къ малому столу, совершаетъ возліяніе виномъ (такъ же, какъ и прежде), дѣлаетъ одинъ земной поклонъ и два поясныхъ, затѣмъ становится на свое мѣсто. Окончательное предложеніе производится точно такъ же, какъ и вторичное. Послѣ всего этого рюмки на жертвенномъ столѣ наполняются виномъ, всѣ присутствующіе выходятъ изъ зала и затворяютъ двери (если дверей нѣтъ, то закрываютъ входъ обыкновеннымъ занавѣсомъ). По прошествіи небольшого количества времени члены семьи опять входятъ въ залъ и размѣщаются въ должномъ порядкѣ. Одинъ изъ помощниковъ приноситъ чай, наливаетъ его въ чашку и ставитъ на жертвенномъ столѣ. Затѣмъ присутствующіе, прощаясь съ душой усопшаго, начинаютъ рыдать, становятся на колѣни, поднимаются и дѣлаютъ по два поясныхъ поклона,—въ заключеніе сожигаютъ бумагу, на которой написана молитва, прячутъ табличку въ шкафикъ, оставляя его на сѣдалищѣ души, убираютъ съ жертвеннаго стола кушанья и

приборы. Второе жертвоприношеніе совершается въ слѣдующій за днемъ похоронъ «мягкій» день. Обряды его тѣ же, что и перваго (только въ молитвѣ слово начальный замѣняется словомъ вторичный). Третье жертвоприношеніе бываетъ въ слѣдующій за «мягкимъ» днемъ «твердый день». Обряды его тѣ же, что и перваго (въ молитвѣ слово начальный замѣняется словомъ третій). Четвертое жертвоприношеніе, по случаю окончанія стодневнаго плача, совершается въ слѣдующій день за твердымъ днемъ. Обряды тѣ же, что и въ первыхъ жертвоприношеніяхъ, только въ молитвѣ, вмѣсто словъ: «настало время такого-то жертвоприношенія», нужно говорить: «настало время окончанія плача, я совершаю передъ тобой совершенное служеніе»..

Пятое жертвоприношеніе происходитъ на другой день послѣ четвертаго: члены семьи собираются въ залѣ и совершаютъ плачъ передъ табличкой души. По прекращеніи плача всѣ идутъ въ храмъ предковъ. Тамъ одинъ изъ второстепенныхъ членовъ семьи вынимаетъ изъ второго шкафа (съ правой стороны) двѣ табели, на одной изъ которыхъ написано: «табель духа покойнаго дѣда такого-то», а на другой: «табель покойной бабки такой-то», и помѣщаетъ ихъ отдѣльно на столики, заранѣе поставленные посреди комнаты, около того стола, на которомъ сожигаются куренія. Послѣ этого всѣ возвращаются въ залъ и совершаютъ плачъ передъ сѣдалищемъ души. Потомъ сы-чжу (второстепенный родственникъ) поднимаетъ съ линьцзо табличку, несетъ ее въ храмъ предковъ, за сы-чжу съ плачемъ идутъ всѣ члены семьи,—мужчины по правую сторону, женщины—по лѣвую, одѣтые въ глубокій трауръ—впереди, одѣтые въ легкій—позади; передъ дверями храма плачъ прекращается и табличка полагается на столъ, заранѣе около лѣвыхъ дверей поставленный. Затѣмъ слѣдуетъ самое молебствіе: размѣщеніе членовъ семьи въ должномъ порядкѣ, низведеніе духовъ на жертвы, представленіе духамъ, разстановка кушаній, начальное предложеніе жертвъ передъ табелью дѣда, началвное предложеніе жертвъ передъ табелью бабки, чтеніе обращенной къ дѣду и бабкѣ молитвы (въ которой говорится, что жертву приносятъ по случаю новой табели), начальное предложеніе жертвъ передъ табелью новопредставленнаго отца (при этомъ также молитва), вторичное предложеніе отдѣльно передъ каждой табличкой, окончательное предложеніе (отдѣльно передъ каждой табличкой), пополненіе рюмокъ виномъ. Временный выходъ всѣхъ присутствующихъ изъ храма, закрытіе дверей, вторичное вступленіе въ храмъ. Предложеніе духамъ чаю. Прощаясь съ дѣдомъ и бабкою, всѣ совершаютъ по четыре поясныхъ поклона, сожигаются бумажки, на которыхъ написаны молитвы, табели дѣда и бабки снимаются со столовъ и становятся въ шкафъ. Послѣ всего этого сы-чжу подъемлетъ табель новопреставленнаго, несетъ ее (сопровождаемый двумя вереницами

плачущихъ членовъ семьи) въ залъ и помѣщаетъ на сѣдалищѣ души.

Шестое жертвоприношеніе совершается черезъ годъ послѣ смерти родителя. Все семейство входитъ въ залъ, размѣщается въ должномъ порядкѣ и начинаетъ плачъ передъ сѣдалищемъ души. По прекращеніи его, всѣ уходятъ изъ зала въ свои внутреннія комнаты; перемѣняютъ траурныя одежды перваго разряда на одежды втораго разряда; опять являются въ залъ, размѣщаются, нѣкоторое время плачутъ и затѣмъ совершаютъ молебствіе (оно происходитъ такъ же, какъ и другія, съ ничтожными измѣненіями). Седьмое жертвоприношеніе совершается ровно черезъ годъ послѣ шестого. Наканунѣ его размѣщаютъ въ храмѣ предковъ сосуды и придвигаютъ къ жертвенному столу другой столъ, на который ставятъ сосудъ съ чистой водой и чернильницу съ тушью и писчей кистью; члены семьи являются въ храмъ и тамъ размѣщаются; хозяинъ умываетъ руки, беретъ изъ шкафовъ таблички и разставляетъ ихъ въ обычномъ для храмовыхъ молебствій порядкѣ. Слѣдуетъ представленіе духамъ членовъ семейства (при чемъ послѣдніе по четыре раза кланяются) и низведеніе духовъ на жертвы, какъ это обыкновенно бываетъ; жена хозяина угощаетъ духовъ чаемъ. Послѣ того хозяинъ и хозяйка становятся на свои мѣста, всѣ присутствующіе колѣнопреклоняются и читается молитва (въ ней докладывается, по какому случаю происходитъ торжество и что предполагается сдѣлать при совершеніи его). По прочтеніи молитвы хозяинъ совершаетъ одинъ земной и два поясные поклона и переноситъ всѣ восемь главныхъ табелей на тотъ столъ, который приставленъ къ жертвенному; одинъ изъ членовъ семейства смываетъ на шести табеляхъ старыя надписи и дѣлаетъ новыя, соотвѣтственно степенямъ родства. Когда надписаніе окончено, хозяинъ беретъ эти шесть табелей и ставитъ въ шкафы, переставляя тѣ, которыя слѣдуетъ.

По окончаніи перестановки, члены семьи, прощаясь съ духами, дѣлаютъ по четыре поясные поклона, и въ заключеніе церемоніи сожигается бумага, на которой написана молитва. Въ самый день 7-го жертвоприношенія въ домовомъ залѣ, передъ сѣдалищемъ души совершается молебствіе. (Такъ же, какъ и прежнія и съ тѣми же церемоніями). По окончаніи молебствія члены семьи начинаютъ плачъ, сы-чжу подъемлетъ съ сѣдалища души табличку усопшаго, несетъ ее, сопровождаемый двумя вереницами плачущихъ родственниковъ въ храмъ предковъ и помѣщаетъ въ крайній восточный пустой шкафъ. Когда табель усопшаго поставлена на должное мѣсто, члены семьи прекращаютъ плачъ и дѣлаютъ по два поясныхъ поклона. Послѣ того хозяинъ беретъ со стола табель бывшаго прапрадѣда и пробабки, несетъ ихъ сопровождаемый членами семейства, въ одну изъ комнатъ дома, гдѣ передъ ними совершается

молебствіе. При этомъ, какъ и всегда, всѣ становятся въ должный порядокъ, происходитъ представленіе духамъ, низведеніе духовъ на жертвы, угощеніе духовъ чаемъ. Потомъ всѣ занимаютъ свои мѣста, хозяиномъ читается слѣдующая молитва: «Такого-то года, мѣсяца и числа я, почтительный правнукъ такой-то осмѣливаюсь донести передъ родоначальникомъ пятаго колѣна такимъ-то и родоначальницею такою-то, слѣдующее: по установленію древнихъ, жертвы въ домашнихъ храмахъ должны приноситься передъ усопшими родственниками только четырехъ восходящихъ колѣнъ; хотя мое сердце исполнено любви къ вамъ, но вслѣдствіе указаннаго ограниченія, табели ваши должны быть исключены изъ храма, о чемъ я невыразимо печалюсь. Съ почтеніемъ предлагая вино и плоды и стократно кланяясь, я докладываю вамъ объ этомъ»! По прочтеніи молитвы, хозяинъ совершаетъ одинъ земной и два поясные поклона, затѣмъ всѣ присутствующіе, прощаясь съ душами, дѣлаютъ по четыре поясные поклона; бумага, на которой написана молитва, сожигается, и табели уносятся. Восьмое жертвоприношеніе совершается черезъ 27 мѣсяцевъ по смерти усопшаго. Въ одинъ изъ послѣднихъ десяти дней предыдущаго мѣсяца гадаютъ о днѣ жертвоприношенія слѣдующимъ образомъ: «хозяинъ, сопровождаемый своими братьями, дѣтьми и внуками, идетъ къ храму предковъ; становится передъ его дверями и на помѣщенномъ заранѣе столѣ возжигаетъ куренія; затѣмъ беретъ цзяо (пара камешковъ, плоскихъ съ одной стороны и закругленныхъ съ другой) и коптитъ ихъ надъ дымомъ куреній; въ это время сы-чжу возглашаетъ: такой-то намѣренъ въ такой-то день слѣдующаго мѣсяца совершить жертвоприношеніе «тянь» передъ своимъ усопшимъ родителемъ. Хозяинъ бросаетъ цзяо въ чашку и, смотря по ихъ положенію, заключаетъ о томъ, счастливъ ли избранный день или нѣтъ (если одинъ изъ камешковъ упалъ на дно плоской стороной, а другой выпуклой, то это служитъ указаніемъ, что день счастливъ). Если предсказаніе неудачно, то снова гадаютъ, избирая другой день; гаданіе можетъ повториться и въ третій разъ; но если и въ этомъ случаѣ оно будетъ неблагопріятно, то заключаютъ, что жертвоприношеніе должно быть совершено въ день третьей годовщины по усопшемъ. Когда избранный день оказывается по гаданію счастливымъ, то хозяинъ въ сопровожденіи членовъ семьи вступаетъ въ храмъ, дѣлаетъ два поясные поклона передъ табличкой покойнаго родителя, становится на колѣни, возжигаетъ куренія и возглашаетъ о своемъ намѣреніи соотвѣтственно гаданію совершить жертвоприношеніе, послѣ того, сдѣлавъ одинъ земной поклонъ и два поясные, отходитъ.

Наканунѣ дня, въ который должно произойти молебствіе «тянь», члены семьи совершаютъ омовеніе, ставятъ въ домовомъ залѣ сѣдалище души, готовятъ кушанья, располагаютъ въ должномъ по-

рядкѣ столы, сосуды и всякаго рода утварь. Въ самый день жертвоприношенія хозяинъ, сопровождаемый двумя вереницами членовъ семьи, идетъ въ храмъ предковъ, возжигаетъ куренія, колѣнопреклоняется и возглашаетъ: я, почтительный сынъ, такой то, намѣреваясь благоговѣйно совершить жертвоприношеніе «тянь», осмѣливаюсь перенести твоего, покойный родитель мой, духа табель въ главный залъ», затѣмъ дѣлаетъ два земные поклона. Послѣ того табель торжественно переносится изъ храма предковъ въ домовый залъ и помѣщается на сѣдалище души. Члены семьи занимаютъ должныя мѣста и начинаютъ плакать. По прекращеніи плача слѣдуетъ самое жертвоприношеніе въ томъ же порядкѣ, какъ и другія. Когда молебствіе окончено, семейство нѣкоторое время плачетъ, затѣмъ торжественно провожаетъ табель изъ домоваго зала въ храмъ предковъ. Такимъ образомъ, душа усопшаго родителя считается окончательно водворенною въ храмѣ предковъ только послѣ восьми спеціальныхъ жертвоприношеній. Обряды, совершаемые въ случаѣ смерти второстепенныхъ членовъ семьи, менѣе сложны, они соотвѣтствуютъ возрасту и семейному положенію усопшаго.

Водворившись въ храмѣ, чтобы съ большимъ удобствомъ пользоваться жертвоприношеніями со стороны живыхъ членовъ семьи, душа усопшаго въ изобиліи получаетъ всякаго рода чествованія. Полный ритуалъ домашнихъ молебствій на основаніи тѣхъ данныхъ, какія можно найти относительно этого предмета въ «Чжу-цзы-Цзя-ли», заключаетъ въ себѣ: Ежедневныя жертвоприношенія,—глава семейства каждое утро, возставъ отъ сна и облачившись въ полную одежду, отправляется въ храмъ предковъ, подходитъ къ малому столу, колѣнопреклоняется, возжигаетъ куренія и затѣмъ дѣлаетъ одинъ земной и два поясные поклона; жертвоприношенія въ 1-й день каждаго мѣсяца,—наканунѣ члены семьи постятся, моютъ полъ и столы въ храмѣ предковъ, разставляютъ на жертвенномъ столѣ плоды, овощи, чашки для чаю и рюмки для вина (все это по числу табличекъ, заключающихся въ шкафахъ); въ день жертвоприношенія члены семейства, облачившись въ парадныя одежды приходятъ въ храмъ предковъ и занимаютъ должныя мѣста: происходятъ обряды представленія духамъ, низведеніе духовъ на жертвы, угощеніе духовъ и проч. Далѣе слѣдуютъ жертвоприношенія въ 15-й день каждаго мѣсяца, жертвоприношенія въ дни народныхъ празднествъ, жертвоприношенія въ средніе мѣсяцы 4-хъ временъ года, при этомъ гадаютъ о днѣ, когда слѣдуетъ ихъ выполнять; жертвоприношенія въ послѣдній день года; жертвоприношенія усопшимъ отцу и матери; жертвоприношенія каждому усопшему въ день годовщины его смерти; жертвоприношенія родоначальнику и родоначальницѣ, совершающіяся въ день зимняго поворота солнца, за три дня до него постятся; наконецъ, жертвоприношенія дальнимъ предкамъ. Обряды жертвоприношеній одни проще,

другіе сложнѣе, но при нихъ всегда соблюдается строгій торжественный порядокъ. Выборъ предметовъ, назначаемыхъ въ жертву усопшимъ, опредѣлялся самою житейской обстановкой жертвующихъ, хотя въ глубокой древности были, вѣроятно, и человѣческія жертвы. Въ старину предметы, предлагаемые въ жертву усопшимъ, не покупались на рынкѣ, но должныбыли приготовляться самими жертвующими. Это требованіе являлось, конечно, весьма естественнымъ для тѣхъ эпохъ, когда еще не существовало никакихъ рынковъ и когда при отсутствіи раздѣленія труда каждое семейство само приготовляло для себя все необходимое. Въ воспоминаніе того быта въ Китаѣ и до сихъ поръ существуетъ обычай, по которому тамошній императоръ одинъ разъ въ году самъ пашетъ землю, а императрица занимается кормленіемъ шелковичныхъ червей и разматываніемъ шелка. Въ конфуціанской книгѣ «Лицзи» говорится: «Благородный мужъ не забываетъ тѣхъ, отъ кого онъ происходитъ, и старается возблагодарить своихъ живыхъ или усопшихъ родственниковъ, всецѣло проникнувшись почтеніемъ къ нимъ и истощая всѣ свои силы въ дѣлѣ служенія. Поэтому въ древности императоръ вспахивалъ 1000 десятинъ, а князья по 100,—чтобы имѣть достаточно для принесенія въ жертву небу, землѣ, горамъ, рѣкамъ и предкамъ. Правильно служить духамъ можно только въ томъ случаѣ, когда жертвующіе доводятъ до высшей степени свою почтительность къ нимъ и лично свидѣтельствуетъ свою преданность,—таковъ законъ жертвоприношеній. Въ «Чжу-цзы-Цзя-ли» говорится, что при храмѣ предковъ должна быть особая, ему принадлежащая земля, называемая «жертвеннымъ полемъ» (для каждой пары главныхъ табелей одна двадцатая часть общей территоріи, которою владѣетъ семейство). Если въ позднія времена стала возможна обработка этого поля наемными руками, то въ древности оно, несомнѣнно, вспахивалось самими членами семейства. Въ древнее время считалось также обязательнымъ, чтобы члены семьи собственноручно убивали тѣхъ дикихъ звѣрей и птицъ, которые должны были приноситься въ жертву предкамъ; для приготовленія жертвъ предкамъ считалось обязательнымъ разведеніе домашнихъ животныхъ, даже императоры и князья должны были непремѣнно имѣть чиновниковъ, завѣдывавшихъ кормленіемъ домашнихъ животныхъ, назначаемыхъ въ жертву духамъ; владѣльцы этихъ животныхъ два раза въ мѣсяцъ лично осматривали ихъ. Хозяинъ, т.-е. глава семейства, обязанъ самъ привести въ храмъ предковъ жертвенное животное, собственноручно заколоть его и расчленить на части. Итакъ, по первоначальнымъ требованіямъ храмоваго служенія предкамъ, главнѣйшіе жертвенные предметы (хлѣбныя зерна, мясо, ткани) должны быть добываемы непосредственнымъ трудомъ членовъ семьи и, главнымъ образомъ, самого хозяина. Въ древности храмовыя молебствія могли совершаться съ меньшимъ формализмомъ, но зато они должны были представлять болѣе разно-

образія самыми элементами служенія: духовъ услаждали не только куреніями, яствами и винами, но также музыкою, пѣснями и танцами.

Тѣшить душу покойника игрою на музыкальныхъ инструментахъ, причитаніями и пляской во время перенесенія тѣла изъ дому къ могилѣ до сихъ поръ обычно для китайцевъ: по примитивнымъ воззрѣніямъ покойникъ всегда ощущаетъ доставляемыя ему удовольствія,— музыка, пѣснопѣнія и танцы являются существенными элементами храмоваго служенія. Съ теченіемъ времени, при затемненіи кореннаго смысла храмовыхъ молебствій, музыка, пѣсни и танцы стали постепенно вытѣсняться изъ храмовъ предковъ сперва въ семействахъ простолюдиновъ, потомъ вельможъ и князей и удержались до настоящаго времени только въ царственныхъ мяо (храмахъ), что уже въ весьма сокращенномъ видѣ. При Чжоуской династіи молебствія сопровождались игрою на всѣхъ извѣстныхъ тогда музыкальныхъ инструментахъ (колоколахъ, литаврахъ, бубнахъ, барабанахъ, звонкихъ камняхъ, разнаго рода гитарахъ, трубахъ, флейтахъ и проч.). При дворѣ содержались цѣлые хоры музыкантовъ (въ числѣ которыхъ видную роль играли слѣпцы), управляемыхъ особыми чиновниками-спеціалистами своего дѣла. Музыкальныя пьесы разыгрывались по опредѣленной системѣ, соотвѣтственно тому или другому дѣйствію храмоваго служенія: однѣ употреблялись при входѣ императора въ храмъ или его выходѣ изъ него, другія при входѣ и выходѣ ши (лица, представляющаго какого-либо предка), третьи—при введеніи въ храмъ жертвеннаго животнаго; но главная цѣль храмовой музыки заключалась въ желаніи привлечь вниманіе духовъ и доставить имъ удовольствіе. «Возліяніе вина, сказано въ Лицзи, важнѣе другихъ безкровныхъ жертвъ; храмовое пѣніе важнѣе игры на музыкальныхъ инструментахъ; храмовой танецъ У (воинственный) важнѣе другихъ танцевъ. Если духи увеселяются музыкою, то тѣмъ болѣе должны они увеселяться звуками человѣческаго голоса, могущаго соединять прелесть мелодіи съ живымъ выраженіемъ мысли и чувства. Въ чжоуcкихъ императорскихъ храмахъ предкамъ пѣснопѣнія исполнялись спеціальными хорами артистовъ и распадались на двѣ категоріи: одни служили какъ бы хвалебными гимнами въ честь духовъ; другія заключали въ себѣ генеалогію царствующаго дома и изложеніе дѣяній царственныхъ предковъ. Вотъ образецъ храмовыхъ пѣсенъ: «Когда я думаю о васъ, мои мудрые предки, то возношусь мыслью на высокое небо, тамъ вижу я ваши безсмертныя души, по силѣ своихъ добродѣтелей онѣ наслаждаются благоденствіемъ въ царствѣ неувядаемой славы и блаженства. Если несмотря на всѣ мои недостатки, я занимаю на землѣ самое высокое положеніе, то потому только, что происхожу отъ вашей царственной крови. Не имѣя силъ слѣдовать по вашимъ стопамъ, я, по крайней мѣрѣ, употребляю всѣ свои усилія къ тому, чтобы жить безъ угрызеній совѣсти. Обязан-

ный вамъ всѣмъ существомъ своимъ,—и тѣломъ, и душою, я явился сюда, чтобы, по требованію долга, выразить свою признательность, и вотъ теперь наслаждаюсь вашимъ присутствіемъ,—ради меня вы снизошли съ высокаго неба. Да, вы присутствуете здѣсь: ваши величественные образы поражаютъ своимъ блескомъ мой робкій взоръ, звуки вашего голоса приводятъ въ умиленіе мою душу. Соблаговолите принять мои жертвы, какъ знакъ моего глубокаго почтенія, моей искренней любви! Я стараюсь воскресить въ своей слабой памяти добродѣтели и неоцѣненныя заслуги моихъ предковъ, которые въ качествѣ духовъ пребываютъ на небѣ, окруженные ореоломъ славы. Отъ нихъ (т.-е. предковъ) получилъ я жизнь, получилъ имущество и еще болѣе... стыдно сказать! я, ничтожный, послѣ нихъ управляю имперіею; я палъ бы подъ непосильнымъ бременемъ, если бы небо постоянно не подкрѣпляло меня при моей собственной слабости. По силѣ возможности стараюсь исполнить долгъ свой, но, увы! чѣмъ могу возблагодарить предковъ за столько благодѣяній?...»

«Съ утра и до вечера со страхомъ и вниманіемъ размышляю о подвигахъ предковъ и тѣхъ нравственныхъ правилахъ, которыя завѣщали они своимъ потомкамъ, имъ стараюсь я подражать въ дѣлахъ управленія имперіею. О, если бы предки соблаговолили принять мои жертвы!» «Была воля неба на то, чтобы родоначальникъ славной фамиліи Шань произошелъ отъ черной птицы. Была воля верховнаго правителя на то, чтобы доблестный Чэнь-тань получилъ въ обладаніе 9 провинцій и простеръ свою власть до крайнихъ предѣловъ земли. По волѣ неба, первый императоръ династіи Шань безъ всякой для себя опасности пріобрѣлъ верховную власть, и благополучіе предка простирается на потомка его Удина...» Танцовальное искусство, непопулярное теперь въ Китаѣ, было въ древнія времена очень распространено тамъ,—поплясать любили не только простолюдины, но и вельможи. При Чжоускомъ дворѣ были особыя школы, гдѣ дѣти князей и вельможъ спеціально разучивали разные виды танцевъ, которые раздѣлялись на большіе и малые и носили разнообразныя названія: «врата облаковъ», «великое согласіе», «великое единство», «распространенное возстановленіе», «воинственность», «танецъ съ кускомъ разноцвѣтной шелковой матеріи», «танецъ съ перомъ», «танецъ со щитомъ», «танецъ человѣка», «восточные танцы инородцевъ четырехъ странъ». Если живые люди находили удовольствіе въ танцахъ, то ими, конечно, должны были забавляться и усопшіе, которые не отказывались за гробомъ отъ земныхъ потребностей. Императорскія храмовыя молебствія никогда не обходились безъ танцевъ, исполнявшихся почти всегда подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ. Но служа развлеченіемъ для духовъ, пріемлющихъ жертвы, храмовые танцы, какъ и пѣснопѣнія, имѣли и дру-

гую не менѣе важную цѣль: они должны были изображать передъ молящимися, подъ формою аллегоріи, дѣянія, совершенныя царственными предками во время ихъ земной жизни; поведеніе предковъ— обязательный примѣръ для потомковъ, но чтобы слѣдовать примѣру, необходимо знать, въ чемъ онъ заключается, а полнота знанія много выигрываетъ отъ нагляднаго изображенія фактовъ. Вотъ какъ исполнялся танецъ «великой воинственности». Танцоры въ извѣстномъ порядкѣ выступали съ сѣверной стороны; вслѣдъ затѣмъ измѣняли порядокъ, жестами и взаимнымъ положеніемъ изображали военныя дѣйствія; дальше всѣ подвигались къ югу; потомъ вытягивались въ линію; послѣ этого выдѣляли изъ своей среды двоихъ, которые представляли извѣстныхъ министровъ; наконецъ, совершенно оставались неподвижными. Этотъ танецъ изображалъ исторію завоеванія Китая Уваномъ.

«Въ древности, говоритъ въ своемъ указѣ императоръ Цзинъ-ди (157—140 гг.) до Р. Х., если дѣдъ имѣлъ заслуги и предокъ добродѣтели, то и другое было основаніемъ для учрежденія церемоній и музыки: пѣніемъ обнаруживается добродѣтель, танцами обнаруживаются заслуги». «Вслѣдствіе того, что не имѣется полнаго описанія храмовыхъ танцевъ, трудно опредѣлить, насколько они были простыми танцами, пантомимами, наконецъ, драматическими представленіями. Но во всякомъ случаѣ, они были болѣе, чѣмъ пантомимы; они походили на театральныя представленія, хотя и въ самой простой формѣ: въ нихъ иногда изображались событія, очень вѣрныя дѣйствительности», говоритъ г. Георгіевскій.

Такимъ образомъ, въ древности храмовыя молебствія предкамъ имѣли вполнѣ реальный характеръ и были совершенно чужды какого бы то ни было аллегоризма: передъ душами усопшихъ производилось все то, что могло бы быть произведено, если бы они были живыми. Въ конфуціанской книгѣ Лицзи говорится: «въ день жертвоприношенія, когда вступишь въ домашній храмъ, то, если исполненъ любви къ предкамъ, непремѣнно будешь въ состояніи увидѣть ихъ лики; когда, по окончаніи молебствія, станешь выходить изъ храма, то, если исполненъ почтенія къ предкамъ, будешь въ состояніи слышать ихъ голосъ!» Въ древности домашніе храмы были не только мѣстами, въ которыхъ совершалось служеніе душамъ усопшихъ, но и архивами, гдѣ хранились письменные памятники родовой исторіи. Находящіеся въ этихъ храмахъ треножники (вазы на трехъ ножкахъ), имѣютъ на себѣ надписи, которыми передаются потомству имена и дѣянія предковъ. Въ нихъ, разумѣется, восхваляются только добродѣтели, дѣла и заслуги предковъ, но умалчивается объ ихъ порокахъ. Даже и семейства простолюдиновъ пользовались письменною родовой исторіей, память о дѣяніяхъ предковъ должна быть закрѣплена письменными знаками. Можно навѣрное предположить, что въ

древности каждый домашній храмъ былъ хранилищемъ письменныхъ памятниковъ родовой исторіи. При этомъ тѣмъ болѣе должны были сохраняться въ храмахъ, какъ скрижали домашняго закона, тѣ письменно изложенные завѣты, которые умирающій отецъ оставлялъ своимъ сыновьямъ. Въ нихъ заключались мудрыя и въ высшей степени гуманныя наставленія въ добродѣтельномъ поведеніи. Самыя храмовыя статуи испещрялись назидательными надписями. Впослѣдствіи вывелся обычай помѣщать въ домашнихъ храмахъ письменно изложенныя біографіи предковъ, да и самое число главныхъ храмовыхъ табличекъ снизошло до 8-ми. Но до позднѣйшаго времени не умирала, хотя и смутная, память о той тѣсной связи, какая въ древности существовала между родовой исторіей и родовымъ культомъ предковъ. «Если, говоритъ Чжу-цэ-тинь-сянъ-шенъ, исключенныя изъ храма предковъ табели предавать погребенію, то дѣти и внуки позднѣйшихъ поколѣній совершенно забудутъ имена и фамиліи своихъ предковъ, и, такимъ образомъ, произойдетъ ужаснѣйшій вредъ для человѣчества. Итакъ, отнюдь не должно слѣдовать наставленію зарывать въ землю табели предковъ подлѣ ихъ могилъ, а лучше, согласно съ мнѣніями древнихъ, устраивать для храненія ихъ особую божницу или кивотъ». Изъ культа предковъ вытекала необходимость для каждаго заботиться о продолженіи своего рода, оставить по себѣ наслѣдника-жертвоприносителя: нѣтъ семьи — нѣтъ прямыхъ служителей усопшему,—его неудовлетворенный духъ блуждаетъ, томится муками лишеній, завидуетъ чужому благополучію и мститъ за него, насылая несчастія. Дѣтьми и потомствомъ гарантируется благоденствіе отдѣльнаго человѣка такъ же, какъ и цѣлаго общества. Этимъ понятіемъ опредѣляется высокое значеніе брака въ глазахъ китайца: бракъ обезпечиваетъ непрерываемость рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и блаженство всего восходящаго ряда усопшихъ предковъ. Онъ заключается для того, чтобы (человѣку) быть въ состоянии правильно служить усопшимъ предкамъ и имѣть возможность продолжать родъ свой. Культъ предковъ требуетъ, чтобы жертвоприношенія усопшимъ совершались совмѣстно мужемъ и женою: первый долженъ приготовлять для нихъ все то, что добывается внѣ дома, вторая—то, что находится въ домѣ».

При такомъ взглядѣ въ женитьбѣ молодого человѣка очень заинтересованы его родители, какъ лица, съ одной стороны отвѣтственныя передъ предками, а съ другой заботящіяся о своемъ собственномъ посмертномъ блаженствѣ. Дать сыну жену и видѣть внучатъ—самое естественное, самое завѣтное желаніе всякаго отца. Насколько страшна для китайца мысль о загробномъ сиротствѣ, всего лучше видно изъ того, какъ въ древности, такъ и теперь распространеннаго обычая, который вызывалъ противъ себя порицанія людей, менѣе суевѣрно смотрящихъ на вещи: «Простой народъ любитъ легкомысленно сова-

ривать своихъ дѣтей еще въ состоянiи первыхъ лѣтъ ихъ младенчества. Когда эти дѣти выростаютъ, то многiя изъ нихъ оказываются или безнравственными, или злыми, или съ физическими недостатками и болѣзнями, или до такой степени бѣдными, что не во что одѣться и нечего ѣсть, или въ непрерывномъ траурѣ по своимъ родственникамъ (тогда нельзя жениться), или, наконецъ, бываютъ посылаемы на службу въ далекiя страны; отъ всего этого многiе доходятъ до крайности уничтожить заключенные брачные договоры и измѣнить своимъ клятвамъ, что доводитъ до тюрьмы и процессовъ въ гражданскихъ судахъ.» Дѣдъ Вэнь-чуна, бывшiй первымъ министромъ, часто говаривалъ: «въ моемъ домѣ всѣ молодые люди и дѣвицы не ранѣе полнаго совершеннолѣтiя женились и выходили замужъ. Не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ брачныхъ условiй, какъ совершался и самый свадебный обрядъ. Отъ этого четы жили согласно до самой смерти своей. Настоящiй обычай долженъ сдѣлаться руководительнымъ правиломъ для моихъ дѣтей и внуковъ. Но несмотря на подобныя порицанiя, многiе придерживаются и до сихъ поръ правила—связывать брачными условiями дѣтей. Родители становятся спокойнѣе, когда помолвлены ихъ дѣти.» Обыкновенный брачный возрастъ для мужчины отъ 16 до 30 лѣтъ, для женщины отъ 14 до 20. Китайскiй бракъ совершается съ многочисленными формальностями, но наиболѣе необходимыя изъ нихъ слѣдующiя: когда отцы двухъ семействъ путемъ частныхъ переговоровъ согласились соединить брачными узами своихъ дѣтей, то совершается, такъ называемое, на-цай, формальное сватовство, отецъ жениха пишетъ письмо, въ которомъ извѣщаетъ отца невѣсты о желанiи своемъ женить сына на его дочери и проситъ сообщить объ ея имени, годѣ, мѣсяцѣ и днѣ рожденiя. Написавъ письмо, отецъ кладетъ его на блюдо, отправляется, сопровождаемый всѣми членами своего семейства, въ храмъ предковъ, ставитъ блюдо на малый столъ, около курильницъ, и начинаетъ молебствiе. Члены семьи занимаютъ обычныя мѣста, происходитъ омовенiе рукъ, открытiе шкафовъ и расположенiе табелей, сведенiе духовъ на жертвы (какъ обыкновенно), представленiе духамъ (члены семьи при этомъ по четыре раза кланяются), наполненiе хозяиномъ рюмокъ передъ табелями виномъ, наполненiе хозяйкою чашекъ передъ табелями чаемъ, всеобщее колѣнопреклоненiе и чтенiе хозяиномъ молитвы слѣдующаго содержанiя: «я такой-то, въ такое-то время осмѣливаюсь довести до свѣдѣнiя достопочтеннаго усопшаго прадѣда моего и достопочтенной прабабки, что сынъ мой такой-то, достигшiй совершеннолѣтняго возраста и еще не сочетавшiйся бракомъ, имѣетъ взять себѣ въ жены дочь такого-то; съ благоговѣнiемъ предлагая вамъ вино и плоды, почтительно увѣдомляю васъ, что сегодня совершится на-цай и вопрошенiе объ имени невѣсты.» Хозяинъ кланяется въ землю, присутствующiе дѣлаютъ извѣстное количество поклоновъ, сожигается бумага, на ко-

торой написана молитва, и убираются въ ящики табели. По возвращеніи всей семьи изъ храма предковъ, отецъ жениха отдаетъ письмо одному изъ своихъ сыновей или младшихъ братьевъ для врученія отцу невѣсты. Послѣдній, получивъ письмо, кладетъ его на блюдо и отправляется, сопровождаемый членами своей семьи, въ храмъ предковъ, гдѣ происходитъ та же церемонія съ различіемъ только въ молитвѣ: онъ докладываетъ въ ней предкамъ о своей дочери. По окончаніи молебствія отецъ невѣсты посылаетъ отцу жениха письмо съ выраженіемъ согласія. Послѣдній опять совершаетъ докладъ предкамъ, въ молитвѣ говорится, что женихъ и невѣста помолвлены. За обрядомъ на-цай слѣдуетъ обрядъ на-би: отправленіе шелка и даровъ въ домъ невѣсты. При этомъ опять докладываютъ предкамъ, происходитъ молебствіе. По окончаніи его отецъ жениха отдаетъ письмо и шелкъ одному изъ своихъ сыновей или младшихъ братьевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отправляетъ и дары. Отецъ невѣсты, принявъ посланнаго, также въ свою очередь совершаетъ докладъ предкамъ. Измѣняются при этомъ только соотвѣтственно обстоятельствамъ слова молитвы. Вслѣдъ за тѣмъ отецъ невѣсты пишетъ отцу жениха письмо, въ которомъ извѣщаетъ его о согласіи на бракъ своей дочери въ указанный день. Отецъ жениха снова докладываетъ объ этомъ предкамъ. (Ритуалъ доклада всегда одинаковъ; обрядъ на-цай изображаетъ переговоры предковъ о брачущихся, а обрядъ на-би напоминаетъ существовавшій при родовомъ бытѣ обычай покупать невѣстъ; впослѣдствіи онъ сталъ выполняться только, какъ традиціонная формальность). Наканунѣ дня свадьбы изъ дома невѣсты въ домъ жениха отправляются прислужницы съ приданымъ. Въ древности приданаго не полагалось, но теперь оно многообразно и опредѣляется предварительнымъ условіемъ. Въ самый день брака прежде всего въ домѣ жениха совершается храмовое молебствіе; по окончаніи его женихъ получаетъ отъ отца своего благословеніе; въ домовомъ залѣ, у средины восточной стѣны ставятъ кресло, около западной стелютъ рогожку, глава семейства входитъ въ залъ и садится на кресло, обратившись лицомъ къ западу; затѣмъ входитъ женихъ и становится около рогожки лицомъ къ югу; помощникъ (одинъ изъ братьевъ или дядей жениха) наливаетъ въ рюмку вино и подноситъ ее жениху. Послѣдній, совершивъ два поясные поклона, переходитъ на рогожку, колѣнопреклоняется, обратившись лицомъ къ югу, принимаетъ рюмку, возливаетъ часть вина на полъ, поднимается, переходитъ на край рогожки, опять становится на колѣни, выливаетъ изъ рюмки часть вина, поднимается, отдаетъ рюмку помощнику, сходитъ съ рогожки и дѣлаетъ два поясные поклона, затѣмъ идетъ къ своему отцу, становится передъ нимъ на колѣни и получаетъ наставленія (они могутъ, конечно, выражаться въ весьма различныхъ формахъ, но существенная часть ихъ заключается въ словахъ: «ступай встрѣтить твою будущую супругу и будь впослѣдствіи моимъ продол-

жателемъ въ дѣлѣ служенія предкамъ»! сынъ отвѣчаетъ: «не осмѣлюсь забыть твоихъ наставленій, но боюсь, что у меня не хватитъ умѣнья исполнить ихъ»! Послѣ этого женихъ дѣлаетъ передъ своимъ отцомъ одинъ земной поклонъ и два поясные и отправляется къ дому невѣсты. По прибытіи туда, онъ вводится въ особую комнату, гдѣ и ожидаетъ, пока окончатся обряды проводовъ дѣвицы изъ родительскаго дома, при этомъ прежде всего совершается молебствіе въ храмѣ предковъ.

По окончаніи его невѣста поклоняется своимъ родственникамъ и получаетъ отъ нихъ наставленія. Въ домовомъ залѣ ставятъ два кресла: одно у середины восточной стѣны—для отца, другое у середины западной стѣны—для матери; къ сѣверо-востоку отъ западнаго кресла стелютъ рогожку. Родители невѣсты входятъ въ домовый залъ и садятся на приготовленныя мѣста, затѣмъ въ залъ входятъ остальные члены семейства и разстанавливаются, — мужчины у восточной стѣны, женщины у западной. Помощница, одна изъ мамокъ или прислужницъ невѣсты, вводитъ ее въ залъ и ставитъ около середины южной стѣны. Невѣста кладетъ по четыре земныхъ поклона сперва передъ родителями, потомъ передъ восточною и западною вереницами родственниковъ, идетъ къ рогожкѣ и становится около нея съ правой стороны, обратившись лицомъ къ сѣверу. Помощница наливаетъ въ рюмку вина и подноситъ ее невѣстѣ. Послѣдняя, совершивъ 4 земные поклона, переходитъ на рогожку, колѣнопреклоняется, принимаетъ рюмку, возливаетъ часть вина на полъ, немного выпиваетъ и дѣлаетъ 4 земные поклона. Затѣмъ отецъ, вставъ съ своего мѣста, даетъ невѣстѣ наставленіе, существенная часть его заключается въ словахъ: «соблюдай себя, будь почтительна, никогда не противься велѣніямъ свекра и свекрови»! Послѣ этого встаетъ мать и, провожая невѣсту до западнаго выхода, наказываетъ ей быть трудолюбивою, почтительною, всегда вѣрною своимъ обязанностямъ и проч. Отъ западнаго выхода до среднихъ воротъ невѣсту провожаютъ ея второстепенныя родственницы и совѣтуютъ ей не забывать словъ отца и матери. У среднихъ воротъ невѣсту, сопровождаемую мамкою, встрѣчаетъ женихъ; знакомъ руки онъ приглашаетъ свою будущую супругу спуститься съ лѣстницы и затѣмъ идетъ къ брачнымъ носилкамъ; она слѣдуетъ позади него и усаживается мамкою въ носилки. Женихъ садится на лошадь и ѣдетъ домой, за нимъ несутъ невѣсту, освѣщая путь двумя факелами; въ процессіи слѣдуютъ провожатые, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты. Подъѣхавъ къ дому, женихъ вводитъ невѣсту въ брачную комнату. Здѣсь прежде всего они моютъ руки въ двухъ углахъ комнаты (жениху подаютъ воду и полотенце провожатые невѣсты, невѣстѣ—провожатые жениха). Затѣмъ провожатые невѣсты стелютъ на полу восточной части комнаты рогожку, провожатые жениха стелютъ рогожку въ запад-

ной части; женихъ и невѣста становятся на рогожки (первый на восточную, вторая на западную) и кланяются другъ другу по 4 раза въ землю. Послѣ этого они переходятъ къ сѣверной стѣнѣ и садятся на заранѣе приготовленные два стула, обратившись лицами другъ къ другу (между стульями помѣщается столъ съ закусками, женихъ садится на западномъ стулѣ, невѣста на восточномъ). Провожатые наполняютъ двѣ рюмки виномъ и ставятъ ихъ на столъ. Женихъ и невѣста пьютъ вино, выливаютъ часть его на полъ, закусываютъ, кланяются другъ другу и выпиваютъ вино окончательно. Послѣ этого провожатые наливаютъ вина въ два небольшие бокала, сдѣланные изъ раздѣленной на-двое тыквенной коры, и подаютъ ихъ жениху и невѣстѣ. Послѣдніе, поклонившись другъ другу, выпиваютъ вино. Столъ съ кушаньями отодвигается. Новобрачные становятся опять на рогожки и кланяются одинъ другому въ землю (жена дѣлаетъ 4 поклона, мужъ—2). Находящіяся на столѣ кушанья доѣдаются провожатыми, они же берутъ себѣ свадебныя платья молодыхъ. На другой день по заключеніи брака молодая жена представляется свекру и свекрови. Въ домовомъ залѣ, посрединѣ, ставятъ два кресла—одно для свекра, другое — для свекрови, передъ креслами помѣщаютъ по небольшому столу. Утромъ свекоръ и свекровь входятъ въ залъ и садятся на кресла, остальные члены семейства разстанавливаются около стѣнъ восточной и западной. Новобрачные, находясь у середины южной стѣны, совершаютъ по 4 поясные поклона. Молодая выходитъ на середину зала и дѣлаетъ передъ свекромъ 4 земныхъ поклона, затѣмъ беретъ отъ прислужницы и ставитъ на столъ блюдо съ шелкомъ, послѣ этого кланяется въ землю еще 4 раза; то же самое совершается передъ свекровью. Вслѣдъ за тѣмъ молодая становится на рогожку къ югу отъ кресла свекрови, колѣнопреклоняется, беретъ отъ прислужницы рюмку съ виномъ, часть вина выливаетъ на землю, часть выпиваетъ, поднимается, отдаетъ рюмку прислужницѣ и дѣлаетъ опять 8 земныхъ поклоновъ (по 4 свекру и свекрови).

Послѣ этой церемоніи новобрачная совершаетъ поклоненія остальнымъ родственникамъ своего мужа въ ихъ собственныхъ комнатахъ, но тогда не бываетъ ни поднесенія шелку, ни питья вина. Въ тотъ же день молодая угощаетъ свекра и свекровь обѣдомъ. Новобрачной отъ ея родителей присылается полный обѣдъ съ винами и закусками. Въ должное время свекоръ и свекровь входятъ въ столовую и садятся на поставленныя заранѣе кресла. Новобрачная дѣлаетъ передъ ними 8 земныхъ поклоновъ, послѣ чего прислужники ставятъ каждому изъ нихъ по столу съ закусками. Вслѣдъ за тѣмъ новобрачная отходитъ къ восточному выходу, умываетъ руки, становится передъ свекромъ, дѣлаетъ два земные поклона, подаетъ свекру рюмку съ виномъ, колѣнопреклоняется и остается въ такомъ положеніи, пока

свекоръ выпиваетъ вино, послѣ того подымается и еще 4 раза кланяется въ землю. То же самое она продѣлываетъ и передъ свекровью. Затѣмъ новобрачная ставитъ по порядку на столы разнообразныя кушанья и стоя ожидаетъ, пока свекоръ и свекровь окончатъ обѣдъ; тогда столы выносятся и слѣдуетъ обрядъ угощенія новобрачной свекромъ и свекровью. Прислужники ставятъ около нихъ столъ съ полнымъ обѣдомъ. Новобрачная совершаетъ передъ свекромъ и свекровью по 4 земныхъ поклона и послѣ того принимаетъ пищу. По окончаніи обѣда свекоръ и свекровь выходятъ изъ столовой черезъ западную дверь, новобрачная выходитъ вслѣдъ за ними черезъ восточную.

На третій день послѣ брака молодая представляется предкамъ мужа въ домашнемъ храмѣ. Порядокъ обряда состоитъ въ размѣщеніи членовъ семьи по мѣстамъ, расположеніи табелей, омовеніи рукъ, сведеніи духовъ на жертвы, представленіи духамъ, наполненіи виномъ рюмокъ, находящихся на жертвенныхъ столахъ, угощеніи духовъ чаемъ, всеобщемъ колѣнопреклоненіи и произнесеніи хозяиномъ молитвы: «такой-то, сынъ такого-то, сочетался бракомъ съ такою-то; осмѣливаюсь представить вамъ молодую новобрачную и проч.». Молодые, стоя около южной стѣны, между восточными и западными дверями, поклоняются табелямъ; прощальные поклоны предкамъ. Таковы главнѣйшіе акты китайскаго брака. Въ Китаѣ женщина, выходя замужъ, совершенно отрѣшается отъ своей прежней семьи и ея семейнаго культа, даже и отъ кровныхъ родственныхъ связей: родство по женѣ тамъ не признается, для мужа родственники жены—посторонніе люди, родство возможно только въ предѣлахъ однофамильности. Дѣвица не своею волею переходитъ въ чужую семью: проданная предками, она подчиняется власти человѣка, ее купившаго, и безпрекословно слѣдуетъ за нимъ, какъ его собственность. Вводя невѣсту, отрѣшенную отъ стараго культа, въ свой домъ, женихъ дѣлаетъ ее участницею новаго культа, т.-е. собственныхъ предковъ,—ѣстъ съ ней мясо и пьетъ вино. Когда брачная чаша выпита, бракъ считается заключеннымъ: предки мужа невидимо пріобщили его молодую жену къ своему роду и согласились считать ее своею родственницею. Провожатые жениха и невѣсты присутствіемъ своимъ констатируютъ тотъ фактъ, что проданная дѣвица прибыла въ домъ купившаго ее благополучно и что цѣль купли, дѣйствительно, та, какая объявлялась предкамъ, т.-е. заключеніе брака. Такимъ образомъ, провожатые служатъ, какъ бы свидѣтелями, что предки того и другого рода выполнили свои взаимныя обязательства. Представленіе молодой жены въ храмѣ предковъ мужа само собою понятно: жена должна служить предкамъ мужа. Но служеніе усопшимъ вещь слишкомъ серьезная, и его нелегко исполнять: недостатокъ искренности, почтительности, въ служащемъ, его малѣйшая оплошность,

хотя и обусловленная невѣдѣніемъ, могутъ прогнѣвить усопшихъ и навлечь несчастіе на цѣлую семью. Прежде чѣмъ сдѣлаться участницею въ храмовыхъ молебствіяхъ, новобрачная должна доказать, что можетъ быть хорошею служанкою для тѣхъ, которые являются какъ бы посредниками между усопшими предками и живыми членами семьи: прежде чѣмъ представить молодую жену своимъ предкамъ, какъ угодную служительницу, свекоръ и свекровь находили нужнымъ удостовѣриться, дѣйствительно ли она обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для служенія. Этому-то искусу въ древности новобрачная должна была подвергаться въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, предшествующихъ первому визиту ея въ храмѣ предковъ. По свидѣтельству Лицзи: «въ древности дѣвицѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ преподавали, въ чемъ состоятъ добродѣтели жены, какъ она должна говорить, какія имѣть манеры, какъ исполнять работы по домашнему обиходу, какъ помогать мужу въ совершеніи жертвоприношеній».

Порожденіе дѣтей, въ особенности мужского пола—главное желаніе новобрачныхъ. Если родится мальчикъ, то по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ мать торжественно представляетъ его отцу, облеченному на этотъ случай въ парадное платье; отецъ привѣтствуетъ свою жену, беретъ сына за правую руку, нарекаетъ ему имя и совершаетъ обрядъ пострижения. Когда въ семействѣ родился мальчикъ, то у воротъ дома, съ лѣвой стороны, вѣшаютъ лукъ со стрѣлами; если родилась дѣвочка, то съ правой стороны вѣшаютъ кусокъ холста. Рождается сынъ, его помѣщаютъ на постель, обертываютъ красивыми одѣялами; кладутъ подлѣ него игрушки и скипетръ; кричитъ ребенокъ—пурпуровыми одеждами покрываютъ нижнюю часть его тѣла: родился владыка, царь семьи, — ему достанется современемъ власть. Родится дѣвочка, помѣщаютъ ее на землю, окутываютъ кусками простого холста, кладутъ около нея вмѣсто игрушекъ черепицу—вѣдь, отъ нея нечего ждать ничего особенно хорошаго впослѣдствіи, не впадала бы только въ пороки, и того довольно; умѣть приготовить вино, сварить кушанье, а главное стараться не быть въ тягость родителямъ,—вотъ всѣ обязанности женщины»! Итакъ, существенная цѣль брака заключается, главнымъ образомъ, въ пріобрѣтеніи мальчиковъ. Когда родится первенецъ, его черезъ мѣсяцъ представляютъ предкамъ въ домашнемъ храмѣ. Церемонія этого обряда сходна съ другими не разъ описанными выше китайскими обрядами. Но въ молитвѣ или докладѣ предкамъ говорится: «жена такого-то, такая-то, въ такой-то годъ, мѣсяцъ, день и часъ родила сына-первенца, получившаго такое-то имя; осмѣливаюсь представить вамъ новорожденнаго»! Послѣ этого хозяинъ становится на юго-востокъ отъ малаго стола, обратившись лицомъ на западъ, а хозяйка съ младенцемъ на рукахъ—около середины южной стѣны; они совершаютъ передъ табелями по четыре земные поклона. Въ заключеніе церемоніи всѣ члены семьи

кланяются по 4 раза въ поясъ. Представляютъ предкамъ и второстепенныхъ мальчиковъ, но обрядъ этого представленія сокращеннѣе: духамъ не предлагаютъ ни плодовъ, ни вина, ни чаю; табели не размѣщаются, а оставляются въ шкафахъ (только съ открытыми дверцами); сведеніе духовъ на жертвы ограничивается возженіемъ куреній (вино не возливается). Въ древности права первенца на имущественное наслѣдованіе были очень широки и обусловливались требованіями культа предковъ. Жреческая обязанность перворожденнаго прямого потомка дѣлала необходимымъ, чтобы онъ обладалъ и завѣдывалъ тѣми мѣстами, гдѣ слѣдовало приносить предкамъ жертвы,—могильнымъ полемъ и домашнимъ храмомъ.

Культомъ предковъ обусловливается и то значеніе, какое по смерти своихъ родителей получаетъ старшій сынъ въ качествѣ отца семейства и главы нераздѣльно живущихъ съ нимъ младшихъ родственниковъ. Хозяинъ является властелиномъ дома. (Въ китайской письменности понятіе «отецъ» выражается іероглифомъ Фу, изображающимъ руку, держащую прутъ. Ясно, что въ древности отецъ или старшина получали общее названіе по тѣмъ предметамъ, которые служили аттрибутами ихъ власти. На исконное право хозяина имѣть посохъ указываетъ и до сихъ поръ соблюдающійся обычай, по которому старшій сынъ ходитъ съ посохомъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ смерти родителя).—Соотвѣтственно власти хозяину воздавался и почетъ его семьей, онъ выражался торжественно и опредѣленно въ формѣ особаго рода обрядовъ: по правиламъ Чжу-цзы, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца члены семьи должны совершать поклоненіе передъ хозяиномъ. По окончаніи молебствія въ храмѣ предковъ, ставятъ посреди зала два сѣдалища — для хозяина и хозяйки. Члены семейства входятъ въ залъ и становятся въ порядкѣ — мужчины направо, женщины налѣво, располагаясь группами: въ первой—братья и сестры хозяина, во второй — сыновья и племянники, въ третьей— внуки и т. д. Послѣ того, какъ хозяинъ и хозяйка сядутъ, всѣ присутствующіе совершаютъ передъ ними по четыре поясныхъ поклона. Затѣмъ старшій изъ первой группы выходитъ и становится возлѣ хозяина, по правую сторону, жена старшаго — по лѣвую, возлѣ хозяйки; члены семьи одинъ за другимъ идутъ на середину залы и совершаютъ по 4 поклона передъ хозяиномъ, хозяйкою и стоящими возлѣ нихъ старшими членами. Послѣ этого старшихъ смѣняютъ слѣдующіе за ними по старшинству и церемонія повторяется. Въ день зимняго поворота, въ новый годъ и въ день рожденія хозяина поклоненіе ему совершается такимъ образомъ: вставъ на свои мѣста, члены семьи дѣлаютъ по два поклона передъ хозяиномъ и хозяйкою; затѣмъ старшій изъ присутствующихъ выходитъ на середину зала и становится передъ хозяиномъ; возлѣ старшаго становятся два младшіе члена, одинъ съ чашею въ рукахъ, а другой съ сосудомъ, напол-

ненным виномъ, всѣ трое опускаются на колѣни. Старшій наливаетъ въ чашу вина и, подавая ее хозяину, желаетъ ему долгоденствія, счастія и благого домоправительства. Хозяинъ принимаетъ чашу и выпиваетъ вино; старшій дѣлаетъ земной поклонъ, отходитъ вмѣстѣ съ младшими на свое мѣсто, и всѣ присутствующіе по 4 раза кланяются хозяину. Послѣ этого ему вторично подается чаша съ виномъ, хозяинъ подзываетъ къ себѣ старшаго изъ присутствующихъ и подаетъ ему чашу; старшій ставитъ ее на рогожку, постланную посрединѣ зала, кланяется два раза въ поясъ хозяину, становится на колѣни, выпиваетъ вино и отходитъ на свое мѣсто. За старшимъ поочередно подходятъ къ хозяину пить вино и остальные члены семьи. По окончаніи этого обряда въ залъ вносятся столы съ кушаньями, и хозяинъ приглашаетъ присутствующихъ (впрочемъ, только женатыхъ) садиться; передъ обѣдомъ всѣ по два раза кланяются ему, послѣ обѣда поклоны возобновляются. Могущество и огромныя прерогативы главы китайскаго семейства обусловливаются, конечно, не одной только фактической силой и властью, а культомъ предковъ, глубокой вѣрой китайцевъ въ самостоятельное существованіе души за гробомъ. Не живущій на землѣ глава семьи, а его усопшіе предки — истинные хозяева и повелители ея членовъ. Ежедневно, возставъ отъ сна, хозяинъ облачается въ полное платье и идетъ дѣлать утренній визитъ предкамъ.

Войдя въ храмъ, онъ становится передъ малымъ столомъ, колѣнопреклоняется, возжигаетъ куренія, послѣ чего дѣлаетъ два земные и одинъ поясной поклонъ. Когда домовладыкѣ приходится отлучаться изъ дому на продолжительное время, онъ докладываетъ объ этомъ предкамъ: ставъ передъ лѣстницею, дѣлаетъ два земные поклона, затѣмъ подходитъ къ малому столу, колѣнопреклоняется, возжигаетъ куренія и возглашаетъ: «почтительный внукъ такой-то, намѣренъ далеко отправиться, о чемъ и осмѣливается доложить!» затѣмъ дѣлаетъ три земные поклона. По возвращеніи изъ поѣздки домой, совершается подобная же церемонія; слова доклада: «возвратившись изъ такого-то мѣста, осмѣливаюсь представиться!»

Когда въ семьѣ случается что-либо, выходящее изъ ряду, хозяинъ извѣщаетъ объ этомъ предковъ. Наканунѣ доклада члены семьи постятся. Въ день доклада въ храмѣ все приготовляется такъ, какъ и при молебствіяхъ въ первый день каждаго мѣсяца. Порядокъ обряда: Разстановка членовъ семьи по мѣстамъ. Омовеніе рукъ. Расположеніе табелей. Низведеніе духовъ на жертвы. Представленіе духамъ. Наполненіе находящихся на жертвенныхъ столахъ рюмокъ виномъ и чашекъ чаемъ. Всеобщее колѣнопреклоненіе во время доклада предкамъ (въ докладѣ говорится о томъ, что́ именно случилось въ семействѣ). Окончаніе церемоніи (всѣ члены семейства совершаютъ по четыре поясные поклона, и табели убираются въ шкафы). Когда въ

семействѣ случится покойникъ, то, прежде чѣмъ (въ должное время) его вынести изъ дому, ему даютъ возможность посѣтить обиталище предковъ и какъ бы сказать о своемъ уходѣ. «При жизни, говоритъ Чжу-цзы, человѣкъ, отправляясь изъ дому, сказывался почтеннымъ предкамъ,—нельзя этого не сдѣлать и при отправленіи въ могилу. Но такъ-какъ нынѣ дома, по большей части, тѣсны, и трудно перемѣщать самый гробъ, то вмѣсто него носятъ въ храмъ предковъ «куклу души». Церемонія совершается слѣдующимъ образомъ: Чжу становится передъ куклою души на колѣни и, обращаясь къ ней, возглашаетъ: «приглашаю представиться усопшимъ предкамъ», затѣмъ, совершивъ земной поклонъ, помѣщаетъ ее въ шкафикъ и несетъ въ храмъ; передъ ней несется столъ съ жертвами, стулъ и знамя, на которомъ написано имя усопшаго; позади куклы идутъ члены семейства въ порядкѣ, опредѣляемомъ степенью траура. Въ храмѣ предковъ шкафикъ съ куклою души ставятъ на постланную рогожку, обративъ его передней стороной къ сѣверу. Всѣ присутствующіе располагаются въ должномъ порядкѣ и начинаютъ рыдать. По прекращеніи плача, кукла души несется опять къ гробу и помѣщается на сѣдалище, послѣ чего члены семьи становятся въ порядкѣ и плачутъ.

Подобно тому, какъ хозяинъ докладываетъ предкамъ о дѣлахъ своего семейства, такъ и государь докладываетъ предкамъ не только о семейныхъ дѣлахъ, но и объ обстоятельствахъ управленія имперіею. Въ древности императоры не предпринимали рѣшительно ничего сколько-нибудь важнаго безъ предварительнаго сообщенія предкамъ: отправлялись ли обозрѣвать имперію, дѣлали ли сеймъ удѣльныхъ князей, ѣхали ли на охоту и проч., они всегда увѣдомляли объ этомъ своихъ усопшихъ предковъ. «Если государю, говоритъ Уцзы, слѣдуетъ предпринять важное дѣло, онъ долженъ отправиться сперва въ храмъ своихъ предковъ, чтобы увѣдомить ихъ о томъ, что онъ хочетъ дѣлать, долженъ прибѣгнуть къ гаданіямъ и посмотрѣть, благопріятны ли небесныя знаменія; если все предвѣщаетъ благопріятный исходъ дѣла, государь смѣло можетъ предпринимать его. Объявленіе войны требуетъ большой осмотрительности, и потому приготовленіе къ ней сопровождается особыми формальностями: «Послѣ того, какъ государь, согласно съ мнѣніемъ совѣта, рѣшится вести войну, онъ долженъ созвать общее собраніе вельможъ двора, между которыми будетъ находиться и тотъ, кто предназначается быть главнокомандующимъ. Когда члены собранія займутъ свои мѣста, государь скажетъ: «такого-то я избираю главнокомандующимъ надъ моими войсками,—пусть онъ выступитъ», затѣмъ государь обратится къ генералу съ слѣдующими словами: «Слава или безславіе націи, благополучіе или бѣдствія государства, спокойствіе или тревоги государя—все будетъ зависѣть теперь отъ генерала главнокомандующаго. Желаете ли вы занять тотъ важный постъ, на который я васъ избралъ? Рѣшились

ли вы въ точности выполнить всѣ обязанности этого поста?» Назначаемый отвѣтитъ: «Я употреблю всѣ усилія, чтобы не оказаться недостойнымъ доброты моего государя!»—«Я надѣюсь на это, скажетъ государь, и отнынѣ возвожу васъ въ такое высокое достоинство. Ступайте и приготовьтесь получить мои послѣднія приказанія. Пусть имя ваше будетъ записано въ регистръ!» Послѣ этого въ теченіе 3-хъ дней новоназначенный главнокомандующій долженъ поститься и воздерживаться отъ всего, что можетъ осквернить его. На четвертый день утромъ онъ является во дворецъ, его приводятъ къ храму предковъ (усопшихъ государей), куда соберутся также государь и придворные. Государь, предшествуемый людьми, несущими большую и малую сѣкиру, отдѣлитъ желѣзо отъ рукоятки и, подавая послѣднюю генералу, скажетъ: «отселѣ и до неба отдавайте приказанія и заставляйте исполнять ихъ!» Затѣмъ государь возьметъ великую сѣкиру, отдѣлитъ рукоятку отъ желѣза и, подавая послѣднее генералу, скажетъ: «съ того мѣста, на которомъ вы стоите, до центра земли отдавайте приказанія и заставляйте исполнять ихъ!» Послѣ этого главнокомандующій получаетъ отъ государя наставленія въ томъ, какъ онъ долженъ вести себя. Доклады предкамъ не пустая формальность, они не основаны на аллегоризмѣ: живые люди, доводя о томъ или другомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія усопшихъ, желаютъ знать ихъ волю, желаютъ получить отъ нихъ совѣтъ, руководящее наставленіе. Предки и непосредственно могутъ бесѣдовать съ своими потомками, являясь имъ во снѣ. Въ «Shinra», старинной китайской книгѣ, употреблявшейся для гаданія о судьбѣ по сновидѣніямъ, сны раздѣляются на пять категорій и къ первой изъ нихъ относятся тѣ, въ которыхъ предметами видѣнія бываютъ усопшіе предки. При дворѣ древнихъ китайскихъ императоровъ существовалъ цѣлый штатъ особыхъ чиновниковъ-авгуровъ, гадателей, снотолкователей и т. п. Усопшіе предки являются истинными властителями живущихъ на землѣ ихъ потомковъ. Можно думать, что въ древнѣйшія времена это властительство признавалось за ними и самимъ государствомъ: едва ли оно могло само по себѣ подвергать смертной казни того или другого изъ полноправныхъ и самостоятельныхъ гражданъ. Приговоръ наказанія въ этомъ случаѣ долженъ былъ символически утверждаться предками. Глава семейства, какъ первородный сынъ, по требованію культа предковъ наслѣдуетъ званіе главнаго семейнаго жреца и, какъ посредникъ между членами семьи и предками, облекается властью законодателя, судьи, администратора; но власть эта заключается не въ его рукахъ, она принадлежитъ предкамъ, а черезъ него только получаетъ реальное осуществленіе. Такимъ образомъ, вся постановка древне-китайскаго семейства опредѣлялась культомъ незримо-живущихъ за гробомъ предковъ. Занимая извѣстное положеніе въ нѣдрахъ семьи, тотъ или другой членъ ея обязательно поддерживаетъ связи съ дру-

гими родственными ему семействами. Родство въ Китаѣ и теперь разбирается очень строго (ни одинъ китаецъ не задумается назвать имя троюроднаго дяди или племянника); внѣшнимъ образомъ оно выражается степенями траурныхъ одеждъ, соотвѣтствующихъ степенямъ родства. Трауръ объединяетъ родственныхъ лицъ и напоминаетъ каждому изъ нихъ принадлежность къ тому или другому роду. Чтобы родъ не оставался въ безызвѣстности относительно своихъ членовъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые достигли совершеннолѣтія, въ Китаѣ издревле установился гуанъ-ли—«обрядъ шапки». Каждый юноша отъ 15 до 20 лѣтъ можетъ совершить обрядъ шапки. Сущность этого обряда заключается въ томъ, что совершеннолѣтній получаетъ право облачаться въ полныя одежды взрослаго человѣка и съ этихъ поръ становится въ болѣе прямыя отношенія къ своимъ родичамъ. За три дня до совершенія обряда отецъ юноши дѣлаетъ докладъ въ храмѣ предковъ. Порядокъ церемоніи: разстановка членовъ семьи по мѣстамъ, омовеніе рукъ, расположеніе табелей, низведеніе духовъ на жертвы, представленіе духамъ, сопровождаемое поклонами, наполненіе находящихся на жертвенныхъ столахъ рюмокъ виномъ и чашекъ чаемъ, всеобщее колѣнопреклоненіе во время доклада предкамъ, который выражается въ слѣдующихъ словахъ: «такого-то года, мѣсяца и числа, я, почтительный внукъ такой-то, осмѣливаюсь доложить почтенному прапрадѣду такому-то (перебираются имена всѣхъ главныхъ табелей), что сынъ мой такой-то достигъ совершеннолѣтняго возраста и намѣренъ тогда-то возложить на свою голову шапку; почтительно докладываю вамъ объ этомъ, благоговѣйно предлагая вино и плоды». Затѣмъ хозяинъ совершаетъ три земные поклона, а всѣ остальные члены семьи по четыре поясныхъ, табели убираются и церемонія оканчивается. Достигшій совершеннолѣтія въ день обряда три раза перемѣняетъ одежды, три раза въ главномъ залѣ передъ собравшимися родственниками надѣваетъ шапку, которую получаетъ отъ особаго лица, называемаго Гинь, «гость»—имъ бываетъ одинъ изъ родственниковъ. При надѣваніи шапки онъ выслушиваетъ отъ гостя приличныя, соотвѣтственныя случаю наставленія: «оставь дѣтскіе помыслы, живи согласно съ добродѣтелью, какъ прилично взрослому человѣку» и проч. При этомъ надѣвшій вкушаетъ вина и мяса, затѣмъ отъ гостя же получаетъ онъ себѣ имя, подъ которымъ дѣлается извѣстнымъ среди родичей. Въ заключеніе обряда хозяинъ представляетъ надѣвшаго шапку въ храмъ предковъ, гдѣ онъ, стоя между лѣстницами, совершаетъ передъ табелями четыре поясныхъ поклона.

Послѣ храмоваго представленія надѣвшій шапку дѣлаетъ поклоны сперва передъ своими родителями, а затѣмъ и передъ другими родственниками. Такъ получаютъ юноши формальное право быть дѣйствительными членами рода. Надъ дѣвочками, достигшими 15-лѣтняго возраста, совершается обрядъ «цзи», т.-е. втыканія головной бу-

лавки. (Онъ сокращеннѣе обряда надѣванія шапки, но во многомъ сходенъ съ нимъ; булавка втыкается одною изъ родственницъ совершеннолѣтней). При культѣ предковъ существовало въ Китаѣ поклоненіе и другимъ усопшимъ: требовать жертвоприношеній послѣ смерти за оказанныя благодѣянія могли не одни отцы семействъ, но и тѣ усопшіе, которые при жизни приносили пользу народу,—чѣмъ шире было вліяніе человѣка, пока онъ жилъ, тѣмъ большее число жертвователей снискивалъ онъ, переселяясь въ міръ загробный. Изъ признательности и уваженія и въ настоящее время приносятся въ Китаѣ жертвы слѣдующимъ лицамъ: императорамъ всѣхъ династій, предшествовавшихъ Дайцингской (современной); различнымъ изобрѣтателямъ; Конфуцію съ его наиболѣе выдающимися учениками; доблестнымъ чиновникамъ и простолюдинамъ, отличившимся своими нравственными или умственными качествами; богу войны—Гуань-ди, богу покровителю учености—Вэнь-чанъ-ди, покровителямъ городовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Чэнъ-винъ. Если душа того или другого усопшаго, по удостовѣренію мѣстныхъ жителей и мѣстнаго начальства, начинаетъ проявлять свою дѣятельность на пользу общества, то она удостоивается правительственнаго чествованія, которое утверждаетъ самъ императоръ). Чествованіемъ исключительно со стороны народа пользуются завѣдующій судьбою духъ очага—Сы-минъ-лоу и шесть его дочерей. (По народному вѣрованію, дочери Цзао-шеня обладали свойствомъ прозрѣвать грѣхи людей и были въ состояніи продолжить и сократить жизнь человѣка, соотвѣтственно его поведенію); генералы Цинь-цю, какъ духи-охранители наружныхъ дверей дома; двѣ легендарныя личности Кай-лутень и Цзянъ-той-гунъ; патроны разнаго рода ремеслъ и занятій. Между ними особенно популярны: царица неба, покровительница моряковъ, Хуато — патронъ докторовъ, Лубань—патронъ архитекторовъ и плотниковъ, Ютулинъ—изобрѣтатель гончарнаго искусства и патронъ ремесленниковъ, Лунъ-му—мать дракона, покровительница судоходства по рѣкамъ, патронъ цирульниковъ, покровительница цвѣтоводовъ, патронъ людей, занимающихся колдовствомъ, патронъ актеровъ, патронъ литературнаго стиля, патронъ музыкантовъ, патронъ ѣздящихъ верхомъ, патронесса слѣпцовъ, лица, получившія важное значеніе въ религіи даосизма, лица, которыхъ значеніе обусловилось вліяніемъ религіи буддизма, души, павшихъ на полѣ битвы воиновъ, наконецъ, всѣ тѣ, которые не оставили по себѣ близкихъ родственниковъ или умерли неоплаканными. Ежегодно отъ 1-го до 15-го числа седьмого мѣсяца китайцы сожигаютъ бумажныя одѣянія, также золотыя и серебряныя бумажки, изображающія деньги, въ даръ душамъ бѣдняковъ и нищихъ, которые умерли въ теченіе предыдущихъ 12 мѣсяцевъ, неудовлетворенные въ своихъ потребностяхъ; вечеромъ по рѣкамъ ѣздятъ лодки, съ которыхъ бросаютъ въ воду въ жертву душамъ потонувшихъ

зажженныя бумажныя одежды и бумажныя деньги, а также рисъ и овощи, а чтобы эти души, блуждая въ темнотѣ, легче находили приносимое имъ, на воду спускается множество лампочекъ, помѣщенныхъ въ глиняные горшечки. Существуютъ ежегодно совершаемыя жертвоприношенія всѣмъ духамъ. Каждый домъ, селеніе, общественная постройка имѣютъ своихъ особыхъ духовъ-покровителей. Рядомъ съ поклоненіемъ усопшимъ людямъ всегда воздавалось въ Китаѣ чествованіе многимъ предметамъ видимой природы и даже отвлеченнымъ понятіямъ.

По народнымъ вѣрованіямъ, существуютъ 4 вида драконовъ: тянь-лунь—небесный драконъ, охраняющій обители боговъ; шэнь-лунь—божественный драконъ, посылающій вѣтеръ и дождь; ту-лунь—драконъ земли, опредѣляющій теченіе рѣкъ и ручьевъ; фу-цзань-лунь—драконъ, охраняющій сокровища.

Ко второй категоріи жертвоприношеній можно отнести тѣ, которыя ежегодно совершаются всѣмъ духамъ—чжунь-піэнь. Эти жертвы являются какъ бы переходными отъ опредѣленнаго умиротворенія душъ безродныхъ и неоплаканныхъ усопшихъ къ умилостивленію духовъ, уже представляемыхъ неясно. Въ древности лежало на обязанности чиновника-снотолкователя приносить новые всходы хлѣбныхъ растеній въ жертву духамъ, посылающимъ дурные сны. Теперь лодочники (главнымъ образомъ, въ Кантонѣ, прежде другихъ городовъ открытомъ иностранцамъ) каждый вечеръ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, бросаютъ въ жертву водянымъ духамъ рисъ и сожигаютъ золоченую бумагу. Если обычай ежедневнаго умилостивленія неизвѣстныхъ духовъ до сихъ поръ во всей силѣ удержался только у лодочниковъ, которые, какъ постоянные рѣчные жители, больше другихъ подвержены опасности, то можно думать, что древнимъ китайцамъ не чуждо было обыкновеніе приносить жертвы неизвѣстнымъ духамъ при всякомъ пріемѣ пищи или питья. По крайней мѣрѣ, Конфуцій, котораго китайскія легенды и преданія рисуютъ самымъ строгимъ исполнителемъ всякаго рода правилъ и формальностей, никогда не принималъ пищи безъ того, чтобы частицу ея не принести въ жертву. Нерѣдко китайцы умилостивляютъ водяныхъ духовъ и болѣе торжественно: на берегу рѣки, ручья, канала или озера закалываютъ бѣлаго коня, голову котораго помѣщаютъ въ глиняный сосудъ и закапываютъ или на берегу, или на днѣ въ мелкомъ мѣстѣ. Умилостивительныя жертвоприношенія неизвѣстнымъ духамъ совершаются и оффиціально: за сѣверными воротами каждаго города находится каменный жертвенникъ, за которымъ два раза въ годъ—въ 15 день 7-го мѣсяца и въ 1-й день 10-го мѣсяца, предлагаютъ духамъ по три овцы, по три свиньи, по три большихъ сосуда рису и по одному большому сосуду вина; во время жертвоприношенія на жертвенникъ ставятъ табель съ именемъ чэнь-вана,

нарочно приносимую на этотъ случай изъ храма, посвященнаго городскому патрону. Духи пользуются въ Китаѣ чествованіемъ, когда уступаютъ свои владѣнія живымъ людямъ. Это случается, когда приходится дѣлать постройки на землѣ, бывшей прежде могильной территоріей. Могилъ много предано забвенію, но если бы границы всѣхъ могильныхъ территорій сохранились въ цѣлости, то трудно было бы найти клочокъ земли, который не принадлежалъ бы тому или другому духу. Люди живутъ на могильной землѣ, но не должны забывать, что они пользуются чужой собственностью: пусть та или другая территорія перестала считаться могильною, послѣ того, какъ уничтожились ея межевые знаки и сравнялся курганъ, тѣмъ не менѣе она принадлежитъ духу, ея коренному хозяину,—этотъ послѣдній, хотя бы ужъ и безымянный, навсегда остается владѣльцемъ своего участка и можетъ уступать его, какъ въ аренду, только за извѣстную плату. Отсюда становится понятнымъ, почему китайцы, приступая къ постройкѣ своихъ домовъ, продолжаютъ и заканчиваютъ ее, чествуя неизвѣстныхъ духовъ жертвами. Въ такомъ случаѣ духи занятой владѣльцемъ территоріи не только уже не мстятъ домостроителю, но и покровительствуютъ его сооруженіямъ.

Всякое селеніе и всякая волость имѣютъ своихъ духовъ покровителей — шэ. Духи шэ чествуются два раза въ годъ — около 16-го марта и около 18-го сентября. Въ настоящее время въ Китаѣ нѣтъ ни одной деревеньки, въ которой бы не было маленькой кумирни, назначенной для общественныхъ жертвоприношеній. — Никакихъ общественныхъ построекъ не производятъ безъ умилостивленія духовъ, которые владѣютъ землею, гдѣ воздвигается постройка. На каждомъ китайскомъ мосту есть алтарикъ или, по крайней мѣрѣ, канурка, гдѣ сожигаются куренія духамъ—покровителямъ моста. Такимъ образомъ, изъ культа предкамъ произошло поклоненіе и внѣ-семейнымъ духамъ. Кромѣ того въ Китаѣ, насколько онъ извѣстенъ положительной исторіи, всегда воздавалось чествованіе предметамъ видимой природы и отвлеченнымъ понятіямъ: небу, солнцу, лунѣ, планетамъ, полярной звѣздѣ и множеству другихъ звѣздъ, метеорамъ, облакамъ, вѣтрамъ, грому, туману, дождю, снѣгу, четыремъ странамъ свѣта, землѣ, Шэцзи (почвѣ и зернамъ, какъ ея произведенію), горамъ, холмамъ, долинамъ, морямъ, рѣкамъ, озерамъ, каналамъ, рощамъ, растеніямъ, пяти элементамъ: землѣ, водѣ, огню, дереву, металлу; животнымъ; дѣленіямъ времени: сезонамъ, мѣсяцамъ, днямъ и часамъ. Словомъ, въ Китаѣ встрѣчается очень развитой политеизмъ. Въ каждомъ предметѣ чествуется, главнымъ образомъ, его духъ, какъ бы управляющій этимъ предметомъ. Всѣ духи находятся въ подчиненіи верховному божеству—небу. Духи иногда надѣляются вполнѣ человѣческими свойствами и могутъ вступать въ сношенія съ живыми людьми. Имъ приписываются поступки, свойственные китайцамъ, вообще. — Духи,

большею частію, женатые люди и могутъ имѣть даже по нѣскольку женъ между живыми женщинами. Въ Китаѣ часто разсказываются легенды о безмужнемъ зачатіи женщинъ. Древніе китайцы говорили, что святые мудрецы рождаются отъ дѣвы, они называются сынами неба. Почти всѣ основатели династій считаютъ родоначальниковъ своихъ фамилій рожденными отъ дѣвъ. О происхожденіи родоначальника царствующей въ настоящее время династіи въ Китаѣ разсказывается цѣлая легенда: «Три небесныя дѣвы купались въ водахъ озера Булхури. Въ то время пролетала надъ озеромъ дивная сорока и бросила находившійся у нея въ клювѣ красный плодъ на платье младшей изъ дѣвъ. Она вкусила отъ небеснаго дара и мгновенно почувствовала беременность».—Вслѣдствіе воззрѣнія современныхъ китайцевъ на духовъ какъ на существа не высшей категоріи, а подобныхъ людямъ, происходитъ то обстоятельство, что храмы и кумирни могутъ служить помѣщеніями и для живыхъ людей. Мѣстами поклоненія служатъ: жертвенники, пагоды, храмы. Видимые предметы поклоненія: статуи, табели съ именами чествуемыхъ боговъ и духовъ.

Главными священнослужащими лицами являются въ современномъ Китаѣ правительственные чиновники: каждый изъ нихъ вмѣстѣ съ должностью принимаетъ на себя обязанность жреца, поэтому всѣ студенты обучаются музыкѣ и мимикѣ.—Формы религіознаго поклоненія: гаданія, посты, жертвы, молитва, пѣснопѣнія, музыка, танцы, представленія и процессіи.

При такомъ сильномъ развитіи культа предковъ, проникавшемъ всю жизнь народа и оказывавшемъ на нее нравственное вліяніе, какъ это происходило въ Китаѣ и обширномъ китайскомъ политеизмѣ, древняя національная религія, хотя и сильно поколебленная обстоятельствами времени, должна была глубоко корениться въ сознаніи большинства китайцевъ и потому она легко могла быть возстановлена и даже возведена на степень государственной религіи конфуціанствомъ.—Каждый китаецъ тѣмъ охотнѣе подчинялся требованіямъ правительства, что они совпадали съ дорогими ему преданіями старины. Но переживщій уже отчасти эти воззрѣнія народъ не могъ относиться къ культу предковъ съ прежнимъ религіознымъ энтузіазмомъ, да онъ въ возродившейся религіи и не требовался: достаточно было болѣе или менѣе механическаго выполненія обрядовъ. Основатель конфуціанства возстановлялъ древнюю религію только съ цѣлью ея практической пользы для нравственности и жизни народа. Онъ не далъ ему новыхъ религіозныхъ идеаловъ и даже не любилъ говорить о сверхъестественныхъ, недоступныхъ пониманію людей, предметахъ. Но присущее человѣку религіозное чувство не могло удовлетвориться этимъ: конфуціанскіе ученые старались чѣмъ-нибудь наполнить такой пробѣлъ въ конфуціанской религіи, придумывая различныя туманныя объясненія сверхъестественнаго, и договорились до ученія, по которому творче-

ская сила принадлежитъ небу, землѣ и человѣку, признавая, такимъ образомъ, богомъ-творцомъ даже и человѣка, хотя имъ можетъ быть только великій святой человѣкъ, какъ, напримѣръ, Конфуцій, котораго и возвели въ божество; до такого же состоянія могутъ достигнуть и подражатели Конфуція. Впослѣдствіи этимъ ученіемъ о святомъ человѣкѣ озарили цѣлую систему. То было уже конфуціанство, снабженное метафизическими аргументами, хотя и выведенными изъ тѣхъ же классическихъ книгъ. Эта потребность системы и обобщенія въ метафизическихъ началахъ сознана была конфуціанствомъ, главнымъ образомъ, уже подъ вліяніемъ появленія въ Китаѣ новыхъ религій буддизма и даосизма, отличающихся преобладаніемъ мистическаго элемента и производившихъ большее, чѣмъ конфуціанская религія, впечатлѣніе на наводнявшихъ тогда Китай дикихъ монгольскихъ и манджурскихъ племенъ. *) Новое конфуціанское ученіе носило заглавіе Чжэнь-мэнь—«Истинное откровеніе». Книга эта была принята въ число каноническихъ. Ея авторъ Чжэнь-цзы называетъ путь природы великой гармоніей это есть начало растяженія и сжиманія, превосходства и подчиненія; оно сокровенно и прочно, оно гань и кунь (формулы въ Ицзинѣ: гань преобразуетъ небо, кунь — землю), въ разсѣянномъ состояніи называется воздухомъ, въ чистотѣ и безъ образа есть духъ. Но въ то же время свойства или природу неба и земли онъ называетъ великою пустотою—терминомъ чисто-буддійскимъ, и выражается языкомъ, заимствованнымъ изъ этой религіи. Великая пустота, не имѣющая формы, есть подлинное тѣло воздуха; ея проявленія, представляющіяся въ видѣ собранія или разсѣянія, не болѣе, какъ мгновенныя отраженія магическихъ превращеній: она пребываетъ въ высочайшемъ спокойствіи, ея ничто не тревожитъ, она есть сокровенный источникъ природы; самое познаніе есть не что иное, какъ мгновенное отраженіе взаимнаго сообщенія вещей, и всѣ эти мгновенныя отраженія и мгновенныя формы, вмѣстѣ съ неотразимостью и безформенностью, составляютъ одну только абсолютную природу.

Но, разумѣется, Чжэнь-цзы хочетъ отличить свою пустоту отъ буддійской. Онъ говоритъ: «Когда знаешь, что пустота есть воздухъ, то существованіе и несуществованіе, скрытое и проявляющееся, будутъ одно, не двоякое. Если, разсматривая собирающееся и разсѣевающееся, вхожденіе и выхожденіе (фразы чисто-буддійскія), форму и безформенность, можешь дойти до постиженія, откуда все это происходитъ, то будешь глубокъ въ познаніи Ицзина (гадательной конфуціанской книги). Если скажешь, что пустота можетъ родить воздухъ, то такъ-какъ пустота неистощима, а воздухъ имѣетъ границы,

*) Васильевъ: „Религіи Востока“.

или, другими словами, матерьялъ и потребленіе чрезвычайно различны,—то этимъ впадаешь во мнѣнія даосизма, въ которомъ говорится, что существующее рождается изъ несуществующаго, и не признается, что существующее и несуществующее смѣшиваются въ одномъ вѣчномъ.

Если же сказать, что всѣ формы суть предметы, видимые внутри пустоты, въ такомъ случаѣ предметъ и пустота не касаются другъ друга: форма существуетъ сама по себѣ, природа сама по себѣ. Такое понятіе, что форма и природа, небо и человѣкъ, другъ другу не вспомоществуютъ, принадлежитъ буддизму, который говоритъ, что понятіе о видимыхъ предметахъ есть болѣзненное проявленіе. Но названіе великой пустоты не удержалось въ конфуціанствѣ.—Еще нѣсколько ранѣе Чжэнь-цзы въ такомъ же отвлеченномъ духѣ началъ толковать Чжоу-цзы, котораго считаютъ самымъ первымъ изъ новыхъ философовъ. Онъ взялъ въ основаніе одинъ только Ицзинъ и назвалъ на основаніи его абсолютное бытіе Тай-цзи—самымъ запредѣльнымъ. Тай-цзи есть начало всѣхъ тварей; въ немъ поглощаются двѣ противоположныя силы—положительная и отрицательная: Инь и Янъ, два первыя проявленія, дѣйствующія въ мірѣ, какъ добро и зло въ другихъ ученіяхъ; эти силы, представляя собою въ сложности Тайцзи, раздѣлили ее въ мірѣ на части, наблюдая равновѣсіе, такъ что тамъ, гдѣ въ субъектѣ недостаетъ нѣсколькихъ частей силы Янъ, другая сила замѣняетъ недостатокъ. Изъ этихъ двухъ силъ рождается пять стихій: вода, дерево, металлъ, огонь и земля, отъ которыхъ происходитъ вся вселенная. Съ другой стороны сила Янъ, идя путемъ Тянь-неба, производитъ мужчинъ, а Инь, идя дорогою Кунь-земли—женщинъ. Чжуцзы выразилъ эти понятія круглой фигурою «☯» съ обводящими ее чертами. Когда, говоритъ онъ, Тайцзи приходитъ въ движеніе, то рождается сила Янъ, когда же движеніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ (цзи), тогда начинается покой, и въ покоѣ рождается Инь; когда же покой достигнетъ крайности, то снова начинается движеніе; такимъ образомъ, движеніе и покой служатъ другъ другу основаніемъ. Отъ превращеній Янъ и Инь рождаются на землѣ пять стихій, получившихъ каждая свою особенную природу, на небѣ пять воздуховъ и приходятъ въ движеніе времена года.

Пять стихій есть одно—вмѣстѣ взятые Инь-Янъ; Инь-Янъ одно Тайцзи, которое само въ себѣ есть безконечное Уцзи.

Другой философъ Шаоцзы также изучалъ только Ицзинъ и, будто бы, по идеямъ древнѣйшаго Фуси открылъ, что въ восьми гуа (формулахъ Ицзина) надобно видѣть не небо, землю, громъ, вѣтеръ, воду, огонь, горы, озера; но солнце, луну, звѣзды, планеты, воду, огонь, землю, камень. Эти восемь предметовъ составляютъ тѣло неба и земли; отъ нихъ происходятъ холодъ и теплота, день и ночь,

дождь и вѣтеръ, громъ и роса, проявленія внутреннія и измѣненія формъ, движеніе и покой въ животныхъ и растеніяхъ. Отсюда получаютъ начало болѣе или менѣе утонченные или огрубѣлые элементы человѣческаго тѣла: духъ, душа, кровь, кости, мясо, впечатлѣнія органовъ; отсюда же выводятся наиболѣе извѣстные періоды мірового движенія. Этотъ Шаоцзы непрочь даже отъ знакомства съ буддійскими д'арани, потому что онъ пытается звуками человѣческаго слова объяснить всѣ превращенія вселенной. У него же находится, какъ бы развитіе ученія Чжуцзы о Тайцзи: «Небо рождается отъ движенія, земля отъ покоя; въ движеніи и покоѣ заключается весь путь неба и земли; при началѣ движенія рождается Янъ, при достиженіи же имъ крайнихъ предѣловъ—Инь; въ Инь и Янъ выполняется все назначеніе неба. При началѣ покоя является мягкость, когда же дойдетъ до крайнихъ предѣловъ—твердость; въ мягкости и твердости выполняется все назначеніе земли!»—«Тайцзи, хотя и впереди неба и земли, но не прежде; она проявилась вмѣстѣ съ небомъ и землей и всѣмъ твореніемъ, а не въ какомъ случаѣ ни прежде, ни послѣ, ни въ началѣ, ни въ концѣ ихъ. Какъ скоро стала существовать Тайцзи, то стали существовать и двѣ формы (Инь и Янъ), четыре образа и восемь гуа, — небо, земля и всѣ твари готовы.... Какъ скоро есть одинъ, то ужъ есть и два и три, и безчисленное количество; время существуетъ также съ древности до нынѣ безъ прекращенія».—Таковы метафизическія понятія конфуціанства. Отъ нихъ оно, естественно, переходитъ къ отношеніямъ человѣка къ природѣ, къ значенію нравственному: «Во всѣхъ тваряхъ, продолжаетъ тотъ же Шаоцзы, есть нѣчто, полученное ими, что называется судьбой и есть основное, называемое природою; господствующее надъ ними называется небомъ; что они всѣ рождаются — это есть ихъ сердце. Сущность всего этого одна. Древніе святые мужи, проникая законы, постигая сущность природы, дошли до понятія о судьбѣ; черезъ познаніе природы узнали небо и служили ему, воспитывая свою природу, наблюдая надъ своимъ сердцемъ».—По мнѣнію Чжоу-цзы, человѣкъ есть чистѣйшее твореніе вселенной, проявившейся изъ пяти стихій. Онъ есть какъ бы міръ въ мірѣ, т.-е. природа его соотвѣтствуетъ своею чистотою Тайцзи, сердце силамъ—Инь и Янъ, пять непреложныхъ нравственныхъ качествъ (любовь, истина, церемоніи, мудрость и вѣрность)—пяти стихіямъ; отъ столкновенія внутренняго міра съ внѣшнею природою рождаются дѣйствія, столь же многообразныя, какъ разнообразны и творенія внѣшней природы. Кто сохранитъ всю природу въ чистотѣ, то-есть какъ она вышла изъ созданія, есть святой мужъ (Шэнь-жэнь), все отождествляетъ его съ цѣлымъ міромъ, — небомъ, свѣтилами, землей и т. д. Это уже не старыя конфуціанскія идеи, по которымъ требуется отъ всякаго человѣка ученье; тутъ предполагается, что и безъ него бываютъ люди

вполнѣ совершенные: «Святымъ, говоритъ Чжоу-цзы, называется тотъ, кто получаетъ отъ природы все, чему другой долженъ научиться». Вслѣдствіе этого за основаніе для пяти непреложныхъ качествъ Чжоу-цзы и всѣ конфуціанцы приняли упоминаемую въ Чжунъ-юнѣ истину, или чистоту (жэнь). «Чистота есть основаніе святого мужа; чистѣйшее и незапятнанное есть самое высшее добро; святой мужъ весь въ чистотѣ... Она есть остнованіе пяти непреложныхъ, источникъ всѣхъ видовъ дѣйствія. Пять непреложныхъ безъ чистоты будутъ омрачены и неразвиты. Чистота есть бездѣйствіе (это даосское мнѣніе), она есть молчаніе и неподвижность». «Двигаться, и притомъ прямо, называется путемъ; путь святого мужа стоитъ посреди человѣколюбія и чистоты, онъ охраняетъ, какъ драгоцѣнность, дарованныя небомъ доблести, всѣ его дѣйствія приносятъ пользу, онъ сопоставляется небу и землѣ». «Какъ все это легко и немногосложно, какъ нетрудно все это знать!» говоритъ г. Васильевъ. «Природа мягка и тверда; внутри этого-то и заключается добро и зло; если твердое хорошо, то отсюда происходятъ: правда, прямота, рѣшительность, строгость, твердость; въ противномъ случаѣ — жестокость, насиліе. Мягкое, направленное въ хорошую сторону, производитъ милосердіе, покорность; въ дурную — трусость, нерѣшительность, увертливость, потому середина есть гармонія, законъ; это большая дорога вселенной, главное дѣло святого мужа. Святой мужъ устанавливаетъ ученіе, чтобы люди исправляли свои дурныя свойства и доводили себя до середины; прежде прозрѣвшій вразумляетъ послѣ прозрѣвающаго, слѣпотствующій стремится къ свѣту, — въ этомъ заключается путь учителя; потому-то и отвѣчается на вопросъ, «что такое добро въ мірѣ?—учитель».

«Когда утвержденъ путь учителя, то добрыхъ людей много; когда же добрыхъ людей много, то правленіе правильно и вселенная устроена. Несчастіе для человѣка состоитъ въ томъ, что онъ не видитъ своихъ проступковъ, и самое высшее зло есть то, что онъ не стыдится. Того, кто знаетъ стыдъ, можно учить».

Объ отношеніяхъ человѣка къ природѣ Чжанъ-цзы выражается такъ: «Человѣкъ и твари всѣ рождены между небомъ и землею, силами Гань — отца и Кунь — матери; на тѣла ихъ потребно было содѣйствіе неба и земли; но человѣкъ получилъ большее совершенство формы и воздуха, отъ чего его сердце и есть самое духовное... Между всѣми рожденными сходные всего дороже, потому на людей должно смотрѣть, какъ на братьевъ, а на вещи, какъ на пособіе... Но хотя и всѣ люди дѣти неба и земли, а только государь есть прямой продолжатель и владѣтель законовъ этихъ общихъ родителей; потому онъ главный сынъ нашихъ родителей, а чиновники — его домоправители». О сочиненіи Чжанъ-цзы отзывались, какъ о такой книгѣ, какой не было написано со временъ Циньской и Ханьской династій,

со 2-го вѣка до Р. X.— Шаоцзы говоритъ: «Человѣкъ одушевленнѣе всѣхъ тварей, потому что его зрѣніе воспринимаетъ форму всѣхъ тварей, ухо слышитъ звуки всѣхъ предметовъ и т. д.; потому человѣкъ есть верхъ творенія, а святой есть верхъ человѣка — человѣкъ между людьми... Онъ (святой) можетъ однимъ своимъ сердцемъ созерцать всѣ сердца, посредствомъ своего тѣла прозирать всѣ тѣла, въ одной твари видѣть всѣхъ тварей, въ одномъ вѣкѣ — всѣ вѣка; онъ можетъ сердцемъ замѣнить небесную мысль, своимъ ртомъ говорить вмѣсто неба, своею рукою поднять трудъ неба — можетъ знать, какъ небесное время, такъ и постигать законы земли, проникать въ свойства вещей, освѣщать человѣческія дѣйствія... Хотя мы и не встрѣтились со святыми, но, вникая въ ихъ мысли, изслѣдуя ихъ слѣды, ощупывая ихъ тѣло, вникая въ ихъ назначеніе, хотя бы прошли милліоны лѣтъ, все-таки можемъ узнать ихъ...» «Путь есть основаніе неба и земли, а небо и земля — основаніе всѣхъ тварей. Если всѣхъ тварей разсматривать въ отношеніи неба и земли, то онѣ останутся тварями, но и небо, и земля, въ отношеніи пути, также твари...» «Путь пути выразился весь въ небѣ, путь неба — въ землѣ, а путь неба, земли и всѣхъ тварей — въ человѣкѣ. Небо, заключая въ себѣ всѣ твари, имѣетъ четыре сокровищницы: весну, лѣто, осень и зиму; въ нихъ возвышаются и понижаются силы Инь и Янъ. Святой мужъ, заключая въ себѣ весь народъ, имѣетъ четыре клада: Ицзинъ, Шуцзинъ, Ши-цзинъ и Чунь-цю, одушевляемые церемоніями». Въ отношеніи церемоній заслуга Конфуція такова, что Мэнь-цзы сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, еще не бывало подобнаго Конфуцію!»

Это уже не тотъ языкъ, которымъ говорилъ Конфуцій, по памятникамъ, сохраненнымъ въ Лунь-юй'ѣ, и здѣсь говорится уже не о томъ, о чемъ любилъ разсуждать этотъ философъ. Новое конфуціанство, не создавъ бога, но принявъ вмѣсто него Тайцзи и небо, замѣнило его святымъ и помѣстило въ своемъ календарѣ не мало такихъ святыхъ: Яо, Шунь, Вэнь-ванъ, Чжоу-чунь, Кунъ-цзы (Конфуцій), Мэнъ-цзы. Но зато эти святые, будучи людьми, позначительнѣе иныхъ боговъ; хотя и того мало: по примѣру буддизма, который требуетъ не только рукоположенія, но и передачи священныхъ писаній для сохраненія преемственности духовнаго начала, и конфуціанцы говорятъ теперь, что ихъ ученіе передается непрерывно, что оно не явилось съ Конфуціемъ, усвоившимъ себѣ духъ Яо, Шуня и Чжоу-чуня, что передача не погибла съ Мэнъ-цзы, что Чжоу-цзы, Шао-цзы и Чжэнь-цзы съ братіею и ихъ послѣдователи подхватили святой духъ древности! Вооруженные этими началами, новые отцы новой церкви стали давать ей дальнѣйшее развитіе. Чэнъ-цзы къ положеннымъ въ основаніе Ицзину и Чжунъ-юну прииелъ другой трактатъ Лицзи — Дасе — ученіе для взрослыхъ; онъ сталъ утверждать,

что конфуціанство послѣ Кунъ-цзы и Мэнъ-цзы находилось подъ вліяніемъ чуждыхъ вѣрованій; братъ его Чэнъ пишетъ сочиненіе о томъ, что ученіе Конфуція о святомъ пути до сихъ поръ не понимали, отыскивая этотъ путь внѣ, а не въ самомъ небѣ; что святыми родятся, а не дѣлаются черезъ ученіе; что путь заключается не въ учености, а въ проявленіи пяти внутреннихъ стихій (любви, истины и проч.), составляющихъ утонченную эссенцію пяти стихій природы. Такимъ образомъ, новая религія отдаетъ предпочтеніе нравственности передъ ученостью. Чэнъ ввелъ въ основаніе ученія все четверокнижіе (Дасе, Чжунъ-юнъ, Луль-юй и Менъ-цзы). Онъ сочинилъ толкованія на Ицзинъ и Чунь-цю. Одно уже сопоставленіе этихъ двухъ книгъ различнаго характера показываетъ, что въ новое ученіе проникъ мистицизмъ. Чэнъ-цзы говоритъ, что въ Чунь-цю надобно видѣть не просто исторію, но что она имѣетъ сокровенный смыслъ; что надобно имѣть особенное сердечное откровеніе, чтобы проникнуть въ ея глубокія идеи, и черезъ это можно возстановить древнія времена. Этотъ мистицизмъ идетъ далѣе: Лоцунъ-янь учитъ уже своего рода созерцанію духа, въ которомъ еще не проявились ни гнѣвъ, ни радость, ни печаль, ни наслажденіе для того, чтобы проникнуть небесные законы и разъяснить всѣ частности. Ученикъ его, Литунъ, идетъ еще дальше: онъ говоритъ, что ученіе не состоитъ въ многоглаголаніи, но въ молчаливомъ очищеніи сердца и тѣла, въ постиженіи небесныхъ законовъ... «Въ глубокомъ и таинственномъ созерцаніи укрѣпляется духъ. Чжунъ-юнъ требуетъ, чтобъ его усвоили въ своемъ тѣлѣ, чтобы сердце и органы господствовали надъ чувствами, и тогда все будетъ понятно!» Наконецъ, Луцзю-юань толкуетъ даже, что цзи (высочайшее) ниспослано людямъ богомъ (Хуанъ-Шаньди); только оно въ однихъ чисто, а въ другихъ загрязнено, въ однихъ открыто, а въ другихъ скрыто. Онъ допускалъ также, что если на востокѣ, въ Китаѣ, могли родиться святые люди, то они могутъ родиться и на сѣверѣ, на югѣ и на западѣ. — Чэнъ-гунь отличается еще болѣе мистическимъ языкомъ; вотъ его опредѣленіе любви: «Любовь есть всецѣлое тѣло творческихъ небесныхъ законовъ, не имѣющихъ ни наружности, ни внутренности, ни движенія, ни покоя, не скрытое и не явное, не грубое и не тонкое; только чистое сердце, не имѣющее ни малѣйшаго своекорыстія, полное безпристрастія небесныхъ законовъ, заслуживаетъ такаго названія».

«Рядъ знаменитостей, т.-е. писателей въ духѣ новаго ученія, не прекращается и до нынѣ. Всѣ они имѣютъ притязаніе быть внесенными въ списокъ философовъ, получить посмертное титло, а главное быть сопричастными къ жертвоприношеніямъ, дѣлаемымъ въ честь Конфуція и его учениковъ; по большей части, они этого и достигаютъ», говоритъ г. Васильевъ.

Такова высшая китайская интеллигенція. Имя толкователя новаго

конфуціанства Чжу-цзы, считающагося самымъ святымъ человѣкомъ, извѣстно всякому школьнику, потому что толкованія Чжу цзы на четверокнижіе и другія классическія книги приняты въ настоящее время во всѣхъ школахъ за единственное руководство преподаванія. Многочисленность трудовъ Чжу-цзы или Чжу-си, сравнительно съ другими философами, даетъ ему право на предпочтеніе передъ ними.

Итакъ, туманный мистицизмъ новаго конфуціанства отуманиваетъ теперь головы китайской учащейся молодежи и составляетъ то, что называется въ Китаѣ наукой. Новое конфуціанство впало въ мистицизмъ, свойственный всѣмъ восточнымъ народамъ вообще. Но къ счастію для китайцевъ, онъ не можетъ сильно проникать въ практическую жизнь ихъ: немногіе отваживаются вполнѣ предаться всей чепухѣ высшей китайской премудрости. Она составляетъ достояніе немногочисленнаго класса ученыхъ мандариновъ, которые отличаются страшнымъ самомнѣніемъ и держатся въ гордомъ удаленіи отъ народа. *) Вмѣстѣ съ наплывомъ на Китай чужестранцевъ, распоряжавшихся на сѣверѣ отъ Цзяна съ начала 4-го и до конца 6-го вѣка нашей эры, появилась въ Китаѣ индійская религія буддизмъ, пустившая подъ эгидой завоевателей глубокіе корни въ жизнь китайскаго народа. Съ другой стороны буддизмъ двигался на югъ Китая моремъ. Но на сѣверѣ имперіи его вліяніе было сильнѣе и продолжительнѣе. Кромѣ внѣшней политической силы, въ буддизмѣ была и своя внутренняя. Онъ, какъ и другія западныя религіи, сильно дѣйствуетъ на сердце человѣка, а въ существующихъ тогда въ Китаѣ религіяхъ оно плохо удовлетворялось.

Конфуціанство исключило даже вопросъ о загробной жизни, заглушило вѣру въ верховное небо, или Шанъ-ди.

Буддизмъ, по происхожденію своему, религія народа высшей или арійской расы. Онъ составляетъ одну изъ наиболѣе высокихъ философскихъ религій человѣчества, которая была завершеніемъ развитія религіознаго сознанія западныхъ индійцевъ. Буддизмъ произошелъ изъ существовавшей въ Индіи религіозной секты браманизма, по ученію котораго все, умирающее въ видѣ наказанія, должно безконечно возрождаться въ новой формѣ. По ученію, находящемуся въ индійскихъ священныхъ книгахъ Ведахъ, въ мірѣ есть только одно существо, произведшее вселенную. Все исходитъ отъ него, все есть оно и все возвращается въ него. То, что и созданія имѣютъ отдѣльное существованіе, есть чистая иллюзія. Вселенная не что иное, какъ неизмѣримая мечта, возникшая въ умѣ верховнаго существа. Подъ вліяніемъ этихъ идей одинъ индійскій молодой царевичъ, изъ племени Сакья, родившійся за 600 лѣтъ до Р. Х., основалъ новую религію. Легенда

*) Карьеръ: «Исторія всеобщей культуры»; Васильевъ: «Религіи Востока».

изображаетъ его высоконравственнымъ пустынникомъ, отказавшимся отъ благъ земного міра, потому что онъ постигъ все его зло. Въ пустынѣ молодой отшельникъ пришелъ къ мысли о необходимости поучать людей и съ этой цѣлью онъ 20 лѣтъ странствовалъ нищимъ по Средней Индіи, проповѣдуя, что не въ горахъ и лѣсахъ, подъ священными деревьями, можно найти вѣрное убѣжище отъ скорби, а единственно лишь въ познаніи 4-хъ истинъ: зла, его происхожденія, его уничтоженія и пути, который ведетъ къ этому. Отшельникъ сталъ называться Буддою (пробужденнымъ). У него появились ученики. Будда говорилъ, что міръ состоитъ изъ однихъ лишь безпрерывныхъ исчезновеній и возникновеній, и потому никогда не достигаетъ покоя, а, напротивъ, всегда обуревается разнообразными мытарствами, доказывающими его полную тщету. Душа, поставленная въ измѣнчивый ходъ природы, терпитъ истинныя мученія, когда ее увлекаетъ мірской круговоротъ. Люди заперты въ этой толчеѣ, которая ударами колесъ своихъ причиняетъ имъ страданія; даже тамъ, гдѣ она, повидимому, доставляетъ удовольствіе, и тутъ рядомъ съ нимъ готово уже горе, потому что оно слишкомъ кратковременно. Такимъ образомъ, на землѣ нѣтъ для человѣка никакого надежнаго счастія, блаженство манитъ насъ совсѣмъ съ другой стороны: оно не въ мірѣ дробнаго, едва возникающаго и тутъ же преходящаго существованія, а въ области чистаго и единаго, вѣчно въ себѣ твердаго бытія; а потому высшая цѣль человѣка должна состоять въ томъ, чтобы нераздѣльно слиться съ вѣчнымъ бытіемъ черезъ уничтоженіе въ себѣ своеволія, похоти, себялюбія и снисканія спокойствія и міра. Къ достиженію этого ведетъ одна дорога: надо оторвать сердце отъ всего земного, равнодушно смотрѣть на измѣнчивость міра, не ощущая никакихъ потребностей; за самыя причины удовольствій, навлекающихъ своею скоротечностью намъ столько страданій, слѣдуетъ держаться не крѣпче дождевой капли на листкѣ лотоса; надо стать владыкой своихъ чувствъ, господиномъ самому себѣ и, освободившись отъ всякихъ пожеланій, достичь той душевной тишины, которая отрѣшилась отъ всего, что не она сама, даже отъ мимолетныхъ ощущеній и представленій. Путь къ спасенію—отреченіе отъ міра, нищета, цѣломудріе. Покой можно обрѣсти только въ вѣчномъ и неизмѣнномъ. Конечную цѣль духа, Нирвану, образный языкъ индійцевъ называетъ угасаніемъ, чѣмъ-то въ родѣ того, какъ потухаетъ свѣтильникъ. Будда говоритъ тѣмъ же языкомъ, какъ и христіанскіе мистики: «должно умереть для самого себя, окончательно разстаться съ себялюбіемъ и самовольствомъ; но не съ тѣмъ, чтобы истребить духъ, а съ тѣмъ, чтобы освободить его и изъ временнаго перейти въ вѣчное. Но побѣду надъ самолюбіемъ послѣдователи Будды свели на полное уничтоженіе. Въ буддизмѣ глубоко коренится живое сочувствіе къ людскимъ страданіямъ, стремленіе освободить людей отъ которыхъ и послужило

поводомъ къ возникновенію этой религіи. Освобожденія отъ горя и бѣдъ, по словамъ Будды, нужно искать не въ самоистязаніи, какъ это дѣлали брамины, и не въ умозрительныхъ подвигахъ, а только въ очищеніи отъ грѣховъ, въ самообладаніи и спокойствіи духа. Вслѣдствіе строгости требованій буддизма, кругъ его послѣдователей сначала былъ тѣсенъ, его составляли только самоотверженцы и посвященные. Но величайшимъ шагомъ Будды было то обстоятельство, что онъ обратился съ своей проповѣдью къ цѣлому народу, что утѣшительное слово его имѣло въ виду именно бѣдныхъ и угнетенныхъ, что законъ свой онъ называлъ закономъ благодати для всѣхъ: кто и не достигнетъ здѣсь полнаго освобожденія отъ соблазновъ міра, тотъ, по крайней мѣрѣ, подготовится къ этому и тѣмъ уже облегчитъ себѣ тяжкое свое состояніе. Будда всѣмъ велитъ жить въ мирѣ и тишинѣ. Пусть каждый вноситъ спокойствіе въ свое чувство. Люди должны считать себя за одну великую общину по бѣдѣ и горю, обязаны оказывать любовь и состраданіе другъ другу. Жертвоприношенія и обряды не ведутъ къ истинному добру, спасительно одно только выполненіе нравственныхъ законовъ, всякій можетъ достигнуть высшаго блаженства обузданіемъ своихъ похотей, покаяніемъ и любовью. Будда—космополитъ, онъ любитъ людей, не разбирая національностей, и готовъ повѣдать свой законъ всѣмъ народамъ. Но при этомъ онъ говоритъ, что богатымъ и счастливымъ труднѣе достигнуть спасенія, чѣмъ угнетеннымъ, и дѣлаетъ основою своего ученія любовь, милосердіе и готовность жертвовать собою для другихъ.

По ученію Будды, состраданіе нужно простирать не только на людей, но и на животныхъ. Собственная жизнь Будды служила для его послѣдователей высокимъ образцомъ для подражанія. Но послѣ смерти философа она, подобно жизни другихъ основателей религій, въ скоромъ времени украсилась чудесами, изобрѣтаемыми богатой индійской фантазіей: Будда возсѣдалъ прежде на небѣ съ богами, но порѣшилъ для спасенія всѣхъ дышащихъ существъ сдѣлаться человѣкомъ; въ видѣ пятицвѣтнаго луча онъ зачатъ дѣвственницей-матерью; при рожденіи Будды останавливаются неподвижно солнце и мѣсяцъ; слѣпые прозрѣваютъ и глухіе начинаютъ слышать. Изъ чашечки лотоса младенецъ озираетъ вселенную; Боги служатъ Буддѣ; но искуситель Мара, царь этого міра похоти, кипя противъ него злобою, проявляющейся въ страшныхъ явленіяхъ природы—бурѣ и огненномъ дождѣ, хочетъ напугать Будду, хотя безуспѣшно, такъ-какъ онъ ясно понимаетъ, откуда все это происходитъ. Искуситель точно также побѣждается Буддой въ словопреніи и напрасно старается соблазнить его прелестями своихъ дочерей. Выдержавшій всѣ эти испытанія, Будда превосходитъ браминовъ и мудростью, и чудотворной силой; но всѣ чудеса его носятъ на себѣ печать милосердой любви и спасительной помощи».

Буддизмъ создалъ цѣлую богатую мифологію. Послѣдователи его съ теченіемъ времени все увеличивались. При жизни основателя это было нѣчто въ родѣ монашескаго ордена, состоявшаго только изъ строгихъ приверженцевъ, которые въ качествѣ посвященныхъ и избранныхъ представляли собой духовенство, игравшее роль посредниковъ между небомъ и народомъ, не желавшимъ нести тяжкій обѣтъ цѣломудрія и нищеты, который считался необходимымъ для полнаго совершенства.

Позднѣе образовалась іерархія духовныхъ лицъ, старавшаяся сдѣлать буддизмъ болѣе доступнымъ толпѣ черезъ его матеріализацію въ видѣ разсказовъ о чудесномъ и наружныхъ символахъ богослуженія. Будда сдѣлался богомъ, всѣ останки его—священными. Ему, считавшему все земное за водяной пузырь, конечно, и въ голову не приходило дѣлать предметами поклоненія свои зубы, свои волосы, части одежды и т. п.; но буддійское духовенство воспользовалось подобными вещами для того, чтобы выставить передъ требующей грубой наглядности толпой какіе-либо видимые знаки буддійской религіи, изъ-за которыхъ стала даже забываться сущность дѣла. Суевѣрія тѣмъ легче могли закрадываться въ буддизмъ, что онъ отличался высокой, благородной религіозной терпимостью. Первая редакція заповѣдей Будды была составлена вскорѣ послѣ его смерти за 540 лѣтъ до Р. Х.

120 лѣтъ спустя состоялось собраніе изъ 700 значительныхъ лицъ для того, чтобы установить правильный текстъ «благого закона», такъ какъ обнаруживались уже отъ него разныя отступленія и расколы.

Третье большое собраніе для такой же цѣли созвано было за 260 лѣтъ до Р. Х. магадатскимъ царемъ Асокою. Впослѣдствіи также оказывалась необходимость созывать по этому поводу соборы. Проповѣдь буддизма сначала безъ шуму распространялась по Индіи. Въ главномъ гнѣздѣ своемъ, Магадѣ, она одержала перевѣсъ, благодаря царю Асокѣ. Отсюда провозвѣстники новой вѣры перешли въ Загангскую Индію и проникли на островъ Цейлонъ, а съ другой стороны—къ сѣвернымъ народамъ. Ко времени христіанской эры снова усилившееся браминство вытѣснило буддистовъ изъ значительной части Индіи. Но зато религія эта разнеслась по Тибету и Китаю. Ее принялъ великій монгольскій ханъ Хубилай.

Итакъ, въ Китай буддизмъ явился уже не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а значительно измѣненный въ теченіе многихъ вѣковъ развивавшими это ученіе представителями буддизма и вліяніемъ среды его распространенія. Но въ самомъ Китаѣ онъ до того измѣнился, что даже долго былъ принимаемъ за другую религію: буддизмъ обратился тамъ въ настоящій политеизмъ.

Теорія буддизма о четырехъ истинахъ, т.-е. о страданіяхъ и ихъ причинѣ, отверженіи и пути, въ немъ происходящемъ, постепенно осложняясь, сдѣлала очень труднымъ исполненіе буддійскаго пути,

Новые буддисты стали говорить уже, что нравственность, предполагаемая въ аскетической жизни, не может доставить спасенія; только знаніе, просвѣтленіе ума — вотъ что всего важнѣе. Послѣ пришли къ соглашенію, что нравственность есть пособіе ума, который, въ свою очередь — пособіе созерцанія. Создалась новая теорія, положившая въ основаніе спасенія знаніе: «Невѣжество — вотъ причина всѣхъ мученій, всѣхъ вращеній въ мірскомъ круговоротѣ; отъ невѣжества происходятъ дѣла, отъ нихъ — воздаянія, отъ нихъ — то или другое зарожденіе, та или другая жизнь, всегда оканчивающаяся смертью». Въ то же время явилось ученіе о трехъ драгоцѣнностяхъ: поклоненіи Буддѣ, его ученію и его церкви-собранію духовныхъ лицъ, или сангѣ. Санга предполагаетъ уже монастырскую жизнь, о которой упоминается, какъ о необходимомъ условіи въ символѣ буддійской вѣры, называемомъ прибѣжищемъ и защитою. Раздоры по поводу догматовъ буддизма разрѣшались на соборахъ. Согласить теорію невѣжества съ теоріей о мученіяхъ взялась новая система. Она отдала видимое преимущество разуму, а оттого и все ученіе свое назвала этимъ именемъ, но въ сущность его ввела то же безуміе, которое проповѣдовала теорія о четырехъ истинахъ; это безуміе она назвала пустотою. По той важности, которую придаютъ пустотѣ книги новой школы, можно подумать, что она новое метафизическое начало, но оно вытекаетъ изъ ученія о недолговѣчности всего составнаго, слѣдовательно, объ отсутствіи *я* во всемъ, что принимала, по всѣмъ свидѣтельствамъ, большая часть первыхъ буддистовъ. Только пустота въ новой философіи, названной трансцендентальною (парамита), облечена большею туманностью въ видѣ высиренныхъ выраженій; ученію приданъ философскій характеръ; пустота существуетъ и не существуетъ, и нельзя сказать, чтобы она существовала, и не существовала вмѣстѣ; въ ней нѣтъ ни существованія, ни несуществованія; должно отвергнуть всякое представленіе или мышленіе объ этомъ, но усвоеніе такой-то идеи какъ разъ и спасетъ тебя. При этой теоріи нѣтъ ни добра, ни зла, нѣтъ ни святыхъ, ни грѣшныхъ, нѣтъ ни міра, ни вѣры, ни Будды, ни его ученія, — и между тѣмъ все это существуетъ. Новое ученіе отличило себя особымъ названіемъ Махаяны — великаго хожденія, великаго бремени, потому что нужны великія силы, чтобы поднять его, не устрашиться исповѣдовать эту религію. Если Будда прежде училъ о четырехъ истинахъ, то, онъ, вѣдь, говорилъ это для мало способныхъ людей; для болѣе развитыхъ проповѣдовалъ о 12 ниданахъ, а для полныхъ умниковъ онъ преподалъ праджня-парамиту (новую философію). Но и это примиреніе не удержалось; явилось новое толкованіе, которое, хотя и не отвергало ученія о пустотѣ, о небытіи *я*, но въ то же время признавало душу, основываясь на допускающихъ всевозможное противорѣчіе въ выводахъ изъ ученія о пустотѣ: «Всѣ міры про-

изошли отъ души, или отъ мысли, говорила новая теорія; міръ, дѣйствительно, не имѣетъ никакого содержанія, пустъ, но въ немъ заключена чистая душа, загрязненная міромъ, мучимая въ мірѣ. Ее-й надобно освободить, говоритъ новая система, называемая то же Махайной. Между обѣими системами возникаютъ споры. Китайцы, раньше путешествовавшіе въ Индію, застаютъ у буддистовъ въ силѣ послѣднюю теорію и ее-то, главнымъ образомъ, себѣ и усвоиваютъ. Тибетцы являются позже, когда китайцы перестали уже ѣздить; къ нимъ пришли прогнанные изъ Индіи учителя буддизма. Въ то время въ Индіи опять осилила система уничтоженія, и потому тибетцы отдали ей предпочтеніе. Вотъ въ чемъ заключается главное отличіе китайскаго хошанства отъ тибетско-монгольскаго ламайства. Эти споры взялась примирить пятая система, развившаяся изъ началъ, положенныхъ въ основаніе всѣхъ предшествовавшихъ. «Что вы такъ хлопочете? говоритъ новая система. Что вы толкуете о теоріи, все говорите только о разумѣ? Съ умомъ не далеко уйдешь, надобно искусство, хитрость,—тогда если не въ настоящемъ, такъ въ будущемъ перерожденіи можно сдѣлаться Буддою, стяжать его троякое тѣло! Это трояков тѣло, т.-е. магическое или временное, вещественное или блаженное и отвлеченное, признавалось уже и прежде; говорили, что Бодисатва, сдѣлавшись Буддою въ мірѣ, пока учитъ, есть не болѣе, какъ магическое явленіе; что онъ въ то же время пріобрѣлъ тѣло духовное, не выходящее изъ небытія, хотя и пропитанное всесовершеннымъ разумомъ; но какъ воздаяніе за свои великіе подвиги, онъ имѣетъ еще тѣло блаженства, одаренное верхомъ красоты, т.-е. 32 признаками и 80-ю примѣтами. Признаніе алая—міровое души—не противорѣчило этому понятію. Новая система, если съ одной стороны признаетъ множество буддъ, то зато она готова утверждать, что можно обойтись и совсѣмъ безъ буддъ, можно прибѣгнуть и къ помощи иновѣрческихъ боговъ, можно достигнуть радужнаго тѣла, т.-е. безсмертія, превращаясь не въ будду, а прямо въ бога. Система эта согласилась причислиться къ Махаянѣ. Но Махаяна отличалась отъ стараго буддизма не однѣми своими теоріями, она хотѣла дать новое направленіе самой монастырской жизни; ввела даже новое посвященіе въ бодисатву (бодисатва—святая мысль, прилагается къ личности, возымѣвшей желаніе сдѣлаться буддою), удержавшееся въ Китаѣ до сихъ поръ. Въ старомъ буддизмѣ только одна монастырская жизнь, только одно посвященіе въ бикшу (монахъ) могло дать спасеніе; въ старомъ буддизмѣ не было никакой уступки міру, свѣтскимъ людямъ, которые своими подаяніями кормили его духовенство, выполнявшее обѣтъ нищенства. Новый—посмотрѣлъ на дѣло иначе: онъ поставилъ подаяніе на одну степень съ прочими парамитами, т.-е. паромами, перевозящими на другой берегъ спасенія, и даже во главѣ ихъ; онъ готовъ былъ дать названіе бодисатвы всякому, кто только возымѣетъ жела-

ніе спастись, произнести молитву объ этомъ; у него являются на сцену свѣтскіе семейные бодисатвы. Онъ относится также съ уваженіемъ къ труду и терпѣнью. Но теоретическіе споры скоро отвлекли новый буддизмъ отъ міра, свѣтскіе люди остались въ немъ только милостынедателями, данниками, кромѣ того мистическое ученіе, вводя особое посвященіе, не требуетъ непремѣнно принадлежности къ классу высшаго духовенства, но одного усвоенія буддійскихъ теорій. По мѣрѣ развитія ученія о четырехъ истинахъ раздвигается кругъ святыхъ, съ введеніемъ нидамъ являются новыя личности—пратьека—будды, съ махаяной бодисатвы; позднѣе ихъ раздѣлили на учащихся и неучащихся, назначили имъ десять степеней, или земель, по которымъ они должны были возвышаться: явились бодисатвы, нехотящіе даже сдѣлаться буддой, а вѣчно трудящіеся на пользу живыхъ существъ; бодисатва Виджрамани — хранитель таинственнаго ученія, считается учителемъ всѣхъ буддъ.

Сперва стали говорить, что Буддѣ Саньямуни предшествовали еще трое буддъ, къ нимъ снова прибавили троихъ, дальше назначили въ настоящемъ мірѣ 1000 буддъ, наконецъ, явились другіе міры, существующіе въ одно время съ нашимъ: въ нихъ свои будды и бодисатвы; однихъ именъ ихъ въ буддійской миѳологіи можно найти десятки тысячъ. Наконецъ, въ новѣйшемъ буддизмѣ у тибетцевъ явились живые боги—хинилые перерожденцы. Независимо отъ этого расширялись и самые міры. По мѣрѣ развитія теорій, увеличивалось и и собраніе священныхъ книгъ; ни одна теорія не обходилась безъ того, чтобы не приписать своего ученія Буддѣ, не издать книги отъ его имени. Даже многія книги, сочинители которыхъ были извѣстны по именамъ, старые буддисты хотѣли приписать Буддѣ. Обѣщались всевозможныя блага тому, кто будетъ читать, хранить и распространять священныя книги. Въ одной изъ буддійскихъ книгъ, Ганьжурѣ, считается 108 томовъ, а въ китайскомъ собраніи буддійскихъ книгъ, разгонисто напечатанныхъ—7800 тетрадокъ. Буддисты увѣряютъ, что книгъ было очень много, да онѣ сгорѣли. Содержаніе бо́льшей части буддійскихъ сочиненій представляетъ изображеніе обстановки, гдѣ находится Будда съ его учениками, по какому-нибудь поводу завязывается разговоръ между ними, иногда разговаривающіе занимаются восхваленіемъ этой самой книги. Изложеніе необыкновенно растянуто: можно впередъ наизусть прочитать то, что сказано въ цѣлыхъ томахъ, безконечно повторяются одни и тѣ же термины. Буддизмъ подвергался постояннымъ измѣненіямъ. Говорятъ, будто на одномъ изъ соборовъ была даже сказана фраза: «Что имѣетъ смыслъ, то и есть ученіе Будды». Впослѣдствіи буддизмъ, увлекшійся въ полемическіе споры съ другими сектами, выработалъ себѣ логику и діалектику. Китайцы еще не перевели этихъ книгъ. Первые представители буддизма вели самый строгій образъ жизни, это были отказавшіеся

отъ своего имущества нищіе, о чемъ свидѣтельствуетъ и самое слово бикшу. Вся ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы жить на кладбищахъ или гдѣ-либо подъ деревомъ на открытомъ полѣ, въ извѣстномъ разстояніи отъ человѣческихъ жилищъ, куда они должны были ходить каждое утро для испрашиванія милости именно настолько, сколько нужно, чтобъ быть сытымъ, поѣвъ одинъ разъ въ день прежде полудня. Платье ихъ должно было состоять изъ лоскутковъ, иногда вынутыхъ изъ помойныхъ ямъ или гдѣ-либо валявшихся. Индія—страна благодатная, тамъ легче было прожить такимъ образомъ. Строгій образъ жизни, естественно, вызывалъ къ бикшу всеобщее сочувствіе. Онъ возбуждалъ удивленіе, милостыня подавалась щедро, милостынедатели даже высказывали сожалѣніе, что отъ нихъ требуется такъ немного. Буддійскіе нищіе могли легко распространяться по Индіи; сперва они появляются въ загородныхъ садахъ, потомъ воздвигаютъ памятники въ честь своихъ знаменитыхъ личностей, въ память ихъ подвиговъ, и, разумѣется, прежде всего въ честь подвиговъ Будды Шакіямуни. Памятники эти двухъ сортовъ: прежде всего является чайтія или ступа, глухія пирамиды, передъ ними приносятся жертвы—вѣнки, матеріи. Въ знакъ религіознаго почтенія памятники эти содержатся въ чистотѣ, ихъ охраняютъ отъ разрушенія, внутри пирамидъ являются комнаты, а съ этимъ вмѣстѣ совпадаетъ построеніе храмовъ, въ которыхъ уже ставятъ кумиры Будды. Ступы, гдѣ находятся скрытыми или трупъ знатнаго лица, или его вещи, и храмы съ кумирами заставляютъ прежнихъ нищихъ строить жилища, образовывать вокругъ нихъ монастыри, въ которыхъ въ скоромъ времени монашеская жизнь является въ полномъ развитіи,—строятся уже и кельи и бани. Сначала опредѣленной только величины, чтобъ едва можно было помѣститься; впослѣдствіи это уже не нравится прежнимъ нищимъ: «Вѣдь, мѣрка келій учреждена Буддой, а онъ былъ, развѣ нашего роста?» говорятъ они. Но и этого мало: жертвователь построитъ келью еще больше, украситъ ее отъ себя; но чѣмъ же виноватъ нищій, неужели онъ долженъ отказаться и тѣмъ лишить жертвователя тѣхъ благъ, которыя можетъ доставить ему это пожертвованіе въ настоящей и будущей жизни? Вѣдь это значило бы огорчать его и подавлять въ другихъ чувство благочестія! И вотъ теперь буддійскіе монастыри въ Китаѣ удивляютъ своимъ великолѣпіемъ, своими храмами, великолѣпными пирамидами. Разрушенная недавно, всѣмъ извѣстная, Нанкинская башня, была не болѣе, какъ буддійская ступа. Китайскіе монастыри отличаются красотой и опрятностью; монахи разводятъ цвѣты, плодовыя деревья, чайныя плантаціи, виноградники; у нихъ есть и пашни, которыя обрабатываются учениками буддистовъ; тогда какъ въ первыхъ постановленіяхъ бикшу запрещалось копать землю, сажать цвѣты, рубить деревья. Въ Тибетѣ, въ Монголіи, монастыри, можетъ быть, не такъ чисты и опрятны,

какъ въ Китаѣ; но зато это часто цѣлые города, въ которыхъ насчитывается по три, по пяти и даже по восьми тысячъ монаховъ, не считая необходимыхъ при томъ купеческихъ лавокъ, мастерскихъ и т. п. Жилища знатныхъ ламъ занимаютъ при этихъ монастыряхъ мѣсто княжескихъ дворцовъ; всякій сколько-нибудь достаточный лама имѣетъ свой дворикъ, и монастырь вдоль и поперекъ перерѣзанъ улицами. Для Монголіи въ той части ея, гдѣ нѣтъ еще осѣдлости, такіе монастыри составляютъ маяки гражданской жизни. И все это разрѣшено самимъ Буддой. Онъ очень милостивъ: дозволяетъ все, что понадобится въ монастырѣ,—баня ли, кухня ли, диванъ ли въ кельѣ, нововведенія въ пищѣ и питьѣ. Монастырская жизнь сдѣлала и милостыню невозможною, да она оказалась и ненужною: цари, вельможи, простолюдины стали доставлять монастырямъ пропитаніе. Сперва присылали его ежедневно или приглашали къ себѣ бикшу цѣлыми толпами на угощеніе, затѣмъ приписали къ монастырямъ имущество, сдѣлали вклады. Однако же постановленіе ѣсть одинъ разъ въ день, и только до полудня, осталось въ силѣ, но его съумѣли обойти тѣмъ, что можно ѣсть для лѣченья. Китайскіе хошаны (буддійскіе духовные лица по-китайски называются хошанами, а потибетски ламами) и до сихъ поръ не ѣдятъ мяса и рыбы, даже не употребляютъ благовоннаго древеснаго масла, луку, чесноку, вообще всего, раздражающаго; а ламы отыскали въ Винаѣ мѣсто, гдѣ говорится, что они были бы еретиками, если бы не стали ѣсть мяса, надобно только, чтобы животное нарочно для нихъ не было бы заколото. Точно также обойдено и запрещеніе пить вино: стоитъ только назвать его лѣкарствомъ. И прежнее платье исчезло,—хошаны носятъ полотняное или бумажное чернаго цвѣта и стараго китайскаго покроя, а богатые ламы щеголяютъ даже въ шелковыхъ желтыхъ и красныхъ матеріяхъ, въ великолѣпныхъ бобровыхъ и собольихъ кафтанахъ. Хотя духовное платье шьется изъ лоскутковъ, но уже выкроенныхъ изъ новыхъ матерій. Оно надѣвается только въ важныхъ случаяхъ, а обыкновенная служба въ храмѣ производится въ носильномъ платьѣ; много, если на него накидывается сверху перевязь, въ родѣ нашего ораря. Старые буддисты не должны были ни торговать, ни прикасаться къ золоту, ни давать денегъ подъ проценты,—нынѣ въ Тибетѣ и Монголіи ламы—первые торгаши: это запрещеніе обойдено позволеніемъ заботиться о монастырскихъ доходахъ. Древніе буддисты не исчезли, они существовали даже въ 10-мъ столѣтіи нашей эры, но не имѣли постояннаго жилища, питались милостыней.

Могли ли эти буддисты бороться съ тѣми, которые, живя въ монастыряхъ, были сильны своими учрежденіями и отличались знаніями? Старымъ буддистамъ приходилось многому учиться у новыхъ и подражать имъ.

Прежніе бикшу могли и не знать никакихъ обѣтовъ: какія были

нужны правила въ то время, когда они бросали міръ и жили отдѣльно! Но съ появленіемъ монастырской жизни явились и грѣхи, и грѣшки, и провинности. Надобно было ихъ регулировать: одни названы тяжкими, другіе отпускаемыми, третьи — не требующими изслѣдованія, которое касается не только однихъ поступковъ монаха въ самомъ себѣ, но и въ сношеніяхъ его съ другими. Считаютъ всего 250 обѣтовъ, раздѣленныхъ на семь статей, но при тщательномъ разсматриваніи замѣтно, какъ статьи эти наростали въ кодексѣ дисциплины, а не появились всѣ сразу. Буддизмъ ввелъ у себя покаяніе,— оно было гласное. Онъ допустилъ монахинь и увеличилъ число ихъ обѣтовъ. Замѣтно, что сначала это допущеніе было сдѣлано съ неудовольствіемъ, ему приписываютъ паденіе буддизма. Съ монастырской жизнью у ламъ явились всякаго рода обряды, учителя и ученики. Прежде, при жизни Будды и при первыхъ патріархахъ, по словамъ самихъ буддистовъ, легко было сдѣлаться бикшу, стоило только явиться къ Буддѣ, онъ скажетъ: «милости просимъ, такой-то», и пришедшій становился бикшу, волосы сами спадали съ его головы. Обязанности посвященнаго были несложны; но по мѣрѣ ихъ усложненія, когда явилась монастырская жизнь, посвящаемаго стали допрашивать, свидѣтельствовать, испытывать, учить. Теперь берутъ учениковъ съ малолѣтства, обрѣютъ ихъ, одѣнутъ, какъ монаховъ, велятъ поклоняться или вѣровать 3-мъ драгоцѣнностямъ: Буддѣ, его ученію и сангѣ (духовенству или церкви). Но собственно посвященія еще никакого не дѣлаютъ; когда мальчикъ не прислуживаетъ, его учатъ; потомъ возлагаютъ на него восемь обѣтовъ и только въ 20 лѣтъ человѣкъ можетъ быть посвященъ въ бикшу (у китайцевъ даже въ бодисатву); но у ламъ не всѣ въ этомъ возрастѣ принимаютъ такое званіе, и многіе до старости остаются при маломъ посвященіи. Въ высшій духовный чинъ—настоятеля монастыря и консисторіальнаго начальника посвященія не бываетъ. Далай-лама и всѣ прочіе хутукту и хубилъ-ханы (это монгольскія названія, послѣднее значитъ перерожденецъ, а первое—возвышенный, святой; оно дается только извѣстнымъ личностямъ, утверждаемымъ правительствомъ) принимаютъ, когда наступитъ требуемый возрастъ, только посвященіе въ бикшу. Въ богослуженіи приняты лишь утреннія и вечернія молитвы; есть обряды, касающіеся исключительно учрежденій монашества: посвященіе, припамятованіе грѣховъ (покаяніе), собраніе для рѣшенія дѣлъ, споровъ и для выбора должностныхъ лицъ. У ламъ богослуженіе отправляется по закону, т.-е. смотря по взносу или заказу жертвователя: для него читается или цѣлый Даньяжуръ, или Ганьжуръ или Юмъ (слова тибетскія, первое значитъ собраніе словъ Будды, т.-е. книгъ, ему приписываемыхъ; Даньчжуръ — переводъ истолковательныхъ книгъ — собраніе всѣхъ сочиненій, составленныхъ въ Индіи отцами церкви; сюда вошли: логика, грамматика и медицина,

Юмъ—мать, названіе тибетской Парамиты). Соберется весь монастырскій составъ, раздѣлятъ книгу по листамъ и читаютъ всѣ листы разомъ, перерывая чтеніе выпиваніемъ чашки кирпичнаго чаю, приготовляемаго на счетъ жертвователя.

По предписанію Будды бикшу собираются 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца въ Потаду (такъ назывался старинный обрядъ) для слушанія, т.-е. повторенія принятыхъ обѣтовъ. Въ настоящее время буддизмъ является лучшимъ представителемъ науки едва ли не на всемъ востокѣ. Тибетскіе и монгольскіе монастыри имѣютъ факультеты богословско-философскіе, медицинскіе, математическіе, разумѣется, не безъ примѣси астрологіи. Этими-то именно познаніями ламы и съумѣли распространиться и сдѣлать себя необходимыми.— Но Китаю буддизмъ большой пользы не принесъ, хотя также покрылъ его монастырями и пирамидами, потому что не пріобрѣлъ тамъ господства.

Благодаря высокой морали, ученію о любви и милосердіи, легшей въ основу буддизма, онъ, какъ извѣстно, сдѣлался очень распространенной религіей: буддизмъ исповѣдуютъ около 500 милліоновъ человѣкъ. Китайскіе буддисты говорятъ, что ихъ религія распространилась въ этой странѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ученія о воздаяніи. Оно казалось вѣрующимъ уже большимъ утѣшеніемъ. Но теоретическое развитіе буддизма дошло на востокѣ до крайняго мистицизма: буддизмъ, наконецъ, готовъ былъ сдѣлать всякую тварь божествамъ. «Чтобы всѣ одушевленныя существа сдѣлались буддами!» такова самая обыкновенная фраза всякой религіозной статьи, всякой молитвы, всякой буддійской легенды. «Ни въ одной религіи не дается подробнаго отчета о томъ, какъ дѣлаются святыми,—всѣ говорятъ лишь, вообще, что нужно быть благочестивымъ, добродѣтельнымъ, молиться или приносить жертвы. Для буддизма этого недостаточно; онъ смотритъ на духовную природу, какъ на физическую; указываетъ въ ней механическіе и химическіе процессы, думаетъ вылѣплять изъ нея какія угодно фигуры и не затрудняется въ заготовленіи нужныхъ формъ для этой отливки. Конечно, сначала и въ немъ не было строгаго объясненія, какъ и почему дѣлаются архатами или буддами. Но послѣ оказалось даже недостаточнымъ мудренаго ученія объ отверженіи, т.-е. о стремленіи отрѣшиться отъ всего, при новомъ ученіи объ обладаніи всепроницающимъ разумомъ. По этому ученію надобно поставить свой духъ такъ, чтобъ онъ ничѣмъ не возмущался, находился въ совершенномъ спокойствіи, не допуская никакой дѣятельности, и чтобы, въ то же время разсуждалъ, проникалъ глубокія истины буддійскаго ученія, былъ погруженъ въ нихъ и весь пропитался ими. «Нужно достигнуть такого состоянія, чтобъ разсуждать, оставаясь въ полномъ покоѣ. И вотъ буддизмъ пишетъ цѣлую программу, какъ достигнуть этого состоянія», говоритъ г. Васильевъ.

Надобно пройти не менѣе пяти путей, изъ которыхъ каждый, можетъ быть, потруднѣе исполнить, чѣмъ погрузиться одновременно и въ покой и въ разсужденіе. Первый путь будетъ приготовительный, или, лучше сказать, заготовительный: нужно запастись нравственностью, созерцаніемъ и памятованіемъ о четырехъ главныхъ догматахъ. Послѣ этого вступаешь на путь дѣйствительный, въ которомъ надобно переходить состоянія теплоты, вершины, терпѣнія (не рождающаго, то-есть освобождающаго отъ дурныхъ перерожденій), проявленія святости. Далѣе вступаешь на путь прозрѣнія, въ которомъ переходишь отъ одной степени святости къ другой. Но этимъ только еще начинается путь созерцанія, который нуженъ былъ и сначала, который не отпадетъ и послѣ, когда вступишь въ послѣдній путь ученія, хотя объ этомъ пути, такъ какъ въ немъ надобно уже учиться, не знаютъ что и сказать. Изъ пяти путей заслуживаетъ особеннаго вниманія только созерцательный, потому что онъ составляетъ основаніе всего практическаго буддизма.

Созерцаніе буддиста съ самаго основанія буддизма должно было заключаться въ двухъ видахъ: или въ созерцаніи отвратительнаго или въ наблюденіи за дыханіемъ. Для возбужденія въ себѣ отвращенія ко всему и для обузданія страстей, бикшу представляетъ передъ собою трупъ въ различныхъ видахъ (сперва въ четырехъ, а потомъ въ девяти): почернѣвшимъ, гніющимъ, поѣдаемымъ червями, раздувшимся, покраснѣвшимъ, распадающимся, разъѣвшимся, сожженнымъ, имѣющимъ въ остаткѣ однѣ только кости. Далѣе онъ представляетъ все въ видѣ скелета, начиная отъ своего лба и наполняя скелетами безграничное пространство вселенной; наполнивъ ее такимъ образомъ, онъ убираетъ эти скелеты, очищая отъ нихъ вселенную вплоть до своего тѣла, котораго, на этотъ разъ, не долженъ касаться; затѣмъ, опять выдвигаетъ скелеты и убираетъ ихъ, оставивъ только одну половину своего черепа; когда въ третій разъ выдвигаетъ скелеты и убираетъ ихъ, онъ оставляетъ уже только свое междубровіе (?).

Говоря о другомъ процессѣ — наблюденіи за дыханіемъ (анапа), буддисты замѣчаютъ при этомъ, что онъ не заимствованъ отъ тиртикаовъ (иновѣрцевъ), а свойственъ только имъ однимъ, и имѣетъ въ виду устраненіе невѣжества. Этотъ процессъ заключается въ томъ, чтобы не думать ни о чемъ, кромѣ того только, какъ считать свое дыханіе и выдыханіе отъ одного до десяти разъ; пріучивъ себя къ этому, слѣдить потомъ за дыханіемъ уже безъ счету, отъ чего просвѣтлѣетъ душа, т.-е. будто будешь чувствовать, какъ дыханіе распространяется по всему тѣлу. Третье послѣ этого состояніе будетъ прекращеніе всѣхъ тѣлесныхъ дѣйствій или достиженіе покоя (шамата). Въ четвертомъ періодѣ возникаетъ, съ чувствомъ радости, анализъ нѣкоторыхъ душевныхъ проявленій, которыя въ слѣдующемъ

пятомъ періодѣ также надобно уничтожить; въ шестомъ періодѣ, обратясь къ себѣ, духъ уже не будетъ ни къ чему обращаться, или «ты будешь ощущать думою душу безъ всякихъ ея проявленій, говорится по этому поводу (?). Но собственно созерцаніемъ буддисты называютъ такое состояніе, въ которомъ мысль, обыкновенно переходящая, измѣняющаяся съ каждымъ моментомъ, остается неизмѣнною и во второй моментъ. Замѣчательно, что буддисты признали въ мірѣ существованіе атомовъ въ пространствѣ и моментовъ во времени и на нихъ основали утвержденіе о невѣчности или разрушеніи, потому что все съ каждымъ моментомъ становится другимъ, не тѣмъ, чѣмъ было. Слѣдовательно, если можно удержать душу неизмѣнною на другой моментъ, то это значитъ, можно придать ей и вѣчность; фантастическія легенды поэтически олицетворяютъ это погруженіе въ разсказѣ о томъ, какъ святой, достигшій подобнаго состоянія, извлекаетъ себя изъ подчиненности природѣ. — Время его не касается, пространство не переноситъ его съ мѣста, на которомъ онъ утвердился; міры создаются и разрушаются, а онъ все неподвиженъ, все тотъ же, даже въ томъ же тѣлѣ; начинается новый періодъ мірозданія; быть можетъ, его охватитъ морская пучина; быть можетъ, его закроетъ гора — что ему за дѣло до этого! Случайное явленіе развалитъ эту гору, люди подойдутъ къ тому мѣсту и увидятъ этого, за много міровъ погруженнаго созерцателя; если они съумѣютъ обращаться съ нимъ, польютъ его масломъ, начнутъ воспѣвать религіозные гимны при звукахъ религіозной музыки, то могутъ вывести его изъ самопогруженія: «Да это было въ періодъ такого-то мірозданія, теперь уже другой Будда!» скажутъ ему. — При такихъ словахъ, онъ поднимется на воздухъ и сгоритъ собственнымъ огнемъ или разсыплется прахомъ. Это значитъ, что такой человѣкъ достигъ Нирваны, то былъ Будда самъ по себѣ. — Исполненію предписаній анапы придаютъ способность переносить человѣка изъ нашего чувственнаго міра, называемаго обыкновенно міромъ страстей, въ другой міръ. Кромѣ чувственнаго, существуютъ еще два другіе: міръ формъ и міръ невидимый, каждый изъ нихъ раздѣляется на четыре сферы или слоя. Въ психическомъ мірѣ должны быть точно также два различныя состоянія души, съ восемью соотвѣтствующими подраздѣленіями. Созерцанія, или, лучше сказать, погруженія, соотвѣтствующія міру формъ, называются діянами, а соотвѣтствующія міру неформенному — самапатти. По словамъ буддистовъ, «если исполнишь предписанія анапы, то вступишь въ первую діяну; въ ней находишься, когда, отдѣлившись отъ всего дурного, предаешься размышленію, обдумыванію и происходящимъ отъ этого отдѣленія радости и блаженству, поэтому въ такой діянѣ являются еще пять членовъ, т. е. новыхъ состояній: витарка — обсужденіе или пробужденіе, когда, перенесясь въ міръ формъ, чувствуешь прикосновеніе къ своему чувственному тѣлу чистоты этого міра; обсужденіе новаго состоянія; радость отъ

этого чувствуемая; спокойное пользованіе такимъ состояніемъ; сосредоточеніе мысли послѣ этихъ ощущеній на одномъ концѣ. Достигнувши послѣдняго, почувствуешь отъ того новое состояніе радости и блаженства и вступишь во вторую діяну. Тутъ четыре факта: внутренняя чистота, свободная отъ всякаго мышленія, радость, наслажденіе и новое сосредоточеніе мысли. Когда, освободившись черезъ него отъ примановъ радости, погрузишься въ равнодушіе, помня и ощущая тѣломъ блаженство, то вступишь въ третью діяну, называемую неимѣющей радости. Она состоитъ изъ равнодушія, памяти и заботливости о возвращеніи блаженства, умѣнья усвоить своему тѣлу это блаженство, распространенія его по всему тѣлу, при чемъ оно становится совсѣмъ непохожимъ на то, какимъ было въ предыдущей діянѣ и сосредоточенія мысли. Когда, уничтоживъ самое блаженство, добрыя и дурныя помышленія, чувство удовольствія и ощущенія, достигнешь полнѣйшаго равнодушія и памяти (заботливости), то вступаешь въ четвертую діяну, въ которой находятся: отсутствіе пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, равнодушіе къ покинутому блаженству, память о сохраненіи настоящей чистоты, самое полное и совершенное сосредоточеніе мысли. Только эта діяна и есть настоящее созерцаніе или самопогруженіе. Она считается даже выше созерцаній, относящихся къ міру безформенному. Послѣднихъ тоже четыре самопатти, и онѣ носятъ названіе по именамъ четырехъ космологическихъ областей этого міра. «Когда, истребивъ всѣ представленія, приводишь душу въ состояніе безграничнаго неба, то и достигаешь состоянія, называемаго безграничнымъ небомъ». Тутъ на мѣсто міра формъ является міръ пустоты, остается только жизнь и теплота. Для этого надобно разбранить форму и выставить всѣ прелести безформенности; представить свое тѣло пустымъ, рыхлымъ, подобнымъ флеру; отъ тѣла должно переходить къ такимъ же представленіямъ о внѣшнемъ мірѣ: «уничтожай ухо, глаза, прочіе органы и внѣшніе предметы, возбуждающіе ихъ». Но и пустота имѣетъ свои недостатки,—надобно погрузиться въ безграничное знаніе, въ которомъ сливаются настоящее, прошедшее и будущее. Пустота есть нѣчто внѣшнее, нужно перенестись внутрь: «разбрани пустоту, восхвали знаніе»!

«Слѣдуетъ погрузиться въ то, въ чемъ ничего нѣтъ. Отсюда придешь въ состояніе, въ которомъ нѣтъ ни представленія, ни непредставленія».—Эти постепенные переходы изъ одного состоянія въ другое, изъ міра въ міръ, начавшіеся съ анапы, совершаются будто бы съ помощью восьми созерцаній, соотвѣтствующихъ какъ бы продолженію перваго процесса, т.-е. созерцанія отвратительнаго. Здѣсь эти созерцанія называются восемью отрѣшеніями—Симокта. Въ первомъ—созерцаются внѣшнія формы въ отвратительныхъ картинахъ до тѣхъ поръ, пока не получится свѣтъ восьми родовъ, въ которыхъ явится изображеніе Будды. Во второмъ черезъ разсматриваніе отвратитель-

ныхъ картинъ очищается внутренность, кости и тѣло распадаются, и изъ внутренней чистоты выходитъ лучевой свѣтъ, освѣщающій всѣ десять странъ (то-есть всю вселенную, всѣ міры). Третье отрѣшеніе состоитъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней чистотѣ, при чемъ разсматривается одинъ свѣтъ во всемъ его великолѣпіи, и отъ того рождается самое глубокое созерцаніе, соединенное съ блаженствомъ, свойственнымъ третьей діанѣ. Четвертое отрѣшеніе заключается въ созерцаніи пустоты, когда отвергнешь предыдущій свѣтъ и погрузишься въ напряженное состояніе безграничнаго неба. Далѣе переходятъ къ безграничному знанію, къ «ничему», въ чемъ нѣтъ ни представленія, ни непредставленія, и, наконецъ, къ уничтоженію ощущенія и представленія, или къ состоянію Нирваны.

Въ связи съ этими созерцаніями въ буддизмѣ есть еще другія созерцанія: восемь превосходныхъ и десять повсемѣстностей. Первыя состоятъ изъ созерцанія внѣшнихъ формъ не только въ отвратительномъ, но и въ прекрасномъ видѣ, безъ чувства отвращенія или влеченія къ нимъ сперва въ маломъ видѣ, потомъ въ увеличенномъ размѣрѣ; въ представленіи всего, по полученіи свѣта въ третьемъ отрѣшеніи, то чернымъ, то желтымъ и т. д. Въ десяти повсемѣстностяхъ все пространство, которое можетъ только обнять мысль, вся вселенная представляется не только въ черномъ, а потомъ въ желтомъ, красномъ, и бѣломъ цвѣтахъ, но и освѣщенною подобными цвѣтами; такъ какъ этого нельзя достигнуть вдругъ, то совѣтуютъ начинать съ небольшого пространства. Затѣмъ представленія заключаются въ наполненіи всего пространства сперва землею, потомъ водой, огнемъ, воздухомъ, пустотой (или небомъ), знаніемъ. Посредствомъ этихъ созерцаній, и именно посредствомъ восьми отрѣшеній, достигается верховное званіе, сопровождаемое шестью ясновидѣніями и прочими аттрибутами Будды. И вотъ, вмѣсто уничтоженія существованія, исчезновенія міра, создается существо высшее, самостоятельное, всесильное. — Будда владѣетъ языкомъ и ухомъ боговъ, знаніемъ чужихъ мыслей, воспоминаніемъ прошедшаго, чудотворною силою, — силою прекратить сансару, то-есть все существованіе. Онъ можетъ дѣлаться невидимымъ, взлетать на воздухъ, изъ верхней части тѣла испускать огонь, а изъ нижней воду, изъ одного сдѣлать многое, а изъ многаго одно; проходить сквозь стѣну, гору, выходить изъ земли и проваливаться сквозь землю; ходить по водѣ; испускать дымъ и пламя; держать въ рукахъ солнце и луну, управлять міромъ и проч. Словомъ, это почти полное понятіе о Богѣ-Творцѣ. Но между тѣмъ Будда — самъ существо созданное, только постепенно возвышающееся до этого званія. Впослѣдствіи Будда имѣетъ особый міръ для жилища, особые ингредіенты для составленія тѣла, притомъ у него три тѣла: особые виды разума. Позднѣе буддисты пришли къ соглашенію, что Будда всегда и всюду одинъ и тотъ же въ прош-

лемъ и будущемъ, но они согласились также признавать, что способы сдѣлаться Буддою не одинаковы. — Маханяническое ученіе требуетъ отъ Будды выполненія въ продолжительныхъ перерожденіяхъ шести парамитъ: за добродѣтели онъ получаетъ тогда тѣло блаженства, за метафизическія размышленія — высочайшій разумъ. — Окончательное развитіе буддизма на востокѣ выразилось въ системѣ волхвованія, имѣющей богатую литературу. У тибетцевъ это направленіе дошло до крайности. Буддизмъ въ своемъ первоначальномъ видѣ былъ совершенно чуждъ его; въ предписаніяхъ Винаи бикшу именно было запрещено заниматься чарами. Но подчиняясь вліянію разнообразной среды своего распространенія, буддизмъ все больше и больше измѣнялся съ теченіемъ времени, приноравливаясь къ понятіямъ его послѣдователей и все сильнѣе увлекаясь мистическимъ направленіемъ.

Высокая религіозная система, проходя черезъ несоотвѣтствующую ей грубую среду, естественно, должна была погрузиться въ безчисленныя суевѣрія и, наконецъ, перейти въ понятія, близкія къ грубому первобытному фетишизму полудикихъ и совершенно дикихъ народовъ. Этому способствовала и вѣротерпимость буддизма, его стремленіе къ подражательности. Легенды указываютъ, что волхвованіе пришло въ буддизмъ впервые съ запада и юга. Городъ Ганза почитается хранилищемъ таинственнаго ученія. Но трудно отличить, что было въ буддизмѣ только заимствованіемъ и что имъ выработано своего. Собственно буддизму, вѣроятно, принадлежитъ та часть волхвованія, въ которую входятъ теоретическія размышленія. Возникновенію буддійскаго волхвованія способствовало то магическое вліяніе, которое произвело на Индію первое знакомство съ письмомъ и грамматикою. Все это было сочтено за волшебство. Въ исторіи Даранаты существуетъ легенда о томъ, что грамата царя Асоки заставила драконовъ принести захваченныя ими богатства; тутъ вся легенда вертится на силѣ грамоты. Въ знакомствѣ съ грамматикою, которая потребовала вдумыванія въ сверхъестественное значеніе слова и отношеніе его къ предмету, буддизмъ отождествилъ слово съ означаемымъ имъ предметомъ, который, по его теоріи, пустъ. Такимъ образомъ, первымъ зародышемъ волхвованія было вѣрованіе въ д'арани. Это не то, что заклинанія, не то, что таинственныя формулы; это формулы, выражающія собой сущность или предмета, или силы, дѣйствующей въ природѣ, сущность теоріи, душу духа, бога, высшаго существа. Иногда это просто молитва, призываніе, иногда же наборъ словъ (Ириди, ириди, мириди, мириди, шириди, шириди, пхуе, пхуе, сваха), можетъ быть, даже иностранные слова. Уже и до этого въ буддизмѣ нерѣдко встрѣчается толкованіе о мистическомъ значеніи буквы, теперь эти буквы, вошедшія въ составъ д'арани, предписывается созерцать, то-есть, представлять или внутри себя, или передъ собою, въ извѣстномъ расположеніи, въ извѣстномъ свѣтѣ. Быть мо-

жетъ такая практика была введена сначала для того только, чтобъ учащійся запоминалъ начертаніе буквъ, заучивалъ главныя грамматическія правила. Если санскритъ не существовалъ уже въ то время, какъ разговорный языкъ, то, чтобы заставить ему учиться, стали прибѣгать къ восхваленію его таинственной силы. Въ Китаѣ мистицизмъ и волхвованіе выразились въ книгѣ Сянь-ши-юань-тунъ, т.-е. взаимная связь раціональнаго и таинственнаго ученія. Сочинитель этой книги сначала распространяется о томъ, что раціональное и мистическое ученіе не противорѣчатъ другъ другу; затѣмъ мистическое ученіе онъ видитъ только въ д'арани и, какъ представительницу ихъ, разбираетъ одну только д'арани Чжунь-да. Формула Чжунь-да, которая есть душа и мать семидесяти милліоновъ буддъ, слѣдующая: «Намо саптанамъ саміяксамъ Будда котинамъ тадіята: омъ чжале чжунь-де свака б'румъ». Будда говоритъ, что эта формула можетъ очистить всѣ десять простыхъ и пять смертныхъ грѣховъ, устранить всѣ препятствія, происходящія отъ проступковъ, доставить всѣ достоинства. Если владѣющій ею, — все равно духовный ли онъ или свѣтскій — произноситъ ее отъ чистаго сердца, то можетъ увеличить долгоденствіе, излѣчить даже, и не говоря о другихъ недугахъ, самую болѣзнь кямало. Если кто будетъ читать эту формулу ровно 49 дней, то бодисатва пошлетъ двухъ духовъ неотступно за нимъ слѣдовать и говорить ему о всѣхъ его помышленіяхъ, опредѣляя, которыя изъ нихъ дурны, которыя хороши. Если кто несчастливъ, не можетъ добиться званія, страдаетъ отъ бѣдности и огорченій, то пусть только читаетъ эту формулу, и тогда даже въ настоящей жизни онъ можетъ достигнуть званія чакравирти (самодержца), а не только что чего другого. Кто ищетъ разума, тотъ получитъ разумъ, кто проситъ дѣтей, тому дадутся дѣти, — словомъ, нѣтъ ни одного желанія, которое не исполнилось бы; эта формула подобна драгоцѣнности чинтамани, удовлетворяющей всѣ желанія. Читая ее, снискиваешь любовь и уваженіе отъ царя, вельможъ и народа четырехъ кастъ; когда они увидятъ тебя, то будутъ радоваться. Повторяющій эту д'арани не сгоритъ въ огнѣ, не потонетъ въ водѣ, ему не причинитъ вреда ни ядъ, ни завистники, ни непріятель, ни сильный злодѣй, ни злые драконы, звѣри, черти и проч. Если хочешь вызвать Браму, Индру, четырехъ Махараджа, боговъ Яму и другихъ и дать имъ какія-нибудь приказанія, стоитъ только прочитать эту д'арани, которая имѣетъ великую силу въ южномъ Джатбудвипѣ; черезъ нее можно сдвинуть гору Сутеру, изсушить океанъ; когда прочтешь ее надъ засохшимъ деревомъ, оно дастъ цвѣты и плоды; нечего и говорить о томъ, что, повторяя ее какъ слѣдуетъ, можно измѣнить свое тѣло, пріобрѣсти Риди-патти (магическую стопу) и отправиться на небо Тутита.

Если хочешь вѣчно жить или получить снадобье безсмертія, прочитай только эту формулу, и тогда явится къ тебѣ кто-нибудь: или

бодисатва Авалокитешвара, или Ваджрапани, и подадутъ его; съѣвъ снадобье, тотчасъ сдѣлаешься Рити, котораго жизнь продолжается столько же, сколько жизнь боговъ солнца или луны. Если повторить эту формулу, какъ слѣдуетъ, милліонъ разъ, то получишь силу побывать во всѣхъ мірахъ будды десяти странъ, поклониться имъ, послушать ихъ превосходнаго ученія и черезъ то достигнуть боди. Необходимость милліоннаго повторенія молитвъ, невыполнимаго для человѣческихъ силъ, заставила буддійскихъ ламъ изобрѣсти вертящіяся машинки, въ которыхъ вкладывались въ огромномъ числѣ писанныя молитвы д'арани. Каждый поворотъ колеса обозначалъ, что молитвы прочитаны столько разъ, сколько ихъ тамъ написано: для бога, вѣдь, все равно, читаютъ ли ихъ, или вертятъ. Если ты намѣренъ заняться совершеніемъ этой д'арани по закону манд'ала (магическій кругъ), то запасовь какъ можно болѣе жертвъ, выкопай землю и устрой жертвенникъ изъ благовонной глины; возьми новое, еще не употреблявшееся, зеркало и поставь его предъ кумиромъ Будды; пятнадцатаго луннаго мѣсяца ночью, обратясь лицомъ къ востоку, стань передъ зеркаломъ, принеси какъ можно лучшія жертвы, воскури успокоивающіе фиміамы, возлей чистѣйшую воду; потомъ, положивъ на сердце мудру (руки въ очень трудно складываемомъ положеніи пальцевъ), прочитай надъ зеркаломъ 108 разъ формулу и положа его въ мѣшечекъ, носи всегда при себѣ; всякій разъ, какъ вздумается произнести д'арани, поставь передъ собою зеркало, которое будетъ служить вмѣсто мандала, и, сдѣлавъ мудру, повторяй; если нельзя будетъ повторять каждый день передъ зеркаломъ, то требуется дѣлать это въ десять постныхъ дней мѣсяца, а въ другіе дни можно повторять и безъ зеркала, число повтореній примется въ счетъ.—Эта формула почитается выше всѣхъ и служитъ для приведенія въ силу и другихъ. Если кто не въ состояніи запомнить всей формулы, то начинай только со слова «омъ», потому что до этого слова въ формулѣ выражается лишь почтеніе, а самая д'арани начинается со слова «омъ». При всякомъ повтореніи сложи пальцы правой руки въ формѣ алмазнаго кулака (четыре пальца прижимаютъ большой) и этою рукою запечатлѣвай пять мѣстъ на тѣлѣ: сперва на лбу, потомъ на лѣвомъ и правомъ плечахъ, на сердцѣ и, наконецъ, на горлѣ. Это можетъ уничтожить всѣ демонскія навожденія, доставить все превосходное. Когда хочешь изгнать демоновъ изъ своего жилища, то должно прочитать 91 разъ д'арани Чжундэ подъ благовонною водою и окропить ею всѣ стѣны, углы, верхъ и низъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, оказалось недостаточнымъ простаго повторенія, придумали, что для того, чтобы д'арани имѣла обѣщанную силу, нужно соблюденіе извѣстныхъ условій, называемое выполненіемъ. Отъ этого частнаго ученія о значеніи одной д'арани, китайское сочиненіе переходитъ къ объясненію послѣ введенныхъ пріемовъ для выполненія какой бы то

ни было изъ нихъ. Такіе пріемы находятся въ прямой связи съ тѣми системами, которыя вошли въ составъ послѣдующаго развитія буддійскаго мистицизма, передаваемаго тибетцами. Выполненіе д'арани можетъ быть очень разнообразно соотвѣтственно способностямъ занимающагося и выбору самой д'арани. Оно бываетъ или югическое (созерцательное), когда, беря въ примѣръ д'арани Чжунь-да, представляешь въ серединѣ своего сердца чистою и прозрачною, какъ кругъ луны, букву «омъ», и вокругъ нея обвивающіяся съ правой стороны слоги чжа, лэ, чжу и т. д. до сва-ха; выполненіе дыхательное, когда при каждомъ вдыханіи и выдыханіи изъ себя воздуха, представляешь ясно, какъ выходятъ изъ тебя и входятъ слоги д'арани. Это вхожденіе должно представляться непрерывною цѣпью или нанизкою буквъ въ видѣ лучезарныхъ жемчужинъ; или при выдыханіи изъ себя воздуха, представляй, что расположенные на лунномъ кругѣ твоего сердца девять складовъ (омъ, чжа, лэ, чжу, лэ, чжун, до, сва, ха) выходятъ черезъ твой ротъ въ видѣ нанизки, издавая пятицвѣтные лучи, и войдя въ ротъ бодисатвы, Чжунь-да, кладутся на лунный кругъ сердца бодисатвы, наоборотъ, при вдыханіи въ себя, буквы бодисатвы входятъ въ твой ротъ; алмазное выполненіе состоитъ въ томъ, что во время произнесенія д'арани, не шевеля губами и зубами, чуть ворочаешь языкомъ внутри рта; повтореніе тихое, когда слышишь только самъ, а между тѣмъ каждый слогъ произносится отдѣльно и внятно; нужно и повтореніе громкое. Сверхъ того, повтореніе бываетъ или по счету на четкахъ, или безъ счету; въ первомъ случаѣ должно опредѣлить напередъ число разъ, которое намѣреваешься повторить, и уже никакъ не прекращать до тѣхъ поръ, пока не окончишь. Чтеніе производится или одинъ разъ въ день поутру, или два, три раза, т.-е, сверхъ утра еще въ сумерки и въ полдень. Читающій д'арани долженъ привести свое тѣло, слово и духъ въ таинственное соотвѣтствіе съ формулою; первое выражается мудрами, второе — самымъ чтеніемъ, а третье, когда или представляешь себѣ начертаніе буквъ или слѣдишь за звуками, или представляешь бодисатву Чжунь-да, или его аттрибуты: шестъ, вазу, цвѣты, плоды и проч. Передъ началомъ повторенія какихъ бы то ни было д'арани, нужно еще соблюдать извѣстный пріемъ: сперва погрузиться въ созерцаніе (самади), очищающее духовное бытіе (д'армад'ту). Оно состоитъ въ томъ, что представляешь на своей макушкѣ слогъ рамъ, лучезарный, какъ драгоцѣнность мани, или полную луну; затѣмъ должно 21 разъ произнести: омъ, рамъ! Этому процессу приписывается сила очищенія жилища, платья, тѣла, что и называется очищеніемъ и духовной стихіи: оно выше, чѣмъ омовеніе водой. Другой пріемъ: превратя представляемый на макушкѣ слогъ рамъ въ трехъ-угольное огненное колесо, которое пережигаетъ все твое тѣло отъ макушки до пятокъ, такъ что останется только одно духовное бытіе. Потомъ представь,

что возродилась вновь буква А и произвела твое тѣло. Затѣмъ воображай слогъ Амъ посреди крестоваго шва макушки,—это почитается символомъ возліянія или таинственнаго посвященія буддами своего сына. Третій пріемъ состоитъ въ представленіи своего сердца въ видѣ луннаго круга, посреди котораго находится или буква омъ, или буква А, или слогъ хуанъ, или вмѣсто сердца, эти слоги можно представлять и на языкѣ. Представляютъ также, что изъ шеи выходитъ лотосъ, и на немъ является буква А, которая превращается въ лунный кругъ, а этотъ въ слогъ хумъ, онъ—въ пятиколѣнчатый алмазный жезлъ, который мысленно переносится на языкъ, дѣлающійся отъ того алмазнымъ. Еще можно представить девять лучезарныхъ слоговъ д/арану Чжунда, расположенными на различныхъ частяхъ тѣла: омъ—на головѣ, чжа—на глазахъ, ла—на шеѣ, чжу—на сердцѣ и проч. Послѣ такого рода пріемовъ приступаютъ и къ самому повторенію.—Дальнѣйшее развитіе буддійскаго мистицизма происходило уже не въ Китаѣ, а въ Тибетѣ, гдѣ онъ образовалъ собою цѣлую огромную систему, создалъ полное новое ученіе. Мистическій буддизмъ старался увѣрить, что и онъ принадлежитъ къ ученію Будды, что переходъ отъ духовнаго, отъ размышленій теоретическихъ къ практическимъ, исполненію его предписаній—самый естественный. Первоначально буддисты заимствовали чары извнѣ, стали ими заниматься только между дѣломъ, а потомъ предались этрму исключительно. Но занятія чарами и книги, къ нимъ относящіяся, появились въ буддизмѣ лишь очень поздно. Этотъ отдѣлъ книгъ въ буддійскихъ сочиненіяхъ носитъ названіе тантръ. Тантры указываютъ какъ совершить искусственное Я, безъ котораго нельзя было бы величайшимъ разумамъ доставлять пользу существамъ. Тантръ безчисленное множество, но ихъ раздѣляютъ на 4 главныхъ отдѣла. Въ каждомъ отдѣлѣ книги считаются тысячами, а въ одномъ изъ нихъ 160 милліоновъ. Тибетскій мистицизмъ доходитъ до ужасныхъ размѣровъ въ области чудеснаго. Явилось ученіе о вѣдьмахъ, а вмѣстѣ съ этимъ буддійское волхвованіе принимаетъ злодѣйское и, вообще, безнравственное направленіе. Волхвованіемъ занимаются, главнымъ образомъ, для того, чтобы, подъ видомъ защиты ученія, имѣть силу дѣлать зло; чтобы для превращенія себя въ божество, достигнуть связи съ неземными духами женскаго пола.

Буддисты раздѣляютъ мірскихъ боговъ на три разряда: владѣющихъ богатствами, наслажденіями и просто мірскихъ. Въ pendant имъ, буддизмъ надѣлалъ нѣсколько разрядовъ и своихъ внутреннихъ боговъ. Но одинъ и тотъ же богъ можетъ представляться въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и съ разнообразными легендами. Буддой является даже женщина. Выработываются различные и въ высшей степени странные способы заклинаній; доходятъ, наконецъ, до безнравственныхъ изображеній. Такъ исказилась съ теченіемъ времени подъ влія-

ніемъ среды возвышенная, чистая и чуждая всякой грубой матеріализаціи въ своей основѣ религія.

Но если буддизмъ дошелъ до такого состоянія, перейдя къ болѣе низшимъ расамъ и существуя въ разнообразныхъ странахъ, то національная китайская религія — даосизмъ представляетъ своей исторіей подобный же печальный процессъ (хотя и не дошедшій до той же крайности) регрессивнаго движенія религіи, находящейся въ теченіе многихъ вѣковъ у одного и того же народа и въ одной и той же странѣ. Перемѣна эта произошла съ даосизмомъ отчасти подъ вліяніемъ буддизма. Но, главнымъ образомъ, она коренится въ туземныхъ условіяхъ жизни китайскаго народа.

Возникновеніе даосизма было слѣдствіемъ быстро развивающейся цивилизаціи древней китайской жизни. Онъ считался вначалѣ, по преимуществу, религіей китайской интеллигенціи и былъ выработанъ ея общими силами. Но основаніе даосизма приписывается, исключительно, философу Лаоцзы, родившемуся за 604 года до Р. Х., потому что онъ формулировалъ въ видѣ метафизической абстракціи, быть можетъ, не ясно еще сознаваемыя, существовавшія тогда понятія и написалъ книгу о пути и добродѣтели — «Дао-де-цзинъ».

Возвышаясь надъ уровнемъ народной массы, передовые люди Китая не могли уже удовлетворяться полученными по преданію древними примитивными культами предковъ и природы съ ихъ суевѣріями и стали относиться къ этому скептически. Вслѣдъ затѣмъ, естественно, должны были выработаться болѣе возвышенныя религіозныя идеи, заключающія въ себѣ, какъ это всегда бываетъ въ первобытную пору историческеой народной жизни, и общее міровоззрѣніе народа, т. е. его философію. Даосизмъ въ своемъ первоначальномъ видѣ представляетъ высшій моментъ развитія китайской мысли вообще, никогда не поднимавшейся выше этого и впослѣдствіи; онъ какъ бы завершаетъ собой естественный историческій процессъ ничѣмъ не стѣсняемаго развитія религіознаго чувства и философской мысли народа. Въ книгѣ своей Лаоцзы опредѣленно высказываетъ возрѣнія на все то, что составляетъ коренной интересъ философіи вообще: многообразіе видимаго міра онъ свелъ къ абсолютно единому, которое въ такой формѣ уже не можетъ быть ни опредѣляемо, ни анализировано человѣческимъ мышленіемъ. (Какъ близки эти понятія къ современной европейской философіи!) Въ идеѣ о Божествѣ даосизмъ доходитъ почти до того, что называется монотеизмомъ — высшей формой религіознаго сознанія человѣчества: верховное Дао изображаемое, творцомъ, отъ котораго все происходитъ, и къ которому все снова возвращается, считается всемогущимъ и непостижимымъ: оно и первобытная сила, и первобытная матерія, и первобытная идея, Дао предшествуетъ видимому многообразію предметовъ природы: «глубоко и неистощимо Дао, — это бездна, породившая всѣ предметы, весь видимый міръ!».

Возникновеніе и уничтоженіе индивидуальностей есть не что иное, какъ обнаруженіе жизни вѣчно-сущаго Дао. Прекращеніе индивидуальнаго существованія называется покоемъ; достиженіе покоя — исполненіемъ своего назначенія, исполненіе назначенія называется вѣчностью. Дао — міровая матерія, міровая сила, міровой разумъ! Высшее благо для людей — не имѣть собственныхъ желаній и всегда согласоваться съ Дао. Указывается очень высокій идеалъ истинно-должнаго поведенія для человѣка: «добродѣтель въ высокомъ смыслѣ есть не что иное, какъ слѣдованіе по пути Дао, это значитъ познать самого себя, ограничить свои желанія, побѣдить свои страсти: состраданіе, бережливость и смиреніе, не позволяющее домогаться первенства въ мірѣ, вотъ три драгоцѣнности, которыхъ я держусь», говоритъ Лаоцзы. Онъ первый отвергъ самостоятельность и неуничтожаемость души, на вѣрованіи въ которую основанъ культъ предковъ: «Кто умирая не погибаетъ, говоритъ Лаоцзы, тотъ долговѣченъ. Кто познаетъ вѣчное, тотъ становится образцовымъ, постепенно сливается съ Дао и дѣлается продолжительнымъ, вѣчнымъ. Такой человѣкъ не подвергается опасности уничтоженія даже, когда и прекращаетъ свою земную жизнь. Если тѣло, возникшее изъ Дао, какъ міровой матеріи, въ нее возвращается послѣ смерти человѣка, то и душа, какъ часть того же Дао — мірового разума, имъ поглощается и въ его вѣчномъ бытіи находитъ свое существованіе. Слѣдовательно, душа можетъ считаться безсмертной только по отношенію къ тѣлу, — она смертна по отношенію къ Дао, которымъ поглощается, теряя свою индивидуальность, какъ и все, существующее въ мірѣ. Такому же уничтоженію должны подвергнуться и всѣ другіе предметы китайскаго политеизма: небо, земля, духи вообще, и прочее. Это подрывавшее культъ предковъ воззрѣніе, которое для многихъ еще было слишкомъ возвышенно въ Китаѣ, выражено въ книгѣ Лаоцзы довольно неяснымъ, отрывочнымъ слогомъ, вѣроятно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатковъ, свойственныхъ китайскому языку вообще, на которомъ трудно точно передавать мысли, и потому оно не было понято какъ слѣдуетъ его продолжателями: одни изъ нихъ, останавливаясь на положеніи, что душа безсмертна, уклонились въ мистицизмъ и предались алхиміи, отыскивая тотъ жизненный элексиръ, употребляя который, человѣкъ могъ бы соединить безсмертіе духа съ безсмертіемъ тѣла (отсюда вѣра въ существованіе людей, избѣжавшихъ смерти и продолжающихъ жить въ уединенныхъ горахъ или на небѣ, куда они взлетѣли еще живыми); другіе, глубже усвоившіе ученіе о Дао, остановились на мысли объ уничтожаемости души и развили эту мысль, главнымъ образомъ, въ практически-популярномъ направленіи. Дѣятельность этихъ философовъ больше всего разрушала примитивную вѣру китайцевъ. Они говорили, что, если строго выполнять предписанія китайскаго траура, то людямъ некогда будетъ заниматься прак-

тически полезными дѣлами и выполнять свои обязанности вообще: «Нынѣ, по ихъ словамъ, при погребеніи князей и вельможъ устраиваютъ большую гробницу, три отдѣленія которой наполняютъ всевозможными разнообразными предметами, даже и живыми существами, убиваютъ землю и воздвигаютъ могильный курганъ, хотя и безъ того всякая могила устраивается въ горѣ. Невозможно и вычислить, какого труда и скольких средствъ требуетъ это отъ народа... Въ древности въ государствѣ Янь, которое было на югѣ отъ удѣла Чу, по смерти кого-либо соблюдался такой обычай: давали тѣлу сгнить и, бросая прахъ, закапывали кости покойника, которому потомъ оказывалось чествованіе его благочестивыми сыновьями. Въ государствѣ Ибинъ, находившемся на западѣ отъ удѣла Цинь, былъ другой обычай: когда кто-либо умиралъ, то сооружали костеръ и сожигали тѣло покойника, полагая, что душа усопшаго возносится вмѣстѣ съ дымомъ; послѣ этого усопшему оказывалось чествованіе со стороны его благочестивыхъ сыновей... Философъ Моцзы рекомендуетъ слѣдующія правила погребенія и траура: «Трехвершковой толщины гроба достаточно, чтобы сохранить кости, пока онѣ не сгніютъ; трехъ паръ платья достаточно, чтобы сохранить мясо, пока оно не сгніетъ; глубина могилы должна быть такова, чтобы только вода не проходила и дурной запахъ не проникалъ наружу; могильная насыпь должна быть настолько высока, чтобы могла обозначать мѣсто могилы; поплакать достаточно только при проводахъ покойника, а потомъ слѣдуетъ предаться обычнымъ занятіямъ; жертвоприношенія и молебствія усопшему родителю должны выражаться, главнымъ образомъ, въ крайней почтительности къ нему». Сюнь-цзы идетъ въ отрицательномъ направленіи еще дальше: «Ли (правила, обряды) есть то, что научаетъ насъ должнымъ образомъ относиться къ рожденію и смерти. Рожденіе — начало человѣческой жизни, смерть — конецъ ея. Если начало и конецъ благополученъ, то путь человѣка конченъ (т.-е. онъ исполнилъ свое назначеніе, поэтому лучшіе люди внимательно относятся къ началу и осторожно къ концу. Относиться одинаково какъ къ концу, такъ и къ началу, — вотъ путь лучшихъ людей, вотъ что предписываютъ правила и обряды. Относиться со вниманіемъ къ живымъ людямъ и безъ вниманія къ мертвымъ — это значитъ быть почтительнымъ къ тѣмъ, кто имѣетъ сознаніе, и небрежнымъ къ тѣмъ, которые уже не сознаютъ; такое поведеніе свойственно извращенному человѣку и свидѣтельствуетъ о его испорченномъ сердцѣ... По закону природы смерть бываетъ однажды и не можетъ повторяться, поэтому питаютъ глубокое уваженіе къ мертвымъ. Служить живымъ безъ преданности, величать ихъ, не имѣя къ нимъ почтенія, — это называется дикостью; поступить такъ въ отношеніи мертвыхъ, значитъ оказывать имъ пренебреженіе. Лучшіе люди считаютъ дикость недостойною себя и стыдятся пренебреженія къ чему-либо».

Другіе философы проповѣдуютъ эпикурейское стремленіе къ наслажденію земной жизнью, такъ какъ по смерти человѣкъ становится похожъ на пень или кусокъ земли и ничего уже не ощущаетъ. Отрицаніе безсмертія популяризировалось въ Китаѣ не только письменными трудами, но даже иногда и устной проповѣдью. Наконецъ, явились отрицатели, подрывавшіе вѣру какъ въ безсмертіе души человѣческой, такъ и въ какихъ бы то ни было духовъ: они указывали на неточность предѣловъ, приписываемыхъ вѣдѣнію разнообразныхъ духовъ.

Подъ вліяніемъ философіи даосизма увеличилось число китайскихъ мыслителей вообще. Подвергались философскому анализу вопросы логики, этики, сущности законодательства, военнаго искусства, естественной исторіи, писались трактаты о формѣ земли, временахъ года и проч. Но этотъ періодъ высшаго развитія китайскаго раціонализма, какъ извѣстно, былъ непродолжителенъ. Все свелось къ конфуціанству и сосредоточилось на его развитіи; а конфуціанскіе ученые занимались почти исключительно только вопросами этики, въ примѣненіи ихъ къ практической жизни, и вырабатывали теорію усиленія верховной власти и централизаціи государства. Выросши, наконецъ, въ громадную политическую силу, конфуціанство опутало своими сѣтями всю жизнь народа и значительно сократило ея естественное прогрессивное движеніе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого же обстоятельства измѣнилось и направленіе даосизма, предавшагося, главнымъ образомъ, мистицизму,—быть можетъ, въ особенности потому, что его избѣгало старое конфуціанское ученіе. «Даосизмъ всегда старался быть протестомъ конфуціанству. Для этой цѣли онъ сгруппировывалъ вокругъ себя все, что было недосказано въ области религіи конфуціанствомъ, чего конфуціанство не хотѣло принимать, какъ пришлое извнѣ. Съ такой точки зрѣнія можно даже еще болѣе расширить рамки даосизма: все, что въ китайской, хотя бы даже и конфуціанской литературѣ, не принадлежитъ къ серьезнымъ трактатамъ объ обязанностяхъ человѣка или къ философскимъ воззрѣніямъ новаго конфуціанства, можно причислить къ даосизму. Китайская литература обладаетъ обширнымъ собраніемъ романовъ и повѣстей, основанныхъ на чудесномъ; это чудесное встрѣчается и въ драмахъ, намеки на него—любимый оборотъ поэтовъ; чудесное входитъ въ исторію дѣйствительныхъ историческихъ личностей, ихъ жизнь обставлена также легендами; всѣ такія произведенія китайской фантазіи, все, въ чемъ отражаются народныя повѣрія, хотя бы въ самой наукѣ, все можетъ быть названо даосизмомъ. Сюда можно причислить даже всѣ мнѣнія тайныхъ обществъ и сектъ, потому что они борются съ неудовлетворяющимъ ихъ конфуціанствомъ; самое слово «секретъ», талисманъ уже въ духѣ даосизма. Даосизмъ сталъ разнообразнымъ составомъ всякаго рода вѣрованій и пріемовъ, не имѣющихъ между собою ни-

чего общаго, даже не старающихся обобщиться посредствомъ какой-нибудь системы. Общаго у всѣхъ только одно имя стараго учителя Лаоцзы. Но главная его основа—суевѣрія, вѣрованіе въ возможность достигнуть продолжительной жизни—безсмертія. Онъ стремился найти средства къ этому въ діететическихъ предписаніяхъ, толкуя о пищѣ, о вліяніи слюны, постукиваніи зубами, дерганіи волосъ, гимнастическихъ позахъ. Познакомившись съ буддизмомъ, даосизмъ передѣлалъ изъ него созерцаніе. Важнымъ средствомъ для продолженія жизни считалось составленіе пилюль. Обращались и къ составленію талисмановъ, заключавшихся, большею частію, въ вычурныхъ фигурахъ, предполагаемыхъ выраженіемъ сочетанія 8-ми видовъ чистѣйшаго воздуха. Это можно также приписать вліянію буддизма. Даосизмъ принялъ окончательную форму религіи только тогда, когда распространился въ Китаѣ буддизмъ. Между буддистами были большіе фокусники, китайцы называли ихъ однимъ именемъ съ даосами. Когда буддизмъ сталъ распространять свою литературу, старые даосы также начали издавать свои книги по образцу буддійскихъ, примѣняя ихъ къ Лаоцзы, изъ котораго они по примѣру Будды, сдѣлали бога Лаоцзюнь'я», говоритъ г. Васильевъ. Этотъ Лаоцзюнь родился самъ собою прежде великаго несуществованія, онъ не имѣетъ причины для своего происхожденія, его нельзя опредѣлить бытіемъ вселенной. Катясь вмѣстѣ съ великимъ Дао, Лаоцзюнь создалъ вселенную, разливаетъ дыханіе во всѣхъ странахъ; онъ ниспускается, какъ государственный учитель, во всѣ времена, хотя люди и не знаютъ болѣе того, что при династіи Чжоу Лаоцзюнь снова воплотился въ фамиліи Ли и родился изъ лѣваго бока (какъ и Шакія-муни).

Названіе Лаоцзы (стараго философа) показываетъ происхожденіе его прежде неба и земли, но что между людьми, а это названіе началось прежде безчисленнаго множества калпъ. Буддисты говорятъ о безначальности міра, и даосы, по ихъ примѣру, составили ученіе о калпахъ; буддисты толкуютъ о существованіи трехъ міровъ, и даосы вводятъ ихъ у себя, даже называютъ тѣми же именами, описываютъ, подобно буддизму, ростъ, образъ жизни, одѣянія небожителей. Но чтобы скрыть передѣлку, выше этихъ міровъ, даосскія книги принимаютъ четыре неба Брамы и міръ Брамы Пурохиты, извѣстные и буддійской космологіи. Названіе 4-хъ Двиповъ тоже чисто буддійское. У буддистовъ есть ученіе о преемствахъ, и даосы сочинили, будто ученіе Лаоцзы переходило отъ него изъ рукъ въ руки. У буддистовъ есть ученіе о трехъ янахъ, о двѣнадцати формахъ въ религіозныхъ книгахъ; даосы выводятъ на сцену трехъ баоцзюней, изъ которыхъ каждый произноситъ по Янѣ, состоящей изъ 12-ти отдѣловъ. Первая, переведенная въ Китаѣ, буддійская книга называлась 42-хъ-статейною; у даосовъ является тоже 39 статей, изъ которыхъ каждая произнесена однимъ изъ боюцзяней. Во многихъ книгахъ названія ихъ

въ концѣ также сходны съ буддійскими; но даосы стараются перещеголять буддистовъ богатствомъ фантазіи, или лучше сказать, наборомъ словъ: «Слышалъ (у буддистовъ), что когда не было еще неба и земли, только нашъ Лаоцзюнь существовалъ въ пустомъ началѣ, о которомъ нельзя сказать, чтобъ его не было, потому что изъ него родились всѣ твари. Потомъ, внѣ восьми странъ свѣта (востокъ, сѣверо-востокъ и проч.), мало-по-малу начали образовываться міры (высчитываются различные періоды хаоса), наконецъ, является Тайчу (зародышъ, первое существованіе). Въ это время Лаоцзюнь ниспускается изъ пустоты и дѣлается учителемъ Тайчу; онъ произноситъ изъ своихъ устъ книгу о сотвореніи міра въ 48,000 главахъ, каждая глава состоитъ изъ 48,000 словъ, каждое слово было въ 100 миль (ли!). Тайчу тогда только раздѣлилось на небо и землю,— чистое отдѣлилось отъ мутнаго; явились образы, опредѣлились сѣверъ, югъ, направились востокъ и западъ, поднялись солнце и луна; но еще не было людей, которые создались потомъ изъ чистой эссенціи неба и земли. За періодомъ Тайчу является періодъ Тайши (первоначальный), за нимъ Тайсу (простой); далѣе періодъ Хунь-тунь (хаосъ), въ которомъ появляются горы и рѣки; затѣмъ идутъ другіе періоды. Во все это время Лаоцзюнь принимаетъ видъ учителя и преподаетъ ту или другую книгу съ вычурными заглавіями. (Въ этомъ уже видно вліяніе конфуціанства: китайцы и въ божествѣ не могутъ представить себѣ ничего выше идеала учителя!). Послѣ періода Тайлянь является Фуси (древній китайскій императоръ), при которомъ Лаоцзюнь ниспустился на землю подъ именемъ Ухуа-цзы для наученія его восьми гуа (въ Ицзинѣ)... По образцу буддистовъ и у даосовъ явились обѣты: не убивать живыхъ существъ, не пить вина, не одобрять словами того, чего не одобряешь сердцемъ; не воровать и не предаваться сладострастію. Есть десять добрыхъ дѣлъ: почтительность къ родителямъ, уваженіе къ государю и учителямъ, любовь ко всѣмъ тварямъ, терпѣніе, чистота, самопожертвованіе, питаніе всѣхъ тварей (въ томъ числѣ сѣяніе травъ, сажаніе деревьевъ, разведеніе лѣсовъ); устройство гостинницъ по дорогамъ (караванъ-сараи); доставленіе другимъ пользы, просвѣщеніе неразумныхъ; чтеніе священныхъ даоскихъ книгъ (трехъ драгоцѣнностей); приношеніе куреній, цвѣтовъ и жертвъ. Съ цѣлью скрыть слѣды заимствованія даосы, чтобы отвлечь подозрѣнія, написали книгу о томъ, какъ Будда былъ просвѣщенъ, или, лучше, рожденъ Лаоцзы и тѣмъ старались дать понять, что если ихъ книги и походятъ на буддійскія, то это значитъ, что буддисты подражали имъ, такъ какъ Лаоцзы, что извѣстно и по исторіи, отправился на западъ, слѣдовательно, просвѣтилъ тамошнія страны. Буддисты страшно негодовали на такое оскорбленіе, при всякой возможности протестовали противъ существованія этой книги и при Монгольской династіи, въ царствованіе Хубилая,

добились даже повелѣнія ее сжечь и истребить. Но даосизму буддизмъ нуженъ былъ только для образца: прежде онъ не зналъ еще, какъ пишутся религіозныя книги, а теперь началъ составлять свои, и не подделываясь къ буддизму, передавая въ нихъ или народныя вѣрованія, или просто наполняя ихъ своими фантазіями. Въ этомъ случаѣ даосы возвращаются къ прежнимъ китайскимъ бреднямъ. Конфуціанцы уважали письменность,—даосы стали говорить о первоначальномъ ученіи, что оно писалось іероглифами 8-ми сочетаній, составленныхъ изъ нѣжнѣйшаго воздуха, писанными кистью великаго праведника Кунъ-юнь (пустое облако), и что книги состояли изъ золота, листы изъ яшмы и полагались въ книгохранилищѣ, находившемся выше небесъ, въ башнѣ изъ семи драгоцѣнностей. Сверхъ этого общаго письма, есть еще письма курсивныя восьми драконовъ, объемомъ въ квадратную сажень, составленныя изъ взлетѣвшаго въ высоту воздуха, которыхъ начало принадлежитъ небесамъ. Есть письмена мистическія (фу-талисманы), въ которыхъ чистѣйшее дыханіе Дао, означенное на бумагѣ чернилами, встрѣчаясь съ чистѣйшимъ духомъ вещей, отвращаетъ ложное, помогаетъ прямому, призываетъ всѣ благополучія, управляетъ перерожденіями, сохраняетъ цѣлыя калпы. Есть письмена яшмовыя, драконовыя, фениксовыя, каменныя, золотыя на яшмовыхъ дощечкахъ. Явилось уже 18 своеобразныхъ системъ, разсказывающихъ различно о періодахъ міроздания.

Даосы составили свою космологію, по которой считается девять небесъ; каждое изъ нихъ управляется особымъ государемъ. Поверхъ этихъ небесъ есть еще небо Дало (большая сѣть), не имѣющее уже властителя и облегающее всѣ небеса; эта великая пустота покрыта еще разноцвѣтною радугою, по цвѣту которой небо называется желтымъ, мрачнымъ, голубымъ и т. п. Звѣздное небо стало играть важную роль у даосовъ. Эссенція янъ составила солнце, эссенція юнь—луну, а обѣ вмѣстѣ образовали звѣзды и созвѣздія, изъ которыхъ одни называются смежными, а другія нанизанными. Сѣверное созвѣздіе занимаетъ главное мѣсто и составляетъ средоточіе всѣхъ духовъ; каждая звѣзда имѣетъ своего правителя, но всѣ онѣ вмѣстѣ зависятъ отъ сѣвернаго духа, который живетъ въ темно-красномъ дворцѣ и называется властителемъ великаго единства (Тай-и-цзюнь). Духъ полярной звѣзды (бэй-цы), по другой системѣ, еще выше: онъ завѣдуетъ девятью небесами, пятью пиками (горами), повелѣваетъ всѣми учащимися на землѣ. Сѣверная Медвѣдица имѣетъ государя, который прежде былъ китайцемъ изъ мѣстности Цзянь-ся, онъ завѣдуетъ всѣми безсмертными. Изъ девяти звѣздъ, составляющихъ это созвѣздіе, видно только семь. Если кому удастся увидѣть ихъ, то можно прожить нѣсколько сотъ лѣтъ; если увидишь побочную звѣзду около третьей въ этомъ созвѣздіи, то получишь не только долгую жизнь, но и сдѣлаешься безсмертнымъ духомъ. Хуанди сказалъ: «Когда

поютъ пѣтухи, то думай о семи звѣздахъ Сѣверной Медвѣдицы, и духъ небесный пришлетъ тебѣ лѣкарство, отъ котораго никогда не состарѣешься. Каждая звѣзда соотвѣтствуетъ какому нибудь чиновнику на землѣ, и потому, когда это званіе потрясено, въ ней замѣтно колебаніе. Самая земля населена священными мѣстами даоскаго ученія, но легенды сосредоточиваются на одномъ Китаѣ. Здѣсь насчитываютъ десять большихъ, главныхъ пещеръ—небесъ, которыя, находясь между знаменитыми горами, обитаемы безсмертными, посланными туда съ неба для управленія; 36 малыхъ пещеръ, управляемыхъ также знаменитыми духами; за ними, тоже между горами, являются 72 благословенныя мѣста, которыя управляются праведниками; здѣсь-то, по большей части пріобрѣтается путь (дао). Учреждено 24 управы, въ которыхъ назначены сейны для духовъ вселенной, чтобы они наказывали злое и ложное. 24 управы соотвѣтствуютъ 28-ми созвѣздіямъ, и всѣ они находятся въ провинціи Сычуанъ, ознаменованной подвигами одного святого. Изъ Сычуань даоское ученіе распространилось въ Тибетѣ, смежномъ съ этою провинціею. Но кромѣ того, въ различныхъ книгахъ является еще множество боговъ и духовъ. Нѣкоторые изъ нихъ чудовищной формы: у одного человѣческая голова, птичье тѣло, а самъ похожъ на пѣтуха, у другого одно тѣло и девять головъ, носитъ пятицвѣтное жемчужное платье, шапку девяти достоинствъ; богиня первоначальный воздухъ женскаго рода, живетъ на горѣ Куэнь-лунь въ золотомъ городѣ о девяти этажахъ, который окруженъ пятицвѣтными облаками и пиками въ 10,000 сажень, выше ей подчинена Сѣверная Медвѣдица, у людей она находится въ правомъ глазѣ. Даосизму были извѣстны иностранные боги, это видно изъ того, что для нѣкоторыхъ духовъ сохранились иностранныя названія: богъ огня и богъ воды. Давно занимаясь медициной съ цѣлью изысканія жизненнаго элексира, даосизмъ соединилъ ее впослѣдствіи съ астрономіей и украсилъ бреднями своей фантазіи. Если долго смотрѣть, то отъ этого портится кровь, если долго лежать, то страдаетъ дыханіе, отъ долгаго сидѣнья изнуряется мясо, отъ стоянья кости, отъ хожденья жилы и т. д. Для укрѣпленія здоровья и продолженія жизни рекомендуются различныя позы, называемыя игрою: поза тигра, оленя, медвѣдя, обезьяны, птицы и проч. Въ позѣ тигра надобно, ставъ руками и ногами на землю, прыгать взадъ и впередъ, вытягивать шею и проч.; въ позѣ оленя нужно, стоя въ такомъ же положеніи, вытягивать шею; глядя назадъ, протягивать и подтягивать ноги; поза медвѣдя состоитъ въ томъ, чтобъ обѣими руками обнять колѣна и т. д. (нѣчто въ родѣ нашей комнатной гимнастики). Такія занятія предписывается продолжать до тѣхъ поръ, пока появится потъ. Если кто будетъ постукивать зубами объ зубы, у того они укрѣпнятся; если потирать пальцами глаза, то они будутъ свѣтлы; чтобъ не сдѣлаться глухимъ, нужно потирать обѣими руками уши; нужно потирать виски и подымать волосы къ

верху, чтобъ кровь и воздухъ проходили и голова не побѣлѣла; нужно потирать лицо сверху внизъ, также и тѣло (это называется сухимъ омовеніемъ, напоминаетъ современный массажъ). Но важнѣе всего питаніе,—Даосизмъ хочетъ превзойти буддизмъ въ ученіи о воздержаніи, не дозволяетъ питаться хлѣбомъ, потому только, что это матеріальная пища и препятствуетъ долгой жизни. Совѣтуетъ умѣть питаться одной слюною, называемою иногда золотою, иногда цвѣтнымъ озеромъ; слюна самая лучшая пища: умѣя глотать ее, никогда не будешь знать голода. Но другіе и это находили излишнимъ: нужно умѣть питаться однимъ только воздухомъ, но тѣмъ, который проходитъ въ ротъ черезъ носъ, Дао есть воздухъ, сказано въ одномъ мѣстѣ. Если сохранить воздухъ, то пріобрѣтешь Дао, а черезъ это и долгую жизнь. Еще выше этого способъ питанія, называемый утробнымъ дыханіемъ, т. е. чтобы не дышать ни ртомъ, ни носомъ, подобно тому, какъ живетъ человѣкъ, когда онъ находится еще въ утробѣ матери; искусственное дыханіе исцѣляетъ всѣ болѣзни, прогоняетъ заразу, змѣй и дикихъ звѣрей, останавливаетъ кровотеченіе; если дунешь на воду, то она потечетъ вверхъ, если дунешь на огонь, то онъ потухнетъ. Для пріученія себя къ такому дыханію, нужно, затворившись въ уединенной комнатѣ, лечь на кровать, на теплый тюфякъ и подушку въ $2^1/_2$ дюйма толщины, закрыть глаза и, запавъ въ груди дыханіе, заткнуть носъ лебяжьимъ пухомъ; если въ продолженіи трехъ сотъ моментовъ дыханія, пухъ не пошевелится, и ты дойдешь до того, что ничего не будешь ни слышать, ни видѣть, ни о чемъ не думать, тогда должно на короткое время отдохнуть. При этомъ надобно быть разборчивымъ въ пищѣ, нельзя предаваться ни радости, ни гнѣву. Можно и не вдругъ удерживать дыханіе на триста моментовъ, а пріучаться постепенно; сверхъ того, въ полночь должно считать дыханіе про себя, не сообщаясь съ воздухомъ, и, вообще, когда дышешь, надобно стараться больше вдыхать и меньше выдыхать, и притомъ выдыхать ртомъ, а вдыхать носомъ. (Ученіе о дыханіи заимствовано изъ буддизма). Впрочемъ, пріемовъ для дыханія чрезвычайно много; есть указанія, какъ дышать подобно жабѣ, черепахѣ, аисту и проч., которые живутъ по тысячѣ лѣтъ; одна метода называется глотаніемъ лунной эссенціи, другія называются по именамъ различныхъ даоскихъ учителей. Вообще, всякаго рода рецептовъ въ даосизмѣ множество, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ него входитъ и описаніе многоразличныхъ болѣзней. Вотъ одинъ изъ рецептовъ: «возьми зубы семилѣтняго мальчика, волосы дѣвицы такого же возраста, смѣшай ихъ съ потомъ своей шеи, сожги и ѣшь въ продолженіе года, тогда не будешь знать старости. Отъ сохраненія здоровья до продолженія жизни на нѣсколько сотъ лѣтъ и потомъ до полнаго безсмертія, соединеннаго съ вознесеніемъ на небо, принятія тамъ должности, для такой фантастической религіи, какъ даосизмъ,—было ужъ дѣло легкое. Одни и тѣ же средства сперва имѣ-

лись въ виду только, какъ медицинскія пособія, потомъ имъ приписали болѣе чудотворную силу. Такъ, встрѣчается упоминаніе, что яшмовый напитокъ, золотой элексиръ, взаимная груша, огненный жужубъ, все это снадобья для взлетанія на воздухъ. По другимъ источникамъ самыя лучшія снадобья—киноварь, золото, серебро, чудотворная трава чжи, пять яшмъ, пять облаковъ, свѣтлая жемчужина (мани), конопля.

Старая крыса также считается чудотворнымъ лѣкарствомъ, лошадиный пометъ составляетъ чудотворныя дрова для приготовленія такихъ снадобій. Но самой большой извѣстностью пользуется золото-киноварная пилюля. Въ даосизмѣ есть особое ученіе о составленіи пилюль (или философскаго камня дань), которыя даютъ безсмертіе и сверхъестественную силу. Толкованіе на счетъ различныхъ родовъ пилюль послужило основаніемъ талисмановъ, имѣющихъ такую же силу. Къ обыкновеннымъ гигіеническимъ и діэтетическимъ правиламъ присоединяется и астрологія. Китайскій календарь, составляющій въ Китаѣ, какъ бы императорскую регалію, имѣетъ больше даосійское, чѣмъ конфуціанское происхожденіе. Но у даосовъ, кромѣ того, есть и свои особые праздничные дни. Кромѣ приготовленія снадобій, какъ высшее средство нужно еще созерцаніе. Даосы стали толковать, что человѣкъ есть воплощеніе духа. Въ каждой книгѣ толкуется объ этомъ различно: въ носу у человѣка есть духъ, всякое дыханіе черезъ носъ тревожитъ его, а потому надобно отъ этого воздерживаться; когда читаешь священныя книги, то въ носу у тебя тронъ высокаго и верховнаго! Желтый духъ, вошедшій въ кости, мясо и форму, сдѣлался человѣкомъ, а желтый воздухъ, измѣнившись въ бѣлый, составилъ эссенцію воды. Зародышъ, изъ котораго образуется человѣкъ, есть превращеніе эссенціи, составившейся изъ окрѣпшаго воздуха девяти небесъ.

Человѣкъ, родясь въ срединѣ неба и земли, получивъ гармонію двухъ воздуховъ, стоитъ во главѣ всѣхъ тварей, составляетъ самое одушевленнѣйшее существо, включаетъ въ себя самое лучшее. Изъ пяти стихій, имѣетъ достоинства, общія съ небомъ и землею. Для полученія тѣла желтокъ приходитъ изъ пустоты, превращается въ бѣлокъ, и окрѣпшая матерія переходитъ въ Инь-Янъ (мужскую и женскую силу). Въ первый мѣсяцъ беременности впускается въ него воздухъ съ неба юй-тань, во второй—съ неба у-лянь-тоу и т. д. Черезъ девять мѣсяцевъ, когда 36,000 духовныхъ воздуховъ въ немъ вполнѣ поселятся, и рождается, наконецъ, человѣкъ; во время беременности въ образованіи его участвовали всѣ свѣтила,—звѣзда суй образовала печень, созвѣздіе тайбо—легкія, семь звѣздъ Сѣверной Медвѣдицы способствовали къ развитію семи отверстій и ниспослали семь юношей окружать его тѣло; воздухъ этихъ семи звѣздъ, сливаясь въ одну звѣзду (ореолъ), носится надъ человѣческою головою въ трехъ футахъ разстоянія, и когда человѣкъ бываетъ добрымъ, то

она свѣтла, и наоборотъ; когда звѣзда упадетъ, человѣкъ умираетъ. Въ рожденіи человѣка принимаетъ участіе само небо: Тай-и держитъ талисманъ, Ди-изюнь вписываетъ въ реестръ, Сына девяти небесъ посылаетъ бумагу о жизни, всѣ духи провозглашаютъ рожденіе... Человѣческая голова обозначаетъ небо, ноги—землю, волосы—звѣзды, глаза—солнце и луну, руки и ноги—четыре времени года, пять внутренностей—пять стихій и т. д. Въ другомъ мѣстѣ тѣло представляетъ государство, грудь и желудокъ—дворцы, кости и суставы—чиновники, душа—государь, а кровь—народъ.—Теперь даосизмъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ прежнія теоріи о приготовленіи снадобій, о написаніи талисмановъ, всѣ діэтетическія и гигіеническія предписанія,—для того, чтобы сдѣлаться безсмертнымъ, онъ предлагаетъ исключительно созерцаніе: оно человѣку нужно, чтобы развязать тѣ двѣнадцать узловъ, которые находятся въ его тѣлѣ, отъ нихъ происходятъ болѣзни и, когда они совсѣмъ окрѣпнутъ, смерть. Этотъ процессъ развязыванія называется еще разрѣшеніемъ отъ трупа. (Одинъ узелъ находится въ макушкѣ, другой во рту, третій въ скулахъ, четвертый въ глазу и т. д.). Должно, въ день своей судьбы, раннимъ утромъ войти въ келью, зажечь онміамъ и, обратясь на сѣверо-западъ, девятикратнымъ поклоненіемъ привѣтствовать девять первоначальныхъ отцовъ,—пощелкавъ девять разъ зубами, три раза произнести ихъ таинственное имя. Затѣмъ, обратясь на юго-востокъ, послѣ трехъ поклоновъ произнести имена девяти сокровенныхъ матерей. Сѣвъ, послѣ того, на мѣсто и закрывъ глаза, слѣдуетъ представить первоначальнаго отца ростомъ въ девять дюймовъ и девять линій, одѣтаго, какъ описано, сидящимъ выше девяти небесъ въ описанномъ дворцѣ; затѣмъ вообразить, что двѣнадцать летучихъ драконовъ и двадцать четыре безсмертные, придя съ сѣверо-запада, погружаются въ тѣло сидящаго, въ макушку; потомъ представить первоначальную мать ростомъ въ 6 дюймовъ и 6 линій въ платьѣ шапкѣ и прочемъ, какъ описано; затѣмъ, вообразить, что двѣнадцать фениксовъ и тридцать шесть яшмовыхъ существъ, придя съ сѣверо-востока, погрузились въ тѣло; представить что отецъ и мать превратились въ черный и желтый воздухъ и носятся вокругъ головы сидящаго. Послѣ этого, постукавъ девять разъ зубами, произнести заклинаніе, т.-е. молитву: «Хотя я и принялъ въ себя превращеніе девяти духовъ, но узлы и связки заграждаютъ двери души; прошу васъ отецъ и мать развязать эти узлы, на 1-й разъ четыре». Послѣ того должно идти представленіе различныхъ царей небесъ съ ихъ описаніемъ и свитою; далѣе слѣдуетъ представленіе восьми юношей-духовъ: духа мозга въ головѣ, духа волосъ, желудка, мозга въ костяхъ, пузыря, носа и языка. Каждый изъ нихъ имѣетъ особенное описаніе, ко всякому слѣдуетъ обращаться съ извѣстнымъ заклинаніемъ. Послѣ того, какъ разрѣшатся первые 4 узла, слѣдуетъ созерцаніе въ томъ же родѣ и для раз-

рѣшенія прочихъ восьми узловъ. Затѣмъ предписывается проглотить внутреннюю фу, то-есть написанныя особымъ образомъ каракули.

Есть и другая теорія происхожденія человѣка, но въ этомъ же родѣ. Главную роль въ даосскомъ созерцаніи играетъ созвѣздіе Сѣверной Медвѣдицы (Бэй-доу), — должно въ отдѣльной комнатѣ, возжегши куренія, лечь головою къ сѣверу и, отбросивъ всякія другія мысли, проколотивъ только зубами 24 раза, представить себя лежащимъ подъ балдахиномъ посреди семи лучезарныхъ звѣздъ, изливающихъ свой свѣтъ въ отдаленное пространство и такъ ярко, что противъ этого свѣта ничего болѣе не видно. Затѣмъ семь звѣздъ (Сѣверной Медвѣдицы) представятся въ видѣ юношей, надо тогда вообразить что семь мальчиковъ извергаютъ свѣтъ семи драгоцѣнностей (красный, бирюзовый и т. д.), и всѣ они, вошедши въ тѣло, проникаютъ его; потомъ, проведя дыханіе 49-ть разъ, произнести такое заклинаніе: «Эссенція золота, окрѣпнии и превратившись, окрѣпила первоначальныя семь частей міровой души; все покрылось свѣтомъ, балдахинъ вращается, свѣтъ драгоцѣнностей лучезаренъ...» Затѣмъ должно проглотить семь разъ слюну и, вставши, намазать тѣло крахмаломъ. Послѣ такихъ упражненій въ продолженіе семи лѣтъ въ тѣлѣ родится свѣтъ семи драгоцѣнностей, на головѣ покажется красный орелъ, явятся семь яшмовыхъ дѣвъ, наспустится облачная колесница, чтобы вознестись на сѣверное созвѣздіе и сдѣлаться верховнымъ безсмертнымъ, главою всѣхъ безсмертныхъ.

Дальнѣйшее развитіе мистическаго элемента въ даосизмѣ выразилось въ многочисленныхъ легендахъ. Общее содержаніе ихъ составляютъ: стремленія найти средства для достиженія земного безсмертія, чудеса (большею частію, нелѣпыя), подвиги святыхъ, частыя вознесенія на небо.

«У даосизма очень много варіацій на однѣ и тѣ же темы: что книга, то новый разсказъ. Настоящій очеркъ составляетъ извлеченіе изъ такъ называемыхъ Японской энциклопедіи и Китайской энциклопедіи: «Юанъ-цзянь-лэй-хань». Легендамъ этимъ вѣрятъ не одни только даосы, — онѣ совершенно въ духѣ народа, и намеки на нихъ постоянно встрѣчаются у поэтовъ. Это только образчикъ тѣхъ разсказовъ, которые содержатся въ многочисленныхъ китайскихъ повѣстяхъ и въ большей части романовъ, основанныхъ на чудесномъ», говоритъ г. Васильевъ. Даосизмъ, познакомясь съ идеями о превращеніяхъ — быть можетъ, и не черезъ буддизмъ, но во всякомъ случаѣ, только послѣ сообщенія съ западомъ, сталъ толковать, что Лаоцзы есть воплощеніе высочайшаго существа, называемаго Тай-шанъ-Лаоцзюнь — высочайшій старый властитель, — и что это перерожденіе не было первое, только о прежнихъ не сохранилось извѣстія. Первое перерожденіе полагается за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры, когда Лаоцзюнь, отдѣливъ святой воздухъ, помѣстилъ его во чревѣ прекраснѣйшей яшмовой

дѣвицы, гдѣ онъ пробылъ въ немъ 81 годъ (почему и родился съ бѣлыми волосами и названъ старцемъ). Однако же легенда показываетъ то же самое мѣсторожденіе его, которое приписывается к Лаоцзы исторіею Сымоцяна: это деревня Цюй-жень, въ волости Лей, въ уѣздѣ Ку, въ царствѣ Чу. Онъ родился изъ лѣваго бока подъ деревомъ ли (каштанъ) и, указавъ на него, сказалъ: оно будетъ моею фамиліей; голова у Лаоцзю-ия была бѣлая, лицо желтое, уши длинные, глаза большіе, борода окладистая, шея широкая, зубы рѣдки, ротъ квадратный, на ладоняхъ крестъ. При Вэнь-ванѣ (около 1150 г.) онъ былъ хранителемъ исторіи; при Уванѣ назначенъ столбовымъ историкомъ и отправился странствовать въ отдаленный западъ въ Дицинь (Римское) и другія царства; около 1078 года, воротившись назадъ, опять сдѣлался столбовымъ историкомъ; въ 1029 году въ повозкѣ, запряженной чернымъ быкомъ, проѣзжая черезъ проходъ Хань-чу-чуань, сообщилъ свой путь начальнику прохода Инь-си; въ 1027 году прибылъ въ Сычуань, потомъ, вмѣстѣ съ Инь-си, переправясь черезъ сыпучіе пески, посѣтилъ варварскія страны; а при Муванѣ (1001 г.) снова воротился въ Китай; въ 502 году встрѣтился съ Конфуціемъ, который отозвался о немъ, какъ о драконѣ; въ 305 году опять вышелъ изъ Китая, взлетѣвъ на гору Кунь-Лунь; при династіи Ци, онъ спустился на берегъ рѣки Цеи, почему и прозванъ Хэтанъ-Гуномъ (рѣчнымъ господиномъ); тутъ онъ передалъ свое ученіе Ано-ци-мену при императорѣ Вэнъ-ди (179—159). Императоръ не могъ дозваться къ себѣ Лаоцзы, поѣхалъ къ нему самъ, и когда увидѣлъ, что тотъ не кланяется, сказалъ: «Ты, хотя и праведный, но мой подданный, отъ меня зависитъ богатство и знатность». Тогда Лаоцзы, поднявшись на воздухъ на сто слишкомъ саженъ, отвѣтилъ ему: «Теперь, когда я вверху не на небѣ, въ рединѣ (на воздухѣ), не похожъ на человѣка, внизу не касаюсь земли, — что значатъ твои, государь, награды!» Императоръ уразумѣлъ, слѣзъ съ носилокъ и извинился. Лаоцзы далъ ему двѣ книги о Дао и Д'э. Лаоцзы прозванъ такъ потому, что долго жилъ. Онъ указалъ средства, какъ добывать девять сортовъ киноварь, восемь камней, яшмовый напитокъ, золотую слюну, какъ покорять демоновъ и распоряжаться ими, питать природу, не ѣсть хлѣба, принимать превращенія. Изъ описаннаго разсказа видно, что и личности, существовавшія послѣ Лаоцзы, принимаются за его аватоны (воплощенія); но въ даосизмѣ это до конца не выдержано. Инь-си, упоминаемый въ исторіи Лаоцзы, считается начальникомъ 24 царей и 80,000 святыхъ. Дунъ-ванъ-гунъ — восточный царь-графъ. Когда еще не было ни людей, ни тварей, онъ родился на Лазоревомъ океанѣ, въ пустотѣ мрачнаго чуда, и, подвизаясь въ строгой тишинѣ и чистой недѣятельности, воспиталъ вселенную; онъ управлялъ востокомъ; всѣ мужчины на землѣ, сдѣлавшіеся святыми, пріобрѣвшіе путь, зависятъ отъ него; въ извѣстный день, подъ опредѣленнымъ

циклическимъ знакомъ (динъ-мао), онъ выходитъ на башню, и ему прежде всего представляются всѣ святые девяти чиновъ (а 9 классовъ введены въ Китаѣ только въ 9-мъ столѣтіи), которые въ первый разъ удостоились этого пожалованія; послѣ того они ужъ представляются золотой матери, и тогда могутъ отправляться на девять небесъ, войдти въ три чистыя неба, преклониться передъ высочайшимъ (Тай-шанъ), созерцать первоначальное. Сю-ванъ-му, западная царица, вмѣстѣ съ Дунъ-ванъ-гуномъ завѣдывала двумя воздухами и устраивала вселенную; она распоряжается всѣми женщинами, сдѣлавшимися святыми; ей на Яшмовомъ озерѣ представлялся Чжоускій императоръ Му-ванъ, когда онъ отправился на восьмеркѣ лошадей на западъ; но при Ханьской династіи царица эта сама пожаловала во дворецъ Уди (открывшаго Западъ) и поднесла ему семь персиковъ, которые даютъ плодъ только одинъ разъ въ три тысячи лѣтъ.

Чжунъ-цзы—красная сосна — учитель (богъ дождя) входитъ въ воду не замочится, въ огонь—не горитъ; часто восходитъ въ палаты Вань-му на Кунь-Лунѣ (Олунь-Кинъ, Олимпъ), носится вверхъ и внизъ съ дождемъ и вѣтромъ. Младшая дочь Янь-ди (огненный царь Яиги Плутонъ) погналась было за ней и сдѣлалась святою; цзу — китайскій Маеусаилъ; Тай-шань Лао-фу—старецъ горы Тай-шань. Когда Ханьскій Уди путешествовалъ на востокъ, то увидѣлъ по дорогѣ старца, на видъ лѣтъ 50, но съ лицомъ юноши, и у котораго вокругъ головы былъ ореолъ въ нѣсколько футовъ. На вопросъ изумленнаго Уди, онъ сказалъ: «когда мнѣ было 85 лѣтъ, то я былъ близокъ къ смерти, голова побѣлѣла, зубы повыпали; одинъ даосецъ научилъ меня средству, какъ не ѣсть хлѣба, питаясь деревомъ и водою, и далъ мнѣ чудотворную подушку, въ которой были положены вещи, соотвѣтствующія двадцати четыремъ воздухамъ и восьми вѣтрамъ. Черезъ это я изъ старика сдѣлался молодымъ — волосы почернѣли, зубы опять выросли; въ день хожу 300 миль (ли)». Впослѣдствіи старецъ, уйдя въ гору Тай-шань, въ продолженіе трехсотъ лѣтъ являлся съ нея то черезъ пять, то черезъ десять лѣтъ. Бонги-шэнь житель горы Бонги (бѣлые камни); уже при Цзу имѣлъ болѣе 2000 лѣтъ, а походилъ видомъ на тридцатилѣтняго; не любилъ летать, а предпочиталъ долгую жизнь, считая золотую слюну высшимъ лѣкарствомъ. Когда его спросили, почему онъ не летитъ, онъ отвѣчалъ: «Не знаю еще, рады ли на небѣ людямъ!» Хуанъ-ань сидѣлъ на черепахѣ 15,000 лѣтъ. Лю-сюань-инъ былъ министромъ, когда къ нему пришелъ даосъ, взялъ десять яицъ и десять монетъ, поставилъ на монету яйцо, на яйцо монету и такъ все сложилъ въ видѣ пирамиды; потомъ пояснилъ, что человѣкъ, живя въ богатствѣ и знатности, подвергается еще большей опасности. Образумленный Лю-сюань-инъ бросилъ службу, удалился въ горы Чжунъ-нань-шань, гдѣ занялся составленіемъ пилюли, растворяющей трупъ; бѣлый воз-

духъ, выйдя изъ макушки Лю-сюань-ина, превратился въ аиста (луань—собственно это баснословная птица). Лю-сюань-инъ сѣлъ на него и поднялся къ небу. Лю-чэнь вмѣстѣ съ Юань-чжао при Ханьской династіи (58—75 гг. по Р. Х.) взошелъ за лѣкарствами на гору Тянь-тань и заблудился; тринадцать дней они ничего не ѣли и не пили, наконецъ, найдя на горѣ персикъ, съѣли его, и потомъ, спустившись къ рѣчкѣ, когда стали пить, увидали плывущую чашку съ кашей изъ манныхъ сѣмянъ, какъ знакъ того, что близко жилье. Дѣйствительно, перейдя еще гору, встрѣтили они двухъ дѣвицъ, которыя приняли ихъ, какъ знакомыхъ, и угощали, какъ имъ казалось, съ полгода; все время природа сохраняла весенній видъ, птицы сладко пѣли. Но Лючень и Юань-жао одолѣла тоска по домѣ. Дѣвицы сказали имъ: «значитъ, ваши грѣхи еще не заглажены», и показали дорогу. Когда они пришли домой, то ихъ деревня оказалась въ развалинахъ, — прошло уже семь вѣковъ, или поколѣній. Чжанъ-дао линъ родился въ 34 г. по Р. Х., и когда ему было 60 слишкомъ лѣтъ, сдѣлалъ большую драконово-тигровую пилюлю и сталъ 30-лѣтнимъ. Войдя на гору Бэй-Сунъ, онъ встрѣтилъ посланника съ неба, который сказалъ ему, что въ пещерѣ средняго пика этой горы хранятся книги трехъ Хуановъ, Хуанди и книга о пилюлѣ высочайшей чистоты, чрезъ которую можно вознестись на небо. Передъ тѣмъ, какъ принять книги, Чжанъ-дао-линъ семь дней постился; потомъ, совершивъ по нимъ пилюлю, могъ раздѣлять свое тѣло, скрывать тѣнь. Въ одномъ мѣстѣ духъ бѣлаго тигра любилъ пить человѣческую кровь, и жители ежегодно убивали по человѣку ему въ жертву. Нѣкто праведникъ (Чжень-жень) позвалъ этого духа и укротилъ его. Въ другомъ мѣстѣ огромный змѣй, испускалъ испаренія, отравлялъ проходящихъ, Чжень-жень обуздалъ и его. Въ 192 году Лаоцзы послалъ ему священныя книги, два меча и печать: съ ними онъ укротилъ духовъ 8-ми сонмовъ, свирѣпствовавшихъ въ народѣ. На горѣ Хаоминъ-шань, (гора поющаго масла) была вѣдьма, онъ прогналъ ее, написавъ Фу, которая превратилась въ золотокрылую птицу (феникса); 12 дѣвъ поднесли ему яшмовое кольцо, онъ бросилъ его въ колодезь; дѣвы наперерывъ бросились туда доставать его, Чжанъ-даолинъ закрылъ колодезь, и съ тѣхъ поръ эти дѣвы не безпокоятъ народъ. Наконецъ, высочайшій, первоначальнѣйшій, почтенный въ небѣ Тань-цзунъ сдѣлалъ его небеснымъ учителемъ, раздающимъ наставленія между людьми, и онъ съ пика Юнь-той-фамъ днемъ вознесся на небо. (На небо поднимались и на фениксахъ и на драконахъ). Беянь-гунъ получилъ священную книгу отъ Цзо-цзы; однажды, когда онъ сидѣлъ за столомъ съ гостями, кушанье превратилось въ рой пчелъ, которыя налетѣли на гостей; Беянь-гунъ разинулъ ротъ, пчелы влетѣли въ него и превратились опять въ кушанье. Онъ могъ мгновеніемъ руки заставить статуи, лягушекъ и всѣхъ насѣкомыхъ

и птицъ, ходить, пѣть, играть на инструментахъ, дѣлать представленія. Угощая зимою, подавалъ свѣжіе дыни и финики, лѣтомъ ледъ и снѣгъ; рюмки разносились сами; если рюмка была не полна, такъ не двигалась съ мѣста. Когда народу нуженъ былъ дождь, онъ напишетъ фу, положитъ въ капище, и вдругъ польетъ дождь. Проѣзжавшіе мимо кумирни одного духа, всѣ должны были слѣзать съ повозки, иначе подвергались діавольскому навожденію; Бсянь-гунъ, написавъ одну фу, велѣлъ слугѣ бросить ее въ кумирню, и та сейчасъ же сгорѣла. Проѣзжая мимо Укана, увидѣлъ онъ, что въ домѣ одного больнаго пригласили шаманку умилостивить жертвами оборотня,—Бсянь-гунъ далъ ему проглотить фу и изъ больнаго полѣзли черви, жабы и проч. Однажды онъ занимался приготовленіемъ снадобій на горѣ Цзы-гай (красный балдахинъ); время было холодное, а Бсянь-гунъ былъ босой, въ изодранномъ рубищѣ; двѣ бѣдныя дѣвицы изъ сожалѣнія проработавъ всю ночь, изготовили ему сапоги; но когда на другой день пришли съ ними, то онъ уже ушелъ; онѣ, пошаривъ въ золѣ, которая еще была тепла, нашли пилюлю, которую, раздѣливъ, проглотили и съ того времени не стали чувствовать ни голода, ни жажды. Однажды онъ ѣхалъ на судахъ съ государемъ царства У, но у устья Сань-цзянь сильная буря потопила суда, и неизвѣстно было, что сдѣлалось и съ тѣмъ судномъ, на которомъ ѣхалъ Бсянь-гунъ: на другое утро увидѣли его ѣдущимъ по водѣ и немножко подъ хмѣлькомъ. «Вчера, разсказывалъ Бсянь-гунъ, зять усиленно зазвалъ меня на попойку, поэтому и случилась бѣда». Однажды онъ толокъ лѣкарство въ каменной ступѣ, что на пикѣ Сафынъ, нѣсколько зеренъ разлетѣлось, и птицы, подхватившія ихъ, не умираютъ до сихъ поръ; тамъ, ночью, при свѣтлой лунѣ и прохладномъ вѣтеркѣ, слышится голосъ этихъ птицъ, похожій на звукъ: динь-динь, издаваемый при толченіи въ ступѣ, оттого ихъ и называютъ птицами, толкущими лѣкарство. Когда святой Цинь-гао узналъ, что Бсянь-гунъ сдѣлался праведникомъ, то прибылъ на парѣ карповъ съ восточнаго океана навѣстить его; они хорошо попировали, и когда напились, то Цинь-гао заснулъ въ бѣломъ облакѣ; при его пробужденіи, карпы превратились въ камень; поэтому Бсянь-гунъ далъ ему пару аистовъ, на которыхъ онъ и отправился. Однажды плывя по рѣкѣ, Бсянь-гунъ бросилъ одну фу въ воду, она потекла по водѣ, потомъ бросилъ другую, та поплыла вверхъ, третью—она остановилась, и верхняя и нижняя фу воротились къ ней; разъ рыбакъ продавалъ большую рыбу, уже умершую, Бсянь-гунъ положилъ ей въ ротъ бумажку, и она тотчасъ ожила. Чжанъ-гэ-лао скрывался въ горахъ, ѣздилъ на бѣломъ ослѣ по 1000 миль въ день; когда станетъ отдыхать, возьметъ, сложитъ его въ коробку, а когда надобно ѣхать, вспрыснетъ водою, и онъ опять сдѣлается осломъ. (Одинъ святой нашелъ на горѣ Лафушань послѣ другого святаго

пилюлю, проглотилъ ее и сдѣлался ходящимъ по землѣ святымъ). Тао-хунъ-цзинъ былъ извѣстный министръ при южныхъ дворахъ; оставивъ службу, онъ скитался по горамъ, изучая растенія, и составилъ ботанику. Даосы на основаніи этого обстоятельства причислили его къ своей школѣ; они говорятъ, что ученикъ его Хуань-кай, явился оттуда къ своему учителю и объявилъ ему, что только ошибки его ботаники мѣшаютъ ему сдѣлаться надзирателемъ водъ въ Фынъ-лайѣ. Когда Тао-хунъ-цзинъ умеръ, предсказавъ напередъ свою смерть, то ароматъ наполнялъ воздухъ нѣсколько дней. Чжинъ-чжи-хо сначала служилъ при дворѣ, потомъ, оставивъ службу, странствовалъ по различнымъ мѣстамъ; выпивъ три мѣры вина, не дѣлался пьянъ, сохраняя непорочность и питая воздухъ; могъ въ снѣгу не зябнуть, въ водѣ не замочиться; всякій разъ, какъ напивался, возьметъ рогожку, постелетъ на воду, сядетъ и ловитъ рыбу, а рогожка носится какъ лодка; разъ явился съ облаковъ аистъ и сталъ носиться надъ нимъ,—Чжанъ-чжи-хо вскочилъ на него и поднялся. Чжанъ-линъ вмѣстѣ съ сыномъ Чжанъ-хэномъ и внукомъ Чжанъ-лу называются тремя учителями. О Чжанъ-лу легенда говоритъ, что когда Цао-цао шелъ на западъ съ войскомъ, то Чжанъ-лу положилъ дощечку, и образовалась рѣка. Цао-цао подвелъ суда, Чжанъ-лу опять положилъ дощечку, и опять образовалась высокая гора. Мэнь-цинь, когда его хотѣли убить по приказанію Фу-цзянь-я, улетѣлъ вихремъ. Го-пу посыпалъ гороху вокругъ дома своего хозяина, и тому показалось на разсвѣтѣ, что домъ его окруженъ тысячами людей въ красныхъ платьяхъ. Цзо-цзы, когда его хотѣлъ убить Цао-цао, ушелъ въ стѣну. Хуанъ-чу-нинъ крикнулъ на камни, и они превратились въ барановъ. Чжао-бинъ, когда лодочникъ не хотѣлъ его перевезти, сѣлъ въ зонтикъ, засвисталъ, тогда поднялся вѣтеръ, и онъ переправился.

Таковы главныя личности даоской миѳологіи. Лу-сю-цзинъ, въ докладѣ своемъ, по повелѣнію Сунскаго государя въ 471 году, говоритъ: «Въ продолженіе 100 послѣднихъ лѣтъ не слышно, чтобы какой-нибудь святой мужъ опустился съ неба, не видно, чтобы какой даосецъ вознесся; ихъ книги неизвѣстно откуда взялись, доказано, что многія изъ нихъ подложны: Бао-цзинъ сочинилъ исторію Сань-Хуановъ, и, когда дѣло обнаружилось, то былъ казненъ».

Въ даосизмѣ и даже въ самомъ новомъ конфуціанскомъ ученіи мистическое направленіе развилось подъ вліяніемъ буддизма, сильно укрѣпившагося въ Китаѣ при помощи иностранныхъ завоевателей. Но, несомнѣнно, что это обстоятельство было только толчкомъ къ развитію природной китайской способности фантазировать до безконечности, составляющей особенность восточныхъ народовъ вообще, у которыхъ воображеніе развивается на счетъ разсудка. Буддизмъ и самъ преобразился въ Китаѣ. Возникающая китайская цивилизація

была въ то время уже подавлена рутиной, притомъ начала ея не успѣли еще настолько укорениться и распространиться въ китайской жизни, чтобы противустать чудовищной силѣ суевѣрной фантазіи. Сами рутинеры, ученые конфуціанцы, принуждены были не только уступить въ борьбѣ съ новыми религіями, но даже отчасти приноравливаться къ нимъ и въ своемъ новомъ ученіи, до такой степени эти религіи были въ духѣ народномъ. Притомъ онѣ дополняли то, чего недоставало народному религіозному чувству въ конфуціанской религіи, вводя такъ сильно любимый мало развитыми людьми элементъ чудеснаго, удовлетворяя заманчивымъ объясненіемъ сверхъестественнаго; кромѣ того, къ буддизму привлекало народъ ученіе о воздаяніи, а въ даосизмѣ оказывалась возможность достичь земнаго безсмертія и даже прямо вознестись живымъ на небо. И все это въ чудесной, грубо-наглядной, и потому доступной, говорящей воображенію, формѣ; тогда какъ конфуціанская религія, хотя и была родной, по преданію, но требовала уже почти одного только сухаго формализма въ выполненіи обрядовъ. Могъ ли при этомъ народъ не сочувствовать новымъ религіознымъ ученіямъ! И вотъ на-ряду съ главной государственной религіей даосизмъ и буддизмъ также становятся оффиціальными культами въ Китаѣ; они, естественно, распространились, главнымъ образомъ, въ народной массѣ. Случаи увлеченія этими религіями между классомъ мандариновъ были очень рѣдки: китайская чиновная интеллигенція держалась, исключительно, религіозныхъ правилъ, выработанныхъ правительствами, и, въ особенности, идеала новаго конфуціанскаго ученія, поклоненія великимъ святымъ, въ число которыхъ могли надѣяться быть включенными современемъ и наиболѣе ревностные живые представители мандаринства.

Какъ буддисты, такъ и даосы имѣли въ Китаѣ особыхъ представителей —духовныхъ лицъ, особые храмы, монастыри, и обряды богослуженія. Вмѣстѣ съ этимъ, естественно, должны были увеличиться и предметы народнаго почитанія, народные праздники, появилась масса суевѣрныхъ религіозныхъ обычаевъ: въ провинціи Фу-цзянь, незадолго передъ рожденіемъ ребенка, даоскимъ священникомъ совершается обрядъ отгнанія злыхъ духовъ, чтобы они не погубили родильницу во время процесса родовъ *). Съ новорожденнымъ ребенкомъ производятъ обрядъ «обвязыванія запястья»: его обматываютъ краснымъ двухъ-футовымъ шнуркомъ, къ которому прикрѣпляютъ монетку, модель молоточка, барабана, колокола или другой какой-либо талисманъ. Шнурокъ долженъ находиться на рукѣ ребенка съ 10-го дня его жизни до года. Это предохранитъ младенца отъ злыхъ духовъ. Для безопасности отъ болѣзней и продленія жизни употребляютъ талисманъ, называемый

*) Георгіевскій: „Принципы жизни Китая“.

«замкомъ ста семействъ»: отецъ ребенка собираетъ со ста человѣкъ между своими родными и знакомыми деньги, на нихъ покупаетъ нѣчто въ родѣ замка и вѣшаетъ на шею своему ребенку. Въ провинціи Фу-цзянь при переносѣ невѣсты изъ дому ея отца въ домъ жениха отгоняютъ злыхъ духовъ, бродящихъ по дорогѣ, кускомъ жареной свинины: духи, какъ собаки, накидываются на нее и уже не успѣваютъ вредить невѣстѣ. Одежду новобрачныхъ въ день ихъ свадьбы держатъ въ ситѣ надъ огнемъ для очищенія и тѣмъ избавляютъ ихъ отъ вліянія злыхъ духовъ. Мѣста для могилъ на родовомъ кладбищѣ избираются посредствомъ спеціальнаго гаданья. Наканунѣ похоронъ стараются очистить дорогу, по которой должна слѣдовать похоронная процессія. Приглашенные для этой цѣли, буддійскіе или даоскіе священники въ торжественной процессіи проходятъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ на другой день предстоитъ проносить покойника, и звуками грубыхъ музыкальныхъ инструментовъ, устрашаютъ незримо бродящихъ духовъ; юноша, открывающій процессію, кропитъ направо и налѣво освященною водою.

Когда тѣло усопшаго переносится изъ дома къ могилѣ, по дорогѣ разбрасываютъ представляющія собой деньги золотыя и серебрянныя бумажки въ жертву духамъ, могущимъ встрѣтиться напути. На нихъ стараются дѣйствовать и страхомъ: впереди похоронной процессіи обыкновенно идетъ человѣкъ съ сѣкирою въ рукѣ, а иногда и съ страшной маской на лицѣ для того, чтобы напугать духовъ; по прибытіи похоронной процессіи къ могилѣ, онъ ударяетъ сѣкирою по четыремъ угламъ послѣдней, и духи, намѣревающіеся устроиться въ не для нихъ приготовленномъ жилищѣ, отправляются въ другія мѣста искать себѣ поживы. По опущеніи тѣла усопшаго въ могилу просятъ духа занятаго участка земли не тѣснить покойника, но охранять его. Иногда покойниковъ перемѣщаютъ изъ могилъ, предполагая, что духъ усопшаго недоволенъ своимъ жилищемъ.

Являются особые боги и богини почти для каждаго случая жизни. Когда желаютъ имѣть дѣтей, то отправляются въ храмъ, посвященный богинѣ Цзини-хуа-нянь, берутъ оттуда башмакъ, который она носила при жизни, приносятъ его домой и совершаютъ передъ нимъ поклоненіе. У этой богини есть 36 помощницъ, изъ которыхъ каждая спеціально завѣдуетъ чѣмъ-либо, относящимся къ рожденію или воспитанію дѣтей: 11-я помощница способствуетъ зачатію; 7-я, соотвѣтственно молитвамъ беременной женщины, рѣшаетъ, какого пола долженъ быть зачатый ребенокъ; 6-я помогаетъ женщинѣ во время процесса родовъ; 3-я наблюдаетъ за кормленіемъ грудныхъ дѣтей; 15-я учитъ дѣтей сосать; 14-я учитъ ходить и проч. Родамъ помогаетъ также богъ огня.

О здоровьи болѣзненныхъ дѣтей молятся обыкновенно двумъ старцамъ, изъ которыхъ одинъ владѣетъ звѣздами Большой Медвѣдицы,

а другой звѣздами Стрѣлка. Первый — богъ долголѣтія, онъ изображается съ книгою, въ которой написанъ день смерти каждаго человѣка; во второмъ видятъ бога богатствъ и прибыли. Вступленіе въ бракъ обусловлено предопредѣленіемъ «старца луны». Приступая къ гаданьямъ о счастливомъ днѣ для свадьбы, нерѣдко обращаются съ молитвами къ матери дракона. Цзинь-хуа-нянь считается покровительницею замужнихъ женщинъ и брачнаго сожительства.—Молитвы за больныхъ посылаются къ Евану — богу медицины, канонизированнымъ врачамъ и покровителямъ медицины, а также духамъ, которые завѣдуютъ пятью элементами.—О даоскомъ святомъ Чжунъ-ли-цюань думаютъ, что онъ, махая своимъ вѣеромъ, можетъ оживлять только-что умершихъ людей.

Во всемъ Китаѣ существуетъ обычай въ 7-ой день послѣ смерти человѣка приглашать буддійскихъ священниковъ молиться о томъ, чтобы душа усопшаго была препровождена въ райскія обители. Въ комнатѣ сосѣдней съ заломъ, гдѣ стоитъ гробъ съ покойникомъ, священники воздвигаютъ семь жертвенниковъ, надъ которыми вѣшаютъ рисунки, изображающіе буддъ прошедшаго, настоящаго и будущаго періодовъ времени, и еще десять картинокъ, изъ которыхъ каждая представляетъ одно изъ десяти отдѣленій буддійскаго ада. Черезъ извѣстные промежутки времени совершаются молебствія объ упокоеніи души усопшаго. Церемонія повторяется въ 14, 21, 28, 35, 44 и 49 дни траура, при чемъ 21 день считается гораздо важнѣе всѣхъ остальныхъ. Въ южномъ Китаѣ принято для отпѣванія усопшаго мужчины звать даосовъ, для отпѣванія женщины — хошановъ, буддійскихъ священниковъ. — Буддійскій священникъ, призванный въ домъ недавно умершаго, прежде всего поетъ молитву, называемую кай-лу (открывающую путь), и приглашаетъ одну изъ трехъ душъ усопшаго оставить тѣло и послѣдовать въ рай; затѣмъ смотритъ гороскопъ покойника и сообщаетъ родственникамъ послѣдняго, насколько умершій подвинулся на пути къ райскимъ обителямъ и когда посѣтитъ оставленныхъ на землѣ сородичей.—Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая существуетъ обычай носить впереди погребальныхъ процессій идолъ Кай-лу-шэня для прогнанія злыхъ духовъ, могущихъ встрѣтиться на пути.—Гуань-инь, богиня милосердія, считается покровительницею переселившихся въ загробный міръ. Въ періодъ времени, назначенный для могильныхъ жертвоприношеній китайцы сожигаютъ передъ богинею сдѣланныя изъ бумаги одѣянія, модели домовъ и утвари, а также фигурки, изображающія слугъ, и думаютъ, что всѣ эти предметы богиня отправитъ по назначенію.

Съ развитіемъ многобожія усопшіе предки перестали считаться, какъ было въ примитивныя времена, исключительно завѣдующими главнѣйшими моментами и событіями жизни ихъ потомковъ, и потому семейные старшины, нѣкогда единственные жрецы, должны были

поступиться даже въ своихъ семействахъ долею ихъ жреческихъ правъ въ пользу людей, считавшихся жрецами культовъ внѣ-семейныхъ. Въ китайское семейство въ важныхъ случаяхъ стали приглашаться буддійскіе или доаскіе священники. Даосы и буддисты занимались разнообразными гаданьями, писаніемъ талисмановъ, лѣченіемъ больныхъ, изгоненіемъ злыхъ духовъ и проч. Но вѣра въ семейныхъ духовъ тѣмъ не менѣе сохранялась, хотя мало-по-малу вошло въ обычай имѣть въ частныхъ домахъ наравнѣ съ табелями усопшихъ предковъ, какъ ларовъ, табели или идолы духовъ постороннихъ, какъ пенатовъ, которые сдѣлались предметами регулярнаго чествованія точно опредѣленнаго времени. На лицевыхъ стѣнахъ домовъ нерѣдко пишется Шигосень-дань, посмертное имя даоскаго Цзянь-тай-гуна, котораго считаютъ охранителемъ жилищъ отъ нападенія злыхъ духовъ; на главныхъ домовыхъ дверяхъ вѣшаются портреты двухъ извѣстныхъ генераловъ также съ цѣлью охраны жилища отъ злаго навожденія; у входныхъ дверей магазиновъ (главнымъ образомъ, въ Кантонѣ) устраиваются маленькіе жертвенники, на которыхъ ежедневно сожигаются курительныя свѣчи передъ табелью Цай-шэнь—духа богатствъ. Четыре раза въ годъ (въ срединѣ весны, лѣта, осени и зимы) и по окончаніи года совершаются жертвоприношенія ти-ди-шэнь духамъ пяти частей занятой подъ домъ территоріи. Въ восьмой день 4-го мѣсяца на дворахъ приносятся жертвы тремъ даоскимъ богамъ — властителямъ неба, земли и воды. При окончаніи года приносятся жертвы духу очага. Совершаются великія или малыя соотвѣтственно времени жертвоприношенія содержимымъ въ домахъ идоламъ или табелямъ разнаго рода божествъ: богу войны, буддъ, бодисатвъ, даоскихъ боговъ и канонизированныхъ святыхъ, духовъ покровителей искусствъ, ремеслъ и разнаго рода занятій.

Развившееся многобожіе выработало для каждаго занятія, для каждаго факта въ жизни человѣка спеціальныхъ духовъ покровителей, и въ домахъ появились пенаты, которымъ стало воздаваться чествованіе, не только одинаковое съ ларами, но иногда и предпочтительное. Усопшіе предки потеряли въ глазахъ потомковъ свое прежнее могущественное значеніе, стали казаться болѣе слабыми покровителями, нежели спеціальные духи и божества, многобожіе затирало культъ предковъ, оттѣсняя его на второй планъ. Новыя религіозныя системы стали относиться къ культу предковъ даже какъ къ подчиненному себѣ. «Слово ла, говорится въ комментаріяхъ къ одному мѣсту очень популярнаго даоскаго сочиненія, означаетъ послѣдній день года». Въ этотъ день духи неба и земли оцѣниваютъ добродѣтели и грѣхи людей, чтобы соотвѣтственно этому наградить или наказать послѣднихъ. Есть кромѣ того еще пять эпохъ, называемыхъ ла. Первый день перваго мѣсяца называется «ла неба»; пятый день пятаго мѣсяца—«ла года»; восьмой день—«ла государя и вассаловъ».

Въ эти пять дней духи неба судятъ проступки и грѣхи людей, и небо позволяетъ душамъ предковъ и близкихъ родственниковъ возвращаться въ свои прежнія жилища, чтобы принимать приношенія. «Слѣдовательно, и жертвами пользоваться отъ своихъ потомковъ усопшіе предки какъ бы уже не имѣютъ сами по себѣ права. При широкомъ развитіи многобожія, пришлось слишкомъ много времени удѣлять культамъ внѣсемейнымъ и связаннымъ съ ними разнаго рода праздникамъ», замѣчаетъ г. Георгіевскій. Праздники, соблюдаемые теперь въ Китаѣ, очень многочисленны. Главнѣйшіе общенародные подъ именемъ саньцзѣ: Юань-дань — новый годъ (празднуется въ теченіи нѣсколькихъ дней); Дуань-у—5-го числа пятаго мѣсяца (праздникъ драконовой лодки),—водянымъ духамъ бросаются жертвы съ лодки, сдѣланной на подобіе дракона; Чжунь-цю—15-е число восьмого мѣсяца, приносятъ въ жертву лунѣ плоды и овощи, вечеромъ надъ домами вѣшаютъ фонари, дарятъ другъ другу бѣлыя лепешки съ нарисованными на нихъ фигурками людей; праздникъ продолжается въ теченіе двухъ недѣль. Второстепенные общенародные: Шань-юань—15-е число перваго мѣсяца (фонарный праздникъ; передъ домами вѣшаютъ фонари); Лигунь—5-е число второго мѣсяца (празднуютъ встрѣчу весны и носятъ изображеніе быка); Ци-си—7-е число седьмого мѣсяца (женщины приносятъ вечеромъ жертвы дочерямъ цзао-тэня—дѣвамъ, обитающимъ на звѣздахъ); Юй-лай-хой—15-е число седьмого мѣсяца (приносятъ жертвы въ теченіе нѣсколькихъ дней душамъ неоплаканныхъ людей); Дэнь-гао—9-е число девятаго мѣсяца (компаніи знакомыхъ отправляются на возвышенныя мѣста и пируютъ); Лана—8-е число 12-го мѣсяца (варится особаго рода каша); Чу-си (пируютъ въ предпослѣднюю ночь года, это называется стереженіемъ года). Важные, хотя не общенародные: Шань-си—3-е число третьяго мѣсяца (купаются въ рѣкѣ тѣ, которые занимаются изученіемъ конфуціанскихъ книгъ); Дахо-синъ-цзяо — 24 число 6-го мѣсяца (чествуется Хуа-гуанъ, богъ огня). Иногда весною, а иногда осенью рыбаки, главнымъ образомъ, въ Южномъ Китаѣ, умилостивляютъ водяныхъ духовъ (въ процессіи носятъ изображеніе дракона); Дуи-чжи, въ день зимняго солнцестоянія чиновники совершаютъ поклоненіе передъ табелью съ именемъ императора. — Праздники эти обязательны для всего Китая, но помимо того въ году слишкомъ много дней посвящается чествованію разнаго рода боговъ, духовъ и святыхъ.—Вотъ дни, отмѣченные въ китайскомъ календарѣ, на май мѣсяцъ 1881 года: май 1-е число—день рожденія бодисатвы Менджутри. 5-е рожденіе бога неба, земли и ада, а также судьи въ девятомъ отдѣленіи ада. 6-е—благопріятный для чествованія день. 7-е—день рожденія духа почвы. 11-е—день рожденія канонизированнаго усопшаго врача Люсяня. 12-е—пятнадцатый день 4-го мѣсяца. 13-е—несчастливый день. 14-е—день рожденія богини Цзинь-хуа-нянь. 15-е—день рожденія канонизирован-

наго усопшаго врача Хуа-то и Цзу-ми, даосскаго бога заразы. 17-е — день рожденія богини покровительницы слѣпыхъ. 18-е — духи дѣлаютъ докладъ небу. 20-е — праздникъ въ честь бодисатвы Симанта-бадры. 23-е — день рожденія Чунъ-шань, канонизированнаго усопшаго воина. 25-е — день рожденія Еваня — бога медицины. 28-е — первый день пятаго мѣсяца, день рожденія даосскаго бога южнаго полюса. 31-е — благопріятный для чествованія день. Въ другихъ мѣсяцахъ находится и больше праздниковъ. Нужно еще замѣтить, что календарь, отличающійся оффиціальнымъ характеромъ, касается только болѣе значительныхъ и общеизвѣстныхъ объектовъ чествованія, и что каждая отдѣльная семья, каждый китаецъ, взятый отдѣльно и какъ членъ семьи, цеха, компаніи или общины, могутъ, не ограничиваясь календарными указаніями, воздавать поклоненіе множеству менѣе извѣстныхъ духовъ огромнаго китайскаго пантеона.

Но вся эта подавляющая масса религіозныхъ обрядовъ выполняется современными китайцами только формально, съ полнымъ отсутствіемъ религіознаго энтузіазма, проявлявшагося такъ сильно въ древне-китайскомъ культѣ небу и поклоненіи предкамъ. Теперь въ Китаѣ даже замѣтенъ религіозный индифферентизмъ, благодаря которому тамъ допускаютъ миссіонеровъ проповѣдывать и новыя для страны религіи. — Найдется уже очень мало семействъ, гдѣ бы съ точностью соблюдались изложенные въ Чжу-цзы-цзяли обряды культа предковъ. — Встрѣчая новый годъ, китайскій императоръ (монгольской династіи) сначала отправляется въ свой шаманскій храмъ; потомъ приноситъ по конфуціанскому обряду жертву въ храмѣ предковъ; затѣмъ идетъ на поклоненіе сандальному кумиру Будды, который считается современнымъ самому Шакіямуни, и послѣ того заѣзжаетъ въ даосскій храмъ вѣтра. Такимъ образомъ, онъ оказываетъ почитаніе четыремъ религіямъ разомъ.

Богдыханы даютъ деньги на постройки мусульманскихъ мечетей и христіанскихъ церквей въ Китаѣ. Народъ нерѣдко не выказываетъ къ своимъ божествамъ даже и простого уваженія: вслѣдъ за выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ начинается сейчасъ же смѣхъ, говоръ, брань и т. п. По словамъ очевидцевъ, въ буддійскихъ храмахъ ламы прерываютъ пѣніе молитвъ смѣхомъ и даже драками. Передъ смертью иногда не бываетъ никакого напутствія, и множество бѣдняковъ опускаются въ могилу безъ всякаго богослуженія. При рожденіи ребенка тоже часто не выполняется никакихъ обрядовъ. Ко всякой изъ существующихъ въ Китаѣ религій можно когда вздумается пристать и когда вздумается ее бросить. Религіозность китайца порой выражается только въ томъ, что онъ когда-нибудь зайдетъ въ ту или другую кумирню, сожжетъ грошовую пачку курительныхъ свѣчъ или, познакомившись съ какимъ-нибудь монахомъ, придетъ къ нему выпить чашку чаю и поболтать о религіозныхъ предметахъ.

Всѣ три религіи уживаются въ Китаѣ рядомъ безъ всякаго антагонизма. — Въ лучшихъ китайскихъ романахъ даосъ и хошанъ являются рука объ руку: буддійскія и даоскія божества сражаются вмѣстѣ противъ дерзкихъ прометеевъ. Религіозное чувство народа до того измельчало и пришло въ упадокъ, что китаецъ неспособенъ уже вникать въ сущность религіи, а поклоняется только одной внѣшности: когда въ Пекинѣ показывали христіанскій храмъ китайцамъ, то не только простые ламы, а даже и буддійскіе хубилканы, т.-е живые боги, падали ницъ передъ христіанскимъ иконостасомъ. Представители духовенства новыхъ религій не могутъ оказывать на народъ никакого нравственнаго вліянія. Они, большею частію, отличаются сильнымъ корыстолюбіемъ и даже другими пороками. Но хуже всѣхъ монгольское, необыкновенно многочисленное, ламайство, съ которымъ приходится имѣть сношенія и китайцамъ, особенно при царствующей теперь монгольской династіи. — Ламайство такъ же, какъ и католическое духовенство, все безбрачное: чѣмъ больше ламъ, тѣмъ, по буддійскимъ понятіямъ, сильнѣе процвѣтаетъ религія. Ламайскіе монастыри быстро размножаются, — за Байкаломъ въ теченіе непродолжительнаго времени появилось тридцать монастырей. Въ Тибетѣ и Монголіи такіе монастыри содержатъ по 8 тысячъ ламъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свой дворъ, свою прислугу, богатый — даже свой особенный храмъ; разумѣется, при такомъ количествѣ монаховъ нельзя обойтись безъ того, чтобы къ монастырю, особенно въ степяхъ, не примкнули бы и свѣтскіе люди: одни изъ набожности, другіе въ видѣ купцовъ, мастеровыхъ и т. п. Знаменитый въ Монголіи городъ Урга, съ тысячами китайскихъ лавокъ, есть ни что иное, какъ ставка одного ламы, извѣстнаго Чжебцаунь домба бутукты. Пріобрѣтя вліяніе между знатными лицами, буддійскіе ламы въ Монголіи во время преслѣдованія шамановъ позволяли себѣ грабить, убивать, и даже жечь людей. Это происходило подъ русскимъ владычествомъ. Русское правительство начинаетъ ужасаться все увеличивающагося количества ламъ въ его китайскихъ владѣніяхъ. Но извѣстное правительству число ихъ было еще слишкомъ мало въ сравненіи съ дѣйствительностью: кочевникамъ легко укрываться отъ счета. Послѣ того, какъ правительство стало принимать мѣры къ ограниченію ламайства, число монастырей еще болѣе увеличилось, изъ тридцати чуть не вышло полтораста; при монастыряхъ появились духовныя школы, величаемыя факультетами, изъ Монголіи стали заходить живые боги: русскіе ламайскіе монастыри теперь завели уже и своихъ. Буддійское духовенство очень дорого обходится русскимъ бурятамъ: въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія одинъ монгольскій простой лама перешелъ (что строго запрещалось тогда на бумагѣ) черезъ границу и назвалъ себя хубилканомъ, т.-е. живымъ богомъ. Самозванство это, несомнѣнно, было извѣстно старшимъ ламамъ и зем-

скимъ исправникамъ; но тѣмъ и другимъ перепала большая часть добычи, увозимой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самозваннымъ богомъ. Она состояла въ 50 верблюдахъ, навьюченныхъ серебромъ, кораллами, дорогими мѣхами, сукномъ и шелковыми матеріями.

Китайское правительство перехватило этого ламу, обобрало его, сослало въ ссылку; но, несмотря на то, монгольскіе ламы въ Пекинѣ высказывали по этому поводу сильное желаніе пробраться въ Россію, гдѣ живутъ такіе щедрые жертвователи. Въ самомъ Китаѣ, разумѣется, подобныя продѣлки не могутъ удаваться, да, и, вообще, вліяніе буддійскаго и даоскаго духовенства не можетъ быть тамъ слишкомъ сильно: это—государство съ продолжительнымъ историческимъ прошлымъ; выработанная конфуціанствомъ національная этика слишкомъ сильно укоренилась въ народѣ, чтобы слѣпо поддаваться новому направленію. На-ряду съ буддизмомъ и даосизмомъ тамъ существуетъ издавна конфуціанская религія, которую одну только и считаетъ для себя обязательной каждый китаецъ, остальныя принимаются имъ по желанію. Новыя религіи нерѣдко порицались учеными конфуціанцами въ китайской литературѣ. Китайская ученая интеллигенція относилась къ буддизму и даосизму только какъ къ суевѣріямъ, годнымъ для ограниченныхъ умовъ, но смотрѣла снисходительно на увлеченія ими, вѣроятно, тѣмъ болѣе, что и религія новаго конфуціанства была не лучше. Исконныя преданія культа предковъ, регулировавшаго нѣкогда весь семейный бытъ китайца, подъ вліяніемъ которыхъ выработалось конфуціанство съ его этикой семейной и соціальной жизни народа и сложился весь государственный строй Китая, должны были слишкомъ глубоко гнѣздиться въ сознаніи китайскаго народа.

Главное значеніе буддизма и даосизма для китайской народной жизни заключается только въ ихъ нѣкоторой оппозиціи конфуціанской рутинѣ, въ возможности черезъ эти религіи проникать въ Китай чужеземнымъ элементамъ. Но зато можно сказать, что они ввели новую рутину въ видѣ угнетающей человѣческую мысль массы нелѣпыхъ суевѣрій,— дошедшая до крайности область чудеснаго заполонила собою китайскую литературу и въ сильной степени проникла въ обыденную жизнь народа.

Итакъ, послѣ необыкновенно продолжительной, слишкомъ 2500-лѣтней исторической жизни націи, религія китайскаго народа представляетъ собою безсвязный агрегатъ трехъ религіозныхъ системъ, находящихся въ состояніи упадка, ни одна изъ нихъ поэтому не имѣетъ строго логической организаціи, возвышенныхъ религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ. Напротивъ, всѣ эти нѣкогда идеально-высокія, гуманныя, заключающія въ себѣ строго-нравственный идеалъ человѣка, религіи отличаются теперь общими всѣмъ имъ, хотя и въ равной степени, главными недостатками: грубѣйшимъ фитишизмомъ и доходящей до полнаго безсмыслія чудовищностью фантазіи.

Тогда-какъ въ древнемъ Китаѣ религіозное сознаніе народа достигало почти самой высшей степени естественно-историческаго процесса развитія: оно выражалось въ высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ идеалахъ, — въ стройно-организованномъ политеизмѣ, почти исключающемъ существованіе злыхъ силъ въ природѣ; въ необходимости гармоніи этой природы съ управляющимъ ею верховнымъ существомъ — небомъ, имѣвшимъ, вмѣстѣ съ обставленнымъ строгой религіозной торжественностью обрядовъ культомъ предковъ такое глубокое нравственное вліяніе на жизнь народа, тогда появилось даже близкое къ монотеизму понятіе о высочайшемъ верховномъ существѣ Дао, — творцѣ міра, для соединенія съ которымъ необходимо было человѣку пройти высокій путь добродѣтели.

Словомъ, историческій процессъ религіознаго сознанія китайскаго народа въ теченіе многихъ вѣковъ представляетъ собою сначала прогрессивное движеніе, достигшее высокой степени въ доконфуціанскій періодъ жизни китайцевъ; позднѣе оно, остановленное въ своемъ естественномъ развитіи силой конфуціанскаго авторитета, принимаетъ одностороннее направленіе и начинаетъ клониться къ упадку, т.-е. къ обратному регрессивному движенію, которое представляетъ собою какъ бы разрушеніе, хаотическое состояніе.

При этомъ нужно замѣтить, что у китайцевъ, не достигшихъ той высоты цивилизаціи, когда сфера религіи обособляется, только въ ней, главнымъ образомъ, и сосредоточивалась вся умственная дѣятельность народа. Слѣдовательно, упадокъ религіи въ этомъ случаѣ означаетъ пониженіе и всей умственной жизни націи.

Семья, государственный строй, этика китайцевъ.

Семья есть основа организаціи государства каждаго историческаго народа. Пока у людей нѣтъ семьи, не можетъ возникнуть и государственной жизни. Семьи не было въ доисторическій періодъ существованія человѣчества. Ея нѣтъ и въ настоящее время тамъ, гдѣ не возникалъ еще историческій процессъ народнаго развитія. Въ такихъ мѣстахъ люди живутъ, какъ бы въ стадномъ состояніи, отчасти сходномъ съ жизнью животныхъ. Но и у историческихъ народовъ древняя семья была не то, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ въ настоящее время. Въ основѣ семейныхъ отношеній лежали религіозныя понятія, центромъ семьи былъ домашній очагъ, и она отличалась необыкновенно прочной организаціей. Такова древняя семья индійцевъ, грековъ и римлянъ, хотя всѣ народы земного шара превосходитъ крѣпость семьи китайской, существующей въ теченіе 2500 лѣтъ почти въ первобытномъ состояніи. Разрастаясь, семьи соста-

вляють родовой быть, который съ теченіемъ времени переходитъ въ государственный. Процессъ этотъ съ большей или меньшей своеобразностью переживаютъ всѣ народы въ ихъ естественно-историческомъ развитіи. Государство появилось и въ Китаѣ, но съ типичнымъ характеромъ китайской семьи; оно осталось въ такомъ состояніи въ теченіе продолжительной многовѣковой жизни націи. Фактъ, аналогичнаго которому не случалось никогда, нигдѣ на свѣтѣ. Китайская семья въ сравненіи съ семьями другихъ народовъ носитъ во многихъ отношеніяхъ оригинальный характеръ.

Аборигены Китая, т.-е. первобытные туземные обитатели его, состоявшіе, какъ извѣстно, изъ многочисленныхъ, разнообразныхъ, полудикихъ и даже совсѣмъ дикихъ племенъ, за 800 лѣтъ до Р. Х. не знали семейнаго быта. По свидѣтельству наиболѣе достовѣрныхъ историческихъ источниковъ, его ввели впервые между ними западные пришельцы, высшей бѣлой арійской расы,—завоеватели Китая, переселявшіеся туда въ видѣ семейныхъ группъ. Слѣдовательно, эти арійцы еще и до переселенія въ Китай жили въ родовомъ быту и соотвѣтственно этому должны были достичь нѣкоторой степени культуры вообще. Распространяя ее въ новомъ мѣстожительствѣ между покоряемыми ими туземными обитателями, пришельцы, естественно, служили этимъ послѣднимъ образцомъ для подражанія и въ своемъ бытовомъ строѣ. Семейная организація является у народа уже при нѣкоторомъ развитіи другихъ сторонъ его жизни: языка, религіи, понятія о собственности. Все это должно было существовать у пришедшихъ съ запада выходцевъ при ихъ родовомъ бытѣ. Появившіеся въ Китаѣ переселенцы, вѣроятно, оставивъ одну часть земли для общаго пользованія, раздѣлили между собою завоеванную территорію на участки соотвѣтственно количеству ихъ родовъ въ наслѣдственную собственность каждаго изъ нихъ. Этого долженъ былъ требовать существующій всегда въ большей или меньшей степени при родовомъ бытѣ культъ предковъ: усопшій покоится на своей собственной земли, храмъ предковъ находится на землѣ, принадлежащей семейству, въ жертву предкамъ приносятся продукты съ семейнаго поля. Итакъ, первоначальная организація китайскаго государства должна была быть родовымъ землевладѣніемъ, изъ котораго произошла постепенно распространившаяся по всему Китаю удѣльная система. На новой почвѣ, въ смѣшанномъ населеніи, занесенный въ Китай иноземцами культъ предковъ сталъ принимать своеобразную и очень сложную обрядовую форму. Отъ нея зависѣли и ею регулировались всѣ отношенія китайской семьи, начиная съ ея главы. Умершіе предки, какъ извѣстно, по понятіямъ китайцевъ, въ ихъ загробномъ существованіи продолжали какъ бы земную жизнь, сохраняя всѣ ея потребности, а потому они и послѣ смерти не только считались принимающими участіе въ жизни своей семьи, но были

даже при посредствѣ религіозныхъ обрядовъ ея правителями.—Предкамъ служать, въ разнообразныхъ жертвоприношеніяхъ удовлетворяя ихъ земныя потребности, съ ними совѣщаются и испрашиваютъ ихъ благословенія во всѣхъ дѣлахъ и важныхъ случаяхъ семейной жизни; отлучаясь на продолжительное время изъ дому, съ предками прощаются и здороваются по возвращеніи. Основной мотивъ всѣхъ этихъ дѣйствій не одна только преданность къ покойнымъ предкамъ, но и религіозный страхъ: человѣкъ въ загробномъ существованіи, становясь духомъ, получаетъ большую, чѣмъ живые люди силу, вслѣдствіе этого онъ можетъ щедро благодѣтельствовать или жестоко мстить въ случаѣ недовольства, при несоблюденіи обрядовъ душа мертвеца блуждаетъ, не находя себѣ покоя, и становится злою и мстительною. Для семьи усопшаго было бы очень опасно допустить покойнаго до такого состоянія; поэтому-то при смерти главы семейства живые члены его и забываютъ себя изъ-за заботъ объ умершемъ: они выражаютъ, какъ объ этомъ уже сказано выше, сильнѣйшую скорбь, не пьютъ и не ѣдятъ въ первые дни, спятъ подлѣ него на соломѣ съ комкомъ земли подъ головою, по три раза въ день кормятъ его, развлекаютъ музыкою, отдаютъ все лучшее для выполненія многочисленныхъ религіозныхъ обрядовъ, совершаютъ торжественныя и богатыя, соотвѣтственно состоянію покойника, похороны, послѣ которыхъ иногда семья совершенно остается нищей и бываетъ принуждена пользоваться помощью родственниковъ; даже жертвуютъ жизнью изъ преданности къ покойнику, соблюдаютъ трехгодичный трауръ, въ теченіе котораго нужно поститься и вести строгій образъ жизни. Подъ вліяніемъ культа предковъ развилась и китайская этика, гдѣ на первомъ планѣ находится сыновнее благочестіе: похоронные плачи дѣтей—гимны для выраженія чувства самой нѣжной привязанности къ родителямъ. Отцы семействъ какъ бы стараются держать себя на высотѣ такого положенія: они оставляютъ въ назиданіе дѣтямъ духовныя завѣщанія, исполненныя самыхъ высокихъ правилъ морали. Біографіи отцовъ семействъ съ ихъ мудрыми совѣтами хранятся на память потомству въ храмахъ предковъ. Такимъ образомъ, культъ предковъ въ Китаѣ долженъ былъ въ сильной степени поднять нравственный уровень народа. Послѣ смерти отца, главой семьи и первымъ лицомъ въ ней становится преемникъ его прерогативъ—старшій сынъ покойнаго. Только онъ одинъ имѣетъ право непосредственныхъ сношеній съ умершимъ родителемъ: можетъ приносить жертвы ему за себя и за всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Изъ этого обстоятельства вытекаетъ его громадная власть въ семьѣ и привилегированное положеніе. Съ самаго своего рожденія, какъ извѣстно, первенецъ пользуется уже особыми заботами и вниманіемъ со стороны родителей. По прошествіи мѣсяца его представляютъ предкамъ въ домашнемъ храмѣ съ большей торжественностью, чѣмъ дру-

гихъ сыновей. Первенецъ—наслѣдственный жертвоприноситель. Вотъ что говорятъ объ этомъ китайскіе источники*). «Право приносить жертвы переходитъ по первородству: усопшему отцу приноситъ жертвы старшій сынъ его, дѣду—старшій внукъ по прямой линіи, прадѣду—старшій правнукъ по прямой линіи, прапрадѣду—старшій праправнукъ по прямой линіи; когда нѣтъ старшаго по прямой линіи, то его право переходитъ къ потомку, слѣдующему по порядку... Второстепенные сыновья не имѣютъ права приносить жертвы своимъ усопшимъ родителямъ и предкамъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія старшаго сына второстепенные сыновья могутъ приносить жертвы только съ его вѣдома и разрѣшенія. Тогда при жертвоприношеніяхъ въ молитвѣ къ предкамъ говорятъ: «благочестивый старшій сынъ такой-то приказалъ второстепенному сыну такому-то вмѣсто себя совершить обычное жертвоприношеніе». Въ этомъ случаѣ уже не выполняется спеціальный обрядъ «вкушенія благословеннаго вина и мяса»... Являясь наслѣдственнымъ жрецомъ въ храмѣ предковъ, первенецъ получаетъ перевѣсъ надъ своими братьями и въ правахъ политическихъ и имущественныхъ. Въ современномъ китайскомъ законодательствѣ говорится: «Наслѣдственные титулы и привилегіи военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ переходятъ отъ отца къ его старшему сыну, рожденному отъ главной жены (въ Китаѣ, какъ извѣстно, допускаются три второстепенныя жены), а если таковаго не существуетъ, то къ замѣстителю его, избранному согласно съ указаніемъ законовъ. Если старшій сынъ умеръ, или по неизлѣчимой болѣзни, равно какъ и по дурному поведенію, неспособенъ наслѣдовать титуловъ и привилегій, то послѣднія переходятъ къ ближайшему по старшинству брату его или другому законному замѣстителю. Первородный потомокъ владѣетъ родовымъ могильнымъ полемъ, продуктами котораго онъ пользуется для принесенія ихъ въ жертву въ храмѣ предковъ. Домъ, въ которомъ есть храмъ предковъ, не можетъ быть раздѣляемъ и долженъ по наслѣдству переходить по прямой линіи къ сыну, внуку и т. д.». Положеніемъ прямого первороднаго потомка, какъ главнаго служителя предковъ, обусловливалось и то уваженіе, которое должны были ему оказывать его родственники низшихъ степеней. Хотя бы (эти родственники) обладали богатствами и пользовались важнымъ положеніемъ (въ обществѣ или служебной іерархіи), они, когда посѣщаютъ главнаго потомка своего рода, обязаны оставлять ихъ телѣги и свиту въ отдаленіи отъ его дома; обязаны жертвовать главному потомку лучшее изъ своего имущества—мебели, одеждъ, мѣховъ, повозокъ, лошадей, а для себя оставлять то, что похуже; безъ такихъ приношеній не слѣдуетъ и являться въ домъ главнаго потомка...

*) Георгіевскій. „Принципы жизни Китая“.

Родственники низшихъ степеней должны чтить главнаго потомка даже и въ его дѣтствѣ и брать въ знакъ уваженія всегда за правую руку». Первенецъ становится хозяиномъ, властелиномъ дома. Въ древнія времена онъ былъ отвѣтственъ за семью передъ государствомъ, безконтрольно распоряжался домашнимъ имуществомъ. Хозяинъ управляетъ своими дѣтьми, младшими братьями и всѣми членами семейства, распредѣляетъ имъ должности (кому завѣдывать амбаромъ, житницей, кухней, прислугою, полемъ, садомъ и проч.), назначаетъ занятія (кому что дѣлать въ теченіе дня), даетъ имъ все необходимое (пропитаніе, одежду и проч.)... Члены семейства ни въ какомъ случаѣ не могутъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но обо всемъ должны докладывать хозяину и поступать согласно его волѣ...» Сыновья и жены ихъ не могутъ имѣть собственнаго имущества: все, что они въ состояніи пріобрѣсти (какимъ бы то ни было образомъ), должно быть отдаваемо хозяину (отцу); когда же второстепенные члены семьи хотятъ воспользоваться чѣмъ-либо изъ домашняго имущества, то должны получить на то позволеніе отъ отца; по своему усмотрѣнію они не могутъ ничего ни давать постороннимъ, ни принимать отъ нихъ. «Назначается по сту ударовъ тѣмъ сыновьямъ и внукамъ, которые своевольно отдѣлятся отъ своихъ родителей и дѣдовъ и присвоятъ себѣ часть отцовскаго или дѣдовскаго имущества».

Въ древности отцы семействъ могли свободно продавать своихъ дѣтей и младшихъ зависимыхъ родственниковъ. Такая продажа практикуется китайцами въ довольно широкихъ размѣрахъ и въ настоящее время, хотя она запрещена закономъ.

Какъ домашній законодатель, хозяинъ пользуется судебною и исполнительною властью. Отецъ и теперь въ Китаѣ безапелляціонный судья своихъ дѣтей и можетъ подвергать ихъ какимъ ему угодно наказаніямъ; несомнѣнно, что въ древнія времена, при большей крѣпости семейныхъ основъ, власть его была еще шире. Китайскіе законы сильно поддерживаютъ власть главы семейства. Соотвѣтственно своему значенію въ семьѣ отецъ, естественно, долженъ былъ пользоваться и большимъ внѣшнимъ почетомъ со стороны подчиненныхъ ему лицъ. Этотъ почетъ, ежедневно на каждомъ шагу оказываемый хозяину при разныхъ обстоятельствахъ, выражался, какъ извѣстно, еще и въ видѣ особаго рода торжественныхъ обрядовъ: по правиламъ «Чжу-цзы-цзяли» члены семьи перваго и пятнадцатаго числа каждаго мѣсяца должны были совершать поклоненіе передъ хозяиномъ; то же происходило въ день зимняго поворота, въ новый годъ, въ день рожденія хозяина. Словомъ, китайскій домовладыка царитъ въ своей семьѣ почти неограниченно. Бракъ есть прежде всего религіозная обязанность для китайца. Онъ установленъ самимъ небомъ и заключается для того, чтобы человѣку быть въ состояніи правильно служить усопшимъ предкамъ и имѣть возможность продолжать свой родъ. Культъ предковъ тре-

буетъ, чтобы жертвоприношенія совершались мужемъ и женою совмѣстно.

Если продолженіе рода, обезпечивающее благоденствіе усопшихъ предковъ, составляетъ главную цѣль брака, то понятно, что въ женитьбѣ молодого человѣка всего болѣе заинтересованы его родители, какъ, съ одной стороны, отвѣтственныя передъ предками лица, а съ другой — заботящіяся о своемъ собственномъ посмертномъ блаженствѣ. Дать сыну жену и видѣть внуковъ — самое завѣтное желаніе всякаго отца.

Насколько для китайца страшна мысль о загробномъ сиротствѣ, всего лучше видно изъ существующаго до сихъ поръ обычая, о которомъ говорилось выше, устраивать помолвку между дѣтьми: отецъ боится, что не доживетъ до срока совершеннолѣтія своего сына, и старается, хотя такимъ образомъ, успокоить себя увѣренностью, что сынъ женится. Первое коренное правило брака, выработанное въ древности и соблюдающееся до сихъ поръ во всей силѣ,—чтобы женихъ и невѣста отнюдь не были бы людьми, носящими одинаковую фамилію. Постановленіе существующаго китайскаго законодательства гласитъ: «если лица съ одинаковымъ фамильнымъ прозваніемъ вступятъ въ бракъ, то супругамъ такъ же, какъ и тѣмъ, кто устроилъ бракъ, назначается по 60 ударовъ; бракъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, новобрачные разведены и свадебные подарки отобраны въ казну.» Брачный возрастъ для мужчинъ считается отъ 16 до 30 лѣтъ, для женщинъ—отъ 14 до 20. Совершеніе брака обставлено многочисленными формальностями въ Китаѣ. Но дѣло это ведется до самаго конца безъ всякаго участія со стороны лицъ, которыхъ рѣшается судьба,—они въ первый разъ видятся только въ день свадьбы. Переговоры ведутся между родителями жениха и невѣсты, каждая изъ сторонъ постоянно докладываетъ о ходѣ дѣла предкамъ, испрашивая у нихъ благословенія. Тѣмъ временемъ происходитъ обрядъ сватовства и обрядъ поднесенія даровъ, который имѣетъ смыслъ платы за невѣсту тому роду, изъ котораго она пріобрѣтается. Покупка невѣстъ въ древности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ настоящее время невѣстѣ дается и приданое, его отвозятъ наканунѣ свадьбы прислужницы въ домъ жениха и устраиваютъ для молодыхъ брачную комнату. Выходя замужъ женщина, какъ извѣстно, совершенно отрѣшается отъ своихъ родныхъ и своего прежняго домашняго очага. Она уже не имѣетъ права служить своимъ роднымъ предкамъ: они получили за нее плату и не могутъ болѣе выказывать притязаній на ея трудъ. Извѣстно, что родство по женѣ въ Китаѣ не признается. Такимъ образомъ, отпускъ дѣвушки изъ родительскаго дома—это отрѣшеніе ея отъ семейнаго культа и отъ кровныхъ родственныхъ связей: въ послѣдній разъ она молится домашнимъ ларамъ, въ послѣдній разъ окружена лицами, которыхъ можетъ называть своими кровными род-

ными. Дѣвушка не своею волею переходитъ въ чужую семью: проданная предками, она подчиняется власти человѣка, ее купившаго, и безпрекословно слѣдуетъ за нимъ, какъ его собственность. Служеніе предкамъ—главная цѣль брака. Вводя невѣсту, отрѣшенную отъ стараго культа, въ свой домъ, женихъ дѣлаетъ ее причастницею новаго культа, т.-е. своихъ собственныхъ предковъ,—ѣстъ съ ней мясо и пьетъ вино. Когда брачная чаша выпита, бракъ считается заключеннымъ: предки мужа невидимо пріобщили его молодую жену къ своему роду и согласились считать ее своею родственницею. Новобрачная на другой день послѣ свадьбы совершаетъ многочисленныя поклоненія передъ свекромъ и свекровью, старается быть хорошей служанкой для нихъ и въ теченіе 3-хъ первыхъ мѣсяцевъ какъ бы подвергается искусу, послѣ чего ее представляютъ въ храмѣ предковъ. Пріобрѣтенная мужемъ, какъ собственность, по соизволенію предковъ, жена не можетъ уже своевольно покинуть его, должна оставаться съ мужемъ всегда въ жизни земной и загробной. «По смерти супруга женѣ нельзя выходить замужъ», гласитъ древнее правило. Ей не слѣдуетъ и переживать своего мужа: умеръ онъ, должна умереть и она, на землѣ вдовѣ уже дѣлать болѣе нечего: служить предкамъ одной не полагается. Въ древности живыя жены нерѣдко хоронились вмѣстѣ съ мужьями. Въ Китаѣ до сихъ поръ существуетъ обычай мужа и жену погребать въ одной могилѣ. Но съ своей стороны и мужъ не имѣетъ права отпустить жену по произволу,—онъ не самъ пріобрѣлъ ее изъ чужого рода, а предки. Жена вводится въ домъ для законнаго порожденія потомства и для служенія предкамъ мужа. Если она выполняетъ свое назначеніе, то предки не имѣютъ повода быть недовольными ею, а когда предки довольны, то какъ же посмѣетъ мужъ отпустить ее? Другое дѣло, если жена положительно неспособна оправдать надежды предковъ, тогда продолженіе брака невозможно, и разводъ необходимъ, какъ бы ни любили супруги другъ друга. Для расторженія брака достаточно въ настоящее время одной изъ 7 слѣдующихъ причинъ: «если жена непослушна свекру и свекрови, если она безплодна, если совершила прелюбодѣяніе, имѣетъ дурную болѣзнь, завистлива, болтлива, воровски пользуется семейнымъ имуществомъ». Въ древности, вѣроятно, число основаній къ разводу было ограниченнѣе.

Порожденіе дѣтей на благо усопшимъ — существенная цѣль брачной жизни: непресѣкаемость рода гарантируетъ посмертное довольство восходящей линіи предковъ. Но не всѣ дѣти могутъ быть впослѣдствіи служителями своихъ умершихъ родственниковъ: дѣвочки, когда придетъ время, сдѣлаются невѣстами и уйдутъ въ чужія семейства; только мальчикамъ суждено вырости и до самой смерти быть въ непрерывной связи со своими предками. Отсюда вытекала неодинаковость значенія мальчиковъ и дѣвочекъ въ глазахъ родителей, членовъ рода,

а затѣмъ и всего общества. Требованія культа предковъ положили рѣзкую грань въ достоинствѣ мальчика и дѣвочки: послѣдняя—бремя для семьи, первый—желанное пріобрѣтеніе для цѣлаго рода. При свадебной процессіи женихъ идетъ впереди невѣсты, потому что онъ настолько же выше ея по положенію, насколько небо выше земли и государь—чиновниковъ. Женщина всегда находится въ зависимости отъ мужчины: дѣвицею руководятъ отецъ и братья, женою—мужъ, вдовою—сынъ ея... Какъ не отдавать преимущества мужчинѣ, когда онъ всегда остается потомкомъ своихъ собственныхъ предковъ? Женщина не можетъ имѣть какихъ-либо титуловъ, и титулуется по мужчинѣ, отъ котораго зависитъ. Она должна закрывать лицо свое, когда выходитъ изъ воротъ дома, ночью при ходьбѣ держать въ рукахъ зажженную свѣчу. По дорогѣ мужчины стараются ходить по правой сторонѣ, женщины—по лѣвой. Начиная съ семи лѣтъ, мальчики и дѣвочки не могутъ сидѣть вмѣстѣ (на одной рогожкѣ), не могутъ принимать вмѣстѣ пищу. Дѣвочка съ первыхъ дней ея рожденія переноситъ уже какъ бы пренебрежительное отношеніе. При многочисленности дѣвочекъ ихъ даже убиваютъ и оставляютъ покинутыми на улицахъ въ надеждѣ на общественную благотворительность. Въ случаѣ безплодія главной жены и въ видахъ полученія въ возможно большемъ количествѣ потомства мужескаго пола, въ Китаѣ допускается многоженство. По древнимъ постановленіямъ количество второстепенныхъ женъ опредѣлялось общественнымъ положеніемъ мужа и не было произвольнымъ даже для императоровъ. Второстепенныя жены только помощницы главной въ дѣлѣ осуществленія ею коренныхъ цѣлей брака; онѣ какъ бы находятся на второмъ планѣ, въ служебной роли. Въ законахъ нынѣшней династіи по поводу этого есть постановленіе: «тому, кто низводитъ главную свою жену въ положеніе второстепенной, назначается 100 ударовъ; кто при жизни главной супруги даетъ такое же названіе второстепенной, 90 ударовъ. Въ обоихъ случаяхъ жены должны быть возвращены въ ихъ первоначальное положеніе. Кто, имѣя уже главную жену, женится на другой, давая ей то же званіе, тому назначается 90 ударовъ, бракъ должно считать недѣйствительнымъ, супруговъ развести и вновь взятую жену возвратить къ родителямъ». Въ нѣдрахъ семействъ второстепенныя жены находятся въ зависимости отъ главной: она завѣдуетъ ими, какъ подначальными. «О всякомъ дѣлѣ главная жена спрашиваетъ свекровь, а второстепенныя жены—главную. Второстепенныя жены обязаны оказывать главной знаки почета: онѣ не имѣютъ права одновременно съ нею отдавать приказанія, рядомъ идти, вмѣстѣ сидѣть и проч.»—Кромѣ многоженства, въ видахъ непресѣкаемости рода китайцами въ широкихъ размѣрахъ практикуется и усыновленіе.—Итакъ, китайскій бракъ вполнѣ зависитъ отъ культа предковъ; это, главнымъ образомъ, религіозное учре-

жденіе, религіозная обязанность, оно не имѣетъ ничего общаго съ высокимъ идеаломъ понятія о бракѣ, сдѣланномъ по взаимному собственному выбору, какъ союзѣ двухъ любящихъ душъ, существующемъ у другихъ цивилизованныхъ народовъ.

Такой взглядъ на бракъ существовалъ въ Китаѣ въ теченіе всей исторической жизни народа за исключеніемъ эпохи сильнаго броженія въ срединномъ царствѣ, когда ослабленіе культа предковъ произвело распущенность нравовъ вообще, и существуетъ до сихъ поръ. Но, какъ извѣстно, древнія начала китайской жизни были реставрированы консервативнымъ философомъ Конфуціемъ, разработаны съ особою цѣлью конфуціанской школой и возведены въ обязательный, неизмѣнный принципъ для народнаго быта китайскимъ правительствомъ. Въ конфуціанской классической книгѣ «Лицзи», редактированіе которой приписывается Конфуцію, находится цѣлая программа семейныхъ отношеній, гдѣ на первомъ планѣ проявляется сыновнее благочестіе. «Въ жизни людей самое главное обряды, между обрядами самый важный обрядъ жертвоприношенія. Только добродѣтельный человѣкъ можетъ совершать жертвоприношенія въ ихъ истинномъ смыслѣ. Жертва добродѣтельнаго человѣка непремѣнно приноситъ ему благополучіе. Мудрый человѣкъ наставляетъ людей собственнымъ примѣромъ—своимъ уваженіемъ къ государю и старшимъ, своимъ сыновнимъ благочестіемъ въ отношеніи къ родителямъ... Жена должна быть проникнута сыновнимъ благочестіемъ, почтительностью къ свекру и свекрови. Когда послѣдніе отдаютъ ей приказаніе, она немедленно и безъ всякаго возраженія должна исполнить его. Какое свекоръ или свекровь прикажутъ надѣть ей платье, въ томъ она и должна служить имъ... Непочтительную невѣстку свекровь обязана вразумлять наставленіями; если вразумленія не дѣйствуютъ, имѣетъ право выражать свой гнѣвъ; если и гнѣвъ не дѣйствуетъ, то сынъ обязанъ отпустить свою жену.... Если сынъ имѣетъ двухъ женъ, и родители его любятъ одну изъ нихъ болѣе, чѣмъ другую, то онъ долженъ эту (любимую ими) жену во всемъ отличать передъ второю. Если жена нравится сыну, но не нравится его родителямъ, то онъ обязанъ отпустить ее; наоборотъ, если жена не нравится сыну, а родители его говорятъ, что она хорошо имъ служитъ, то онъ не смѣетъ удалить ее!...» «Относительно всякаго дѣла, большого и малаго, невѣстка должна спрашивать свекра и свекровь; она не можетъ считать какого-либо имущества своимъ собственнымъ. Когда ей дарятъ съѣдобное, платье или украшеніе, обязана показать это свекру и свекрови, и если тѣ позволятъ принять, то можетъ сохранить у себя, если же не позволятъ, должна отказаться отъ подарка... Безъ зова отца сынъ не смѣетъ входить въ комнату послѣдняго, не смѣетъ и уйти изъ нея безъ приказанія. Когда сынъ выходитъ изъ дому, долженъ сказаться отцу, когда возвращается, долженъ явиться къ нему.

Сынъ не смѣетъ сидѣть въ переднемъ углу, посрединѣ рогожки, не можетъ проходить средними воротами; онъ не имѣетъ права взлѣзать на опасныя высоты или приближаться къ пропастямъ, чтобы не потерять своей жизни, нужной на служеніе родителямъ; не долженъ ни о комъ говорить дурно, слишкомъ уклоняться отъ опасности или безъ нужды подвергаться ей, чтобъ не покрыть родителей стыдомъ. При жизни родителей сынъ не можетъ имѣть своей собственности и не можетъ жертвовать жизнью за друга, не имѣетъ права носить полнаго траура.... Когда родители больны, сынъ не заботится о головномъ украшеніи, имѣетъ смущенный видъ, говоритъ разсѣянно, не играетъ на музыкальныхъ инструментахъ, не находитъ вкуса въ пищѣ и въ питьѣ, не пьетъ много вина, смѣется, только слегка улыбаясь, не въ состояніи гнѣваться.... Относительно чего-нибудь сынъ трижды можетъ увѣщевать своего отца; если тотъ не слушаетъ увѣщаній, то сыну предписывается только плакать и вздыхать, а все-таки слѣдовать волѣ родительской. Какъ чиновникъ пробуетъ лѣкарства, подаваемыя больному государю, такъ и сынъ обязанъ пробовать лѣкарства, назначаемыя для больного отца. При первомъ крикѣ пѣтуха сынъ долженъ отправиться въ спальню родителей, подать имъ воду для умыванья и платья со всѣми ихъ принадлежностями, прибрать комнату и проч. (то же самое дѣлаетъ и жена сына). Вечеромъ, когда родители желаютъ лечь спать, сынъ спрашиваетъ, гдѣ постлать для нихъ постель, и дѣлаетъ это по приказанію.... Сынъ, живущій отдѣльно отъ родителей, каждое утро приходитъ къ нимъ и спрашиваетъ, что имъ угодно будетъ кушать. Во время обѣда сынъ и жена его прислуживаютъ родителямъ; находясь въ комнатѣ родителей, они должны вѣжливо отвѣчать на всѣ приказанія послѣднихъ; при входѣ и выходѣ, приближеніи или удаленіи сохранять почтительный видъ; не смѣютъ говорить сквозь зубы, сморкаться, кашлять, смотрѣть по сторонамъ и т. п.; если родители, разсердясь на сына, до крови будутъ бить его, и тогда онъ долженъ не роптать, а, напротивъ, усиливать въ себѣ чувство сыновняго благочестія.... Отцепочтительный сынъ, служа опорою своимъ родителямъ, обязанъ доставлять имъ всякія удовольствія, не противиться ихъ намѣреніямъ, тѣшить ихъ слухъ и взоры, назначать для ихъ отдохновенія самое покойное мѣсто, предлагать имъ самыя вкусныя пищу и питье....

Что родители любятъ, то долженъ любить и сынъ; что родители находятъ достойнымъ уваженія, то обязанъ уважать и сынъ,—такъ должно быть даже въ отношеніи собакъ и лошадей, тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ людямъ.... По смерти родителей нужно быть осмотрительнымъ въ своемъ поведеніи, чтобы не обезславить ихъ имя. Сыновнее благочестіе—это человѣколюбіе, справедливость, искренность, мужество. Если человѣкъ имѣетъ сыновнее благочестіе, то онъ поль-

зуется благоденствіемъ, если оставляетъ его, то совершаетъ преступленіе и подвергается наказаніямъ. Цзенъ-цзы говоритъ: добродѣтель сыновняго благочестія до неба возносится, въ предѣлахъ 4-хъ морей простирается, въ теченіе вѣковъ не меркнетъ; распространяется ли оно къ восточному морю, западному, южному или сѣверному, повсюду является залогомъ благоустройства и благоденствія....» Въ китайской литературѣ существуетъ большое количество разнаго рода домостроевъ. Въ нихъ на-ряду съ изложеніемъ полнаго круга семейныхъ обрядовъ (свадебныхъ, похоронныхъ, храмовыхъ и проч.) заключаются также и правила поведенія для членовъ семейства: «Всякій сынъ долженъ служить отцу и матери, жена сына — свекру и свекрови. Сынъ и жена его должны вставать до свѣту, умыться, причесаться и облачиться въ надлежащія одежды; затѣмъ, когда начнетъ разсвѣтать, они обязаны явиться въ спальню родителей и спросить, хорошо ли тѣ почивали?

Когда родители встаютъ съ постели, то сынъ готовитъ имъ лѣкарство (если это нужно), а жена — утреннія закуски; по окончаніи приготовленія оба начинаютъ заниматься своими дѣлами. Передъ обѣдомъ невѣстка спрашиваетъ у свекра и свекрови, что имъ угодно будетъ кушать? и приготовляетъ блюда по ихъ указанію. Обѣдъ подается сперва родителямъ, а потомъ уже остальнымъ взрослымъ членамъ семейства; послѣдніе, размѣстившись соотвѣтственно ихъ возрасту, должны получать по равному количеству пищи и питья; малыя дѣти обѣдаютъ отдѣльно отъ взрослыхъ, помѣщаясь на полу, на рогожкѣ, по старшинству, при чемъ мальчики располагаются на правой сторонѣ, дѣвочки—на лѣвой. При ужинѣ поступаютъ такъ же, какъ и при обѣдѣ. Передъ тѣмъ, какъ родители ложатся спать, сынъ и невѣстка выражаютъ имъ пожеланія спокойной ночи. Въ свободное отъ занятій время сынъ и невѣстка обязаны прислуживать родителямъ, выражая почтительность въ осанкѣ и манерахъ, тщательно исполняя всякаго рода ихъ приказанія, кроткимъ и въ то же время веселымъ голосомъ отвѣчая на вопросы; при входѣ родителей, выходѣ и вставаньѣ съ мѣстъ дѣти должны ихъ поддерживать; въ присутствіи родителей дѣти не смѣютъ сморкаться, плевать на полъ, шумѣть; безъ позволенія родителей не смѣютъ ни сѣсть, ни выйти изъ комнаты. Получивъ отъ родителей какое-либо порученіе, сынъ долженъ записать его, подвѣсить записку къ поясу и въ точности исполнить приказанное; если порученіе почему-либо неудобно исполнить, то сынъ обязанъ заявить о томъ родителямъ съ почтительнымъ видомъ, въ мягкихъ выраженіяхъ и ждать ихъ отвѣта по этому поводу; если родители повторяютъ свое приказаніе, то сынъ обязанъ исполнить его, хотя бы отъ того и получился нѣкоторый вредъ. Если родители готовы совершить какой-либо проступокъ, то сынъ долженъ съ веселымъ лицомъ, въ мягкихъ выраженіяхъ увѣщевать ихъ; если увѣ-

щанія сначала не дѣйствуютъ, то продолжать ихъ съ большей почтительностью; если родители, тяготясь его словами, разгнѣваются и до крови будутъ бить сына, то онъ и тогда не долженъ роптать, а, напротивъ, усиливать въ себѣ чувство сыновняго благочестія. Когда родители больны, сынъ и жена его безъ особенной нужды не выходятъ изъ ихъ комнаты, сами приготовляютъ и подаютъ имъ лѣкарства; при болѣзни родителей, сынъ мѣняется въ лицѣ, неспособенъ шутить и смѣяться; оставляя всякія дѣла, онъ спѣшитъ найти доктора и добыть лѣкарство. (Тутъ повторяется буквально то же, что и въ классической книгѣ Лицзи). Сынъ долженъ выражать самую полную преданность родителямъ. Непочтительную невѣстку свекровь вразумляетъ наставленіями; если это не дѣйствуетъ, то гнѣвается на нее; если гнѣвъ не дѣйствуетъ, то бьетъ ее; если невѣстка не исправится и послѣ многократныхъ побоевъ, то сынъ обязанъ отпустить жену. (Дальше опять буквально повторяется то же, что въ Лицзи).

Принципъ сыновняго благочестія нерѣдко проводится и въ китайскихъ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, пѣсняхъ и т. п: «Я намѣрена говорить о томъ повиновеніи, которое требуется отъ жены въ нѣдрахъ семейства, въ кругу домашней дѣятельности, повиновеніи полномъ, неограниченномъ временемъ и обстоятельствами, независящемъ отъ трудности и личныхъ вкусовъ. Такого повиновенія могутъ требовать мужъ отъ жены, свекоръ и свекровь отъ невѣстки. Жена, которая не обладаетъ этою добродѣтелью во всей полнотѣ, недостойна высокаго имени супруги; женѣ, оказывающей повиновеніе только отчасти, нечего будетъ сѣтовать, если съ нею станутъ поступать по всей строгости законовъ. Жена, которая любитъ своего мужа и въ свою очередь любима имъ, безъ труда повинуется ему: въ данномъ случаѣ она слѣдуетъ только своей склонности и притомъ увѣрена, что будетъ исполнять только себѣ самой угодное и что во всякомъ случаѣ получитъ одобреніе со стороны того, кому она нравится. Жена, послушная при этихъ условіяхъ, не выполняетъ и половины своей задачи: такое послушаніе будетъ оказываться ею только до тѣхъ поръ, пока она находится въ согласіи съ мужемъ, а это согласіе развѣ не можетъ исчезнуть навсегда отъ какого-либо даже самаго неважнаго обстоятельства? Но и при постоянномъ согласіи развѣ не выходитъ, что жена въ сущности исполняетъ свою волю, хотя и показываетъ видъ, будто дѣйствуетъ по волѣ мужа? Допустимъ, что такимъ поведеніемъ жена пріобрѣтаетъ уваженіе со стороны мужа, но свекоръ и свекровь будутъ ли смотрѣть на нее тѣми же глазами? Невѣстка не должна самообольщаться: если она не вполнѣ послушна свекру и свекрови, если не исполняетъ въ точности, чего они требуютъ, то она услышитъ отъ нихъ предостереженіе, потомъ угрозы, и, наконецъ, примутъ болѣе серьезныя мѣры къ ея исправленію или прикажутъ сыну исправить свою супругу; если послѣ всего

этого свекоръ и свекровь увидятъ, что невѣстка остается неисправною и не слушается, они поступятъ съ нею такъ, какъ позволяетъ законъ: отлучатъ отъ сына его непослушную жену, которая служитъ для него дурнымъ примѣромъ и препятствіемъ къ исполненію главныхъ требованій сыновняго благочестія. Это отлученіе, хотя бы и не было въ собственномъ смыслѣ разводомъ, тѣмъ не менѣе столь же дѣйствительно, столь же постыдно для жены, какъ и послѣдній. Только полное повиновеніе, какъ мужу, такъ и свекру, и свекрови, можетъ оградить отъ какихъ бы то ни было упрековъ жену, исполняющую всѣ другія свои обязанности. «Женщина», сказано въ Niu-hien-chou, «должна быть въ домѣ тѣнью, эхомъ. Тѣнь заимствуетъ форму отъ тѣла, и эхо только повторяетъ звукъ». (Нюй-цзѣ сочиненіе ученой китаянки Бань-Чжао).

Итакъ, религіозный мотивъ происхожденія китайской семьи требуетъ съ одной стороны строгой власти, съ другой—такого же строгаго подчиненія ей. Изъ этого обстоятельства вытекаетъ то послѣдствіе, что положеніе китайской женщины въ семьѣ въ однихъ отношеніяхъ болѣе рабское, чѣмъ въ европейскихъ семьяхъ, въ другихъ—несравненно болѣе значительное, чѣмъ въ послѣднихъ. Какъ жена верховнаго домовладыки, соучастница его въ выполненіи самыхъ важныхъ религіозныхъ обязанностей и мать первенца-сына, наслѣдника прерогативъ отца, женщина стоитъ очень высоко въ глазахъ китайскаго общества, законъ строго охраняетъ ея права; китаянка можетъ получать титулы не только отъ мужа, но и отъ сына: онъ вѣдь добился почестей вслѣдствіе даннаго родителями воспитанія; вдова пользуется въ семьѣ большимъ почетомъ; бывали случаи, что матери императоровъ за малолѣтствомъ наслѣдниковъ временно управляли государствомъ. Очень строгая супружеская вѣрность (въ видѣ отказа отъ новаго замужества) и семейныя добродѣтели женщины вообще, награждаются правительствомъ и восхваляются китайскими поэтами. При такихъ условіяхъ китаянка, естественно, должна глубоко проникаться сознаніемъ своего долга, стараться держаться на высотѣ ея положенія: въ древности бывали примѣры, что вѣрныя жены, послѣ смерти ихъ, мужей добровольно лишали себя жизни или со времени своего вдовства жили въ самомъ строгомъ, печальномъ уединеніи (при этомъ, конечно, главную роль играло не личное чувство къ мужу, а больше сознаніе долга), за что, разумѣется, получали похвалы отъ всей родни; китайскія женщины и въ настоящее время, стараясь выказать преданность мужу или свекру въ случаѣ болѣзни послѣднихъ, угощаютъ ихъ лѣкарствомъ изъ собственной крови, добытой черезъ нанесеніе себѣ раны. О подобныхъ поступкахъ всегда дѣлается донесеніе правительству, и совершившія ихъ лица получаютъ награды въ видѣ денегъ или тріумфальныхъ арокъ съ торжественными надписями. Въ древнихъ похоронныхъ плачахъ

дѣтей упоминаются самыя нѣжныя заботы о нихъ матерей, ихъ мудрыя наставленія; одинъ сынъ, оплакивая свою мать, говоритъ, что она, отпуская его на службу, высказывала большее желаніе видѣть сына хорошимъ человѣкомъ, чѣмъ даже важнымъ государственнымъ чиновникомъ. Рабство, испытываемое китаянкой въ отношеніяхъ къ старшимъ членамъ семьи, не должно казаться для нея особенно тяжелымъ: вѣдь современемъ и ей будутъ подчиняться такъ же! При этомъ она, вѣроятно, испытываетъ привязанность къ близкимъ лицамъ уже вслѣдствіе одной привычки: дисциплина строгаго повиновенія старшимъ, чувство глубокой сыновней почтительности извѣстно каждому китайцу съ самаго ранняго дѣтства, а поэтому онъ, естественно, свыкается съ ними и легко переноситъ свое положеніе; китаецъ даже считаетъ свой семейный бытъ наиболѣе счастливымъ въ сравненіи съ существующими у другихъ націй. «Только въ семьѣ», говорилъ знаменитый китайскій философъ Конфуцій, «человѣкъ можетъ выполнить свое религіозное и естественное назначеніе; на землѣ нѣтъ ничего выше, ничего почтеннѣе брака!» Въ Китаѣ женятся и выходятъ замужъ рано, число безбрачныхъ лицъ, отчасти вслѣдствіе многоженства, весьма незначительно. Для женщины внѣ замужней жизни почти нѣтъ никакихъ общественныхъ ролей, остается только стать въ ряды проститутокъ, которыхъ отдѣляетъ отъ семьянинокъ цѣлая пропасть, не смягчаемая никакимъ переходнымъ состояніемъ, т.-е. полуприкрытымъ развратомъ. Китайская семья, основанная на строго нравственныхъ и даже, по понятіямъ китайцевъ, религіозныхъ началахъ сыновняго благочестія, отличается необыкновенной солидарностью всѣхъ членовъ ея и представляетъ какъ бы особое государство въ миніатюрѣ, гдѣ, главнымъ образомъ, царитъ единая власть верховнаго домовладыки и весь домашній и хозяйственный обиходъ ведется въ строгомъ порядкѣ. Вѣроятно, многочисленные при китайскомъ многоженствѣ члены патріархальной китайской семьи самые лучшіе, самые преданные и притомъ даровые ея работники. Такой порядокъ вещей, несомнѣнно, долженъ способствовать матеріальному благосостоянію народа; хотя практическіе китайцы, по всей вѣроятности, не испытываютъ всей силы и глубины семейныхъ чувствъ, свойственныхъ другимъ цивилизованнымъ націямъ: а иначе у нихъ мужъ не могъ бы любить нѣсколькихъ женъ разомъ, а первая жена равнодушно переносить его сожительство съ остальными, довольствуясь лишь оказываемымъ ей большимъ внѣшнимъ почетомъ. («Очень сильное чувство любви свойственно только наиболѣе развитому субъекту, говоритъ Вундтъ въ своей этикѣ; на низшей ступени развитія любовь для человѣка есть лишь половое побужденіе. Остальныя ея элементы проявляются еще только здѣсь въ видѣ смутнаго предчувствія. Чѣмъ богаче развитіе разнообразныхъ сторонъ духовной жизни, тѣмъ болѣе любовь требуетъ возбужденія всѣхъ душевныхъ силъ. Та

любовь, въ которой встрѣчаются всѣ желанія, наполняющія душу, никогда не можетъ истощиться. Обыкновенная любовь скоро остываетъ. Чѣмъ выше душевное развитіе, тѣмъ менѣе допускаетъ оно временныя перемѣны въ любви. Моногамія—форма брака, удовлетворяющая потребностямъ болѣе чистаго чувства. На низшихъ ступеняхъ жизни естественнѣе полигамія»). Впрочемъ, у китайцевъ, должно быть, недаромъ существуетъ іероглифъ въ видѣ двухъ женщинъ вмѣстѣ для означенія ссоры. Оба пола очень рѣдко страдаютъ отъ неудачныхъ романовъ, такъ сильно иногда портящихъ жизнь человѣка у другихъ націй, да имъ трудно и возникать въ Китаѣ, гдѣ семья основана не на чувствѣ, а на выполненіи религіозныхъ обязанностей: главныя дѣйствующія лица играютъ даже пассивную роль въ вопросѣ о рѣшеніи ихъ участи; любовь къ дѣтямъ соразмѣряется съ религіознымъ значеніемъ ихъ. Но зато сознаніе родственныхъ связей должно быть въ Китаѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, переживших уже состояніе родового быта, когда человѣкъ чувствуетъ себя солидарнымъ не только съ семьей, но и съ цѣлымъ родомъ своимъ. Китаецъ принадлежитъ своей семьѣ не въ одной его временной земной жизни, а связанъ съ прошлымъ этой семьи чествованіемъ предковъ и ждетъ въ свою очередь того же отъ своего потомства въ загробномъ существованіи; можно ли при такихъ условіяхъ легкомысленно относиться къ семьѣ и не выполнять ея требованій, которыя сверхъ того еще строго охраняются закономъ?

Въ этомъ отношеніи китайская семья не имѣетъ ничего общаго съ современной семьей европейскихъ народовъ, гдѣ бракъ заключается на другихъ основаніяхъ, и высокій идеалъ его рѣдко хорошо выполняется въ дѣйствительности. *) У китайцевъ въ ихъ государственной жизни сохраняются еще многіе остатки родового быта. Каждый знаетъ тамъ, къ какому принадлежитъ онъ роду, родственники въ извѣстное время обязаны съѣзжаться на общія собранія. По поводу ихъ въ одномъ китайскомъ произведеніи, спеціально трактующемъ объ этомъ предметѣ, говорится: «Собранія составляются два раза въ мѣсяцъ: одно 10-го числа, другое—26-го. Семья, у которой находится залъ собранія, должна приготовить въ немъ все нужное: у сѣверной стѣны столъ съ разложенными на немъ книгами, у восточной и западной—рогожки, на которыхъ члены собранія займутъ свои мѣста соотвѣтственно возрасту и степени родства. Предсѣдатель собранія садится на креслѣ за столомъ и имѣетъ передъ собою Инъ-сянъ, чтобы подавать знаки и приглашать присутствующихъ къ молчанію. Тѣ, которые должны говорить или читать, садятся возлѣ предсѣдателя. Для чтенія выбираютъ молодыхъ людей, отличающихся звучностью и силой

*) Георгіевскій: „Принципы жизни Китая“.

голоса. При этомъ читаются обыкновенно классическія конфуціанскія книги: первая часть Шицзина, Да-се, Сяо-се, Сяо-цзинъ, законы уголовные и полицейскіе, сборникъ примѣровъ сыновняго благочестія и т. под. По окончаніи чтенія и наставленій женскому полу относительно добронравнаго поведенія, въ собраніи дѣлаются вопросы, не имѣетъ ли кто-либо изъ родственныхъ членовъ сообщить о какомъ-либо дурномъ дѣлѣ въ семействѣ или въ сношеніяхъ съ посторонними. У кого такое дѣло оказывается, тотъ чистосердечно излагаетъ всѣ обстоятельства его и проситъ совѣта. Вслѣдъ затѣмъ каждый поочереди высказываетъ свое мнѣніе по поводу слышаннаго и даетъ совѣтъ, какъ предотвратить процессъ и уладить дѣло. Большинство голосовъ опредѣляетъ, чего слѣдуетъ держаться... Если рѣчь идетъ о значительномъ проступкѣ, который получилъ уже огласку въ публикѣ, собраніе принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы исправить совершившаго проступокъ и не допустить его до потери всякаго стыда и страха. Собраніе освѣдомляется о добрыхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ тѣмъ или другимъ членомъ рода, записываетъ эти дѣянія, чтобы сохранить о нихъ память и тѣмъ побудить другихъ къ подражанію. Собраніе разсматриваетъ, въ какомъ положеніи находится каждое семейство (принадлежащее къ одному роду) относительно податей и налоговъ, такъ—какъ не слѣдуетъ допускать, чтобы та или другая семья подвергалась за неисправность выговорамъ или принужденіямъ правительства. Если встрѣчаются затрудненія въ разсчетѣ и раскладкѣ податей и налоговъ, если усматриваются недоимки, возбуждающія споръ, глава рода заставляетъ дать ему отчетъ объ этомъ, все выясняетъ и произноситъ рѣшеніе, которое приводится въ исполненіе, и спорныя деньги немедленно уплачиваются. Если въ собраніи сообщается о какой-либо тяжбѣ между братьями, дядями, племянниками или другими родственниками, то глава рода совѣщается объ этомъ съ хозяевами семействъ и вмѣстѣ съ ними произноситъ рѣшеніе, такъ что дѣло обходится безъ суда. Если членъ рода имѣетъ тяжбу съ кѣмъ-либо постороннимъ, то старшины заставляютъ подробно выяснить имъ суть дѣла: когда оно оказывается важнымъ, т.-е. если касается брака, земли или нанесенныхъ оскорбленій, они вступаютъ въ переговоры съ родными и друзьями противной стороны, чтобы уладить дѣло полюбовно. Собраніе наводитъ справки, нѣтъ ли среди членовъ рода стариковъ, вдовъ, сиротъ, больныхъ, которые нуждаются въ помощи. Обсудивъ подробно ихъ положеніе, каждый изъ состоятельныхъ членовъ рода удѣляетъ часть своихъ средствъ: въ итогѣ получается достаточная сумма для содержанія неимущихъ, а для больныхъ обезпечивается помощь и лѣченіе... По окончаніи чтенія, наставленій и разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся членовъ рода, собраніе считается закрытымъ. Но если остается еще свободное время, и члены не желаютъ расходиться, то заставляютъ

дѣтей пѣть стихи, преподаютъ имъ правила церемоніала и упражняютъ въ исполненіи обрядовъ. Такое тѣсное общеніе предписывается лицамъ, принадлежащимъ къ разнымъ семьямъ, но имѣющимъ одного общаго прапрадѣда. Единство рода зиждется на той же прочной религіозной основѣ, какъ и семьи, т.-е. на культѣ предковъ: «Братья», говоритъ Чжу-цзы, «раздѣльно живущіе, не имѣютъ особыхъ храмовъ предкамъ; младшіе братья совершаютъ жертвоприношенія въ храмѣ, находящемся при домѣ старшаго брата, которому (какъ главному жрецу) помогаютъ въ качествѣ прислужниковъ, снабжая его потребными для жертвоприношеній предметами. Когда братья разселятся на болѣе дальнее разстояніе, то табели предковъ сохраняются въ храмѣ при домѣ старшаго брата, а младшіе братья не могутъ имѣть табелей; они въ сроки жертвоприношеній подписываютъ имена предковъ на бумажныхъ знаменахъ, которыя сожигаютъ по окончаніи молебствія». Древнее правило, замѣчаетъ Чен-цзы, что неперворothерводные потомки не имѣютъ права приносить жертвы своимъ предкамъ, надо понимать въ слѣдующемъ смыслѣ: «только первородный потомокъ имѣетъ храмъ предковъ, неперворододные потомки приносятъ жертвы вмѣстѣ съ первороднымъ, участвуютъ лично при молебствіи, если могутъ, а если не могутъ, то помогаютъ первородному потребными для жертвоприношеній предметами». «Неперворододные потомки, сказано въ «Лицзи», если имѣютъ средства, то изъ двухъ животныхъ лучшее преподносятъ первородному (для жертвоприношеній); они сперва совершаютъ молебствіе въ храмѣ при домѣ перворододнаго и только по окончаніи этого молебствія могутъ приносить жертвы въ своихъ собственныхъ домахъ (усопшему отцу, дѣду или прадѣду, смотря по тому, когда побочная семья отдѣлилась отъ перворододнаго потомка»). Жертвоприношенія предкамъ должны были совершаться членами одного рода совмѣстно. Они, обыкновенно, оканчивались торжественнымъ обѣдомъ въ домѣ перворододнаго потомка, гдѣ присутствовали всѣ члены рода. Эти-то родовые обѣды, не лишенные религіознаго характера, и послужили переходной ступенью отъ собранія членовъ рода для молитвы усопшимъ предкамъ къ собранію родовичей для разсмотрѣнія ихъ домашнихъ и финансовыхъ обстоятельствъ. Соотвѣтственно 4-мъ главнымъ табелямъ, передъ которыми совершаются молебствія въ храмахъ предковъ, и родовыя собранія должны состоять изъ членовъ, происходящихъ не дальше, какъ отъ усопшаго прапрадѣда. Въ древности число главныхъ табелей, вѣроятно, не было ограничено, и родовыя собранія должны были заключать въ себѣ членовъ болѣе отдаленнаго родства.—Родовой бытъ обыкновенно ослабляется съ развитіемъ народной жизни, а потому и въ Китаѣ съ теченіемъ времени стремленіе къ разъединенію членовъ рода постепенно усиливалось; но китайское конфуціанское правительство, по своему консервативному духу, если не имѣетъ возможности воспрепятствовать отдѣленію членовъ того

или другого рода, то, по крайней мѣрѣ, поощряетъ совмѣстное сожительство родовичей: роду, котораго нѣсколько поколѣній, сохраняя согласіе и любовь, живутъ нераздѣльно, позволяется воздвигнуть передъ воротами главнаго дома арку съ начертанными на ней словами: «преданность, вѣрность, сыновнее благочестіе, братская любовь». Въ Китаѣ и теперь можно встрѣтить значительныя деревни, населенныя исключительно родственниками. Въ древнія времена встрѣчаются многочисленные примѣры родовой нераздѣльности: «въ Шень-ю-гуанъ-сюнь» выставляется на видъ, что въ одной фамиліи родственники 9-ти колѣнъ жили вмѣстѣ, а въ другой 700 человѣкъ пользовались общимъ столомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ древности родовой бытъ въ Китаѣ былъ развитъ несравненно сильнѣе, вслѣдствіе большей силы вліянія культа предковъ. Вѣроятно, каждый китайскій родъ управлялся единымъ старшиною, перворoднымъ потомкомъ усопшихъ предковъ. (Въ Китаѣ есть пословица: «хотя бы фамилія состояла изъ тысячи членовъ, власть должна быть въ рукахъ одного»). Эти роды, объединяемые культомъ предковъ, представляли совершенно замкнутыя общества, политически самостоятельныя единицы: родовой старшина былъ царемъ рода и, въ качествѣ главнаго наслѣдственнаго жреца, облекался властью законодателя, судьи и администратора въ отношеніи своихъ сородичей. Древнѣйшіе роды, по требованію культа предковъ, должны были обладать земельною собственностью и, слѣдовательно, быть территоріальными единицами, какъ бы прототипами государства. Родовые старшины составляли тогда сеймы для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся всѣхъ одноплеменниковъ. Позднѣе, когда организовалась уже государственная власть, эти старшины выбирали императоровъ, или, по крайней мѣрѣ, утверждали ихъ власть, если она была ими присвоена: императоры въ качествѣ верховныхъ жрецовъ въ храмѣ предковъ передъ жертвенниками небу Шаньди) получали въ свои руки верховную власть (законодательную, судебную, административную и военную) и становились посредниками между народомъ и верховнымъ Шаньди (небомъ), дѣлались цензорами гражданъ. Современемъ императорская власть стала наслѣдственною и диффиренцировалась между 6-ю министерствами и цензоріатомъ. Родовые старшины постепенно утратили политическую власть; обезличившіеся черезъ естественное размноженіе, роды потеряли прежнее значеніе, и образовалось государство, управляемое императоромъ и состоящее изъ двухъ категорій лицъ: гражданъ-чиновниковъ и простого политически безразличнаго народа. Но власть государя въ древнемъ Китаѣ, при необезпеченности тогдашняго быта, вытекала, главнымъ образомъ, изъ его военнаго значенія и была слаба: выдающіеся, хорошо матеріально обезпеченные, т.-е. владѣющіе большими участками земли, родовые старшины или князья могли ее оспаривать у императора. Въ Китаѣ не одинъ разъ появлялось по нѣскольку сов-

мѣстныхъ верховныхъ владѣльцевъ: одно время имъ управляли 15 князей разомъ. Происходили междоусобныя войны и страшныя безурядицы. Тогда всплыли наверхъ консервативные элементы страны, явился китайскій мудрецъ, великій Конфуцій, старавшійся въ виду народныхъ бѣдствій съ ясно сознаваемой цѣлью возстановить добрые нравы стараго времени, принципы древняго родового быта и единство власти въ Китаѣ. Попытка его, какъ извѣстно, имѣла блестящій успѣхъ, послѣдователи Конфуція сдѣлались даже политической силой и опорой еще не окрѣпшаго правительства, и, въ виду продолжавшихся смутъ, а отчасти, быть можетъ, изъ желанія угодить покровительствующей имъ власти, старались усилить послѣднюю и вырабатывали въ теченіе продолжительнаго времени обезличивающую человѣка теорію правилъ для поведенія, исходной точкой которой былъ восхваляемый великимъ учителемъ принципъ древней китайской жизни,—сыновнее благочестіе. Это составляло единственный идеалъ конфуціанской школы, и она утрировала его значеніе. Разработанная до мельчайшихъ подробностей теорія главныхъ соціальныхъ отношеній и правилъ поведенія человѣка во всевозможныхъ случаяхъ его жизни послужила основою конфуціанскому законодательству и сдѣлалась утвержденнымъ правительствомъ обязательнымъ руководствомъ для народнаго быта. При этомъ необыкновенно усилилось значеніе императорской власти,—народъ былъ приведенъ въ состояніе добровольнаго пассивнаго повиновенія. Съ тѣхъ поръ китайское государство существуетъ на незыблемыхъ основахъ въ теченіе очень многихъ столѣтій. Какова же его организація? Въ основѣ государства лежитъ тотъ же принципъ, какъ и въ болѣе мелкихъ китайскихъ политическихъ единицахъ: родѣ и семьѣ. Это религіозный союзъ людей; императоръ—сынъ неба, которое, по китайскимъ понятіямъ, какъ бы олицетворяетъ собою самаго древнѣйшаго родоначальника всего китайскаго народа, верховнаго предка. Обязанности императора къ небу и народу сходны съ обязанностями главы рода и семьи къ ихъ предкамъ и зависящимъ отъ нихъ лицамъ. Исходный пунктъ—то же сыновнее благочестіе, только государство уже болѣе широкій семейный союзъ: семью эту составляетъ весь народъ, съ императоромъ во главѣ, а верховный предокъ—само царственное небо. Это исконный китайскій идеалъ, тотъ же родовой бытъ, хотя уже, разумѣется, съ значительными дополненіями, необходимыми въ широкой сферѣ государственной жизни. Вотъ что говорятъ о значеніи императорской власти и взаимныхъ отношеніяхъ сына неба и народа китайскій мудрецъ Конфуцій съ его послѣдователями. Слова Конфуція: «Основою управленія служатъ взаимная любовь и взаимное уваженіе между управляющими и управляемыми лицами. Императоръ получаетъ повелѣніе отъ неба, чиновники — отъ государя. Когда съумѣлъ быть почтительнымъ сыномъ, то можешь сдѣлаться и отцомъ; когда съумѣлъ быть чиновникомъ, можешь стать

и государемъ; когда съумѣлъ служить людямъ, то можешь ими и повелѣвать. Слово управленіе значитъ веденіе по правильному пути. Если государь самъ идетъ по этому пути, то и его подданные слѣдуютъ за нимъ и не уклоняются отъ прямого направленія: народъ подражаетъ тому, что дѣлаетъ государь. Если народъ пользуется отъ государя отеческой любовью, искренностью и уваженіемъ, то и самъ любитъ его, привязанъ къ нему, послушенъ его волѣ. Низшіе, служа высшимъ, слѣдуютъ не приказаніямъ, а подражаютъ ихъ поведенію; поэтому высшіе должны быть очень осторожны». «Зачѣмъ вамъ, правителямъ народа, употреблять наказанія? Любите добродѣтель, и народъ будетъ добродѣтеленъ: ваше добродѣтельное поведеніе уподобляется вѣтру, передъ которымъ, какъ трава, преклоняется народъ. Возвышайте людей добродѣтельныхъ, удаляйте испорченныхъ, и народъ будетъ вамъ повиноваться, въ противномъ же случаѣ возненавидитъ. Ваши подданные не будутъ ворами, если вы сами не присвоиваете чужого имущества, хотя бы и вознаграждая за него. Правитель народа долженъ благодѣтельствовать безъ расточительности, облагать народъ повинностями, не возбуждая его ропота, удовлетворять своимъ желаніямъ, не впадая въ алчность; сознавать свое достоинство и не быть гордымъ, сохранять величіе и не быть надменнымъ.

Заботиться о доставленіи народу всего, что можетъ служить ему на пользу,—развѣ это не значитъ благодѣтельствовать безъ расточительности? Если народъ облагается повинностями, истинно необходимыми, то кто будетъ роптать? Не поступать небрежно въ обращеніи съ своими подданными, независимо отъ того, много или мало ихъ будетъ, относиться внимательно въ дѣлахъ важныхъ и неважныхъ,—развѣ это не значитъ сознавать свое достоинство и не быть гордымъ? Самая главная задача управленія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать подданныхъ богатыми и долгоденствующими. Подданные сдѣлаются богатыми, если отъ нихъ будутъ требовать исполненія легкихъ повинностей и уплаты необременительныхъ податей; подданные сдѣлаются долгоденствующими, если ихъ научатъ пониманію сущности «Ли» (правилъ для поведенія) и тѣмъ самымъ предостерегутъ отъ преступленій и соединенныхъ съ ними наказаній.... Въ Шицзинѣ сказано: «любвеобильный государь—отецъ и мать своего народа, а гдѣ видано, чтобы родители были бѣдны, когда дѣти владѣютъ богатствами? Государи должны требовать отъ подданныхъ того, чего потребовалъ бы отецъ отъ своихъ дѣтей; подданные должны относиться къ государю, какъ почтительные дѣти къ родителю. Будьте осмотрительны въ словахъ и поступкахъ; не говорите и не дѣлайте ничего, въ чемъ могли бы послѣ раскаяться и чего не сказали бы и не сдѣлали бы передъ лицомъ общаго предка или вашихъ собственныхъ предковъ, если бы они предстали. Пусть ни одно оскорбительное слово не вылетитъ изъ устъ вашихъ. Не забывайте, что взоры всѣхъ

устремлены на васъ, и вы служите образцомъ для общаго поведенія. Если государь является строгимъ исполнителемъ обрядовъ, правилъ и обязанностей, если между нимъ и его подданными существуетъ взаимная любовь, то всѣ жители Китая могутъ считаться его народомъ и ему не съ кѣмъ будетъ вступать во враждебныя отношенія и воевать. Если же государь не исполняетъ своихъ обязанностей, то подданные отъ него отвращаются, и онъ становится предметомъ общей ненависти; такой государь не имѣетъ средствъ для своей охраны». Итакъ, Конфуцій, предписавъ государю отеческое отношеніе къ народу, налагаетъ на него очень серьезныя обязанности. Только такимъ способомъ поведенія онъ можетъ сохранить свою власть. Въ другомъ мѣстѣ Конфуцій говоритъ: «Для управленія государствомъ достаточно лишь искренняго исполненія «ли», обрядовъ (правилъ поведенія). Когда народъ съ радостью встрѣчаетъ правительственныя приказанія, — это называется согласіемъ; когда высшіе и низшіе проникнуты взаимною любовью, — это называется человѣколюбіемъ; когда народъ, не прося, получаетъ то, что ему нужно, — это называется искренностью; когда народъ не выставляетъ причиною своихъ несчастій дурную погоду и непроизводительность почвы, то это называется справедливостью. Безъ согласія, человѣколюбія, искренности и справедливости управленіе государствомъ не можетъ быть правильно. Необходимымъ регуляторомъ государственнаго управленія служатъ ли». Простого человѣка бѣдность стѣсняетъ, богатство дѣлаетъ гордымъ; стѣсненіе ведетъ къ воровству, гордость къ смутамъ. «Ли» регулируютъ поведеніе людей и не даютъ имъ впадать въ крайности. Причина того, что человѣкъ дѣлается корыстнымъ, воромъ, разбойникомъ, заключается въ недовольство, недовольство же рождается изъ незнанія мѣры; если высшіе укажутъ мѣру, то народъ будетъ знать, на чемъ остановиться и не станетъ попадать въ тюрьмы. Причина неисполненія сыновнихъ обязанностей заключается въ недостаткѣ гуманности, похоронные обряды и молебствія въ храмахъ предковъ научаютъ любви и гуманности; если эти обряды и молебствія изъяснены, то народъ укрѣпится въ сыновнемъ благочестіи и не будетъ попадать въ тюрьмы. Причина того, что низшіе посягаютъ на жизнь высшихъ, заключается въ незнаніи справедливости; обрядъ дѣланія придворнымъ подарковъ служитъ къ выясненію справедливости; когда справедливость выяснена, то народъ не станетъ производить возмущеній и не будетъ подвергаться казни. Причина ссоръ и дракъ заключается въ недостаткѣ почтенія и уступчивости со стороны младшихъ въ отношеніи къ старшимъ; обрядъ деревенскаго питья вина служитъ къ усиленію почтенія и уступчивости младшихъ; когда почтеніе и уступчивость младшихъ усилены, то не будетъ дракъ, ссоръ, и народу не придется попадать въ тюрьмы. Причиною разврата является недостаточное отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ, при которомъ мужъ и жена

уклоняются отъ своего истиннаго поведенія; обрядъ брака служитъ къ выясненію различія между мужчиною и женщиною, равно какъ и истиннаго поведенія супруговъ,—слѣдовательно, обряды брака не допускаютъ народъ предаваться разврату и за то попадать въ тюрьмы». Святой можетъ изъ поднебесной (т.-е. Китая) сдѣлать какъ бы одно семейство, какъ бы одного человѣка; но для этого онъ долженъ знать проявленія сердца человѣческаго. Радость, гнѣвъ, печаль, страхъ, любовь, ненависть, желаніе,—вотъ семь природныхъ проявленій человѣческаго сердца. (Дальше Конфуцій говоритъ о десяти видахъ справедливости, выражающихся въ отношеніяхъ между людьми). Искренность и любовь,—вотъ что людямъ полезно; споры, отнятіе собственности, убійства, — вотъ что составляетъ для людей предметъ безпокойства. Святой человѣкъ установляетъ обряды (ли), чтобы ими направлять семь проявленій человѣческаго сердца и черезъ то выяснять десять видовъ справедливости, чтобы усиливать полезное людямъ и черезъ то устранять все, безпокоющее ихъ. Святой человѣкъ смотритъ на человѣческую натуру, какъ на поле; онъ вспахиваетъ его обрядами, засѣваетъ справедливостью, полетъ ученіемъ, даетъ силу посѣву утвержденіемъ гуманности, успокоиваетъ посѣвъ разсыпаніемъ удовольствія... Поэтому, управлять государствомъ, не исполняя ли,— это все равно, что копать безъ заступа; исполнять ли и не основываться на справедливости,—это все равно, что копать и не сѣять; стремиться къ справедливости и не изъяснять ее ученіемъ,—это все равно, что сѣять и не пахать; изъяснить справедливость ученіемъ и не объединять ее человѣколюбіемъ, — это все равно, что пожинать посѣвъ и не употреблять его въ пищу; успокоивать удовольствіемъ и не приводить къ послушанію, — это все равно, что употреблять снятый посѣвъ въ пищу и не полнѣть. Когда всѣ члены правильны и мясо достигаетъ наибольшаго развитія, то это называется полнотою человѣческаго тѣла; когда между отцомъ и сыномъ существуютъ лучшія отношенія, между братьями - любовь, между супругами—согласіе, то это называется полнотою семейства; когда высшіе чиновники соблюдаютъ законы, а низшіе осмотрительны въ своемъ поведеніи, когда должности установлены въ порядкѣ, когда между государемъ и чиновниками существуютъ прямыя отношенія, то это называется полнотою государственнаго управленія; когда сынъ неба добродѣтель дѣлаетъ своею колесницею и управляетъ, распространяя довольство, когда князья, сообразуясь съ ли, занимаютъ то или другое положеніе, когда вельможи, сообразуясь съ законами, занимаютъ ту или другую должность, а чиновники искренностью взаимно себя провѣряютъ, когда 100 семействъ (т.-е. весь Китай) взаимной любовью себя охраняютъ, то это называется полнотою имперіи, великимъ согласіемъ. Только при великомъ согласіи можно питать живыхъ, провожать усопшихъ, служить духамъ и геніямъ... Когда выяснена спра-

ведливость молебствій небу и землѣ, когда выясненъ обрядъ весенняго и осенняго жертвоприношенія въ храмѣ предковъ, то управленіе государствомъ представляется намъ на ладони. Управлять государствомъ безъ соблюденія ли—это все равно, что слѣпому быть безъ проводника, все равно, что искать чего-либо безъ свѣчи въ темной комнатѣ... Ли составляютъ необходимое условіе народнаго существованія. Нѣтъ ли, нельзя правильно служить духамъ неба и земли: нѣтъ ли, нечѣмъ разграничить государя отъ чиновниковъ, высшихъ отъ низшихъ (по общественному положенію), старшихъ отъ младшихъ (по возрасту); нѣтъ ли, не въ чемъ обнаружить должныхъ отношеній между мужскимъ и женскимъ поломъ, между родителями и дѣтьми, между старшими и младшими братьями, между ближними и дальними родственниками. Мудрый человѣкъ въ формѣ ли выражаетъ свое почтеніе и, научая тому же народъ, приводитъ его къ согласію». Итакъ, Конфуцій считалъ необходимымъ соблюденіе обрядовъ и правилъ поведенія для благоденствія народной жизни.

Послѣдователи Конфуція разработали теорію правилъ для поведенія человѣка подробно и особенно трудились надъ вопросомъ о сыновнемъ благочестіи; по поводу его было написано цѣлое сочиненіе «Сяоцзинъ», (т.-е. книга о сыновнемъ благочестіи)... «Тѣломъ нашимъ, до самыхъ волосъ и кожи, мы обязаны родителямъ:—сохранять свое тѣло и не портить его,—это первое требованіе сыновняго благочестія; утвердиться въ нравственномъ поведеніи, обезсмертить свое имя и простереть славу на родителей—это конечное требованіе сыновняго благочестія. Начало этого послѣдняго—служеніе родителямъ, средина—служеніе государю, конецъ—нравственное самоусовершенствованіе... Истощать все свое уваженіе, всю свою любовь на служеніе родителямъ, направлять народъ на путь добродѣтели, простирать свое нравственное вліяніе въ предѣлахъ 4-хъ морей (т.-е. и на варваровъ)—вотъ въ чемъ заключается сыновнее благочестіе государя... Если чиновники будутъ служить государю съ чувствомъ сыновняго благочестія, то они сдѣлаются преданными; если будутъ относиться съ почтеніемъ къ высшимъ, то станутъ послушными... Отношеніе родителей и дѣтей истекаютъ изъ естественнаго закона и служатъ первоначаломъ отношеній между государемъ и подданными. Не почитать своихъ родителей, а желать оказывать любовь и почтеніе къ чужимъ людямъ—противно естественному закону!.. Всегда выражать полное уваженіе къ родителямъ, доставлять имъ пищу самую любимую; скорбѣть, когда они больны, до глубины души сокрушаться при ихъ кончинѣ; приносить имъ усопшимъ жертвы съ религіозною торжественностью,—вотъ пять обязанностей сыновняго благочестія. Кто такъ служитъ своимъ родителямъ, тотъ, находясь въ высокомъ положеніи, не гордится, находясь въ низменъ—не производитъ возмущеній, избѣгаетъ споровъ: гордость ведетъ къ паденію, возмуще-

ніе—къ наказаніямъ, споры—къ дракамъ. Кто не остерегается всего этого, у того нѣтъ сыновняго благочестія. Самъ императоръ долженъ почитать отца своего и ставить выше себя его старшихъ родственниковъ; чтобы не покрыть своихъ предковъ стыдомъ, императоръ долженъ заботиться о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи...» Въ кононической конфуціанской книгѣ Шуцзинѣ въ назиданіе императорамъ приводятся бесѣды древнихъ царей съ ихъ министрами: «Если государь можетъ выполнить трудныя обязанности управленія, говоритъ министръ, если то же могутъ сдѣлать и чиновники, то управленіе будетъ въ хорошемъ порядкѣ, и народъ будетъ стараться сдѣлаться добродѣтельнымъ». Императоръ сказалъ: «Да, если такъ, то хорошіе совѣты (заявленія) не будутъ скрываемы, люди добродѣтельные не будутъ удаляемы отъ двора, и всѣ въ государствѣ будутъ пользоваться благоденствіемъ. Но сообразоваться со взглядами всѣхъ, выражать свое мнѣніе и въ то же время слѣдовать мнѣнію другихъ, ограждать безпомощныхъ отъ притѣсненія, не пренебрегать людьми бѣдными,—могъ только императоръ Яо, поэтому министръ высказываетъ ему похвалы: «О, императоръ! Ваша добродѣтель обширна и постоянна, свята и духовна, внушительна и привлекательна! Но будьте осторожны, охъ, будьте осторожны! когда, повидимому, и нечего бояться, внимательно относитесь къ требованіямъ закона и всякимъ правиламъ поведенія; не ищите наслажденій только въ собственныхъ удобствахъ и не излишествуйте въ удовольствіяхъ; поручая дѣла людямъ добродѣтельнымъ, не ставьте между собою и ими какихъ-либо посредниковъ; не колеблясь, устраняйте зло; не пытайтесь осуществлять планы съ сомнительнымъ успѣхомъ; старайтесь, чтобы всѣ намѣренія ваши освѣщались разумомъ, и не уклоняйтесь отъ пути правды для снисканія народной похвалы; не противьтесь народному желанію въ угоду своему собственному; неукоснительно, неослабно занимайтесь дѣлами, и варвары четырехъ странъ сами придутъ къ вамъ и признаютъ васъ своимъ государемъ. О, императоръ, подумайте о томъ, что добродѣтель проявляется въ хорошемъ управленіи, а хорошее управленіе заключается въ доставленіи народу прокормленія. Должно обезпечить народу пользованіе огнемъ, водою, металлами, древеснымъ матеріаломъ, землею и хлѣбомъ; должно позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать народъ добродѣтельнымъ, оградить его жизнь и здоровье. Когда эти 9 требованій будутъ выполнены, то пусть такое выполненіе прославится 9-ю сортами пѣсенъ. Чтобы дѣйствовать всегда съ успѣхомъ, давайте народу наставленія въ кроткихъ словахъ, исправляйте его указаніемъ важности законовъ, побуждайте его къ добродѣтели 9-ю сортами пѣсенъ». «Ваша добродѣтель, императоръ, безупречна; вы снисходите къ чиновникамъ съ любезностью; управляете народомъ, руководясь великодушіемъ; подвергая кого-либо казни, вы не простираете наказанія на сыновей и

внуковъ; награждая кого-либо, распространяете награду и на потомковъ; неумышленное преступленіе вы прощаете, не разбирая, велико или мало, но за умышленное наказываете, хотя бы оно было и не велико; вы только слегка наказываете человѣка, котораго преступленіе не вполнѣ ясно, но высоко цѣните заслуги, хотя бы онѣ и были еще сомнительны. Чтобы не подвергнуть смертной казни невиннаго человѣка, вы предпочитаете поступаться закономъ (т.-е., быть можетъ, оправдываете виновнаго); ваша любовь сохранять жизнь людей вліяетъ на сердце народа, и поэтому онъ становится не требующимъ наказаній.» Въ Шуцзинѣ излагается конфуціанское ученіе о древнихъ золотыхъ вѣкахъ китайской исторіи и о древнихъ мудрыхъ государяхъ, которые должны служить для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній недосягаемымъ идеаломъ добродѣтели. По конфуціанскому ученію цари теряютъ свою власть только вслѣдствіе ихъ дурнаго поведенія. Классическая книга «Лиц-зи» представляетъ собою развитіе Конфуціева ученія о гуманности, условіяхъ образцоваго управленія государствомъ, значеніи и формѣ разнаго рода обрядовъ и церемоній, бракѣ, сыновнемъ благочестіи и семейной основѣ, чествованіи предковъ и духовъ вообще.

«Пятидесятилѣтній, говорится тамъ, между прочимъ, имѣетъ право опираться на посохъ въ своемъ домѣ, шестидесятилѣтній—въ своей волости, семидесятилѣтній можетъ вездѣ являться съ посохомъ, представляться и ко двору; что касается до девяностолѣтняго старца, то императоръ, если желаетъ спросить его о чемъ-либо, самъ долженъ отправиться къ нему въ домъ... Единственный сынъ 80-лѣтняго старца не призывается на государственную службу, отъ государственной службы освобождается вся семья 90-то-лѣтняго старца, и всѣ тѣ лица, которыя носятъ 3-хъ-годичный трауръ по родителямъ. Въ установленныхъ древними государями обрядахъ необходимо различать сторону внутреннюю и внѣшнюю. Преданность и искренность—это внутренняя сторона, основа обрядовъ; точность и порядокъ — сторона внѣшняя. Безъ основы обрядамъ не на чемъ будетъ держаться, безъ правильной внѣшности ихъ нельзя будетъ исполнять. Въ жизни людей самое главное обряды. Отцепочтительный сынъ, принося жертвы усопшимъ предкамъ, истощаетъ свою искренность, свое уваженіе, до конца исполняетъ обрядъ безъ всякаго упущенія; онъ приближается къ табличкамъ предковъ и отступаетъ съ почтеніемъ, какъ будто бы получаетъ приказаніе отъ усопшихъ... Тѣло наше—это тѣло родителей,—можно ли относиться къ нему безъ уваженія? Не имѣетъ сыновняго благочестія тотъ, кто живетъ нескромно, кто служитъ государю безъ преданности, исполняетъ должность, не проникаясь уваженіемъ, не искрененъ въ отношеніи къ друзьямъ, не выказываетъ храбрости на войнѣ... По смерти родителей должно быть осмотрительнымъ въ своемъ поведеніи, чтобы не обезславить ихъ имя... Сыновнее бла-

гочестіе, это—человѣколюбіе, ли, справедливость, искренность, мужество; если человѣкъ имѣетъ сыновнее благочестіе, то онъ благоденствуетъ; если оставляетъ его, то подвергается наказаніямъ. Оно повсюду является залогомъ благоустройства и благоденствія... Если правитель любитъ своихъ родителей, то онъ долженъ уважать и своихъ дѣдовъ, чтить своихъ предковъ, не допускать до распаденія свой родъ, поддерживать величіе храма своихъ предковъ, чтобы укрѣпить свою власть; укрѣпивъ свою власть, онъ будетъ любить свой народъ; любя народъ, будетъ умѣренно примѣнять наказанія; когда наказанія будутъ умѣренны, народъ будетъ покоенъ; пользуясь спокойствіемъ, онъ обезпечитъ себя матеріальными средствами; матеріальное обезпеченіе дастъ народу возможность осуществлять свои желанія, — когда утвердятся обряды, улучшатся нравы, распространится повсюду благоденствіе... Великое ученіе имѣетъ своею задачею раскрыть сущность естественнаго закона и показать людямъ, что ихъ назначеніе заключается въ самоусовершенствованіи... Древніе государи, желая раскрыть сущность естественнаго закона, заботились прежде всего о хорошемъ управленіи государствомъ, желая хорошо управлять государствомъ, старались сперва благоустроить свои семейства; желая благоустроить свои семейства, заботились сперва объ исправленіи самихъ себя; желая исправить самихъ себя, заботились прежде о прямотѣ своей души, старались сохранить чистоту своихъ намѣреній; желая сохранить чистоту своихъ намѣреній, старались сперва составить вѣрное понятіе объ истинно нравственномъ: составить вѣрное понятіе объ истинно нравственномъ — значитъ постигнуть коренные принципы дѣйствій... Для всѣхъ людей, безъ различія ихъ положеній, существуетъ одна и та же обязанность: это—нравственное самоусовершенствованіе... Воля неба называется естественнымъ закономъ; согласованіе нашихъ дѣйствій съ требованіями естественнаго закона называется нравственностью; разъясненіе нравственности называется ученіемъ объ обязанностяхъ. Нравственность настолько обязательна, что отъ нея никогда и ни въ чемъ нельзя уклоняться,—въ противномъ случаѣ человѣкъ утрачиваетъ неизмѣнный принципъ своихъ дѣйствій... Для мудреца нѣтъ ничего очевиднѣе откровеній совѣсти, ничего яснѣе причинъ, производящихъ дѣйствія. Состояніе души, не возбужденной радостью, гнѣвомъ, печалью, называется состояніемъ равновѣсія. Состояніе души, въ которой родилась радость, гнѣвъ или печаль, но не достигли еще крайней степени, называется гармоническимъ... Когда равновѣсіе и гармонія существуютъ ненарушимыми, тогда небо и земля находятся въ состояніи совершеннаго спокойствія, и все существующее можетъ достигать своего развитія». «Мудрецъ всегда имѣетъ настолько власти надъ самимъ собою, чтобы исполнять обязанности, вытекающія изъ его положенія, въ какихъ бы условіяхъ жизни онъ ни находился

(въ богатствѣ, бѣдности и т. п.). Хорошее управленіе государствомъ обусловливается хорошимъ выборомъ чиновниковъ. Государю должно выбирать чиновниковъ, сообразуясь съ требованіями общественнаго блага; для этого онъ долженъ руководиться предписаніями обязанностей, онѣ вытекаютъ изъ человѣколюбія. Человѣколюбіе — это самъ человѣкъ; его первое проявленіе есть любовь къ родителямъ; справедливость — это равенство, т. е. воздаваніе всякому должнаго; ея первое проявленіе есть чествованіе людей добродѣтельныхъ. Научить человѣка тому, какъ должно вести себя въ отношеніи родителей и какъ чествовать людей добродѣтельныхъ, могутъ только Ли (обряды, правила). Государь долженъ заботиться о самоусовершенствованіи, стараться исполнять его обязанности въ отношеніи родителей, знать добродѣтельныхъ людей, чтобы чтить ихъ и пользоваться ихъ наставленіями, вникать въ требованія естественнаго закона.

Существуетъ пять главныхъ отношеній между людьми (объ нихъ говорилось прежде). Человѣкъ входитъ тремя средствами для исполненія обязанностей, вытекающими изъ главныхъ отношеній,—совѣстью, человѣколюбіемъ и нравственнымъ мужествомъ. Правители государствъ должны помнить о девяти обязанностяхъ: заботиться о нравственномъ самоусовершенствованіи, чтить людей добродѣтельныхъ, любить родителей, уважать первыхъ вельможъ, быть въ согласіи со всѣми чиновниками, обращаться съ народомъ, какъ съ собственнымъ сыномъ, привлекать къ себѣ ученыхъ и артистовъ, ласково принимать иностранцевъ, сохранять дружественныя отношенія къ владѣтельнымъ лицамъ». Знаменитый конфуціанецъ Менъ-цзы даетъ государю такіе совѣты: «если вы, государь, повинностями не будете отвлекать народъ отъ земледѣлія, то жатва превзойдетъ размѣры потребленія. Если на землѣ каждаго семейства, заключающей въ себѣ пять десятинъ, будутъ посажены тутовыя деревья, то хотя для 50-лѣтнихъ стариковъ хватитъ шелку на платье; если будутъ разводить куръ, свиней и собакъ, то для 70-лѣтнихъ стариковъ достанетъ мяса. Не отрывайте семейства, владѣющаго сотнею десятинъ, отъ земледѣльческихъ работъ, и его никогда не постигнетъ голодъ. Если въ школахъ будутъ изъяснять обязанности сыновняго благочестія и внушать молодымъ людямъ почтеніе къ старикамъ, то этимъ послѣднимъ не придется по дорогамъ таскать тяжестей. Если 70-лѣтніе старики будутъ одѣваться въ шелкъ и ѣсть мясо, если простой народъ не будетъ страдать отъ холода и голода, то государь не можетъ потерять своей власти». Обращаясь къ императору Гуй-вану, Менъ-цзы спрашиваетъ его: «убить человѣка палкою или мечомъ, будетъ ли различіе?»—«Никакого», отвѣтилъ государь. «А будетъ ли различіе убить мечомъ или дурнымъ управленіемъ».—«Никакого», отвѣтилъ государь. «А ваши кухни», заключилъ Менъ-цзы, «изобилуютъ мясомъ, ваши конюшни полны откормленныхъ лошадей, между тѣмъ какъ народъ отъ голода имѣетъ

исхудалый видъ, на поляхъ валяются трупы умершихъ отъ недостатка пищи. Вы говорите: «это не по моей винѣ, а по безплодности земли». Говорить такъ, все равно, что, заколовъ человѣка, сказать: «не я убилъ его, а оружіе». Не сваливайте вину на дурную погоду, и народъ будетъ у васъ искать облегченія своимъ бѣдствіямъ. Вы должны управлять государствомъ, какъ отецъ народа. Всѣ люди по натурѣ своей имѣютъ чувство сострадания къ другимъ людямъ... У кого нѣтъ состраданія, тотъ не человѣкъ; кто не стыдится своихъ собственныхъ пороковъ и не имѣетъ отвращенія къ порокамъ другихъ людей, тотъ не человѣкъ; кто не чувствуетъ потребности быть уступчивымъ и неэгоистичнымъ, тотъ не человѣкъ; кто не можетъ инстинктивно отличать истинное отъ ложнаго, справедливое отъ несправедливаго, тотъ не человѣкъ: всѣ кричатъ: «имперія! государство! семья!» Основа имперіи—государство (т.-е. государственный строй), основа государства—семья, основа семьи—человѣкъ!»—Сочиненій о законодательствѣ въ Китаѣ, какъ извѣстно, существовало очень много и помимо конфуціанскихъ.

Итакъ, вопросы соціальной жизни, возникшіе въ Срединномъ царствѣ въ смутную пору народныхъ бѣдствій и страшной безурядицы общественнаго быта, очень долго и много разрабатывались тамъ; ими продолжаютъ заниматься въ Китаѣ и въ настоящее время: вопросы эти настолько проникли въ обыденную жизнь народа, что на большей части общественныхъ и даже частныхъ китайскихъ домовъ прибиваются лакированныя дощечки съ такими надписями: «Никто да не назоветъ себя счастливымъ, пока есть на свѣтѣ хоть одинъ несчастливецъ!» «Кто живетъ не трудясь, тотъ заставляетъ ближняго своего умирать съ голоду!» Въ разработкѣ этой соціальной области, главнымъ образомъ, выразилась и почти на ней одной исключительно сосредоточилась вся умственная жизнь націи. Естественно, что при такихъ условіяхъ китайцамъ удалось счастливо и прочно устроить общественный бытъ народа, спокойствіе и матеріальное довольство котораго было главною цѣлью всей дѣятельности великаго китайскаго реформатора Конфуція: онъ позаботился прежде всего объ улучшеніи государственной основы, т.-е. нравовъ самого народа, и не ошибся въ ожидаемыхъ отъ такого факта благодѣтельныхъ результатахъ. Конфуціанская школа прибавила къ этому крайнее развитіе принципа сыновняго благочестія и теорію правилъ поведенія человѣка во всевозможныхъ случаяхъ его жизни, сдѣлавшуюся въ Китаѣ обязательною для каждаго гражданина. Такимъ образомъ, народъ подвергся сильно проникшей въ жизнь строгой нравственной дисциплинѣ, и у него явилась необыкновенная, нигдѣ небывалая солидарность понятій и правилъ жизни. Въ такомъ состояніи народомъ легко управлять, его даже можно во многихъ случаяхъ безопасно предоставить самому себѣ; поэтому характеристической особенностью государственнаго строя въ

Китаѣ является примиреніе двухъ противоположныхъ принциповъ: большой свободы индивидуумовъ и абсолютизма верховной власти. Политическую свободу можно было въ значительной степени предоставить народу, насквозь проникнутому дисциплиной конфуціанскаго ученія, рабу своихъ принциповъ. Сверхъ того, при слабости центральнаго верховнаго правительства, китайцы подчиняются строгому управленію въ различныхъ общественныхъ группахъ. Организовавшись по типу родового быта, ихъ государство въ сильной степени сохранило устройство послѣдняго. Подобно тому, какъ въ древности жизнью народа управлялъ культъ предковъ, жизнь каждаго китайца, начиная съ самого императора, регулируется конфуціанскимъ ученіемъ, обязательнымъ для китайской націи по его внутреннему содержанію и вѣками утвержденному авторитету; подчиненіе этому авторитету китаецъ считаетъ необходимымъ для своего земнаго благополучія. Сходныя въ своихъ понятіяхъ личности составляютъ въ Китаѣ группы, формирующіяся на трехъ различныхъ основаніяхъ *): китаецъ прежде всего тѣсно связанъ съ лицами, составляющими кругъ его родства, потомъ съ членами той корпораціи, къ которой принадлежитъ онъ по своимъ занятіямъ, наконецъ, съ жителями своей деревни, мѣстечка, города, волости и т. д. Группы эти при сходствѣ взглядовъ составляющихъ ихъ членовъ, имѣютъ внутреннюю жизненность, солидарность и устойчивость. Проявляя свою дѣятельность въ качествѣ члена группы, китаецъ старается быть достойнымъ оказываемаго ему довѣрія. Члены каждой группы строго слѣдятъ за дѣятельностью составляющихъ ее лицъ и не допускаютъ ни малѣйшей возможности нарушать гармонію жизни этой группы, принимая немедленно мѣры къ искорененію всякаго зла, или, по крайней мѣрѣ, не допуская его распространяться за предѣлы возможнаго для нихъ контроля. Главной основной единицей китайской политической жизни является семья, снабженная всѣми необходимыми для государства органами религіозной, судебной и гражданской власти. Глава семьи избираетъ своего политическаго представителя; но интересующіе семью вопросы разсматриваются сообща на семейномъ собраніи всѣми ея членами мужескаго и женскаго пола. Точно также всегда предварительно обсуждаются въ семейныхъ собраніяхъ и политическіе вопросы, по которымъ представителю семьи надо будетъ высказаться гдѣ-либо. Китайцы должны были съ теченіемъ времени пріобрѣсти большую привычку къ самоуправленію; оно доходитъ у нихъ до крайнихъ предѣловъ: «каждая семья, говорятъ китайцы, должна быть маленькимъ государствомъ.» Появляясь въ чужихъ странахъ въ качествѣ эмигрантовъ, китайцы

*) Георгіевскій: „Принципы жизни Китая“, Симонъ: „Срединное царство“.

основываютъ искусственную, или, такъ называемую, братскую семью, выборный совѣтъ который обладаетъ всѣми правами и выполняетъ всѣ обязанности главы семейства. Члены этой общины клянутся выполнять постановленія совѣта, и хотя китайскіе законы и обычаи, большею частью, строже законовъ и обычаевъ тѣхъ странъ, гдѣ поселяются китайцы, они стараются не допускать къ себѣ чужаго правосудія, образуя, такимъ образомъ, какъ бы государство въ государствѣ. Самостоятельность и независимость гражданина считается въ Китаѣ необходимымъ условіемъ для существованія государства, съ которымъ не должно быть тѣсно связано верховное правительство: «всего лучше, если оно совсѣмъ незамѣтно.» «Чѣмъ больше человѣкъ имѣетъ въ себѣ нравственныхъ основъ, тѣмъ меньше требуетъ онъ какихъ-либо внѣшнихъ регламентацій. Вотъ почему китайское правительство не находитъ нужнымъ подвергать мелочному контролю промышленность народа, не выпускаетъ ни бумажныхъ денегъ, ни золотой или серебряной монеты, вотъ почему въ многолюдныхъ городахъ Китая, несмотря на незначительность полицейскихъ чиновниковъ, сравнительно такъ мало дракъ и насилій, такъ немногочисленны судебныя разбирательства, такъ непопулярно сутяжничество и немногосложна система государственныхъ законовъ вообще. Въ Китаѣ нѣтъ неравенства происхожденія: каждый китаецъ, пользуясь одинаковыми политическими и гражданскими правами со всѣми другими китайцами, можетъ, не стѣсняясь, выражать свои мысли словомъ и печатью, можетъ избирать для своего жительства то или другое мѣсто, можетъ заниматься чѣмъ ему вздумается и предначертывать какіе захочетъ планы для своей жизни и дѣятельности.

«Абсолютизмъ китайскаго императора вовсе не похожъ на деспотизмъ восточныхъ монарховъ: являясь завершеніемъ государственнаго строя, уравновѣшивающимъ всѣ силы націи, верховная власть въ Китаѣ сильна больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; но въ то же время китайскій императоръ, какъ личность, никогда не имѣлъ не только полной, но и сколько-нибудь достаточной свободы для проявленія своего произвола: китайское правительство до сихъ поръ не обнародовало договоръ, заключенный имъ съ Франціей и Англіей въ 1860 году; поэтому лишь только оно пытается выполнить какую-либо изъ статей договора, народъ протестуетъ и настаиваетъ на своихъ правахъ посредствомъ демонстрацій. Опасность отъ нихъ угрожаетъ не только европейцамъ, но и китайскимъ чиновникамъ и самому верховному правительству», говоритъ Симонъ. Если въ глазахъ китайца сынъ неба всегда окруженъ ореоломъ недосягаемаго величія, то при этомъ не должно забывать, что въ Китаѣ династіи очень часто смѣнялись по волѣ народа. Вина въ недостаткахъ управленія и народныхъ бѣдствіяхъ всецѣло ложится на императора: небо наказываетъ народъ за его грѣхи. Но выработанную конфуціан-

ствомъ самую форму правленія своего государства китаецъ не можетъ рѣшиться измѣнить и представить свою національность и свой государственный строй безъ абсолютизма верховной власти, уничтожить фикцію семейнаго быта, выражающуюся въ цѣломъ государствѣ съ императоромъ во главѣ, посредникомъ между небомъ и народомъ. Богдыханъ управляетъ массой народа черезъ немногочисленныхъ чиновниковъ разныхъ степеней конфуціанскаго образованія. Степенью усвоенія ученія Конфуція опредѣляется мѣсто чиновника въ административно-іерархической лѣстницѣ. При такомъ порядкѣ вещей народъ видитъ въ нихъ не только начальниковъ, но и своихъ духовныхъ руководителей, тѣмъ болѣе, что изъ числа чиновниковъ-же назначаются и лица, выполняющія религіозныя обязанности. Проникнутый конфуціанской философіей, китаецъ полагаетъ цѣль своей жизни въ личномъ земномъ благоденствіи и считаетъ главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли выполненіе конфуціанскихъ правилъ сыновняго благочестія. Правительство контролируетъ его поведеніе въ этомъ направленіи. Сумма солидарныхъ въ своихъ понятіяхъ группъ китайцевъ составляетъ именно то, что называется собственно Китаемъ, прочную, фундаментальную основу, на которой зиждется громаднѣйшая въ мірѣ имперія, состоящая изъ сцѣпленія разноплеменныхъ тѣлъ; размѣры ея въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ то расширялись, то съуживались и всегда обусловливались энергіею, силою и политическими интересами государей тѣхъ или другихъ династій, изъ которыхъ многія вели свое начало отъ лицъ некитайской крови. Къ ней не относится то, что говорится о внутреннемъ устройствѣ центральной части государства. Право гражданъ собираться на сходки не подлежитъ въ Китаѣ никакимъ ограниченіямъ. Граждане собираются каждый разъ, когда находятъ это нужнымъ, безъ всякаго приглашенія со стороны правительства. На такихъ собраніяхъ выбираются члены совѣтовъ, которымъ поручается управленіе общиной, волостью, уѣздомъ или областью. Полномочія даются членамъ совѣта на трехлѣтній срокъ и могутъ быть затѣмъ возобновлены снова. Въ теченіе этого времени граждане нисколько не отказываются отъ своихъ правъ: они могутъ, если вздумаютъ, созвать опять общее собраніе и держать своихъ уполномоченныхъ подъ постояннымъ контролемъ, ежеминутно ихъ отозвать. Члены совѣта не получаютъ никакого содержанія. Общинный совѣтъ не имѣетъ особой и постоянной делегаціи при волостномъ управленіи, такъ же, какъ волостное управленіе при уѣздномъ, уѣздное при губернскомъ и губернское при генералъ-губернаторскомъ. Совѣты, стоящіе во главѣ каждаго изъ этихъ административныхъ подраздѣленій, свободно и непосредственно сносятся другъ съ другомъ. Если надо перенести какое-нибудь дѣло въ высшую административную инстанцію, совѣтъ командируетъ для

этого двухъ или трехъ своихъ членовъ, которые объясняютъ и отстаиваютъ дѣло передъ компетентными высшими администраторами, главными совѣтами или правительственными чиновниками. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ депутаты получаютъ всяческую поддержку отъ выборныхъ совѣтовъ того округа, гдѣ находится этотъ чиновникъ. Такое земское представительство завершается генералъ-губернаторскимъ совѣтомъ. Центральное правительство въ Пекинѣ не имѣетъ возлѣ себя никакого выборнаго собранія. Китайскіе выборные совѣты, или земства, исполняютъ весьма разнообразныя функціи. Они распредѣляютъ налоги, собираютъ ихъ и передаютъ правительственному чиновнику; обсуждаютъ вопросы о необходимости производства тѣхъ или другихъ публичныхъ работъ въ своемъ округѣ, распредѣляютъ дополнительные сборы на производство этихъ работъ между населеніемъ, побуждаютъ болѣе богатыхъ гражданъ къ добровольному пожертвованію на такія работы, уменьшая этимъ расходъ, падающій на менѣе состоятельныхъ гражданъ. Если въ выполненіи работъ заинтересовано нѣсколько общинъ, то члены ихъ административныхъ совѣтовъ условливаются вести дѣло сообща, а въ случаѣ необходимости правительственнаго вмѣшательства — докладываютъ дѣло спеціально назначенному для этого правительственному чиновнику своего уѣзда. Выборнымъ совѣтамъ поручается также наблюденіе надъ системой орошенія. Они рѣшаютъ споры, возникающіе за пользованіе водой между частными лицами; столкновенія между общинами рѣшаются третейскимъ судомъ, и только въ болѣе важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ правительственной юрисдикціи. Этимъ же земскимъ совѣтамъ поручается завѣдываніе публичными богоугодными заведеніями. Нерѣдко приходится имъ также рѣшать въ качествѣ третейскихъ судей недоразумѣнія между хозяевами и рабочими, если они не могли быть улажены распорядительными совѣтами ремесленныхъ корпорацій. Въ пограничныхъ областяхъ, подверженныхъ набѣгамъ воинственныхъ непокорныхъ племенъ, на земскіе совѣты возлагается наборъ и организація настоящей національной гвардіи, которая содержится на счетъ богатыхъ людей. Офицерскія должности замѣщаются тамъ по усмотрѣнію земства безъ всякаго вмѣшательства мандариновъ. «Это народное ополченіе, мужество котораго коренится въ домашнемъ очагѣ, дерется гораздо храбрѣе и лучше солдатъ богдыханской регулярной арміи», говоритъ Симонъ. Въ административныхъ пунктахъ, гдѣ находится какое-либо правительственное должностное лицо, какъ, напримѣръ: помощникъ уѣзднаго начальника, уѣздный начальникъ, губернаторъ или вице-король, выборный земскій совѣтъ группируется вокругъ этого должностнаго лица и, кромѣ выполненія всѣхъ прочихъ обязанностей, образуетъ при немъ совѣщательный комитетъ, присутствіе котораго смягчаетъ и облегчаетъ сношенія должностнаго лица съ гражданами. Земскій

совѣтъ обсуждаетъ мѣры, исходящія отъ правительственной иниціативы, одобряетъ ихъ или совѣтуетъ не приводить въ исполненіе, самъ предлагаетъ мѣропріятія, которыя считаетъ выгодными, контролируетъ дѣйствія должностнаго лица и обсуждаетъ тяжбы между общинами. Таково въ своей сущности народное китайское самоуправленіе.

Въ административномъ отношеніи Срединное царство подраздѣляется на 18 областей, 182 губерніи, 544 уѣзда, 1293 волости и неопредѣленное число общинъ.—Волость наименьшій административный округъ, въ ней административная власть имѣетъ еще своего представителя. Въ общинахъ непосредственно распоряжаются выборные мэры—Янгъ-йо. Въ волости правительственное должностное лицо называется Че-гіанъ, въ уѣздѣ—Че-чеу, въ губерніи—Че-фу, въ области—Цонгъ-ту. Иногда нѣсколько губерній соединяются въ одинъ округъ. Въ такомъ случаѣ управленіе поручается верховною властью генералъ-губернатору Тао-ти, которому подчинены губернаторы его округа. Бываетъ также, что управленіе двумя областями заразъ поручается одному и тому же вице-королю. Такимъ образомъ, 18 областей управляются всего лишь 11-ью вице-королями. Есть вице-королевства съ населеніемъ въ 70 и 80 милліоновъ душъ. Всѣ китайскія правительственныя лица разомъ облечены и административной и судебной властью. На ихъ рѣшенія допускается апелляція только непосредственно въ высшей инстанціи. Поэтому каждое дѣло можетъ дойти въ последовательномъ порядкѣ до центральнаго правительства и, наконецъ, до самого богдыхана. Къ вице-королямъ назначаются помощники, фу-юены, по одному на каждую область; поэтому при 11 вице-короляхъ находится 18-ть фу-юеновъ. У всѣхъ другихъ чиновниковъ соотвѣтственно важности занимаемыхъ ими должностей состоятъ по 2, по 3 или даже по 4 помощника; это назначаемые правительствомъ совѣтники, которые могутъ въ случаѣ надобности замѣнить самого чиновника. Кромѣ того, въ каждой области есть главный сборщикъ податей—Пу-ченъ-се, генералъ-прокуроръ—Ганъ-ча-се, главный инженеръ путей и публичныхъ работъ — фенъ-чеу, и трое или четверо инженеровъ путей сообщенія—фенъ-сіунь-тао. Всѣ эти должностныя лица подчинены центральному пекинскому правительству. Оно состоитъ изъ шести министерствъ, при каждомъ изъ которыхъ находится совѣщательный комитетъ, назначаемый изъ членовъ совѣта Луи-ко—нѣчто въ родѣ государственнаго совѣта. Министерства дѣлятся на департаменты. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ министерствъ, рѣшаются въ совѣтѣ министровъ, который собирается или подъ председательствомъ одного изъ министровъ, или же, въ важныхъ случаяхъ, подъ председательствомъ самого богдыхана. При богдыханѣ состоитъ особый императорскій совѣтъ—Кьюнъ-ки-чу, существуетъ также министерство императорскаго двора, но завѣдующій имъ министръ не счи-

тается принадлежащимъ къ составу правительства и не участвуетъ въ засѣданіяхъ совѣта министровъ.

Всѣ правительственныя должностныя лица въ Китаѣ, начиная съ помощника уѣзднаго начальника и кончая самимъ богдыханомъ, признаются отвѣтственными, и притомъ не только въ сферѣ ихъ собственной публичной дѣятельности, но также и за поступки гражданъ, ввѣренныхъ ихъ управленію, и даже за невыгодныя для народа событія, вызванныя обычными явленіями природы. Убійство, совершенное въ какой-либо волости, влечетъ за собою отрѣшеніе отъ должности не только мэра общины, гдѣ найденъ былъ трупъ убитаго, но также помощника уѣзднаго начальника и самого уѣзднаго начальника. Въ случаяхъ продолжительныхъ засухъ и чрезмѣрныхъ наводненій правительственные чиновники также увольняются отъ должностей. Въ подобныхъ обстоятельствахъ китайцы, считая ихъ карой неба за свои проступки, назначаютъ всеобщій постъ и публичное исповѣданіе грѣховъ.

Чиновники излагаютъ тогда свои исповѣди въ печатныхъ листкахъ, которые вывѣшиваются на улицахъ. Авторы такихъ листковъ сами указываютъ въ нихъ совершенные ими промахи и недосмотры, принимая на себя отвѣтственность также и за грѣхи народа, которому плохо служили примѣромъ и совѣтами. Эти оффиціальныя исповѣди заканчиваются всегда обѣщаніями лучше исполнять свои обязанности на будущее время. Но, несмотря на то, отставки отъ должностей сыпятся тогда градомъ. Иногда онѣ исходятъ сверху, иногда же отъ самого народа. Если естественныя бѣдствія тянутся очень долго или случаются часто, то смѣняютъ династію и самого богдыхана низводятъ съ престола. Иногда народъ въ теченіе долгаго времени терпитъ мелкіе грѣшки администраторовъ, члены земскаго совѣта обращаются къ нему съ представленіями. Наконецъ, если все это не помогаетъ, крестьяне отказываются платить пошлины, а горожане закрываютъ свои лавки. Всѣ дѣла пріостанавливаются. Когда въ теченіе 3-хъ дней администратору не удается войти въ соглашеніе съ управляемыми, его увольняютъ въ отставку. Все это происходитъ безъ малѣйшаго нарушенія тишины и спокойствія.—Для генерала, который далъ непріятелю захватить частицу китайской территоріи, для губернатора, впустившаго врага въ городъ, для посланника, не съумѣвшаго избѣжать войны или согласившагося на уступку клочка родной земли, отвѣтственность уже не ограничивается простымъ отрѣшеніемъ отъ должности. Вина ихъ можетъ быть искуплена развѣ только самоубійствомъ. Вѣроятно, поэтому-то китайскіе полководцы при неудачахъ въ войнѣ такъ часто и лишаютъ себя жизни. Китайское правительство объявляетъ войну только въ случаяхъ крайней необходимости и законной самообороны.—Всѣ чиновники дѣлятся въ Срединномъ царствѣ на 9-ть разрядовъ, или ранговъ, въ каждомъ изъ которыхъ считается

по два класса. Они получаютъ опредѣленное жалованье, но чиновникамъ 1-го ранга предоставляется сверхъ того право на извѣстную часть налога, уплачиваемаго управляемымъ ими округомъ или областью. При этомъ берется въ расчетъ богатство управляемаго края и важность занимаемаго администраторомъ поста. Вслѣдствіе того, вице-король получаетъ прибавку къ жалованью, достигающую иногда до 30,000 франковъ. Это собираемое чиновниками добавочное содержаніе является обычной причиной недовольства противъ нихъ въ народѣ. — Всѣ министерства и присутственныя мѣста открываются въ Китаѣ на разсвѣтѣ и закрываются лишь съ закатомъ солнца.

«Въ Срединномъ царствѣ нѣтъ ни законодательнаго корпуса, ни вообще чего-либо подобнаго выборному или иному собранію, въ родѣ сената, которое имѣло бы спеціальной обязанностью издавать законы. Въ Китаѣ давно есть полный кодексъ общихъ законовъ, необходимость въ дополненіяхъ можетъ представиться лишь въ частныхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ временный мѣстный характеръ и видоизмѣняющихся сообразно съ обстоятельствами. Общія и существенныя формулы, дѣйствительно, заслуживающія названія законовъ, не могутъ, по мнѣнію китайцевъ, разсматриваться какъ выраженіе воли одного лица или даже всего народа. Они думаютъ, что законъ вытекаетъ изъ необходимыхъ условій существованія отдѣльной личности и всего общества. Законъ этотъ — въ самомъ человѣкѣ. Надо только способствовать ему свободно выясниться. Свобода признается поэтому основнымъ принципомъ всякаго закона. Второе условіе — взаимная солидарность. Безъ нея нѣтъ общества, а безъ общества немыслимъ и самъ человѣкъ. Третье условіе — равенство, безъ котораго солидарность была бы только пустымъ звукомъ. Свобода, взаимная солидарность и равенство служатъ основными столпами современной китайской семьи, этого подобія государства и первой его фазы. То, что влечетъ за собою ослабленіе семьи, не можетъ быть закономъ, а скорѣе — противозаконіемъ. Для китайцевъ немыслимъ иной законъ, кромѣ такого, который, вытекая изъ семьи, служитъ къ ея огражденію и развитію. Само государство, по словамъ китайцевъ, только большая семья. Условія существованія семьи, т. е. нравственные принципы, обезпечивающіе ея цѣлостность, всюду одинаковы, а потому каждый законъ необходимо является всеобщимъ», говоритъ Симонъ. Семейный и родовой бытъ китайцевъ былъ возстановленъ и укрѣпленъ въ ихъ жизни великимъ реформаторомъ Конфуціемъ и его школой, а потому законодательный кодексъ государственной жизни китайцевъ необходимо долженъ былъ выработаться въ томъ же направленіи. Конфуціанская рутина не могла дозволять въ немъ большихъ перемѣнъ и впослѣдствіи. Такимъ образомъ, основы законодательства были въ Средин-

номъ царствѣ дѣломъ навсегда рѣшеннымъ. При такомъ взглядѣ какое значеніе могли бы имѣть въ обширномъ Китаѣ постановленія, принятыя большинствомъ депутатовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ его? Ихъ стали бы разсматривать не какъ законы, а какъ простыя предписанія, имѣющія характеръ непремѣннаго и вреднаго вмѣшательства. Съ китайской точки зрѣнія не можетъ быть ничего хуже и зловреднѣе учрежденія съ исключительно законодательною дѣятельностью. Китайцы слишкомъ уважаютъ конфуціанскіе законы, чтобы допустить дѣлать въ нихъ измѣненія обыкновенныхъ смертныхъ. Единственной законодательной властью является пекинская академія наукъ и словесности,—главное средоточіе представителей конфуціанства и китайской мудрости. Второстепенные дополнительные къ основному кодексу законы создаются въ академіи въ такомъ порядкѣ: если какой-либо администраторъ замѣчаетъ въ управляемомъ имъ округѣ обычай, который, по его мнѣнію, полезно было бы ввести во всеобщее употребленіе, онъ заявляетъ объ этомъ по начальству центральному пекинскому правительству. Министерство обычаевъ и обрядовъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе академіи наукъ. Если обычай академіей одобренъ, то о немъ сообщается во всѣ областныя управленія съ предложеніемъ ввести его временно въ областяхъ для испытанія. Когда испытаніе окажется удачнымъ, то освященный уже опытомъ обычай, принятый повсюду населеніемъ, вносится въ кодексъ и становится закономъ. Это дѣлается, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не раньше вступленія на престолъ новаго императора. Число какъ основныхъ, такъ и второстепенныхъ законовъ въ Китаѣ весьма ограниченное. Весь гражданскій кодексъ умѣщается на нѣсколькихъ страницахъ, но уголовный гораздо обширнѣе. Вообще, китайскій общественный строй отличается первобытной простотою. Разрабатывать китайское право, создавать новыя теоріи законодательства и политической жизни, естественно, никому не приходитъ и въ голову въ Китаѣ при подобострастномъ отношеніи къ конфуціанскому законодательству и установленной конфуціанствомъ формѣ правленія,—все это существуетъ неизмѣннымъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

На членахъ академіи наукъ лежатъ разнообразныя обязанности. Всѣхъ академиковъ 232 человѣка. Они сами пополняютъ свой составъ, замѣщая открывающіяся вакансіи наиболѣе выдающимися учеными и литераторами. Въ число академиковъ не разъ попадали уже и женщины. Каждый академикъ получаетъ отъ правительства небольшую денежную пенсію и домъ съ садомъ въ пожизненное владѣніе. Кромѣ того, академія пользуется весьма солидными доходами государственнаго имущества, давно уже отданными ей въ вѣчное владѣніе, не считая ежегодно поступающихъ туда случайныхъ пожертвованій. Несмотря на получаемое ею отъ государства пособіе, которое прави-

тельство не въ правѣ у нея отнять, академія совершенно независима отъ правительственной власти. Она замѣняетъ собою отсутствіе въ Китаѣ министерства народнаго просвѣщенія, удовлетворяя потребность высшаго и средняго образованія (т.-е., главнымъ образомъ, большаго или меньшаго усвоенія конфуціанскаго ученія). Никто не обязанъ учиться въ академической гимназіи и каждому предоставляется право открывать высшія и низшія школы съ какой угодно программой (т.-е. опять-таки съ большимъ или меньшимъ изученіемъ конфуціанскихъ книгъ). Но всѣ желающіе занять какую-либо оффиціальную должность обязаны выдержать академическій экзаменъ. Лица, обладающія академическими степенями, а также агенты академіи наукъ, пользуются рангами и почетными прерогативами государственныхъ чиновниковъ. Привилегіи эти имѣютъ цѣлью содѣйствовать академіи въ выполненіи главнѣйшей ея обязанности, заключающейся въ возможно большемъ развитіи народнаго образованія. Въ этой сферѣ она непосредственно располагаетъ слѣдующимъ штатомъ должностныхъ лицъ: 18-тью попечителями учебныхъ округовъ (по одному на область). Эти попечители (Гіо-Тенъ-та) признаются чиновниками четвертаго класса. Имъ подчинены 189 губернскихъ инспекторовъ (Кіо-Шеу въ шестомъ классѣ), 210 директоровъ уѣздныхъ школъ (Гіо-тенъ въ 7 классѣ), 1,111 директоровъ волостныхъ школъ (Кіао-хо въ 8 классѣ), 1521 лицъ, завѣдующихъ разными учеными учрежденіями, библіотеками и т. п. (Гіюнъ-тео въ 8-мъ классѣ).

Вотъ образецъ того, какъ поступаютъ китайцы съ не нравящимися имъ администраторами (со словъ очевидца): Въ одномъ изъ наиболѣе многолюдныхъ городовъ заявлено было о предстоящемъ пріѣздѣ новаго уѣзднаго начальника, который пользовался самой дурной репутаціей. Народъ взволновался. Уѣздный совѣтъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе; къ вице-королю отправлено было множество адресовъ съ просьбою замѣнить неудачно выбраннаго уѣзднаго начальника другимъ лицомъ; вице-король оставилъ эти адресы безъ вниманія, и вскорѣ пришло извѣстіе, что новый уѣздный начальникъ находится всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Уѣздный совѣтъ собирается снова и приказываетъ разбить у городскихъ воротъ шатеръ, въ которомъ приготовляетъ обычную поздравительную закуску. Однако, въ мѣстѣ съ обыкновенными приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ новаго начальника, заготовляютъ на этотъ разъ также и четыре паланкина съ бодрыми, здоровенными носильщиками. По прибытіи начальника, его встрѣчаютъ съ самой изысканной вѣжливостью, приглашаютъ отдохнуть, закусить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляютъ, что онъ неугоденъ народу, а потому не впустится въ городъ, что трое изъ членовъ уѣзднаго совѣта будутъ имѣть честь сопровождать его обратно въ областную столицу. Дѣло уладилось такимъ образомъ. «Это не исключительный случай: протестъ былъ облеченъ въ правиль-

ную, узаконенную обычаемъ форму, вполнѣ согласную съ ученіемъ Конфуція объ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ», говоритъ Симонъ.

Изъ 40 академиковъ составляется въ Китаѣ цензоріатъ, существующій съ самой глубокой древности,—учрежденіе, подобнаго которому не встрѣчается ни въ какомъ другомъ цивилизованномъ государствѣ. Это—верховный цензорскій судъ. На цензоріатѣ лежитъ, главнымъ образомъ, обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы конфуціанская теорія осуществлялась на практикѣ. «Цензоріатъ, строго говоря, не правительственный органъ: онъ выше правительства настолько, насколько теорія выше практики», замѣчаетъ г. Георгіевскій. «Цензоры по духу своему ревностнѣйшіе конфуціанцы: они являются прокурорами того философскаго ученія, которому китайская нація обязана своей внутренней силой и, во имя общаго государственнаго блага, устраняютъ все то, что противно сущности конфуціанства. Ду-ча-юань, прокурорскій приказъ, занимается надзоромъ за порядкомъ въ дѣлахъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, надзоромъ за поведеніемъ чиновниковъ, за нравственностью въ народѣ. Въ прокурорскомъ приказѣ присутствуютъ два президента и четыре совѣтника. Къ составу приказа принадлежатъ шесть палатскихъ конторъ — лю-кхо и 15 прокурорскихъ отдѣленій—дао. Каждая изъ шести конторъ имѣетъ непосредственный надзоръ за теченіемъ дѣлъ въ одной какой-либо палатѣ и въ двухъ или болѣе другихъ судебныхъ мѣстахъ въ столицѣ. Всѣ утвержденные государемъ доклады отъ палатъ, приказовъ и пр. предоставлено контролю повѣрять; а если члены конторъ, по справкамъ съ законами, замѣтятъ въ чемъ-либо неправильность, то имъ дозволяется, не допуская дѣла до исполненія, возвратить докладъ государю при запечатанномъ донесеніи. Палаты и прочія судебныя мѣста обязаны два раза въ мѣсяцъ подавать въ конторы отчеты по текущимъ дѣламъ. 15-ть отдѣленій занимаются тѣмъ же, чѣмъ и конторы, исключая повѣрки дѣлъ, утвержденныхъ государемъ; кромѣ того, завѣдуютъ ревизіей дѣлъ всѣхъ 18-ти областей и Манчжуріи. Въ вѣдомствѣ этого приказа состоятъ 109 прокуроровъ дао, служащихъ по разнымъ частямъ управленія въ губерніяхъ. Въ Чжоу-ли сказано: «На обязанности цензора лежитъ наблюденіе за нравственностью простолюдиновъ; цензоръ долженъ заставлять ихъ жить въ согласіи между собою, быть добронравными, совершенствоваться въ искусствахъ; во время своихъ объѣздовъ цензоръ тщательно провѣряетъ поведеніе простолюдиновъ и отмѣчаетъ между ними добродѣтельныхъ и способныхъ; онъ контролируетъ областныхъ чиновниковъ и сельскихъ правителей. Наставникъ (т.-е. цензоръ) обязанъ указывать императору, что было бы хорошо и справедливо сдѣлать, долженъ находиться при особѣ императора во многихъ случаяхъ, охранитель обязанъ дѣлать императору замѣчанія относительно всякаго рода его погрѣшностей.»

(Въ Китаѣ въ случаѣ недовольства богдыханомъ пишутъ противъ него рѣзкіе памфлеты и даже вывѣшиваютъ ихъ на улицахъ). Нѣсколькимъ цензорамъ поручается собирать документы и матеріалы для исторіи текущаго царствованія, которые складываются и запираются въ большой сундукъ, откуда достаются они только послѣ смерти богдыхана. Особенно важные случаи, какъ, напримѣръ, перемѣна престолонаслѣдія, внутреннія смуты, распри съ иностранными державами, представляются на разсмотрѣніе великаго совѣта, состоящаго изъ всѣхъ академиковъ, министровъ и вліятельныхъ лицъ, которыхъ академія считаетъ нужнымъ пригласить. Такимъ образомъ, Китай управляется въ первой инстанціи самимъ народомъ, а въ высшей — академіей наукъ и, вмѣстѣ съ ней, всѣмъ ученымъ сословіемъ. Оно во всѣхъ областяхъ имѣетъ многочисленныхъ представителей, естественно пользующихся въ народѣ, преданномъ конфуціанству, большимъ уваженіемъ и довѣріемъ; благодаря этому, между академіей и народомъ устанавливается полная общность мнѣній и взглядовъ относительно всѣхъ текущихъ вопросовъ. Мнѣнія академіи наукъ быстро доходятъ въ самые отдаленные округи. Повсюду народъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію и руководству. Такимъ образомъ, возникаютъ иногда, какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кантонѣ, грозныя народныя движенія, обращающіяся не только противъ тѣхъ, чьи дѣйствія вызываютъ подобныя вмѣшательства ученаго сословія, но и противъ самого правительства, оказывающагося тогда въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Испытывая съ одной стороны давленіе отъ представителей иностранныхъ державъ, бомбардирующихъ грозными нотами, китайскіе министры и чиновники стараются во что бы то ни стало выгадать время, какъ-нибудь избѣжать войны или унизительнаго, слишкомъ убыточнаго мира, на условія котораго народъ не согласится. Европейцы, незнакомые съ политическими условіями Китая, не понимаютъ критическаго положенія китайскихъ чиновниковъ и обвиняютъ ихъ въ коварствѣ и лицемѣріи. Упреки эти неосновательны.

«Въ Китаѣ, при его многочисленномъ населеніи, правительственная и государственная власть почти не существуетъ, потому что всѣ учрежденія стоятъ въ гармонической связи другъ съ другомъ. Договоръ, заключенный съ китайскимъ правительствомъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, если онъ черезъ посредство ученаго сословія не одобренъ самимъ народомъ. Затрудненія, съ которыми пришлось бы бороться китайскому правительству, если бы оно пожелало вовлечь народъ въ какое-нибудь предпріятіе, не соотвѣтствующее народнымъ воззрѣніямъ и интересамъ, обусловливаются не однимъ лишь демократическимъ строемъ китайскаго общества и солидарностью, установившеюся между различными органами этого строя; есть и другое препятствіе такимъ предпріятіямъ: у прави-

тельства богдыхана, собственно говоря, нѣтъ ни арміи, ни денегъ. Цифра императорскихъ войскъ, опредѣляемая иногда въ газетахъ въ 2 милліона солдатъ, принадлежитъ къ области чистой фантазіи. Въ манчжурскихъ войскахъ состоитъ налицо не болѣе 80-ти тысячъ человѣкъ, китайская же регулярная армія, которою можетъ распоряжаться военное министерство, можетъ выставить въ поле никакъ не болѣе 400 тысячъ человѣкъ. Правда, что въ случаѣ крайней необходимости, когда народъ готовъ оказать полную поддержку, правительство богдыхана можетъ созвать подъ свои знамена и многочисленную армію, но она, на самомъ дѣлѣ, не будетъ войскомъ, а ополченіемъ, состоящимъ изъ людей, взятыхъ отъ сохи и совершенно незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Новобранцы, особенно же въ первое время, будутъ несомнѣнно очень плохими солдатами. (Такъ и было въ Китаѣ во время войны съ европейцами). Во всякомъ случаѣ китайское правительство чрезвычайно бѣдно, несмотря на то, что сами китайцы—богатѣйшій народъ въ мірѣ. Китайскіе государственные доходы не превышаютъ 1400—1500 милліоновъ франковъ (франкъ=25 коп.), и правительство лишено возможности сколько-нибудь увеличить эту сумму. Каждый разъ, когда государственные расходы превышаютъ цифру доходовъ, правительство поставлено въ необходимость обращаться къ гражданамъ съ просьбою о покрытіи дефицита путемъ добровольныхъ пожертвованій. Если расходы эти одобряются семействами, въ особенности же въ случаѣ законной обороны, добровольныя пожертвованія достигаютъ громадныхъ суммъ. Правительство богдыхана находитъ тогда вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточное число добровольцевъ, готовыхъ умереть за отечество. Напротивъ того, когда политика богдыхана не одобряется земствами, народъ безжалостно отказываетъ ему въ содѣйствіи. Китайцамъ легче, чѣмъ другимъ народамъ, контролировать все свое государственное хозяйство: у нихъ нѣтъ заграничныхъ колоній, и на правительствѣ лежитъ обязанность защищать только китайскую территорію. Государственные займы 20 лѣтъ тому назадъ еще были неизвѣстны въ Срединномъ царствѣ. Основанія, на которыхъ займы эти введены теперь въ Китаѣ европейцами, таковы, что этимъ путемъ правительство богдыхана не можетъ получать особенно значительныхъ денежныхъ средствъ въ свое распоряженіе. Въ китайскихъ портахъ, открытыхъ для европейскихъ судовъ, завѣдываніе таможнями поручено европейцамъ. Правительство богдыхана получаетъ отъ нихъ ежегодно около 150 милліоновъ франковъ, оказывающихся въ безконтрольномъ его распоряженіи. Англійскіе, французскіе и германскіе банки охотно даютъ китайскому правительству займы по 8-ми и 10% со ста подъ залогъ такихъ доходовъ. Эти займы и являются единственнымъ источникомъ для покрытія безконтрольныхъ чрезвычайныхъ расходовъ китайскаго правительства. Очевидно, эти источники въ значительной степени уже исчерпаны

и представляются довольно гадательными, что могло бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ поставить верховную власть въ очень затруднительное положеніе. Обыкновенные государственные расходы покрываются въ Китаѣ поземельнымъ налогомъ, горными и соляными пошлинами. Содержаніе императорскаго двора обезпечивается доходомъ со стадъ, принадлежащихъ богдыхану въ Монголіи, нѣкоторою частью соляной пошлины и данью подчиненныхъ Китаю государствъ. Располагая такимъ государственнымъ бюджетомъ, не подвергающимся никакимъ измѣненіямъ, китайское правительство было въ состояніи въ продолженіе 15-ти вѣковъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ государственнаго управленія, несмотря на значительно увеличившуюся за это время численность населенія», говоритъ Симонъ.

Съ возрастающей густотой населенія постепенно уменьшался налогъ каждаго отдѣльнаго китайца, такъ что въ настоящее время онъ составляетъ среднимъ числомъ всего лишь какихъ-нибудь 3 франка. Вмѣстѣ съ этимъ, по мѣрѣ увеличенія числа гражданъ въ административныхъ округахъ правительственное вліяніе по отношенію къ каждому изъ нихъ становилось все менѣе и менѣе ощутительнымъ. Въ настоящее время въ Китаѣ приходится на 400 тысячъ гражданъ меньше одного чиновника. Правительственная власть становится для китайцевъ все незначительнѣе, и китайскій народъ надѣется, что въ будущемъ она сдѣлается еще ничтожнѣе. Въ Китаѣ всего шесть министерствъ, входящихъ въ составъ центральнаго правительства: министерство личнаго состава администраціи, финансовъ, обычаевъ и обрядовъ, военное, юстиціи и публичныхъ работъ. У нихъ нѣтъ министерства вѣроисповѣданій, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, изящныхъ искусствъ, почтъ, торговли, морского министерства, министерства колоній. «Лучшій изъ министровъ — это весь народъ», говорятъ китайцы.

«Первое мѣсто въ ряду 6-ти существующихъ въ Китаѣ министерствъ занимаетъ Ли-пу—министерство личнаго состава администраціи. Въ глубокой древности оно называлось гораздо болѣе многозначительнымъ именемъ министерства народонаселенія. На его обязанности спеціально лежала забота о томъ, чтобы народонаселеніе возрастало въ численности; оно же завѣдывало и сельскимъ хозяйствомъ во всемъ государствѣ, раздвигало границы государства, переселяя народъ на новыя мѣста по мѣрѣ того, какъ прежнія земли достигали желаемой степени плодородія. Правительственные чиновники—спеціалисты-агрономы практически обучали китайскій народъ земледѣлію. Теперь министерство это утратило свое прежнее значеніе. Оно стало приходить въ упадокъ съ того самаго времени, когда китайскій народъ равномѣрно расселился на всемъ протяженіи собственно Китая. Тогда самъ онъ постепенно принялъ на себя обязанности министерства народо-

населенія, за которымъ осталось лишь завѣдываніе личнымъ составомъ администраціи. Съ теченіемъ времени измѣнились не только обязанности, но даже и названія должностныхъ лицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ министерства народонаселенія, обратившагося въ министерство личнаго состава администраціи, отошло также и собираніе статистическихъ свѣдѣній, которое признано было умѣстнымъ поручить министерству финансовъ. Но, несмотря на все это, министерство личнаго состава администраціи считается до сихъ поръ въ силу прежнихъ традицій важнѣйшимъ и самымъ почетнымъ изъ всѣхъ. Впрочемъ, существуютъ два обстоятельства, содѣйствующія сохраненію за нимъ такого почета: министерство это завѣдуетъ замѣщеніемъ государственныхъ должностей, являющихся для большинства ученаго сословія какъ бы оффиціальнымъ признаніемъ научныхъ заслугъ и желаемою цѣлью завѣтныхъ стремленій; оно составляетъ вліятельную судебную инстанцію, черезъ которую проходятъ всѣ жалобы на должностныхъ лицъ.

Переходя къ министерству финансовъ, Ху-ту, приходится вспомнить одно изреченіе по поводу Китая: «богатѣйшее въ мірѣ государство, въ которомъ только воздѣлываемыя земли представляютъ собою цѣнность приблизительно въ двѣ тысячи милліардовъ франковъ, а между тѣмъ у него нѣтъ никакихъ государственныхъ финансовъ!». Безъ сомнѣнія, тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ китайское правительство располагаетъ извѣстными финансовыми средствами; но, за исключеніемъ поземельнаго налога, таможенныхъ, соляныхъ и горныхъ пошлинъ, которыя приходится раздать тотчасъ же по полученіи, чѣмъ въ сущности остается ему завѣдывать?

У китайцевъ нѣтъ государственнаго долга, государственныхъ займовъ, государственной ренты, казенныхъ сберегательныхъ кассъ, казенныхъ монополій, нѣтъ государственнаго банка съ его отдѣленіями и т. п. Поэтому китайское министерство финансовъ состоитъ всего лишь изъ нѣсколькихъ кассировъ (имъ поручено завѣдываніе таможнями и собираніе статистическихъ данныхъ о ходѣ промышленности и торговли); его умѣстнѣе назвать министерствомъ финансоваго контроля. Настоящее же завѣдываніе финансами страны перешло къ самому народу. Сберегательной кассой и государственнымъ банкомъ Китая сдѣлалась его земля. Китайское правительство, научившись у европейцевъ дѣлать государственные займы, не имѣетъ возможности производить ихъ внутри страны и принуждено въ этихъ случаяхъ обращаться къ европейцамъ: въ 1868 году оно заключило два государственныхъ займа въ 70 и 80 милліоновъ франковъ», говоритъ Симонъ.

Министерство обычаевъ и обрядовъ Ли-пу (обозначаемое другой буквой) исполняетъ весьма разнообразныя функціи. Прежде всего, можно сказать, оно является представителемъ духовной власти конфуціанской цивилизаціи; въ древнее время она была сильнѣе. Ми-

нистерство обрядовъ завѣдуетъ храмами: Неба, Земли, Грома и Свѣта, а также и храмами, посвященными памяти Конфуція. Оно завѣдуетъ торжественными празднествами и распоряжается на нихъ, но не вмѣшивается въ церемоніи поклоненія предкамъ: культъ этотъ такъ укоренился въ народѣ, что онъ не нуждается въ чьей-либо поддержкѣ. При такихъ обстоятельствахъ министерство обычаевъ и обрядовъ не оказываетъ прямого воздѣйствія на религіозныя вѣрованія китайскаго народа, а потому не имѣетъ ничего общаго съ европейскими министерствами вѣроисповѣданій. Оно считаетъ, однако, долгомъ отъ времени до времени напоминать народу конфуціанскіе философскіе принципы, полезность которыхъ подтверждена 15-ти-вѣковымъ опытомъ. Съ этою цѣлью министерство обычаевъ и обрядовъ установило еще въ древности обязательные манифесты, или поученія, съ которыми должны обращаться къ народу два раза въ мѣсяцъ мандарины или же особо командируемые для этого ученые. Почти всѣ такіе манифесты заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, совѣтъ остерегаться новыхъ религіозныхъ вѣрованій. «Уваженіе къ старости является въ Китаѣ чѣмъ-то въ родѣ религіознаго культа, находящагося въ вѣдѣніи министерства обрядовъ. Старцамъ, начиная съ 70-ти-лѣтняго возраста, оказываются публичныя оффиціальныя почести. Правительственные чиновники приглашаютъ всѣхъ, живущихъ въ ихъ округѣ старцевъ, какъ богачей, такъ и бѣдняковъ, на оффиціальныя пиршества, на которыхъ сами прислуживаютъ имъ. Восьмидесятилѣтнимъ старцамъ оказываются такія же почести чиновниками самаго высшаго ранга. Въ этомъ возрастѣ вознаграждаются также особыми знаками отличія услуги, оказанныя обществу людьми, подвизавшимися въ самыхъ скромныхъ сферахъ дѣятельности», замѣчаетъ Симонъ. Министерство обрядовъ завѣдуетъ также и общественной благотворительностью. Въ случаѣ какихъ-либо народныхъ бѣдствій, оно опредѣляетъ, какого рода вспомоществованіе должно бы быть оказано пострадавшимъ отъ этого бѣдствія округамъ, освобождаетъ отъ уплаты налоговъ, выдаетъ ссуды деньгами или зерномъ. Въ вѣдѣніи его состоятъ также запасные хлѣбные магазины и казенныя благотворительныя заведенія. На обязанности этого же министерства лежатъ провозглашеніе и выполненіе законовъ, предписаній и постановленій, которые вслѣдствіе своего слишкомъ спеціальнаго или же слишкомъ общаго характера могли бы быть не поняты народомъ и не приведены въ исполненіе. Наконецъ, министерство это завѣдуетъ и сношеніями Китая съ иностранными державами.

«Военное китайское министерство Пингъ-пу можно назвать исключительно министерствомъ народной обороны: китайская армія имѣетъ значеніе только оборонительное, войска расположены всегда за городомъ и вступаютъ въ города только по требованію гражданскихъ властей. Война антипатична національному характеру китайскаго народа:

великій китайскій реформаторъ Конфуцій не любилъ войны, она несовмѣстна и съ практическимъ духомъ китайцевъ, съ ихъ любовью порядка и мирной жизни. Естественно, что военное дѣло является тамъ только результатомъ крайней необходимости. Но, очевидно, что въ настоящее время (10 лѣтъ тому назадъ) китайская армія не удовлетворяетъ требованіямъ государственной обороны», говоритъ Симонъ.

Министерство юстиціи, Хонгъ-пу, въ Китаѣ несложно: при обширной семейной судебной власти, правительственная судебная власть можетъ проявляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣйствительно, она имѣетъ характеръ апелляціоннаго судопроизводства, или же уголовнаго, вѣдающаго исключительно преступленія, подлежащія по закону смертной казни и потому выходящія за предѣлы семейной юрисдикціи. Лица, изгнанныя изъ семьи, или по какому-либо случаю оказавшіяся внѣ общенія съ ней, подлежатъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, правительственному суду. При китайскихъ судахъ нѣтъ ни прокуроровъ (исключая обвиненія въ убійствѣ), ни адвокатовъ. Истецъ и отвѣтчикъ должны сами, или черезъ своихъ повѣренныхъ, изложить какъ можно проще и точнѣе фактическую сторону дѣла. Правительственный чиновникъ, совмѣстно съ своими помощниками, постановляетъ затѣмъ рѣшеніе по совѣсти. Судебныя разбирательства производятся гласно, при чемъ чиновникъ нерѣдко справляется съ мнѣніемъ присутствующихъ. Прежде разбирательства дѣла чиновникъ освѣдомляется всегда, разсматривалось ли оно въ семейномъ совѣтѣ, и обращаетъ вниманіе на приговоры, постановленные семейнымъ судомъ. Въ сводѣ китайскихъ уголовныхъ законовъ въ категоріи наказаній значится всего лишь: ссылка, тѣлесныя наказанія и смертная казнь съ отягчающими обстоятельствами (казнь отравленіемъ—когда разрѣшается самоубійство; удавленіемъ, отрубленіемъ головы и т. п.). Къ тюремному заключенію никто приговоренъ быть не можетъ. Но въ Китаѣ для полнаго доказательства вины требуется собственное сознаніе подсудимаго; въ такомъ случаѣ, если преступникъ долго не сознается, его опасно было бы оставлять на свободѣ, и онъ отводится въ тюрьму и остается тамъ, пока не рѣшится быть откровеннѣе. Во всякомъ случаѣ, этотъ образъ дѣйствій признается незаконнымъ. Естественно, что онъ можетъ приводить иногда къ очень серьезнымъ усложненіямъ и злоупотребленіямъ. Вообще же китайскіе уголовные законы отличаются чрезвычайною строгостью. За кражу, совершаемую въ третій разъ, за кражу на сумму болѣе чѣмъ въ 900 франковъ, прелюбодѣяніе и убійство полагается смертная казнь. Никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ не признается. Соучастники въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергаются тому же наказанію, какъ и главные виновники. Самыми тяжкими преступленіями, какъ и въ другихъ государствахъ, считаются политическіе; при этомъ больше всего преслѣдуется невыполненіе принципа

сыновняго благочестія. На немъ основанъ весь общественный и политическій строй Китая, поэтому у китайцевъ являются совершенно оригинальныя преступленія, которыхъ нѣтъ ни у какой другой націи: обвиняется въ тяжкомъ преступленіи тотъ, кто, отправившись на государственную службу, оставитъ на родинѣ 80-ти-лѣтнихъ отца или мать, когда при нихъ находятся только 60-ти-лѣтніе сыновья, всякая женщина, которая позволяетъ себѣ играть на музыкальныхъ инструментахъ и, вообще, веселиться, когда съ ея мужемъ, свекромъ или свекровью случилось что-либо дурное; актеры,—если вздумаютъ изображать на сценѣ древнихъ императоровъ, императрицъ, князей и министровъ; дѣти или внуки, не оказывающіе должнаго повиновенія родителямъ, дѣду или бабкѣ; лица, не выполняющія правилъ траура. Самому строгому наказанію подвергается человѣкъ, убившій своего отца или мать: въ этомъ случаѣ оно простирается и на оставшагося въ живыхъ котораго-либо изъ его родителей, на начальниковъ и учащихся лицъ той мѣстности, гдѣ совершилось убійство; самая земля тамъ подвергается проклятію. Второстепенные участники преступленій изгоняются или ссылаются въ Пріилійскій край (въ сѣверо-западной части Срединнаго царства).

Приговоры къ смертной казни представляются во всѣхъ случаяхъ на разсмотрѣніе богдыхана, который прежде, чѣмъ утвердить ихъ, проводитъ три дня въ постѣ и воздержаніи. Если убійство совершено было по нечаянности и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ непредумышленнаго убійства, родственники убитаго могутъ помиловать осужденнаго, взявъ съ него соотвѣтственный выкупъ. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, когда преступленіе состоитъ не въ убійствѣ, законъ дозволяетъ виновному найти для себя замѣстителя, который и подвергается смертной казни. Въ такихъ случаяхъ семья осужденнаго обращается къ одному изъ закоренѣлыхъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмѣ, и предлагаетъ ему въ видѣ смерти средство, хотя отчасти загладить ущербъ, причиненный преступникомъ его собственной семьѣ; охотникъ обыкновенно находится,—такъ велика китайская преданность семьѣ. Но этимъ способомъ удовлетворять разгнѣванное правосудіе возможно лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Преступникъ, избѣгнувшій смертной казни, все-таки обязанъ удалиться въ изгнаніе.—Другою особенностью китайскаго уголовнаго кодекса является то обстоятельство, что онъ какъ бы узаконяетъ самоубійство: оно случается, когда не удастся выяснить судебнымъ порядкомъ справедливость своихъ требованій, или когда подсудимый, зная свою невинность, тѣмъ не менѣе не имѣетъ возможности ее доказать (въ Китаѣ это такъ легко можетъ случаться!); тогда отчаяніе, сознаніе своей правоты и даже самый законъ подсказываютъ несчастливцу самоубійство, какъ последнее прибѣжище и вѣрное средство опровергнуть воздвигнутыя противъ него обвиненія. Лишивъ себя жизни передъ воротами дома своего

обвинителя и преслѣдователя, онъ можетъ подтвердить этой добровольной смертью истину своихъ заявленій; противникъ его подвергается судебному преслѣдованію, какъ виновный въ убійствѣ. Слѣдовательно, здѣсь, хотя и ужасной цѣной, какъ бы удовлетворяется чувство мести со стороны обвиняемаго. Строгость законовъ, разумѣется, указываетъ на строгость нравовъ: «Число смертныхъ приговоровъ въ Китаѣ очень ограниченное. Въ областяхъ съ 25—30-милліоннымъ населеніемъ ежегодно приговариваются къ смерти отъ 12-ти до 14-ти человѣкъ, не болѣе. Притомъ казенные суды имѣютъ уже дѣло только съ людьми самаго худшаго разряда, то-есть выгнанными изъ семьи. — Сколько проступковъ и даже преступленій прощаетъ семья своему члену прежде, чѣмъ исключить его изъ своей среды. Настоящими народными судебными учрежденіями являются въ Китаѣ семейные суды. Въ этихъ судахъ только и можно съ увѣренностью найти истинное человѣчное правосудіе, задающееся цѣлью своими увѣщаніями, предостереженіями и даже карами сохранить обществу заблудшихся, которые были бы навсегда изгнаны безпощаднымъ приговоромъ неродственнаго правосудія. Семейный судъ, налагая на виновнаго даже и самую строгую кару, оставляетъ ему еще открытымъ путь къ раскаянію и исправленію. Китайскій глава семьи, проникнутый конфуціанской нравственностью, руководствуется въ судебныхъ приговорахъ собственной совѣстью», говоритъ Симонъ. Въ такомъ смыслѣ это нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ другихъ странъ; но родные, несомнѣнно, относятся теплѣе и снисходительнѣе къ члену своей семьи, чѣмъ посторонніе люди съ разнокалиберными убѣжденіями. Слѣдовательно, это очень счастливое учрежденіе для китайскаго народа. Китайцы относятся съ большимъ уваженіемъ къ семейному совѣту и его рѣшеніямъ. Здѣсь имѣется даже нѣчто большее, чѣмъ простое уваженіе. Обыкновенный судъ выслушиваетъ дѣло, обсуждаетъ его и постановляетъ приговоръ. Домашній судъ, прежде чѣмъ объявить приговоръ, выясняетъ его необходимость. Осужденный убѣждается въ своей виновности, раньше, чѣмъ услышитъ приговоръ; дремавшая въ немъ совѣсть пробуждается, и онъ признаетъ постигшую его кару справедливою. Противъ такого субъекта нѣтъ надобности употреблять какое-либо принужденіе, — китайскіе преступники сами тогда помогаютъ надѣвать на нихъ кандалы. Это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о мощномъ развитіи въ народѣ чувства справедливости, которымъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своему конфуціанскому воспитанію и наслѣдственно укоренившимся понятіямъ. — «Китайское законодательство отличается чрезвычайной простотой; оно караетъ лишь нарушеніе основныхъ законовъ, необходимыхъ для поддержанія единства и солидарности между людьми, ...

«Почитай родителей, не убивай, не кради, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай жены ближняго твоего». Это составляетъ естественное

право; до частныхъ сдѣлокъ, принадлежащихъ къ области искусственнаго, условнаго права, закону нѣтъ никакого дѣла, суды не входятъ по нимъ ни въ какія разбирательства», замѣчаетъ Симонъ. Подавляющая громадность публичныхъ работъ въ Китаѣ въ тѣ отдаленныя времена, когда создана была система оросительныхъ каналовъ и искусственныхъ водныхъ путей, которыми справедливо гордится Срединное царство такъ же, какъ и сооруженіемъ великой стѣны, достаточно выясняетъ, какое важное значеніе имѣло въ древности китайское министерство публичныхъ работъ—Конгъ-пу. Эти же факты свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о громадной роли, выпадавшей при такихъ сооруженіяхъ на долю правительства. Обладая тогда неограниченнымъ правомъ распоряжаться по своему усмотрѣнію народнымъ трудомъ, правительство передвигало рѣдкое еще въ то время населеніе съ мѣста на мѣсто и скучивало его въ сосѣдствѣ производившихся работъ. Только цѣною совокупныхъ и единовременныхъ усилій цѣлаго народа могли быть достигнуты такіе колоссальные результаты, какими являются китайскіе каналы, протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ миль, и водоемы, представляющіе собою цѣлыя озера въ 95 и даже 70 миль въ окружности. Теперь, въ теченіе уже почти двухъ тысячелѣтій, публичныя работы находятся въ томъ же положеніи, какъ и законодательство. Все наиболѣе существенное уже сдѣлано, на обязанности правительства лежитъ лишь поддерживаніе того, что сдѣлано. Правительство богдыхана не особенно тщательно выполняетъ эту обязанность. Необходимыя публичныя сооруженія дѣлаются и ремонтируются, смотря по степени своей важности, областными, губернскими или же общинными управленіями, на средства, которыя собираются земскими совѣтами частію по подпискѣ, частію же по раскладкѣ, при чемъ берется въ разсчетъ степень состоятельности плательщиковъ. Люди недостаточные освобождаются отъ взносовъ на производство публичныхъ работъ. Многія изъ такихъ работъ: мосты, дороги и т. п. выполняются на средства нѣсколькихъ богачей, удовлетворяющихся тѣмъ, что имена ихъ будутъ начертаны на одномъ изъ камней возведеннаго на ихъ деньги сооруженія. «Самыя изумительныя и грандіозныя изъ нынѣшнихъ построекъ выполняются совершенно незамѣтнымъ образомъ частною предпріимчивостью. Если разсматривать ихъ во всей совокупности, то никакая изъ прежнихъ, даже наиболѣе колоссальныхъ работъ, не можетъ выдержать съ ними сравненія. Самые смѣлые европейскіе инженеры и капиталисты не рѣшились бы и помыслить о чемъ-нибудь подобномъ: всѣ горы Срединнаго царства почти обращены въ ступеньчатыя террасы. Эта грандіозная работа безостановочно производится шагъ за шагомъ множествомъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Китаю не пришлось прибѣгать для нея ни къ государственному займу, ни къ выдачѣ субсидій

предпринимателямъ или же къ обезпеченію имъ надлежащаго процента на затраченный капиталъ», замѣчаетъ Симонъ.

Вслѣдствіе все болѣе и болѣе возрастающей густоты населенія и благодаря справедливымъ законамъ, поземельная собственность раздробилась до того, что даже и такія публичныя работы, которыя при малочисленномъ населеніи были бы немыслимы или же достижимы лишь при посредствѣ чрезвычайнаго сосредоточенія усилій, раздробляясь, становятся доступными для отдѣльныхъ личностей и выполняются ими, такъ сказать, между дѣломъ. Каждый ручеекъ, прежде чѣмъ спуститься въ равнину, перехватывается, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать плотинами на склонахъ горы, которая отъ подошвы до самой вершины раздѣлена террасами. И все это выполнено простыми крестьянами. «Сѣть городскихъ водопроводовъ въ главныхъ городахъ Западной Европы представляется менѣе частой, чѣмъ сѣть каналовъ, орошающихъ китайскія рисовыя поля», говоритъ Симонъ. Крестьяне не спѣша и легко выполняютъ свои работы. Въ Китаѣ коллективная дѣятельность государства постепенно замѣняется во многомъ частною дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ. Императоръ тамъ больше царитъ, чѣмъ управляетъ народомъ. Онъ недоступенъ въ своемъ царскомъ величіи и очень рѣдко видитъ народъ: во время императорскихъ проѣздовъ стараются всѣхъ изгонять съ улицъ. Богдыханъ знаетъ о существованіи своихъ подданныхъ, главнымъ образомъ, по докладамъ его чиновниковъ. По этому поводу въ Китаѣ разсказываютъ даже анекдоты. Услыхавъ кваканье лягушки, богдыханъ спросилъ: «кто это поетъ, чиновникъ или народъ?» — Ему доложили, что народъ умираетъ съ голоду, и императоръ наивно спросилъ: «отчего же онъ не ѣстъ?»

Пекинскій императорскій дворецъ съ принадлежащими къ нему зданіями окруженъ стѣной; мѣсто это называется запрещеннымъ городомъ и не показывается путешественникамъ. Примыкающія ко дворцу зданія съ его частями носятъ торжественныя названія: «сѣни обширнаго міра, сѣни совершеннаго спокойствія, дворецъ земного отдохновенія, дворецъ напряженія мыслей, храмъ великаго счастья» и проч. При дворѣ главное мѣсто занимаетъ церемоніймейстеръ, громкимъ голосомъ приказывающій придворнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ колѣнопреклоняться или вставать, стоять или ходить. Когда императоръ показывается народу, его сопровождаютъ 20 человѣкъ, несущихъ большіе зонты, и 20 вѣероносцевъ; а впереди его шествуютъ лица, громко провозглашающія объ императорскихъ добродѣтеляхъ и всемогуществѣ. Съ богдыханомъ говорятъ льстивымъ языкомъ, передъ нимъ совершаютъ 9-ти-кратные земные поклоны. — Высшее ученое сословіе мандариновъ пользуется также большимъ почетомъ. Ученый, сдавшій лучше всѣхъ экзаменъ на степень доктора наукъ, отпра-

вляется къ своимъ родителямъ, вручаетъ имъ отъ имени богдыхана почетные знаки отличія и благодаритъ за пріобрѣтенныя имъ почести, вслѣдствіе даннаго родителями воспитанія; онъ имѣетъ право жениться на одной изъ дочерей богдыхана, а если ея не окажется, то новопожалованный докторъ женится на дочери одного изъ министровъ, которая предварительно объявляется пріемною дочерью богдыхана; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тотчасъ же возводится въ рангъ министра или вице-короля, посылается на два или на три года въ путешествіе по разнымъ областямъ Китая, его всюду встрѣчаютъ съ почестями, соотвѣтственными достоинству близкаго родственника богдыхана; онъ можетъ наравнѣ съ министрами, вице-королями и старшими инспекторами вѣдомства народнаго просвѣщенія жить въ роскошныхъ университетскихъ дворцахъ, по возвращеніи изъ путешествія назначается на соотвѣтственную должность. Но далеко не всѣ учащіеся въ состояніи достигнуть степени доктора или кандидата, для этого требуется очень строгій экзаменъ. Точно также далеко не всѣ кандидаты получаютъ казенныя мѣста. Чиновниковъ въ Китаѣ сравнительно очень немного, а потому и число свободныхъ вакансій ограниченное. Ученые, которымъ не удалось пристроиться, возвращаются въ народную массу и избираютъ себѣ профессіи. Всѣ чиновники раздѣляются на 9-ть ранговъ, изъ нихъ каждый имѣетъ 2 класса *). Рангу соотвѣтствуетъ извѣстная степень конфуціанской учености, всѣ они различаются костюмомъ, который состоитъ изъ длиннаго платья съ пелеринкой, украшеннаго разнообразными фантастическими фигурами въ видѣ драконовъ, змѣй и т. п., и изъ конусообразной шапки. Главное различіе костюма выражается въ нагрудникахъ, пряжкахъ поясовъ и въ особенности шарикахъ, прикрѣпленныхъ къ палкамъ, которыя мандарины должны держать въ рукахъ; они различаются у всѣхъ ранговъ даже по матеріалу: 1-го ранга—шарики изъ рубиновъ, 2-го—краснаго коралла, 3-го—изъ сапфира, 4-го — голубого опала, 5-го — изъ кристалла, 6-го — бѣлаго опала, 7-го — изъ сплошного золота, 8-го — изъ узорчатаго золота, 9-го—изъ выложебленнаго полосатаго золота. Различаются матеріаломъ также нагрудники и поясныя застежки девяти ранговъ. — Мандарины въ жизни пользуются значительнымъ почетомъ; они имѣютъ право путешествовать съ большой торжественностью. Появленію мандарина предшествуетъ ударъ въ гонгъ и протяжные клики идущихъ впереди глашатаевъ, за ними слѣдуютъ оруженосцы, полицейскіе стражники, виднѣются опахало, мандаринскій почетный зонтикъ и, наконецъ, показывается самъ мандаринъ. Если это губернаторъ или градоначальникъ ближайшаго города, крестьяне тотчасъ же его окружаютъ. Ставъ на какое-нибудь возвышеніе, онъ держитъ къ нимъ по-

*) Marquise de Courcy: „L'empire du Milieu“.

учительную рѣчь и, вслѣдъ затѣмъ, передаетъ наилучшимъ земледѣльцамъ, на которыхъ ему уже было указано заранѣе или тутъ же указывается присутствующими, заслуженные ими знаки отличія,—большіе куски шелковой ткани съ именами удостоившихся награды и соотвѣтствующею подписью. Эти знаки отличія вывѣшиваются въ парадной комнатѣ дома и становятся гордостью для всей семьи.—Итакъ, въ Китаѣ привилегированный классъ составляютъ только наиболѣе образованные люди, много трудившіеся для достиженія этой цѣли. Тамъ не пресмыкаются передъ богатствомъ и знатностью, какъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы; нѣтъ деспотическихъ и рабскихъ чувствъ, укореняющихся въ народѣ вѣковой привычкой къ крѣпостному праву. Во всей внѣшности китайскаго крестьянина, въ манерѣ его обращенія видно сознаніе своего достоинства и независимости. «Необходимы лишь добрые нравы, говорилъ Конфуцій, все остальное въ сравненіи съ ними ничтожно!» и не ошибся въ разсчетѣ: вся масса 400-милліоннаго китайскаго народа больше проникнута нравственными принципами, отличается бо́льшимъ трудолюбіемъ, привычкой къ государственному самоуправленію и пользуется бо́льшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, чѣмъ низшее сословіе у какого бы то ни было изъ европейскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи бытъ китайцевъ можетъ служить практическимъ образцомъ для подражанія соціальнымъ теоріямъ Европы. Но при всемъ томъ нельзя не замѣтить, что конфуціанская рутина задержала естественное развитіе политической жизни народа. Самое уже однообразіе понятій у всего китайскаго населенія, семейнаго и государственнаго строя неизмѣнныхъ въ теченіе 15-ти вѣковъ, указываютъ на это. Родовой бытъ, сохранившійся въ значительной степени у китайцевъ до настоящаго времени, служилъ только переходной фазой въ развитіи политической жизни другихъ цивилизованныхъ народовъ на пути къ государству. Въ Китаѣ онъ какъ бы поглощаетъ собою государство: центральная власть слаба, правительство даже не обезпечено въ необходимыхъ издержкахъ на государственные расходы и принуждено въ этомъ случаѣ обращаться къ великодушію гражданъ, многія функціи государственной жизни вовсе не существуютъ, другія остаются въ зачаточномъ, неразвитомъ состояніи: законодательство и судопроизводство отличаются первобытною простотой и при этомъ, конечно, далеки отъ совершенства,—китайцы не даромъ прибѣгаютъ съ отчаянія для доказательства своей невинности къ самоубійству; судопроизводство необыкновенно медленно; наказанія за преступленія отличаются крайне негуманнымъ характеромъ; ихъ есть возможность избѣжать посредствомъ взятокъ; почтовое вѣдомство даже предоставлено инищіативѣ частныхъ лицъ; военное дѣло въ очень плохомъ состояніи; китайцы во многихъ отношеніяхъ незнакомы съ комфортомъ и внѣшними удобствами европейской жизни. Но особенно замѣтенъ застой цивилизаціи въ области идеальной культуры китай-

скаго государства: китайскій языкъ находится въ неразвитомъ первобытномъ состояніи; религіозныя понятія отличаются грубѣйшимъ фетишизмомъ, суевѣрія господствуютъ и въ обыденной жизни народа; образованіе исключительно конфуціанское—одностороннее; литература проникнута тѣмъ же конфуціанствомъ и отличается свойственнымъ первобытному состоянію сказочнымъ характеромъ; наука въ европейскомъ смыслѣ этого слова вовсе не существуетъ въ Китаѣ; многія отрасли изящнаго искусства — въ очень грубомъ и несовершенномъ видѣ; нѣкоторыя стороны китайской цивилизаціи даже понизились сравнительно съ ихъ древнимъ состояніемъ,—и все это послѣ приблизительно трехъ съ половиной тысячной жизни націи!

Конфуціево государство могло оставаться неизмѣннымъ и спокойнымъ въ теченіе многихъ вѣковъ только въ изолированномъ отъ Европы положеніи; въ настоящее же время, при постоянно усиливающихся сношеніяхъ съ иноземцами, являющимися въ видѣ вооруженныхъ широкими культурными средствами эксплоататоровъ Китая, вносящихъ туда новыя понятія и обычаи, и все увеличивающейся эмиграціи самихъ китайцевъ въ чужія страны, естественно, должно возникнуть въ Китаѣ нѣкоторое броженіе понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ произойти и безурядица въ общественной жизни, крѣпкой солидарностью китайскихъ взглядовъ. Но энергичная, терпѣливая и соціально прочно организованная масса китайскаго народа, вѣроятно, долго въ состояніи будетъ противустоять всякимъ общественнымъ бѣдствіямъ, а, быть можетъ, выйдетъ и съ полной побѣдой изъ начавшейся борьбы съ Европой, воспользовавшись ея уроками и сохранивъ хорошія стороны своей соціальной жизни, недостающія европейскимъ государствамъ. Китайцы многое уже измѣняютъ къ лучшему по европейскому образцу. Но они съ большимъ презрѣніемъ относятся къ дурнымъ сторонамъ европейской жизни и гордятся своей національностью. Народъ Срединнаго царства силенъ, главнымъ образомъ, распространеніемъ и примѣненіемъ въ практической жизни нравственнаго идеала конфуціанской морали; хотя онъ въ сущности и ниже европейскаго идеала нравственности, потому что одностороннѣе, онъ не представляетъ высокой фазы развитія этическихъ понятій, но зато идеалъ этотъ, быть можетъ, тѣмъ доступнѣе для обыденной дѣйствительности, тѣмъ легче распространяется въ ней; притомъ конфуціанская мораль отличается въ высшей степени практическимъ направленіемъ: сыновнее благочестіе, изъ котораго, по китайскимъ понятіямъ, вытекаютъ всѣ добродѣтели, нужно человѣку для выясненія его назначенія, для земного и загробнаго благоденствія людей; китаецъ долженъ пріобрѣтать средства къ жизни не только для живыхъ, но и для умершихъ членовъ своей семьи. Какъ не развиться при этомъ трудолюбію, безъ котораго недостижимо богатство, а, слѣдовательно, и счастье въ здѣшней и будущей жизни: предковъ, вѣдь, тоже нужно постоянно

кормить посредствомъ жертвоприношеній, тратить много денегъ на выполненіе похоронныхъ и другихъ обрядовъ. Это не христіанскій идеалъ нравственности, предлагающій отречься отъ земныхъ благъ и умерщвлять свою плоть для спасенія души въ загробномъ ея существованіи. Отъ лѣности и нерадивости китайца страдаетъ не только онъ одинъ съ его живой семьей, но и всѣ его предки и всѣ будущіе потомки. Китайская религіозно-нравственная мораль не производитъ и того угнетающаго впечатлѣнія на настроеніе духа человѣка, какъ христіанскій аскетическій идеалъ нравственности.

Большее или меньшее совершенство нравственныхъ понятій народа и ихъ особенности являются послѣдствіемъ цивилизаціи: у дикарей совершенно иные взгляды на добро и зло и очень низкій уровень нравственности вообще, хотя онъ и разнообразится соотвѣтственно климату страны и породѣ обитающаго въ ней племени: чѣмъ выше человѣческая порода, чѣмъ благодатнѣе климатъ и роскошнѣе природа, тѣмъ большею мягкостью отличается и характеръ человѣка; но подчиняясь общеисторическому процессу развитія, нравственное чувство цивилизованныхъ народовъ имѣетъ много общихъ чертъ. Всѣ европейскія націи, цивилизація которыхъ развивалась подъ вліяніемъ христіанской морали и на основѣ античной этики, имѣютъ болѣе или менѣе сходныя нравственныя понятія. Западная Европа пережила уже двѣ эпохи нравственнаго развитія общенароднаго историческаго прогресса этики, античную и христіанскую, и переживаетъ 3-ю—научно-философскую. Этика возведена въ Европѣ на степень науки и разрабатывается учеными; нравственный идеалъ ея очень высокъ, но слабо проводится въ жизни. Нравственныя идеи китайскаго народа развились изолированно и получили совершенно своеобразный характеръ. Ни одинъ народъ не занимался такъ много разработкой нравственныхъ вопросовъ въ своей жизни, какъ китайцы. Нравственный идеалъ, большею частью, вездѣ возникаетъ въ формѣ религіи или подъ ея вліяніемъ, у китайцевъ эти двѣ области никогда не раздѣлялись. Духи древнекитайскаго культа природы и предковъ отличаются уже строго нравственнымъ характеромъ; злыхъ силъ почти не существуетъ; верховному божеству — небу приписываются всевозможныя добродѣтели; въ китайскомъ культѣ предковъ выработался идеалъ нравственности, тождественный съ христіанской моралью. Въ очень древнюю пору китайской жизни (лѣтъ за 700 до Р. Х.) отецъ семейства въ завѣщаніи своемъ даетъ дѣтямъ совѣты: проявлять высокую честность, непоколебимую ревность о благѣ общественномъ и дѣтскую прямоту сердца; не мѣнять своего поведенія сообразно съ обстоятельствами; не заглушать въ себѣ добрыхъ стремленій; уважать мать, всячески заботиться о ней и о младшихъ членахъ семьи, почитать старшихъ, сдерживать гнѣвъ, облагораживать свою душу, подражая хорошимъ поступкамъ людей; жить соотвѣтственно со средствами, не завидовать,

быть снисходительнымъ къ недостаткамъ людей, честнымъ и скромнымъ въ обращеніи; уступать во всемъ и облегчать трудъ и страданія людей; лучше желать потерять свое, чѣмъ пріобрѣсти чужое; всегда съ признательностью вспоминать объ оказанныхъ услугахъ и стараться какъ можно скорѣе забывать получаемыя оскорбленія; избѣгать ссоръ и не обращать вниманія на сплетни. Словомъ, это полный перечень христіанскихъ заповѣдей, сводящійся къ главной христіанской заповѣди: «люби ближняго, какъ самого себя». Идеалъ безкорыстной добродѣтели! Въ китайской религіи даосизма предписывается очень строгій путь добродѣтели для человѣка: онъ долженъ познать самого себя, ограничить свои желанія, побѣдить свои страсти. «Самое большое преступленіе—давать волю своимъ желаніямъ. Мудрецъ всѣхъ людей долженъ считать своими дѣтьми, за обиды платить добромъ. Чѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ для людей и даетъ людямъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ для самого себя». Выше этихъ понятій китайская этика не поднималась уже никогда. Въ смутную пору жизни народа нравственный идеалъ былъ въ упадкѣ, дошло даже до эпикурейскихъ взглядовъ на жизнь.—Онъ реставрировался Конфуціемъ и его школой, но уже въ пониженной формѣ. По древнимъ понятіямъ человѣкъ долженъ искать довольства въ тайникахъ души своей, долженъ не только отказывать чувствамъ въ удовлетвореніи, но и притуплять ихъ, долженъ совершенно оставить влеченіе къ приманкамъ матеріальнаго міра, прельщающимъ чувства (отсюда похвала бѣдности). По Конфуцію, довольство человѣка полагается въ его субъективности; для достиженія своего благоденствія человѣкъ долженъ пользоваться всѣми своими чувствами и возможно правильнѣе удовлетворять ихъ потребности; чѣмъ большее число предметовъ матеріальнаго міра имѣетъ онъ въ своемъ распоряженіи, тѣмъ болѣе обезпечиваетъ себѣ благоденствіе непосредственнымъ удовлетвореніемъ своихъ чувствъ и доставленіемъ удобствъ любимымъ лицамъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ родители (отсюда похвала честному пріумноженію имущества). Это идеалъ болѣе жизненный, но и болѣе корыстный. Принципъ честнаго пріумноженія имущества, безъ накопленія котораго нельзя быть обезпеченнымъ въ своемъ счастливомъ существованіи ни въ здѣшней, ни въ загробной жизни, слишкомъ сильно привился къ китайцамъ. Его вліяніе, несомнѣнно, сказалось въ улучшеніи экономическаго положенія народа, но онъ же породилъ страсть китайцевъ къ наживѣ, проявляющуюся въ такой сильной степени въ Китаѣ. Стремленіе разбогатѣть сдѣлалось главною цѣлью жизни каждаго китайца. По словамъ очевидцевъ, въ современномъ Китаѣ вездѣ и всюду, отъ столицы до послѣдней деревушки, съ утра и до вечера, во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, только и говорятъ о деньгахъ, о наживѣ и о средствахъ къ обогащенію. Главная дѣятельность народа при застоѣ идеальной культуры, естественно, сосредоточилась на матеріальныхъ

вопросахъ жизни. Это обстоятельство, несомнѣнно, должно было способствовать очерствленію національнаго характера китайскаго народа, и безъ того уже придавленнаго и лишеннаго всякихъ идеальныхъ стремленій многовѣковой конфуціанской рутиной. Вотъ откуда происходятъ китайское взяточничество, сухость и эгоизмъ, проявляющіеся въ особенности по отношенію къ иностранцамъ. Стремленіе китайцевъ эксплоатировать чужеземцевъ очень естественно: современная этика этого народа, состоящая, главнымъ образомъ, въ широкомъ примѣненіи принципа сыновняго благочестія, не заключаетъ въ себѣ любви къ иноземцамъ, а скорѣе изъ чувства сильнаго китайскаго патріотизма проникнута недоброжелательствомъ къ нимъ.—Самою геройскою смертью считается въ Китаѣ та, когда кому-либо удастся вывести изъ терпѣнія врага своего отечества настолько, чтобы въ порывѣ злобы онъ убилъ китайца. Въ первыхъ сношеніяхъ съ европейцами китайцы, возмущенные ихъ эксплуататорствомъ, возвели даже въ принципъ беззаконное обращеніе съ варварами-иноземцами. «Китайцу не понятна возможность считать всѣхъ людей своими братьями, говоритъ г. Георгіевскій, не понятна возможность признавать за всѣми людьми человѣческое достоинство: подъ человѣкомъ онъ разумѣетъ только культурнаго соціальнаго человѣка и относится къ индивидуумамъ, утратившимъ свои человѣческія качества и вышедшимъ изъ соціальнаго строя (преступникамъ, нищимъ и т. п.) не иначе, какъ къ животнымъ и притомъ еще вреднымъ. Хорошаго человѣка и иностранца китаецъ съумѣетъ отличить».—Но европейцы сами служили для китайскаго народа дурнымъ примѣромъ,—сдѣлали и продолжаютъ дѣлать ему много зла: одно уже распространеніе торговли опіумомъ и христіанское, въ особенности католическое миссіонерство, составляютъ настоящія язвы для Китая. Любовь къ человѣку и къ человѣчеству вообще, независимо отъ какой бы то ни было національности, проповѣдуемая христіанской религіей, практически выразилась и въ Западной Европѣ только сравнительно очень поздно, въ концѣ XVIII столѣтія, во время великой французской революціи. Примѣненіе къ жизни этой идеи было результатомъ общеевропейскаго историческаго прогресса, въ этикѣ оно проявилось въ разнообразныхъ соціальныхъ теоріяхъ.

Литература, наука, искусство, воспитаніе и школы китайцевъ *).

Литература какого-либо народа, какъ говорятъ, есть отраженіе народной жизни. Въ широкомъ смыслѣ слова, ею можетъ быть названа совокупность всѣхъ находящихся у народа письменныхъ произведеній. Въ такомъ случаѣ она подраздѣляется на отдѣлы, составляющіе какъ бы свою особую, спеціальную литературу, трактующую исключительно только о тѣхъ или другихъ предметахъ. Чѣмъ полнѣе и шире развивается цивилизація народа, тѣмъ многочисленнѣе, разнообразнѣе и содержательнѣе отдѣлы его письменности, или литературы, касающіеся какихъ-либо наукъ, искусствъ и т. п. Но при этомъ у развивающагося народа бываютъ еще произведенія, отражающія всесторонне его внутренній міръ: міросозерцаніе, мысли, чувства, идеалы, преобладающее настроеніе духа, обыденную дѣйствительность. Они то именно и составляютъ то, что называется собственно литературой, художественной или изящной словесностью. Она подчиняется опредѣленнымъ законамъ въ своемъ историческомъ развитіи и потому составляетъ науку. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ китайская литература имѣетъ очень ничтожное значеніе, ее нельзя разсматривать, какъ литературу въ видѣ науки, а только, главнымъ образомъ, какъ простую письменность народа, отражающую въ себѣ преобладающія направленія народной жизни или касающуюся тѣхъ или другихъ спеціальныхъ предметовъ, дающихъ содержаніе наукѣ. Чѣмъ выше цивилизація народа, тѣмъ многообразнѣе виды его художественныхъ литературныхъ произведеній, тѣмъ совершеннѣе, поэтичнѣе ихъ форма и значительнѣе содержаніе. Вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ сильнѣе они дѣйствуютъ на душу человѣка, удовлетворяя его эстетическія потребности и внушая ему иногда въ чарующей формѣ новыя идеи. При неразвитости китайскаго языка возможность писать на немъ явилась очень поздно. Отъ первыхъ попытокъ ея до того времени, когда можно было, хоть сколько-нибудь понятно передавать рѣчь или мысль,—разстояніе необыкновенно большое. «Начало китайской письменности допустимо не ранѣе времени правленія императора Сюань-вана, говоритъ г. Васильевъ, ито лишь въ видѣ нашихъ бирокъ, получившихъ начало въ Китаѣ, на которыхъ стали записывать государственные доходы и расходы. По всему видно, что первоначальная письменность появилась въ Срединномъ царствѣ въ правительственныхъ сферахъ, какъ необходимое орудіе въ государственной машинѣ. Отъ времени династіи Сюань-вана (720—327 гг. до Р. Х.) до начала лѣтописи Чун-цю въ продолженіе 100 лѣтъ письменность могла сдѣлать только такія

*) Васильевъ: „Китайская литература."

успѣхи, что стали записывать даже и историческія событія; но и то это дѣлалось отрывистымъ языкомъ,—тогда не могли еще въ Китаѣ отчетливо передавать на письмѣ всякую рѣчь или мысль. Китайцы и послѣ Конфуція плохо умѣли слагать фразы и періоды,—доказательствомъ тому можетъ служить «Лунь-ю» — собраніе изреченій Конфуція, записанныхъ будто бы его учениками. При сравнительно болѣе усовершенствованномъ слогѣ позднѣйшій писатель Мэнъ-цзы все еще прибѣгаетъ къ отрывочнымъ параграфамъ. «Ицзинъ» также, большею частью, состоитъ изъ отдѣльныхъ словъ и безсвязныхъ фразъ. Китайцы начали писать, не умѣя связывать словъ. Передъ появленіемъ Конфуція еще очень плохо сочиняли. Орудіемъ для письма въ то время служилъ небольшой ножичекъ, которымъ вырѣзывали слова на бамбуковыхъ дощечкахъ или листьяхъ бамбука. 200 лѣтъ спустя, начали рисовать буквы кистью на матеріи, преимущественно шелковой. Въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. введено было употребленіе бумаги и индійскихъ чернилъ, кисти для письма дѣлались мягкія и эластичныя. Письмо китайцевъ чисто, правильно и элегантно. 900 лѣтъ спустя послѣ Р. Х. изобрѣтено было въ Китаѣ книгопечатаніе, или, вѣрнѣе, гравированіе. Оно только въ 19-мъ столѣтіи приняло значительно усовершенствованную форму. Но Конфуцій, собирая и провѣряя факты лѣтописи Чунь-цю, былъ уже не простымъ переписчикомъ. Въ Ши-цзинѣ, по словамъ китайцевъ, у него находилось подъ рукою 3,000 стиховъ; Конфуцій выбралъ изъ нихъ только 300, да и въ тѣхъ выкидывалъ или передѣлывалъ то цѣлую строфу, то цѣлый стихъ, фразу, слово. Онъ былъ первымъ китайцемъ, извлекшимъ изъ рукъ и архивовъ администраціи умѣнье писать, усовершенствовалъ это искусство и передалъ въ народъ. До него не упоминается ни о какой народной школѣ, заботящейся объ образованіи народа. Несмотря на техническое несовершенство письма, заключавшагося въ неупрощенныхъ формахъ и вырѣзываніи іероглифовъ на деревѣ, Конфуцій научилъ китайцевъ писать всѣ слова, которыя явились въ китайскомъ языкѣ и даже въ различныхъ его нарѣчіяхъ. Одна изъ классическихъ конфуціанскихъ книгъ Ши-цзинъ составляетъ сборникъ народныхъ китайскихъ пѣсенъ, въ которыхъ отражается обыденная дѣйствительность китайскаго народа, выраженіе его чувствъ и интересовъ.» Слѣдовательно, у китайцевъ еще во времена Конфуція были уже задатки для развитія изящной словесности, всегда возникающей съ народныхъ пѣсенъ. Между ними есть свадебныя, любовныя, касающіяся чиновничьяго быта и хозяйства. Пѣсни эти не лишены поэтическаго чувства, остроумія и живости изображенія. Въ Ши-цзинѣ помѣщенъ въ стихахъ цѣлый календарь очень темнаго содержанія, послужившій основаніемъ Ли-цзи и даже Чжоу-ли. Въ немъ перечисляются какъ бы разныя примѣты: 1-ая луна: раздаются охотничьи рога (по толкованію: холодный вѣтеръ). Сильный холодъ—рубятъ ледъ. За соху—кладутъ ледъ въ по-

треба. Стрекоза поднимаетъ крылья. Ѣдятъ сливы и вишни и т. п.» Интересно, какъ китайскіе толкователи объясняютъ значеніе народныхъ пѣсенъ. Для примѣра, вотъ одна изъ нихъ:

Онъ собираетъ коноплю:
Какъ одинъ день не вижу,
Какъ три мѣсяца.
Онъ, онъ собираетъ полынь:
Одинъ день не вижу; какъ три осени.
Онъ рветъ артемизію:
Одинъ день не вижу,
Какъ будто три года.

Одни толкователи видятъ въ этой пѣснѣ развратъ, для котораго и короткое время кажется длиннымъ, другіе — привязанность чиновника къ государю, не хотящему оставить его и на одинъ день; третьи — насмѣшку надъ лицомъ, которое такъ распинается въ своей привязанности! «Такія толкованія встрѣчаются постоянно при каждой пѣснѣ», замѣчаетъ г. Васильевъ. До Конфуція, кромѣ лѣтописи Чунь-цю, не было никакихъ письменныхъ памятниковъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы научить народъ письму. Но народная рѣчь раньше всѣхъ ученыхъ создаетъ памятники безыскусственной поэзіи. Этимъ матеріаломъ воспользовался Конфуцій, а по проложенной имъ дорогѣ и ближайшіе ученики его, разносившіе грамоту въ Китаѣ. Кромѣ пѣсенъ, въ Ши-цзинѣ встрѣчаются оды, въ которыхъ развиваются сюжеты пѣсенъ, религіозные гимны, гимны довольно темнаго содержанія въ честь земледѣлія, и даже два гимна о лошадяхъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ просто перечень лошадиныхъ названій по мастямъ и примѣтамъ (нѣчто въ родѣ словаря); есть гимнъ, восхваляющій заслуги Лускаго Гуна, покорившаго варваровъ; на это претендуютъ и оды, но уже приписываютъ такое покореніе войскамъ Чжоускаго императора. Ши-цзинъ послужилъ основаніемъ развитія конфуціанской литературы. Другая, несомнѣнно, переданная Конфуціемъ въ народъ книга была лѣтопись «Чунь-цю» — весна и осень; говорятъ, будто бы она написана на дощечкахъ въ 2 фута, по 8-ми іероглифовъ на каждой, и заключала въ себѣ слоговыхъ буквъ по однимъ объясненіямъ нѣсколько десятковъ тысячъ, по другимъ — 18,000, а по третьимъ и изъ этого числа недоставало 1400 буквъ. «О времени составленія «Чунь-цю» то же разногласіе, говоритъ г. Васильевъ. Конфуцій будто бы написалъ ее въ 9 мѣсяцевъ. Многіе отвергаютъ приписываемыя «Чунь-цю» награду и осужденіе. Одни утверждаютъ, что эту лѣтопись сочинилъ Конфуцій, другіе обсуждаютъ еще вопросъ, какъ онъ смѣлъ взяться за исторію, не будучи историкомъ, судить о царскихъ дѣлахъ!» Вотъ какіе

пустые вопросы занимаютъ китайскихъ ученыхъ! Отрывочныя свѣдѣнія «Чунь-цю»возбуждали, какъ видно, различныя толкованія; для объясненія ихъ выдумывали факты, иногда даже противорѣчивые. Однимъ словомъ, «Чунь-цю» дала не только толчокъ къ разработкѣ упоминаемыхъ въ ней фактовъ, но и породила вопросъ о прошлыхъ временахъ. Она уже касалась всей китайской націи, потому что письменность съ легкой руки Конфуція могла распространяться не между одними лишь его учениками, которыхъ нельзя еще назвать послѣдователями, такъ-какъ Конфуціанцы выдѣлились только тогда, когда стали толкователями содержанія переданныхъ Конфуціемъ книгъ съ извѣстной точки зрѣнія. «Конфуціанцы могли гордиться, что они дали исторію своимъ соотечественникамъ, замѣчаетъ г. Васильевъ; но, вѣдь, въ исторіи дѣйствовали не конфуціанцы, а участвовала вся нація—исторію, не сочиняютъ, потому и явились разсказы, что при каждомъ дворѣ китайскаго князя были историки. Конфуціанцы взяли на себя только трудъ придавать фактамъ извѣстное направленіе. Явившись первыми учителями народа, они въ немногочисленныхъ фактахъ, или въ легендахъ, которыя составлены были не ими (Мэнъ-цзы называетъ составителей легендъ дикарями), толковали ихъ внутренній смыслъ, т.-е. образовательный, основанный на правилахъ нравственности и вѣжливости (церемоній). Вотъ въ чемъ состояло главное выдѣленіе конфуціанства, переходъ его въ школу. Первые толкователи на книгу Чунь-цю имѣли въ виду только одно объясненіе ея нравственнаго смысла, строго придерживаясь текста; не то встрѣчается уже въ Цзо-чжуанѣ; въ это толкованіе вошли придѣлки годовъ (по циклическимъ знакамъ) и мѣсяцевъ, вставки событій, мнѣнія Изы-Чаня, Янь-Цзы и другихъ философовъ, разсуждавшихъ, какъ выражаются сами китайцы, вдоль и поперекъ, гадательныя и предвѣщательныя книги, сказки, сатиры и проч. Хотя всему этому и придаютъ конфуціанскій колоритъ, но такая смѣсь доказываетъ только послѣдующее расширеніе Конфуціанства, которое по необходимости, чтобъ не казаться одностороннимъ и монотоннымъ, должно было усвоивать себѣ то, что вырабатывалось на сторонѣ. При механической трудности китайскаго письма конфуціанскія книги нужно было объяснять учащимся; объясненія приводились изустно, этого было достаточно: китайскій школьникъ и въ настоящее время не можетъ учиться одинъ, весь процессъ ученія происходитъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ учителя. Понятно, что при такомъ устномъ объясненіи учителя, разошедшіеся въ разныя страны, не могли преподавать однообразно; начавшееся развитіе мысли, подымавшіеся вопросы и задачи побудили къ удовлетворенію современныхъ требованій; такимъ образомъ, составились различныя школы, и кто поручится, что когда ханьскіе ученые воспользовались усовершенствованіемъ письма, стали давать пись-

менный видъ этимъ толкованіямъ, они сохранили вполнѣ, хотя бы даже воззрѣнія тѣхъ школъ, которыхъ являлись представителями. Имъ приходилось сообразоваться съ требованіями новыхъ порядковъ, а если правительство допускало ученыхъ занимать первыя мѣста въ государствѣ, то могли ли они сохранять такія мнѣнія, за которыя подвергались гоненію при Цинь-ши-Хуанди? Ханьская династія должна была заботиться обо всемъ, что содѣйствовало объединенію государства, и удалять опасныя для единодержавія воззрѣнія. Такимъ образомъ, если она поддѣлывалась къ конфуціанцамъ, то и они должны были дѣлать то же по отношенію къ ней. Если и, дѣйствительно, Цинь-ши-Хуанди велѣлъ сжечь несогласныя съ правительственными воззрѣніями книги, то, вѣдь, это случилось въ 213 году до Р. Х., а четыре года спустя по смерти Цинь-ши-Хуанди, началось уже охватившее весь Китай возстаніе; бунтовщикамъ было не до того, чтобы продолжать гоненія. Въ такое короткое время не могло быть забыто все, что выработало конфуціанство въ теченіе 250 лѣтъ по смерти Конфуція. Малдуань-линь, приводя весь указъ Цинь-ши-Хуанди о сожженіи книгъ, замѣчаетъ, что этимъ указомъ освобождались отъ преслѣдованія книги медицинскаго, формакологическаго, сельскохозяйственнаго и гадательнаго содержанія, ихъ нельзя считать не уцѣлѣвшими.

Конфуціанство не могло исчезнуть при Цинь-ши-хуанди уже потому, что при его династіи была учреждена должность бо-ши, академика, для изученія конфуціанскихъ книгъ, и при немъ это мѣсто занималъ Тусунь-тунъ, имѣвшій 100 учениковъ; онъ въ началѣ воцаренія Ханьской династіи участвовалъ въ составленіи церемоній и обрядовъ ханьскаго двора. Когда при преемникѣ Цинь-ши-хуанди начались возмущенія, дворъ призвалъ болѣе 30-ти ученыхъ послѣдователей Конфуція, чтобъ узнать отъ нихъ о причинахъ возстанія, конфуціанцы приводили въ объясненіе мѣста изъ лѣтописи Чунь-цю. Слѣдовательно, книга эта не была сожжена; вообще, кромѣ Шуцзина, не находится упоминанія о томъ, чтобы конфуціанцы указывали хоть на какую-нибудь книгу, утраченную въ этомъ гоненіи. Когда настало возмущеніе, лучшіе ученые, между которыми былъ и Кунь-фу, потомокъ Конфуція, явились къ одному изъ бунтовщиковъ съ сосудами для религіозныхъ церемоній, и когда прибылъ Лу, основатель Ханьской династіи, конфуціанцы занимались толкованіемъ значенія церемоній и упражненіемъ въ нихъ, распѣвали и играли на инструментахъ религіозныя пѣсни, такъ что они въ этомъ видѣ представляются не столько учеными, какъ жрецами какой-то религіи. (Черезъ религію конфуціанскіе ученые старались придать силу своему ученію). Изъ обрядовъ ихъ упоминаются Да-шэ и Сянь-инь, кажется, первоначально имѣвшіе видъ новѣйшихъ сходокъ на западѣ. Если вникнуть въ смыслъ разсказовъ о томъ, что каждая книга имѣла своихъ толко-

вателей и была изучаема особо, то придется заключить, что конфуціанство не составляло одного цѣлаго, а распалось на различныя отрасли, соединить которыя привелось уже ученымъ Ханьской династіи. Слѣдовательно, оно прошло сквозь призму этой династіи, хотя полное господство конфуціанскаго ученія началось только съ того времени, какъ Тянъ-финъ, сдѣланный канцлеромъ въ 135 году, отдалъ ему предпочтеніе и пригласилъ на службу конфуціанцевъ. Но письменная, ученая дѣятельность, конечно, возникла въ конфуціанствѣ гораздо раньше этого времени. Китайская литература (и не одна конфуціанская) нашла поборниковъ въ двухъ князьяхъ, братьяхъ императора Ву-ди. Одинъ изъ нихъ собиралъ конфуціанскія книги, которыя и представилъ, будто бы, ко двору въ количествѣ 500 главъ, другой отдалъ предпочтеніе фантастическимъ сочиненіямъ. Естественно, что это меценатство было большимъ подстреканіемъ къ поддѣлкѣ или явному составленію книгъ, такъ что, когда при Чэнь-ди отправленъ былъ по имперіи депутатъ Чэнъ-нунъ для собиранія книгъ, то комитетъ, ихъ разсматривавшій подъ предсѣдательствомъ Лю-сяна и его сына Лю-синя, имѣлъ уже дѣло съ 33,090 главами, между которыми конфуціанскія составляли 3,113. Но при внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что всѣ эти книги, по своей редакціи, не восходятъ далѣе Ханьской династіи, большая часть сочиненій не оригинальныя, а только комментаріи, хотя съ усовершенствованія письма до составленія перваго каталога книгъ (въ 6-мъ году до Р. Х.) прошло уже болѣе 200 лѣтъ. Въ такой промежутокъ можно было бы написать и больше; за подобный же періодъ времени до усовершенствованія искуства письма видно совсѣмъ другое. Больше всего разрабатывался конфуціанцами Шицзинъ: онъ, какъ народная книга, сталъ источникомъ замѣчаній на жизненныя явленія, въ родѣ нашихъ поговорокъ. Уже въ Лунь-юнѣ находятся ссылки на Шицзинъ, ими пересыпаны Сяо-цзинъ, первыя и позднѣйшіе попытки конфуціанцевъ, помѣщенныя въ Лицзи. Ближайшая ко времени жизни Конфуція книга Лунь-юй выдается за замѣтки или записки на бамбуковыхъ дощечкахъ (въ 8 дюймовъ, тогда какъ прочія классическія книги имѣли 1 ф. 2 дюйма), преподавательскихъ изреченій Конфуція, которыя ученики его, будто бы, всегда носили съ собой за пазухой. Эти изреченія представляютъ или общія правила нравственности, или извлеченныя изъ исторіи, не обращенныя ни къ кому, или отвѣты на вопросы учениковъ, обсужденіе ихъ мнѣній, отзывы объ этихъ ученикахъ и проч. Но, кромѣ того, въ этой книгѣ являются и разговоры учениковъ между собой, а также и ихъ изреченія, ни къ кому не обращенныя. Наконецъ, часто встрѣчаются уже не изреченія, а просто описанія того, какъ велъ себя или жилъ Конфуцій, какъ держалъ руки, какой принималъ видъ, какъ одѣвался, смотря по обстоятельствамъ, и т. под., а въ послѣдней главѣ приведено изреченіе;

начинающееся словами Яо, продолжаемыми Шунемъ, Юемъ, Тань-ваномъ и У-ваномъ — императорами, жившими въ различныя эпохи.

По всей вѣроятности, Лунь-юй составленъ уже учениками учениковъ Конфуція около 50 года до Р. Х., хоть и говорятъ, что книга эта была найдена въ стѣнѣ Конфуціева дома и написана древнимъ почеркомъ. Она имѣетъ большое значеніе для составленія понятія о судьбѣ древняго конфуціанства, о ходѣ и развитіи этого ученія. По Лунь-юйю, сами конфуціанцы составили только біографію одного Конфуція и передаютъ еще, что были его ученики и чѣмъ занимались они. Но замѣтно, что и эта біографія, и мнѣнія учениковъ составились изъ внутренней борьбы школъ, образовавшихся въ различныхъ странахъ, по которымъ разошлись ученики Конфуція. Всякій объяснялъ по-своему книги, полученныя отъ основателя конфуціанства; ученики ихъ должны были, конечно, объяснять опять по-своему представлявшіеся новые вопросы, и каждый стремился подтвердить свое толкованіе ссылкой на Конфуція или на того ученика, къ школѣ котораго онъ принадлежалъ; другіе же, несогласные, старались даже осрамить этого самаго ученика. Въ Лунь-юйѣ видны то повторенія безъ всякаго измѣненія, то повторенія нѣсколько измѣненныя. Кажется, чтобы сгладить эти противорѣчія, нѣкоторые параграфы уже нарочно помѣщаютъ ихъ вмѣстѣ, приводя оправданіе самого Конфуція, что онъ говоритъ различно, соотвѣтственно лицу, къ которому обращается. Вѣроятно, при Ханьской династіи одна общая школа составилась изъ нѣсколькихъ школъ. Разумѣется, при послѣдней редакціи выбрасывали уже то, что слишкомъ противорѣчило взглядамъ, установившимся при этой династіи въ конфуціанствѣ, приноравливаясь къ услугамъ правительству, гдѣ конфуціанцы же занимали первыя мѣста; оставлялись такія противорѣчія, которыя могли быть, хотя бы и съ натяжкой, примирены комментаторомъ, и мнѣнія, которымъ можно придать выгодный смыслъ. Всѣ конфуціанскія книги, за исключеніемъ текста Чунь-цю (но не толкованій), прошли вмѣстѣ съ перепиской ихъ новымъ почеркомъ сквозь призму ханьскихъ ученыхъ. Всѣ они неоднократно обсуждались даже подъ предсѣдательствомъ самихъ императоровъ сонмомъ ученыхъ. Нельзя вѣрить, чтобы что-нибудь могло пропасть дѣйствительно; можетъ быть, даже самая ссылка на сожженіе книгъ была выдумана въ угоду ханьскому двору (по крайней мѣрѣ, она очень подозрительна). Но многое погибло, какъ отброшенное, или по дѣйствительной негодности, или по несогласію съ преобладающими мнѣніями; такъ и комментаріи на классическія книги не исчезали даромъ, а переносились въ другіе, улучшенные. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что Лунь-юй постоянно добавлялся въ различныхъ школахъ; онѣ обращались опять къ тѣмъ же вопросамъ и лицамъ и передавали разговоры въ другихъ видахъ. «При всемъ этомъ вглядываясь пристальнѣе въ содержаніе Лунь-юй, говоритъ г. Ва-

сильевъ, видно, что развитіе именно его-то идей и послужило содержаніемъ другихъ классическихъ книгъ. Не маловажно и то замѣчательное явленіе, что первыми руководителями китайской мысли явились историческая книга Чунь-цю и книга стихотвореній, большею частью, народныхъ—Шуц-зинъ. Исторія и поэзія очень важные воспитательные элементы! Тѣмъ болѣе это было назидательно въ Китаѣ, гдѣ верховнымъ представителямъ древней жизни народа приписывались всевозможныя добродѣтели. На послѣднее обстоятельство, очевидно, конфуціанскіе ученые напираютъ съ цѣлью представить образцы добродѣтели для контраста распущеннымъ нравамъ своихъ современниковъ.» Вся жизнь и дѣятельность Конфуція, какъ извѣстно, была, главнымъ образомъ, направлена не столько на распространеніе образованія въ народѣ, какъ на улучшеніе его нравственности, которую онъ видѣлъ въ возстановленіи черезъ религію строгости нравовъ древней китайской семьи, основанной на семейномъ благочестіи. Въ этомъ же направленіи въ виду смутной поры того времени должны были дѣйствовать, преимущественно, и послѣдователи конфуціанства. Тѣмъ болѣе, что того же требовала и политика той поры: нужно было приготовить гражданъ, которыми легко было бы управлять. Извѣстно, что конфуціанцы довели до утрировки принципъ семейнаго благочестія и составили сборникъ церемоній или правилъ для поведенія человѣка во всѣхъ случаяхъ его жизни; церемоніи касались сильно и самого императора. Въ такомъ направленіи написана конфуціанская книга Сяоц-зинъ о почтеніи къ родителямъ, Дасе (великое ученіе) Лицаи и Шуцзинъ, который служитъ главнымъ выраженіемъ правительственныхъ стремленій въ духѣ конфуціанства. «На Шуцзинъ, говоритъ г. Васильевъ, существуетъ безчисленное множество китайскихъ толкованій; но онъ, несомнѣнно, есть также сборникъ или компиляція временъ ханьскихъ ученыхъ, какъ и многія другія книги. Шуцзинъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль—выставить на видъ конфуціанскія воззрѣнія и желанія при созиданіи государственнаго строя, въ немъ нѣтъ противорѣчій, и потому онъ называется книгой по преимуществу. Хотя въ принципахъ Шудзина и высказывается стремленіе къ ограниченію императорской власти, но оно такъ замаскировано, что никогда не подавало повода къ сопротивленію со стороны какого бы то ни было правительства въ послѣднія 200 лѣтъ. Книгу эту можно считать плодомъ примиренія конфуціанства, началомъ его служебной или правительственной дѣятельности. Въ первые времена Ханьской династіи образовались главные принципы конфуціанства, съ которыми уже должны были сообразоваться и поддѣлки, до того времени пользовавшіяся большимъ просторомъ. Нельзя отрицать, что во всѣхъ этихъ книгахъ вписано много прочувствованнаго и обдуманнаго; видно, что ихъ писали люди, и сами повергавшіеся страданіямъ, и бывшіе свидѣтелями людскихъ страданій. Не наобумъ говорили они о нравственныхъ началахъ въ

отношеніи себя, семейства, общества; не въ фантазіи проходила передъ ними панорама государственной распущенности, безтолковости, отзывавшаяся на народномъ благосостояніи. Конфуціанцы, явившись учителями народа, считали себя въ правѣ быть и учителями правительства; они сознавали, какую великую пользу могутъ принести народу, не все же были между ними пустые честолюбцы. Истинное честолюбіе ставитъ выше всего проведеніе своихъ идей: нужно представить себѣ положеніе человѣка (а тутъ былъ не одинъ), который обнимаетъ весь горизонтъ господствующихъ мнѣній и стремленій, видитъ всю ихъ узкость и непригодность, хочетъ вразумить, и вдругъ встрѣчаетъ наглое отрицаніе, пренебреженіе олигарха, какъ бы говорящаго: «тебѣ ли понимать!» И это было еще въ первый разъ въ уголкѣ того человѣческаго общества, которое развивало все изъ себя; несмотря на свое пристрастіе къ исторіи, незнакомо было съ дѣйствительной исторіей человѣческой жизни, гдѣ не можетъ пропасть зародышъ ни одной идеи, хотя бы на нее легла тысячелѣтняя пыль. Понятно, что́ долженъ былъ чувствовать такой человѣкъ, каково должно было быть его нетерпѣніе, подогрѣваемое южнымъ климатомъ! Представителемъ этого-то нетерпѣливаго озлобленія и является конфуціанецъ Мэнъ-цзы, вылившій всю накипѣвшую желчь, послѣднее слово древняго конфуціанства. Книгу Мэнъ-цзы нужно считать за позднее конфуціанское произведеніе: она ссылается на Лунь-юй и на Шуцзинъ, языкъ ея гораздо понятнѣе языка этихъ книгъ, его можно читать почти безъ комментаріевъ. Мэнъ-цзы составляетъ особую школу конфуціанства. Вопросъ о томъ, написана ли книга Мэнъ-цзы однимъ, или нѣсколькими лицами, остается нерѣшеннымъ, но она представляетъ собою очень важное произведеніе конфуціанства. Мэнъ-цзы ярый радикалъ, онъ не хочетъ щадить ничего, онъ не оказываетъ снисхожденія никому. Въ этой книгѣ высказываются стремленія конфуціанства, не примиреннаго съ правительствомъ. Она охватываетъ всѣ вопросы, появившіеся при разработкѣ конфуціанскаго ученія. Въ Мэнъ-цзы есть свой особый взглядъ и на Шицзинъ, и на литературу вообще. «Не должно слишкомъ вникаться въ поэтическія вольности и довѣрять имъ», говорится тамъ. Китайскіе комментаторы Мэнъ-цзы находятъ, что онъ говоритъ о 4-хъ предметахъ, до него не подвергавшихся осужденію: добротѣ человѣческой природы, средствахъ воспитывать духъ, мнѣніяхъ различныхъ сектантовъ и униженіи деспотовъ. По словамъ Мэнъ-цзы, человѣкъ отъ природы надѣленъ добрыми свойствами, и, если дѣлаетъ зло, то это не вина матеріала, изъ котораго онъ созданъ. Всѣ люди одарены состраданіемъ, стыдомъ, почтительностью, одобреніемъ или порицаніемъ, то-есть чувствами гуманности, справедливости, вѣжливости, разума; они не пришли къ намъ извнѣ, а находятся въ насъ самихъ. Различіе происходитъ вслѣдствіе того, что не умѣютъ воспользоваться своимъ матеріаломъ. Изъ

того, что народъ въ урожайный годъ нравствененъ, а въ неурожайный свирѣпъ, еще не слѣдуетъ заключать, что небо произвело различіе въ его природѣ. Всѣ люди имѣютъ одинъ общій вкусъ, и если вкусъ, зрѣніе, слухъ одинаковы, ужели одно сердце не одинаково? Сходство это заключается въ законѣ, въ справедливости, которые, хотя и проповѣданы прежними святыми, но отысканы въ сходномъ сердцѣ людей, они роднятъ насъ. Люди всѣ равны: отчего же бываютъ великіе и малые? Лаоцзы говоритъ, что природа человѣка похожа на ветлу изъ которой дѣлаютъ чашки: подобно этому и изъ сердца человѣка извлекаютъ гуманность и справедливость; но, продолжаетъ Мэнъцзы, вѣдь ветлу истязуютъ, чтобы дѣлать чашки; поэтому выходитъ, что истязуютъ и человѣка, чтобъ вызвать гуманность. Справедливо, что такія слова могутъ возбудить въ людяхъ только мнѣніе, что гуманность и истина вредны. Небо, приготовляя человѣка къ великому званію, напередъ укрѣпляетъ горестями его духъ и сердце, заставляетъ работать до изнуренія его тѣло, подвергая лишенію всего, стираетъ и смѣшиваетъ все, что онъ ни дѣлалъ—и все это для того, чтобы укрѣпить его сердце, закалить природу, усилить способности. Человѣкъ поправляется только послѣ долгихъ ошибокъ,—сперва мучается въ душѣ, борется въ мысляхъ и потомъ творитъ... Жизнь заключается въ безпокойствѣ и заботахъ, а смерть—въ покоѣ и удовольствіяхъ (при китайскомъ взглядѣ на загробную жизнь). Кто развилъ всѣ силы духа, проникъ въ свое сердце, тотъ знаетъ свою природу... знаетъ небо. Сохранять свое сердце, питать свою природу—вотъ чѣмъ мы служимъ небу! Не раздвояться отъ мысли о долгой или короткой жизни, но укрощать себя, т.-е. совершенствоваться!» Дальше Мэнъ-цзы толкуетъ о важности раздѣленія труда, объ испорченности своего вѣка и измельчаніи пути человѣческаго, возстаетъ противъ мнѣній китайскихъ эпикурейцевъ Янъ-чжу и Моди. «Итакъ, говоритъ онъ, если не останавливать ученій Янъ-чжу и Моди, не выставлять на видъ ученія Конфуція, то заблужденія обуяютъ народъ и задавятъ правду и гуманность. Когда же истина и гуманность будутъ подавлены, звѣрство нападетъ на людей, и они готовы будутъ поѣдать другъ друга. Вотъ чего я боюсь; вотъ почему я вступаюсь за путь прежнихъ святыхъ, вооружаюсь противъ развратныхъ словоизверженій, чтобы проповѣдники заблужденія не имѣли успѣха. Выходя изъ сердца, оно вредитъ дѣлу; вредя дѣлу, вредитъ управленію. Но Мэнъцзы не одобряетъ крайнее безкорыстіе: «Куань-чжань (повѣренный министра) сказалъ,—какъ не назвать безкорыстнымъ мужемъ Чэньчжунъ-цзы? Онъ жилъ въ Ульнѣ три дня не ѣвши, перестаилъ отъ голода ухомъ слышать и глазами видѣть, самъ плелъ лапти, жена пряла нитки, и это они промѣнивали». Чень-чжунъ-цзы происходилъ изъ знатнаго рода, въ удѣлѣ Ци, возражалъ Менъ-цзы за то, что старшій братъ его принялъ отъ Кой-я жалованье въ 10.000 мѣръ, онъ, считая

это жалованье несправедливымъ, не захотѣлъ пользоваться отъ него, признавая и домъ братнинъ несправедливо нажитымъ, не захотѣлъ въ немъ жить и удалился отъ брата, разстался съ матерью и поселился въ Ульнѣ. Можно ли одобрять подобныхъ? (Въ Китаѣ очень важнымъ считается соблюденіе хорошихъ родственныхъ отношеній). Янъ-чжу признаетъ, что надобно жить только для себя, и хотя бы кто, вырвавъ только одинъ волосокъ, могъ принести пользу для вселенной, не дѣлать этого. Мо-цзы проповѣдуетъ соединенную, т. е. не различающую никого любовь. Мо-цзы держится середины; но держаться середины, не соображаясь съ обстоятельствами, все равно, что держаться одного. Въ односторонности гнусно то, что она разбойничаетъ, поднимая одно, отбрасываетъ сто! Бѣгущіе отъ Мо-цзы присоединяются къ Янъ-цзы; бѣгущіе отъ Янъ-цзы пристаютъ къ Конфуцію; если пристаютъ, такъ принимать и кончено, а нынѣ вступающіе въ состязаніе съ послѣдователями Янъ-цзы и Мо-цзы походятъ на гоняющихся за кабаномъ, забѣжать въ его камышъ, да ихъ же и отыскивай, выкликай! На какомъ основаніи можно не являться къ государю, хотя бы онъ и позвалъ? Если подданнаго посылаютъ на работу, то долженъ отправиться, потому что это его обязанность. Если государь хочетъ его видѣть, то спрашивается: изъ-за чего? Если изъ-за его много наслышанной учености или достоинствъ, такъ самъ императоръ, а не то, что князь, не призываетъ своего учителя; и еще неслыханное дѣло, чтобъ, желая видѣть достойнѣйшаго въ сравненіи съ собой, звали его къ себѣ, а не являлись къ нему сами. Му-гунь часто видѣлся съ Цзы-сы, но этотъ обидѣлся, когда тотъ спросилъ его: возможна ли дружба государя съ своимъ подданнымъ? Онъ имѣлъ право задать слѣдующій вопросъ, — по положенью ты — государь, а я — подданный; какъ же смѣть дружиться съ государемъ? по достоинствамъ же — ты долженъ услуживать мнѣ, — какъ же можешь со мной дружиться? Когда Му-гунь послалъ Цзы-сы мяса изъ своего котла, тотъ выпроводилъ посланнаго за ворота, сдѣлалъ поклоны, оборотясь лицомъ къ сѣверу (т. е. къ государю), и не принялъ, сказавъ, что государь кормитъ его, какъ собаку или лошадь, потому что признавать достоинства и не давать должности, значитъ ли это признаніе достоинствъ? Жить въ обширномъ жилищѣ вселенной, занимать прямое мѣсто во вселенной, при удачѣ быть заодно съ народомъ, при неудачѣ одному выполнять свой путь, не быть утомленнымъ отъ богатства и знатности, не отказываться по бѣдности и незнатности, не сгибаться ни передъ величіемъ, ни передъ силой — это значитъ быть великимъ мужемъ! — Древніе ставили заставы, чтобы защититься отъ насилія, нынѣ ставятъ заставы (таможни), чтобъ производить насиліе. Драгоцѣнностей у князя три: земля, народъ и правленіе; считать драгоцѣнностями перлы и яшму, значитъ накликать себѣ бѣду. Есть поборъ холстомъ и шелкомъ, поборъ хлѣбомъ, поборъ натуральной повинностью. Государь, требуетъ одного, отсрочиваетъ два

другіе; если же требуетъ двухъ, то будутъ павшіе отъ голода, а при всѣхъ трехъ—разлучатся отецъ съ сыномъ. Народъ всего дороже, за нимъ слѣдуютъ духи земли, дальше уже только государь... Народъ не можетъ жить безъ огня и воды; постучитесь въ сумерки къ кому-либо въ дверь и попросите того или другого: никто не откажетъ, потому что этого добра у всѣхъ довольно. Если святой человѣкъ, управляя вселенной, доведетъ до такого же обилія въ хлѣбѣ... какъ народъ будетъ недоволенъ! Хорошее управленіе не такъ привлекаетъ народъ какъ доброе просвѣщеніе; хорошее управленіе только внушаетъ народу страхъ, доброе же просвѣщеніе народъ любитъ. Неудивительно, что властители неразумны! Когда я ухожу отъ государя, подогрѣвъ его, къ нему являются охлаждающіе, — что можетъ выйти изъ моихъ ростковъ? Шахматы требуютъ небольшого счета (искусства), но если не обращать вниманія, то не выиграешь... Лучшее земельное устройство то, при которомъ принята система вспомоществованія; хороша и система дани. (Податная система состояла въ сборѣ на основаніи средняго урожая нѣсколькихъ лѣтъ). Въ урожайные годы хлѣба много, можно бы взять больше безъ притѣсненія, — но берутъ мало; въ бѣдственный же годъ, когда и навозу на поля недостаточно, требуютъ сполна. Правитель, отецъ народа, заставляетъ народъ трудиться выпуча глаза цѣлый годъ и не мочь прокормить родителей; войдя въ долги, довести старыхъ и малыхъ до голодной смерти въ канавахъ и ямахъ, какой это отецъ!... Человѣколюбивое правленіе должно непремѣнно начать съ размежеванія; если оно неправильно, то и колодезныя пашни неправильны, а отъ этого и хлѣбное жалованье неравно... Въ волости при сходной колодцевой системѣ (при равномъ надѣлѣ) всѣ между собой друзья, всѣ помогаютъ взаимной охранѣ, поддерживаютъ другъ друга въ случаѣ болѣзни. (Эти идеи Мэнъ-цзы осуществились на практикѣ въ современномъ Китаѣ). Такимъ образомъ, народъ становится и родственен и любящъ. Квадратъ въ 1 му ($^1/_2$ версты) составляетъ колодезь (въ Китаѣ есть огненные колодцы), состоящій 900 му (акровъ); середина составляетъ казенную пашню изъ 8 домовъ; каждый долженъ имѣть въ частномъ пользованіи по 100 му и всѣ вмѣстѣ обработывать казенное поле, не смѣя приняться за свое дѣло прежде, чѣмъ исполнятъ казенныя обязанности. Когда земледѣліе не будетъ задерживаться въ нужное время, то хлѣба не переѣсть; если въ пруды и озера не будутъ запускаться частыя сѣти, такъ рыбы и черепахи не переѣсть; если топоры не будутъ вноситься въ горные лѣса, то лѣсу и дровъ не переведешь, тогда народу можно будетъ безъ всякаго ропота кормить живыхъ и хоронить мертвыхъ; а это составляетъ начало (основаніе) правленія. Если усадьба изъ 5 му будетъ усажена шелковицей, то пятидесятилѣтніе (т.-е. хоть старики) будутъ одѣваться въ шелкъ; если распложеніе куръ, свиней и собакъ будетъ производиться во-время, то, хотя для семидесятилѣт-

нихъ хватитъ мяса. Если пашня въ 100 му будетъ пахаться во-время, то семейство въ нѣсколько душъ будетъ сыто. Если обращать вниманіе на обученіе въ школахъ и училищахъ, распространяя понятія о почтительности къ родителямъ и братской любви, то посѣдѣвшимъ не придется таскать по дорогамъ тяжести на спинѣ или на головѣ. Какъ скоро семидесятилѣтніе будутъ одѣваться въ шелкъ, ѣсть мясо, простой народъ не будетъ знать ни голоду, ни холоду, тогда не можетъ и властитель лишиться своего званія! Но если не знать бережливости до того, что собаки и свиньи будутъ кормиться такой пищей, какую ѣстъ человѣкъ, не выпускать хлѣбъ изъ житницъ, когда голодные трупы будутъ валяться по дорогамъ, и, когда кто умретъ, будутъ говорить: не отъ меня — время такое! — то это все равно, вѣдь, что, заколовъ человѣка, сказать: не я убилъ его, а оружіе! Древніе государи, ошибаясь, исправлялись, нынѣшніе же упрямствуютъ въ своихъ ошибкахъ... да еще придумываютъ оправданіе!

Нечего ставить за образецъ для будущихъ вѣковъ, что нынѣ при гуманныхъ чувствахъ и при многихъ толкахъ о гуманности городъ не пользуется ея благодѣяніями, — это происходитъ оттого, что не слѣдуютъ пути древнихъ царей.... Потому-то и говорится: простое добро недостаточно еще для управленія, одни законы не могутъ сами дѣйствовать... Только гуманный долженъ быть въ высочайшемъ званіи (т.-е. государемъ), нечеловѣколюбивый же разбросаетъ зло между всѣми... Если государственные мужи будутъ нарушать справедливость, а народъ нарушать законы, то большое счастіе для государства, когда оно при этомъ сохранитъ свое существованіе. Поэтому и говорится: «если крѣпости не готовы, оружія не много—это еще не бѣда для государства; если пашни не пашутся, богатства не собираются — это еще не вредно для царства; но если высшіе безнравственны, низшіе не учатся, — разбойникъ-народъ возстанетъ, и погибель не замедлитъ!... Потому и говорится: «приставать къ государю о преодолѣніи трудностей значитъ быть почтительнымъ; выставлять добро, заграждать заблужденія значитъ быть благоговѣйнымъ; но если мой властитель не способенъ, то я могу назвать его разбойникомъ... Государство сперва само себя разрушаетъ, а потомъ уже разрушаютъ его другіе! Называть всякаго, кто беретъ не свое, воромъ—это ужъ значило бы превышать справедливость! (Не на этомъ ли основывается снисходительный взглядъ китайцевъ на взятки?) Нынѣ тѣ служащіе государю, которые говорятъ, что они могутъ расширить владѣнія своего государя, наполнить казначейства, считаются довѣренными министрами, а въ древности называли ихъ народными разбойниками! Тотъ, кто говоритъ: «я искусенъ въ расположеніи войскъ, искусенъ сражаться, есть величайшій преступникъ»; если государь любитъ гуманность, то не можетъ имѣть враговъ во вселенной!..» (Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ взглядовъ, китайцы до 19-го столѣтія не обращали

большаго вниманія на военное искусство). Сочиненіе Мэнъ-цзы по гуманности направленія, многосторонности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ и зрѣлости философской мысли, проявляющейся въ сужденіяхъ автора, можетъ считаться перломъ конфуціанской литературы, заключительнымъ словомъ въ прогрессивномъ ходѣ конфуціанскаго ученія. Послѣ Мэнъ-цзы въ конфуціанствѣ въ этомъ родѣ уже не встрѣчается оригинальныхъ писателей, а только тянется въ теченіе многихъ вѣковъ безконечный рядъ комментаторовъ классическихъ конфуціанскихъ книгъ. Впрочемъ, конфуціанство принимаетъ впослѣдствіи и новое направленіе, но въ немъ оно впадаетъ въ мистицизмъ и какъ бы даже вырождается. Все лучшее, чѣмъ живетъ до сихъ поръ китайская нація, заключается въ старомъ конфуціанствѣ, сдѣлавшемся регуляторомъ жизни народа, имъ глубоко прониклась китайская нація. Подражаніе конфуціанству, какъ преобладающему направленію въ народной жизни, и конфуціанскія идеи, естественно, проявляются во многихъ формахъ китайской литературы: въ книгахъ о сыновнемъ почтеніи, составленныхъ въ пополненіе и разъясненіе конфуціанскаго Сяоцзина, въ большомъ количествѣ разнаго рода домостроевъ, сборниковъ конфуціанскихъ правилъ жизни, историческихъ энциклопедіяхъ, наставленіяхъ императоровъ. Въ Китаѣ все, исходящее отъ лица государя, получаетъ имя наставленія: указы, разнаго рода распоряженія; но бываютъ и наставленія, составляющіяся съ цѣлью большаго подъема нравственности народа. Между ними первое мѣсто принадлежитъ книгѣ «Шэнъ-югуанъ-сюнь». Она состоитъ изъ 16 главъ, каждая изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ сперва краткое изреченіе, затѣмъ поясненіе на него и, наконецъ, пространное толкованіе. Каждая изъ трехъ частей сочиненія написана отдѣльнымъ лицомъ: двумя императорами и солянымъ приставомъ. Считая Шэнъ-югуанъ-сюнь полнымъ кодексомъ тѣхъ истинъ, на которыхъ должна обосновываться народная жизнь, китайское правительство постановило, чтобы 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца сочиненіе это по частямъ прочитывалось вслухъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ имперіи въ оффиціальныхъ собраніяхъ мѣстныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ такъ же, какъ и общественныхъ представителей передъ лицомъ толпы простолюдиновъ. Такимъ образомъ, народъ обязательно ознакомляется съ этимъ сочиненіемъ. Въ немъ краснорѣчиво изъясняется принципъ сыновняго благочестія и перечисляются всѣ вытекающія изъ него обязанности по отношенію къ семьѣ, къ обществу, къ государю и къ отечеству. Одинъ изъ императоровъ, написавшихъ это сочиненіе, присоединилъ къ нему еще 10 наставленій для людей военныхъ. Конфуціанскимъ принципомъ проникнуты и доклады государю, которые были дѣлаемы знаменитыми чиновниками императорамъ Китая. Наконецъ, коренной принципъ конфуціанскаго ученія является болѣе или менѣе полно выраженнымъ въ безчисленномъ множествѣ

самыхъ разнообразныхъ литературныхъ произведеній,—книгахъ историческихъ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, пѣсняхъ и пр. Почти вся китайская литература такъ же, какъ и жизнь народа, находится, какъ бы въ подчиненномъ, зависимомъ отъ конфуціанства состояніи. Вотъ, напримѣръ, разговоръ сына съ отцомъ въ драмѣ Пипацзы «Исторія флейты». Отецъ предлагаетъ сыну отправиться въ столицу для полученія высшей ученой степени; сыну не хочется покинуть своихъ престарѣлыхъ родителей и молодую жену. Отецъ (обращаясь къ сыну): «Ты думаешь только объ удовольствіяхъ и не боишься противорѣчить своему отцу.—Сынъ (падая на колѣни и обращаясь къ небу): «Небо! я противорѣчу моему отцу? (поднимаясь). О, мои родители! можетъ ли сынъ вашъ противиться вамъ? О! повторяю, меня удерживаетъ здѣсь только вашъ преклонный возрастъ. Батюшка! предположите, а это возможно, что случится наводненіе, что тогда скажутъ? Сперва будутъ говорить, что сынъ вашъ не былъ проникнутъ сыновнимъ благочестіемъ, что онъ покинулъ своихъ престарѣлыхъ родителей, гоняясь не вѣсть за какой должностью; потомъ будутъ обвинять васъ самихъ въ неосмотрительности, поставятъ на видъ, что вы, имѣя единственнаго сына, заставили его предпринять далекое и подверженное случайностямъ путешествіе. Чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ болѣе становится для меня труднымъ исполнить ваше приказаніе».—Отецъ: «Исполнить мое приказаніе или нѣтъ—это отъ тебя зависитъ; но скажи мнѣ вкратцѣ, что разумѣешь ты подъ сыновнимъ благочестіемъ?»—Мать (раздраженнымъ голосомъ): «О, небо! ты дожилъ до восьмидесяти слишкомъ лѣтъ и не знаешь, въ чемъ состоитъ сыновнее благочестіе. Оно требуетъ, чтобы сынъ водилъ престарѣлаго отца на помочахъ, какъ ребенка!—Отецъ (кроткимъ голосомъ): «Жена! что хочешь ты сказать этимъ?» Сынъ: «Батюшка! я отвѣчу на вашъ вопросъ. Вотъ въ чемъ состоятъ обязанности сына къ родителямъ. Онъ долженъ заботиться, чтобы лѣтомъ и зимою родители пользовались всѣми удобствами жизни; долженъ каждый вечеръ самъ оправлять постель для родителей; долженъ каждое утро, при первомъ крикѣ пѣтуха, обращаться къ родителямъ съ самыми почтительными вопросами о здоровьѣ; долженъ въ теченіе дня многократно спрашивать родителей, не безпокоитъ ли ихъ холодъ или жаръ; сынъ обязанъ присматривать за родителями, поддерживать ихъ, когда они идутъ; уважать то, что они уважаютъ, любить то, что они любятъ, до лошадей и собакъ включительно; сынъ при жизни родителей не долженъ удаляться изъ дому, въ которомъ они живутъ».—Отецъ: «Сынъ мой! перечисленныя тобою обязанности—самыя элементарныя. Существуетъ много степеней сыновняго благочестія, и ты не сказалъ о его высшихъ требованіяхъ, о сыновнемъ благочестіи по преимуществу». Жена (раздраженнымъ голосомъ): «Несчастный! вѣдь, ты еще не умеръ; подожди,—только по смерти можно требовать отъ

сына исполненія тѣхъ послѣднихъ обязанностей, о которыхъ говорится въ книгѣ «Сяоцзинъ»; теперь рѣчь идетъ только о поѣздкѣ въ столицу...—Отецъ: «Сынъ мой, слушай меня! Первая степень сыновняго благочестія требуетъ служенія родителямъ, вторая служенія государю, третья—достиженія высокаго сана. Сохранять тѣло, полученное отъ родителей, и заботливо избѣгать всего, что ему можетъ повредить—это начало сыновняго благочестія; достигнуть высокаго сана, дѣйствовать согласно съ требованіями истинной нравственности, оставить по себѣ добрую репутацію для послѣдующихъ вѣковъ на славу родителей—это конецъ, верхъ, сыновняго благочестія. Тотъ, кто, имѣя родителей бѣдныхъ и престарѣлыхъ, не стремится къ высокому сану,—не проникнутъ сыновнимъ благочестіемъ. Если ты своими заслугами возвысишься до степени мандарина и превратишь жалкую обитель своихъ родителей въ великолѣпную виллу, то тѣмъ самымъ ты выполнишь всѣ свои обязанности,—таково мое крайнее мнѣніе».—Основнымъ конфуціанскимъ принципомъ проникнуты мысли и изреченія въ книгахъ самаго разнообразнаго содержанія.—«Не нужно ни титуловъ, ни высокаго общественнаго положенія, ни знаній, ни талантовъ, ни богатствъ, чтобъ проявить свое сыновнее благочестіе,—было бы только нѣжное, чувствительное сердце». Когда сынъ спасаетъ жизнь отца, теряя свою собственную,—это самая счастливая смерть. Есть тысячи самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ, которыми только истинное сыновнее благочестіе можетъ пользоваться на утѣшеніе сердца родительскаго; притворное, не болѣе какъ приличіемъ обусловленное, сыновнее благочестіе не доходитъ до такихъ тонкостей. «Любовь подданныхъ къ государю пропорціональна любви послѣдняго къ своимъ родителямъ». «Ревность ко благу общественному требуетъ обнаруженія, великодушіе и благодѣяніе требуютъ сокровенности; человѣкъ, проникнутый сыновнимъ благочестіемъ, думаетъ только объ исполненіи своихъ обязанностей и не заботится о томъ, будутъ ли его поступки общеизвѣстны или останутся тайными». Когда сыновнее благочестіе поколеблено, всѣмъ добродѣтелямъ угрожаетъ опасность. «Хвалить сына—это тщеславіе, порицать отца—это безчестіе для самого себя». «Представлять стариковъ въ смѣшномъ видѣ на театральной сценѣ начали не ранѣе, какъ позволили себѣ смѣяться надъ родителями въ обыкновенныхъ бесѣдахъ». «Сыновнее благочестіе снискиваетъ себѣ похвалу вовсе не отъ тѣхъ, которые прославляютъ его въ великолѣпной прозѣ, великолѣпныхъ стихахъ, а отъ тѣхъ, которые, оставаясь неизвѣстными, съ героизмомъ исполняютъ самыя трудныя обязанности». «Кто ищетъ войны, тотъ чудовище; кто любитъ ее, тотъ не человѣкъ; кто не дѣлаетъ всего возможнаго, чтобъ избѣжать ея, тотъ не имѣетъ сыновняго благочестія!» «Лучше заставить жену сто разъ поплакать, чѣмъ мать, хотя однажды испустить вздохъ». «Кто срубаетъ деревья, посаженныя его отцомъ,

тотъ продастъ и домъ, отцомъ построенный». «Не угрозъ, не упрековъ, не гнѣва отцовскаго боится благонравный сынъ — боится отцовскаго молчанія: отецъ молчитъ въ томъ случаѣ, когда или самъ не любитъ сына, или думаетъ, что не пользуется его любовью». «Самымъ лучшимъ помѣщеніемъ для престарѣлыхъ родителей должно считаться то, въ которомъ они пользуются постояннымъ сообществомъ своихъ дѣтей и окружены ихъ заботами». «Отказы, упреки, угрозы, жестокость, даже несправедливость—все измѣняетъ свое имя, когда исходитъ отъ отца». «Недостоинъ имени сына тотъ, кто любитъ другого человѣка болѣе, нежели своего отца». «Сыновнимъ благочестіемъ спасено болѣе жизней, нежели медициной!»

«Сыновнее благочестіе требуетъ обладанія всѣми добродѣтелями,—но что значитъ самая высшая добродѣтель безъ сыновняго благочестія?» «Сынъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться невиннымъ, когда мать его думаетъ, что онъ виновенъ». «Угрозы отца—это громъ въ нѣдрахъ семейства, онѣ могутъ испугать даже невиннаго; но непослушаніе, бравирующее этими угрозами, наводитъ ужасъ». «Нельзя быть честнымъ человѣкомъ безъ сыновняго благочестія,—а тотъ, кто не можетъ считаться честнымъ человѣкомъ, ничего не стоитъ!» «Портретъ отца для постороннихъ людей не что иное, какъ простое изображеніе, но для сына—это книга, научающая обязанностямъ и заставляющая исполнять ихъ». «Почитая родителей, нельзя быть несчастнымъ». «Въ безнадежномъ состояніи находится государство, когда въ немъ отцы и матери безнаказанно пренебрегаются». «Вода наполняетъ всѣ пустоты и преодоляетъ всѣ препятствія,—сыновнее благочестіе имѣетъ тѣ же качества». «Сыновнее благочестіе обогатило многихъ бѣдныхъ, но никогда не отнимало средствъ у богатыхъ; дало возможность развиться многимъ талантамъ, но никогда не останавливало полета генія; многихъ обратило на путь добродѣтели, но никогда не вовлекало людей въ пороки; многихъ сдѣлало счастливыми, но никогда не доводило людей до несчастія. Только дурные сыновья могутъ быть злонамѣренными людьми». «Мужество можетъ переходить въ безразсудную смѣлость, знаніе — въ надменное высокоуміе, постоянство—въ упрямство, кротость—въ слабость, благоразуміе—въ малодушную трусость, ревностное усердіе — въ фанатизмъ,—только сыновнее благочестіе всегда остается однимъ и тѣмъ же». «Кто не любитъ своихъ родителей, тотъ никого не можетъ любить; кто не нравится своимъ родителямъ, тотъ никому не можетъ понравиться. Нѣжный и добродѣтельный сынъ не имѣетъ собственныхъ чувствъ: что нравится родителямъ, нравится и ему, что ихъ печалитъ, печалитъ и его,—его сердце является эхомъ ихъ сердца». «Успѣхи оружія, развитіе торговли, процвѣтаніе наукъ и искусствъ могутъ доставить блескъ царствованію,—но только общераспространенность сыновняго благочестія въ состояніи сдѣлать послѣднее счастливымъ». «Сыновнее

благочестіе единственная добродѣтель, которая борется со страстями человѣка, такъ сказать, съ его колыбели, при чемъ не требуется даже и помощи разума; только эта добродѣтель можетъ бороться со всѣми страстями разомъ и можетъ постоянно одерживать надъ ними побѣду. Люди не имѣли бы пороковъ, — если бы съ дѣтства внимали голосу сыновняго благочестія». «Почтеніе и любовь—это крылья сыновняго благочестія». «Было бы ужасно сохранять нейтралитетъ между матерью и женой,—нужно всегда рѣшать дѣло въ пользу матери, поступать иначе—значитъ не имѣть сыновняго благочестія». «Почему сыновнее благочестіе служитъ коренною основою соціальныхъ законовъ? Потому что оно неизмѣнно и безпрерывно внушаетъ людямъ то же самое, откуда слѣдуетъ, что сыновнимъ благочестіемъ обусловливается общность, прочность и неизмѣнность соціальныхъ законовъ». «Семейное благочестіе, благоустроя семейства, поддерживаетъ строй общественный и государственный, увеличиваетъ привязанность имперіи, этой великой семьи, къ ея общему отцу, а послѣдняго дѣлаетъ болѣе добродушнымъ и благодѣтельнымъ; оно иссушаетъ самый источникъ пороковъ, раздражающихъ небо». Безчисленныя указанія на обязанности сыновняго благочестія проникли въ массу разнообразныхъ сочиненій китайской литературы. Но кромѣ того въ ней есть многочисленныя произведенія, въ которыхъ изображаются взятые изъ жизни примѣры подвиговъ сыновняго благочестія. Они находятся въ книгахъ историческихъ и, главнымъ образомъ, въ 24-хъ оффиціальныхъ династіонныхъ исторіяхъ (изданіе которыхъ состоитъ изъ 800 томовъ). Не мало также примѣровъ сыновняго благочестія можно встрѣтить и въ сводныхъ исторіяхъ, состоящихъ изъ 514 книгъ; въ географіяхъ,—самая полная изъ нихъ состоитъ изъ 500 книгъ; въ біографическихъ сборникахъ, въ энциклопедіяхъ государственныхъ знаній. Воспитательное значеніе примѣровъ сыновняго благочестія заставило китайцевъ издать для дѣтей цѣлую серію книжекъ, заключающихъ въ себѣ заимствованные изъ исторіи разсказы о благочестивыхъ сыновьяхъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «Юй-Шунь, сынъ Гусау, былъ проникнутъ сыновнимъ благочестіемъ. Отецъ Шуня былъ полоумный, мать—злая женщина, младшій братъ, Сянь, гордый человѣкъ. Шунь занимался земледѣліемъ на горѣ Ли, при чемъ слоны пахали землю, а птицы выпалывали сорныя травы,—такъ дѣйствовало его сыновнее благочестіе даже на животныхъ; когда онъ устроилъ на берегу Желтой рѣки печь для обжиганія сосудовъ, то вода не заливала этихъ послѣднихъ; когда онъ ловилъ рыбу въ озерѣ Лэй, то не подвергался бурямъ, и надъ нимъ не разражались грозы. Истощая силы свои на служеніе родителямъ, Шунь никогда не роптал, не печалился. Императоръ Яо, услыхавъ о Шунѣ, послалъ ему девятерыхъ помощниковъ и далъ въ жены двухъ своихъ дочерей. Шунь 26 лѣтъ былъ соправителемъ Яо, а по смерти его самъ сдѣлался императоромъ».—«Жившій

при Чжоуской династіи ученикъ Конфуція Цзунъ-Цань, по прозванію Цзыюй, съ истиннымъ сыновнимъ благочестіемъ служилъ своей матери. Цань часто отправлялся въ горы за дровами; однажды, когда онъ ушелъ туда, въ его домъ пришли гости. Мать Цаня не знала, что дѣлать съ ними, поджидала сына и, видя, что онъ не возвращается, укусила себѣ палецъ. Вдругъ у Цаня заныло сердце; онъ взвалилъ на плечи дрова и отправился домой. Встрѣтивъ мать, Цань разсказалъ ей о случившемся и спросилъ, какая могла быть тому причина? Мать отвѣчала «ты долго не возвращался, а въ домъ нашъ пришли гости (въ Китаѣ пріемъ гостей не легокъ),—я и укусила себѣ палецъ, чтобы дать тебѣ почувствовать мою боль и тѣмъ самымъ заставить тебя возвратиться домой».—«Лай-цзы, жившій при Чжоуской династіи въ княжествѣ Чу, будучи уже старикомъ, съ высокимъ сыновнимъ благочестіемъ служилъ своимъ родителямъ и старался дѣлать все для нихъ пріятное. Имѣя 70 лѣтъ отъ роду, онъ надѣвалъ на себя пестрое вышивное платье и, представляя собою малое дитя, рѣзвился около родителей. Неся однажды воду въ свой домъ, Лай-цзы поскользнувшись упалъ; лежа на землѣ, онъ сталъ изображать изъ себя ребенка, чтобы тѣмъ самымъ позабавить родителей».—«Хуань-сянь, по прозванію Вэнь-цзанъ, жившій при поздней Ханьской династіи, девяти лѣтъ потерялъ свою мать, о которой вспоминалъ съ такой любовью, что посторонніе люди хвалили его за сыновнее благочестіе. Исполняя тяжелыя работы, Вэнь служилъ отцу своему съ крайнимъ усердіемъ,—лѣтомъ прохлаждалъ вѣеромъ отцовскую постель и подушку, во время зимнихъ холодовъ собственнымъ тѣломъ согрѣвалъ ее. За это Вэнь получилъ отъ начальства свидѣтельство, какъ знакъ отличія».—«При династіи Цзинь жилъ Янъ. Имѣя 14 лѣтъ отъ роду, онъ обыкновенно сопровождалъ отца своего, когда тотъ ходилъ въ поле собирать хлѣбъ. Однажды тигръ схватилъ Янова отца и хотѣлъ унести; Янъ, бывшій при этомъ, не имѣя въ рукахъ оружія, позабывая о себѣ, исполненный мысли только объ отцѣ, бросился впередъ и вцѣпился въ шею тигра. Послѣдній выпустилъ изъ пасти свою жертву и убѣжалъ. Такимъ образомъ, отецъ Яна былъ спасенъ отъ смерти». «Мэнъ-цзунъ, по прозванію Гунъ-у, жившій въ княжествѣ У, будучи ребенкомъ, лишился отца своего. Мать Мэна была старая, больная женщина. Однажды зимою она захотѣла поѣсть супу съ бамбуковыми ростками. Мэнъ, не зная, гдѣ достать ихъ, пошелъ въ бамбуковый лѣсъ, обхватилъ руками одно дерево и горько заплакалъ. Сыновнее благочестіе тронуло небо и землю: изъ земли поднялись бамбуковые ростки. Собравъ ихъ, Мэнъ возвратился домой и сдѣлалъ для матери супъ. Поѣвъ его, она исцѣлилась отъ своей болѣзни». «Прабабушка Цуйтань-нюня, по имени Чанъ-сунь, жившая при Танской династіи, была очень старая женщина и не имѣла уже зубовъ. Бабушка его, по имени Танъ, каждый

день, умывшись и причесавшись, отправлялась въ комнату Чанъ-сунь и кормила ее своею грудью, такъ что Чанъ-сунь, не употребляя хлѣба, могла такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ поддерживать свои жизненныя силы. Однажды Чанъ-сунь заболѣла; собравъ около себя своихъ родственниковъ, она сказала имъ: я не могу вознаградить невѣстку мою за ея услуги и желаю, чтобы жены внуковъ моихъ служили ей такъ же, какъ она служила мнѣ». Словомъ, сочиненія, касающіяся конфуціанства, страшно наводняютъ собой китайскую литературу и занимаютъ въ ней преобладающее мѣсто. Вслѣдствіе такого направленія она становится односторонней. Но хуже всего то, что къ этому прибавляются еще литературныя произведенія съ новымъ туманно-мистическимъ конфуціанскимъ направленіемъ. Напримѣръ, гадательная книга Ицзинъ. Въ настоящее время она, несмотря на отрицаніе нѣкоторыхъ лицъ существованія въ этой книгѣ святыхъ идей, считается верхомъ мудрости. Всѣ законы неба, по словамъ одного ученаго, выражаются въ двухъ линіяхъ, заключающихся въ этой книгѣ: цѣльной и ломаной; астрономія, географія, человѣческія дѣйствія, неодушевленные предметы, тайны судьбы, изящество видоизмѣненій, польза или вредъ, мягкое или жесткое, потеря и пріобрѣтеніе, остановка и удаленіе, говоръ и молчаніе, — все находитъ тутъ соотвѣтствіе. Вотъ образчикъ языка толкованій: «первоначальное значитъ стараніе въ добрѣ, проницающій—значитъ совокупность отличнаго, полезный—согласіе истины, прямой—стволъ дѣлъ! Благородный мужъ, сдѣлавъ тѣломъ своимъ человѣколюбіе, можетъ достаточно возращать людей; совокупности отличнаго достаточно для согласія съ истиной, твердости въ прямотѣ достаточно для веденія дѣлъ. Благородный мужъ дѣйствуетъ въ этихъ четырехъ добродѣтеляхъ, потому и сказано: первоначальный, проницательный, полезный, прямой, что значитъ (надпись противъ первой черты въ этой формулѣ) скрывшійся драконъ—не употребляй. Философъ сказалъ: съ драконовыми достоинствами и скрывающійся не измѣнится отъ міра, не вершитъ для славы; бѣжитъ отъ міра безъ ропота, не ропщетъ, что не видитъ; весело — такъ дѣйствуетъ, печально — такъ уклоняется, точенъ въ томъ, чего не можетъ вырвать». «Такія напыщенныя толкованія на наборъ словъ всего болѣе подходятъ къ литературѣ даосизма, говоритъ г. Васильевъ. Извѣстно, что новое направленіе конфуціанской литературы образовалось отчасти подъ вліяніемъ существовавшихъ тогда въ Китаѣ мистическихъ ученій даосизма и буддизма. «Путь, который называется путемъ, не есть путь; имя, которое можно наименовать не есть имя»—такъ начинается «Дао-децзинъ».—Духи, какъ велики ихъ качества! Они недосягаемы ни зрѣніемъ, ни слухомъ, а ничто не можетъ существовать безъ нихъ; для нихъ-то люди постятся, очищаютъ себя, надѣваютъ богатое платье во время жертвоприношеній; они повсюду, какъ вверху, такъ и внизу, налѣво и направо. Они со-

кровенны и вмѣстѣ ясны.—Одни дѣлаются знающими отъ рожденія, другіе учась, третьи черезъ большое напряженіе; но что касается до знанія, то оно одно. Искренность есть небесный путь; стараться быть искреннимъ есть путь человѣка. Тотъ, кто непринужденно ходитъ въ среднемъ пути, есть святой мужъ. Только самый искренній во вселенной можетъ выполнить природу человѣческую, природу всѣхъ тварей, можетъ помогать небу питать ихъ, т.-е. быть третьимъ послѣ неба и земли. Посредствомъ совершенной искренности можно знать будущее; передъ возвышеніемъ и паденіемъ государства бываютъ добрыя или дурныя предзнаменованія; сверхъ того, можно узнавать будущее по травѣ «или» (употребляемой въ гаданіяхъ) и черепахѣ.—Совершенная искренность непрерывна, продолжительна, вѣчна; вѣчна, такъ поэтому земля толста и обширна, а отъ того небо высоко и свѣтло. Великъ путь святого мужа, онъ производитъ и питаетъ всѣхъ тварей, такъ высокъ, что достигаетъ самаго неба»... Основателемъ новой конфуціанской философіи считается Чжоу-цзы, жившій въ послѣдней половинѣ 11 вѣка нашей эры. Въ своемъ сочиненіи «Тай-цзи-ту-тю» (изображеніе и объясненіе Тайцзи, т.-е. самаго абстрактнаго) онъ представляетъ всю вселенную вылившейся изъ одного отвлеченнаго начала, названнаго Тайцзи (въ pendant буддійской пустотѣ). Изъ нея происходятъ двѣ силы—Инь и Янъ, которыя въ этомъ мірѣ раздѣлили Тайцзи, такъ что тамъ, гдѣ въ одномъ субъектѣ недостаетъ, напримѣръ, нѣсколькихъ частей Янъ, сила Инь пополняетъ этотъ недостатокъ. Изъ Инь и Янъ рождаются пять стихій: вода, дерево, металлъ, огонь, земля и пять воздуховъ, приходятъ въ движеніе времена года. Непорочность Тайцзи и эссенція двухъ силъ и пяти стихій, слившись и окрѣпши, производятъ по пути (первой формулы въ Ицзинѣ) цянь—мужчину, а по пути (2-ой формулы) кунь—женщину... Человѣкъ есть лучшее твореніе. Святой человѣкъ согласуетъ свои добродѣтели съ небомъ и землей, свой свѣтъ съ солнцемъ и луной, свой порядокъ съ четырьмя временами года, счастіе и злополучіе съ духами. Въ Ицзинѣ сказано: путь неба—это Инь и Янъ, путь земли—мягкое и твердое, путь человѣка—любовь и истина. Великъ Ицзинъ!—въ этомъ заключается его самое высшее значеніе. (Въ ученіи о святомъ человѣкѣ, который наравнѣ съ землей и небомъ возводится въ божество, состоитъ главное содержаніе конфуціанскихъ сочиненій новаго направленія). Еще туманнѣе языкъ послѣдующихъ философовъ: Чженъ-цзы въ своемъ трактатѣ «Симинъ—западная надпись» говоритъ, что формула Ицзина Гань есть отецъ, а кунь—мать; а въ другомъ сочиненіи «Чженъ-Менъ» (прямое изложеніе) природу неба и земли называетъ великой пустотой, но старается выгородить ее, скрыть происхожденіе этого термина изъ буддизма и даосизма. «Когда знаешь, что пустота есть воздухъ, то существованіе и несуществованіе, скрытое и проявленное, будутъ одно, не двоякое. Если, разсматривая собирающееся

и разсѣивающееся, вхожденіе и выхожденіе, формулу и безформенность, можешь добраться, откуда это происходитъ, то будешь глубокъ въ Ицзинѣ!..» Языкъ всѣхъ этихъ сочиненій почти всегда напыщенъ и теменъ до безсмыслицы.—Говорится, что небо, заключая въ себѣ твари, имѣетъ 4 творца: весну, лѣто, осень и зиму; святой мужъ, заключая въ себѣ всѣхъ тварей, имѣетъ тоже 4 творца: Ицзинъ, Шуцзинъ, Шицзинъ и Чуньцю, одушевляемые церемоніями и проч. Главныя книги новой конфуціанской философіи составляютъ: Ицзинъ, Даодецзинъ, Исёцзымэнъ (раскрытіе началъ Ицзина), Цзяли (домашнія церемоніи), Люлюй-синь-ту (о музыкальныхъ тонахъ и метрахъ). Но, кромѣ того, Чэнь-цзы основалъ изъ новой философіи особую школу, которая дала рядъ знаменитостей, приложившихъ мистическія начала и къ прочимъ книгамъ. Одно перечисленіе именъ ихъ можетъ занять уже много мѣста. Теперь всѣ классическія книги преподаются съ толкованіями новыхъ философовъ. Только идеи и взгляды этихъ толкователей принимаются во всѣхъ задачахъ, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ степеней. Новѣйшая же философія, придавъ особенное значеніе двумъ главамъ Лицзи, Дасе и Чжунъюнъ, выставила ихъ первыми книгами раціональнаго преподаванія, и онѣ, вмѣстѣ съ Луньюй-емъ и Мэнъ-цзы, составили, такъ называемое, Четверокнижіе (Сыту), изучаемое прежде пяти Цзиновъ. Слѣдовательно, тутъ заключается смѣсь хорошаго и дурного. Новое ученіе сначала встрѣтило даже преслѣдованіе, имена его приверженцевъ были выставлены на позорномъ столбѣ, но подъ конецъ Сунской династіи оно восторжествовало (и утвердилось, благодаря Сюй-хэну, нашедшему пріютъ у Хубилая) при Ханьской династіи. Невѣжественныхъ монголовъ, разумѣется, легче было увлечь высокопарными фразами, мистическими терминами и взглядами. Но, несомнѣнно, что бредни новаго конфуціанскаго направленія, отуманивая головы сравнительно небольшого количества китайскихъ ученыхъ мандариновъ, уже по одной своей безсодержательности и недоступности фразистаго, темнаго языка, не могутъ имѣть вліянія на народную массу, глубоко проникнутую здравыми и высоко-нравственными понятіями конфуціанства въ прежнемъ, неиспорченномъ его видѣ, хотя сочиненія конфуціанскихъ писателей новой школы и довольно многочисленны: изъ нихъ составилась впослѣдствіи огромная компиляція въ восемь томовъ этой философіи-чепухи. «Конфуціанскихъ комментаторскихъ сочиненій, вообще, навѣрное болѣе 10,000», говоритъ г. Васильевъ. Но помимо толкованій на классическія книги и трактатовъ, относящихся къ новой философіи въ Китаѣ, есть много и другихъ сочиненій въ конфуціанскомъ духѣ, высоко цѣнимыхъ китайцами. Количество писателей неконфуціанскаго направленія въ китайской литературѣ сравнительно незначительно: они явились подъ вліяніемъ двухъ религій — даосизма и буддизма, — слѣдовательно, такъ же, какъ и кон-

фуціанцы, были, главнымъ образомъ, только представителями того или другого односторонняго направленія. Но кромѣ писателей этихъ двухъ школъ, въ пору более свободнаго движенія китайской мысли существовали въ Китаѣ, какъ объ этомъ говорилось выше, еще писатели-эпикурейцы, развившіе до крайности теорію свободнаго наслажденія жизнью. Таковы были Моди и Янь-чжу. (Теоріи ихъ излагались въ другомъ отдѣлѣ). Въ даосизмѣ собрались умственныя силы всѣхъ протестовавшихъ и недовольныхъ конфуціанствомъ. Даосійская литература, насколько извѣстно, такъ же обширна, какъ и буддійская. Въ началѣ прошлаго столѣтія правительство напечатало собраніе даоскихъ книгъ (Даоцзинъ) въ 550-ти томахъ. Наиболѣе доступенъ изслѣдованію даосій сборникъ «Юнь-цзи-ци-цянь», состоящій изъ 122 главъ; изъ нихъ въ первыхъ 28-ми говорится вообще о главныхъ основаніяхъ религіи и сообщаются свѣдѣнія о представителяхъ даоскаго ученія, каковы: безсмертные (сянь, риши) и праведники, затѣмъ до 86 главы говорится о практическихъ пріемахъ даоскаго ученія, — о питаніи, упражненіи дыханія, пилюляхъ (философскій камень), рецептахъ, талисманахъ, о храненіи соковъ и распущеніи трупа. Далѣе до конца находятся различныя разсужденія, стихи, легенды, словомъ все, что касается даосизма. Вообще, главное направленіе видно ясно въ этомъ сборникѣ. Но тутъ уже даосизмъ является, исключительно, въ формѣ религіи, а не философскаго ученія, какимъ онъ былъ вначалѣ. Кромѣ Лаоцзы между даоскими философіями считается Чжуанъ-цзы и Вэнъ-цзы. Больше претензій на древность между ними имѣетъ Лицзы; но онъ не настоящій даоскій философъ. При помощи этого обстоятельства легче понять, какъ отдѣлялись отъ конфуціанства нѣкоторые умы, не переходя въ открытую оппозицію, въ которую рѣшился вступить даосизмъ съ своимъ «Даодэ-цзиномъ» и легендой о свиданіи Конфуція съ Лаоцзы. Поэтому можно предположить, что и миѳологическія легенды, которыми особенно отличается Чжу-анъ-цзы, имѣли предшественницъ въ легендахъ и фабулахъ Лицзы. — «Небо и земля суть равно вещи, а въ вещахъ бываетъ недостатокъ; поэтому въ древности Нюй-ва растопила пятицвѣтный камень, чтобы залить недостающее въ небѣ и землѣ, отрубила ноги у черепахи Ао, чтобъ утвердить четыре страны свѣта (земля на черепахѣ); впослѣдствіи Гунь-гунь, споря съ Жуй-сяномъ о царствѣ, толкнулъ въ гнѣвѣ ногой гору Бу-чжоу-тань, этимъ переломилъ колонну, поддерживавшую небо, и разорвалъ осъ земли; оттого небо наклонилось къ с.-з., солнце, луна и звѣзды стали туда скатываться; въ землѣ оказалась впадина на ю.-в., потому туда текутъ всѣ воды». (Такая легенда могла образоваться только въ Китаѣ до знакомства съ остальнымъ міромъ, потому что тамъ, дѣйствительно, всѣ рѣки текутъ въ Восточный океанъ). «Гора Ле-гушэ находится посреди острова Хай-хэ-чжоу; на ней живутъ духовные обитатели, которые дышатъ вѣт-

ромъ, пьютъ росу, не ѣдятъ хлѣба; сердца ихъ похожи на пучину, форму имѣютъ дѣвичью.... Они не знаютъ страха и гнѣва, не прибѣгаютъ къ подаянію и щедрости, а между тѣмъ всѣ живутъ въ довольствѣ, не собираютъ сокровищъ, и потому у нихъ нѣтъ преступленій; силы Инь и Янъ тамъ вѣчно гармонируютъ, солнце съ луной постоянно свѣтятъ, четыре времени года идутъ въ порядкѣ, вѣтеръ и дождь пропорціональны». Сила сказала судьбѣ: «какъ могутъ твои заслуги сравняться съ моими!» Судьба отвѣчала: «Ты дѣйствуешь въ предметахъ, какъ же сравниваться со мной!» Сила сказала: «Долгоденствіе и краткая жизнь, знатность и низость, богатство и бѣдность—все это зависитъ отъ меня». Судьба возразила: «Улюмъ-Бенъ-цзу не превзошелъ умомъ Яо и Шуня, а онъ жилъ 800 лѣтъ (сколько и Маѳусаилъ!); способности Янь-юня не уступали другимъ, а онъ жилъ только 18 лѣтъ; качества Конфуція не были ниже княжескихъ, а онъ былъ стѣсненъ въ Чэнь и Цай.... Если это твоей силой, то почему одинъ жилъ долго, а другой коротко, мудрый находился въ стѣсненномъ положеніи, а презрѣнный возвышался?..» Сила отвѣчала: «Это вовсе не мое дѣло, это тобой учреждено». Судьба сказала: «Когда говорить о судьбѣ, то какія тутъ учрежденія! Долгоденствіе, счастіе, бѣдность приходятъ сами собой; я какъ могу знать!» Князь Хуай-нанъ-цзы въ то время, когда братъ его, князь удѣла Хэцзэнъ занялся отыскиваніемъ конфуціанскихъ сочиненій, высказывалъ любовь къ музыкѣ, искусству, наукѣ, приглашалъ къ себѣ ученыхъ и всѣхъ, знающихъ тайныя средства для продленія жизни людей, написалъ трактатъ о томъ, какъ сдѣлаться духомъ и какъ дѣлать золото, серебро, и, вообще, собиралъ и составлялъ всякія фантастическія и чудесныя книги. Дошедшее до насъ подъ его именемъ сочиненіе, представляющее смѣсь мнѣній Лисао, Ли-цзы, Чжоуанъ-цзы и Люй-бувэя (а не Люцзы), состоитъ изъ довольно длинныхъ статей, толкующихъ о первоначальномъ пути, о подлинномъ, о формѣ земли, временахъ года, объ энергіи, даже о войнѣ и проч. Языкъ его поэтиченъ и образенъ: «Путь покрываетъ небо, поддерживая землю, включаетъ все пространство; высота его не можетъ быть достигнута, глубина измѣрена... содержитъ безформенное... даетъ не истощаясь, развивается во всемъ пространствѣ, свертывается въ пригоршнѣ, теменъ и можетъ освѣтить, слабъ и можетъ укрѣпить... отъ него горы высоки, бездны глубоки, животныя движутся, птицы летаютъ, свѣтила свѣтятъ... Безформенность есть начало вещей, беззвучіе есть источникъ звука, свѣтъ — ихъ сынъ, вода — внукъ, и всѣ они родились въ безформенности; но свѣтъ можетъ быть видимъ и неуловимъ, вода можетъ быть преслѣдуема, но неразрушима. Потому въ имѣющемъ формы главнѣе всѣхъ вода... потому чистота есть верхъ добродѣтели, а слабость—сущность пути... Безформенность есть единица; единица есть то, чему нѣтъ равнаго, къ чему ничто не прилагается во все-

женной». «Радость и гнѣвъ—искаженіе пути, состраданіе и огорченіе—недостатокъ добродѣтели, сожалѣніе (раскаяніе)—порокъ сердца, страсти—опьяненіе природы».—«Когда умретъ форма, духъ крѣпчаетъ; когда духъ истощится, то форма остается; духъ и форма вмѣстѣ не исчезаютъ».—«Сердце—владыка формы, духъ—драгоцѣнность сердца; форма, когда утомится, не получая отдохновенія, преклоняется; энергія отъ безпрестаннаго употребленія истощается, потому святой мужъ, дорожа этимъ, не смѣетъ выходить изъ границъ». «Праведный человѣкъ тотъ, котораго природа согласуется съ путемъ; существующее для него какъ-будто не существующее; истинное—какъ-будто пустое; живя въ одномъ, онъ не знаетъ другого; управляя внутреннимъ, не заботится о внѣшнемъ». «Если не дорожить небомъ, то духъ не будетъ имѣть безпокойства; если не обращать вниманія на предметы, то сердце не впадетъ въ заблужденіе; если одинаково смотрѣть какъ на жизнь, такъ и на смерть, то мысли не будутъ удручены».—Всѣ эти изреченія показываютъ, что китайскіе философы, внѣ матеріальнаго конфуціанства, старались отыскивать новыя начала, чувствовали въ сердцѣ потребность связи съ духовнымъ міромъ—создали о немъ свои оригинальныя воззрѣнія. Но даосизмъ принялъ форму религіи, только научившись ея пріемамъ отъ буддизма; вмѣстѣ съ тѣмъ и литература даосизма получила, почти исключительно, мистическій, легендарный характеръ.—«При встрѣчѣ съ буддизмомъ, говоритъ г. Васильевъ, не одно только конфуціанство, но и весь китайскій геній, вся его интеллигенція должна была разступиться, чтобъ дать мѣсто новой религіи; конфуціанство сохранило свое первенство, какъ хозяинъ, но не могло прогнать этого непріятнаго гостя, такъ-какъ его поддерживала физическая сила. Буддизмъ сталъ распространяться вмѣстѣ съ наплывомъ на Китай чужестранцевъ, они съ начала 4-го до конца 6-го вѣка нашей эры распоряжались на сѣверѣ отъ Цзяна: подъ эгидой завоевателей онъ пустилъ уже такіе корни, которыхъ нельзя было послѣ вырвать; но буддизмъ распространялся и на югѣ, куда онъ двигался моремъ, хотя и не привился тамъ такъ, какъ на сѣверѣ. Большой пользы буддизмъ Китаю не принесъ и господства не пріобрѣлъ; китайцы черезъ буддизмъ познакомились только съ возможностью обозначать чтеніе алфавитомъ. Одинъ хошанъ призналъ, что всѣ китайскія слова можно писать 6000 знаковъ, но не произвелъ на китайское письмо особеннаго вліянія,—китайцы плохо понимаютъ разсѣченіе звуковъ. Китайская цивилизація распространилась въ Коreѣ, въ Японіи и Кохинхинѣ только вмѣстѣ съ распространеніемъ въ этихъ странахъ китайскаго буддизма. Буддизмъ въ своемъ развитіи, какъ извѣстно, переходилъ отъ школы къ школѣ, отъ теоріи къ теоріи; то, что было кодексомъ одной школы, ея теоріей, какъ скоро одолѣвала другая, какъ бы стиралось съ лица земли; но китайцы, начавъ переводы, по крайней мѣрѣ, съ 4-го вѣка и продолжая ихъ

до 14-го, успѣли сохранить для потомства самыя главныя сочиненія. На китайскомъ языкѣ существуетъ «Сюти-эрль-чжонъ-цзинъ» (42 статьи), такое сочиненіе, которое захватываетъ буддизмъ гораздо раньше даже признаннаго всѣми за первое его появленіе въ ученіи Хунаяны (малая система), или древняго буддизма. Это ученіе раздѣлилось на школы, которыя отличались аскетикой и догматикой—винаей и сутрами. Только на китайскомъ языкѣ находятся виная пяти школъ, только тамъ сохранились сутры (книги) четырехъ школъ, извѣстныя подъ именемъ охамъ. У тибетцевъ есть упоминаніе о философскихъ, аналитическихъ сомнѣніяхъ подъ названіемъ обиддинъ, но китайскій языкъ сохранилъ ихъ десятки, а въ тибетскомъ всего одна (Васупанды). И изъ, такъ называемаго, махаяническаго (большой системы) ученія, болѣе поздняго, многія книги переведены на тибетскій языкъ только съ китайскаго, на немъ полнѣе и парамиты, сверхъ того, многаго недостаетъ (напр. сочиненія 17 земель); по китайскимъ книгамъ можно судить и объ апокрифическихъ трактатахъ, вошедшихъ въ тибетскій Дань-чжуръ и послужившихъ различіемъ тибетскаго буддизма отъ китайскаго. (Сочиненія, приписываемыя Ногарчжунѣ, пять книгъ Майтреи тоже не тѣ, что у китайцевъ). Всего на китайскомъ языкѣ считается 1476 названій, переведенныхъ съ санскритскаго (индійскаго) языка. Нѣкоторыя книги имѣютъ по нѣскольку переводовъ, но это дѣлаетъ ихъ значительнѣе. Можетъ быть, впослѣдствіи откроютъ, что разница переводовъ произошла не столько отъ того, что первые переводы были не вѣрны, сколько отъ того, что редакціи одной и той же книги передѣлывались въ самой Индіи по преобладанію той или другой школы. Буддійскія сочиненія, составленныя въ самомъ Китаѣ, тоже не лишены интереса; кромѣ толкованій на винаи и сутры, словарей (И-цѣ-цзинъ-инь-и), есть еще встрѣчающіяся въ санскритскихъ книгахъ, искаженныхъ китайскими іероглифами, слова, объясненія терминологіи (Сэнь-цзанъ-фа-шу). Очень важны также каталоги буддійскихъ книгъ, при которыхъ нерѣдко встрѣчаются свѣдѣнія о значеніи этихъ книгъ въ Индіи, о переводившихъ ихъ лицахъ, а главное, о времени появленія книги въ Китаѣ, дающемъ возможность видѣть, что она и въ Индіи появилась незадолго. Китайскіе буддисты не похожи на индійскихъ, которые не заботились объ исторіи своей вѣры въ своей странѣ; для исторіи буддизма въ Китаѣ находится множество замѣчательныхъ сочиненій: Фо-цзу-тун-цзи, Фо-цзу-ли-дай-тунъ-цзай, У-дэнъ-хой-юань и проч. Для китайцевъ и не-буддистовъ нѣкоторыя сочиненія (напримѣръ, три тома Цзунъ-цзинъ-лу) представляютъ верхъ краснорѣчія по выспреннимъ мыслямъ и отборному слогу. Такія книги читаютъ они не съ религіозной цѣлью, а какъ памятники изящной литературы». Извѣстно (изъ отдѣла религіи), какимъ утрированнымъ мистицизмомъ и какой массой разсказовъ о чудесномъ проникнута буддійская литература въ Китаѣ, какъ много внесла она суе-

вѣрныхъ обычаевъ въ самую жизнь народа. «На китайскомъ языкѣ существуетъ уже значительное количество произведеній христіанской литературы, какъ переводной, такъ и туземной. Пустившее въ Китаѣ глубокія корни, магометанство, вѣроятно, также имѣетъ свою литературу. Однакожъ, говоритъ профессоръ Васильевъ, несмотря на обращеніе къ ученому міру уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, собрано очень мало относящихся къ магометанству сочиненій: мы имѣемъ только «Гуй-гуй-юанъ-лё»—поэму, описывающую введеніе магометанства въ Китаѣ, и трактатъ, защищающій это ученіе». Итакъ, обширная китайская письменность въ общемъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ религіозно-поучительныхъ сочиненій, т. е. носитъ дидактическій характеръ. Въ ней заключаются еще книги, въ которыхъ разрабатываются начала науки, и, наконецъ, примыкаютъ, какъ бы на послѣднемъ планѣ, произведенія, такъ называемой, изящной литературы, имѣющей такое огромное значеніе и достигшей такихъ совершенныхъ формъ на Западѣ. «У китайцевъ она находится въ полномъ пренебреженіи, замѣчаетъ г. Васильевъ, такъ что всѣ подобныя книги и сочиненія не находятъ себѣ даже мѣста въ ученыхъ каталогахъ, и потому трудно опредѣлять ихъ происхожденіе и авторовъ. Хотя имена иногихъ изъ этихъ писателей и извѣстны, но они иногда вымышленныя, потому что авторъ стыдится даже признаться, что онъ занимается такими пошлостями. Біографіи нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже трудно отыскать. Китайскій ученый едва сознается даже, что онъ читалъ извѣстныя драмы или романы, хотя навѣрное читалъ, потому что нельзя же, живя среди народа (въ Китаѣ аристократія не имѣетъ значенія), не сочувствовать тому, чтó его интересуетъ. Въ своемъ презрѣніи китайскій педантъ опирается на тривіальность языка, на нелѣпость сюжета. Правительство поддерживаетъ въ этомъ случаѣ разъединеніе ученаго сословія съ народомъ: появившійся въ народномъ театрѣ чиновникъ подвергается преслѣдованію закона. Такимъ образомъ, народная литература остается безъ поддержки, безъ улучшенія. А народъ, между тѣмъ, съ жадностью посѣщаетъ театры; почти каждая сколько-нибудь значительная деревня приглашаетъ, хоть разъ въ году труппу. Въ Пекинѣ, въ наше время, было 13 театровъ, а труппъ актеровъ до 150, онѣ поддерживаются именно переходомъ изъ одного мѣста въ другое; театры тоже не имѣютъ исключительныхъ труппъ, а сегодня играетъ одна, завтра другая». «Актеры получаютъ вознагражденія не больше, чѣмъ чернорабочіе, а потому театръ является удовольствіемъ вполнѣ общедоступнымъ; за какіе-нибудь полтораста франковъ труппа изъ тридцати актеровъ, обладающая въ большинствѣ случаевъ превосходными костюмами, играетъ цѣлыхъ двое сутокъ драмы, водевили и комедіи, говоритъ Симонъ; кочевыя, театральныя труппы заходятъ и въ отдаленныя деревушки, продолжаетъ онъ, такъ что и самому бѣдному люду при густотѣ

китайскаго населенія представляется возможнымъ нѣсколько разъ въ году наслаждаться театральными представленіями. Они неизбѣжно соединяются со всѣми большими китайскими праздниками». Извѣстно, что въ настоящее время въ Китаѣ развивается и новый языкъ, удобный для сочиненія народныхъ произведеній. Слѣдовательно, теперь театральное дѣло получило такъ уже значительное развитіе. Антагонизмъ со стороны правительства и ученаго сословія, вѣроятно, ослабѣлъ въ этомъ отношеніи. «Существованіе его понятно, если вспомнить, какъ ревниво оберегаютъ представители конфуціанства захваченную ими надъ умами власть: она какъ-будто не религіозная, а между тѣмъ никакая религія не съумѣла показать и доказать, что можно держать народъ двѣ тысячи лѣтъ въ замкнутомъ кругу извѣстныхъ идей, какъ это сдѣлало конфуціанство», говоритъ г. Васильевъ. «Въ классическихъ книгахъ нѣтъ ни драмъ, ни романовъ, слѣдовательно, это—пустая, безнравственная литература (такое отношеніе сдѣлало ее, дѣйствительно, безнравственной). Но, кромѣ того, въ этомъ случаѣ враждебно дѣйствуютъ болѣе сокровенныя пружины. Какъ конфуціанцы, такъ и защитники драмы полагаютъ, что театръ есть продолженіе и развитіе классическихъ временъ и нравовъ, слѣдовательно, и той поры, когда нравы были разнузданны. (Это, конечно, отчасти справедливо, если вспомнить пантомимы и представленія, происходившія при древнихъ религіозныхъ торжествахъ, хотя ничто не указываетъ, чтобы настоящій театръ былъ извѣстенъ въ древности). Знакомство съ драмой пришло въ Китай, по всей вѣроятности, черезъ Индію; конфуціанство всегда было враждебно всякому иностранному вліянію. Расширяющееся въ видѣ забавы вліяніе театра можетъ оказаться для конфуціанцевъ пострашнѣе буддизма: тотъ привлекаетъ сравнительно немногихъ, а театръ всѣхъ. Можетъ быть, и китайскій романъ, выработавшійся изъ повѣсти, которая, въ свою очередь, развилась изъ легенды, тоже обязанъ своимъ происхожденіемъ внѣшнему импульсу. Съ открытіемъ западнаго края появилось въ даосизмѣ много легендъ о чужихъ странахъ. Но какъ въ драмѣ, такъ и въ романѣ китайцы не были простыми подражателями; въ націи не могъ совсѣмъ погибнуть духъ самостоятельности: на все чуждое и пришлое она смотритъ своими глазами, все переработываетъ по-своему (конечно, съ конфуціанской окраской),—вотъ почему, хотя бы и заимствоватый сюжетъ драмъ и романа является въ китайскомъ духѣ, выражаетъ китайское міросозерцаніе». Въ повѣсти «Морской рынокъ» (изъ Ляочжой) студентъ попадаетъ на островъ, обитаемый драконами; царь ихъ восторгается его хріей (сочиненіе на ученую тему), пѣніемъ и выдаетъ за него свою дочь. Танскій Сюанъ-цзянъ путешествуетъ по западнымъ странамъ для собиранія буддійскихъ книгъ—романъ сейчасъ же дѣлаетъ его героемъ, наполняя путешествіе чудесными разсказами. Идеалъ, герой китайскихъ повѣстей

обыкновенно ученый, одерживающій верхъ надъ состязателями при третьемъ государственномъ экзаменѣ. Бѣднымъ юношей, съ запыленными ногами, приходитъ онъ въ столицу, а выѣзжаетъ оттуда въ вызолоченномъ возкѣ въ провинцію, которою назначенъ управлять; его окружаютъ слуги, возвѣщающіе о прибытіи своего господина. Онъ везетъ съ собой туда милую сердца и проявляетъ свое остроуміе въ удачномъ разрѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ, представляющихся на каждомъ шагу при выполненіи новой для него должности. Китайскія дамы отдаютъ всегда предпочтеніе тому человѣку, чья кисть выводитъ прекраснѣйшихъ драконовъ и строчитъ настоящимъ жемчугомъ. Драконы—буквы, а жемчужины—поэтическіе обороты и образы». Въ повѣствовательную литературу китайцевъ вошли разсказы, занесенные изъ Индіи буддизмомъ: это были, большею частію, басни, притчи, стремившіяся представить въ наглядномъ видѣ какую-нибудь мысль; главное въ нихъ мораль, совѣты практической мудрости, вообще нравоучительное направленіе. Китайцы избираютъ для этой же цѣли анекдотическіе случаи дѣйствительной жизни: у нихъ въ большомъ ходу книга наградъ и наказаній, гдѣ нагдядно показывается примѣрами, какъ ни одно дѣло не остается безъ возмездія. Тутъ, между прочимъ, разсказывается, что у одного богатаго вдовца былъ похищенъ единственный сынъ, вслѣдъ за тѣмъ онъ купилъ себѣ хорошенькую жену, но узналъ отъ нея, что она пошла къ нему только для того, чтобы выручить изъ крайности своего перваго мужа, по которомъ неутѣшно тоскуетъ. Богачъ, узнавъ объ этомъ, великодушно отослалъ жену къ нему, надѣливъ денежнымъ подаркомъ. Когда она воротилась домой, ей предложили купить мальчика, котораго уступали тому, кто пожелаетъ усыновить его. Желая чѣмъ-нибудь отплатить своему благодѣтелю, она купила ребенка и отослала его, разумѣется, къ отцу, который тотчасъ же узналъ въ немъ своего похищеннаго сына. Когда добродѣтель или порокъ достигнутъ крайняго предѣла, они, по китайскимъ понятіямъ, непремѣнно должны получить свое возмездіе, неизвѣстно только—раньше или позже». На эту тему въ Китаѣ существуетъ много разсказовъ. Вымыселъ и сочиненіе далеко не составляютъ въ нихъ главнаго. Рѣдко какое-нибудь событіе проводится въ литературномъ произведеніи такъ художественно и умно, какъ въ повѣсти «Разноколѣнные или двоюродные». Нѣсколько счастливыхъ мотивовъ очень удачно обработаны здѣсь: когда, напримѣръ, дочь и сынъ двухъ враждующихъ между собой братьевъ видятся не иначе, какъ ловя отраженіе другъ друга въ водѣ, потому что сады и дома ихъ раздѣлены высокой стѣной, которая проходитъ по мосту даже и черезъ общій прудъ; но къ счастью двоюродныхъ въ свѣтлыя струи пруда глядятся двѣ бесѣдки, построенныя у самаго берега по обѣимъ сторонамъ стѣны. Прекрасно обрисована зарождающаяся при подобныхъ условіяхъ любовь; хотя къ этому

приплетены совершенно чуждыя дѣлу вещи; затянутые, такимъ образомъ, узлы разрѣшаются потомъ одинъ другого страннѣе. Въ заключеніе романъ приходитъ къ благополучному концу, но герой его, кромѣ милой сердцу, беретъ за себя и другую еще дѣвушку. «Недостатокъ фантазіи китайскіе разсказчики замѣняютъ отчасти живостью, вѣрностью, тонкостью и полнотой нравоописаній, говоритъ г. Васильевъ. Ихъ повѣсти и романы совершенный дагерротипъ мѣстнаго быта во всѣхъ его подробностяхъ. Ученые китайцы оказываютъ свое снисходительное вниманіе тѣмъ народнымъ піесамъ, которыя отличаются хорошимъ языкомъ. Изъ драмъ у китайцевъ всего болѣе уважается «Си-сянъ-цзи». «Исторія западнаго флигеля». Если въ ней исключить языкъ и исполненіе со стороны музыкальной, голосовой, и сравнить сюжетъ, текстъ и самыя пѣсни съ нашими лучшими операми, то едва ли найдется и въ Европѣ много такихъ обработанныхъ піесъ». Но, несомнѣнно, что она не только по формѣ, но и по содержанію,—по развитію драматическаго дѣйствія, по тонкости психологическаго анализа характеровъ несравненно ниже европейскихъ,—хотя нѣкоторыя сцены ведутся съ большимъ искусствомъ. Составленіе повѣстей началось въ Китаѣ въ давнее время, — уже Лю-сянъ-у, разбиравшему классическія книги передъ началомъ нашего вѣка, приписывается исторія знаменитыхъ святыхъ (Лѣ-сянь-чжуанъ), въ началѣ 4-го вѣка является «Соу-тэнь-цзи», исторія духовъ, родъ миѳологіи. Во времена династіи Сунь появляется огромный сборникъ («Тай-пинъ-Гуань-цзи»), извлеченный изъ существовавшихъ уже книгъ о духахъ, чертяхъ, кудесникахъ и проч. Но большимъ уваженіемъ по изяществу языка и сжатости изложенія пользуются удивительныя повѣсти, составленныя въ домѣ Ляо-чжой. «Замѣчательно, говоритъ г. Васильевъ, что между различными вѣрованіями китайцевъ особенное мѣсто занимаетъ вѣра въ оборотня. Онъ является въ видѣ красивой женщины (а иногда и красавицы) и вступаетъ въ связь съ человѣкомъ; развязка не всегда одинакова. Но главное: этотъ оборотень—наша лиса. Китайцы приписываютъ свойства оборотня именно старой лисѣ. Повѣсти переходятъ въ романъ. «Шуй-ху-чжуань» наполненъ еще чудесами и разбойниками; но и самый лучшій романъ «Хунь-лу-мэнъ»—Сонъ въ красномъ теремѣ,—произведеніе прошлаго столѣтія, приписываемое даже, будто бы, одному изъ пекинскихъ княжескихъ дворцовъ, основанъ на подкладкѣ чудеснаго. Бао-юй, герой романа, красавецъ, то умный, то взбалмошный, то добрый, то злой,—есть не кто другой, какъ тотъ лишній камень, который не попалъ въ дѣло у Нѣйвы, когда она подпирала обрушившійся сводъ неба (въ легендѣ даосизма). Обиженный тѣмъ, что ему предпочли другихъ, теперь онъ и странствуетъ по различнымъ перерожденіямъ, и много за него пролито слезъ, много онъ надѣлалъ горя. Бао-юй родится съ камнемъ во рту въ богатомъ, благоустроенномъ

домѣ, населенномъ многочисленнымъ родствомъ; тутъ живетъ и назначенная ему невѣста, умная, сдержанная Ванъ, но онъ больше расположенъ къ болѣзненной своей кузинѣ Линь, болѣе симпатичной и также къ нему неравнодушной; однакожъ дѣло оканчивается тѣмъ, что Бао-юй бросаетъ свой талисманъ, тотъ камешекъ, который его оберегаетъ, и вслѣдъ затѣмъ впадаетъ въ безуміе. Издали показываются хошанъ (буддійскій монахъ) и даосъ. Это не простыя существа, они знаютъ, что дѣлаютъ, и увлекаютъ Бао-юйя, который такимъ образомъ исчезаетъ.—Вотъ главная канва романа, но изъ него можно познакомиться съ китайской жизнью. Въ немъ описывается, какъ сходятся кружки знакомыхъ, какъ они разговариваютъ или угощаются; такія сцены, какъ наказаніе Бао-юйя отцомъ, заставившее трепетать весь домъ и укрощенное только появленіемъ бабушки, передъ которой смиряется разсвирѣпѣвшій отецъ; находится описаніе приготовленія къ принятію визита одной изъ женъ богдыхана, сестры Бао-юйя, для которой въ этомъ случаѣ нарочно строятся дворцы и украшаются сады, отецъ семейства встрѣчаетъ ее колѣнопреклоненно. Языкъ этого романа не тривіальный, какъ въ другихъ романахъ: это очищенный до изысканности разговорный языкъ, конечно, не всегда понятный для слуха, но и не совсѣмъ ему чуждый. Говорятъ, что когда романъ этотъ появился въ рукописи, списки съ него продавались за дорогую цѣну; потомъ въ печати появилось нѣсколько изданій и первое изъ нихъ было въ очень красивомъ видѣ, какого не удостаивались другія народныя изданія. Сверхъ того, лучшей рекомендаціей впечатлѣнія, произведеннаго этимъ романомъ, можетъ служить то обстоятельство, что ему явились особыя подражанія подъ названіями: пополненія, продолженія, надбавки, разгадки, надставки на «Сонъ въ Красномъ теремѣ».—Слѣдовательно, въ области изящной литературы у китайцевъ начинается уже нѣкоторое движеніе, дающее возможность надѣяться на дальнѣйшіе результаты въ ея развитіи.—Несмотря на сказочную сторону, указывающую на первобытное состояніе беллетристической литературы, китайскій романъ все-таки не лишенъ драматизма дѣйствія и, какъ уже сказано, всегда вѣренъ дѣйствительности. Въ Китаѣ, какъ и вездѣ, существуютъ и безнравственные романы,—такимъ считается «Цзинъ-пинъ-пѣй»—«Роза въ золотомъ кувшинѣ»—названіе, составленное изъ іероглифовъ въ именахъ трехъ женщинъ, дѣйствующихъ въ романѣ. Онъ не лишенъ юмора. «Съ веселой пирушки, на которой было отпущено не мало остротъ даже на счетъ кумировъ, возвращается Си-мынь-цынь, зажиточный буржуа въ Шань-дунѣ, къ себѣ домой. По дорогѣ его щелкаетъ по носу дверная занавѣска, онъ осматривается и видитъ красавицу, Пань-цзынь-лянь, въ лавкѣ продавца шабиновъ (булокъ, посыпанныхъ кунжутнымъ сѣменемъ), не очень-то нравящагося своей женѣ.—Си-мынь-цынь употребляетъ всѣ средства познакомиться съ этой женщиной; отыски-

вается помощница, разумѣется, не даромъ. Она устраиваетъ свиданіе у себя на квартирѣ. Си-мынь-цынь ухаживаетъ за красавицей и вступаетъ съ ней въ связь. Весь городъ уже знаетъ объ этомъ, кромѣ ея мужа, уличные мальчишки насмѣхаются надъ нимъ, распѣвая пѣсенки. Наконецъ, тотъ открываетъ глаза, бросается дома на Си-мыньцыня, но получаетъ такого пинка, что отдаетъ Богу душу. Приходится отплачиваться отъ уцзо, свидѣтельствующихъ трупъ умершаго. Когда покойника отпѣваютъ хошаны, является неутѣшная вдова, которая красотой своей приводитъ въ смущеніе отказавшихся отъ міра отшельниковъ, — они перевираютъ слова, а молодой хошанъ вмѣсто того, чтобы ударить въ тактъ по колотушкѣ, бьетъ по лысинѣ своего настоятеля. Наконецъ, Пань-цзынь-лянь стала женой Си-мынь-цыня, у котораго первая жена уже умерла, но есть вторая, старше новой, послѣ будутъ еще двѣ. Какъ-то онѣ уживутся, — у всякой будетъ своя прислуга, свое помѣщеніе, у каждой и свое имущество на частные расходы! Китайцы не осуждаютъ многоженства; впрочемъ, нѣкоторые повѣсти и романы восхваляютъ удерживающихся; въ хорошо устроенномъ домѣ всѣ живутъ согласно, собираются вмѣстѣ, чтобы коротать скуку; нужно только, чтобы мужъ не отдавалъ предпочтенія одной женѣ передъ другою. Есть и другіе романы въ этомъ родѣ, еще болѣе ярко рисующіе грязную, чувственную сторону китайской жизни. Китайцы имѣютъ и историческій романъ; почти вся исторія Китая, вплоть до Минской династіи, представлена въ различныхъ книгахъ. — «Кой-пи-янь-и» обнимаетъ время отъ сотворенія міра до династіи Чжоу; Лѣ-ю-и Цию-янь-и, Чжанъ-ю — обнимаютъ исторію послѣдней и т. д. Всѣ эти исторіи, основанныя въ главныхъ чертахъ на дѣйствительной, только сглаживаются дополненіями фантазіи тамъ, гдѣ недостаетъ фактовъ, и болѣе понятнымъ изложеніемъ. Знаменитѣе другихъ исторія троецарствія, единогласно уважаемая за искусство разсказа. Многіе изъ китайскихъ романовъ переведены на европейскіе языки. — «Китайцы пишутъ и стихи, замѣчаетъ г. Васильевъ, но очень своеобразнымъ языкомъ: мысль выражается не въ словѣ, а какъ бы подлѣ слова, ее еще надобно отыскать на сторонѣ, потому что достаточно одного слова, чтобы у васъ возобновилась въ памяти цѣлая исторія изъ миѳологическаго, историческаго, семейнаго быта и проч. Вотъ въ чемъ заключается для насъ трудность китайской поэзіи! Въ стихотворствѣ больше всего заботятся о томъ, чтобы поддержать различіе между письменнымъ языкомъ и разговорнымъ. Трудно, не вдаваясь въ подробности и не пускаясь въ грамматическія толкованія, передать это различіе тому, кто незнакомъ съ письменнымъ китайскимъ языкомъ; но человѣкъ, знающій его, согласится, что превосходство всегда лежитъ на сторонѣ письменности, что, дѣйствительно, въ китайскомъ языкѣ существуетъ, такъ называемый, изящный слогъ. Звуки словъ тѣ же, что и въ разговорномъ языкѣ, но сочетаніе ихъ и зна-

ченіе совершенно особенныя». Вотъ образецъ китайскихъ стиховъ, написанныхъ на заданную на экзаменѣ тему: тѣнь.—«Этажами другъ на другѣ разстилаетъ передо мною свою тѣнь эта высокая башня; не дотрогиваешься и не можешь смести ее,

. . . .

И только-что солнце (съ заходомъ) уберетъ ее —
Смотришь: свѣтлая луна уже снова послала!

. . . .

«Вольное стихотворное искусство, говоритъ Карьеръ, связано въ Китаѣ по рукамъ и по ногамъ и древнимъ преданіемъ, и новыми правилами академической точности. Смыслъ каждой фразы долженъ всегда оканчиваться въ одномъ и томъ же стихѣ и никогда не переходить въ другую строку; не только требуется риѳма на концѣ каждыхъ двухъ стиховъ но мѣстами извѣстные тоны должны слышаться и въ срединѣ; иногда они повторяются въ обратномъ порядкѣ; притомъ образы одного стиха должны симметрически отвѣчать размѣщенію ихъ въ другомъ. Мѣсто прямыхъ выраженій заступаютъ сплошь цвѣтисто-описательныя или—метафоры, имѣющія всегда одинъ и тотъ же смыслъ: осеннія облака всегда означаютъ только мечты о блаженствѣ, отблескъ мѣсяца въ водѣ—недостижимое счастіе, весна—радость, осень—заботу, пора цвѣтенія персиковъ—время вступить въ бракъ, покой окнами на востокъ—комнату незамужнихъ дочекъ, поэтому утренній гость (съ востока) значитъ зять; святыя горы—символы высокаго и величественнаго, полярная звѣзда—символъ спокойнаго единства, вокругъ котораго вращается все многоразличное,—вотъ урочныя подобія, которыя общи и древнимъ, и новымъ китайскимъ стихотвореніямъ. Эта искусственная поэзія просто ученое стихоплетство; въ ней, какъ и во всей китайской жизни, господствуетъ чинность, форменность и натянутый обрядъ». Китайскій языкъ не могъ создать ораторской рѣчи (и ея не существуетъ), едва ли имъ можно вести и ученые диспуты; хотя на немъ и разсуждаютъ о государственныхъ дѣлахъ, но протоколы, конечно, не стенографическая запись. Письменный языкъ можетъ употребить одно слово тамъ, гдѣ въ разговорномъ ихъ два или цѣлый перифразъ; съ другой стороны письменный языкъ можетъ щеголять несвойственными разговорному языку сочетаніями, и для выраженія одного понятія у него найдется всегда такой запасъ этихъ сочетаній, что онъ можетъ въ самой прозѣ поддерживать стихотворный метръ. Дѣйствительно, часто случается, что одна половина предложенія или періода равна по числу словъ другой, такъ что только это одно и руководитъ въ опредѣленію смысла всего періода, начала и конца его; китайцы и въ обыкновенныхъ изданіяхъ рѣдко прибѣгаютъ къ единственному у нихъ знаку препинанія—кружку или точкѣ, а въ изящныхъ нѣтъ о нихъ и помину. Этотъ параллелизмъ свойственъ какъ стихамъ, такъ и прозѣ.—Каждый іероглифъ одной половины

предложенія или двустишія (дуйцзы) долженъ соотвѣтствовать іероглифу въ другой, т.-е. если онъ употребленъ въ значеніи глагола, имени, частицы и проч., то хотя они и могутъ быть аналогичны или противоположны, слова и въ другой половинѣ имѣютъ тотъ же смыслъ. Благодаря въ особенности параллелизму, письменный языкъ можетъ игнорировать всѣ тѣ частицы и союзы, которыми показывается связь словъ и различные виды періодовъ (впрочемъ, и безъ параллелизма видно то же). За то онъ же, гдѣ ему нравится, можетъ выпустить богатый арсеналъ всякихъ частицъ, вступительныхъ, соединительныхъ и заключительныхъ въ періодахъ, суффиксовъ и префиксовъ въ этимологіи и синтаксисѣ. Все это придаетъ силу и обаяніе письменному языку. Извѣстная отдѣлка его въ этомъ направленіи и составляетъ изящный слогъ, изящную литературу по китайскимъ понятіямъ. Но именно вслѣдствіе этого вышло такъ, что подъ изящной литературой китайцы вовсе не разумѣютъ то, чему мы придаемъ это значеніе. У нихъ всякое мелкое разсужденіе, поученіе, замѣтка, указъ, докладъ, адресъ, дипломъ, письмо, предисловіе къ книгѣ, надпись на монументѣ, прочитываемая надъ гробомъ рѣчь, рѣчь при жертвоприношеніи, эпитафія — все это составляетъ изящную литературу въ прозѣ. И такой родъ литературы ведетъ свое начало, по крайней мѣрѣ, со временъ Ханьской династіи. Къ изящной же литературѣ относятся и хріи ученыхъ, явившіяся позднѣе. Всѣ эти мелкіе отрывки тщательно собираются, составляютъ огромное количество томовъ, изъ которыхъ потомъ извлекаются въ христоматіи. Первой христоматіей считается «Вэнь-сюань», составленная лянскимъ наслѣднымъ принцемъ Чжао-минъ-той-цзы въ 6-мъ вѣкѣ нашей эры; еще болѣе извѣстна составленная при нынѣшней династіи «Юань-цзянь-лэй-хань». До какой степени обширны цѣльныя собранія, можно судить по 50 томамъ, относящимся къ временамъ династій Танъ и Удій (620—670 гг. по Р. Х.). «Въ продолженіе десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, говоритъ г. Васильевъ, мы не встрѣтили ни разу въ продажѣ сборника изящной литературы нынѣшней династіи и должны были удовольствоваться продолженіемъ его, обнимавшимъ періодъ съ 1744 по 1810 г., въ шестнадцати томахъ (96 книжекъ). После того, продолжаетъ г. Васильевъ, есть ли возможность излагать въ краткомъ обзорѣ эту изящную литературу? Есть ли возможность перечислить имена самыхъ извѣстныхъ даже литераторовъ, дать ихъ біографіи, указать хоть на нѣсколько лучшихъ, по мнѣнію китайцевъ, ихъ статей? Матеріала достанетъ, хоть на нѣсколько томовъ, но кто будетъ читать ихъ?» Это послѣднее замѣчаніе лучше всего доказываетъ, что китайская поэтическая литература вовсе не поэтична въ дѣйствительности, хотя у китайцевъ поэты являлись на пространствѣ двухъ тысячъ лѣтъ, ихъ были тысячи! Въ Китаѣ есть особый родъ стихотвореній, которыя принято называть поэмами (фу);

главное ихъ отличіе отъ стиховъ заключается въ томъ, что, имѣя своеобразный метръ, они могутъ не стѣсняться риѳмами и не всегда строго соблюдаютъ ровное количество словъ, обыкновенно четныхъ въ каждомъ стихѣ; это какъ бы наши бѣлые стихи; при множествѣ мелкихъ, находится и множество крупныхъ. Стихи—какъ бы внутреннее выраженіе понятія о предметѣ; поэма, напротивъ—выраженіе впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ. Однимъ изъ первыхъ произведеній въ этомъ родѣ считается поэма о двухъ столицахъ «Лянь-ду-фу», знаменитаго Бань-гу. Въ ней описывается споръ о томъ, которая столица превосходнѣе: старая или новая? Каждый выставляетъ на видъ произведенія, положеніе, выгоды защищаемой имъ стороны. Изъ этого одного уже видно, что поэма имѣетъ дидактическое или описательное значеніе. Таково и изданное въ Европѣ описаніе Мукденя, манчжурской столицы, или описаніе разрушеннаго англо-французскимъ войскомъ загороднаго пекинскаго дворца. Есть множество и другихъ описаній въ этомъ родѣ, путешествій или даже дипломатическихъ сношеній съ иностранцами, хотя они и не носятъ опредѣленнаго названія «фу». Есть даже романы, писанные стихами: «Исторія перерожденія», «Принесенное съ рожденіемъ счастіе» и проч. Но кромѣ того, въ поэмахъ этого рода воспѣваются еще и жертвоприношенія въ храмахъ, пашни, охота, походы, прогулки, дворцы, рѣки, океаны, животныя, выпаденіе снѣга, печаль, уединеніе, сочиненія, ораторіи, чувство и проч. Слѣдовательно, это тоже и лирика. Впрочемъ, дидактическая поэзія встрѣчается иногда и въ стихахъ, или, лучше сказать, есть многіе учебники, излагаемые стихами неопредѣленнаго названія—таковъ очень извѣстный и переведенный почти на всѣ языки «Сань-цзы-цзинь»—трехбуквенный цзинь—коротенькая энциклопедія, первая книга для начинающихъ учиться. Такова же и слѣдующая за «Сань-цзы-цзиномъ» въ школѣ книга «Цянь-цзы-вэнь»—литературный фортель, въ которомъ тысяча ни разу не повторяющихся іероглифовъ поставлены въ такой связи, что имѣютъ тоже энциклопедическій смыслъ. Особенность поэмъ (фу) составляетъ то обстоятельство, что онѣ почти всегда имѣютъ въ виду предисловіе, написанное слогомъ, отличнымъ отъ самой пьесы,—слогомъ мѣрной прозы, гдѣ объясняется поводъ къ составленію пьесы или даже предпосылается краткое изложеніе ея содержанія. Такое предисловіе находится и въ мелкихъ пьесахъ, какъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Юань-минъ-юань», состоящей изъ описанія отдѣльныхъ мѣстностей, видовъ, зданій, прудовъ и проч.; передъ каждой пьесой находится объясненіе. Да и, вообще, стихи и поэмы рѣдко издаются безъ примѣчаній и толкованій, какъ на слова, такъ и на мысли или намеки на исторію, миѳологію и проч. Часто авторы и сами озабочиваются составленіемъ такихъ комментаріевъ.—Въ Китаѣ стихотворствомъ занимаются и женщины. Въ ихъ стихахъ встрѣчается иногда много чувства и даже

поэтическіе образы. Ведя, большею частью, затворническую жизнь посреди роскошной китайской природы, нѣкоторыя изъ нихъ, принадлежащія къ богатымъ семействамъ и не слишкомъ обремененныя, вслѣдствіе этого, домашними заботами, любятъ услаждать свое уединеніе музыкой и пѣніемъ, при чемъ, естественно, является тѣсно связанная съ этимъ и поэзія.—Но иногда въ китайскихъ пѣсняхъ изливаетъ свою скорбь и женщина-работница. Вотъ образцы содержанія стиховъ современныхъ китайскихъ женщинъ: «Я увѣрена, что съ наступленіемъ весны хорошіе дни не будутъ рѣдки; изъ-за моего защищеннаго зеленой тѣнью окошка мнѣ легче наблюдать за явленіями природы. И что же я вижу: едва вылупившіяся бабочки граціозно летаютъ подъ благотворнымъ дождемъ, лепестки цвѣтовъ тихо падаютъ сами собой, вовсе не мучимые вѣтромъ. Уставъ, наконецъ, смотрѣть въ окно, я открываю священную книгу Будды и стараюсь угадать скрытый смыслъ находящихся въ ней таинственныхъ фразъ; чувствуя потребность развѣяться, прерываю это занятіе, чтобы сыграть арію на гитарѣ; закрываю окно, но быстро открываю его снова: мнѣ припомнилось, что ласточка, гнѣздо которой находится подъ крышей моей комнаты, еще не возвращалась».—«Мой мужъ уѣзжаетъ на большой литературный конкурсъ. Цѣлый мѣсяцъ приготовляли мы его багажъ, сегодня онъ долженъ отправиться. О, мужъ мой! когда меня не будетъ съ тобой, дай мнѣ слово, по крайней мѣрѣ, заботиться о своемъ здоровьи! Я увѣрена, что твоя привязанность заставитъ тебя скоро возвратиться ко мнѣ; однакожъ, боюсь, какъ бы удача не задержала тебя!» Итакъ, китайскія современныя дамы обладаютъ эстетическими потребностями и утонченными чувствами. Но и простыя работницы въ Китаѣ грамотны и въ состояніи выражать въ стихахъ свое настроеніе: «Свѣтъ осенней луны бѣлъ, какъ снѣгъ; осенній вѣтеръ, какъ желѣзо рѣжетъ мнѣ лицо; тусклая лампа, всю ночь освѣщая мою работу, составляетъ мнѣ единственную компанію. Я очень устала, но забота о завтрашнемъ днѣ мѣшаетъ мнѣ объ этомъ думать. Вчера я ходила въ городъ продавать плоды моего ночного бдѣнія и видѣла тамъ роскошную корзинку богатой новобрачной, набитую многими тысячами кусковъ шелковой матеріи и 12-ю коробами, наполненными одеждами! Это навело меня на мысль о моей несчастной участи, при которой приходится проводить всю жизнь въ приготовленіи одежды для другихъ. Я залилась слезами и въ отчаяніи схватила ножницы, чтобы изрѣзать сотканную мной матерію... Меня удержалъ отъ этого услышанный на дворѣ крикъ кузнечиковъ, какъ бы зовущихъ и напоминающихъ о работѣ!» Все это несомнѣнно богатыя темы естественно развивающейся поэзіи, которая такъ долго была задерживаема въ Китаѣ конфуціанствомъ. Вѣроятно, онѣ дадутъ въ будущемъ обильные и плодотворные результаты при современномъ состояніи Китая, благопріятствующемъ возрожденію многихъ

сторонъ китайской цивилизаціи. Въ заключеніе можно привести отзывъ нашего извѣстнаго синолога, профессора Васильева, объ общемъ характерѣ китайской литературы:—«Китайская литература не можетъ быть поставлена на-ряду съ исчезнувшими литературами древняго міра. Она, правда, уступаетъ по силѣ творческаго духа образцовому и научному изложенію литературамъ греческой и римской; но, имѣя въ виду только то, что отъ нихъ сохранилось, позволительно сказать, что она, конечно, превосходитъ ихъ и по объему, и по разнообразію захваченныхъ ею предметовъ. То же самое можно сказать и о сравненіи ея съ литературами мусульманскаго міра, или всего средневѣковаго періода всѣхъ западныхъ европейскихъ народовъ. Только въ примѣненіи къ одной новѣйшей литературѣ, въ которой наукѣ и критикѣ отведено такое почетное мѣсто (надо прибавить: и беллетристикѣ), китайскую приходится ставить наряду съ литературами, если такъ можно сказать, древняго строя, потому что она въ главныхъ чертахъ представляетъ собою лишь развитіе тѣхъ же началъ, которыя существовали до нашей эры. Нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ китайская литература обогатится и освѣжится въ волнахъ европейской культуры и перенесетъ въ свои нѣдра всѣ изгибы европейской мысли, европейскаго знанія и духа. Но и въ такомъ случаѣ новый періодъ ея жизни не будетъ, какъ для другихъ народовъ не-европейскаго пошиба, раздѣленъ глубокой пропастью съ ея прошлымъ, потому что новые взгляды, новыя требованія будутъ только продолженіемъ тѣхъ сторонъ, которыя или нѣкогда были уже затронуты, но очутились въ застоѣ, или разрабатывались неумѣло по недостатку запроса. Дѣло въ томъ, что, отвергая даже отдаленную древность китайской литературы, мы имѣемъ передъ собой все таки матеріалы неутомимой работы многочисленныхъ писателей въ продолженіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ—работы, не прекращенной и въ позднѣйшее время, но уже обогащающейся приливомъ новыхъ знаній». (Г. Васильевъ, очевидно, имѣетъ тутъ въ виду всю китайскую письменность, но мы еще не говорили о китайскихъ сочиненіяхъ, заключающихъ въ себѣ матерьялы для науки). Свойственная человѣческому уму наблюдательность, стремленіе уяснять себѣ окружающее и любовь къ знанію служатъ началомъ возникновенія науки. Въ большей или меньшей степени оно является у каждаго народа при нормальномъ развитіи его жизни. Между всѣми націями въ мірѣ наиболѣе значительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи достигли греки, хотя попытки ихъ узнать вселенную извлекались изъ слишкомъ поспѣшнаго наблюденія фактовъ и потому не могли привести къ вполнѣ вѣрнымъ выводамъ, но въ нихъ все-таки заключалась доля научной истины разработанная другими народами впослѣдствіи.

Блестящее сравнительно съ древностью состояніе современныхъ

европейскихъ наукъ (вѣрнѣе разныхъ отдѣловъ одной науки о природѣ), состоящихъ въ собраніи съ точностью узнанныхъ фактовъ какой-либо сферы, распредѣленныхъ и обобщенныхъ такимъ образомъ, что по нимъ можно съ достовѣрностью предсказать, какимъ перемѣнамъ подвергнется простое или сложное тѣло при данныхъ условіяхъ, есть результатъ совмѣстныхъ усилій работы нѣсколькихъ націй и поколѣній, дѣло общеисторическаго европейскаго прогресса, который усилился въ этомъ направленіи только въ три послѣднія столѣтія. Въ такомъ состояніи, конечно, нельзя разсчитывать найти науку у китайцевъ—народа, развивавшагося изолированно и въ теченіе многихъ вѣковъ подчиненнаго конфуціанской рутинѣ, которая и заняла тамъ мѣсто дѣйствительной науки. Но въ періодъ болѣе естественнаго и многосторонняго развитія китайской цивилизаціи появились и у китайскаго народа касающіеся многихъ предметовъ, матеріалы для организаціи науки, которые продолжаютъ все болѣе и болѣе накопляться въ настоящее время. Китайцы издавна записывали историческіе факты. Исторія была путеводной нитью къ развитію китайской письменности и положена въ основаніе китайской образованности. Книга «Чунь-цю» возбудила въ китайцахъ охоту къ истолкованію ея сухаго текста и дала толчокъ къ отыскиванію болѣе отдаленной древности, заставила ихъ, такъ сказать, сочинить ее. И это стало дѣломъ не одной только школы, не одного конфуціанства, но всей китайской интеллигенціи; въ исторіи заключался и интересъ политическій; съ помощью исторіи удѣлы думали подкрѣпить свои права и претензіи на преобладаніе; въ удѣлахъ сильные роды съ своей стороны старались исторіей, т.-е. родословными, поддержать свои аристократическія привилегіи. Исторіей занимались не одни только конфуціанцы, къ ея изученію стремились всѣ интеллигентные люди. Первымъ историкомъ считается Сымоцянь, приверженецъ даосизма, бывшаго въ то время философской школой. Его называютъ китайскимъ Геродотомъ, отцомъ китайской исторіи; но по изложенію онъ не представляетъ рѣшительно никакого сходства съ знаменитымъ греческимъ историкомъ. У Геродота встрѣчается цѣлостный разсказъ, одинъ фактъ сливается съ другимъ, одно упоминаніе вызываетъ воспоминаніе о другомъ, Сымоцянь создаетъ странный методъ раздѣленія фактовъ, распредѣленія ихъ не въ скученномъ видѣ, не въ одномъ обозрѣніи,—отводитъ имъ мѣсто по рангу того лица, которое въ нихъ участвовало, такъ что полное понятіе о цѣломъ фактѣ можно составить только, выбравши сказанное о немъ въ различныхъ отдѣлахъ. Правда, это уже не лѣтопись «Чунь-цю»: Сымоцянь, боясь уподобиться конфуціанцамъ, назвавшимъ древнюю исторію «Шуцзиномъ», назвалъ свою книгу даже не Шу, а «Шицзи», но до грамматическаго изложенія онъ не дошелъ, безъ сомнѣнія, благодаря все-таки вліянію отрывочнаго расположенія «Чунь-цю». «Вообще, метода китайскихъ историковъ кажется намъ странной, говоритъ про-

фессоръ Васильевъ, ее трудно и передавать по той системѣ, къ которой мы привыкли; вѣдь, только китайцамъ, не занимающимся ни изученіемъ иностранныхъ языковъ, ни какихъ-либо наукъ, возможно вызубрить съ комментаріями такую лѣтопись, какъ «Чунь-цю», изъ которой задаютъ темы и на экзаменахъ. Дальнѣйшая исторія не составляетъ предмета изученія; главное ея назначеніе,—какъ бы быть справочной книгой, въ родѣ адресъ-календаря. Но и то надобно замѣтить, что хорошее, т.-е. полное знаніе китайской исторіи (какъ и географіи) почти невозможно и для не забивающаго свою память множествомъ научныхъ предметовъ китайца». «Въ китайскую исторію вписано множество фактовъ, замѣчаетъ г. Васильевъ; въ теченіе 2500 лѣтъ ведется въ Китаѣ самая подробная исторія (разумѣется, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше фактовъ)—извольте изучить хронологію, означаемую эрами, измѣнявшимися въ древности по нѣскольку разъ въ одно царствованіе, запомните и собственныя имена государей, и года ихъ правленія, и посмертныя имена (въ храмѣ предковъ особо, и передъ лицомъ исторіи тоже особо), а дѣло и этимъ не оканчивается. Обращаемся къ содержанію Шицзи. На первомъ мѣстѣ въ ней помѣщены біографіи императоровъ, затѣмъ слѣдуютъ генеалогическія и хронологическія таблицы, далѣе начинаются отдѣлы, обозрѣвающіе церемоніи, музыку, мѣры, вращеніе годовыхъ временъ, звѣзды, жертвоприношенія, водныя работы, подати и деньги, — восемь обозрѣній. Затѣмъ идутъ исторіи знаменитыхъ княжескихъ домовъ, къ которымъ причислены и знаменитыя лица (Конфуцій и другія); біографіи замѣчательныхъ людей; отличившихся на службѣ вельможъ и чиновниковъ, философовъ, воиновъ; тутъ же помѣщены и свѣдѣнія объ иностранныхъ государствахъ и народахъ. Подозрѣваютъ, что Сымоцянь бралъ взятки съ потомковъ знаменитыхъ домовъ, чтобы не очернить ихъ предковъ, а выставить въ особомъ свѣтѣ, помѣстить въ особомъ мѣстѣ историческаго отдѣла. Послѣ Сымоцяня оффиціальную исторію писалъ Бань-гу,—главнымъ образомъ, по той же методѣ, соединивъ въ одно нѣкоторыя обозрѣнія и введя новые уголовные законы, географію, науки и художества. Эти двѣ исторіи послужили образцомъ для всѣхъ, такъ называемыхъ, оффиціальныхъ исторій; онѣ составляются со времени Бань-гу всегда только по прекращеніи существованія династіи, на основаніи ея оффиціальныхъ документовъ, приготовляемыхъ при каждомъ царствованіи особыми исторіографами или историческими комитетами. Всѣхъ династій, имѣющихъ оффиціальную исторію, не считая Шицзи и Сымоцяня, охватывающихъ двухтысячелѣтній періодъ, считается 19. Въ полное собраніе оффиціальныхъ исторій входятъ 24 отдѣльныхъ сочиненія, которыя составляютъ 100 томовъ большого формата, не менѣе 800 книжекъ. Но еще больше, чѣмъ оффиціальныхъ, существуетъ частныхъ исторій, обнимающихъ или цѣлую династію или одно царствованіе, одну эпоху, разсказан-

ныхъ или записанныхъ при существованіи династіи». Само китайское правительство заботится о сохраненіи въ памяти народа своей славы. Представители современной китайской династіи издали съ этой цѣлью біографіи своихъ знаменитыхъ вельможъ, вассальныхъ монгольскихъ и турецкихъ князей, исторію покоренія Монголіи, Цзюнгаріи, усмиренія инородцевъ и бунтовщиковъ. Другія свѣдѣнія объ этой династіи можно получить изъ ея законовъ, географическихъ изданій, указовъ и трехъ энциклопедій. Частныя лица также не боятся писать и издавать. Главнымъ основаніемъ для составленія трехъ энциклопедій послужили нѣкоторыя оффиціальныя исторіи. Первой энциклопедіей по времени является «Тунъ-дянь» (правительственная), сочиненіе Ду-ю, жившаго при Танской династіи. Это исторія различныхъ постановленій относительно податей, производства въ чины, названія ихъ, обрядовъ, музыки, войскъ и уголовныхъ законовъ. Тунъ-дянь проводитъ нить происшествій до 742 года, иногда и далѣе. Въ ней показаны по каждому предмету всѣ перемѣны и нововведенія— на какомъ основаніи и по чьему докладу. Ду-ю приводитъ при этомъ и свои взгляды, и сужденія другихъ. Онъ пользовался не одними только оффиціальными исторіями или толкованіями классическихъ книгъ, но имѣлъ подъ рукою сочиненія писателей, жившихъ до него со временъ Ханьской династіи; многія изъ нихъ теперь потеряны, такъ что Тунъ-дянь остался и свидѣтелемъ древняго образованія, и источникомъ для позднѣйшихъ писателей. Всякій сюжетъ излагается у него по порядку времени, отчетливо, безъ утомительнаго излишества, въ такой соразмѣрности, до которой не достигаютъ авторы двухъ слѣдующихъ энциклопедій, несмотря на то, что они взяли за образецъ Тунъ-дянь Ду-ю. Историческая энциклопедія Чжэнъ-цяо—«Тунъ-чжи» задалась размѣрами, превосходящими и оффиціальныя исторіи: въ ней есть біографіи даже лицъ, отличившихся почтительностью къ родителямъ и дружбой, біографіи скрывшихся отъ міра придворныхъ любимцевъ, знаменитыхъ женщинъ, лѣкарей, гадателей, извѣстія объ иностранныхъ домахъ всѣхъ 4 хъ странъ свѣта. Авторъ придаетъ главное значеніе обозрѣніямъ и ввелъ ихъ 20: фамиліи, шесть категорій іероглифовъ, семь тоновъ въ приложеніи къ произношенію, астрономія, географія, столица и разстояніе ея отъ иностранныхъ владѣній, обряды, посмертные титулы, сосуды и одѣянія, музыка, при чемъ приложены пѣсни или оды на разные случаи; чины (какія когда были названія чиновъ, къ которымъ классамъ они принадлежали, чѣмъ завѣдывали и проч.), уголовные законы, финансы; при нихъ говорится о пашенныхъ учрежденіяхъ, податяхъ, числѣ душъ, наборахъ, монетѣ, перевозкѣ товаровъ, таможняхъ, векселяхъ и проч.; литература (перечень всѣхъ извѣстныхъ сочиненій, которыя раздѣлены на отдѣлы), классическія книги, обряды, музыка, педагогика, исторія съ географіей, философія, астрономія и т. д., критика, карты и рисунки

(каталогъ имѣвшихся и затерянныхъ книгъ), надписи и памятники, счастливыя и пагубныя предзнаменованія; царства растительное и животное (травы, овощи, хлѣба, деревья, насѣкомыя, рыбы, птицы, звѣри...). Въ этихъ обозрѣніяхъ Чжэнь-цяо щеголяетъ введеніями, разсужденіями, приводитъ мнѣнія другихъ писателей. Конечно, нѣкоторыя обозрѣнія представляютъ сухую номенклатуру; но, во всякомъ случаѣ, его сочиненіе—огромный и важный сборникъ: это—выставка почти всего, что произвела китайская нація. Изъ такихъ энциклопедій въ Европѣ всего болѣе извѣстно сочиненіе «Ма-дуань-лин'я», жившаго при Юаньской династіи. Подъ словомъ вэнь (письмена), какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, надобно разумѣть выписки изъ классическихъ книгъ и исторій, а подъ сянь (представлять)— присоединеніе къ нимъ докладовъ и поясненій государственныхъ мужей и разсужденій ученыхъ, жившихъ со временъ Танской династіи.— Это сочиненіе приняло для себя главнымъ руководствомъ Тунъ-дянь Дую, обогативъ и добавивъ его ссылками изъ другихъ писателей, такъ что оно проливаетъ яркій свѣтъ на каждый вопросъ и возбуждаетъ интересъ. Изъ 24 обозрѣній, 14 разработаны и въ Тунъ-дянѣ, какъ части его главныхъ отдѣловъ; только пять обозрѣній: литература, перечень императоровъ, возведеніе въ санъ, астрологія и чудеса, или странныя явленія, составляютъ прибавку, хотя и они, только не въ такомъ большомъ объемѣ, затронуты у Чжэнь-цяо. Невозможно, чтобы при подобномъ огромномъ трудѣ не было промаховъ, и китайцы указываютъ на нихъ; но это сочиненіе отличается богатствомъ матерьяловъ, обиліемъ вопросовъ, ясно обозначенныхъ на пространствѣ длиннаго періода времени. При Минской династіи было составлено продолженіе этого труда ученымъ Ванъ-син-емъ, но нынѣшняя династія учредила ученый комитетъ, который въ 1767 году составилъ продолженіе всѣхъ трехъ энциклопедій до конца Минской династіи, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно времени, но не такъ учёно и отчетливо, какъ труды первыхъ писателей, и издалъ три энциклопедіи настоящей династіи. Эти девять сочиненій по объему превосходятъ оффиціальныя исторіи (124 тома 872 книжки). Существованіе энциклопедій, подобныхъ китайскимъ, указываетъ на первобытное состояніе у народа науки, когда она еще не дифференцировалась изъ другихъ областей знанія. Для изученія исторіи служитъ въ Китаѣ четырехъ-тысячелѣтняя лѣтопись «Тунъ-цзянь-ганъ-му». Другими исторіями занимаются только болѣе крупные ученые, роющіеся въ архивахъ, распланированныхъ по масштабу исторій. «Руководствуясь этимъ «Тунъ-цзянь-ганъ-му», французъ Малья (Mailla) написалъ свою 12-ти-томную Histoire de la Chine, которая, говоритъ г. Васильевъ, почти недоступна для желающихъ узнать исторію Китая. Главный недостатокъ этой фундаментальной книги при изученіи исторіи Китая состоитъ въ томъ, что она появи-

лась прежде всякаго краткаго и существеннаго изложенія. Читателя вдругъ знакомятъ съ лѣтописью, поясняемою ненужными мелочами, больше всего протестами и опроверженіями по спеціальнымъ вопросамъ, имѣющимъ интересъ только для китайцевъ, погружаютъ въ омутъ интригъ, разглагольствованій, да и то вразбросъ. Для всей древней исторіи до ханьскихъ временъ въ Китаѣ существуетъ въ систематическомъ изложеніи сводная исторія—«И-ши», составленная Масу, жившимъ въ началѣ царствованія настоящей династіи. Здѣсь при каждомъ лицѣ, при каждомъ фактѣ подобрано все, что только можно было найти въ исторіи, классическихъ книгахъ, у философовъ, у фабулистовъ. Разумѣется, возвыситься до правильной оцѣнки источниковъ китайскій авторъ не могъ. Вообще, можно сказать, что китайскіе ученые—великіе компиляторы, опытные въ подбираніи фактовъ; но они, представивъ богатый матеріалъ, никогда не приступаютъ къ выводамъ, не произносятъ приговора, и отъ набора фактовъ и цитатъ безъ всякой критики и связи часто является необъяснимая путаница. Изъ «Тунъ-цзянь-ганъ-му» сдѣлано много сокращеній, между ними особенно замѣчательно «Тунъ-цзянь-цзи-лань», составленное въ прошломъ столѣтіи по повелѣнію Цзянь-луна, который приказалъ исправить хронологическія ошибки, вкравшіяся въ Тунъ-цзянь-ганъ-му, смягчить строгіе приговоры, произнесенные китайскимъ тщеславіемъ, выпустить минскія поясненія, опредѣлить, гдѣ находятся и какъ называются нынѣ древнія географическія мѣстности; тутъ вошла и минская исторія; оба послѣдніе пункта чрезвычайно важны и полезны. Въ особыхъ надписяхъ сверху дѣлаются интересныя замѣчанія: напримѣръ, говорится, что народъ Гуликань, явившійся изъ Сибири съ данью къ танскому двору, говорилъ, что у нихъ не успѣваютъ послѣ заката солнца сварить бараньей лопатки, какъ оно опять восходитъ;—императоръ старается доказать астрономически, что этого быть не можетъ!—У китайцевъ есть пособія для исторіи въ видѣ хронологіи и географіи. Начало китайской географіи относится къ временамъ составленія Шуц-зина; въ немъ глава «Юй-гунь» до сихъ поръ еще служитъ предметомъ ученыхъ толкованій, и, конечно, обработка ея положила основаніе развитію въ китайцахъ охоты разрабатывать этотъ предметъ. Глава «Юй-гунь», несмотря на свою краткость, содержитъ въ себѣ зародышъ статистическихъ, этнографическихъ и даже технологическихъ свѣдѣній. Однакожъ, собственно географія долгое время не была отдѣляема отъ исторіи и составляла какъ бы только особую главу въ династическихъ исторіяхъ, которыя никогда не упускаютъ изъ вида показать географическое дѣленіе и всѣ перемѣны, при извѣстной династіи въ немъ происходившія. Но отдѣльныя общія географическія сочиненія начались только со временъ Танской династіи. Въ это время Ли-цзи-му составилъ «Юань-хо-цзюнь-сянь-чжи» (40 томовъ), или описаніе провинцій и ихъ городовъ, въ годы правленія

Юань-хо (806 — 820). Затѣмъ является географія времени Сунской династіи, составленная Е-ши подъ именемъ «Тай-пинь-хуань-юй-цзи» (193 тома). Е-ши положилъ основаніе новаго рода географическимъ сочиненіямъ, въ которыя ввелъ упоминаніе о знаменитыхъ лицахъ, древностяхъ и даже стихахъ, относящихся къ извѣстной мѣстности. Наука понесла величайшую потерю въ утратѣ географіи Юаньской династіи: эта географія имѣла до 1000 цзюаней. Ученый комитетъ при нынѣшней династіи видѣлъ ея отрывки въ Юнь-ло-до-дянь, но по его отзывамъ, по нимъ никакъ нельзя было надѣяться возстановить, хоть приблизительно, это древнее сочиненіе; отъ него остались въ цѣлости всего только два цзюаня. Эта географія первая ввела въ китайскій языкъ слово «И-тунъ-чжи» для названія подобнаго рода сочиненій, обнимающихъ въ цѣломъ всю китайскую имперію и составляемыхъ по порученію правительства. Географіи нынѣшней династіи было нѣсколько редакцій. Въ 1848 году «Пекинская газета» извѣщала о составленіи новой географіи въ 550 цзюаней, но и теперь еще неизвѣстно, вышла ли она изъ печати. До сихъ поръ имѣется только географія, составленная при Цянь-лунѣ въ 1764 году съ дополненіемъ въ 500 цзиновъ. Дай-цинъ и Тунъ-чжи расположены слѣдующимъ образомъ: берется отдѣльно каждая провинція; сперва приложена ея карта и таблица древнихъ названій, далѣе слѣдуетъ астрономическое положеніе въ отношеніи къ созвѣздіямъ, измѣненіе въ древнихъ названіяхъ и раздѣленіи, опредѣленіе границъ, разборъ мѣстности, чины, народонаселеніе, подати, знаменитыя лица (сановники). Затѣмъ при каждомъ отдѣльномъ департаментѣ или области снова слѣдуетъ карта (бяо) зависящихъ уѣздовъ; далѣе опять описаніе географическихъ измѣненій, астрономическія положенія, границы, разборъ значенія мѣстностей (синъ-ти), описаніе нравовъ жителей, городскихъ стѣнъ, училищъ, народонаселенія, податей, горъ и рѣкъ, древностей, проходовъ и тѣснинъ, переправъ и мостовъ, плотинъ, кладбищъ, кумиренъ, знаменитыхъ чиновниковъ, замѣчательныхъ личностей, честныхъ женщинъ, буддистовъ и даосовъ, произведеній,—словомъ, это та же энциклопедія. Послѣ описанія внутреннихъ китайскихъ провинцій, слѣдуютъ дополненія—описаніе вассальныхъ земель (Монголіи, Цзюнгаріи и Тибета), платящихъ дань. Составленіе географическихъ описаній для отдѣльныхъ провинцій началось только при Сунской династіи и теперь такъ расплодилось, что и отдѣльные уѣзды имѣютъ свои описанія. «Топографическія съемки составляютъ апогей географической науки на западѣ, говоритъ профессоръ Васильевъ; китайцы, конечно, не могутъ похвалиться такими точными знаніями— но вотъ передъ нами «Цзи-фу и Цанъ-ту»—атласъ запасныхъ магазиновъ Чжилійской провинціи; въ немъ помѣщена каждая незначительная деревушка, названа самая незначительная гора. Передъ нашими глазами 39,687 большихъ и малыхъ деревень. Это, несомнѣнно, сви-

дѣтельствуетъ, что китайцы сознаютъ всю пользу точныхъ наукъ, не только проявляютъ къ нимъ влеченіе, но и стараются по возможности осуществить его сообразно съ своими средствами. Появленіе такого атласа еще въ 1753 году для пространства, равняющагося почти цѣлому европейскому государству, конечно, можетъ отклонить отъ китайцевъ упрекъ, что они мало сдѣлали для изученія своей страны. Къ сожалѣнію, нельзя сказать утвердительно, одна ли только провинція Чжили положена такъ отчетливо на карту, или и всѣ другія провинціи имѣютъ равнымъ образомъ свои атласы, намъ неизвѣстные. Но у насъ есть нѣчто въ родѣ подобнаго же атласа для горныхъ мѣстностей на границахъ и провинцій Шэнь-си, Си-чуань, и Ху-бэй (Сань-шэнъ-шань нэй-фынъ-ту-цза-ти) и для такихъ же горъ на границахъ провинцій Ху-нань и Гуй-чжоу (Мяо-фанъ-бей-лань). Оба сочинены Янь-бинъ-вэн'емъ въ 1800 году. Въ нихъ положены на карту такія мѣста, которыя заняты горными народами, не всегда и не вполнѣ признающими власть китайскаго правительства. Другія сочиненія, болѣе спеціальныя, почти оставляютъ въ сторонѣ людей и ихъ жилища и посвящены исключительно горамъ и рѣкамъ». «Китайцы очень хорошо понимаютъ связь исторіи съ географіей, продолжаетъ г. Васильевъ: передъ нами 12 томовъ (78 тетр., 130 главъ) Ду-ти-фанъ-юй-цзи-яо, составленнаго при Минской династіи; въ такомъ же родѣ географія находится въ сочетаніи съ стратегіей: Цзюнь-го-ли-бинь. Все это въ своемъ родѣ образцовыя сочиненія, какихъ мы желали бы и для своего отечества.—Извѣстно, какъ часто перемѣняются у китайцевъ географическія мѣстности; на пространствѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій одна номенклатура должна представлять огромный перечень названій—и вотъ является въ 1837 году «Ли-дай-ди-мо-чжю-юнь-бянь». Это—неоцѣнимое пособіе для науки; до его появленія на каждомъ шагу можно было опасаться, что встрѣтишь мѣстность, для отысканія которой придется прорыться нѣсколько дней въ книгахъ. — Путешествія не представляютъ въ глазахъ китайцевъ ученаго достоинства, особенно если они направлены къ тому, чтобы высказать только собственныя впечатлѣнія, мелочныя событія, встрѣчающіяся съ путешественникомъ. Другого рода дѣло, если онъ передаетъ свои впечатлѣнія стихами, если онъ обращается къ историческимъ воспоминаніямъ тѣхъ странъ, которыя посѣщаетъ, описываетъ древности, зданія, передаетъ легенды. До насъ дошло нѣсколько путешествій еще со временъ династіи Сунь; болѣе подробное, обнимающее почти весь Китай, принадлежитъ минскому путешественнику Сюй-кунь-зцу, который издалъ свое описаніе подъ именемъ Сюй-ся-ке-ю-цзи. Попадаются и теперь записки разныхъ путешественниковъ; вѣроятно, этотъ родъ описаній весьма многочисленъ, только ихъ трудно собрать. Сюда же должно отнести и великолѣпныя изданія путешествій императоровъ нынѣшней династіи. Китайцы не могутъ похвалиться отчетли-

вымъ изученіемъ смежныхъ съ ними странъ; однакожъ, пока, какъ для древнихъ, такъ и для новыхъ временъ, только ихъ записи и странствованія могутъ разъяснить исторію и географію всей восточной Азіи. Если мы знаемъ Манчжурію, Монголію, Тибетъ и западныя окраины Азіи, то обязаны этимъ не малочисленнымъ европейскимъ путешественникамъ, а китайскимъ географіямъ. Кромѣ упомянутыхъ уже китайскихъ географій, огромная географія Манчжуріи Чанъ-дефурскаго департамента, Си-юй-шуй-дю-цзи составляетъ также документъ, поясняющій центральную Азію; къ этому надо прибавить извѣстное путешествіе о. Іакинфа въ Тибетъ, множество мелкихъ описаній западнаго края. (Въ настоящее время еще прибавилось «Путешествіе въ Тибетъ» Пржевальскаго). Не забудемъ и записокъ Сюнь-цзюня, знаменитаго министра, который былъ въ Монголіи, Цзюнгаріи и Тибетѣ и тоже оставилъ свои описанія этихъ странъ. Есть также не мало новѣйшихъ описаній южныхъ острововъ и Индіи. Европейскіе миссіонеры познакомили китайцевъ съ географіей Европы; въ новѣйшее время, послѣ войны съ англичанами, китайскіе туземные писатели пустились переводить европейскія географіи и дѣлать даже къ нимъ примѣчанія». Между древними путешествіями замѣчательны принадлежащіе буддійскимъ монахамъ, въ нихъ сохранились ничѣмъ незамѣнимыя драгоцѣнныя свѣдѣнія объ Индіи и о странахъ, лежащихъ на пути къ ней черезъ Туркестанъ и Кабулъ. Таковы: «Фо-го-цзи» и «Да-танъ-си-юй-цзи». Первое написано Фасянемъ, жившимъ въ 5-мъ вѣкѣ, второе—знаменитымъ Сюанъ-цзаномъ. Европа уже вполнѣ оцѣнила значеніе этихъ двухъ книгъ. Путешественники Сунской династіи старались записывать свои путешествія при всякомъ случаѣ; отъ нихъ осталось самое подробное описаніе Кореи (Сюань-хо-фынь-ши-го-ли. Ту-цзинъ 40 цзюаней въ сборникѣ Чжи-бу-цзу-чжой), они же описывали каждый сдѣланный ими шагъ, во владѣніяхъ Киданей, Чжурчженей и монголовъ. Китайцы любятъ составлять замѣтки о своихъ путешествіяхъ: это видно изъ описанія въ одинахъ Лондона и путешествія Тулитеня въ Россію. Конфуціанцы, какъ извѣстно, очень много и долго занимались разработкой вопроса о законодательствѣ. Онъ проводился безпрестанно и въ религіозныхъ, и въ историческихъ сочиненіяхъ. Первая историческая книга Шу-цзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и книга правленія, и въ то же время первая изъ конфуціанскихъ религіозныхъ книгъ. Извѣстно, что конфуціанство съ самаго начала стремилось принять участіе въ управленіи, дать ему законы. Конфуцій осуждаетъ въ Лунь-юй'ѣ Гуань-чжуй'я, возвысившаго царство Ци, но самъ хочетъ дать болѣе прочныя предписанія для достиженія возвышенія. Манъ-цзы хвалиться не разъ, что устройство правленія представляется ему, какъ на ладони. Не говоря уже о такомъ сочиненіи, какъ Чжоули, гдѣ показанъ весь составъ государственныхъ чиновъ и опредѣлены ихъ должности, весь сюжетъ Ли-цзи держится также

на правленіи. Церемоніи—гражданская религія,—это слово проникаетъ въ мозгъ и кости царей и правителей; одна изъ главъ Лиц-зи Да-сё (великое ученіе) – первая изъ книгъ, которая дается въ руки начинающимъ учиться, въ ней съ начала до конца поддерживается ученіе о правленіи, о качествахъ, требуемыхъ отъ государя и чиновника, не забыты даже и финансовые вопросы. Въ оффиціальныхъ или династическихъ исторіяхъ цѣлый рядъ главъ касается учрежденій извѣстной эпохи: не только церемоніи, чины, но и уголовные законы, водныя работы, подати и проч., нашли здѣсь себѣ мѣсто. Подъ именемъ литературы законодательства въ Китаѣ существуетъ не сухой перечень уложеній и указовъ, а появляются трактаты, въ которыхъ обсуждаются законы, вникается въ ихъ идею, объясняются причины происхожденія той или другой статьи, приводятся мнѣнія различныхъ писателей о томъ или другомъ узаконеніи. Такого рода сочиненія возникли въ Срединномъ царствѣ съ давняго времени. Не одни конфуціанцы, но и не принадлежавшіе къ ихъ школѣ философы не только понимали великое значеніе законодательства, но и полагали, что оно-то именно и должно составлять главный предметъ образованія. Первымъ трактатомъ о законодательствѣ считается Гуань-цзы, сочиненіе, будто бы, Гуань-чжуна—министра, возвысившаго въ свое время удѣлъ Ци; но это сочиненіе признается подложнымъ; затѣмъ имѣется сочиненіе Хань-фэй-цзы, написавшаго, будто бы, такой трактатъ, объясняющій ошибки и достоинства управленія, что Циньскій князь, увидавъ его и боясь, чтобъ удѣлъ Хань не воспользовался бы этимъ государственнымъ мужемъ напалъ на него и потребовалъ выдачи автора трактата; когда тотъ попался въ руки Циньскаго князя, то былъ оклеветанъ однимъ изъ придворныхъ, боявшимся его вліянія, и посаженъ въ тюрьму, гдѣ самъ лишилъ себя жизни. Дэнь-синь-цзы, родомъ изъ удѣла Чжэнь, первый выдумалъ наказаніе бамбукомъ; идеи его совершенно противоположны конфуціанскимъ. Онъ съ первой строки говоритъ, что небо не можетъ почитаться милостивымъ, потому что даже вредныя заразы истребляютъ родъ человѣческій; что государь, казнящій преступника, который по бѣдности ограбилъ кого-либо, не можетъ назваться великодушнымъ; онъ отвергалъ даже возможность истинной любви въ родителяхъ и братьяхъ. Славѣ и силѣ Циньскаго царства много способствовалъ Шань-янь; подъ его именемъ издано также юридическое сочиненіе. Но первое мѣсто въ трактатахъ о законодательствѣ принадлежитъ, конечно, великому произведенію Ду-ю: «Тунь-дянь» и его продолженіямъ, о которыхъ упоминалось выше; китайцы находятъ, что невозможно изложеніе болѣе ясное, сжатое и въ то же время полное. Не такъ обширны, какъ Тунъ-дянь Ду-ю, но столь же замѣчательны по своему отчетливому и ясному изложенію сочиненія, называемыя Хой-яо, которымъ положилъ основаніе Вэнь-бо, составившій Тан-хой-яо (100 главъ): тутъ обозрѣваются обряды,

музыка, платья, училища, лѣтосчисленіе, астрономическія перемѣны, знаменія, чины, выборъ въ нихъ, управленіе народомъ, финансы, войско, уголовные законы, мѣстности и вассалы; это сводъ разбросанныхъ въ исторіи свѣдѣній. Еще большей подробностью, какъ сказано выше, отличается сочиненіе Мадуань-линь'я Вэнь-сянь-тунъ-као (348 главъ): сюда вошло много статей, которыхъ не коснулся еще Ду-ю, и дано большее развитіе статьямъ, уже разобраннымъ Ду-ю. Но эти сочиненія при тѣсной связи между всѣми частями китайской письменности больше относятся къ исторіи. Подъ именемъ законодательства въ тѣсномъ смыслѣ можно разсматривать только сочиненія, относящіяся къ уложеніямъ или законамъ, дѣйствующимъ въ извѣстное время, не обращая вниманія на то, какія идеи служили ихъ основаніемъ. Такого рода сочиненія, какъ и по географіи, въ Китаѣ есть общія и частныя. Во главѣ между первыми стоитъ Танъ-людянь (шесть танскихъ уложеній). За нимъ слѣдуютъ уложенія Юаньской династіи, Юань-дянь-чжонъ. Въ настоящее время сводъ всѣхъ уложеній, дѣйствующихъ въ имперіи, обыкновенно называется Хой-дянь. Это названіе удержалось со времени Минской династіи, когда въ 15-мъ году ея царствованія (1488—1505) Хунь-чжи сводъ былъ составленъ ученымъ комитетомъ, на основаніи 12 сочиненій, большею частью принадлежавшихъ временамъ Хунь-ву; даже нынѣшняя династія, которая во всемъ соперничаетъ съ Минской, отдала должную похвалу этому сочиненію; оно обнимало 180 главъ, изъ которыхъ первая посвящена княжескому приказу Цзунь-жэнь-фу; слѣдующія 162 главы посвящены министерствамъ, всѣ остальныя гражданскимъ и военнымъ чинамъ. Нынѣшняя династія не разъ предпринимала редакцію своего Хой-дянь'я. Послѣдняя изъ нихъ составляла при Цзя-цинѣ (1796—1820) Хой-дянь времени Цянь-луна—онъ обнимаетъ сто главъ. Этотъ сводъ обозрѣваетъ учрежденія, касающіяся не однихъ только министерствъ, но и прочихъ присутственныхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ одно время съ этимъ Хой-дян'емъ изданъ еще Хой-дянь Цзэ-ли (180 гл.), гдѣ обозрѣвается въ историческомъ порядкѣ весь ходъ законодательства при нынѣшней династіи, какіе когда издавались указы и по какому случаю. Это нѣчто въ родѣ нашего полнаго собранія законовъ. «Можно сказать, говоритъ профессоръ Васильевъ, что китайская литература по части законодательства превосходитъ своимъ объемомъ литературы всѣхъ народовъ, хотя, вѣроятно, не всѣ частныя изданія дошли до насъ». Китайцы обрабатываютъ даже и теперь узаконенія древнихъ династій. Третью часть уложеній настоящей династіи составляютъ карты или рисунки, служащіе объясненіемъ къ Хой-дянь'ю. Независимо отъ свода всѣхъ уложеній, нынѣшняя династія приняла за правило издавать по смерти каждаго государя отдѣльно собраніе всѣхъ указовъ, послѣдовавшихъ во время его царствованія, такъ что теперь имѣется въ Китаѣ собраніе указовъ, начиная отъ маньчжурскаго Тай-цзу-Нур-

ханзи до Тунъ-чжи (по 1875 г.) включительно. Указы эти одновременно издаются на китайскомъ и на маньчжурскомъ языкахъ. Въ нихъ не соблюдается, однакожъ, порядокъ появленія, — они расположены систематически. Это-то и составляетъ ихъ отличіе отъ «Пекинской газеты» — Цзинь-бао, чисто правительственной, въ газетѣ этой не встрѣчается вовсе частныхъ извѣстій, она выходитъ ежедневно и разносится. Полный составъ «Пекинской газеты» слѣдующій: замѣтки о томъ, кто представлялся ко двору, какое присутственное мѣсто докладывало, иногда — какое платье было на императорѣ; высочайшіе указы, въ которыхъ находятся то распоряженіе правительства, то простыя перемѣщенія и производства чиновниковъ, которыя всегда происходятъ вслѣдствіе богдыханскаго приказанія; доклады министерствъ, цензоровъ, вице-королей, губернаторовъ и проч. лицъ. Впрочемъ, пекинскій правительственный органъ не можетъ сообщать всѣхъ указовъ и докладовъ, такъ какъ объемъ его ограниченный. Эти указы императоровъ служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и замѣной исторіи современной династіи. Въ нихъ обнаруживается вся гражданская и политическая жизнь Китая. Императорскіе указы носятъ въ Китаѣ, большею частію, названія священныхъ постановленій или поученій (тэнь-сюнь). Императоръ является здѣсь не только повелителемъ, а какъ бы отцомъ и учителемъ народа. Чиновники въ своихъ докладахъ испрашиваютъ также не приказаній, а инструкцій или наставленій. Нерѣдко встрѣчаются спеціальныя наставленія императора къ народу. Въ настоящее время въ большомъ ходу поученія императора Кань-хи, которыя обращены къ народу и войску, они проповѣдуютъ воздержаніе, любовь къ родственникамъ, удаленіе отъ тяжебъ и тому подобное. Это, конечно, не указы, если принимать въ смыслѣ послѣднихъ только предписанія, относящіяся къ лицу, мѣсту или случаю, но оцѣнка и смыслъ ихъ въ глазахъ китайцевъ одни и тѣ же, — такъ тѣсно связано въ Китаѣ законодательство съ моралью. Это и проповѣди, и ораторскія рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ высшія произведенія слога. Они пишутся самымъ отборнымъ слогомъ, — это вэнь-чжанъ, или хрія, т. е. такого рода сочиненіе, выше котораго въ глазахъ китайца не можетъ быть ничего. Надъ обработкой слога богдыханскихъ наставленій трудятся первоклассные ученые; конечно, мысли тоже не всегда принадлежатъ тому, кому онѣ приписаны, — мало того: говорятъ, что и самый императорскій почеркъ принадлежитъ кисти лучшихъ каллиграфовъ. Богдыханы стараются щеголять своими сочиненіями въ прозѣ и стихахъ, они читаютъ лекціи въ Би-юнъ'ѣ, залѣ Конфуціева храма, воздвигаютъ монументы въ прославленіе великихъ событій своего царствованія или доблестей знатнаго вельможи, все это — указъ или наставленіе въ обширномъ смыслѣ. — Обратную сторону богдыханскимъ указамъ составляютъ доклады чиновниковъ. Эти доклады по слогу принадлежатъ къ литературѣ, и потому неудивительно, что по-

чти вся огромнѣйшая китайская хрестоматія—зерцало древней словесности—«Гу-вэнь-юань-цзянь»—составлена изъ такихъ докладовъ. По мыслямъ, въ нихъ заключающимся, это не болѣе какъ развитіе философскихъ идей конфуціанства, высказываемыхъ для правительственныхъ и законодательныхъ цѣлей. «Китайская исторія больше чѣмъ наполовину набита докладами или изустными мнѣніями и представленіями чиновниковъ: отъ этого простой переводъ ея показался бы очень безвкуснымъ европейскому читателю, говоритъ г. Васильевъ; но если глубже вникнуть въ духъ и бытъ китайской націи, то сколько жизни, борьбы идей открылось бы передъ нами въ этой исторіи,—такъ тѣсно связаны здѣсь всѣ отрасли литературы!» Есть два вида докладовъ по дѣламъ и вопросамъ правленія и законодательства: частный и общій, т. е. или собраніе докладовъ одного какого-нибудь лица, или собраніе докладовъ нѣсколькихъ лицъ. Въ первомъ родѣ доклады одного лица могутъ легко составить его біографію. Съ большими комментаріями, они, какъ и указы одного императора, могутъ служить почти выраженіемъ его эпохи, потому что чиновникъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, отъ должности къ должности, отъ одной мѣры къ другой, встрѣчается съ событіями всѣхъ видовъ, съ дѣлами всѣхъ родовъ,—и доклады его могутъ быть очень разнообразны. «Мало того, говоритъ профессоръ Васильевъ, если бы Китай не такъ строго придерживался своихъ общепринятыхъ воззрѣній, служащихъ ему мѣриломъ для критики, то доклады иного чиновника могли бы даже дать зародышъ новой школѣ: это—философъ своего рода, это последователь извѣстныхъ началъ, которыя не могутъ не быть до нѣкоторой степени своеобразными. Знаменитый конфуціанецъ Мэнъ-цзы былъ докладчикъ древнихъ царей; самъ Конфуцій можетъ быть названъ докладчикомъ націи!» Для потомства каждаго чиновника имѣютъ большое значеніе его доклады. Вотъ почему литература этого рода все болѣе и болѣе распложается. Конечно, знаменитыхъ докладовъ не упуститъ изъ виду и исторія, они принадлежатъ ей по праву вмѣстѣ съ біографіями самихъ сочинителей. «Такъ какъ для насъ еще не настало время подробнѣйшаго изученія Китая, продолжаетъ г. Васильевъ, то мы при всѣхъ, повидимому, глубокихъ изысканіяхъ касаемся только поверхности китайской жизни, и останавливаться надъ подобнаго рода сочиненіями было бы уже дѣломъ роскоши. Но насколько могутъ быть интересны подобнаго рода доклады—легко понять изъ собранія, напримѣръ, докладовъ На-вэнь-чжи, внука Агуева, жившаго въ первой четверти текущаго столѣтія. Онъ не былъ слишкомъ важнымъ сановникъ, одна слава дѣда скорѣе доставила ему средства сдѣлаться извѣстнымъ, но сколько интересныхъ свѣдѣній имѣемъ мы передъ глазами въ этомъ собраніи!»—Независимо отъ собранія частныхъ докладовъ, знаменитѣйшіе изъ нихъ собраны въ одно цѣлое въ различныхъ редакціяхъ. На первомъ планѣ, какъ уже сказано, должно

стоять «Гу-вянь-юань-цзань», въ которомъ собраны всѣ доклады временъ Сунской династіи. Въ одной изъ редакцій докладовъ знаменитыхъ чиновниковъ всѣхъ династій (350 томовъ) собрано все лучшее со времени Чжоуской до Юаньской династіи включительно. Изъ этихъ докладовъ ясно видны различныя правительственныя мѣры и ихъ недостатки, передъ вами открываются слова добродѣтельныхъ и негодяевъ. Для нынѣшней династіи нельзя еще требовать подобнаго сборника, однакожъ, частные доклады, какъ мы видѣли, обнародываются въ газетахъ, помѣщаются въ указахъ богдыхановъ и въ біографіяхъ самихъ чиновниковъ. Но кромѣ этого, имѣется сводъ всѣхъ лучшихъ докладовъ, сдѣланныхъ при настоящей династіи въ «Хуанъчао-цзинъ-ши-вэнь-бянь», гдѣ разбираются именно тѣ идеи, которыми руководится настоящая династія во всѣхъ многоразличныхъ вопросахъ гражданскаго управленія. «Говорятъ, что Китай—страна безжизненная, что въ ней нѣтъ никакого умственнаго броженія, что она ни переходитъ отъ прогресса къ прогрессу, отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію; но сличая нѣкоторыя однородныя сочиненія, нельзя не замѣтить въ нихъ дальнѣйшей разработки мысли, новаго въ ней развитія и направленія!» замѣчаетъ профессоръ Васильевъ. — Нельзя сказать о китайцахъ, чтобы они не заботились объ усовершенствованіи своего языка. Первымъ лексикономъ считаютъ въ Китаѣ подозрительный Эрлъ-я, который включенъ даже въ число классическихъ книгъ; но первымъ, по крайней мѣрѣ, по появленіи въ свѣтъ, всетаки былъ Шо-вэнь, ханьскаго Сюй-тэнь'я, который и теперь еще, несмотря на то, что число іероглифовъ разрослось, долженъ быть настольной книгой по своей отчетливости. Познакомившись съ санскритскимъ языкомъ, китайцы пробовали примѣнить по-своему буквенный алфавитъ, т.-е. стали располагать слова не по начальнымъ буквамъ, а по ихъ окончаніямъ, расположеннымъ сообразно удареніямъ. Этого требовало ихъ пристрастіе писать стихи, которые еще въ Шиц-зинѣ являются съ риѳмами, и такъ-какъ многіе іероглифы употребляются только въ книгахъ, то авторы стиховъ могли и не знать, къ какому ударенію они принадлежатъ, а нѣтъ ударенія— значитъ нѣтъ и риѳмы. Сверхъ того, стихотворецъ, роясь въ такомъ словарѣ, могъ и для будущаго стиха подобрать готовое слово. Еще болѣе сдѣлались необходимы риѳмическіе словари для пониманія и объясненія фразъ поэтовъ, всегда любящихъ высказывать намеками свои познанія въ исторіи, миѳологіи или легендахъ. Такимъ образомъ, и при нынѣшней династіи самый большой лексиконъ риѳмическій, это Пэй-вэнь-юнь-фу, 20 томовъ самой убористой печати! Между тѣмъ, еще при Минской династіи въ расположеніи лексикографіи обратились къ ключевой методѣ Сюй-шэн'я, сокративъ ее до 213 знаковъ, — самымъ лучшимъ лексикономъ считается нынѣ словарь, составленный ученымъ комитетомъ, тоже при Канъ-си. «Канъ-си-цзы-дянь» извѣ-

стенъ всякому синологу. «Китайскій языкъ труденъ, говоритъ г. Васильевъ, не столько потому, что употребляется іероглифическое (по-моему—комбинаціонное) письмо, котораго чтеніе и значеніе трудно запомнить, несмотря на огромное, доходящее до 40 тысячъ, количество іероглифовъ, собранныхъ въ лексиконахъ, въ употребленіи не обращается ихъ и 15 тысячъ, а то достаточно и 6000: но, главнымъ образомъ, трудно понимать книгу безъ изученія китайской литературы, безъ знанія классиковъ, исторіи, легендъ и т. п. — Вотъ почему китайцы составили энциклопедіи, въ которыхъ излагаютъ общія понятія, начиная небомъ и оканчивая землей; о каждомъ предметѣ и приводятъ лексическія фразы, къ нему относящіяся. Таковы огромныя энциклопедіи «Юань-цзянь-лэй-хань», «Пянь-цзы-лэй-бянь», изданныя тоже при нынѣшней династіи, но расширившія только кругъ прежнихъ. Итакъ, китайцы разбросали свои лексикографическія сообщенія по разнымъ книгамъ, и если плоха надежда на ихъ пониманіе филологическихъ требованій, то сколько работы предвидится для нашихъ будущихъ синологовъ, чтобы составить полный и точный лексиконъ! «Китайцы не принимаютъ всякаго разсказа на-слово, но глубокимъ изученіемъ и сличеніемъ умѣютъ отыскивать правду. Первыя критическія сочиненія начинаются, по крайней мѣрѣ, съ перваго вѣка нашей эры. — Извѣстно, что уже въ 51 году по Р. Х. императоръ Сюэнь-ди созывалъ ученыхъ въ залѣ Ши-жой-гэ; въ 79 году при Чжанъ-ди былъ устроенъ такой же съѣздъ во дворцѣ, на которомъ разсуждалось о противорѣчіяхъ въ классическихъ книгахъ, и знаменитый Бань-чу излагаетъ разсужденія съѣзда въ своемъ сочиненіи «Бо-ху-тунъ-юнь» (Разсужденія въ зданіи Бо-ху-гуань). Другой ученый (Инъ-тао) составилъ сочиненіе «Фынъ-су-тунь» — Зерцало нравовъ; вэйскій Лю-шао въ сочиненіи «Жень-у-чжи» — О людяхъ — разсуждаетъ о человѣческихъ способностяхъ; цзинскій Цуй-бао пишетъ «Гу-цзинь-чжу» — изслѣдованія о древнихъ и новыхъ предметахъ. «Эпоха Вань-ань-ши, говоритъ г. Васильевъ, вызвала множество новыхъ взглядовъ. Сочиненіе сунскаго Уцзяна (Мань-чу) наполнено изслѣдованіями о географіи, стихахъ, происшествіяхъ, музыкѣ, духахъ и проч. «Се-линь» — Лѣсъ учености (сочиненіе сунскаго Вань-чуань-ю) заключаетъ въ себѣ указанія различій въ іероглифахъ и въ ихъ смыслѣ, погрѣшности въ различныхъ объясненіяхъ и толкованіяхъ. Юань-вэнь, тоже сунскій ученый, разсуждаетъ о классическихъ книгахъ, исторіи, астрономіи, географіи, школьномъ обученіи (сяо-сё), стихахъ, письменахъ, живописи, платьѣ, кушаньѣ и сосудахъ, о буддизмѣ, даосизмѣ, фокусничествѣ, произведеніяхъ природы и чудесахъ. Такого рода разборы продолжаются и до новѣйшаго времени. «Китайцы любятъ собираніе и описываніе древнихъ предметовъ. Но трудно повѣрить, чтобы въ этомъ случаѣ они не подвергались мистификаціи: они вѣрятъ, что обладаютъ жертвенными вещами (вазами, треног-

никами и проч.) еще временъ Танской династіи, что уцѣлѣли значки и монеты въ формѣ ножей» (развѣ нефритовые каменнаго вѣка могли разнестись по свѣту прежде знакомства съ металлами) говоритъ г. Васильевъ). Описаніе древностей началось уже давно, болѣе знаменито «Богу-ту» временъ Сунской династіи. При настоящей династіи вышло роскошное изданіе снимковъ, находящихся во дворцѣ, въ кабинетѣ Си-цинъ, а потому оно и называется «Си-цинъ-чу-цзянь» — два огромныхъ фоліанта съ рисунками на каждой страницѣ самой лучшей китайской рѣзьбы. «Между изданіями съ рисунками, говоритъ г. Васильевъ, особенно замѣчателенъ «Ту-шу-цзи-чжо», огромнѣйшій сборникъ и изданіе богдыхана Канъ-си, богатѣйшее изъ 500 томовъ, по 10 книжекъ въ каждомъ, оно только недавно пріобрѣтено въ первый разъ для Лондонскаго музея. Мы видѣли одинъ отдѣлъ этого собранія: естественную исторію изъ 16 томовъ, въ которыхъ, что листъ — то изображеніе растенія. (Принадлежитъ нынѣ или академіи наукъ, или ботаническому саду). Это изданіе, кажется, въ первый разъ въ Китаѣ было напечатано металлическими (мѣрными) литерами, перелитыми послѣ Цянь-луномъ. «Китайцы чрезвычайно интересуются собраніемъ каллиграфическихъ прописей и древнихъ картинъ. Особенно они дорожатъ первыми. Въ одномъ только кабинетѣ (Пэй-вэнь-чжой) Канъ-си нашлось столько такихъ рѣдкостей, что онѣ доставили безъ рисунковъ матеріалу на шесть большихъ томовъ (48 книжекъ), это — «Шу-хуа-пу». Спеціальныя сочиненія посвящены также снимкамъ или описаніямъ надписей на камняхъ (большею частію, на могилахъ знаменитыхъ лицъ и въ храмахъ). . . . .

«Нація, развившая все отъ себя, замѣчаетъ г. Васильевъ, земля, въ которой поэтому практика естественно должна опережать теорію, конечно, не могла произвести той отчетливой науки, которая родилась на западѣ отъ изученія химическихъ и физическихъ законовъ, подъ вліяніемъ непрестаннаго соревнованія и духа изобрѣтательности; но нельзя отказать и китайцамъ въ доведеніи земледѣльческаго искусства до высшей степени практическаго совершенства, которое постоянно вызываетъ похвалы всѣхъ путешественниковъ. Можно сказать, что китайцы вполнѣ изучили всѣ подручныя средства, извлекли ими съ помощію благословеннаго климата, благодѣтельно отзывающагося и на почвѣ, всѣ силы земли; не надобно забывать при этомъ и образа жизни и потребностей страны, которые имѣютъ большое вліяніе на разнообразіе во взглядахъ. Поэтому, если китайскія сочиненія по части сельскаго хозяйства и не могутъ удовлетворить насъ своей ученой обработкой, при всемъ томъ они должны почитаться заслуживающими большого вниманія. Высокій авторитетъ этихъ сочиненій не подверженъ сомнѣнію уже по тому пріему, какой оказываютъ на западѣ всякому переводу китайскихъ трактатовъ. По всему видно, что китайцы здѣсь берутъ верхъ многолѣтней практикой; но кромѣ того,

многое приводитъ насъ къ заключенію, что они не чужды въ этой области многоразличныхъ опытовъ и попытокъ, свидѣтельствующихъ о своеобразномъ стремленіи ума къ творчеству. Впрочемъ, для того чтобы сказать болѣе по этой части, надо самому быть хорошимъ сельскимъ хозяиномъ, прибавляетъ г. Васильевъ, и потому намъ остается только ограничиться перечисленіемъ главнѣйшихъ сочиненій по части сельскаго хозяйства. — Начало этой литературы находится еще въ классическихъ книгахъ: глава Юе-линъ въ «Ли-цзи» содержитъ въ себѣ часть календарныхъ замѣтокъ, статья Као-чунь-цзы также толкуетъ о близкомъ къ земледѣлію ремесленномъ и прочемъ дѣлѣ; Ли-цзи усѣялъ свою книгу замѣчаніями о средствахъ къ народному продовольствію. Но мы не будемъ пускаться въ такую даль, говоритъ г. Васильевъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что особая литература по части земледѣлія существовала съ давняго времени. Но въ Китаѣ неудивительно, что такого рода сочиненія легко могли затеряться; на нихъ нужно смотрѣть, какъ на учебникъ, а всякій учебникъ исчезаетъ, какъ скоро появляется другой, болѣе удовлетворительный — или, лучше сказать, старый учебникъ не исчезаетъ, а только поглощается новымъ, который пользуется предшествовавшими руководствами. Какъ китайская практика не могла создаться или преобразиться вдругъ, но была постепеннымъ, послѣдовательнымъ развитіемъ, такъ точно и на записывающую ее литературу должно смотрѣть, какъ на постепенную отдѣлку предшествовавшихъ матеріаловъ. — Первая самая древняя книга по части земледѣлія, дошедшая до насъ, принадлежитъ временамъ поздней вэйской династіи (Хоу-вэй). Это «Цзи-минь-яо-шу» — главнѣйшія средства къ продовольствію народа, 12 цзюаней. Она заключается въ 92-хъ статьяхъ, относящихся къ земледѣлію, огородничеству, одѣянію и пищѣ... Китайцы отзываются о ней съ величайшей похвалой, говоря, что всѣ другія книги не могутъ быть выше ея. Изъ этого должно заключить, что сочинитель ея руководствовался предшествовавшими ему произведеніями. За этой книгой слѣдуетъ «Нунъ-шу» — книга земледѣлія, сочиненіе сунскаго Чэнь-фу; здѣсь въ одной главѣ трактуется о земледѣліи, въ другой о воспитаніи рогатаго скота, въ третьей о питаніи шелковичныхъ червей. Нѣсколько другихъ сочиненій могутъ считаться сокращеніемъ и передѣлкой этихъ. Сочиненіе «Нунъ-шу» обнимаетъ земледѣліе и шелководство, правила для различныхъ хлѣбныхъ растеній, изображеніе земледѣльческихъ инструментовъ. Оно вводитъ уже въ свое описаніе и стихи. «Цзю-хуанъ-бэнь-цао — естественная исторія, предохраняющая отъ голода, сочиненіе времени Минской династіи, указываетъ на растенія, которыя могутъ быть употреблены въ пищу въ голодное время (424 раст.). Въ томъ же родѣ есть и другое сочиненіе, въ которомъ хотя и показано меньшее количество растеній, зато говорятъ, что они были перепробованы самимъ авто-

ромъ. Во время же Минской династіи является описаніе западной системы орошенія «Тай-си-шуй-фа», сочиненіе европейца Сюй-сань-бо. Замѣчаніе китайскаго каталога, что изъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ въ Китаѣ европейцами, исключая математическихъ книгъ, ни одно не имѣетъ такого дѣйствительнаго приложенія, потому что въ немъ трактуется о снарядахъ, дѣйствующихъ съ удивителвной скоростью и искусствомъ;—одно это замѣчаніе, говоритъ г. Васильевъ, конечно, должно бы разсѣять наше предубѣжденіе противъ китайскаго отчужденія отъ всѣхъ, дѣйствительно, полезныхъ изобрѣтеній новѣйшаго времени, хотя бы они не были сдѣланы ими. Но главнѣйшими произведеніями по части земледѣлія должно считать два сочиненія, изъ которыхъ одно принадлежитъ минскому ученому Сюй-гуань-цзы, а другое ученому комитету нынѣшней династіи. Первое называется: «Земледѣльческое правленіе, «Нунъ-чжэнъ» (60 цз.), потому что кромѣ предметовъ, касающихся собственно земледѣлія, излагаетъ и узаконенія, сюда относящіяся. Содержаніе всей книги составляетъ: собственно земледѣліе, устройство пашень, земледѣльческія работы, система орошенія, земледѣльческіе снаряды, садоводство, шелководство, о сѣяніи и саженіи, о скотоводствѣ и тканьѣ, мѣры правительства во время голода (18 цз.). Сочиненіе нынѣшней династіи носитъ названіе «Шоу-ши-тунъ-као» (78 цз.) и, кромѣ богдыханскаго предисловія, содержитъ: календарныя замѣтки, о способностяхъ почвы, сортахъ хлѣбныхъ растеній, работахъ, увѣщанія къ занятіямъ, о запасахъ бережливости, о времени, остающемся за окончаніемъ земледѣлія и шелководства. Во всѣхъ сочиненіяхъ по сельскому хозяйству китайцы наравнѣ съ земледѣліемъ ставятъ шелководство, оно имѣетъ въ Китаѣ большое значеніе. Но въ новое время чай пріобрѣлъ перевѣсъ даже надъ шелкомъ. Первая, дошедшая до насъ книга о чаѣ, написана еще при Танской династіи, это,—«Ча-цзинъ», сочиненіе Лу-юй-я; онъ говоритъ въ ней о происхожденіи чая, о срываніи и приготовленіи, пробѣ, вареніи, питьѣ, дѣйствіи, мѣстахъ добыванія чая и проч. Находятся не только спеціальныя книги, которыя особо толкуютъ о различіи высшихъ и низшихъ сортовъ чая, но даже такія сочиненія, въ которыхъ разбирается только, какая вода для него приличнѣе, т.-е. разбираются ея свойства. Есть сочиненія, трактующія о приготовленіи вина и о сахарѣ. Существуетъ особая литература цвѣтоводства, которой не чуждались и знаменитые писатели. Сунскій ученый Оу-янъ-ею составилъ описаніе цвѣтка мудань; другіе трактаты толкуютъ спеціально о разведеніи піоновъ, розъ, астръ (нѣсколько сочиненій—въ одномъ изъ нихъ насчитывается до 133 сортовъ), померанцевъ, о бамбукѣ, его росткахъ, о шампиньонахъ. Замѣчательно, что почти всѣ эти трактаты принадлежатъ исключительно временамъ еще сунской династіи. (Въ древнемъ Китаѣ цивилизація народа развивалась быстрѣе). Изъ новѣйшихъ сочиненій болѣе значительно «Гуань-

цюнь-фанъ-ну», которое выдается уже по своей громадности (100 цз.). Это скорѣе чисто беллетристическое произведеніе, потому что каждое растеніе занимаетъ не столько мѣста своимъ описаніемъ, сколько относящимися къ нему стихами. Въ Китаѣ рыбы такъ же, какъ и цвѣты составляютъ предметъ большого удовольствія: въ литературѣ находятся особые трактаты о рѣдкихъ рыбахъ съ ихъ изображеніями, есть книга о пѣвчихъ птицахъ. — Сельское хозяйство какъ бы послужило основаніемъ къ изученію естественной исторіи. Между книгами сельскаго хозяйства много такихъ, которыя трактуютъ о растеніяхъ, служащихъ въ пищу. «Но естественная исторія въ Китаѣ, говоритъ г. Васильевъ, кромѣ того, еще болѣе обязана своимъ происхожденіемъ медицинѣ, которая единственно здѣсь только почерпаетъ всѣ свои матеріалы, и такимъ образомъ представляется тѣсная связь сельскаго хозяйства съ медициной. Появилось множество переводныхъ или передѣланныхъ европейскихъ сочиненій по этимъ отраслямъ. Будущности предстоитъ судить о степени ихъ вліянія, мы заканчиваемъ только напоминаніемъ, что лучшею книгой по естествознанію считается «Бэнь-цао-гань-му», а первой медицинской книгой—«Хуанди-нэй-цзинь-су-вэнь». Въ Китаѣ есть писатели и по военному дѣлу, они даже причисляются тамъ къ философамъ, потому что въ древности авторы такихъ сочиненій выставляютъ не одни только практическія правила, но обращаются къ значенію войны въ видахъ человѣколюбія и правды; толкуя о дисциплинѣ и тактикѣ, они стараются согласить ихъ съ ученіемъ о силахъ Инь и Янъ; въ различныхъ строяхъ видятъ соотвѣтствіе съ пятью стихіями, и подобно тому, какъ одна стихія преобладаетъ надъ другой, учатъ, чтобъ и противъ извѣстнаго непріятельскаго строя былъ поставленъ извѣстный же; другіе указываютъ, какъ устроить войско на подобіе вѣтра, облаковъ и проч. Военное искусство не должно пренебрегать гаданьемъ, слѣдуетъ руководиться календаремъ, гдѣ указаны счастливые и несчастные дни. Еще въ прошломъ столѣтіи былъ изданъ въ Европѣ переводъ лучшихъ древнихъ писателей Китая по военной части: L'art militaire des Chinois, говорятъ, что онъ тогда обратилъ на себя вниманіе тактиковъ, между прочимъ, даже Фридриха Великаго. Въ Китаѣ существуетъ мнѣніе, что въ древности тамъ были хорошія книги по военной части, такъ какъ во времена удѣловъ было много знаменитыхъ полководцевъ, учившихся изъ книгъ военному искусству. Но нѣкоторыя изъ такихъ древнихъ книгъ оказываются принадлежащими только къ 7-му вѣку нашей эры. Такова военная книга «Лю-тао»—Шесть хитростей, хотя очень можетъ быть, что китайцы въ этомъ случаѣ и не вполнѣ правы, — въ древности въ ихъ странѣ многое было усовершенствовано.—Итакъ, если въ китайскомъ государствѣ и нѣтъ науки въ полномъ смыслѣ этого слова, потому, что тамъ, главнымъ образомъ, недостаетъ иниціативы лич-

ности, свободное творчество народнаго духа еще сильно стѣснено конфуціанской рутиной, то во всякомъ случаѣ заготовленъ уже огромный запасъ научнаго матеріала, служащій несомнѣннымъ доказательствомъ любознательности и энергичнаго трудолюбія китайца, проявляющагося въ научной области такъ же, какъ и въ другихъ сторонахъ его жизни.—Съ историческимъ прогрессомъ развитія цивилизаціи народа всегда возникаетъ у людей искусство, достигающее большей или меньшей степени совершенства, которая зависитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ для него условій. Они заключаются прежде всего въ свойствахъ народонаселенія и природѣ страны, гдѣ оно обитаетъ; далѣе для усовершенствованія искусства необходимо свободное нормальное развитіе народной жизни. Такими условіями обладали греки: у нихъ совершенство арійской породы населенія соединялось съ необыкновенно разнообразнымъ благодатнымъ климатомъ, чудно-прекрасною природою страны и ничѣмъ не стѣсняемымъ историческимъ прогрессомъ развитія народной жизни. Къ этому еще тамъ присоединились уже готовые образцы восточнаго искусства, и греки достигли до сихъ поръ еще неподражаемаго совершенства въ области пластики, положили хорошее начало и другимъ отраслямъ искусства, сдѣлавшись впослѣдствіи учителями всей Европы. Съ 15-го столѣтія по Р. Х.—съ эпохи возрожденія античной древности греческое искусство послужило образцомъ для подражанія въ другой прекрасной европейской странѣ—Италіи; совершенство въ области искусства проявилось тамъ въ еще болѣе разнообразныхъ сферахъ, чѣмъ въ Греціи, и изъ Италіи распространилось по всей Европѣ. Съ тѣхъ поръ у европейскихъ народовъ постоянно продолжаютъ совершенствоваться всѣ отрасли изящнаго искусства: архитектура, скульптура, живопись, музыка, появилась опера, развились всѣ виды драмы и достигла высокаго совершенства игра актеровъ. Такимъ образомъ, современное европейское искусство такъ же, какъ и наука есть продуктъ общеевропейскаго прогресса нѣсколькихъ націй. Онъ, какъ извѣстно, не коснулся Китая. Этому государству приходилось одиноко и вполнѣ самостоятельно вырабатывать всѣ стороны народной жизни и притомъ еще подвергнуться многовѣковой конфуціанской рутинѣ. Вотъ что говоритъ по поводу ея нѣмецкій историкъ всеобщей культуры Морицъ Карріеръ: «Ни одна духовная сила не смѣетъ подняться у китайцевъ выше средняго уровня; обычное съ разсудительной сухостью царитъ и властвуетъ надъ всей ихъ жизнью, имъ чужды всякій порывъ вдохновенія, всякое стремленіе къ новизнѣ, всякая своеобразность творчества, всякое увлеченіе, всякій вольный полетъ фантазіи. Умъ народа никогда не возвышается надъ освященною опытомъ дѣйствительностью до какого-либо идеала, который предстоитъ еще осуществить, или который является совершеннымъ первообразомъ всегда несовершеннаго міра. Реалистическій смыслъ народа видитъ этотъ

идеалъ въ равновѣсіи самыхъ вещей и въ вполнѣ законченной жизни предковъ; ему не до осуществленія грезъ о будущемъ, онъ смотритъ только въ прошлое и за образецъ принимаетъ то, что сдѣлано было прежде. Свободное искусство — плодъ свободной жизни, не иначе; а существо китайца отовсюду связано, поэтому и художественный его побудъ — слуга пользы. Но вдумчивый взглядъ на дѣйствительность и вѣрное соблюденіе первичныхъ формъ присоединяются у нихъ къ живому семейному чувству, къ искреннему почитанію прошлаго. Дитя природы, человѣкъ вживается съ своимъ безразличнымъ еще чувствомъ въ этотъ по снурочку вытянутый міръ». (Характеристика, сдѣланная Баррьеромъ, вѣрная въ общемъ, слишкомъ строга: китайцы въ настоящее время выказываютъ большую любознательность и многое измѣняютъ уже у себя по европейскому образцу). Естественно, что китаецъ смотритъ въ прошлое, когда въ этомъ прошломъ при болѣе свободномъ движеніи народной жизни быстрѣе развивались всѣ стороны его цивилизаціи; такъ и въ области архитектуры наиболѣе грандіозныя китайскія постройки—великая стѣна и монументальныя работы надъ системой многочисленныхъ каналовъ для водяныхъ сообщеній и для необходимаго тамъ орошенія полей принадлежатъ прошедшему (хотя система каналовъ въ значительной степени продолжала развиваться и впослѣдствіи); въ древности китайцы также съ необыкновеннымъ искусствомъ устроивали могилы для своихъ императоровъ (такова могила Цинъ-ши хуанъ-ди). (Подробности обо всѣхъ этихъ постройкахъ написаны въ другихъ отдѣлахъ этой книги). Своеобразнаго строительнаго стиля не выработалось въ древнемъ Китаѣ. Буддизмъ принесъ съ собой изъ Индіи сложившіяся тамъ формы религіозныхъ построекъ; однакожъ, онѣ подверглись въ Срединномъ царствѣ преобразованію. Особенно понравилась китайцамъ уступчатая башня пагодъ, или тотъ пирамидальный верхъ, какимъ обыкновенно увѣнчаны полушарные дагобы; ея именно мотивъ разработали они въ своихъ тха, — легкихъ многоэтажныхъ башняхъ съ постепенно умаляющимися крышами каждаго восходящаго вверхъ этажа, при чемъ всѣ кровельные спуски разнообразно выгибаются и обвѣшиваются колокольчиками; кирпичи наведены золотисто-блестящимъ лакомъ, а стѣны украшены пестрой росписью или одѣты плитками фарфора. Извѣстнѣйшую въ этомъ родѣ постройку представляетъ сооруженная въ 15-мъ столѣтіи по Р. Х. фарфоровая башня въ Нанкинѣ, болѣе 200 футовъ вышиною. Китайскія почетныя ворота, строящіяся иногда среди улицъ въ память достославныхъ дѣлъ или людей, снабженныя хвалебными надписями, представляютъ просто два столба съ перекладиной и узорчатой надъ ней крышею, или же одни такія ворота пошире въ серединѣ и два прохода поуже и пониже съ каждой стороны. Этимъ достигается пріятная симметричность, но до архитектонической разработки дѣло не доходитъ никогда; все ограни-

чивается балками и не въ мѣру изукрашенными кровельными выступами. — «Вмѣсто стремленія къ высокому и изящному, говоритъ Карррьеръ, трезвый смыслъ китайца гонится только за полезностью; вмѣсто того, чтобы стараться онаглядить сущность и цѣль вещи въ граціозной формѣ и съ приноровкой къ свойству даннаго матерьяла, онъ умѣетъ только прикрасить ее по наружности. Дома въ Китаѣ, не исключая даже и чертоговъ, по большей части, одноэтажные; въ дверяхъ и окнахъ вмѣсто рамъ со стеклами вставлены изящныя рѣшетки, оклеенныя извнутри тонкой бумагой, покои расположены вокругъ обнесенныхъ галлереями дворовъ, а среди каждаго двора устроенъ водоемъ, обсаженный цвѣтами. Внутренность переполнена рѣзьбой и всякаго рода украшеніями; особенно любятъ китайцы вырѣзывать изъ странновидныхъ корней разныя чудовищныя вещи и придаютъ такія же перепутанныя формы утвари и домашнимъ вещицамъ: вмѣсто простой красоты и художественности безсознательная игра формами мало-по-малу пришла и здѣсь къ искуственному и чудовищному, къ тому, что зовутъ бароккомъ. Но, очевидно, у китайцевъ еще не угасъ интересъ къ живой природѣ: страсть къ цвѣтамъ, къ изящной разбивкѣ садовъ дѣлаетъ ихъ настоящимъ украшеніемъ жизни у этого народа; особенно китайцы мастера располагать въ паркахъ группы деревьевъ по формамъ и цвѣто-оттѣнкамъ, на смѣну перепутаннымъ дорожкамъ устраивать, какъ въ англійскимъ садахъ, полосу правильныхъ грядъ и куртинъ, наконецъ, украшать сады лучшимъ изъ всѣхъ созданій китайской архитектуры, перенятымъ поэтому и въ Европѣ,—свѣтлыми, воздушными бесѣдками, которыхъ крыша опирается на легкія деревянныя колонки, а стѣны состоятъ изъ планочнаго переплета, обвитаго зеленью; но крыша, подобно крышѣ всѣхъ китайскихъ башенъ, напоминаетъ шатеръ съ своими вогнутыми посерединѣ и высоко приподнятыми по краямъ скатами. Этотъ выгибъ, замѣчаетъ Карръеръ, сохранился въ Китаѣ отъ кочевой поры народнаго быта и перенесенъ совсѣмъ уже безъ цѣли на деревянныя постройки, которыя сдѣлались оттого декоративными, и потому вызываютъ на всевозможную пестроту прикрасъ, на безконечную узорчатость. — Скульптура у китайцевъ не идетъ далѣе ремесленности: ихъ рѣзьба, ихъ металлическіе и глиняные рельефы не обнаруживаютъ никакой самобытной художественности и развѣ лишь носятъ отпечатокъ той миловидной игры, какою отличаются скопированныя съ нихъ бездѣлушки нашихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Живопись у китайцевъ отличается чистотой исполненія и яркостью красокъ, но вовсе не даровитостью композиціи и не чувствомъ изящества въ контурахъ. Она выражается не въ монументальныхъ фрескахъ, а служитъ только украшеніемъ для мелкихъ вещей: фарфоровыхъ чашекъ, вазъ и подносовъ, или выполняется въ небольшую всегда величину на рисовой бумагѣ. Сюжетами для

изображенія, изъ уваженія къ церемоніалу и установленному обычаю служатъ, большею частью, картины изъ семейной китайской жизни, а гдѣ изображеніе захочетъ быть поживѣе, тамъ оно впадаетъ въ гримасу или пошлость. О перспективѣ нѣтъ ровно никакого понятія, моделировки очень мало; но въ оправданіе себя китайцы говорятъ по этому поводу, что тѣнь есть нѣчто случайное, что ею только мутится живость красокъ. Не признавая, чтобы живописецъ передавалъ лишь съ своей точки зрѣнія тотъ образъ вещей, который рисуется въ собственномъ глазу его, они увѣряютъ, что перспективное умаленіе свойственно только недостаточности нашихъ зрительныхъ органовъ, и что гораздо вѣрнѣе изображать предметы такъ, какъ они есть, не уменьшая отдаленныхъ. Но китайцы, дѣйствительно, отличаются тщательнымъ и тонкимъ подражаніемъ природѣ въ изготовленіи узоровъ для тканей и шитья, въ рисовкѣ птицъ, цвѣтовъ и бабочекъ; вообще, пестрое нравится имъ всего болѣе, какъ малымъ дѣтямъ, говоритъ Карріеръ. Особенное значеніе имѣетъ у китайцевъ музыка. Они придаютъ ей большой вѣсъ: изобрѣтателями и усовершенствователями музыки были, по преданіямъ, государи; а потому съ ея напѣвами и инструментами должны, говорятъ, измѣняться государство и весь обычай. Въ глубокой еще древности упоминается о флейтахъ и трубахъ, о струнныхъ инструментахъ, барабанахъ. — Кинъ, звенящій камень, представляетъ рядъ разнозвучныхъ каменныхъ плитокъ, укрѣпленныхъ на вѣсу; въ нихъ бьютъ молотушками. По свидѣтельству древнихъ народныхъ пѣсенъ, музыкой, преимущественно, занимались слѣпые. — Китайцы все выводятъ изъ гармоніи совокупнаго дѣйствія неба и земли, хранить во всемъ мѣру слыветъ у нихъ первою задачею человѣка; такъ точно и самую жизнь вещей, всѣ срочныя въ ней перемѣны считаютъ они великою міровою музыкой; череда мѣсяцевъ представляетъ имъ 12 тоновъ одной и той же октавы. Правильнымъ рядомъ тоновъ и благозвучнымъ ихъ согласіемъ всего ближе опаглядивается для китайцевъ художественный образъ міра съ его законами». Музыка — въ связи съ китайскими церемоніалами (или правилами для поведенія) и подобно имъ считается условіемъ нравственнаго образа жизни. Языкъ ея для всѣхъ понятенъ, различіе словъ исчезаетъ въ одинаковости звуковъ, поэтому китайцы и говорятъ, что музыка приводитъ въ согласіе всѣ народы. Въ книгѣ Лиц-зи сказано: главная цѣль музыки — умѣрять людскія страсти; о ней много размышляли еще древнѣйшіе мудрецы, и самъ Конфуцій видѣлъ въ ней средство образованія нравовъ и государственнаго процвѣтанія, потому что она поневолѣ втягиваетъ слушателя въ мѣрный ходъ свой, увлекаетъ его въ свою гармонію. Объ одномъ древнемъ государѣ говорится, что онъ сперва посредствомъ струннаго инструмента кинъ привелъ въ порядокъ свое собственное сердце и поставилъ въ надлежащіе предѣлы свои страсти, а потомъ

сталъ имъ дѣйствовать и на образованіе другихъ людей. Объ другомъ государѣ разсказывается, что онъ вмѣстѣ съ единствомъ мѣръ и вѣсовъ ввелъ также и одинаковую для всѣхъ музыку, одни и тѣ же инструменты въ цѣломъ государствѣ; поэтому книга Ли-цзи говоритъ: «обычай правитъ сердцами народа и ведетъ ихъ къ соблюденію во всемъ настоящей мѣры и середины, а музыка вноситъ между людей согласіе, такъ что они не ссорятся и не перечатъ другъ другу. Одинъ изъ китайскихъ государственныхъ мужей ставитъ музыку въ основаніе всякому порядку, миру и спокойствію въ государствѣ. Однако, несмотря на всѣ эти прекрасныя разсужденія, музыкальное искусство въ Китаѣ далеко не находится въ такомъ совершенномъ состояніи, какъ въ Европѣ. Только недавно тамъ завелись оркестры по образцу европейскихъ. Но и на нихъ, главнымъ образомъ, преуспѣваетъ бальная музыка (быть можетъ, музыкальное искусство, какъ и многое другое, было въ лучшемъ состояніи въ древнемъ Китаѣ, а иначе странно, что такъ много говорится о вліяніи музыки). Театральныя представленія, какъ извѣстно, въ настоящее время въ Срединномъ царствѣ очень доступны и распространены больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ: тамъ они по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ происходятъ и въ деревнякъ, а не только въ городахъ. Страсть китайцевъ къ театру овладѣваетъ ими все сильнѣе. Отъ этого факта при существующихъ теперь сношеніяхъ Китая съ Европой можно ожидать много хорошихъ послѣдствій для Срединнаго царства. Театръ несомнѣнно усовершенствуется и можетъ сдѣлаться самымъ лучшимъ проводникомъ европейскихъ идей въ Китаѣ, а расширившійся горизонтъ народной мысли, вѣроятно, уже ни въ чемъ не будетъ сильно подчиняться конфуціанской рутинѣ, хотя это еще дѣло будущаго, въ настоящее же время состояніе китайскихъ театровъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо ниже европейскихъ. Сюжеты китайскихъ драмъ берутся, главнымъ образомъ, только изъ китайской исторіи или китайской же жизни. Вѣроятно, въ нихъ въ значительной степени участвуетъ комическій элементъ, забавляющій публику. Вообще, говорятъ, что содержаніе театральныхъ піесъ незначительно. Игра актеровъ очень оживленная и иногда удачная. Нѣкоторыя труппы обладаютъ богатыми костюмами. Но вся постановка театра довольно плохая и, разумѣется, не можетъ сравниваться съ европейской: театры въ Китаѣ получаютъ очень ничтожные доходы; часто представленія даются совсѣмъ даромъ.— Сцена остается со всѣхъ сторонъ открытой, мѣста для зрителей находятся тогда не противъ нея, а съ боку, декорацій и занавѣсей не существуетъ и въ обстановкѣ театра многое нужно дополнять воображеніемъ. Конечно, такое состояніе отчасти зависитъ и отъ того, что театры, большею частію, передвижные, труппы актеровъ странствуютъ по всей Китайской имперіи. Къ театральному дѣлу въ Китаѣ, какъ уже сказано, относятся съ пренебреженіемъ

мандаринское правительство, чиновники стыдятся посѣщать театръ, актеры получаютъ жалованье, одинаковое съ чернорабочими. Но зато театръ при своей дешевизнѣ доступенъ такъ и самому бѣдному люду, а это очень важно.

Военное дѣло въ древнемъ Китаѣ, какъ говорятъ и сами китайцы, вѣроятно, было выше, чѣмъ впослѣдствіи: въ государствѣ велись почти непрерывныя внутреннія войны, при этомъ уже одна практика могла многому научить. Тайпинги въ 19-мъ столѣтіи организовали свою армію по древнимъ книгамъ и дѣйствовали успѣшно противъ правительства. Но со времени Конфуція очень естественно, что военное искусство было въ пренебреженіи у китайцевъ. Этотъ философъ-патріотъ ненавидѣлъ войну, какъ источникъ бѣдствій для его отечества, и говорилъ, что гораздо полезнѣе употреблять время на что-либо другое, чѣмъ на заботы о военныхъ приготовленіяхъ. Знаменитый конфуціанецъ Мэнъ-цзы прямо называетъ преступникомъ человѣка, умѣющаго искусно устраивать сраженія.—Война, вообще, антипатична миролюбивому національному китайскому характеру, она считается карой неба и съ религіозной точки зрѣнія, кромѣ того, война страшно вредитъ и излюбленному китайскому занятію—земледѣлію и привычному для китайца порядку въ жизни. Она также не гармонируетъ и съ китайской расчетливостью, при которой должно было казаться не стоящимъ издержекъ содержаніе постоянной многочисленной арміи. Уступая иногда необходимости, китайцы старались, по крайней мѣрѣ, оправдывать войну съ философской точки зрѣнія, согласовать ее съ положительной и отрицательной силами природы. Послѣ всего этого неудивительно, что у китайскаго народа до 19-го столѣтія въ случаѣ надобности собиралось только плохо обученное народное ополченіе, что не смотря на изобрѣтеніе пороха долго не было огнестрѣльнаго оружія, кавалерія, сражающіеся ѣздили, стоя на колесницахъ въ какихъ-то развѣвающихся бедуинскихъ костюмахъ (вѣроятно, изображая облака), при этомъ оказывалось полное отсутствіе умѣнья вести сраженіе, подчиняться военной дисциплинѣ. При такомъ состояніи военнаго дѣла китайцы, естественно, должны были въ теченіе всего 18-го столѣтія уступать побѣды европейцамъ. Но, наконецъ, послѣдніе сдѣлались ихъ учителями. Въ началѣ 19-го вѣка они помогли китайскому правительству усмирить возстаніе тайпинговъ, поступая къ нему на службу за огромное вознагражденіе. Съ тѣхъ поръ въ Китаѣ по инструкціямъ учителей-европейцевъ организовалась собственная 800-тысячная постоянная армія, превосходно дисциплинированная и вооруженная всѣми европейскими военными атрибутами. Итакъ, недостатки китайскаго военнаго дѣла скорѣе происходили отъ особаго взгляда китайцевъ на него, чѣмъ отъ застоя ихъ цивилизаціи.—У китайцевъ хорошо развита техника, при помощи которой они съумѣли соорудить на протяженіи 3000 верстъ

свою великую стѣну, поражающую европейцевъ систему каналовъ для орошенія полей, необыкновенно прочные мосты. Если у китайскаго народа замѣтенъ застой въ области изящнаго искусства отъ недостатка эстетическаго вкуса и свободной творческой мысли, то зато тамъ, гдѣ конфуціанская рутина не только не вредитъ, а, напротивъ, помогаетъ человѣку, пріучая его къ необыкновенно терпѣливому труду въ области низшей сферы искусства, ремесленности, очевиденъ, положительный и огромный прогрессъ, вслѣдствіе котораго промышленность китайскаго народа достигла замѣчательно цвѣтущаго состоянія.—Среда, въ которой воспитывается китайскій гражданинъ, оказываетъ на него очень сильное нивелирующее вліяніе, и потому не даетъ простора для развитія генія и даже таланта. Въ Китаѣ не оказывается средствъ для его усовершенствованія: тамъ нѣтъ въ настоящемъ смыслѣ слова науки, нѣтъ возвышающихъ человѣческій духъ образцовъ изящнаго искусства, нѣтъ свободы для человѣческой мысли вообще; но зато существуетъ много способовъ для подчиненія личности нравственной дисциплинѣ, для выработки закаленнаго характера, и результатомъ воспитанія является необыкновенная цѣлесообразность, гармонія съ окружающей дѣйствительностью. Съ самыхъ пеленокъ ребенокъ начинаетъ сильно подготовляться къ китайской общественной жизни еще въ своей семьѣ. На семейное воспитаніе китайцы смотрятъ очень серьезно, у нихъ не даромъ существуетъ пословица: «Нужно гнуть дерево, пока оно молодо». Въ ребенкѣ стараются развить предписанныя конфуціанскимъ ученіемъ добродѣтели, сдѣлать его, по-китайски, культурнымъ человѣкомъ. Въ виду этого не присматриваются къ проявленію дѣтскихъ способностей, къ тому, что особенно интересуетъ дѣтей, а стараются внушить имъ то, что признано должнымъ въ принципѣ. Не обращаютъ вниманія на дѣтскіе капризы, не ублажаютъ дѣтей ласками, а стремятся искоренять въ нихъ дурное и внушать основы нравственности. Словомъ, дѣтей не балуютъ въ Китаѣ. Отъ нихъ постоянно требуется выполненіе правилъ китайской этики на практикѣ. Но этого вовсе не приходится достигать черезъ посредство строгихъ наказаній, такъ-какъ дѣти въ поведеніи своемъ не сбиваются съ толку противорѣчивыми вліяніями, воля ихъ не ослабляется потакательствомъ. «Воспитывая дѣтей, говоритъ г. Георгіевскій, китайцы не прибѣгаютъ къ фальши, не затемняютъ истины, не извращаютъ понятій и словъ, ребенокъ тамъ пріучается трезво смотрѣть на все окружающее, рано начинаетъ понимать разнообразныя условія жизни, рано освоивается съ высокими конфуціанскими понятіями—основами строя соціально-государственнаго, рано вырабатываетъ въ себѣ мужество прямо смотрѣть въ глаза истинѣ и не бояться житейскихъ невзгодъ (китайская выносливость и терпѣливость удивляетъ европейцевъ). Китаецъ старается внѣдрить въ душу своего ребенка

общепочтительность, всесторонне объясняетъ ему понятіе сыновняго благочестія и неусыпно наблюдаетъ, чтобы дѣти примѣняли на дѣлѣ усвоенныя ими этическія истины». Тщательно заботиться о воспитаніи дѣтей заставляетъ китайца и національная религія, и національное законодательство, наконецъ, и личная выгода каждаго отца семейства: дурно воспитанный сынъ не будетъ заботиться объ отцѣ при его жизни и по смерти, обезславитъ имя своего родителя. За проступки дѣтей отцы и матери строго наказываются въ Китаѣ и, напротивъ, вознаграждаются за особенно хорошее поведеніе дѣтей ихъ. Слава, пріобрѣтенная сыномъ, распространяется и на его родителей. «Китаецъ слишкомъ логиченъ, говоритъ г. Георгіевскій, чтобы читать своимъ дѣтямъ безполезныя непримѣнимыя въ жизни раціи». Въ кругу своей семьи ребенокъ многому научается изъ примѣра старшихъ: онъ видитъ вокругъ себя образцы необыкновеннаго, энергичнаго трудолюбія, гуманныя отношенія дѣтей и съ дѣтства пріучается къ мысли, что трудъ есть необходимое условіе для благоденствія человѣка, присутствуетъ два раза въ мѣсяцъ на семейныхъ собраніяхъ, гдѣ разбираются разнообразныя общественныя дѣла, и при рѣшеніяхъ семейнаго суда. Это, несомнѣнно, возбуждаетъ въ немъ интересъ къ общественной жизни. Подростая, ребенокъ принимаетъ участіе въ домашнихъ работахъ, въ семьѣ же, вѣроятно, китайскій юноша обучается отчасти иногда и нѣсколькимъ ремесламъ. Внѣ-семейная сфера вполнѣ гармонично дополняетъ семейное воспитаніе китайца. Она представляетъ многочисленные примѣры проведенія въ жизнь основнаго конфуціанскаго принципа, который, такимъ образомъ, всесторонне усвояется китайскимъ гражданиномъ; онъ становится въ должныя отношенія къ членамъ своего семейства, уважаетъ представителей другихъ семействъ, наставниковъ и лицъ правящихъ (нужно припомнить, что авторитетъ учителя въ Китаѣ очень высокъ: онъ имѣетъ право дѣлать выговоры своему бывшему воспитаннику, въ какомъ бы положеніи тотъ ни находился впослѣдствіи, хотя бы былъ самымъ высшимъ сановникомъ въ государствѣ), почитаетъ стариковъ, способенъ энергично трудиться и не потеряется ни въ какомъ положеніи—словомъ, дѣлается типомъ конфуціанца. «Въ китайскихъ мальчикахъ и дѣвочкахъ, говоритъ г. Георгіевскій, европеецъ замѣчаетъ прежде всего кротость и какую-то особенную степенность, которая не есть слѣдствіе забитости: она является только результатомъ стремленія ограничивать себя, а этотъ навыкъ имѣетъ своимъ прецедентомъ разумное усвоеніе коренныхъ основъ нравственности. Степенность указываетъ на раннюю привычку къ самообладанію. Живя въ Китаѣ, продолжаетъ г. Георгіевскій, легко убѣдиться, что благовоспитанность китайскихъ дѣтей не внѣшняя, показная, а внутренняя, принципіальная. Дѣти, привыкшіе къ строгой сдержанности въ присутствіи своихъ родителей, остаются такими всегда.

Мнѣ не пришлось записать въ свой дневникъ ни одного противорѣчащаго этому примѣра, не пришлось слышать ни отъ одного молодого человѣка дурныхъ отзывовъ о его родителяхъ. Въ китайскомъ семействѣ немыслимы рѣзкіе запальчивые споры со стороны молодежи. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ проникаясь принципомъ сыновняго благочестія, китаецъ, выростая, не только не измѣняетъ ему, но старается глубже усвоивать и разнообразнѣе обнаруживать. Pietas ergo parentes дѣлаетъ семейныя основы солидными и незыблемыми». Объ основномъ конфуціанскомъ принципѣ напоминаютъ народу въ Китаѣ даже вывѣшивающіяся на каждомъ шагу надписи; онѣ находятся на стѣнахъ многихъ зданій, вдоль по дорогамъ, на берегахъ каналовъ, у входовъ на мосты, въ пагодахъ, на частныхъ и общественныхъ кладбищахъ. Таково вліяніе окружающей китайца матерьяльной среды. Оно еще усиливается въ томъ же направленіи дѣйствіемъ идеальной сферы. Въ школѣ китаецъ изучаетъ письменный китайскій языкъ и вслѣдъ затѣмъ почти выучиваетъ наизусть содержаніе нѣкоторыхъ конфуціанскихъ классическихъ книгъ, между которыми прежде всего даются ученикамъ: сборникъ церемоній (правилъ для поведенія человѣка въ жизни) и книга, излагающая китайское законодательство. Извѣстно, что у народа Срединнаго царства письменность идеографическая, т.-е. каждый знакъ не звукъ, какъ у насъ, а цѣлое понятіе. Такихъ знаковъ нужно запомнить, по крайней мѣрѣ, тысячъ шесть, ученикъ долженъ ихъ комментировать и сравнивать съ другими. Одно это уже при обученіи чтенію и письму, несомнѣнно, должно дѣйствовать на развитіе учащагося. «Китайскія дѣти въ разговорѣ отличаются находчивостью, китайскій народъ обладаетъ большой долей здраваго смысла и замѣчательно большимъ количествомъ выработанныхъ имъ отвлеченныхъ идей», говоритъ французъ Симонъ. (По наблюденіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, восточныя дѣти, вообще, отличаются силой и какъ бы свѣжестью способностей). Но наукой въ Китаѣ признается одно конфуціанство, оно одно фигурируетъ на экзаменахъ конкуренціи для полученія ученыхъ степеней. Сю-цай—студентъ, узюй-жень—кандидатъ, цзинь-ши—баккалавръ, магистръ или докторъ—всѣ учатся по однимъ и тѣмъ же конфуціанскимъ книгамъ и экзаменуются изъ нихъ. Разница, вѣроятно, только въ количествѣ усвоеннаго матеріала. Нужно знать классическія книги: Ицзинъ, Шуцзинъ, Шицзинъ, Чуньцю и Лицзи. Всѣ прочія свѣдѣнія, въ томъ числѣ и стихотворство, считаются только побочными и дополнительными. Отъ ищущаго ученой степени, открывающей доступъ въ правительственный міръ, къ почестямъ и богатствамъ, требуется написать хрію на заданную тему. Ей положенъ опредѣленный счетъ словъ—отъ 500 до 700, но для того, чтобы написать такую хрію, иные учатся съ дѣтства до старости (на экзамены являются иногда даже 90-лѣтніе старики) и все-

таки хрія часто выходитъ неудачной. Темы никто не знаетъ напередъ, ее распечатываютъ только тогда, когда всѣ экзаменующіеся войдутъ въ экзаменаціонный дворъ и разсядутся по конурамъ; каждый долженъ знать то мѣсто, которое занимаетъ въ книгѣ заданная ему тема, что о ней тамъ говорится у комментаторовъ, и припомнить, какъ толкуютъ объ этомъ и другіе несогласные. Приходится удержать въ памяти весь наборъ отрывочныхъ статей и изреченій въ 9-ти классическихъ книгахъ! «По этому поводу китайцы разсуждаютъ, говоритъ профессоръ Васильевъ, такъ же, какъ и наши защитники лжеклассицизма: ученье не заключается только въ пріобрѣтеніи нужныхъ свѣдѣній—гораздо важнѣе научиться тому, чего требуютъ. А китайцы, по своему міросозерцанію, увѣрены, что нѣтъ науки болѣе необходимой для человѣка, чѣмъ ихъ цзины. При томъ въ продолжительномъ и твердомъ изученіи они видятъ моральное дѣйствіе, которое производитъ трудъ,—выучившій цзины долженъ сдѣлаться человѣкомъ сосредоточеннымъ. Хріей 1-го доктора послѣ всякаго новаго экзамена черезъ каждые три года въ высшей степени интересуется весь интеллигентный міръ, ее читаютъ нарасхватъ и восторгаются красотой языка. Въ Китаѣ авторитетъ много значитъ, а, вѣдь, это сочиненіе оцѣнено по достоинству первоклассными учеными. Оно, по-китайски, геніальное произведеніе: изъ 15 тысячъ явившихся въ столицу баккалавровъ, только сочиненіе одного даетъ степень Чжуанъ-юан'я. Экзаменующіеся имѣютъ свое особое божество, которому молятся передъ экзаменами и ставятъ благодарственныя доски за успѣшное ихъ окончаніе. Мысль и твердое знаніе языка дѣлаютъ поэтомъ ученаго. На экзаменахъ задается тема и на стихи, даютъ извѣстный іероглифъ и поручаютъ составить стихотвореніе изъ опредѣленнаго числа словъ въ стихѣ, разумѣется, съ риомами, и, кромѣ того, чтобы іероглифъ пришелся на извѣстномъ мѣстѣ, подъ извѣстнымъ удареніемъ. Стихотворцу въ этомъ случаѣ помогаетъ выученный имъ риомическій словарь. Очевидно, китайская ученость требуетъ огромнаго труда и выдержки характера. Не даромъ она пользуется въ государствѣ такимъ большимъ почетомъ: первый ученый дѣлается даже зятемъ богдыхана; изъ ученыхъ выбираются, какъ извѣстно, всѣ китайскіе чиновники. Кромѣ собственно конфуціанскаго ученія, въ школахъ, вѣроятно, сообщаются свѣдѣнія изъ исторіи и географіи страны, сельскаго хозяйства, медицины и т. п. (въ Китаѣ существуютъ доктора). Но, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на нравственную сторону учащихся: читаются въ изобиліи назидательныя сочиненія. Въ этомъ родѣ, какъ извѣстно, въ китайской литературѣ для юношества составлено много книгъ, проникнутыхъ конфуціанской моралью, да и вся китайская письменность отличается, большею частью, дидактическимъ характеромъ; въ нравоученіяхъ китаецъ не ощущаетъ недостатка. Для молодежи составлены еще особаго рода наставительные учебники, гдѣ

изображаются образцы стоическаго прилежанія, являются разсказы въ родѣ того, какъ одинъ любознательный ученикъ вбилъ себѣ гвоздь въ тѣло, чтобъ не заснуть надъ книгой; другой зубрилъ ее даже при блескѣ свѣтляка. «Песъ, говорится въ такихъ учебникахъ, сторожитъ ночью, пѣтухъ исправно поетъ на зарѣ; какъ же зваться человѣкомъ, когда не учишься? Шелковичный червь прядетъ шелкъ, пчела приготовляетъ медъ: человѣкъ ниже ихъ, если не учится!» Трудолюбіе китайцевъ поразительно, говорятъ путешественники. Какъ дома, такъ и въ школахъ научаются они разнообразнымъ ремесламъ; каждый знаетъ ихъ по нѣскольку. Въ школу дѣти отправляются на разсвѣтѣ и, пока не научатся письменному языку и не изучатъ порядочно классическія книги, проводятъ тамъ весь день, занимаясь постоянно съ помощью учителя. Слѣдовательно, китайская школа такъ же, какъ и жизнь въ сильнѣйшей степени способствуетъ пріученію человѣка къ труду и выработкѣ характера. Несомнѣнно, что до извѣстной степени при этомъ расширяется и его міросозерцаніе, пріобрѣтаются практически полезныя свѣдѣнія. Но кромѣ того, китаецъ глубоко проникается правилами конфуціанской морали и становится добродѣтельнымъ; является готовымъ къ общественной жизни, умѣющимъ управлять собой и отчасти государствомъ, способнымъ найтись во всякомъ положеніи, культурнымъ китайскимъ человѣкомъ, т. е. конфуціанцемъ, который при китайскомъ народномъ самоуправленіи продолжаетъ воспитаніе и дальше въ самой жизни. Нельзя не согласиться, что велико и многозначительно для всякаго государства подобное воспитаніе его гражданъ. Оно можетъ служить вѣрнымъ залогомъ общественнаго благоденствія. Дурно тутъ только однообразіе умственной сферы, не дающее возможности проявляться всѣмъ способностямъ человѣка. Но оно, конечно, можетъ быть устранено съ сохраненіемъ всѣхъ достоинствъ подобнаго воспитанія. Высшее образованіе въ Срединномъ царствѣ доступно всѣмъ и каждому. Китайцы считаютъ несправедливымъ поручать завѣдываніе имъ правительству, поэтому главные расходы возложены на общество. Тѣмъ не менѣе дѣло это настолько важно, что его нельзя было исключительно поручить иниціативѣ частныхъ лицъ; а потому признали умѣстнымъ возложить заботы объ организаціи высшаго образованія и его ходѣ на академію наукъ. Оказывая съ своей стороны содѣйствіе академіи, правительство ограничивается лишь уплатой ей сравнительно очень небольшой суммы, необходимой для покрытія административныхъ расходовъ, возникающихъ для академіи изъ возложенной на нее обязанности. Прочіе расходы на содержаніе высшихъ школъ покрываются частію добровольными пожертвованіями, частію же платой, взимаемой съ учащихся, число которыхъ очень велико въ густомъ населеніи Китая. Инспектора учебныхъ округовъ, директора гимназій, низшихъ школъ и т. п. получаютъ, въ сущности, жалованье изъ субсидій, уплачиваемыхъ академіи наукъ централь-

нымъ правительствомъ. Собственно учебный персоналъ высшихъ и низшихъ школъ оплачивается самими учащимися. При такихъ условіяхъ правительство не особенно расходуется на вѣдомство народнаго просвѣщенія. Зато оно старается поощрять образованіе иными способами, выказывая замѣчательную щедрость. (Въ чемъ это выражается — было сказано выше). Воспитавшись въ правилахъ конфуціанской морали и рано женившись, китаецъ начинаетъ свою семейную жизнь. Устраиваясь, онъ не мечется изъ стороны въ сторону, не тратитъ своей энергіи на безцѣльныя занятія, міровоззрѣніе его уже выработано — онъ сознательно и твердо идетъ по тому пути, который опредѣленъ конфуціанствомъ и всегда помнитъ объ основныхъ его правилахъ. Если китайскому гражданину не удается ученая карьера, онъ, не смущаясь, идетъ въ народъ и выбираетъ себѣ другую профессію: становится школьнымъ учителемъ или принимается за занятія ремеслами, торговлей, земледѣліемъ, въ случаѣ крайности дѣлается даже простымъ сторожемъ. — Въ Китаѣ всякій трудъ уважается и презираются только лѣнивые. Словомъ, китаецъ съ одинаковой энергіей трудится на всякомъ поприщѣ.

Земледѣліе, промышленность, торговля, экономическое состояніе и внѣшній бытъ народа *).

Китайское земледѣліе составляетъ самую цвѣтущую сторону народной жизни. Въ этой странѣ соединилось много въ высшей степени благопріятныхъ для него условій: необыкновенное плодородіе желтоземной почвы, простирающейся въ большей части Китая, благотворность климата и правильность смѣны атмосферическихъ явленій, существующій, только съ нѣкоторыми перерывами ослабленія, почти въ теченіе всей слишкомъ 3000 - лѣтней исторической жизни націи родовой патріархальный бытъ народа, при которомъ земельная собственность играетъ очень важную роль: она прежде всего необходима каждой семьѣ для выполненія религіознаго культа предковъ, съ семейнаго поля нужно собрать какъ можно больше продуктовъ, и потому земля тщательно обработывается; строгая организація патріархальнаго семейнаго быта и при существующемъ въ Китаѣ многоженствѣ множество хорошихъ работниковъ — членовъ китайской семьи; быстро увеличивавшіеся размѣры народонаселенія въ Китаѣ и раздробленіе, вслѣдствіе этого поземельной собственности среди многочисленныхъ лицъ, которые тѣмъ легче могли успѣшно заниматься ея обработкой; сосредоточеніе народныхъ силъ, при застоѣ идеальной

---

*) Симонъ: „Срединное царство“.

культуры, на практическихъ занятіяхъ и земледѣліи по преимуществу; незначительность земельнаго налога въ Китаѣ и продолжительное благоустройство китайскаго соціальнаго быта; покровительство и поддержка земледѣлія со стороны китайскаго правительства и законовъ; наконецъ, дисциплина нравовъ, энергія и необыкновенное трудолюбіе 400-милліоннаго китайскаго народа; его религіозное почитаніе земли и преданность земледѣлію, какъ важнѣйшему и преобладающему занятію китайцевъ въ теченіе всей исторической жизни націи. Словомъ, можно сказать, что никогда и нигдѣ не соединялось вмѣстѣ такъ много выгодныхъ условій для земледѣлія, какъ въ Китаѣ. Тамъ въ древнее время земледѣліемъ занимались всѣ, не исключая и императора, въ честь земледѣлія учреждено ежегодное торжество. Праздникъ этотъ считается самымъ важнымъ изъ всѣхъ многочисленныхъ китайскихъ праздниковъ. Такія благопріятныя условія для земледѣлія, несомнѣнно, очень выгодны народу: «прочное развитіе матеріальной и нравственной культуры начинается только тамъ, гдѣ народы добываютъ земледѣліемъ средства къ существованію изъ почвы, на которой обитаютъ», говоритъ Вундтъ въ своей этикѣ. Землевладѣніе въ Китаѣ, соотвѣтственно историческому процессу развитія понятія о собственности и условіямъ народной жизни, нѣсколько разъ перемѣнялось въ своихъ основахъ: оно было общиннымъ при малочисленности населенія и съ развитіемъ родового быта перешло въ частное. Затѣмъ, въ періодъ времени съ V-го вѣка до Р. X. по III-й, смутную пору китайской жизни, во многихъ мѣстностяхъ Китая дѣлались попытки возврата къ общинному землевладѣнію, обусловленныя злоупотребленіями правомъ частной собственности. Послѣ многихъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ, землевладѣніе подверглось въ періодъ между третьимъ и седьмымъ столѣтіями христіанской эры дальнѣйшему преобразованію. Оно сдѣлалось разомъ и коллективнымъ, и частнымъ. Въ этой формѣ китайское землевладѣніе сохранилось и до настоящаго времени. Народный коллективизмъ понимается въ Китаѣ особеннымъ образомъ: участниками въ пользованіи землей могутъ быть не только живые люди, но и умершіе. Живущіе испрашиваютъ при помощи религіозныхъ обрядовъ у схороненныхъ покойниковъ права пользоваться землею и считаютъ себя отвѣтственными за хозяйничанье на ней передъ потомствомъ или будущими предками, какъ говорятъ китайцы. Живые не смѣютъ растрачивать попусту то, что было скоплено трудами предковъ предшествовавшихъ поколѣній. Въ прежнее время землю, которая плохо обработывалась, просто-на-просто конфисковали, да и теперь поземельная собственность въ Китаѣ является на самомъ дѣлѣ лишь правомъ временнаго пользованія. Одно это право только и можетъ подлежать отчужденію и передачѣ отъ одного частнаго лица къ другому, оно называется у китайцевъ «тіенъ-міенъ»; настоящее же право собственности сохраняется на вѣч-

ныя времена коллективнымъ китайскимъ людомъ, представителемъ котораго служитъ государство. Это государственное право проявляется нагляднымъ образомъ во взиманіи поземельной ренты. Когда китайскій землевладѣлецъ продаетъ или же отдаетъ внаймы участокъ земли, то выручаемая имъ за нее плата представляетъ лишь капиталъ или процентъ съ капитала, вложеннаго въ этотъ участокъ его собственнымъ трудомъ или трудомъ его предковъ. — Государство не считаетъ себя въ правѣ возвышать ренту по мѣрѣ увеличенія цѣнности земельныхъ участковъ. Поземельная рента въ Китаѣ взимается не съ цѣнности земель, а съ занимаемой ими площади. Установленная разъ навсегда, она не подвергалась затѣмъ никакимъ колебаніямъ. Эта рента является въ Китаѣ почти единственнымъ налогомъ. Благодаря ей, китайское государство имѣло возможность совершить грандіозныя публичныя работы: проведеніе каналовъ, дорогъ и т. п., которыя впослѣдствіи обусловили такое блестящее развитіе производительности частнаго труда. Стоимость ренты соотвѣтствуетъ качеству земли и условіямъ, въ которыхъ она находится для обработки. Земли, завоеванныя у воды, какъ, напримѣръ, осушенныя болота и т. п., не причисляются сразу къ одной изъ большихъ категорій китайской земли, а остаются въ теченіе извѣстнаго времени свободными отъ налоги. Въ сѣверныхъ областяхъ Китая воздѣлываются растенія, свойственныя умѣренному климату, а въ южныхъ—болѣе нѣжныя, тропическія. Но, вообще говоря, доходность земель на сѣверѣ и на югѣ Китая оказывается почти одинаковою. Съ данной площади обработаннаго поля получается по вѣсу меньше пшеницы, чѣмъ рису, но зато пшеница имѣетъ большую продажную стоимость, такъ что пшеничное поле, безъ всякаго ущерба, можетъ уплачивать въ казну такой же налогъ, какъ и рисовое. Поземельный налогъ въ Китаѣ измѣняется, смотря по разряду земель, въ предѣлахъ отъ полутора до пяти франковъ съ гектара (0,91 десятины). Соотвѣтственно численности народонаселенія налогъ этотъ составляетъ лишь около трехъ франковъ съ души.

Уплата поземельнаго налога считается китайцами священнымъ долгомъ: онъ освобождаетъ торговлю и промышленность отъ всѣхъ податей, которыя могли бы взиматься съ нихъ при другихъ системахъ податнаго обложенія, доставляетъ этимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности энергію и могущество. Можно сказать, что земледѣльческій классъ, принимая на себя уплату поземельнаго налога, возмѣщаетъ его затѣмъ, благодаря общему благосостоянію, обезпечивающему земледѣльческимъ продуктамъ сбытъ болѣе широкій, вѣрный и выгодный, чѣмъ при всякой другой системѣ податнаго обложенія. Кромѣ того, этотъ налогъ, постепенно распредѣляясь въ массѣ населенія, становится для каждаго китайца въ отдѣльности почти нечувствительнымъ. Китайскій земельный налогъ способствуетъ также упроченію

въ народныхъ массахъ чувства справедливости. Основной принципъ этого налога—уваженіе къ труду проводится также и во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ между поземельными собственниками и арендаторами. До тѣхъ поръ, пока земледѣлецъ обработываетъ какой-нибудь участокъ, владѣлецъ этого участка не можетъ требовать съ него никакой надбавки къ первоначально условленной арендной платѣ. Если земледѣлецъ, по какой-либо причинѣ, отказывается отъ аренды, то владѣлецъ земли обязанъ вознаградить его за всѣ сдѣланныя улучшенія, увеличившія цѣнность участка. Въ этомъ отношеніи китайская система привела къ замѣчательнымъ результатамъ. Она облегчила доступъ къ землѣ для тѣхъ, кто желалъ самъ заняться ея обработкой, отстраняя отъ земли всѣхъ спекуляторовъ или ищущихъ помѣщенія для капитала. Налогъ, взимаемый съ площади земельнаго участка, дѣлаетъ невыгоднымъ обладаніе землей, если оно не соединяется съ ея обработкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ, кто лично обрабатываетъ землю, налогъ этотъ является совершенно нечувствительнымъ. Онъ представляетъ не болѣе, какъ разъ навсегда установленную аренду, которая уплачивается государству и обезпечиваетъ земледѣльцу спокойное пользованіе результатами труда, вложеннаго имъ въ землю. Поощряя, такимъ образомъ, земледѣльческій трудъ, китайская система земельнаго налога привела къ такому усиленію плодородія почвы и къ такой интенсивной земледѣльческой культурѣ, при которыхъ съ одного и того же участка снимается въ годъ нѣсколько жатвъ, и каждый гектаръ земли пріобрѣтаетъ цѣнность отъ 4000 до 15000 и даже до 20000 франковъ. Она благопріятствуетъ развитію мелкой поземельной собственности. Средній размѣръ частной земельной собственности въ Китаѣ составляютъ $3^1/_2$ гектара земли. Но многія семьи владѣютъ всего лишь $1^1/_2$ гектаромъ или даже $^1/_2$ гектара земли. Хотя есть и болѣе крупныя помѣстья, но врядъ ли большинство изъ нихъ достигаетъ 20-ти гектаровъ въ размѣрахъ. Участки земли, доходящіе до 110-ти гектаровъ, чрезвычайно рѣдки; еще рѣже болѣе обширныя помѣстья: въ каждой изъ областей съ населеніемъ въ 30 — 40 милліоновъ душъ можно встрѣтить всего лишь 3 или 4 помѣстья въ 300—500 гектаровъ. Хотя поземельная собственность въ Китаѣ отличается коллективнымъ общенароднымъ характеромъ, но китайское законодательство нашло умѣстнымъ признать въ извѣстныхъ предѣлахъ также неотчуждаемость частныхъ земель, т.-е. неотчуждаемость права пользованія результатами труда, вложеннаго въ нихъ владѣльцами и предками владѣльцевъ. Каждое отдѣльное лицо или каждая семья, получивъ въ собственность участокъ земли, пріобрѣтаетъ надъ всѣмъ этимъ участкомъ или надъ нѣкоторою его частью право неотчуждаемаго владѣнія. Коллективно-народное право перешло, такимъ образомъ, до извѣстной степени къ семьѣ, ставшей хранительницей земли. Размѣры неотчуждаемаго участка, доходившіе прежде до 30-ти гектаровъ,

въ настоящее время уменьшены до $^1/_2$ гектара, составляющихъ такъ называемое вотчинное поле. Изъ 330-ти милліоновъ гектаровъ территоріи всего Китая, отъ 70-ти до 75-ти милліоновъ гектаровъ составляютъ неотчуждаемыя вотчины. На этомъ вотчинномъ полѣ зиждется домъ, семейный очагъ китайца. У состоятельныхъ семей на вотчинномъ полѣ устраиваютъ семейное кладбище. Въ домѣ имѣется семейное зало, гдѣ два раза въ мѣсяцъ собирается семья, чтобы рѣшать тяжебныя дѣла, судить проступки и преступленія, совершаемыя ея членами. Тамъ же хранятся семейные архивы и метрики. Съ развитіемъ землевладѣнія и земледѣлія, общій видъ страны совершенно измѣнился въ Китаѣ. Лѣса исчезли подъ совокупными усиліями напиравшаго на нихъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно густого населенія. Ихъ замѣнили многочисленныя и тѣсно расположенныя другъ возлѣ друга деревни. Промежутки между деревнями усѣяны множествомъ хуторовъ или маленькихъ мызъ, расположенныхъ на участкахъ въ какихъ-нибудь три гектара. Каждая мыза стоитъ обыкновенно въ серединѣ такого участка, на вотчинномъ полѣ, покрытомъ сплошь деревьями и кустарниками. «Можно сказать безъ особеннаго преувеличенія, что мызы почти прикасаются другъ къ другу, говоритъ Симонъ; при этой близости разстоянія между ними существуетъ тѣсная нравственная связь: почти всѣ сосѣднія мызы принадлежатъ членамъ одной и той же семьи. Обитатель самой ничтожной лачужки, естественно, находитъ въ родственныхъ ему жителяхъ сосѣдней большой мызы необходимую помощь и содѣйствіе. Каждая маленькая деревушка, каждая группа мызъ представляетъ собою законченную систему, въ которой можно навѣрное найти школу, мѣстную управу, камеру семейнаго суда, рабочихъ буйволовъ, мельницу, водоподъемную машину и т. п., которыхъ нельзя было бы завести для маленькихъ мызъ въ отдѣльности. А между тѣмъ, каждый дома чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Можно сказать, что въ Китаѣ почти нѣтъ семьи, которая не обладала бы вотчиннымъ полемъ. Оно неприкосновенно. Китаецъ, по винѣ котораго кто-нибудь чужой получаетъ возможность вторгнуться въ священную ограду этого поля, становится какъ бы святотатцемъ. Членъ семьи, беззаконныя дѣйствія котораго вызвали вмѣшательство правительственной власти, отлучается отъ семьи и предается проклятію. Имя его вычеркивается изъ семейной книги. Губернаторъ или полководецъ, допустившій непріятеля овладѣть однимъ изъ семейныхъ очаговъ, безопасность которыхъ онъ долженъ былъ бы охранять, нерѣдко лишаетъ себя жизни». Такъ сильны еще свойственныя родовому быту чувства и понятія въ Китаѣ!

Въ китайскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ существуетъ три главныхъ фактора: мелкая поземельная собственность, употребленіе воды и особыя свойства удобренія. Факторы эти встрѣчаются всюду и обусловливаются не случайностью, а являются предусмотрѣннымъ слѣд-

ствіемъ изъ сознательной идеи, которая съ самой глубокой древности ознакомила съ этими факторами китайскій народъ и пріучила его пользоваться ими. Мелкое землевладѣніе въ Китаѣ обусловлено при сохранившемся родовомъ бытѣ фактомъ принадлежности земли коллективно всему народу, вслѣдствіе чего невоздѣлываемыя земли отбираются въ казну и отдаются тому, кто пожелаетъ ихъ обработывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ налогъ, установленный съ единицы поверхности земельнаго участка, устраняетъ тунеядцевъ отъ землевладѣнія. Неотчуждаемость и неприкосновенность вотчиннаго поля создаетъ его владѣльцу обезпеченное положеніе и къ тому же навсегда устраняетъ возможность поглощенія этого трудового клочка земли крупной поземельной собственностью. Китайскіе законодатели постоянно были озабочены мыслью оградить государство отъ появленія крупныхъ помѣстьевъ. Вѣроятно, это происходило подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ существовавшей въ Китаѣ въ доконфуціанскую эпоху и въ началѣ ея раззорявшей страну жестокой борьбы между удѣлами (она возобновлялась иногда и впослѣдствіи). Законодательство облегчаетъ продажу и раздробленіе всей остальной земельной собственности, за исключеніемъ вотчиннаго поля. Въ примѣненіи воды къ земледѣлію мысль законодателя ясно проявляется въ сооруженіи колоссальнѣйшей и самой изумительной системы оросительныхъ каналовъ. Громадные водоемы, каналы и водостоки прорыты на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Каждый орошенный клочокъ земли могъ быть при этомъ обработанъ. Вода оплодотворяетъ все. Тамъ, гдѣ дана возможность орошенія, можно создать надъ непроницаемой почвой новую, по которой будетъ протекать животворная влага. Если вода всегда подъ рукою, къ чему глубокія запашки? Въ мѣстахъ, гдѣ вода на поверхности, растенію нечего искать въ нѣдрахъ земли. Искусственное орошеніе приноситъ въ китайскомъ хозяйствѣ огромную пользу, а потому о немъ издавна заботилось китайское правительство; оно также заботилось и объ удобреніи почвы: въ древнія времена, когда еще не была заселена вся территорія Китая, земля обработывалась на счетъ государства. Хозяйство велось на основаніи предписанія министерства народонаселенія и подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. Тогда имѣлись особые инспектора, завѣдывавшіе колонизаціей края, земледѣльческими работами, орошеніемъ и т. п. Они указывали колонистамъ, когда именно надлежитъ вспахивать землю, засѣвать ее, пересаживать молодыя растеньица изъ грядокъ въ поля, пускать на поля воду и сливать ее съ нихъ. Правительственные же чиновники опредѣляли, на какихъ земляхъ слѣдовало что сѣять, какое удобреніе давать тому или другому растенію въ томъ или другомъ періодѣ его развитія, при чемъ пояснялось также, какимъ образомъ надлежало примѣнить самое удобреніе, и т. п. Словомъ, это былъ періодъ примѣненнаго ко всему народу практи-

ческаго обученія земледѣлію, составляющему теперь благоденствіе и славу Китая. Въ «Чеу-Ли» (книга установъ династіи Чеу) содержится много относящихся сюда постановленій и предписаній, собранныхъ по порядку въ особыя главы. Тамъ идетъ рѣчь о самомъ обыкновенномъ и дешевомъ удобреніи человѣческомъ.

Въ глазахъ китайскаго законодателя — это наиболѣе драгоцѣнное удобреніе. Но въ книгѣ установъ Чеу обращается вниманіе и на другіе сорта удобренія. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ показаться теперь странными, если не имѣть въ виду громадности тогдашнихъ лѣсовъ и многочисленности обитавшихъ въ нихъ дикихъ звѣрей. «Инспектора земледѣльческихъ работъ, говорится въ Чеу-Ли, обратятъ свое вниманіе на хорошую подготовку сѣмянъ съ помощью надлежащихъ удобреній. Зерна, предназначенныя для посѣва, должны быть сперва вымочены въ наварѣ изъ бычачьихъ костей; затѣмъ, смотря по тому, будутъ ли ихъ сѣять на красной, черной или бѣлой, плотной, рыхлой или песчанистой почвѣ, ихъ слѣдуетъ опудрить высушеннымъ и измельченнымъ въ порошокъ удобреніемъ быка, барана, козы, собаки, свиньи, лисицы, барсука, оленя и т. д.». Очевидно, тутъ дѣло идетъ только о вспомогательныхъ удобреніяхъ, которыя вслѣдствіе своей рѣдкости могутъ имѣть лишь незначительное примѣненіе. Главное удобреніе и наиболѣе существенное, къ которому авторы Чеу-Ли относятся съ полнымъ предпочтеніемъ, то самое, которое въ Европѣ такъ тщательно стараются удалять всюду. «Инспектора земледѣльческихъ работъ должны наблюдать за тѣмъ, чтобы не терялось и не затрачивалось безъ нужды даже и малѣйшей частички этого удобренія, такъ какъ въ немъ лежитъ сила и спасеніе народа, говорится въ Чеу-Ли, да собираютъ его въ сосуды, гдѣ оно должно бродить въ теченіе 6-ти дней, а затѣмъ пусть употребляютъ въ дѣло, разводя десятью частями воды. Рисъ надо поливать имъ во время произрастанія, не ранѣе, и столько разъ, сколько требуется на самомъ дѣлѣ, не болѣе, такъ какъ слѣдуетъ питать растеніе, а не землю. Излишекъ же удобренія можетъ испариться въ воздухѣ. Гдѣ поля не орошаются, тамъ надо класть удобреніе возлѣ корней растеній, въ то время, какъ зародыши начинаютъ пробиваться изъ земли. Если класть удобреніе между бороздами, то значительная его часть будетъ испорчена паромъ. Поступая такимъ образомъ съ мудростью и бережливостью, израсходуютъ мало удобренія, получатъ обильныя жатвы, и люди будутъ счастливы». Въ сѣверныхъ областяхъ зимой избытокъ удобренія надо высушить, чтобы смѣшать съ землей, и, сдѣлавъ изъ него кирпичи, перевезти въ южныя». (По словамъ очевидцевъ, въ Китаѣ не страдаютъ отъ этого удобренія въ гигіеническомъ отношеніи, но, разумѣется, только китайская выносливость можетъ мириться съ происходящею отъ него вонью). Очевидно, нельзя высказать въ болѣе точныхъ выраженіяхъ законъ правильнаго круговорота, строго

соблюдаемый въ теченіе стольких вѣковъ въ Китаѣ. Въ законодательствѣ, составленномъ для Китая древними его мудрецами, имѣлось въ виду сдѣлать землю, воду и удобреніе общимъ достояніемъ. Цѣль эта до такой степени вошла въ сознаніе всего народа, что теперь въ Китаѣ не найдется въ сущности клочка земли, на которомъ она не была бы достигнута. Въ этой странѣ велика связь земли съ воздѣлывающимъ ее населеніемъ. Мелкое земледѣльческое хозяйство въ Китаѣ еще распространеннѣе мелкаго землевладѣнія. Въ Срединномъ царствѣ можно еще и теперь встрѣтить немногихъ богачей, обладающихъ помѣстьями въ 30, 50 и даже 300 гектаровъ, тогда какъ на всемъ протяженіи собственно Китая не найдется воздѣлываемаго участка, протяженіе котораго превышало бы 10—12 гектаровъ. Китайцы отдаютъ предпочтеніе мелкому хозяйству передъ крупнымъ даже и тамъ, гдѣ, кажется, условія болѣе благопріятствуютъ этому послѣднему. Однимъ изъ самыхъ очевидныхъ преимуществъ мелкаго хозяйства было чрезвычайное сокращеніе полей, на которыхъ воздѣлывался кормъ для скота; взамѣнъ этого оказалось возможнымъ соотвѣтственно расширить поля для воздѣлыванія продуктовъ, непосредственно потребляемыхъ въ пищу человѣкомъ, между которыми главное мѣсто занимаетъ рисъ, и ввести такое разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній, каждый сортъ которыхъ требуетъ за собой особаго ухода и попеченій, которыя совершенно не вяжутся съ пріемами крупнаго хозяйства, а въ мелкомъ доставляютъ не только сравнительно большіе барыши, но также и болѣе равномѣрное распредѣленіе труда. На всемъ протяженіи Китая насчитывается до 70-ти главныхъ воздѣлываемыхъ растеній, а въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, которое ведется на двухъ или трехъ гектарахъ, число такихъ растеній простирается отъ 8-ми до 10-ти и болѣе и даетъ высокаго качества продукты. «Это, собственно говоря, не земледѣліе, а садоводство, замѣчаетъ Симонъ. Говорятъ, что Китай похожъ на садъ, и это совершенно справедливо. Надо прибавить только, что не найдешь другого сада, который воздѣлывался бы лучше и давалъ болѣе громадный доходъ». (Нужно все-таки замѣтить при этомъ, что наиболѣе благопріятныя какъ естественныя, такъ и искусственныя условія для земледѣлія сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ восточной части Китая, заключающей въ себѣ 11-ть провинцій, гдѣ даже такая незначительная территорія, какъ 1/3 часть Франціи, можетъ прокормить 40 милліоновъ человѣкъ; въ этой половинѣ Китая народонаселенія 298 милліоновъ, тогда какъ въ западной, сравнительно большей по пространству, только семь провинцій и 101 милліонъ населенія. Характеристическую особенность этой страны составляютъ проходящія по всей длинѣ ея горы и горныя террассы, граничащія съ восточными выступами Тибетской возвышенности и уединенной песчаной пустыней Монголіи. Климатъ тамъ суровѣе, жителей

бѣднѣе. Земледѣльческіе продукты привозятся иногда изъ приморскихъ странъ. Промышленность населенія состоитъ, главнымъ образомъ, въ обработкѣ металловъ и минеральныхъ веществъ. Въ этой части Китая нерѣдко случается и голодъ *). Рисъ въ восточной части Китая приноситъ отъ 3,500 до 10,000 килограммовъ съ гектара, пшеница — отъ 15-ти до 50 и даже 60 гектолитровъ; чай же и шелковица даютъ отъ 8-ми до 10,000 франковъ съ гектара. Столь же благодарнымъ оказывается разведеніе сахарнаго тростника, восковаго дерева, на которомъ живетъ насѣкомое, доставляющее самый бѣлый и самый дорогой сортъ извѣстнаго намъ воска. Весьма выгодны дубовыя плантаціи, на которыхъ выкармливаютъ особые сорта шелковичнаго червя, доставляющаго только лишь въ двухъ областяхъ Китая сорокъ тысячъ тюковъ въ годъ шелка, а также насажденія лаковаго дерева, смола котораго безъ всякаго дальнѣйшаго приготовленія употребляется, какъ лучшій и прекраснѣйшій лакъ въ мірѣ, и т. д., и т. д. «Указать можно только валовой доходъ», говоритъ Симонъ, но какимъ образомъ опредѣлить стоимость работы, потраченной на двѣ или три штуки пальмъ, пару деревьевъ, доставляющихъ сало, нѣсколько десятковъ квадратныхъ футовъ поля, засаженнаго бобами, и нѣсколько квадратныхъ футовъ грядокъ съ красильными растеніями? Можно вообразить себѣ, пожалуй, апельсинныя деревья, которыя въ дѣйствительности стоятъ отдѣльно, сосредоточенными вмѣстѣ, и разсчитать, сколько гектаровъ было бы ими въ такомъ случаѣ занято. Но дѣло въ томъ, что тысяча деревьевъ, произрастающихъ вмѣстѣ, дадутъ гораздо меньшій валовой доходъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эти деревья разбросаны небольшими группами, особенно, когда каждая изъ такихъ группъ принадлежитъ другому хозяину. Чѣмъ меньше деревьевъ, тѣмъ лучше ухаживаютъ за каждымъ. Опредѣлить, во что обходится тотъ или другой продуктъ самому хозяину, было бы еще труднѣе! Можно ли оцѣнить любовь и усердіе, вложенныя въ ту или другую работу! Китайцамъ оттого такъ хорошо дается разведеніе дубоваго шелковичнаго червя, попытки къ акклиматизаціи котораго производятся въ Европѣ вотъ уже 24 года безъ всякаго успѣха, что каждая семья воспитываетъ у себя лишь небольшое количество этихъ червей. Посредствомъ тщательнаго ухода за каждымъ отдѣльнымъ растеніемъ въ Китаѣ удается сберегать ихъ отъ ржавчины, тли, повилики и другихъ паразитовъ, многіе изъ которыхъ теперь совершенно истреблены тамъ. Большая часть работъ производится членами семьи. Рабочихъ со стороны обыкновенно вовсе не нанимаютъ, а если и приходится брать ихъ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ и за очень дешевую плату. Способы, употребляемые въ мелкомъ хозяйствѣ и обусловливающіе его успѣшность,

*) Vivien de Saint Martin. „Географическій словарь".

слишкомъ извѣстны для того, чтобы ихъ стоило описывать, замѣчаетъ Симонъ, но одинъ между ними заслуживаетъ упоминанія: это пересадка воздѣлываемыхъ растеній. Гдѣ-нибудь въ уголкѣ сада, на солнечной сторонѣ, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ сильныхъ вѣтровъ заборомъ или же стѣною дома, отводится для этого небольшой участокъ, который, въ случаѣ надобности, тщательно удобряется перегноемъ. На немъ устраиваютъ грядки такъ, чтобы ихъ можно было бы прикрыть рамами или соломенными циновками, когда это потребуется для защиты въ сѣверныхъ округахъ молодыхъ растеній отъ холода. Въ приготовленныя такимъ образомъ грядки высѣваютъ вразбросъ, но очень густо, сѣмена воздѣлываемыхъ растеній, а когда они достигнутъ нѣкотораго развитія, ихъ пересаживаютъ изъ грядокъ на поле, гдѣ растенія эти уже окончательно вызрѣваютъ. Проводя часть своего существованія на маленькомъ участкѣ, они занимаютъ поле въ теченіе соотвѣтственно болѣе короткаго времени, вслѣдствіе чего съ даннаго поля можно въ одинъ сезонъ получить нѣсколько урожаевъ.

Въ этомъ заключается главная цѣль пересаживанья. Кромѣ того, такимъ путемъ достигаются и многіе другіе полезные результаты: пересаженное растеніе развѣтвляется гораздо скорѣе и даетъ отъ себя гораздо больше отпрысковъ. Если пересадка произведена такъ, чтобы можно было имѣть къ каждому растенію свободный доступъ для надлежащаго за нимъ ухода (а это именно и достигается пересадкою), то нѣтъ чудесъ, которыя были бы невозможны для такого способа воздѣлыванія. Отъ одного зерна пшеницы удавалось получать при этомъ до 60-ти колосьевъ. Люцерна даетъ иногда съ нѣсколькихъ кустовъ вмѣсто одного снопа—двѣнадцать и даже четырнадцать сноповъ. Мелкое земледѣльческое хозяйство не только утроило число урожаевъ, получаемыхъ съ даннаго поля, но въ такой же степени увеличило и каждый отдѣльный урожай. Кромѣ того получается сбереженіе и въ сѣменахъ сравнительно съ обыкновеннымъ способомъ посѣва; при этомъ еще есть возможность уменьшить количество рабочаго скота. Столь же благопріятно отражается оно и на упрощеніи земледѣльческихъ орудій. Этимъ однако не ограничиваются еще благодѣянія китайской системы мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Располагая по произволу водой и удобреніемъ, которые у него всегда подъ рукой, китайскій крестьянинъ достигаетъ того, что въ теченіи многихъ вѣковъ одни и тѣ же поля приносятъ два раза въ годъ одинаково богатые урожаи риса или пшеницы. Другія растенія, столь же истощающія почву, смѣняютъ другъ друга на этихъ поляхъ черезъ каждыя шесть недѣль, а между тѣмъ послѣ каждой жатвы человѣкъ находитъ свою землю такой-же плодородной, какъ и прежде. Мелкое земледѣльческое хозяйство и въ особенности примѣняемая въ немъ система пересаживанія растеній, оказываютъ китайцамъ еще одну услугу, дозволяя имъ воздѣлывать нѣкоторыя

однолѣтнія растенія, принадлежащія болѣе теплому климату. Въ результатѣ получается настоящій сѣвооборотъ, зависящій однако единственно лишь отъ климатическихъ, а не отъ почвенныхъ условій, и, кромѣ того, имѣющій лишь исключительною цѣлью распространить полосу воздѣлыванія южныхъ растеній на одинъ или на два градуса сѣвернѣе естественнаго предѣла. Въ качествѣ наиболѣе замѣчательнаго примѣра можно привести пшеницу, воздѣлываемую теперь въ Монголіи. Извѣстно, что страна эта отличается долгими и холодными зимами, когда морозы доходятъ зачастую до 30°. Лѣто бываетъ жаркое, но очень короткое. При такихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ тамъ до сихъ поръ могли успѣшно расти только травы безбрежныхъ какъ море монгольскихъ степей, да нѣкоторыя породы деревьевъ на болѣе удобныхъ мѣстностяхъ. Лѣтъ 30 тому назадъ можно еще было встрѣтить кое-гдѣ въ Монголіи поля, засѣянныя овсомъ или другими яровыми хлѣбами, но во всей странѣ не было рѣшительно ни одного пшеничнаго растеньица. Съ тѣхъ поръ по теченію весьма немногочисленныхъ тамъ ручьевъ и рѣчекъ осѣло болѣе многочисленное населеніе. Мелкое хозяйство стало примѣнять свои обычные способы воздѣлыванія растеній и, по крайней мѣрѣ, въ окрестностяхъ Великой стѣны, гдѣ это хозяйство достигаетъ болѣе полнаго развитія, созрѣваетъ теперь уже пшеница, пересаживаемая въ концѣ мая въ поля изъ питомниковъ. Другое растеніе — травянистый хлопокъ, который, вообще, не переходитъ за 36 или 37° сѣверной широты, разводится въ Манчжуріи сѣвернѣе 40°. Можно привести въ этомъ родѣ и много другихъ примѣровъ.

Благопріятныя почвенныя и климатическія условія, разумѣется, сильно способствуютъ также успѣшности китайскаго хозяйства. Замѣчательныя свойства желтозема извѣстны; погода въ Китаѣ далеко не такъ капризна, какъ въ Европѣ: знаютъ заранѣе, сколько разъ будетъ идти дождь весною и осенью. Разсчеты эти только въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказываются ошибочными. Самыя страшныя изъ климатическихъ бѣдствій для Китая — это засухи. Онѣ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ зимнихъ снѣговъ. Когда на тибетскихъ горныхъ высотахъ, откуда берутъ начало обѣ громадныя рѣки, орошающія Китай, находится не много снѣгу, или же когда снѣгъ этотъ растаетъ слишкомъ быстро, — всѣ мелкія рѣчки и каналы оросительной системы Срединнаго царства скорѣ пересыхаютъ. Странѣ угрожаетъ тогда неминуемый голодъ, если только не выпадутъ, такъ сказать, сверхкомплектные дожди. Никакого средства къ предотвращенію засухи китайцы придумать еще не могли. Наводненія, причиняемыя также тибетскими снѣгами, когда они скопляются въ слишкомъ большомъ количествѣ или же таютъ слишкомъ быстро, дѣлаютъ сравнительно меньше зла, не смотря на опустошенія, которыя они производятъ среди такого густого населенія, какъ китайское.

Имъ противодѣйствуютъ до извѣстной степени каналы, обширные водоемы и воздвигнутыя вдоль рѣки береговыя плотины. Къ тому же какъ только спадетъ вода, крестьяне приводятъ въ порядокъ свои поля и засаживаютъ ихъ вновь молодыми растеніями, выписанными изъ мѣстъ, не пострадавшихъ отъ наводненія. Въ нѣсколько дней слѣды произведенныхъ наводненіемъ опустошеній изглаживаются какъ бы волшебствомъ. Сильные дожди почти никогда не бываютъ настолько продолжительны, чтобы сдѣлать большіе убытки земледѣльцамъ. Обыкновенно, дождевая вода не застаивается на поляхъ, а благополучно стекаетъ съ нихъ по отводнымъ каналамъ и рѣчкамъ. Ранніе и поздніе морозы и градъ — очень рѣдкія явленія въ Китаѣ, и китайскому хозяйству почти нѣтъ надобности защищаться отъ нихъ.

Трудолюбіе китайскихъ земледѣльцевъ почти нигдѣ не имѣетъ себѣ равнаго: трудъ считается въ Китаѣ не бременемъ, не наказаніемъ за грѣхи, а священнымъ долгомъ, на который небо благословило человѣческій родъ. Да и можетъ ли какой-либо трудъ быть тягостнымъ для того, кто увѣренъ, что воспользуется его плодами? Притомъ все благосостояніе китайца вмѣстѣ съ его живой и умершей семьей зависитъ отъ этого труда, и китайскій земледѣлецъ сдѣлался необыкновенно внимательнымъ и трудолюбивымъ хозяиномъ. Никто не могъ бы уловить съ большей точностью физіологическій моментъ, наиболѣе удобный для пересаживанія риса, никто не въ состояніи былъ бы такъ хорошо угадать нужды пшеничнаго растенія. Опрятность на поляхъ доведена до кокетства. Чтобы корнеплодныя растенія могли примѣняться къ условіямъ обычной въ Китаѣ мелкой запашки, земледѣлецъ измѣнилъ ихъ форму, передѣлалъ по своему вкусу. Корневища изъ длинныхъ сдѣлались короткими, толстыми, шарообразными, изумляющими своею громадностью. Китайскій крестьянинъ привелъ въ домашнее состояніе многія растенія, остающіяся въ Европѣ дикими. Онъ заставилъ ихъ производить съѣдобные листья, плоды или корни. — Въ китайскомъ хозяйствѣ сдѣланъ домашнимъ дикій буйволъ».

Китайцы обожаютъ цвѣты и разводятъ ихъ при всякой возможности. Вотъ, для наглядности изображенія, описаніе хозяйства одного изъ китайскихъ семействъ со словъ очевидца: Участокъ состоитъ изъ 29 меу (1,94 гектара), изъ этого числа 11 меу расположены въ долинѣ, 18 — лежатъ на холмѣ. Земля въ долинѣ вся орошается посредствомъ каналовъ и стоитъ не менѣе 400 франковъ за меу. На холмѣ всего лишь 5 меу не орошаются непосредственно, а только съ помощью ручной поливки. Остальные 13 меу засажены чайными кустами, и цѣнность ихъ зависитъ отъ возраста этихъ насажденій. Чайныя плантаціи даютъ полный сборъ лишь на четвертомъ году. Въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ съ нихъ не получается никакого дохода, а на восьмомъ году обыкновенно приходится замѣнять

устарѣвшіе кусты новыми, молодыми. Въ немногихъ лишь случаяхъ оставляютъ чайные кусты до десятаго года, если этому благопріятствуетъ почва. Изъ 13-ти меу, засаженныхъ чайными кустами, два стоятъ по 210 франковъ, три—по 360, другіе три по 390, еще три по 420 и два послѣднихъ по 480 франковъ. Такимъ образомъ, вся чайная плантація представляетъ собою цѣнность въ 4890 франковъ, а всѣ 29 меу въ этомъ семейномъ участкѣ—10,790 франковъ. (Необходимо замѣтить, что китайскіе земледѣльцы не ограничиваются продажей добываемыхъ ими сырыхъ продуктовъ: они стараются, по возможности, ихъ предварительно обработать; не всегда перегоняютъ сами второй сортъ риса, изъ котораго выдѣлывается водка; имъ выгоднѣе продавать свой рисъ прямо на водочный заводъ. Но китайцы сами выдѣлываютъ масло и сахаръ, сами прядутъ пеньку, хлопокъ и шелкъ. Въ Китаѣ, при сохранившейся во многихъ отношеніяхъ первобытности, нѣтъ строгаго раздѣленія труда). Поля, находящіяся въ долинѣ, приносятъ въ общей сложности доходъ въ 1971 франкъ. Затѣмъ съ чайныхъ плантацій семейство описываемаго участка получаетъ 3033 франка, а съ остальныхъ нагорныхъ полей—1365 франковъ. Весь же валовой его доходъ достигаетъ суммы въ 6369 франковъ. Въ общей сложности весь доходъ этого участка составляетъ цифру въ 7142 франка.—Разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній даетъ китайской семьѣ работу круглый годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше обезпечиваетъ отъ неблагопріятныхъ случайностей хозяйства. Обработываемые продукты составляютъ: рисъ, клеверъ, пшеница, рѣпа, капуста, пикули, мелкіе бобы, горохъ, чай, кукуруза, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, греча, табакъ, ямсъ; въ саду и на окраинахъ полей—семь пальмъ, доставляющихъ пеньку, четыре апельсинныхъ дерева, шесть деревьевъ, доставляющихъ сало, три масличныхъ дерева и, кромѣ того, маленькая бамбуковая рощица, необыкновенно разнообразно полезная въ хозяйствѣ. Семья эта держитъ буйвола, отдаваемаго временно въ наемъ, поросятъ, которыхъ выкармливаютъ 4 раза въ годъ, двухъ козъ, птичій дворъ, гдѣ постоянно держится дюжина куръ и штукъ 20 утокъ, доставляющихъ ежегодно 150 штукъ цыплятъ и молодыхъ утокъ; кромѣ того ежегодно получается 2600 куриныхъ яицъ и 1500 утиныхъ.—Орудія китайскаго земледѣлія, употребляемыя почти въ каждомъ хозяйствѣ: большая водокачальная машина съ приводомъ для буйвола, машина поменьше—для двухъ рабочихъ, плугъ, деревянная борона, 2-е большихъ желѣзныхъ грабель, 5 ручныхъ двоезубыхъ мотыгъ, 2 большихъ мотыги съ 4-мя зубьями, 2 серпа, 1 ящикъ для вымолачиванія риса, 4 ведра для разноски удобренія, 4 ведра поменьше, двѣ большихъ ложки для удобренія, двѣ ложки поменьше, 3 большія глиняныя вазы для удобренія, 2 деревянныя лопаты, 2 молотильныхъ цѣпа для пшеницы, 2 коромысла для ведеръ, деревянная мельница для обдирки риса, ручная

вѣялка, мукомольная мельница съ каменными жерновами, ступа съ пестомъ, 4 кирпичныя печи для изготовленія чая, 4 желѣзныхъ противня, 50 цыновокъ для просушки чая, 4 маленькія деревянныя лопаточки для переворачиванія чайныхъ листьевъ, машинка для очистки хлопка отъ сѣмянъ, 2 самопрялки, ткацкій станокъ, мельница для сурѣпы, прессъ для выжиманія масла, мельница для выдавливанія сока изъ сахарнаго тростника, 2 желѣзныя ложки, соломорѣзка, 4 чана для изготовленія скоту корма.—Цѣнность всѣхъ исчисленныхъ здѣсь орудій и хозяйственныхъ принадлежностей составляетъ въ общей сложности 578 франковъ 20 сантимовъ.

При китайской системѣ хозяйства нѣтъ надобности держать большого количества скота,—коровъ и лошадей; каждый мелкій хозяинъ ограничивается содержаніемъ одного только буйвола, более крупный— двухъ. Обширное китайское скотоводство производится, главнымъ образомъ, въ необъятныхъ степяхъ Монголіи.

Таково хозяйство большинства китайскихъ крестьянъ. Въ этой области оказывается положительный прогрессъ въ китайскомъ государствѣ; хотя земледѣліе велось хорошо и въ древнемъ Китаѣ, способы его производства мало усовершенствовались, и главныя выгоды, заключающіяся въ системѣ мелкаго хозяйства, явились послѣдствіемъ обстоятельствъ и времени; но важнѣе всего при этомъ количественное распространеніе цвѣтущаго земледѣлія по всему Китаю, дающее ему большое преимущество надъ европейскими государствами,— хотя тамъ теоретическое знаніе сельскаго хозяйства гораздо выше, потому что имѣетъ научныя основанія, въ школахъ подготовляются ученые агрономы. Но примѣненіе ихъ знаній въ дѣйствительности, большею частію, распространяется очень слабо.

Земледѣліе называютъ первою изъ всѣхъ отраслей промышленности. Это въ особенности справедливо по отношенію къ Китаю. Удерживая, по возможности, промышленность въ деревнѣ, китайцы сохраняютъ тамъ рабочія руки, въ которыхъ въ страдное время могъ бы быть недостатокъ, если бы онѣ были сосредоточены на большихъ фабрикахъ и заводахъ. При этомъ избѣгаются также безработицы, которыми отъ времени до времени страдаютъ всѣ производства, обособившіяся отъ земли. Но промышленныя производства стоятъ въ Китаѣ на болѣе низкой степени развитія, чѣмъ въ Европѣ; съ помощью европейскихъ машинъ и прессовъ, нагрѣваемыхъ паромъ, добываютъ со ста килограммовъ сурѣпнаго зерна 30 килограммовъ масла, тогда какъ китайцы выжимаютъ на своихъ маслобойняхъ, приводимыхъ въ дѣйствіе буйволомъ, всего какимъ-нибудь 25-ть и не болѣе 28-ми килограммовъ. Но урожай сурѣпы при китайской системѣ земледѣлія даетъ съ каждаго гектара 2250 килограммовъ зерна, тогда какъ во Франціи получается съ него всего лишь 1400 или 1500 килограммовъ зерна, такъ что китайцы, въ концѣ концовъ, все-таки

оказываются въ барышахъ. Сахаръ получается въ Китаѣ также при помощи необыкновенно простыхъ средствъ: два, поворачиваемые буйволомъ, жернова, раздавливающіе сахарный тростникъ, три котла для варки, сгущенія и очистки сока, переливаемаго изъ одного котла въ другой, и печь, отапливаемая соломой, составляютъ всѣ аппараты китайскаго сахарнаго завода. Яичный бѣлокъ для очищенія сока и нѣкоторое количество извести, содѣйствующей очищенію и кристаллизаціи сахара, представляютъ собою единственныя, употребляемыя при этомъ производствѣ химическія принадлежности. Понятно, что такими допотопными способами нельзя получить изъ ста килограммовъ тростника болѣе пяти килограммовъ сахару. Процентъ этотъ тѣмъ ничтожнѣе, что китайскій сахарный тростникъ чрезвычайно сладокъ. Трудно сказать, сколько процентовъ сахару содержится въ немъ; значительная часть сахару, остающаяся при китайскомъ способѣ производства въ выжимкахъ тростника, идетъ на кормъ животнымъ. Несмотря на это, съ каждаго меу сахарной плантаціи получается 230 килограммовъ свѣтло коричневаго сахару, напоминающаго цвѣтомъ кофе, сильно разбавленный молокомъ. Съ гектара можно получить по этому разсчету около 3400 килограммовъ, тогда какъ на Антильскихъ островахъ получается при употребленіи обыкновеннаго фермерскаго удобренія не болѣе 2800—3000 килограммовъ сахару съ гектара. Такимъ образомъ, и здѣсь совершенство земледѣлія вознаграждаетъ съ лихвою несовершенство пріемовъ промышленнаго производства и оставляетъ въ рукахъ земледѣльца сравнительно большій барышъ, который идетъ въ пользу самой земли. Цѣна сахара въ Китаѣ, составляющая всего лишь 25 сантимовъ за килограммъ, настолько ничтожна, что значительное количество китайскаго сахару вывозится въ Индію и Калифорнію. Въ 1861 году вывезено было изъ двухъ только портовыхъ городовъ Кантона и Сватеу 2700 килограммовъ сахару. Бѣлый сахаръ стоитъ 35 сантимовъ за килограммъ. «Можно сказать, замѣчаетъ Симонъ, что если бы китайцы убѣдились когда-либо въ умѣстности преобразовать свою промышленность на европейскій образецъ, то европейцамъ пришлось бы или погибнуть въ неравной борьбѣ, или же, надѣливъ Китай усовершенствованными способами промышленнаго производства, надо было бы заимствовать въ свою очередь китайскіе земледѣльческіе, экономическіе и соціальные порядки. Къ счастью для европейцевъ китайцы очень консервативны. Къ тому же самый способъ ихъ земледѣльческаго хозяйства, потребности этого хозяйства и доставляемые имъ барыши обезпечиваютъ ихъ отъ увлеченія производствами, которыя могли бы отрывать рабочія руки отъ земледѣлія. — Сборъ чая въ Китаѣ сравнивали часто со сборомъ винограда въ Западной Европѣ. Сравненіе это совершенно вѣрно, какъ съ точки зрѣнія доставляемыхъ выгодъ, такъ и по отношенію къ обстоятельствамъ, сопровождающимъ этотъ сборъ. Вся разница въ томъ,

что, напримѣръ, во Франціи виноградныя лозы иногда совершенно погибаютъ, такъ что владѣльцы виноградниковъ, разоренные въ конецъ, бросаютъ воздѣлываніе этого растенія. Въ Китаѣ нѣтъ ни морозовъ, ни филоксеры, которые уничтожали бы сборы чая, а другія угрожающія ему опасности таковы, что ихъ всегда можно, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, предотвратить. Сырая и холодная погода, обусловливая медленный ходъ растительныхъ процессовъ и неравномѣрное развитіе листьевъ, понижаетъ достоинство, а, слѣдовательно, и цѣнность чая. Къ тому же и самый сборъ идетъ медленнѣе и обходится дороже, такъ какъ необходимое по нормальному разсчету число рабочихъ заподряжено заранѣе и должно во всякомъ случаѣ получить условленную плату. Сырая и жаркая погода, при которой растительность развивается съ быстротой молніи, точно также чрезвычайно опасна.

Тогда ужъ приходится не собирать чай, а спасать его съ возможною поспѣшностью отъ чрезмѣрнаго развитія, при которомъ листъ становится жесткимъ и непригоднымъ для рыночной продажи. Какъ бы ни было велико число рабочихъ, въ нихъ постоянно оказывается тогда недостатокъ. Можно сказать, впрочемъ, что и при нормальныхъ условіяхъ сбора, происходящаго въ четыре пріема, во второй его половинѣ не ощущается избытка въ рабочихъ рукахъ. Эта вторая половина сбора, доставляющая самое большое количество чаю, имѣетъ особенно важное значеніе не только для Китая, но также для Европы и Америки. Въ виду важности обезпечить успѣхъ чайнаго сбора, китайцы не пожалѣли бы пожертвовать интересами любой отрасли промышленности, какъ бы она ни обѣщала быть выгодной. Къ тому же, если бы они этого не сдѣлали, что̀ сталось бы тогда съ потребителями чая въ Англіи, Россіи и Соединенныхъ Штатахъ и со всѣми обществами воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаются въ Лондонѣ пароходы съ чаемъ новаго сбора! Тому изъ нихъ, который опередитъ всѣ остальные, хотя бы на половину корпуса, выплачивается премія въ 500 тысячъ франковъ. Тѣмъ временемъ на другомъ полушаріи всѣ заняты сборомъ чайныхъ листьевъ. Мужчины и женщины, дѣти и старцы, юноши и молодыя дѣвушки разсыпаются по холмамъ, при чемъ мужчины и женщины работаютъ, однако, всегда на отдѣльныхъ участкахъ. Зачастую мѣстнаго населенія оказывается недостаточно. Къ нему на подмогу являются тогда жители сосѣднихъ равнинъ и долинъ, которымъ приходится иногда уходить изъ дому мили за четыре. Чайныя плантаціи невелики, работники легко могутъ сообщаться между собою; иногда въ обѣденное время, когда отдыхаютъ отъ работы гдѣ-нибудь подъ тѣнью развѣсистаго ли-чи, вниманіе всѣхъ привлекаютъ звуки туземной гитары, служащіе аккомпаниментомъ пѣнію. Съ первыхъ же аккордовъ всѣ узнаютъ любимую китайскую веселую пѣсню Синъ-фа. Пѣвица смолкла, и вся компанія

возвращается снова къ работѣ. Время это для китайцевъ имѣетъ такое же значеніе, какое во Франціи время собиранія винограда. Къ тому же оно совпадаетъ съ работами на рисовыхъ поляхъ. Въ сѣверномъ Китаѣ оканчивается тогда молотьба пшеницы, а въ южномъ пашутъ земли подъ рисъ или занимаются уже пересадкой молодыхъ рисовыхъ растеньицъ въ поля. Черпаки водоподъемныхъ машинъ всюду въ движеніи. Вода плещется, брызжетъ, шумитъ и бѣжитъ повсюду. Какъ голы, печальны и пусты сельскіе пейзажи Россіи и даже нѣкоторыхъ странъ западной Европы сравнительно съ такими картинами! Злоупотребленіе общественной водой, назначаемой для орошенія полей, никому не приходитъ и въ голову въ Китаѣ. Вода такъ же необходима для жизни, какъ солнце, земля и воздухъ. Она должна быть общимъ достояніемъ. Сознаніе этого глубоко коренится въ китайскомъ народѣ. Сельскій сторожъ, которому поручено крестьянской управой распредѣлять воду по оросительнымъ канавкамъ, никогда не имѣетъ случая подмѣтить даже и малѣйшаго злоупотребленія и заботится лишь о содержаніи въ порядкѣ оросительныхъ каналовъ. Расходы на это покрываются взносами съ землевладѣльцевъ, уплачивающихъ ежегодно по два сантима съ каждаго меу. Весь сборъ чая состоитъ, собственно говоря, изъ четырехъ послѣдовательныхъ сборовъ. По окончаніи третьяго изъ нихъ устраивается пиршество во дворахъ и галлеріяхъ пагоды, посвященной святому, чайному покровителю, а иногда, за недостаткомъ мѣста, даже и въ окружающихъ улицахъ. Столы и стѣны украшаются при этомъ гирляндами, цвѣтами и плодами. Каждый изъ участвующихъ проходитъ въ торжественной процессіи мимо статуи святого и предлагаетъ ему чашку чая новаго сбора. Праздникъ этотъ заканчивается, какъ и всѣ китайскія празднества, театральнымъ представленіемъ и пирушкой. Все это несомнѣнно оживляетъ трудъ китайскихъ рабочихъ и придаетъ имъ энергію. — Китайскіе крестьяне сами прядутъ шелкъ; они обратили въ домашнее состояніе бабочку обыкновеннаго шелковичнаго червя, которую отъ нихъ заимствовали въ Европѣ, и бабочку дубоваго шелковичнаго червя, которою въ Европѣ до сихъ поръ не съумѣли воспользоваться, а также восковую кошениль, такую же мелкую и хрупкую, какъ тля, живущая на розахъ, но еще менѣе замѣтную. Рисъ, чай, хлопокъ, сахаръ и апельсины являются главнѣйшими произведеніями мѣстной земледѣльческой промышленности въ Китаѣ. Земля доставляетъ тамъ, однако, много еще другихъ продуктовъ, въ значительной степени увеличивающихъ богатство населенія.

Пальма, раскидывающая широкимъ вѣеромъ свою листву въ шести или восьми метрахъ отъ земли, даетъ прекрасное растительное волокно, замѣняющее китайцамъ пеньку. Другое дерево со свилеватой штамбой, искривленными вѣтвями и ржавыми листьями, несмотря на свой незрѣлый видъ, доставляетъ обильный сборъ сѣмянъ, богатыхъ

масломъ. Сѣмена дерева, очень похожаго издали на березу, изобилуютъ растительнымъ саломъ. Бамбуковый тростникъ, самый полезный и самый граціозный изъ кустарныхъ растеній; перистая листва, увеличивающая его стволы на высотѣ 4-хъ или 10-ти метровъ, колеблется при дуновеніи малѣйшаго вѣтерка. Тамъ и сямъ виднѣются группы бананов, но ихъ назначеніе больше—служить украшеніемъ; бананы рѣдко приносятъ вкусные плоды. Въ Китаѣ всѣ профессіи, кромѣ ученой, пользующейся самымъ большимъ почетомъ, одинаково уважаются; китайцы даже не имѣютъ представленія объ унизительномъ трудѣ вообще; личность рабочаго и трудъ пользуются полной свободой въ государствѣ. Простому земледѣльческому рабочему платятъ обыкновенно отъ 15-ти до 20-ти сантимовъ въ день на хозяйскомъ содержаніи. При разсадкѣ риса онъ получаетъ въ день копейкой больше, а при молотьбѣ обычная поденная плата увеличивается восемью сантимами. Въ Китаѣ нѣтъ никакихъ предразсудковъ, никакихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, искусственно искажающихъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, т.-е. побуждающихъ общество производить больше или меньше рабочихъ, чѣмъ это, дѣйствительно, требуется въ тѣхъ или другихъ профессіяхъ. Система налоговъ и землевладѣнія ограждаетъ тамъ повсюду равномѣрно право труда; крестьянинъ ничѣмъ не отвлекается отъ родной почвы. Неприкосновенная и священная гарантія свободы—поземельная собственность—стала для человѣка сокровищницей, въ которую онъ вкладываетъ всѣ свои сбереженія. Не отдавать землѣ возращенныя ею богатства и употреблять ихъ на созданіе такого порядка вещей, который основывался бы не на отечественномъ производствѣ, а выписывалъ свое сырье изъ-за границы и продавалъ бы обработанный продуктъ туда же, считается въ Китаѣ дѣломъ совершенно неосновательнымъ, несправедливымъ и опаснымъ.

Промышленность тамъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ земледѣльческаго производства и держится въ его рамкахъ. Такъ-какъ земля въ Китаѣ плодороднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ, и зачастую приноситъ въ годъ отъ 4-хъ до 5-ти урожаевъ, то промышленныя производства достигли тамъ замѣчательно мощныхъ размѣровъ. Часто промышленная дѣятельность прямо соединена съ земледѣліемъ. Самъ земледѣлецъ переработываетъ свой сахарный тростникъ и конопли, выжимаетъ масло, прядетъ шелкъ или, по меньшей мѣрѣ, разматываетъ коконы шелковичныхъ червей. Чѣмъ многочисленнѣе его семья, тѣмъ все это, разумѣется, ему легче сдѣлать. Если количество собранныхъ продуктовъ слишкомъ мало для того, чтобы ихъ стоило обработывать отдѣльно, онъ присоединяетъ свой продуктъ къ продукту сосѣдей и дѣлится съ ними полученными результатами, послѣ чего выжидаетъ удобнаго случая продать уже обработанные продукты. Менѣе состоятельные крестьяне вынуждены иногда продавать сырье,

чтобы поскорѣе выручить за него деньги. Всѣ эти торговые обороты производятся на большихъ ярмаркахъ, которыя въ уѣздѣ, имѣющемъ, напримѣръ, протяженіе въ 10 квадр. миль, собираются то въ одной мѣстности, то въ другой отъ 8-ми до 10-ти разъ въ мѣсяцъ. Туда съѣзжаются для закупокъ купцы и фабриканты, спеціально занимающіеся промышленнымъ трудомъ. Нужно замѣтить, что и они также не разрываютъ связи своей съ кормилицей землей. Живя въ городахъ, купцы поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ своей деревенской семьей, а въ случаѣ выдѣленія изъ семьи получаютъ въ наслѣдство или покупаютъ себѣ въ деревнѣ участокъ земли, на которомъ разсчитываютъ поселиться впослѣдствіи, сдѣлавъ изъ него вотчинное поле. Это любимая мечта каждаго китайца. Въ Срединномъ царствѣ почти нѣтъ крупной промышленности. Капиталы раздроблены и сосредоточиваются въ крупныя единицы только для краткосрочныхъ торговыхъ или иныхъ оборотовъ. Есть нѣсколько китайскихъ фирмъ, работающихъ съ основными капиталами въ 10—12 милліоновъ франковъ. Это почти во всѣхъ случаяхъ товарищества. Самое могущественное товарищество въ Китаѣ—пароходное съ капиталомъ въ 25—30 милліоновъ франковъ. Встрѣчаются, хотя и рѣдко, отдѣльныя личности, обладающія капиталомъ въ 100 милліоновъ франковъ, который помѣщается у нихъ въ разныхъ земледѣльческихъ, финансовыхъ, торговыхъ и другихъ тому подобныхъ предпріятіяхъ. Но такія значительныя скопленія капиталовъ являются лишь рѣдкими исключеніями. Промышленныя предпріятія, которыя въ Европѣ нуждаются въ особенно большихъ основныхъ оборотныхъ капиталахъ, какъ, напримѣръ, чугунно-плавильные и железо-дѣлательные заводы, обходятся въ Китаѣ съ сравнительно ничтожной суммой въ 50—100 тысячъ франковъ. Сумма эта въ большинствѣ случаевъ доставляется въ складчину тремя или четырьмя товарищами. Основанный съ такимъ капиталомъ заводъ выплавляетъ отъ 40 до 70 тысячъ килограммовъ въ день. Когда суточная выплавка достигаетъ 40 тысячъ килограммовъ, вывѣшиваютъ на доменной печи красный флагъ, при 45-ти тысячахъ — прибавляется къ жалованью рабочихъ по двѣ унціи мяса на каждаго, при 50-ти тысячахъ килограммовъ суточной выплавки каждый рабочій получаетъ еще 4 добавочныхъ унціи, а при 60-ти тысячахъ — сверхъ того и два стакана водки. Награду получаютъ не всѣ рабочіе, а только главные. Число всѣхъ рабочихъ на такомъ заводѣ составляетъ 312 человѣкъ, многіе изъ нихъ заняты добываніемъ руды и доставкой ее на заводъ; онъ платитъ въ казну налогъ въ 600 франковъ въ годъ; но налогъ этотъ берется не съ заводской дѣятельности, которая въ Китаѣ не подлежитъ никакому обложенію, а за разрѣшеніе добывать руду, такъ-какъ всѣ рудныя богатства считаются государственной собственностью.

Такова китайская крупная промышленность. Болѣе мелкая промышленность въ Китаѣ имѣетъ чисто кустарный характеръ. Въ производ-

ствѣ участвуетъ или одна семья предпринимателя, или, кромѣ того, еще нѣсколько наемныхъ рабочихъ, не болѣе восьми человѣкъ съ однимъ или двумя учениками. Рабочіе, вообще, не живутъ у нанимающей ихъ семьи, а въ гостинницѣ или у себя дома, если собственныя ихъ семьи находятся по сосѣдству, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Во многихъ отрасляхъ семейнаго труда хозяева зачастую вступаютъ въ товарищество со старшими рабочими или выдѣляютъ имъ часть прибыли. И хозяева, и рабочіе въ Китаѣ отдаютъ во всѣхъ случаяхъ, когда оказывается возможность, предпочтеніе поштучной работѣ или работѣ съ подряда. Батрачество не составляетъ поэтому тамъ обычной формы промышленнаго и земледѣльческаго труда. Промышленное производство организовано по образцу поземельной собственности. Батраковъ въ Китаѣ гораздо меньше, чѣмъ людей, работающихъ за собственный счетъ или на компанейскихъ началахъ. Отдѣльныя отрасли производства образуютъ корпораціи, въ которыхъ хозяева составляютъ особыя, и рабочіе, съ своей стороны, тоже особыя товарищества. Всѣ недоразумѣнія между тѣми и другими улаживаются третейскимъ судомъ (вѣроятно, они бываютъ не особенно сильны). Каждая корпорація обладаетъ особеннымъ фондомъ, образующимся изъ добровольныхъ взносовъ; изъ него выдаются вспомоществованія нуждающимся въ этомъ членамъ. Поступить въ члены корпораціи довольно легко и вмѣстѣ съ тѣмъ положительно необходимо, потому что иначе можно остаться безъ работы. Несчастные случаи, при которыхъ необходима выдача пособій, оказываются въ Китаѣ несравненно болѣе рѣдкими, чѣмъ въ Европѣ; дома тамъ, за очень немногими исключеніями, одноэтажные, паровыя машины не введены еще въ употребленіе, а рудники и копи никогда не разрабатываются на большую глубину (все это признаки несовершенства китайской цивилизаціи). Къ тому же китайцы работаютъ методически, не торопясь, и такимъ образомъ, избѣгаютъ ошибокъ, которыя могли бы повлечь за собой несчастныя послѣдствія. У каждой ремесленной корпораціи есть свой святой патронъ.

Посвящаемая ему пагода (храмъ) является сборнымъ пунктомъ для членовъ корпораціи, нерѣдко отправляющихся туда въ паломничество. Паломничество это обязательно для ученика, выдержавшаго испытанье на подмастерье, и для подмастерья, переходящаго черезъ три года въ мастера. Тамъ ихъ пробныя работы выставляются на болѣе или менѣе продолжительное время напоказъ, всенародно. Несомнѣнно, что между китайскими ремесленными корпораціями и западно-европейскими цехами существуетъ въ обычаяхъ значительная аналогія. Китаянки рѣдко нанимаются работать на сторонѣ. Но когда имъ приходится дѣлать это, онѣ поступаютъ въ услуженіе въ другія семьи, гдѣ съ ними обращаются, какъ съ родственницами. Въ Шанхаѣ, однако, довольно много китаянокъ работаетъ на шелкопрядильныхъ фабрикахъ,

устроенныхъ европейцами. Туземное населеніе смотритъ на это несочувственно. Для полевыхъ работъ женщины нанимаются всего лишь въ трехъ или четырехъ областяхъ и образуютъ тогда маленькія артели, работающія отдѣльно отъ мужчинъ. Въ Китаѣ мастеру довольно легко сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ. Это объясняется укоренившейся въ народѣ привычкой къ порядку, бережливости и взаимному кредиту. Тамъ очень развито банковое дѣло; въ этой странѣ едва ли найдется теперь купецъ, крестьянинъ или даже порядочный рабочій, у котораго не было бы текущаго счета въ какомъ-либо банкѣ. Всѣ платежи производятся черезъ посредство банкировъ. Каждый рабочій, который велъ скромную жизнь, достигнувъ 25-лѣтняго возраста, имѣетъ всегда въ банкѣ капиталъ, по меньшей мѣрѣ, въ 300 или 400 франковъ и, сверхъ того, право требовать, чтобы банкиръ ссудилъ ему такую же сумму. Между тѣмъ, въ Китаѣ на 700—800 франковъ можно сдѣлать уже многое. Если этотъ рабочій владѣетъ хотя небольшимъ клочкомъ земли, онъ можетъ заложить ее безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Заимодавцу передается для этого только документъ, удостовѣряющій право собственности; на оборотной сторонѣ этого документа владѣлецъ пишетъ, что онъ дѣйствительно долженъ такую-то сумму. Но и въ самомъ худшемъ случаѣ, когда у молодого китайца нѣтъ ничего, кромѣ личной энергіи и надежнаго пріятеля, онъ идетъ къ этому пріятелю и высказываетъ ему свои планы на будущее; пріятель обращается къ третьему лицу, третій—къ четвертому, пока не наберется въ общей сложности человѣкъ десять. Молодой китаецъ, пригласивъ всѣхъ десятерыхъ къ себѣ на чашку чаю, излагаетъ свои намѣренія и предположенія. Если они будутъ одобрены, то одиннадцать пріятелей вступаютъ въ товарищество. При этомъ не имѣется въ виду эксплоатировать проекты молодого человѣка сообща (акціонерныя общества въ Китаѣ, вообще, сравнительно рѣдки, хотя мелкія товарищества изъ 2—8-ми и не болѣе десяти человѣкъ составляются очень часто. Большихъ акціонерныхъ обществъ китайцы недолюбливаютъ. «Участвующіе въ такихъ обществахъ утрачиваютъ, говорятъ они, личный почипъ, личную отвѣтственность и независимость, не пріобрѣтая выгодъ соотвѣтственно этой утратѣ»), небольшое товарищество имѣетъ цѣлью только доставить ему необходимый капиталъ, который долженъ быть затѣмъ погашенъ въ опредѣленный срокъ годичными уплатами. Такъ-какъ цѣль эта слишкомъ безкорыстна для того, чтобы служить достаточно сильнымъ побудительнымъ поводомъ къ оказанію помощи незнакомцу, то китайцы изобрѣли нѣсколько комбинацій, обезпечивающихъ каждому изъ сотоварищей не только возвратъ его капитала и процентовъ, но также и пользованіе въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока суммою, равной всей совокупности складочнаго капитала; всѣ сотоварищи обязуются поэтому производить до-

полнительные взносы до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не будетъ поочередно имѣть въ рукахъ всей условленной суммы, которая по истеченіи срока пользованія возвращается опять въ общую кассу. Товарищество заключается обыкновенно на столько лѣтъ, сколько лицъ принимаютъ въ немъ участіе. Затѣмъ вынимаютъ по жребію десять нумеровъ, указывающихъ для каждаго участника порядокъ пользованія складочнымъ капиталомъ. Иногда уговариваются не приращать складочный капиталъ процентами, иногда же, напротивъ, проценты приращаются къ этому капиталу. Точно также договариваются, чтобы лицо, пользовавшееся уже въ теченіе даннаго срока складочнымъ капиталомъ, выходило бы вмѣстѣ съ тѣмъ изъ товарищества, или же дѣлаютъ для него обязательнымъ дальнѣйшее участіе въ немъ. Самый порядокъ исключенія изъ товарищества можетъ быть обставленъ тѣми или другими условіями, соотвѣтственно съ которыми опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ доля ежегоднаго взноса для каждаго изъ товарищей. Она, несомнѣнно, зависитъ отъ очереди пользованія складочнымъ капиталомъ. Всѣ эти общества основываются на добросовѣстности и взаимномъ довѣріи (качества, являющіяся въ народѣ результатомъ конфуціанскаго воспитанія). Тотъ, кто отнесся хоть разъ недобросовѣстно къ принятому такимъ образомъ обязательству, не принимается больше въ члены подобнаго общества. Такіе примѣры чрезвычайно рѣдки. Если кто-либо изъ сотоварищей затрудняется уплатить слѣдующій съ него взносъ, онъ можетъ помѣняться очередью съ другимъ участникомъ, на долю котораго выпадетъ въ томъ году пользованіе складочнымъ капиталомъ; нужно только во-время предупредить объ этомъ. Мелкія промышленныя товарищества охватываютъ почти все рабочее населеніе Небесной имперіи и отличаются многими такими особенностями, что могли бы до извѣстной степени служить образцомъ для подражанія европейскимъ ассоціаціямъ. «Ни въ одной странѣ, говоритъ французскій консулъ Симонъ, долго жившій въ Китаѣ, плодотворное начало ассоціаціи не получаетъ столь частыхъ примѣненій, какъ въ Китаѣ. Соединяются для общихъ предпріятій въ городахъ и селеніяхъ; богатые капиталисты складываются, чтобы учредить могущественные банки; бѣдные земледѣльцы—чтобы купить буйвола, нужнаго въ работѣ. Мелкіе торгаши входятъ въ товарищества, чтобы основать богатыя торговые фирмы, уличные нищіе спѣшатъ сдѣлать складчину изъ собранныхъ чоховъ, чтобы одинъ за другимъ начать торговлю фруктами или пирожками. Мандаринъ, который желаетъ повыситься на службѣ, приглашаетъ своихъ друзей и родныхъ къ участію въ составленіи суммы, нужной ему для поѣздки въ столицу и для уплаты за мѣсто. Матери семействъ складываются, чтобы одѣвать дѣтей, слуги—чтобы скорѣе стать самостоятельными людьми, мелкими торгашами, а потомъ и капиталистами. Вступаютъ въ промышленныя ассоціаціи на годъ, на

мѣсяцъ, на недѣлю; дѣлаютъ складчины родные, друзья, сосѣди и иногда даже люди, вовсе незнакомые другъ другу, такъ что въ провинціи съ 25—30 милліонами жителей нѣтъ, можетъ быть, и тысячи обитателей ея, которые бы не были, не бывали или не собирались быть членами промышленныхъ ассоціацій. Существуютъ ассоціаціи, утвержденныя закономъ: это тѣ, которыхъ предпріятія имѣютъ извѣстную общественную важность; но огромное большинство хой-дзянь, т.-е. денежныхъ товариществъ, есть просто результатъ частныхъ сдѣлокъ, вовсе неизвѣстныхъ властямъ или только терпимыхъ ими. Главная цѣль этихъ ассоціацій—дать недостаточному человѣку средства для полезной дѣятельности, избавить его отъ платы разорительныхъ процентовъ и доставить возможность возвращать капиталъ по частямъ, въ долгіе сроки. Бываютъ даже случаи, когда заемный процентъ равенъ нулю. Важное неудобство китайскихъ хой-дзянь, что они открываютъ только долгосрочный кредитъ и связываютъ членовъ товарищества надолго, окупается для китайцевъ тѣмъ, что каждый членъ ассоціаціи въ свою очередь пользуется выгодами кредита, получая въ свое распоряженіе значительную сумму денегъ. Вотъ главныя цѣли, для которыхъ учреждаются товарищества: когда земледѣлецъ имѣетъ нужду въ деньгахъ, чтобы купить землю, рабочаго буйвола или же принанять поле или домъ; молодой работникъ хочетъ завести самостоятельное фермерское хозяйство и хлопочетъ о пріобрѣтеніи земледѣльческихъ орудій и о наймѣ земли; купеческій прикащикъ желаетъ сдѣлаться купцомъ или купецъ—расширить свою торговлю; молодой человѣкъ находится въ затрудненіи продолжать свои учебныя занятія; бѣдная мать семейства хочетъ отдать замужъ свою дочь или имѣетъ какія-нибудь другія особенныя нужды; мелкій чиновникъ хочетъ получить лучшее мѣсто и для этого заискать у высшихъ властей подарками. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нуждающійся въ деньгахъ, если не имѣетъ богатыхъ родственниковъ, которые бы помогли ему на домашнихъ условіяхъ, прибѣгаетъ къ образованію ассоціаціи, хой-дзянь. Онѣ стоятъ на очень практической почвѣ, нисколько не стѣсняя личной инициативы каждаго участника, давая ему возможность зарабатывать пропорціонально труду и способностямъ, безъ всякаго стѣсненія отъ товарищей. Такія ассоціаціи вездѣ способны были бы помочь экономическому быту бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Мало этого: требуя строгой честности, воздержанности и правильнаго труда, не пріучая человѣка надѣяться на стачки, онѣ могутъ удерживать людей на честномъ пути и выручать ихъ въ самыя трудныя минуты жизни, не нарушая ничьихъ интересовъ.» Сколько бы благодѣяній могъ оказать всюду китайскій способъ дешеваго взаимнаго кредита! Китаецъ, который настолько несчастливъ, что не пользуется на родинѣ личнымъ довѣріемъ и вслѣдствіе этого не можетъ пристроиться ни къ какому товариществу, прибѣгаетъ къ послѣднему средству уладить

свои дѣла: онъ эмигрируетъ въ Америку, въ Австралію или, вообще, куда бы то ни было, съ небольшимъ запасомъ рису и сушеной рыбы; купленными иногда на деньги, полученныя въ задатокъ отъ нанявшаго его общества. Прибывъ на мѣсто, онъ старается какъ можно скорѣе скопить изъ заработной своей платы, доходящей отъ двухъ до трехъ франковъ въ день, сумму, необходимую для того, чтобы вернуться на родину и заняться тамъ торговлею или ремесломъ. Это обыкновенно ему и удается при дешевизнѣ китайской жизни, простотѣ употребляемыхъ въ Китаѣ ремесленныхъ инструментовъ и орудій производства, вообще. Въ томъ именно и заключается одна изъ причинъ, дѣлающихъ китайцевъ такими грозными конкурентами американскихъ рабочихъ. Это же даетъ китайцу возможность одержать верхъ надъ любымъ европейскимъ рабочимъ. Утверждаютъ, что китаецъ-эмигрантъ слишкомъ ужъ воздерженъ въ пищѣ. Правда! Но онъ это дѣлаетъ лишь потому, что въ умѣ его свѣжо воспоминаніе о благахъ родной страны, куда эмигрантъ желаетъ имѣть возможность посредствомъ сбереженій какъ можно скорѣе возвратиться. Большая часть эмигрирующихъ китайцевъ—люди, выгнанные изъ семьи, иногда только временно; число такихъ изгнанниковъ простирается ежегодно до 130 тысячъ человѣкъ.

О томъ, какое впечатлѣніе состояніе китайской промышленности производитъ на европейцевъ, можно судить уже по одному тому факту, что они пришли въ отчаяніе отъ открытія въ Калькуттѣ нѣсколькихъ фабрикъ, устроенныхъ по европейскому образцу. Этого оказывается совершенно достаточнымъ, чтобы поднялись вопли манчестерской и другихъ англійскихъ торговыхъ палатъ, чтобы англійскіе фабриканты стали предвидѣть утрату своихъ азіатскихъ рынковъ, гибель отечественной промышленности, нищету англійскихъ рабочихъ и т. д. «Приподнимая завѣсу будущаго, говоритъ Симонъ, можно предвидѣть перемѣщеніе на крайній востокъ промышленныхъ центровъ Европы! Въ этомъ для европейцевъ нѣтъ ничего утѣшительнаго!» Нигдѣ на земномъ шарѣ не составляется такъ много ассоціацій, задающихся самыми разнообразными цѣлями, какъ въ Китаѣ. Нигдѣ онѣ не проявляютъ такой замѣчательной силы и жизненности. Соціальная жизнь развилась въ Китаѣ какъ бы на счетъ задержки развитія политической формы ихъ государства. Но, какъ уже сказано, китайцы не любятъ очень большихъ ассоціацій: «Въ нихъ бываетъ всегда много подчиненныхъ и мало начальствующихъ, которые при этомъ оказываются на практикѣ не несущими никакой отвѣтственности за свои дѣйствія», говорятъ они. «Такіе порядки намъ не понутру ни въ промышленности, ни въ политикѣ. Мы предпочитаемъ вездѣ небольшія группы. Замѣтьте тоже, что, помѣстивъ въ какое-нибудь промышленное предпріятіе очень большой капиталъ, нельзя уже сообразовать размѣры производства съ дѣйствительной

текущей потребностью. Надо, чтобы капиталъ во что бы то ни стало приносилъ надлежащій процентъ. Приходится выдѣлывать продукты даже при отсутствіи на нихъ заказовъ. Отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ необходимость искать для товаровъ сбыта и рынковъ за границей, а затѣмъ заботиться о сохраненіи этихъ рынковъ. Съ другой стороны, крупное производство въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ Европѣ слишкомъ специализируетъ рабочихъ: они становятся сами какъ бы машинами и утрачиваютъ способность заниматься чѣмъ-либо другимъ. Когда фабрика останавливается, имъ поневолѣ приходится сидѣть сложа руки и умирать съ голоду. У насъ, напротивъ того, каждый знаетъ нѣсколько ремеслъ. Если ему не везетъ въ одномъ, онъ тотчасъ же принимается за другое. Безработицы у насъ поэтому не бываетъ. Къ тому же, правда ли, что система европейскаго производства, дѣйствительно, ужъ настолько совершеннѣе нашей? Такъ ли ужъ дешевы произведенія европейской фабрики? Интересно сравнить цѣны на предметы первой необходимости у насъ и въ Европѣ. Наконецъ, мы руководствуемся въ Китаѣ двумя такими принципами, которые не дозволяютъ намъ перейти къ крупной системѣ производства. Принципы эти — уваженіе къ труду и уваженіе къ человѣческой жизни. Никогда китайское правительство не осмѣлится возвысить налоги для покрытія расходовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и разныя другія издержки, необходимость которыхъ не представляется для каждаго изъ насъ въ отдѣльности вполнѣ очевидной. Никогда ни правительство, ни отдѣльная личность не рѣшится принять на себя страшную отвѣтственность за увѣчья и смертные случаи, причиняемые прямо или косвенно употребленіемъ европейскихъ машинъ, начиная съ тѣхъ, которыя сокращаютъ жизнь рабочихъ въ рудникахъ, и кончая тѣми, которыя увѣчатъ и убиваютъ европейскихъ машинистовъ и кочегаровъ. У насъ нѣтъ парламентовъ и представительныхъ собраній по вашему образцу, продолжалъ китаецъ въ разговорѣ съ французомъ, никто у насъ не въ правѣ навязывать другому въ качествѣ полезнаго нововведенія то, что не признается таковымъ уже всѣми. Во всякомъ случаѣ никто не можетъ насъ заставлять платиться за нихъ, хотя бы лишнимъ грошемъ. Положимъ, что это сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, но мы убѣждены, что они перевѣшиваются большими преимуществами. Представительное собраніе можетъ быть увлечено и согласиться на какую-нибудь невыгодную мѣру, цѣлый же народъ, въ которомъ столько же парламентовъ, сколько и семействъ, не можетъ увлечься подобнымъ образомъ».

Такъ защищаютъ китайцы свои учрежденія.—Высокій уровень народнаго благосостоянія въ Китаѣ обусловливается прежде всего существующей тамъ системой налоговъ умѣренныхъ, справедливыхъ и равномѣрно распредѣленныхъ, въ противоположность подавляющему

гнету налоговъ, введенныхъ въ европейскихъ странахъ. Въ Китаѣ нѣтъ заставныхъ пошлинъ, за исключеніемъ умѣренныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ товаровъ, которые перевозятся изъ одной области въ другую. Тамъ нѣтъ также акцизныхъ и патентныхъ сборовъ, гербовыхъ пошлинъ и т. п. Никто не испрашиваетъ разрѣшенія, чтобы заняться той или другой отраслью промышленности и торговли, и не нуждается для этого въ соблюденіи какихъ бы то ни было формальностей. Отчасти поэтому въ Китаѣ не только земледѣліе, но также промышленность и торговля, достигли грандіознаго развитія. Оно не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю, потому что въ Срединномъ царствѣ нѣтъ европейскихъ громадныхъ фабрикъ съ высокими трубами, нѣтъ громадныхъ скопищъ рабочаго люда, не раздается оглушительныхъ свистковъ паровыхъ машинъ и стукотни паровыхъ молотовъ, хотя и Китай представляетъ всюду очень оживленную картину неустанной торговли: почти нѣтъ города, который бы не былъ ея центромъ. Каждый китаецъ изучилъ, быть можетъ, не менѣе 5-ти или 6-ти ремеслъ и превращается по желанію въ земледѣльца, корзинщика, ткача, башмачника или даже кузнеца. Въ сараяхъ, которые можно оцѣнить лишь въ нѣсколько франковъ, отливаются по заказу громадныя пушки, снаряды къ нимъ и статуи въ шестьдесятъ футовъ вышиною.

Китайская промышленность очень замѣчательна во всемъ, что касается потребностей и удобствъ жизни. Особеннаго изящества и совершенства достигла въ Китаѣ мелкая ручная работа, проявляющаяся въ отдѣлкѣ различныхъ предметовъ: китайцы дѣлаютъ ящики, шкатулочки и разныя другія мелкія вещи, изукрашенныя ярко-цвѣтной живописью, или же превосходными инкрустаціями изъ перламутра, слоновой кости и проч., всегда покрытыя тѣмъ прекраснымъ китайскимъ лакомъ, блескъ и прозрачность котораго составляютъ до сихъ поръ исключительную принадлежность китайскихъ издѣлій. Въ Китаѣ хорошо умѣютъ разнообразить оттѣнки золота, чеканить серебро, лить мѣдь и олово, прочно золотить металлы, приготовлять разнообразныя украшенія для зданій; китайцы долго были неподражаемы въ выдѣлкѣ фарфора, ихъ фарфоровыя издѣлія по прочности и дешевизнѣ до сихъ поръ превосходятъ европейскія. Масса, вещество, изъ котораго выдѣлываются прекрасныя китайскія фарфоровыя вещи, есть составъ изъ камня и глины, отличающійся тѣмъ, что она вся насквозь пронизана блестящими искорками, придающими ей металлическій отливъ, напоминающій серебро. Камень, смѣшивающійся съ этой глиной, растертый въ мельчайшій порошокъ, бѣлаго цвѣта и мягокъ какъ пухъ. Нужно употребить много труда, чтобы довести этотъ порошокъ до надлежащей чистоты и тонкости. Камень, называемый каолиномъ, въ неистощимомъ количествѣ заключается въ нѣкоторыхъ горахъ Китая, онъ-то и придаетъ китайскому фарфору его крѣпость. Вмѣсто каолина

употребляется иногда другое вещество, называемое китайцами земляным мыломъ (нѣчто въ родѣ липкаго мыла) На фарфорѣ съ примѣсью этого вещества превосходно выходитъ живопись. Трудно себѣ и представить, сколько разныхъ хлопотъ требуетъ въ Китаѣ производство фарфора. Китайцы съ изумительнымъ терпѣніемъ и тщательностью занимаются этимъ. По блеску и яркости красокъ китайская живопись на фарфорѣ не имѣетъ себѣ подобной, хотя крупныя фигуры неудачны, и вся роскошь окружающихъ ихъ мелкихъ украшеній не выкупаетъ иногда уродливости главныхъ фигуръ. Китайцы мастера также выдѣлывать изъ фарфора разныя вещи сквозной работы, столь нѣжныя и тонкія, что ихъ можно принять за кружево, которое для этого и берется за образецъ. Чайныя чашки дѣлаются иногда съ тончайшими полупрозрачными стѣнками, по которымъ расположены очень красивыя выпуклыя матовыя украшенія. Обыкновенный фарфоръ средней руки можно въ изобиліи встрѣтить во всякомъ китайскомъ домѣ. Онъ составляетъ необходимое украшеніе комнатъ, конторокъ, туалетовъ, столовъ, шкафовъ и даже кухонь. Изъ него дѣлается безчисленное множество прелестныхъ бездѣлушекъ. Фарфоръ употребляется и при постройкахъ: нѣкоторыя зданія увѣнчаны великолѣпными фарфоровыми крышами или украшены фарфоровыми инкрустаціями. Выдѣлка фарфора въ Китаѣ даетъ занятіе изумительному числу рабочихъ рукъ. Въ Срединномъ царствѣ находятся значительные фарфоровые заводы, имѣющіе не менѣе 500 печей. Вообще, производство фарфора достигло у китайцевъ такого совершенства, съ которымъ европейское сравнялось только въ настоящее время.— Обыкновенное гончарное или горшечное ремесло такъ же сильно распространено въ Китаѣ. Почва страны изобилуетъ глиной всевозможныхъ цвѣтовъ. Матеріалъ этотъ употребляется на всякаго рода домашнюю посуду. Стекло обработывается въ Китаѣ въ незначительной степени. Выдѣлка шелка и фабрикація изъ него богатѣйшихъ тканей составляетъ одну изъ древнѣйшихъ и самыхъ главныхъ отраслей промышленности, которая, совершенствуясь въ теченіе многихъ вѣковъ, въ настоящее время служитъ для Китая неистощимымъ источникомъ богатства. Количество шелковыхъ матерій, потребляемыхъ внутри государства, изумительно: начиная съ императора до самаго небогатаго человѣка въ имперіи, всѣ одѣваются въ шелковыя платья. Теперь шелковыя матеріи вывозятся въ большомъ числѣ и за границу. Китайцы съ давняго времени очень искусны во всемъ, что касается шелководства, хотя они и употребляютъ при этомъ самыя простыя орудія. Выдѣлка шелковыхъ матерій, существующая въ Китаѣ съ древнѣйшаго времени, весьма разнообразна: газы гладкіе и узорчатые, иногда затканные серебромъ или золотомъ, штофы всевозможныхъ цвѣтовъ, атласъ цвѣтной или бѣлый, черный, гладкій, полосатый, тафты рубчатыя, узорчатыя, пестрыя, ажурныя, крепоны, парчи, канфы, бархатъ всѣхъ сортовъ,—

все это работается съ рѣдкимъ совершенствомъ. Выдѣлывается также огромное количество бумажныхъ тканей, въ большихъ размѣрахъ потребляемыхъ въ государствѣ. Немного есть странъ, гдѣ обработка хлопка была бы такъ распространена, какъ въ Китаѣ; въ ткани превращается еще ленъ, пенька и пропасть другихъ растеній, въ томъ числѣ особаго рода плющъ, называемый «ко», изъ котораго дѣлается чрезвычайно прочная матерія. Даже грубая и жесткая буйволовая шерсть, и та въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ идетъ на выдѣлку грубой матеріи, изъ нея дѣлаются превосходные плащи для защиты отъ дождя и снѣга. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, богатыхъ стадами, работаютъ великолѣпные ковры, которыми гордится китайская промышленность. По своей мягкости, яркости и прочности красокъ, по красотѣ окаймляющихъ ихъ бордюровъ эти ковры безподобны. Китайцы вполнѣ обладаютъ искусствомъ придавать всѣмъ тканямъ самые живые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые прочные цвѣта. Бумажныя матеріи китайцевъ славятся издавна. Въ Китаѣ выдѣлывается всевозможныхъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ и отличнаго качества бумага изъ разныхъ матеріаловъ: бамбука, древесины, хлопчатника, коры дерева чу-конъ, коры шелковицы, стеблей конопли, пшеничной и рисовой соломы, коконовъ, остающихся послѣ вылупленія изъ нихъ шелковичныхъ червей, и разныхъ другихъ снадобій, по большей части, неизвѣстныхъ въ Европѣ. Превосходство китайскихъ чернилъ также признано цѣлымъ свѣтомъ. Это всѣмъ извѣстная китайская тушь, продающаяся въ плиткахъ, которая натирается какъ всякая краска на блюдечкѣ съ прибавленіемъ воды.—Бамбукъ служитъ въ Китаѣ матеріаломъ для самыхъ разнообразныхъ работъ. Китайская мебель, вазы, инструменты и разнообразныя орудія отличаются большой прочностью и, кромѣ того, часто заслуживаютъ подражанія.

Китайцамъ еще за 2500 лѣтъ до Р. Х. были извѣстны свойства магнита, хотя они и не примѣняли ихъ къ мореплаванію. Составъ пороха также давно былъ извѣстенъ имъ, но не примѣнялся къ огнестрѣльнымъ оружіямъ. Они издавна знали и обработку металловъ, умѣли дѣлать музыкальные интрументы, полировать и высѣкать твердые камни. Гравировать посредствомъ дерева китайцы умѣли еще за десять вѣковъ до Р. Х. Въ Китаѣ превосходно вышиваютъ, раскрашиваютъ и лакируютъ. Въ Европѣ далеко еще не умѣютъ въ совершенствѣ подражать выдѣлыванію нѣкоторыхъ произведеній китайской промышленности: живости и прочности красокъ, китайской бумагѣ и черниламъ и множеству другихъ предметовъ, выдѣлываніе которыхъ требуетъ терпѣнія, заботливости и постоянства. Сами же китайцы охотно воспроизводятъ съ необыкновенною точностью образцы иностранной промышленности.

Къ предметамъ китайской промышленности нужно отнести еще

искусственное разведеніе рыбы въ Китаѣ: ежегодно раннею весною разъѣзжаетъ по селеніямъ множество кантонскихъ торговцевъ свѣжею икрою, которую они возятъ въ бочкахъ и продаютъ обладателямъ прудовъ. Икру эту пускаютъ въ воду и черезъ нѣсколько дней вода начинаетъ кишѣть маленькими рыбками. Когда рыбки подрастутъ, ихъ кормятъ мелко изрубленной свѣжей травой, и, по мѣрѣ дальнѣйшаго роста, порціи корма увеличиваютъ. Рыбы растутъ удивительно быстро, черезъ мѣсяцъ онѣ требуютъ уже обильнаго корма. Содержатели прудовъ или сажалокъ утромъ и вечеромъ косятъ на лугахъ траву и бросаютъ ее рыбамъ огромными снопами, на которые тѣ съ жадностью накидываются и съ шумомъ принимаются уничтожать ихъ. Послѣ такого откармливанья, продолжающагося дней 12 или 2 недѣли, рыбы достигаютъ обыкновенно двухъ или трехъ фунтовъ вѣсу и перестаютъ расти. Тогда ихъ ловятъ и везутъ по городамъ.—Такъ велика и разнообразна дѣятельность китайской промышленности.

Европейцы слишкомъ обременены налогами и всякими административными стѣсненіями, чтобы они могли успѣшно конкурировать съ китайцами. Внутренняя китайская торговля, вслѣдствіе разнообразія произведеній природы и промышленности въ разныхъ частяхъ обширной китайской имперіи, возбуждавшаго къ обмѣну ихъ, такъ значительна, что, по свидѣтельству большинства путешественниковъ, съ ея денежными оборотами нельзя сравнивать денежныхъ оборотовъ внутренней торговли всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ европейскихъ государствъ. Она производится, главнымъ образомъ, черезъ посредство большихъ ярмарокъ, которыя въ болѣе крупныхъ уѣздахъ собираются не менѣе десяти разъ въ мѣсяцъ то въ одной мѣстности, то въ другой. Перевозка товаровъ по рѣкамъ и многочисленнымъ каналамъ очень удобна. При китайскихъ порядкахъ торговля эта даетъ мало дохода верховному правительству, онъ почти всецѣло остается въ рукахъ народа. Купцы-китайцы ведутъ свои торговыя дѣла съ такой сообразительностью и вниманіемъ, съ такимъ запасомъ компанейскихъ капиталовъ, что способны парализовать конкуренцію со стороны англичанъ и евреевъ. Китайская нація напоминаетъ трудолюбіе пчелы. Какому бы занятію ни посвящалъ себя китаецъ, будь онъ ученый или чиновникъ, землемѣръ или рыболовъ, гончаръ или токарь, самостоятельный купецъ или факторъ, носильщикъ тяжестей или домовый прислужникъ,—онъ одинаково трудится съ тѣмъ усердіемъ, которое не оставляетъ желать ничего болѣе.—Заграничная торговля Китая существуетъ сравнительно съ внутренней его торговлей еще очень незначительный періодъ времени. Первый торговый договоръ между Китаемъ и европейской державой былъ заключенъ 350 лѣтъ тому назадъ португальцами. Но только въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ европейскіе народы стали поддерживать непрерывныя сношенія съ Китаемъ и получили

возможность имѣть тамъ для торговыхъ цѣлей дипломатическихъ агентовъ и купцовъ. Въ теченіе 20 лѣтъ имъ открытъ доступъ во внутреннія области Китая, а въ настоящее время едва ли найдется какой-либо уголокъ въ обширномъ Срединномъ царствѣ, куда не могли бы проникать европейскіе товары совершенно свободно, свободнѣе даже, чѣмъ во многія европейскія и американскія страны, такъ-какъ таможенная пошлина взимается съ цѣнности товара и не превышаетъ 5%—8%; лишь одинъ опіумъ оплачивается 33% цѣнности. Однакоже, несмотря на такія благопріятныя условія и всѣ усилія европейскихъ державъ, торговыя сношенія Европы и Америки съ Китаемъ достигаютъ гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ можно было бы предположить. Въ отчетахъ китайскихъ таможенъ значится довольно крупная цифра ежегоднаго оборота въ 1600—1700 милліоновъ франковъ, но сюда включены также и туземные китайскіе товары, перевозимые изъ одного китайскаго порта въ другой на европейскихъ судахъ. Исключивъ стоимость этихъ транзитныхъ грузовъ, найдемъ, что дѣйствительная цифра торговыхъ оборотовъ между Китаемъ и Европой, въ общей сложности ввоза и вывоза, не превышаетъ 1100 или 1200 милліоновъ франковъ. До этой же цифры они достигали приблизительно и въ 1860 году; такимъ образомъ, заключеніе торговыхъ оборотовъ и открытіе нѣсколькихъ новыхъ портовъ не привело ни къ какому практическому результату. Розовыя надежды европейскихъ торговцевъ оказались совершенно тщетными. Съ увеличеніемъ числа открытыхъ портовъ имъ пришлось лишь нести нѣсколько большія издержки безъ всякаго за то вознагражденія. Вывозъ китайскихъ товаровъ представляетъ собой теперь цѣнность въ 600 милліоновъ, и такую же цѣнность имѣютъ товары, ввозимые въ Китай. Каковы же эти товары? Важнѣйшимъ предметомъ ввоза служитъ опіумъ, который, собственно говоря, нельзя даже причислять къ европейскимъ товарамъ, такъ какъ онъ доставляется изъ Индіи. Ввозъ этого яда въ китайскіе порты, открытые для европейской торговли, представляетъ изъ году въ годъ цифру отъ 280 до 300 милліоновъ франковъ. Остатокъ товаровъ, цѣнностью въ нѣсколько милліоновъ, состоитъ изъ небольшого количества англійскихъ и русскихъ шерстяныхъ тканей, полосоваго и подѣлочнаго желѣза, часовъ швейцарскаго и американскаго производства, немногихъ парижскихъ и вѣнскихъ бездѣлушекъ и разныхъ продуктовъ, потребляемыхъ живущими въ Китаѣ европейцами. Слѣдовательно, соединенныя усилія европейскихъ дипломатовъ и купцовъ въ продолженіе трехъ столѣтій, всѣ правыя и неправыя войны, которыя ведены были для открытія китайскаго рынка европейской торговлѣ, привели въ концѣ концовъ къ ежегодному ввозу въ Китай полезныхъ европейскихъ товаровъ на сумму всего лишь 275—290 милліоновъ франковъ. «Послѣ этого можно сказать, что гора родила мышь! замѣчаетъ Симонъ. Европа, т.-е.

совокупность народовъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя цивилизованнѣе другого, и самый отсталый признаетъ себя несравненно выше китайцевъ,—Европа, подъ руками которой могущественнѣйшіе дѣятели въ мірѣ—паръ и электричество, жертвуетъ громадныя субсидіи пароходнымъ обществамъ, поддерживающимъ сношенія съ Китаемъ, и когда это оказывается недостаточнымъ, посылаетъ на подмогу своимъ купцамъ многіе десятки тысячъ солдатъ и цѣлыя тысячи орудій, наглядно доказывая Китаю свое превосходство, и въ результатѣ всего этого добивается лишь того, что каждый китаецъ покупаетъ у нея среднимъ числомъ на 60 сантимовъ такого товара, о которомъ нельзя говорить безъ краски стыда на лицѣ! Развѣ это не унизительно для европейцевъ?» Въ 1881 году число иностранныхъ торговыхъ домовъ въ Китаѣ простиралось до 422. Но надежды европейскихъ коммерсантовъ оправдались не въ томъ объемѣ, какъ они разсчитывали: розничная торговля не удержалась всецѣло въ рукахъ ни англичанъ, ни другихъ европейцевъ, начинавшихъ дѣло въ портовыхъ городахъ, и въ значительной степени перешла въ руки купцовъ китайскихъ. Если лучшая улица англійскаго города Викторіи (на островѣ Гонконгѣ) испещрена іероглифическими надписями китайскихъ магазиновъ, наполненныхъ европейскими товарами; если въ Шанхаѣ кусокъ манчестерской матеріи нерѣдко сходнѣе можно купить у китайца, нежели у англичанина, то нечему удивляться, когда въ Ханькоу и въ городахъ внутренняго Китая мануфактурныя издѣлія Англіи и Франціи покупаются почти уже исключительно въ лавкахъ китайцевъ. Не имѣя себѣ соперниковъ въ торговой сообразительности и дѣловитости, китайскій купецъ постепенно вытѣсняетъ европейскаго коммерсанта съ своей территоріи. «Несомнѣнно, говоритъ Симонъ, настанетъ время, когда и оптовая торговля, какъ европейскими, такъ и китайскими товарами всецѣло перейдетъ въ руки китайцевъ,—у этихъ послѣднихъ хватитъ и знаній, и энергіи, и капиталовъ, чтобы заправлять дѣлами экспорта и импорта во всемъ ихъ объемѣ». Въ 1881 году китайскій корабль Май-фу отвезъ въ Англію грузъ чаю (32500 ящиковъ) и соломенныхъ издѣлій. Это былъ первый опытъ личной доставки китайцами своихъ товаровъ въ Европу, и опытъ вполнѣ основательный. Если китайцамъ не чужда мысль самимъ привозить произведенія своей родины на европейскіе рынки, то, конечно, ничто не помѣшаетъ китайскимъ кораблямъ и европейскіе товары доставлять въ Шанхай, Кантонъ и другіе порты. Забирая европейскую торговлю въ Китаѣ въ свои руки, китайцы въ то же время постарались запастись и достаточнымъ количествомъ пароходовъ. До 1873 года у нихъ не было ни одного коммерческаго парохода и грузы перевозились по водамъ Китая на паровыхъ судахъ, принадлежавшихъ исключительно иностранцамъ; десять лѣтъ спустя China Merchants Steam Navigation, начавшая свои операціи при поддержкѣ знаменитаго Ли-

хунъ-чжана, имѣла уже въ ея распоряженіи 33 парохода, совершившихъ рейсы отъ Тянь-цзина на сѣверѣ, Ханькоу на западѣ до Сингапура на югѣ. Американская пароходная компанія «Россель и К°» совершенно прекратила свои дѣйствія, и англичане-пароходовладѣльцы въ настоящее время получаютъ слишкомъ незначительныя прибыли отъ своихъ операцій. Почти совсѣмъ устранивъ иностранцевъ отъ занятій перевозкою грузовъ между портами Китая, китайцы пошли далѣе: новообразовавшаяся пароходная China Shippers Muteal Steam Navigation поставила своею цѣлью содержать товаро-пассажирское сообщеніе между Европою, Восточною Азіею и Соединенными Штатами. Итакъ, съ китайцами трудно бороться на этомъ поприщѣ.

«Говорятъ, и до сихъ поръ еще нерѣдко утверждаютъ, будто ничтожность достигнутыхъ Европой результатовъ слѣдуетъ приписать бѣдности китайскаго народа и ничтожности его потребностей. Это совершенно несправедливо. Напротивъ того, народъ въ Китаѣ богаче, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ, такъ какъ нигдѣ нѣтъ народа такого трудолюбиваго и такъ мало отягощеннаго налогами. Не крайняя нужда, какъ принято думать въ Европѣ, несмотря на многочисленность китайскаго населенія, является въ Китаѣ побудительнымъ стимуломъ къ труду (нищіе во всѣхъ странахъ наиболѣе лѣнивый народъ), но стремленіе улучшить свой матеріальный бытъ, пользоваться комфортомъ и удовольствіями, обезпечить свою живую и умершую семью въ здѣшней и будущей жизни. Заботы о матеріальномъ довольствѣ поощряются въ принципѣ конфуціанскаго ученія; при этомъ направленіи у китайцевъ, естественно, могла съ теченіемъ времени развиться въ значительной степени и страсть къ наживѣ и обогащенію, вообще, къ сбереженію матеріальныхъ средствъ. Обезпечивъ себя, китаецъ не предается праздности, а продолжаетъ съ той же энергіей трудиться всю жизнь. Результатомъ этого трудолюбія является богатство китайцевъ. Если бы на китайской почвѣ производились только рисъ, пшеница, кукуруза, сорго и просо, она все-таки же представляла бы собою цѣнность не менѣе какъ въ 1100—1200 милліардовъ франковъ. Если же принять въ разсчетъ сравнительно большую цѣнность земель, занятыхъ подъ шелковичныя, чайныя, сахарныя, апельсинныя и другія плантаціи, подъ воздѣлываніе пеньковой пальмы, восковыхъ деревьевъ и т. п., то цѣнность эта въ общей сложности несомнѣнно превзойдетъ 1800 милліардовъ. Такимъ образомъ, десятина земли въ Китаѣ представляетъ собою втрое большій капиталъ, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи. Если бы распредѣлить капиталъ, заключающійся въ поземельной собственности, равномѣрно между всѣми жителями страны, то каждый китаецъ оказался бы въ полтора раза богаче француза (переведенная на китайскія деньги, эта стоимость земли окажется еще больше). Стоимость китайской земли является не условной, а дѣйствительной цѣнностью, представляющей запасъ

производительной силы, скопившейся въ почвѣ, общую сумму сбереженій, приготовленныхъ предшествовавшими поколѣніями для своего потомства. Это сокровище не можетъ быть похищено ни ворами, ни банковыми катастрофами, ни сокращеніемъ процентовъ по облигаціямъ государственнаго долга. Оно постоянно возрастаетъ. Земля является самымъ надежнымъ и правильнымъ государственнымъ банкомъ, поэтому то китайцы и не обзавелись никакимъ другимъ. Но свободныхъ, обращающихся капиталовъ, которые могутъ быть отданы въ заемъ, въ Китаѣ, дѣйствительно, меньше, чѣмъ во Франціи, и это совершенно естественно, — тамъ нѣтъ капиталистовъ, живущихъ своими доходами. Китаецъ, у кого есть капиталъ, работаетъ имъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Денежное обращеніе въ Китаѣ очень оживленное, но денегъ такъ мало и на нихъ существуетъ такой спросъ, что обыкновенно платится за нихъ по 30%, хотя такіе проценты берутся лишь въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ этого на обязанности должника остается только возвращеніе капитала. Но у китайцевъ въ случаѣ надобности есть возможность имѣть свободный кредитъ. Въ Китаѣ нѣтъ другихъ денегъ кромѣ мелкой мѣдной монеты съ дырочкой посрединѣ. Эта монета называется у европейцевъ чохомъ и сапекой и вѣситъ около семи граммъ. Тысяча сапекъ, нанизанныхъ на шнурокъ, образуютъ связку и представляютъ собой цѣнность приблизительно въ пять франковъ. Серебряный таэль внутри страны не обращается и не имѣетъ значенія оффиціальной монеты. Принимая таэль, необходимо удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ вѣситъ ровно китайскую унцію, т.-е. 96 граммъ чистаго серебра; поэтому, кромѣ провѣрки вѣса, необходимо также провѣрить и пробу таэля. Монета сапека, изобрѣтенная, какъ говорятъ, за 2600 лѣтъ до Р. Х., очень тяжела и неудобна. Обстоятельство это, по всѣмъ вѣроятіямъ, и вызвало въ Срединномъ царствѣ съ незапамятныхъ временъ кредитное денежное обращеніе. Первые китайскіе банки учреждены были, сколько извѣстно, одновременно съ введеніемъ сапекъ. Понятно, что значительный вѣсъ мѣдныхъ денегъ долженъ былъ навести на мысль о средствахъ къ избѣжанію ихъ переноски. Можетъ быть, также, что непрочность китайскихъ домовъ, большею частью деревянныхъ, и частые пожары, которымъ они подвергались, побудили китайцевъ уже въ глубокой древности складывать свои сбереженія въ особо приспособленныя для того прочныя зданія подъ охраной отвѣтственнаго лица, ведущаго запись всѣмъ поступающимъ вкладамъ и производящаго платежи по сдѣлкамъ между членами посредствомъ переводовъ съ одного счета на другой. Такимъ образомъ, было изобрѣтено банковое дѣло въ Китаѣ. Нынѣшніе китайскіе банки почти не отличаются отъ прежнихъ. Это, по преимуществу, депозитные и учетные банки. Если операціи ихъ не стали разнообразнѣе, зато самое банковое дѣло развилось настолько, что врядъ ли найдется теперь въ

Китаѣ между дѣловыми людьми лицо, у котораго не было бы текущаго счета въ какомъ-либо банкѣ. Тамъ производятся всѣ платежи черезъ посредство банкировъ, съ одинаковой предупредительностью услуживающихъ негоціантамъ по сдѣлкамъ, доходящимъ до 500 и 600 тысячъ франковъ, и мелкому ремесленнику, вносящему въ банкъ сбереженія, сдѣланныя имъ за недѣлю или даже за текущій день. Банки въ Китаѣ, занимаясь, главнымъ образомъ, депозитными операціями, стараются расширять ихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Они не только выплачиваютъ по вкладамъ проценты, разсчитанные по суточному балансу, но принимаютъ на себя также обязательство выдавать своимъ кліентамъ въ случаѣ надобности ссуды на самыхъ выгодныхъ для этихъ кліентовъ условіяхъ. Обыкновенно принято, что каждый кліентъ банка можетъ получить отъ него взаймы сумму вдвое большую той, которая имѣется у него на текущемъ счету, уплачивая банку по этой ссудѣ почти такой же процентъ, какой самъ банкъ платитъ по вкладамъ. Ссуда эта выдается безъ всякихъ формальностей, просто подъ росписку кліента. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый кліентъ можетъ во всякое время безъ предварительнаго извѣщенія взять изъ банка принадлежащую ему сумму, при чемъ проценты разсчитываются по самый день выплаты вклада. Кромѣ того, при совершеніи сдѣлокъ съ малознакомыми лицами, какъ, напримѣръ, съ обитателями другой провинціи и тому подобное, кліентъ можетъ потребовать, чтобы банкиръ выступилъ за него поручителемъ. За всѣ эти услуги банкиръ, разумѣется, беретъ себѣ нѣкоторый процентъ, но онѣ, безъ сомнѣнія, пособляютъ заключенію многихъ сдѣлокъ, которыя безъ ихъ содѣйствія оказались бы совершенно немыслимыми. Благодаря такимъ порядкамъ, китайскіе банки даютъ возможность и небогатому человѣку пускаться во многія предпріятія. Китай не имѣетъ центральнаго государственнаго банка, ни казеннаго, ни частнаго. Для банковыхъ операцій правительства служатъ частные провинціальные банки, которые стоятъ внѣ всякаго контроля администраціи. Правительство въ нужныхъ случаяхъ обращается къ нимъ за деньгами, возлагаетъ на нихъ уплаты, поручаетъ имъ сборъ поступающихъ въ казну налоговъ, но во всемъ этомъ относится къ нимъ почти какъ частное лицо, платя коммиссіонный процентъ. Банки, за которыми установилась, такъ сказать, привилегія правительственныхъ сдѣлокъ, не имѣютъ однако же права выпускать въ публику билеты или другія бумаги ни за счетъ правительства, ни отъ себя. Исключеніе составляютъ нѣкоторые банковые дома въ Пекинѣ и въ областяхъ Чжили, Сань-си и Шинь-си, гдѣ ходятъ бумажки чисто, впрочемъ, мѣстной цѣнности; это какъ бы чеки тамошнихъ банковъ, которые за стѣнами своего города не имѣютъ цѣны. Въ Пекинѣ эти ассоціаціи бываютъ иногда на очень небольшія суммы: копеекъ на 25—30, что не воз-

буждаетъ ропота публики, а, напротивъ, служитъ удобствомъ. По неимѣнію въ Китаѣ оффиціальной серебряной монеты и крайнему неудобству мѣдной, было бы трудно дѣлать многія расплаты безъ мелкихъ бумажекъ. Пекинъ обширенъ и въ немъ не мало движенія уже на однихъ извозчикахъ; мелочныя покупки провизіи и предметовъ домашняго обихода также оплачиваются бумажками. Но въ другихъ городахъ, особенно въ среднемъ и южномъ Китаѣ, даже и такія бумажки на предъявителя не существуютъ. Ихъ замѣняютъ книжки или чеки именные, по которымъ разсчеты производятся между приказчиками различныхъ банковъ, либо ежедневно, либо въ какіе-нибудь другіе сроки, но во всякомъ случаѣ не рѣже, какъ разъ въ годъ, потому что, по принятому въ Китаѣ обыкновенію, къ концу года, всѣ долги должны быть уплачены каждый начинающійся годъ не наслѣдуетъ никакихъ финансовыхъ разсчетовъ отъ предъидущаго. Бумажныхъ денегъ—этого зла, которое разрушаетъ кредитъ многихъ европейскихъ государствъ и служитъ къ извлеченію изъ нихъ драгоцѣнныхъ металловъ, — Китай вовсе не знаетъ, и всѣ попытки ввести ихъ оканчивались неудачею», говоритъ Симонъ. «Но если китайскіе банки, благодаря практическому здравому уму населенія, лишены возможности эксплуатировать общество съ помощью самой нахальной, но, конечно, и самой выгодной для нихъ операціи выпуска безпроцентныхъ бумагъ, то взамѣнъ того они дѣлаютъ чрезвычайно обширные обороты по текущимъ счетамъ, по ссудамъ и по учету коммерческихъ бумагъ, обращающихся между частными лицами. Можно даже сказать, что отсутствіе золотой и серебряной монеты передаетъ въ ихъ руки все денежное обращеніе страны. Почти всякій зажиточный горожанинъ имѣетъ свой банкъ, куда кладетъ сбереженія и гдѣ за это пользуется кредитомъ на вдвое большую сумму. Китайскіе банки должны имѣть очень хорошіе барыши отъ своихъ операцій. Обыкновенный годовой процентъ по заемнымъ обязательствамъ частныхъ лицъ составляетъ 30—40%; даже самыя солидныя фирмы платятъ 20—30%. Они могутъ процвѣтать какъ ни одинъ изъ европейскихъ банковъ, если только сами не вдадутся въ рискованныя предпріятія. Къ сожалѣнію, это нерѣдко случается въ Китаѣ. Но въ случаѣ кризиса или опасности китайскіе банки дружно поддерживаютъ другъ друга: для каждаго китайца общая конечная выгода выше личнаго ничтожнаго убытка. Несмотря на сильную конкуренцію между банками и даже ихъ отдѣленіями, нельзя замѣтить между ними и тѣни недоброжелательства, подвоха, обмана и незаконности, потому что за всѣмъ этимъ слѣдитъ народъ. Кромѣ того въ Китаѣ существуетъ множество ссудныхъ кассъ, выдающихъ деньги подъ залогъ изъ 7-ми или 8-ми процентовъ въ годъ. Несмотря на то, что всѣ эти кассы— частныя учрежденія, не подчиненныя никакому правительственному контролю, китаецъ вполнѣ увѣренъ, что залогъ его тамъ не пропадетъ.

Для облегченія крупной торговли выдаютъ ссуды товарные склады, такъ называемые варранты, хотя они существуютъ не во всѣхъ областяхъ Китая.—Жизнь въ Китаѣ обходится очень дешево: цѣны на предметы первой необходимости, да и вообще на всѣ товары, такъ низки, что для китайца 500 франковъ на его родинѣ равноцѣнны, пожалуй, 4000 или 5000 франковъ въ Европѣ. Китайскому крестьянину очень легко начинать свою земледѣльческую карьеру. Въ чемъ можетъ нуждаться онъ въ Китаѣ, приступая къ этому? Въ кредитѣ? Владѣлецъ, у котораго онъ нанимаетъ землю, какъ нельзя лучше знаетъ, что она не пропадетъ. Онъ можетъ, правда, потребовать обезпеченія аренды, но съ какими-нибудь 25-тью франками въ рукахъ, крестьянинъ легко берется за аренду участка земли, вполнѣ достаточнаго для начинающаго фермера. Извѣстно, вѣдь, что земля въ Китаѣ—истинное сокровище: дорого стоящихъ орудій для обработки ея не нужно, достаточно обладать однимъ заступомъ; покупать удобреніе тоже не зачѣмъ; ждать до перваго урожая не долго, такъ какъ земля ежемѣсячно приноситъ какую-нибудь жатву. Правда, ее можетъ побить градомъ, но на этотъ случай у земледѣльца посѣяны гдѣ-нибудь въ уголкѣ сада и подросли уже молодыя растеньица для подсадки взамѣнъ тѣхъ, которыя могли бы погибнуть. Въ худшемъ случаѣ, у него пропадетъ мѣсяцъ и никакъ не болѣе шести недѣль. Какая громадная разница между китайскимъ земледѣліемъ и европейскимъ!» замѣчаетъ Симонъ. Большая часть земледѣльцевъ, а слѣдовательно, и населенія всего Китая, при существованіи въ немъ мелкаго земледѣльческаго хозяйства, не только живетъ безбѣдно, но даже пользуется изобиліемъ хозяйственныхъ продуктовъ и откладываетъ часть своихъ ежегодныхъ доходовъ въ видѣ сбереженій для будущаго времени.

Вотъ, по словамъ очевидца, какъ живетъ семья крестьянина средней руки. День начинается на разсвѣтѣ. Первымъ встаетъ отецъ семейства; разбудивъ старшихъ дѣтей и служителей, онъ возвращается къ себѣ. Нѣсколько мгновеній спустя раздаются у него и его отца три удара въ полъ, дѣти являются тогда къ нимъ для оказанія необходимыхъ услугъ, но прежде чѣмъ войти ожидаютъ новаго сигнала. Тогда они приходятъ привѣтствовать родителей, подаютъ имъ чай, помогаютъ одѣться, умыться и т. д. Затѣмъ супруги обращаются другъ къ другу и обмѣниваются глубокимъ поклономъ. Такъ начинается день. Первый утренній завтракъ состоитъ изъ риса, капусты или другихъ заготовленныхъ въ прокъ овощей, маленькихъ соленыхъ рыбокъ и раковъ, а также гороховаго сыра подъ соусомъ изъ ячменя и бобовъ. Питьемъ служитъ чай, который подается обыкновенно къ концу завтрака. Въ полдень сервируютъ второй завтракъ, онъ отличается отъ утренняго лишь тѣмъ, что овощи подаются свѣжія или вареныя въ жирѣ или гороховомъ маслѣ. Къ тому же и самыя

порціи больше, чѣмъ при утреннемъ завтракѣ. Еще обильнѣе обѣдъ, который бываетъ около четырехъ часовъ пополудни. Кромѣ овощей и закусокъ, къ обѣду подается нѣчто въ родѣ гороховаго вермишеля, поджареннаго въ жирѣ, а также маленькіе хлѣбцы изъ пшеничной или рисовой муки, свинина или утятина. Ужинаютъ китайцы въ 7 часовъ вечера. Ужинъ у нихъ такой же, какъ полдникъ, но за ужиномъ каждому полагается еще небольшая порція водки. Къ завтраку, обѣду и ужину всегда подаются разнообразныя закуски: маринованные водоросли, грибы, осьминоги и т. под. Водоросли часто являются за столомъ въ качествѣ особеннаго блюда. Кромѣ всего этого, каждому предоставляется ѣсть сколько угодно соотвѣтствующихъ времени года плодовъ. Лѣтомъ иногда ѣдятъ еще пятый разъ между утреннимъ завтракомъ и полдникомъ, а именно въ 9 часовъ утра. Самое меню китайскихъ блюдъ довольно разнообразно. Въ праздничные дни пища значительно улучшается. Кромѣ увеличенныхъ мясныхъ порцій добавляется еще дессертъ, состоящій изъ пирожнаго, конфетъ, фруктовъ, варенья и т. под. Хозяева и слуги ѣдятъ одновременно, хотя и за особыми столами, и получаютъ одинаковыя блюда. Насытившись, каждый занимается своимъ дѣломъ. Обыкновенно женщины не работаютъ на поляхъ, хотя есть области, гдѣ это имъ и случается дѣлать въ нѣкоторыхъ округахъ. Исключеніе составляетъ страдное время собиранія чая. Для женщинъ находится много работы и дома. Онѣ наравнѣ съ мужчинами обработываютъ зерна, занимаются высушиваніемъ, обдиркой, бѣленіемъ риса, обращаютъ зерна въ муку и т. п. Просушка и обдирка риса требуетъ продолжительнаго времени. Сушеніе, соленіе, маринованіе и, вообще, заготовленіе впрокъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ лежитъ также на женщинахъ, а эта работа не малая. Надо принять въ разсчетъ и хлопоты по кухнѣ, стирку бѣлья, содержаніе въ чистотѣ цѣлаго дома, уходъ за свиньями и за домашней птицей. Какъ только является свободное время, женщинамъ приходится очищать хлопокъ, заниматься пряжей или тканьемъ. У молодыхъ дѣвушекъ есть всегда также разныя мелкія работы: какое-нибудь шитье, вышиванье и т. под. Имъ случается даже иногда заготовлять такія работы и на продажу, при чемъ заработанныя деньги поступаютъ въ ихъ полную собственность. Часть одежды для членовъ семьи изготовляется также женщинами. Когда мужчинамъ нечего дѣлать ни въ полѣ, ни дома по хозяйству, какъ это бываетъ, напримѣръ, въ долгіе зимніе вечера, они плетутъ соломенныя или веревочныя лапти, которыхъ такое громадное количество изнашивается въ Китаѣ, или же вяжутъ на продажу рыболовныя сѣти. Заработокъ этотъ обыкновенно также не поступаетъ въ общую кассу. Мужъ и жена завѣдуютъ всѣмъ домомъ. Въ рукахъ хозяйки хранится домашняя касса, и она выдаетъ деньги на всѣ расходы. Часть ежегоднаго хозяйственнаго дохода откладывается для сбереженія. Самый высшій

почетъ въ семьѣ оказывается, какъ это обыкновенно бываетъ у китайцевъ, старикамъ.—Можно съ увѣренностью сказать, что такимъ благоденствіемъ не пользуются простые земледѣльцы нигдѣ на свѣтѣ.

Китайскіе частные дома строятся обыкновенно въ одинъ этажъ и почти всегда помѣщаются на дворахъ, а сзади дома располагается садъ. Жилища принцевъ, главныхъ мандариновъ и богачей имѣютъ до пяти отдѣляющихся одинъ отъ другого большими жилыми корпусами дворовъ съ тремя сквозными воротами, изъ которыхъ средніе всегда больше другихъ и служатъ для прохода однихъ мужчинъ; по сторонамъ ихъ обыкновенно красуются мраморные львы. Два ряда прислоненныхъ къ оградѣ построекъ связываютъ между собою всѣ эти различныя зданія. Менѣе богатые обывательскіе дома не такъ обширны и не такъ сложны, но расположеніе ихъ такое же. Лицевая сторона китайскаго жилища всегда обращена на югъ. Въ концѣ каждаго двора находится обыкновенно бассейнъ съ водой, въ которомъ рѣзвятся золотыя рыбки, а посреди водоема возвышается иногда искусственная скала, покрытая кустами и разной зеленью, пользующейся заботливымъ уходомъ. Посреди двора, на каменномъ подножіи стоитъ большая фарфоровая ваза, наполненная самыми лучшими растеніями; кругомъ и около стѣнъ водоема множество другихъ вазъ съ разнообразнѣйшими и благоуханнѣйшими цвѣтами. По угламъ насажены кустарники, виноградныя лозы и перистый бамбукъ. Все вмѣстѣ образуетъ очень пріятные для глазъ зеленые навѣсы. Главное жилье, всегда самое замѣчательное, помѣщается въ глубинѣ послѣдняго двора и составляетъ то, что собственно слѣдуетъ называть домомъ, т.-е. жилище хозяина. Оно раздѣляется на многіе покои, каждый изъ которыхъ приспособленъ къ какому-нибудь назначенію. Убранство и меблировка китайской гостинной не лишены ни щегольства, ни богатства. Стѣны обтягиваются богатыми бѣлыми атласными обоями, на которыхъ нарисованы красками птицы, цвѣты или крупными голубыми буквами написаны нравственныя изреченія и мудрыя пословицы. Въ небогатыхъ домахъ стѣны просто выбѣлены или оклеены бумагой. Парадныя комнаты богатыхъ китайцевъ наполнены мебелью и вещами всякаго рода: столы, геридоны, ширмы, кресла, стулья; на столахъ пропасть древностей, фарфоровыхъ вазъ; геридоны, покрытые чашами съ душистыми плодами, вазами, украшенными кораллами, стеклянными шарами съ водой, въ которыхъ плаваютъ маленькія золотыя рыбки. Большая часть мебели изъ розоваго или эбеноваго дерева, или же сверкаетъ тѣмъ чуднымъ китайскимъ лакомъ, который такъ прозраченъ, что сквозь него видны всѣ жилки дерева, и такъ блестящъ, что отражаетъ въ себѣ предметы, какъ въ зеркалѣ. Главное украшеніе китайской гостиной, кромѣ разнообразныхъ канделябровъ, составляютъ неизбѣжные фонари изъ расписной шелковой матеріи, изъ прозрачнаго рога, изъ

прорѣзной цвѣтной бумаги, спускающіеся въ родѣ люстръ съ потолка. Въ спальнѣ прежде всего бросается въ глаза главная мебель—кровать. У богатыхъ она бываетъ иногда необыкновенно роскошна, сдѣлана изъ драгоцѣннаго дерева или же лакирована, а иногда и золоченая. Зимою кровать занавѣшивается двойнымъ атласнымъ пологомъ, а лѣтомъ — бѣлымъ батистовымъ, усѣяннымъ изображеніями птицъ, кустовъ или золотыми цвѣтами. Рядомъ со спальней помѣщается, обыкновенно, кабинетъ для работы или занятій дѣлами. При каждомъ сколько-нибудь богатомъ китайскомъ домѣ есть позади садъ, украшенный искусственными скалами, гротами и всякаго рода прелестными затѣями, соразмѣрно пространству земли и достатку хозяина. Между ними особенно замѣчательны свѣтлыя воздушныя бесѣдки, стѣны которыхъ обвиваются зеленью. Нѣкоторые изъ этихъ садовъ можно скорѣе назвать обширными парками: въ нихъ есть рощи, озера, пригорки, скалы натуральныя и искусственныя, извивающіяся дороги, ведущія къ мѣстамъ, откуда открываются различные и всегда живописные виды, неожиданности всякаго рода: дворцы, хижины, лабиринты и проч. Тамъ въ особыхъ загородкахъ прогуливаются олени, дикія козы и другіе лѣсные животные; водяныя птицы плаваютъ на прудахъ, въ которыхъ выкармливается рыба и гдѣ ростетъ нелибіумъ, священный лотосъ китайцевъ, посреди множества другихъ водяныхъ растеній. Садами въ Китаѣ окружены и городскіе дома до такой степени, что они издали походятъ на парки. Женская часть семейства богатаго мандарина занимаетъ въ домѣ отдѣльное помѣщеніе, куда кромѣ мужа, дѣтей и служанокъ не допускается никто. Меблированы эти комнаты настолько же удобно, сколько и роскошно и выходятъ окнами на смѣющійся цвѣтникъ или на прудъ съ его мостиками и скалами. Для затворницъ ничего не пропадаетъ изъ пышной и дорого стоящей обстановки ихъ дома. Китаянки очень любятъ украшать себя нарядами: онѣ обладаютъ искусствомъ такъ располагать зеркала, что, не трогаясь съ дивана или постели, могутъ видѣть въ зеркалѣ не только себя, но и всю комнату со всей ея обстановкой. Въ будуарѣ китаянки непремѣнно есть шкафъ съ косметиками. Каждая знатная дама окружена многочисленными прислужницами, обязанными во время совершенія туалета госпожи занимать ее разговорами и, вообще, стараться угодить ей. Въ одной рукѣ у мандаринши трубка, въ другой ручное зеркало, между тѣмъ какъ одна изъ служанокъ убираетъ ей голову цвѣтами, драгоцѣнными камнями или разноцвѣтными лентами. Дѣвушки носятъ волосы въ двѣ косы, замужнія зачесываютъ ихъ всѣ кверху и укрѣпляютъ на маковкѣ большими золотыми или серебряными булавками. Главное щегольство китаянокъ заключается въ уборкѣ головы.—Знатныя китайскія дамы особенно любятъ развлекаться музыкой. Если ихъ прислужницы не отличаются этимъ искусствомъ, то призываютъ какую-нибудь странствующую пѣвицу и слушаютъ

ея пѣсни, сопровождаемыя пріятнымъ звукомъ пяти, четырехъ струнной гитары. Женщины высшаго сословія учатся рисованію и вышиванію и даже нерѣдко ихъ поэтическія наклонности, какъ было сказано выше, проявляются въ занятіяхъ стихотворствомъ: любимыми темами поэтическаго творчества китайской женщины служатъ цвѣты, луна, птицы, зефиръ, музыка,—вообще, всѣ дѣйствующіе на воображеніе и говорящіе душѣ человѣка предметы. — Въ китайскомъ обществѣ соблюдается масса правилъ и формальностей: приглашеніе, на обѣдъ тогда только принимается за серьезное, когда его три раза повторятъ письменно. Начинается съ того, что за нѣсколько дней до назначеннаго угощенія посылаютъ къ лицу, которое желаютъ имѣть у себя въ гостяхъ, малиноваго цвѣта карточку съ означеніемъ дня и часа, когда его просятъ пожаловать «освѣтить такой-то домъ свѣтомъ своего присутствія».—Потомъ, въ самый день обѣда, утромъ, снова повторяется это приглашеніе и, затѣмъ, еще разъ, когда все уже готово и пора садиться за столъ. Это требуется китайскимъ церемоніаломъ. Насчетъ того, какъ слѣдуетъ сидѣть за столомъ и, вообще, прилично держать себя, существуютъ также опредѣленныя правила. На большихъ парадныхъ обѣдахъ принято для каждаго изъ гостей ставить особый столикъ, если число гостей не особенно велико, въ послѣднемъ случаѣ сажаютъ за каждый столикъ по-двое. Столики эти ставятся въ два ряда по обѣ стороны залы; прекрасный китайскій лакъ, которымъ они покрыты, замѣняетъ гостямъ скатерти, а вмѣсто салфетокъ кладется возлѣ каждаго запасъ небольшихъ четвероугольныхъ лоскутковъ цвѣтной шелковой бумаги, которые слуга убираетъ по мѣрѣ того, какъ они употребляются въ дѣло. Мѣсто блюдъ и тарелокъ замѣняютъ чашки и соусники изъ прекраснаго фарфора; случается, что кушанья подаются и на чемъ-то въ родѣ блюдъ, сеебряныхъ или изъ другого металла съ конфоркой подъ ними, чтобы кушанья не простывали. Вино пьютъ иногда изъ серебряныхъ вызолоченныхъ чашекъ или чаще изъ фарфоровыхъ, но никогда не употребляютъ стеклянныхъ и хрустальныхъ. Чашки очень малы, хотя форма ихъ всегда изящная; вино подаютъ подогрѣтое. За столомъ употребляются маленькія серебряныя или фарфоровыя ложечки очень удобной формы, но ножей и вилокъ у китайцевъ не существуетъ, ихъ замѣняютъ двумя палочками, сдѣланными изъ слоновой кости, круглыми, полированными и обдѣланными въ серебро. Китайцы очень ловко и быстро ѣдятъ съ помощью этихъ палочекъ. Китайская вѣжливость требуетъ, чтобы хозяинъ дома самъ ввелъ своихъ гостей въ столовую: онъ исполняетъ эту обязанность, отвѣшивая передъ каждымъ гостемъ по низкому поклону. Въ столовой есть почетное мѣсто—покрытое богатымъ шелковымъ ковромъ кресло: оно предоставляется всегда или самому почетному изъ гостей или самому старшему по лѣтамъ; дворецкій провожаетъ такого гостя на сказанное

мѣсто; тотъ, прежде, чѣмъ занять его, упирается, извиняется, отпрашивается и, тѣмъ не менѣе, наконецъ, усаживается. Если бы прочіе гости не спѣшили послѣдовать его примѣру, то то же повторялось бы и съ каждымъ изъ нихъ. Хозяинъ дома всегда занимаетъ самое последнее мѣсто. Какъ только всѣ усядутся, дворецкій, преклонивъ одно колѣно, приглашаетъ гостей взять свои наполненныя виномъ чашки: и китайская гигіена, и китайскій этикетъ требуютъ, чтобы обѣдъ начинался не ѣдой, а питьемъ. Каждый гость беретъ обѣими руками находящуюся передъ нимъ чашку, поднимаетъ ее въ уровень съ своимъ лбомъ, потомъ опускаетъ ниже края стола, поднимаетъ ко рту и отпиваетъ три или четыре глотка, — все это дѣлаютъ китайцы дружно, какъ бы по темпамъ,—но, хочешь не хочешь, а надо выпить всю чашку; хозяинъ не преминетъ просить объ томъ гостей и убѣждать ихъ своимъ примѣромъ; онъ первый выпиваетъ вино и показываетъ всѣмъ сухое дно своей чашки. Впрочемъ, чашки эти такъ малы, что можно много разъ осушить ихъ, нисколько не подвергаясь опасности опьянѣть. Ѣсть начинаютъ также по приглашенію дворецкаго, и эта церемонія повторяется при каждомъ новомъ кушаньѣ и при каждой чашкѣ вина. Пока гости пьютъ, кушанья на столахъ перемѣняются. На парадныхъ обѣдахъ кушаній бываетъ нескончаемое множество; каждому гостю приходится отвѣдать до 24-хъ блюдъ, — это, большею частью, нѣчто въ родѣ соусовъ. Китайскіе повара не имѣютъ обыкновенія жарить что-либо цѣликомъ; они рѣжутъ мясо на тоненькіе ломтики, которые или варятъ, или жарятъ на угольяхъ, а потомъ подправляютъ различными снадобьями. Вообще, всякое мясо у нихъ не то - что сопровождается соусомъ, а бываетъ въ немъ какъ бы утоплено; соусы эти чрезвычайно разнообразны и, по большей части, остраго вкуса. Всякія пряности и ароматныя травы составляютъ существенную принадлежность китайской кухни. Въ половинѣ обѣда подается нѣчто въ родѣ горячаго, какимъ у насъ принято начинать обѣдъ: въ фарфоровой вазѣ, окруженной маленькими хлѣбцами или пирожками, приносятъ крѣпкій мясной или рыбный бульонъ; его ѣдятъ, не дожидаясь никакихъ приглашеній. Въ заключеніе обѣда подается чай; гости берутъ чашки съ чаемъ и, вставъ изъ-за стола, переходятъ въ другую залу или въ садъ. Это минута отдыха между обѣдомъ и дессертомъ. Пока гости сидятъ за столомъ, по распоряженію хозяина въ столовую входятъ музыканты и актеры, кланяются всѣ въ одно время по 4 раза въ землю и устанавливаются въ концѣ залы такъ, чтобы всѣмъ гостямъ ихъ было видно; потомъ одинъ выходитъ впередъ и подаетъ почетнѣйшему изъ гостей книжечку, въ которой золотыми буквами изображены заглавія 50-ти или 60-ти комедій, играемыхъ этой труппой актеровъ. Обыкновенно почетный гость не рѣшается назначить пьесу прежде, чѣмъ списокъ обойдетъ по рукамъ всѣхъ гостей и снова возвратится къ

нему. Какъ только поданъ знакъ, начинается представленіе при звукѣ барабановъ, флейтъ, рожковъ, трубъ, гонговъ и другихъ инструментовъ, извѣстныхъ только однимъ китайцамъ. Женщины смотрятъ на это представленіе сквозь рѣшетку, но никогда не упустятъ случая пригласить на такое удовольствіе и своихъ пріятельницъ. Послѣ обѣда гости, посидѣвъ въ гостиной или побродивъ по саду, весело и пріятно побесѣдовали между собою, выпили чаю и готовы уже подвергать новымъ испытаніямъ свои желудки. Они возвращаются въ столовую и принимаются за ѣду сластей, плодовъ, компотовъ и вареній всякаго рода, а также ветчины, соленыхъ утокъ, мелкой рыбы, морскихъ раковъ и проч., и проч.; къ этому надо еще прибавить разныя пирожныя и печенья. За дессертомъ также пьется вино, каждый разъ по приглашенію хозяина; пьютъ за здоровье другъ друга: гость поднимаетъ обѣими руками чашку съ виномъ въ уровень съ своей немного наклоненной головой и, смотря дружелюбно на того, кого желаетъ почтить, дѣлаетъ головой выразительное движеніе, при чемъ граціозно покачиваетъ корпусъ изъ стороны въ сторону и затѣмъ уже выпиваетъ. Все это происходитъ съ такими китайскими ужимками и штуками, что трудно дать ясное понятіе тому, кто самъ не видѣлъ. По окончаніи всѣхъ угощеній каждый изъ гостей, оставивъ на столѣ нѣсколько денегъ для прислуги, спѣшитъ убраться домой; обыкновенно его несутъ въ закрытыхъ носилкахъ, впереди которыхъ идутъ слуги съ большими зажженными фонарями, на нихъ крупными буквами написаны титулы и имена ихъ господъ. На слѣдующій день хозяинъ пира всегда получаетъ отъ угощенныхъ имъ лицъ благодарственныя записки.

Китайцы ѣдятъ многое изъ того, что не употребляется въ пищу въ другихъ странахъ: перья акулы, мясо дикой лошади, медвѣжьи лапы, ласточкины гнѣзда, червей и насѣкомыхъ различнаго рода и проч., и проч.; простому народу нипочемъ наѣсться кошачьяго, собачьяго и крысинаго мяса.

Вслѣдствіе конфуціанскаго школьнаго воспитанія, у китайскаго народа существуютъ особые обычаи и манеры, болѣе или менѣе отзывающіеся вѣжливостью, основанною на церемоніяхъ. Для всѣхъ общественныхъ сношеній и отношеній установлены правила, рѣшающія, что слѣдуетъ дѣлать и какъ себя держать въ томъ или другомъ случаѣ. Китайцы здороваются и кланяются совершенно иначе, нежели это принято у насъ; у нихъ нельзя ограничиться однимъ болѣе или менѣе почтительнымъ поклономъ, а еще менѣе простымъ кивкомъ головы или приподнятіемъ шляпы. Если тотъ, кому кланяются, выше чиномъ того, кто кланяется, то послѣдній долженъ сложить ладони, поднять ихъ выше головы, потомъ опустить къ землѣ, отвѣшивая въ то же время пренизкій поклонъ. Здороваясь запросто, сложенныя руки, любезно перебирая пальцами, поднимаютъ до груди и доволь-

ствуются небольшимъ наклоненіемъ головы, взаимно спрашивая другъ друга: «Какъ ваше здоровье?» — «Очень хорошо, получается отвѣтъ, благодаря изобилію вашего счастія.» Люди низшаго званія при встрѣчѣ въ публикѣ съ мандариномъ не смѣютъ раскланиваться; въ подобномъ случаѣ они только останавливаются, опустивъ глаза и вытянувъ руки по швамъ, и сторонятся, чтобы пропустить важную особу впередъ. Два мандарина, равные по чину, встрѣтясь на улицѣ, не выходятъ изъ своихъ носилокъ, но каждый съ своей стороны складываетъ ладони, опускаетъ ихъ и поднимаетъ ко лбу, повторяя это до тѣхъ поръ, пока не скроются другъ у друга изъ виду. Но если одинъ изъ нихъ старше чиномъ, то младшій останавливаетъ свои носилки и, вышедши изъ нихъ, дѣлаетъ передъ старшимъ глубокій реверансъ. Вѣжливость китайцевъ особенно замѣчательна во время визитовъ, которые они имѣютъ обыкновеніе дѣлать другъ другу въ извѣстное время года или при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Въ Китаѣ визитъ дѣло нешуточное! Ни къ кому нельзя явиться съ визитомъ, не пославъ предварительно своей карточки, посредствомъ которой узнается, дома ли тотъ, кого хотятъ посѣтить, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашается побыть на это время дома. Въ то же время присыланіемъ карточки оказывается почетъ тому лицу, къ которому она отправляется. Китайская визитная карточка совершенно не похожа на наши: это нѣчто въ родѣ тетради изъ прелестной пунцовой бумаги съ легкими золотыми узорами, сложенной въ видѣ опахала болѣе или менѣе полнаго, болѣе или менѣе объемистаго, смотря по чину или знатности того, къ кому посылается, а также и по степени уваженія, какое желаютъ засвидѣтельствовать тому или другому лицу; надпись не ограничивается, какъ у насъ, однимъ именемъ: къ нему прибавляется еще какой-нибудь комплиментъ или почтительное привѣтствіе, выраженное въ болѣе или менѣе ласкательныхъ и нѣжныхъ словахъ, соразмѣрно званію и чину того, къ кому собираются въ гости: «нѣжный и преданный другъ вашей особы и вѣчный ученикъ вашей мудрости является въ этомъ качествѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и поклониться до земли», говорится иногда тамъ, или: «вашъ ученикъ, вашъ младшій братъ, пришелъ преклонить передъ вами до земли свою голову и засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе». Большая часть китайскихъ визитовъ дѣлается не иначе, какъ въ сопровожденіи подарковъ. Въ такомъ случаѣ къ визитной карточкѣ прилагается еще другая, тоже изъ красной бумаги, и на ней пишется имя посылающаго подарки и число ихъ. Если оказывается, что извѣщенный такимъ образомъ визитъ желаютъ принять (отказовъ почти не бываетъ), то тутъ настаетъ истинное царство китайскаго церемоніала, правила котораго должны строго соблюдаться обѣими сторонами. У китайцевъ существуетъ сборникъ, или уставъ общежитія или хорошихъ манеръ. Въ немъ упоминаются и взаимные поклоны,

и взаимныя колѣнопреклоненія, и марши, и контръ-марши, которые слѣдуетъ продѣлывать, чтобы очутиться тогда-то съ правой стороны, тогда-то съ лѣвой, и выраженія, какія должно употреблять при визитахъ, и титулы, какими необходимо величать другъ друга,—все указано и описано съ малѣйшими подробностями въ этомъ сводѣ законовъ вѣжливости, очень распространенномъ между жителями Небесной имперіи (конфуціанская дисциплина отразилась и на мелочахъ китайской жизни). Посѣтителя, явившагося къ наружнымъ воротамъ дома, приглашаютъ прежде всего по выходѣ изъ носилокъ пожаловать черезъ всѣ дворы, обыкновенно очень обширные и предшествующіе гостиной; среднія ворота уже отперты заранѣе (допустить гостя пройти черезъ боковыя было бы неучтиво). Двое слугъ, поставленные по обѣимъ сторонамъ этого почетнаго входа, держатъ зонтикъ и большой вѣеръ своего господина, наклонивъ ихъ одинъ къ другому и скрывая такимъ образомъ за ними его самого отъ глазъ посѣтителя, который съ своей стороны тоже скрывается за большимъ опахаломъ; его держитъ одинъ изъ слугъ, опахало отнимается не раньше той самой минуты, когда уже гостю можно совершить поклонъ передъ своимъ знаменитымъ хозяиномъ; тотъ также въ это время показывается и дружескимъ движеніемъ руки приглашаетъ гостя войти, гость отвѣчаетъ, что онъ не смѣетъ, но тѣмъ не менѣе оба входятъ. Въ гостиной приготовлены два ряда креселъ, одинъ противъ другого. Отъ самыхъ дверей начинаются поклоны, или присѣданія, т.-е. наклоненіе другъ къ другу и шагъ назадъ, при чемъ сложенныя руки прикасаются къ землѣ. Часто гость выказываетъ намѣреніе занять менѣе почетную сторону, предоставляя другую хозяину; тогда послѣдній начинаетъ извиняться и твердя: «я не осмѣлюсь...» обходитъ своего гостя, не спуская съ него глазъ и ни въ какомъ случаѣ не повертываясь къ нему спиной, и занимаетъ надлежащее мѣсто нѣсколько позади своего гостя, тутъ они оба раскланиваются въ одно время. Если нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ дѣлаютъ визитъ, или если у хозяина въ домѣ живутъ какіе-нибудь родственники, то всѣмъ и каждому отдается по такому же поклону. Процедура эта происходитъ довольно долго, всѣ молчатъ въ ожиданіи, пока она кончится. Нерѣдко мѣсто, оставленное для гостя, покрываютъ коврами, при чемъ представляется новый случай для разныхъ извиненій и церемоній съ той и другой стороны. Каждый отказывается сѣсть первымъ, другой настаиваетъ на этомъ. Хотя почетное мѣсто обыкновенно бываетъ вычищено какъ нельзя лучше, хозяинъ дома все-таки будто бы обмахиваетъ съ него пыль полою своего платья, потомъ почтительно передъ нимъ кланяется. Гость, въ свою очередь, прежде чѣмъ усѣсться, считаетъ долгомъ оказатъ такія же почести креслу, на которое долженъ сѣсть хозяинъ. Размѣстившись, наконецъ, гость и хозяинъ стараются держать себя съ достоинствомъ и соблюдать всю строгость приличій:

сидѣть на стулѣ полагается всегда прямо, не прислоняясь къ спинкѣ; глаза должны быть постоянно нѣсколько опущены, руки положены на колѣни, ноги вытянуты впередъ, но никакъ не сложены одна на другую. Посѣтитель ни за что не начнетъ разговоръ прямо съ изложенія причинъ, побудившихъ его пріѣхать;—приличіе требуетъ сначала поговорить о самыхъ постороннихъ, самыхъ даже незначительныхъ предметахъ. Наконецъ, выждавъ время, гость съ важнымъ и серьезнымъ видомъ высказываетъ истинную цѣль своего посѣщенія. Хозяинъ съ такою же важностью и со многими поклонами держитъ отвѣтную рѣчь. Тогда разговоръ принимаетъ самый торжественный тонъ и продолжается въ такомъ видѣ до конца.

Гостямъ всегда и во всякое время предлагается чай, его разноситъ на подносѣ слуга. Какъ взять чашку съ подноса, какъ ее поднести ко рту, какъ ее отдать слугѣ,—на все это есть особыя правила, которыя благовоспитанный человѣкъ обязанъ тщательно соблюдать. Въ жаркое время хозяинъ по окончаніи чаепитія, беретъ въ обѣ руки свой вѣеръ и, раскланиваясь передъ обществомъ, произноситъ: «дзинъ-чинъ, приглашаю васъ употребить свои опахала». Тогда всѣ слѣдуютъ его примѣру и обмахиваются. При уходѣ посѣтителя выполняются новыя церемоніи, такъ же точно соблюдаемыя, какъ и прежнія. Вѣжливость требуетъ, чтобы хозяинъ проводилъ гостя до его паланкина; провожая, хозяинъ старается держаться около гостя съ лѣвой стороны и нѣсколько сзади; гость, прежде чѣмъ сѣсть въ носилки, упрашиваетъ хозяина не присутствовать при дѣйствіи столь неблагородномъ и неучтивомъ. Но хозяинъ, стараясь не стѣснять гостя, только вполовину отворачивается, какъ бы для того, чтобы не видѣть, какъ гость будетъ влѣзать въ свои носилки. Затѣмъ онъ обращается къ гостю съ прощальнымъ привѣтствіемъ, на что тотъ отвѣчаетъ такимъ же. Въ разговорѣ китайцы стараются употреблять самые отборные и почтительные слова и обороты. Когда китаецъ говоритъ съ кѣмъ-нибудь старше себя, онъ не употребляетъ мѣстоименій ни перваго, ни второго лица; говоря объ оказанной ему услугѣ, онъ выражается такъ: «услуга, которую его милость оказала своему нижайшему слугѣ, была ему чрезвычайно чувствительна». Если китаецъ выказываетъ желаніе услужить чѣмъ-нибудь другому китайцу, послѣдній восклицаетъ: «ахъ, вы расточаете ваше сердце!» За оказанную услугу говорятъ: «моей благодарности не будетъ конца!» При поднесеніи подарка, прежде чѣмъ принять его, три раза повторяютъ: «не смѣю, не смѣю, не смѣю!» Существуетъ обычай послѣ даже самаго изобильнаго обѣда говорить гостямъ: «васъ очень дурно приняли, очень плохо угостили!»

Въ отвѣтъ на это гости стараются разсыпаться въ комплиментахъ хозяину.—Для сочиненія писемъ также существуютъ установленныя правила. Тутъ, главнымъ образомъ, все зависитъ отъ обстоятельствъ,

степени важности и лѣтъ того, къ кому пишутъ, но, во всякомъ случаѣ, письменный языкъ долженъ быть совсѣмъ другой, чѣмъ обыкновенный разговорный: въ немъ употребляются выраженія изысканныя и замысловатыя; чѣмъ больше они заключаютъ въ себѣ лести, тѣмъ лучше. Опредѣляется даже цвѣтъ и форма бумаги, когда и въ какомъ случаѣ слѣдуетъ употреблять ее, а также величина буквъ: чѣмъ мельче написано письмо, тѣмъ оно считается почтительнѣе. Въ случаяхъ, требующихъ особенной деликатности, когда нужно щегольнуть умѣньемъ жить, бумага требуется непремѣнно бѣлая, сложенная въ десять или двѣнадцать складочекъ; письмо начинается только со второй, а имя писавшаго ставится на самой послѣдней. Письмо всегда бываетъ заключено въ двухъ оболочкахъ, похожихъ на аптечные мѣшечки и обведенныхъ нарядной каемочкой. На первой оберткѣ пишутся двѣ буквы: Нью-анъ — «письмо внутри», затѣмъ пакетъ кладется въ другую обертку, изъ болѣе толстой бумаги, обернутой красной бумажной полоской, на которой пишутся крупными буквами имя и адресъ, концы ея складываются и запечатываются.— Въ обществѣ китайцы, большею частью, держатъ себя съ холодною важностью, строго выполняя этикетъ. Но они бываютъ очень довольны, когда можно обращаться свободнѣе. Пріятели сходятся запросто пить чай и курить превосходный табакъ и позволяютъ себѣ при этомъ даже побалагурить и потѣшиться отгадываніемъ загадокъ и т. п. Дисциплина вѣжливаго обращенія очень хорошо отразилась на нравахъ и привычкахъ китайскаго народа. Вѣжливостью отличаются въ Китаѣ не только горожане, но и сельскіе жители: слуги, прощаясь, становятся другъ передъ другомъ на колѣни; крестьяне говорятъ другъ другу комплименты, даже самые матросы, вездѣ, большею частію, грубые, живутъ въ Китаѣ и работаютъ вмѣстѣ, какъ люди, связанные очень тѣсной дружбой. «Однажды я пробирался, говоритъ одинъ миссіонеръ, по узкой и глубокой дорогѣ, гдѣ столпилось множество возовъ, которымъ трудно было разъѣхаться. Мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ начнется брань, пожалуй даже драка между подводчиками, какъ это обыкновенно бываетъ въ Россіи при такихъ обстоятельствахъ. Но какъ же я удивился, когда увидѣлъ, что эти люди раскланиваются и дружелюбно разговариваютъ между собою, какъ будто знакомые и пріятели, и принимаются общими силами распутывать свои и чужія телѣги, чтобы дать возможность всѣмъ проѣхать». Гуманность китайскихъ нравовъ проявляется во многихъ случаяхъ соціальной жизни этого народа. Благодаря ей, въ Китаѣ возможно такое полное народное самоуправленіе, которое при иныхъ нравахъ повело бы къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ. Ни въ какомъ другомъ государствѣ о нравственности народа не заботится такъ много правительство, какъ это дѣлаетъ китайскій цензоріатъ. «Нигдѣ нѣтъ такой гуманности, какъ въ Китаѣ, говоритъ профессоръ Васильевъ,

нигдѣ, даже въ самыхъ демократическихъ странахъ, не возвышается такъ рѣзко голосъ правды, нигдѣ низшіе не пользуются такой свободой участвовать въ разговорахъ и дѣлахъ высшаго. Низшій есть все-таки членъ семейства (слуга не имѣетъ права донести на своего господина, господинъ отвѣчаетъ за слугу, какъ за жену и сына). Китайца въ европейскомъ обществѣ можно найти страннымъ, смѣшнымъ, но не презрѣннымъ; перенесите самаго лучшаго европейскаго дипломата въ Китай, дайте ему полную способность говорить по-китайски, но потребуйте, чтобы онъ держалъ себя и говорилъ, какъ онъ держитъ себя и говоритъ въ европейскомъ обществѣ, — въ китайскомъ обществѣ онъ непремѣнно покажется и гадкимъ, и невѣжей!» — Единственный національный порокъ китайцевъ составляетъ взяточничество, которое, вслѣдствіе привычки, получило даже какъ бы законный характеръ, и потому не кажется предосудительнымъ; имъ особенно проникнуты лица, избалованныя духовной или свѣтской властью и почетнымъ положеніемъ, — мандарины и буддійскіе и даоскіе жрецы, составляющіе худшій элементъ общества; но къ счастью для китайцевъ количество этихъ людей слишкомъ ничтожно сравнительно съ громадной народной массой. По поводу китайскаго взяточничества, какъ несовмѣстнаго съ конфуціанской моралью, о. Іоакинфъ говоритъ слѣдующее: «Въ древней исторіи Китая не видно и слѣдовъ лихоимства чиновниковъ. Оно появилось въ продолженіе 100-лѣтней войны съ монголами въ предпослѣднемъ вѣкѣ передъ Р. Х. Китай дошелъ тогда до такого истощенія, что правительство оказалось принужденнымъ дозволить чиновникамъ содержать себя разными сборами съ подчиненныхъ. Въ этотъ промежутокъ государственнаго истощенія мало-по-малу образовались въ управленіи разныя злоупотребленія, которыя потомъ приняли какъ бы законный видъ и укоренились такъ глубоко, что впослѣдствіи и лучшимъ жалованьемъ невозможно было уничтожить ихъ. Съ теченіемъ времени часть эта была доведена до такой опредѣленности, что нынѣ находятся точныя расписанія, сколько каждая должность въ губерніяхъ приноситъ въ годъ дохода; и по этому расписанію опредѣлены неминуемыя издержки при опредѣленіи къ должности, получаемой, впрочемъ, законнымъ образомъ. Въ Пекинѣ находятся страховыя конторы, которыя снабжаютъ новоопредѣленныхъ чиновниковъ деньгами съ обязанностью уплатить долгъ передъ поступленіемъ въ должность на мѣстѣ. А уплата очень возможна, ибо, напримѣръ, уѣздный правитель при выгодномъ мѣстѣ получаетъ отъ 50 до 200 тысячъ руб. сер. въ годъ. Чиновники при производствѣ казенныхъ работъ по Желтой рѣкѣ берутъ себѣ $^6/_{10}$, а отъ построекъ $^7/_{10}$ изъ отпускаемыхъ суммъ. Въ Пекинѣ правительство открыто терпитъ мелкихъ мошенниковъ. Въ каждомъ почти кварталѣ есть товарищество ихъ подъ вѣдѣніемъ старосты. Мошенники занимаются своимъ ремесломъ въ

чертѣ того квартала, къ которому принадлежитъ товарищество. Человѣкъ, отыскивающій его украденную вещь, можетъ войти въ квартальный судъ и объявить о своей потерѣ. Офицеръ немедленно посылаетъ солдата къ старостѣ, и похищенную вещь, если она здѣсь, немедленно возвращаютъ, конечно, за предложенную взятку. Въ противномъ случаѣ офицеръ учтиво скажетъ, что пропажа послѣдовала за чертою ихъ кварталовъ. Если въ продолженіе трехъ сутокъ не явится хозяинъ похищенной мошенниками вещи, то староста имѣетъ право продать ее въ пользу товарищества». Итакъ, это какъ бы законнымъ образомъ организованное мошенничество — средство имѣть возможность получать взятки, которое до того вошло въ нравы народа, что даже покровительствуется правительствомъ, а потому, вѣроятно, на него и смотрятъ легко въ Китаѣ. Такъ велика въ Срединномъ царствѣ страсть къ наживѣ, несомнѣнно, являющаяся слѣдствіемъ исключительнаго, многовѣковового преобладанія въ народной жизни матеріальныхъ интересовъ!

Средоточіемъ наиболѣе дѣятельной, кипучей жизни народа является въ Китаѣ провинція Чжи-ли (тели), т.-е. управляющая провинція; она, какъ показываетъ самое названіе ея, главная въ имперіи, такъ какъ тамъ соединяются центральныя учрежденія государства. Провинція эта лежитъ къ западу отъ Чжилійскаго залива, по обѣимъ сторонамъ восточной оконечности Великой стѣны, занимая обширное пространство около 5,438 кв. геогр. миль, съ населеніемъ по оффиціальнымъ спискамъ 1879 года въ 17,937,000 душъ. Крайнія возвышенности монгольскаго плоскогорья, спускаясь крутыми уступами къ югу, ограничиваютъ съ сѣвера и съ запада пекинскую равнину, представляющую обширную низменность, бывшую нѣкогда морскимъ дномъ. Равнина эта вмѣщаетъ большую часть населенія провинціи. Орошающіе ее источники, имѣя весьма слабое теченіе, образуютъ на пути къ Чжилійскому заливу множество озеръ и болотъ, особенно послѣ обильныхъ лѣтнихъ дождей, когда низовыя рѣки Бай-хо съ ихъ многочисленными развѣтвленіями выходятъ изъ береговъ, заливая огромныя пространства и уничтожая массу посѣвовъ, тогда какъ, съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ моря, встрѣчается недостатокъ въ водѣ и нерѣдко бываютъ засухи. Всѣ эти невыгодныя условія для земледѣльческой промышленности, а также чрезмѣрная густота населенія всегда ставили провинцію Чжили въ экономическую зависимость отъ средняго и южнаго Китая, несмотря на постоянную эмиграцію ея населенія въ сосѣднія мѣстности Монголіи и Маньчжуріи. Тѣмъ не менѣе вся поверхность Чжи-ли, вообще, хорошо обработана и производитъ въ большомъ количествѣ пшеницу, рисъ, просо, сорго, маисъ, различныя овощи, жубы, виноградъ и проч. Эта поверхность богата желѣзомъ, хорошимъ мраморомъ, горшечной глиной и обширными залежами каменнаго угля, употребляемаго въ ней по-

повсемѣстно для топлива. Главный городъ ея — Пекинъ, или Шунъ-тянь, — столица Срединнаго царства. Слово Пей-кинъ означаетъ въ переводѣ «Сѣверная столица»; оно дано было городу, когда существовала южная столица, называемая по-китайски Нань-цзинь (Нанкинъ); но въ настоящее время китайцы чаще называютъ резиденцію своего государя просто Цзинъ-чень, что значитъ «столичный городъ». Пекинъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Китая; существованіе его становится извѣстнымъ съ 1121 г. до Р. Х.; онъ назывался тогда Цзи. Въ 1921 г. стѣны Пекина были расширены болѣе, чѣмъ на 21 версту въ окружности, и въ немъ построили нынѣшній богдыханскій дворецъ. Въ 1437 и 1489 гг. городскія стѣны были обложены кирпичомъ. Въ 1563 и 1564 гг. южное предмѣстье Пекина обведено было также стѣною и получило названіе Вай-чэнь, т. е. «Внѣшній городъ», а сѣверная часть названа была Нэй-чэнь, или «Внутренній городъ». Кромѣ того, есть еще Хуанъ-чэнь, т. е. Императорскій городъ, а внутри его расположенъ Цзы-цзинь-чэнь, — завѣтный, красный или запрещенный городъ, настоящій пекинскій кремль, обнесенный такъ-же, какъ и остальные 3 города, укрѣпленными стѣнами. Окружность стѣнъ императорскаго города простирается до 3-хъ верстъ 107 саж.; онъ обведенъ широкимъ каналомъ, берега котораго укрѣплены гранитными плитами. Въ этомъ городѣ находятся высшія правительственныя учрежденія, а также храмы и многочисленные кіоски, между ними разсѣяны озера и каналы съ красивыми мраморными мостами. Доступъ въ самое святилище запрещенъ для всѣхъ, такъ что оно извѣстно европейцамъ только по описанію католическихъ миссіонеровъ, жившихъ при Пекинскомъ дворѣ 200 лѣтъ тому назадъ и имѣвшихъ туда свободный входъ. Всѣ эти части Пекина въ общемъ, за исключеніемъ предмѣстій, занимаютъ площадь около 53 кв. верстъ. Внѣшнія городскія стѣны представляютъ огромную земляную насыпь, обложенную кирпичомъ и оканчивающуюся наверху выложенной плитами платформой, настолько широкой, что по ней свободно могутъ разъѣхаться два экипажа. На стѣнѣ черезъ каждыя сто саженъ разстоянія расположены четырехъ-угольныя башни и, кромѣ того, на всѣхъ четырехъ углахъ ограды высятся четырехъ-этажные прорѣзанные бойницами бастіоны, а подъ сводами каждыхъ воротъ возведены высокія постройки, покрытыя эмальированною черепицею. Съ внѣшней стороны стѣны обведены широкимъ рвомъ, отдѣляющимъ городъ отъ его грязныхъ предмѣстій. Обширная равнина, на которой расположенъ Пекинъ, поднята надъ уровнемъ моря всего на 122 фута; она ограничена на сѣверѣ и западѣ отрогами горъ, составляющихъ послѣдніе уступы окрайнихъ хребтовъ Монголіи. Окрестности города покрыты хорошо обработанными полями, среди которыхъ повсюду виднѣются сады и отдѣльныя группы деревьевъ, окружающія множество мелкихъ селеній, кладбищъ, монастырей и храмовъ, такъ что съ высоты го-

родъ кажется какъ бы утопающимъ въ зелени. Путешественника, который въѣзжаетъ въ столицу Срединнаго царства, прежде всего поражаютъ массивныя городскія стѣны съ высокими башнями оригинальной архитектуры. Но онъ скоро убѣждается, что Пекинъ мало отличается отъ другихъ китайскихъ городовъ. Тѣ же длинные торговые ряды съ разнообразными лавками тянутся по обѣимъ сторонамъ улицъ, изъ которыхъ главныя довольно широки; самые дома, не исключая княжескихъ и ханскихъ дворцовъ, а также и присутственыхъ мѣстъ, скрыты за высокими стѣнами во дворахъ, гдѣ расположены жилыя и другія помѣщенія. Наиболѣе торговую часть Пекина составляетъ китайскій городъ (Вай-чэнь), улицы котораго всегда переполнены народомъ, и многочисленные магазины, лавки, гостинницы и т. п., разукрашенные огромными вывѣсками съ золотыми надписями, гдѣ обозначается имя торговца съ прибавкою разныхъ похвалъ и исчисленіемъ его правъ на довѣренность публики, а иногда и цѣлый его родословной. Лавки очень изобильно наполнены разнообразными, иногда изящными товарами китайскихъ издѣлій. Нѣкоторыя замѣчательны украшающими ихъ спереди рѣзьбой и деревянными изваяніями, довольно искусно сдѣланными и часто покрытыми богатой позолотой и цвѣтными флагами; онѣ представляютъ рѣзкій контрастъ съ уличной грязью и мусоромъ, среди которыхъ всегда можно видѣть множество роющихся собакъ. Тутъ встрѣчаются мусорщики, занимающіеся собираніемъ нечистотъ для удобренія полей; но всѣ эти добровольные ассонизаторы далеко не достигаютъ того, чтобы избавить столицу Небесной имперіи отъ массы нечистотъ, постоянно заражающихъ воздухъ. Лѣтомъ, послѣ дождей, иногія улицы образуютъ сплошныя лужи и болота, а въ зимнее и, вообще, сухое время года въ воздухѣ постоянно держится густая пыль, поднимаемая тонкими и зубчатыми колесами китайскихъ экипажей, телѣгъ и тачекъ; кромѣ того, для перемѣщенія употребляются еще носилки. Все это съ трудомъ протѣсняется по торговымъ улицамъ Китая сквозь густую толпу народа. Тутъ же то-и-дѣло шныряютъ по всѣмъ направленіямъ разносчики и продавцы старья: одни тащутъ свой товаръ въ корзинахъ, повѣшенныхъ на шеѣ; другіе на чемъ-то похожемъ на огромные вѣсы, коромысло которыхъ опирается на ихъ плечи; въ одномъ мѣстѣ—продавцы съѣстного съ своей переносной кухней, въ другомъ продавцы фруктовъ, кругомъ ихъ и повсюду, куда ни взглянешь, другіе мелкіе торгаши всевозможныхъ родовъ то идутъ, то останавливаются, чтобы навязывать прохожимъ свои товары. Для болѣе успѣшнаго привлеченія вниманія покупщиковъ, они наперерывъ другъ передъ другомъ кричатъ во все горло самыми дикими голосами, расхваливая товары. Есть тутъ и цирюльникъ, неустаннымъ звономъ колокольчика подывающій къ себѣ прохожихъ: одной рукой онъ сажаетъ желающаго бриться на маленькую скамеечку, другою намыливаетъ ему голову и

начинаетъ съ неподражаемою ловностью дѣйствовать на ней своей трехгранной бритвой, послѣ того подрисовываетъ ему брови, выправляетъ какъ слѣдуетъ оставленный пучокъ на макушкѣ и, получивъ за свой трудъ нѣсколько мелкихъ монетъ, наконецъ, отпускаетъ. Мѣстами народъ страшно скучивается около гадальщиковъ, пѣвцовъ, разсказчиковъ анекдотовъ, шарлатановъ, продающихъ лѣкарства, которыя, по ихъ словамъ, только что мертвыхъ не воскрешаютъ. Всей этой толпѣ приходится иногда разступаться, чтобы дать дорогу какому-нибудь важному мандарину, его всегда несутъ на носилкахъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Придворные сановники и принцы императорскаго дома показываются на улицахъ окруженные отрядами конницы. Но въ огромныхъ толпахъ народа, наполняющихъ улицы Пекина, почти вовсе не видно женщинъ. Къ коренному городскому населенію прибавляется въ Пекинѣ еще масса иногороднаго люда, прибывающаго по своимъ дѣламъ въ столицу. Утомленному пѣшеходу на каждомъ шагу представляются мѣста для отдыха и подкрѣпленія силъ: гостинницы, харчевни, палатки, гдѣ продаются фрукты, чай, вода со льдомъ,—всего довольно.

Къ наиболѣе замѣчательнымъ общественнымъ сооруженіямъ Пекина относятся храмы Неба и Земледѣлія, расположенные въ южной части китайскаго города. Первый изъ нихъ построенъ среди обширнаго парка на террасѣ, на которую ведутъ мраморныя ступени. Онъ имѣетъ видъ широкой ротонды, украшенной эмальированнымъ фаянсомъ и деревянной рѣзьбой, пестрѣющей золотисто-желтыми, синими и ярко-красными цвѣтами, составляющими рѣзкій контрастъ съ окружающей зеленью природы. Храмъ Земледѣлія размѣрами меньше, но выше и заканчивается тремя возвышающимися одна надъ другой крышами. Кромѣ того, еще замѣчательны храмъ Земли, храмы Солнца и Луны, расположенные вблизи Маньчжурскаго города, за его стѣнами: первый на сѣверѣ, второй на востокѣ, третій на западѣ. Въ Пекинѣ есть устроенная еще въ началѣ прошлаго столѣтія іезуитами-миссіонерами обсерваторія, въ которой астрономическіе инструменты сдѣланы изъ лучшей китайской бронзы и украшены различными орнаментами, представляющими, большею частію, драконовъ. Кромѣ того, существуетъ русская обсерваторія и принадлежащая Россіи богатая китайская библіотека, постоянно увеличивающаяся пріобрѣтеніемъ новыхъ сочиненій. Наконецъ, Лазаристская миссія обладаетъ прекраснымъ музеемъ по естественной исторіи, основаннымъ миссіонеромъ Арманомъ Давидомъ. Правительствомъ богдыхана учрежденъ особый институтъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ молодые китайцы изучаютъ иностранные языки, французскій, англійскій, нѣмецкій, русскій, монгольскій и маньчжурскій. Русскія миссіи — политическая и духовная, помѣщены въ Пекинѣ въ Маньчжурскомъ городѣ. Одна изъ главныхъ обязанностей нашей духовной миссіи заключается въ удо-

влетворении религіозныхъ потребностей православныхъ китайскихъ христіанъ, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ потомкамъ русскихъ воиновъ, уведенныхъ китайцами въ плѣнъ при взятіи нашей крѣпости Албазина въ 1686 году. Число этихъ китайцевъ, называемыхъ у насъ албазинцами, въ настоящее время считаютъ до 400 душъ. Кромѣ религіи, они почти ничѣмъ не отличаются отъ туземцевъ, съ которыми постоянно перемѣшиваются браками, говорятъ исключительно по-китайски и на этомъ языкѣ совершаютъ свое богослуженіе. Мужчины всѣ числятся въ составѣ пекинскаго гарнизона, но это не мѣшаетъ имъ поступать въ услуженіе къ русскимъ, живущимъ въ посольствѣ. Другія европейскія духовныя миссіи разныхъ исповѣданій также имѣютъ въ Пекинѣ свои церкви и монастыри. Пекинъ — центръ обширной мѣстной промышленности, но его значеніе для иностраннаго вывоза невелико.—Климатъ Пекина можно назвать умѣреннымъ. Главное неудобство жизни тамъ состоитъ въ недостаткѣ хорошей воды. Число жителей столицы Китая по даннымъ текущаго года считается въ 1,600,000. Въ Пекинѣ много татаръ. Полиція города отличается замѣчательной исправностью и распорядительностью. Общая забота о порядкѣ лежитъ на Пекинскомъ губернаторѣ, называемомъ «генераломъ девяти воротъ». На всѣхъ большихъ улицахъ есть караульни, откуда солдаты въ теченіе дня и ночи отряжаются бродить по улицѣ съ саблей на боку и нагайкой въ рукѣ, начинающей гулять по плечамъ каждаго, кто вздумаетъ на улицѣ заводить ссору или какой-либо безпорядокъ. Концы малыхъ улицъ, также охраняемыхъ солдатами, запираются на ночь рогатками. Каждая улица дѣлится на участки, состоящіе изъ 10-ти домовъ. Попеченіе о спокойствіи и безопасности такого участка возлагается на нѣсколькихъ обывателей, которые называются начальниками 10-ти домовъ. Эти китайскіе десятники поочередно дежурятъ, и при малѣйшемъ безпорядкѣ въ подвѣдомственномъ дежурному десятнику участкѣ онъ спѣшитъ дать о томъ знать на ближайшую караульню. Какъ только начнетъ смеркаться, каждый пекинскій обыватель, кто бы онъ ни былъ,—богачъ, бѣднякъ, купецъ, мандаринъ,—обязанъ засвѣтить висящій передъ его домомъ фонарь, исключенія въ этомъ случаѣ ни для кого не существуетъ. Всѣ эти свѣтящіеся въ воздухѣ фонари самыхъ разнообразныхъ формъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, составляютъ оригинальную и очень эффектную ежедневную иллюминацію. Ночной караулъ даетъ знать народу о своей бдительности посредствомъ ударовъ въ колокола, которыхъ въ Пекинѣ довольно много; въ нѣкоторыхъ околоткахъ употребляютъ для этого огромный барабанъ или гонгъ (тазъ) съ очень громкимъ звукомъ. Первая ночная смѣна ударяетъ по одному разу, время отъ времени повторяя эти удары въ теченіе двухъ часовъ, вторая — бьетъ по два раза сряду, третья по три и т. д. Какъ только наступаетъ первая смѣна, съ карауленъ выходятъ по нѣскольку солдатъ, которые

начинають расхаживать взадъ и впередъ, дѣйствуя трещеткой, привязанной на рукѣ у каждаго изъ нихъ; часовые съ своихъ мѣстъ отвѣчаютъ солдатамъ, колотя по звонкой бамбуковой трубѣ и показывая этимъ, что они тоже не спятъ.—Всякая ѣзда и ходьба ночью по городу запрещается; исключенія бываютъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ: для какого-либо важнаго лица, по значительному поводу, притомъ въ этомъ случаѣ изъ дому нужно выйдти непремѣнно съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ. Благодаря строгой полицейской бдительности, миръ, тишина и безопасность никогда не нарушаются ночью въ городѣ, несмотря на его многочисленное населеніе. Пекинскіе обитатели всѣхъ классовъ общества утромъ всегда поднимаются чуть-свѣтъ и спѣшатъ приняться за свои дѣла. Присутственныя мѣста открываются также съ разсвѣтомъ дня.—Императорскій дворъ возвышается среди завѣтнаго, или запрещеннаго города. Съ четырехъ главныхъ фасовъ въ него ведутъ внушительнаго вида ворота; множество построенныхъ въ немъ зданій покрываютъ собою пространство земли десятинъ въ сорокъ. Видъ громаднаго скопленія тамъ дворцовъ поразителенъ: глазу разомъ представляется въ цѣломъ живописное, красивое и величавое зрѣлище. Сады, окружающіе дворецъ, съ примыкающими къ нимъ огромными парками, простирающимися вдаль, даже за укрѣпленную ограду, съ ихъ свѣжей зеленью, ручейками, прудами, мостами, островами, скалами, долинами, холмами, бесѣдками, башнями, плодами и множествомъ другихъ затѣй, кажутся какимъ-то волшебнымъ очаровательнымъ мѣстомъ. Самый императорскій дворъ расположенъ недалеко отъ южныхъ воротъ Татарскаго города. Обширность его заключаетъ въ себѣ девять обширныхъ дворовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ и сообщающихся между собою бѣлыми мраморными воротами съ башнями наверху, на которыхъ блестятъ лакъ и позолота. Одни изъ этихъ дворовъ обставлены кругомъ жилыми корпусами или галлереями, другіе службами и конюшнями. Первый дворъ очень обширенъ, въ него спускаются по мраморной лѣстницѣ, украшенной двумя большими бронзовыми львами и балюстрадой изъ бѣлаго мрамора въ видѣ подковы; по немъ, извиваясь, бѣжитъ ручей, черезъ который перекинуты мраморные мостики. Въ глубинѣ этого двора возвышается фасадъ съ тремя подъѣздами, средній изъ которыхъ назначенъ исключительно для императора. Подъѣзды эти ведутъ на другой дворъ, самый обширный изъ всѣхъ, находящихся въ большомъ дворѣ; огромная галлерея окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, въ ней находятся кладовыя драгоцѣнностей, составляющихъ частную собственность императора.

Первая изъ нихъ наполнена серебряной и золотой посудой и другими вещами изъ драгоцѣнныхъ металловъ; вторая заключаетъ въ себѣ самые рѣдкіе и дорогіе мѣха; третья—шубы лисьи, горностаевыя, собольи и другія, которыми императоръ даритъ иногда своихъ

приближенныхъ; четвертая кладовая—хранилище драгоцѣнныхъ камней, рѣдкихъ мраморовъ, жемчуга; пятая, состоящая изъ двухъ этажей, полна шкафовъ и сундуковъ, въ которыхъ хранятся шелковыя матеріи для императора и его семейства; въ другихъ кладовыхъ находятся стрѣлы, луки и другое оружіе, отбитое у непріятеля или же присланное въ подарокъ разными государями. На этомъ второмъ дворѣ находится императорская зала «Великаго союза»; она построена на вершинѣ пяти террасъ, помѣщенныхъ одна надъ другой и постепенно уменьшающихся кверху; каждая изъ этихъ террасъ обложена бѣлымъ мраморомъ и огорожена изящными перилами. Передъ этой залой выстраиваются всѣ мандарины, когда въ назначенные дни являются на поклонъ императору и исполняютъ предписанныя закономъ церемоніи. Она почти квадратная, имѣетъ около 65-ти аршинъ длины; потолокъ ея покрытъ рѣзьбой подъ зеленымъ лакомъ и обремененъ золочеными драконами; его поддерживаютъ покрытыя красным лакомъ колонны въ сажень толщины у основанія; полъ частію закрытъ ковромъ, стѣны безъ всякаго украшенія. Тронъ, воздвигнутый посрединѣ залы, состоитъ изъ довольно высокой эстрады съ надписью только одного слова «чинъ», что значитъ превосходный, совершенный, премудрый. На платформѣ, снаружи этой залы, разставлены бронзовыя вазы, въ которыхъ въ торжественные дни сожигаются благовонныя куренія; тамъ виднѣются канделябры, сдѣланные въ видѣ птицъ и раскрашенные разными цвѣтами, свѣчи и факелы. Эта платформа тянется къ сѣверу и поддерживаетъ двѣ другія залы, изъ которыхъ одна круглая, вся въ окнахъ и вся блеститъ лакомъ; въ ней одѣвается для торжественныхъ выходовъ императоръ; у другой одна изъ дверей ведетъ на сѣверъ, черезъ нее проходитъ императоръ изъ внутреннихъ покоевъ для того, чтобы принимать, сидя на тронѣ, привѣтствія государственныхъ сановниковъ. Его въ такихъ случаяхъ приносятъ на носилкахъ придворные служители, одѣтые въ красныя, вышитыя золотомъ кофты, въ шапкахъ съ кисточками наверху. Кромѣ залы «Великаго союза» есть еще множество другихъ, черезъ которыя надо пройти прежде, чѣмъ доберешься до самаго дворца; каждая изъ нихъ носитъ особое названіе. За этимъ слѣдуетъ зданіе тайнаго совѣта, императорской библіотеки, интендантство двора, дворецъ «Небесной чистоты», дворецъ императрицы, дворцы принцевъ и принцессъ. О внутренности какъ этихъ дворцовъ, такъ и императорскаго нельзя сказать ничего, потому, что всѣ они составляютъ ненарушимыя убѣжища, куда не позволяется проникнуть.— Красотой пейзажа отличается не одинъ императорскій городъ въ Пекинѣ, но и самая столица. Съ высоты некинскихъ укрѣпленій она представляетъ чудную необъятную панораму, развертывающуюся передъ глазами. Если всмотрѣться въ подробности перспективы, то является необыкновенная смѣсь формъ самыхъ причудливыхъ, красокъ самыхъ

яркихъ и противоположныхъ, такая пестрота, какой нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не увидишь, кажется, что это какое-то волшебное царство! Тутъ портики, закрученные винтообразно, тамъ кіоски, округленные въ видѣ шара или торчащіе кверху загибающимися полосами, далѣе храмы, пагоды съ кровлями въ нѣсколько ярусовъ, потомъ четвероугольныя башни съ острыми и зубчатыми вершинами виднѣются между толстыми стволами и длинными сучьями вѣковыхъ деревьевъ, посаженныхъ кругомъ. Тамъ и сямъ возносятся шпицы дворцовъ съ развѣвающимися на нихъ пестрыми флагами. Вонъ золоченая крыша и высокій бѣломраморный куполъ императорскаго дворца; подальше, за сѣверной оградой, видна «Угольная гора» со своими пятью намощенными одна надъ другой пагодами, и «Пей-Та-Ссе» — жилище бонзъ, и надгробный памятникъ послѣдняго императора изъ династіи Минъ на зеленѣющемъ насыпномъ холмѣ, составляющемъ полуостровъ, отражающійся, какъ въ зеркалѣ, въ прозрачныхъ водахъ «Средняго моря». Виднѣются длинныя и широкія улицы, не безобразящіяся помѣщаемыми вблизи кривыми переулками. Наконецъ, мрачная кайма гигантскихъ стѣнъ, обремененная со всѣхъ сторонъ батареями, башнями, павильонами, обрамляетъ собою и довершаетъ причудливую картину этого города, къ которому прилегаютъ вдобавокъ живописныя окрестности.—Китайскіе города, большею частію, не имѣютъ названій, ихъ обозначаютъ посредствомъ административныхъ подраздѣленій: системъ орошеній или уѣздовъ, къ которымъ города принадлежатъ. Древнія собственныя имена ихъ затерялись или смѣшались съ новыми. Какъ уже сказано, самая резиденція императора называется только столицею: Пекинъ — сѣверная столица, Нанкинъ — южная. Эти названія вовсе не спеціальныя, они могутъ переноситься на всѣ города, гдѣ поселится императоръ. Типъ постройки въ городахъ Китая почти вездѣ одинъ и тотъ же: они расположены по одному и тому же плану, имѣютъ, вообще, квадратную форму, окружены высокими и толстыми стѣнами, съ помѣщающимися на нихъ черезъ извѣстное разстояніе башнями; иногда онѣ окружены рвами, сухими или наполненными водой. Въ городахъ, кромѣ домовъ магазиновъ и лавокъ, находятся тріумфальныя ворота, башни въ нѣсколько этажей, составляющія принадлежность монастырей, храмы съ индійскими статуями божествъ, древніе памятники, надписи въ честь знаменитыхъ мужчинъ и женщинъ. Ширина улицъ и пространство общественныхъ площадей разнообразны. Частные дома жилки и всегда въ одинъ этажъ. Въ богатыхъ по нѣсколько дворовъ, женскія комнаты и сады всегда находятся сзади дома. Большая часть построекъ — деревянныя, разрисованныя и покрытыя лакомъ снаружи. Въ окна вставляется бумага, стекло, изящная рѣшетка, пластинки, слюда или тотъ родъ раковины, которую называютъ китайскимъ стекломъ (ploenna). Лавки, поддерживаемыя пилястрами, украшены

надписями, помѣщенными на большихъ разрисованныхъ и покрытыхъ лакомъ доскахъ; смѣсь находящихся на нихъ красокъ очень эффектна издали. Кромѣ обнесенныхъ стѣнами городовъ, которые служатъ главнымъ мѣстомъ отправленія правосудія, распредѣленія орошенія, центрами уѣзда, въ Китаѣ существуетъ множество мѣстечекъ и городовъ безъ ограды, нѣкоторые изъ которыхъ гораздо больше населены, чѣмъ настоящіе города; но въ нихъ нѣтъ правительственнаго вѣдомства, есть только крѣпости на границахъ, составляющія за Великой стѣной пограничную линію. Великолѣпіемъ отличаются, главнымъ образомъ, частныя постройки, которыя всегда дѣлаются изъ строеваго лѣса; каменные мосты въ видѣ полной арки выдѣляются замѣчательной длиной и прочностью, между ними нѣкоторые особенно выдаются.

Характеристично въ Китаѣ выполненіе особенно торжественныхъ праздниковъ. День новаго года ознаменовывается какъ бы проявленіемъ необыкновенной радости. За десять дней до него закрываются всѣ присутственныя мѣста. Всѣ счеты и разсчеты оканчиваются и уплачиваются заранѣе къ этому сроку. Наканунѣ новаго года вечеромъ поднимаются повсюду чрезвычайное движеніе и суетня. Каждый съ нетерпѣніемъ ждетъ полночи, чтобы встрѣтить новый годъ. Какъ только наступитъ эта желанная минута со всѣхъ сторонъ слышится нескончаемая трескотня всевозможныхъ потѣшныхъ огней. Остатокъ ночи проводится въ исполненіи священныхъ обрядовъ и въ домашнихъ приготовленіяхъ къ наступающимъ торжественнымъ днямъ. Всѣ дома вычищаются и украшаются. Всего наряднѣе убирается въ каждомъ домѣ зала предковъ, ящики съ табелями ихъ обставляются прекрасными фарфоровыми вазами съ букетами нарцисовъ и обкладываются огромными лимонами, которые у поклонниковъ буддизма называются домами Будды. Съ ранняго утра каждый старается какъ можно лучше одѣться и спѣшитъ въ храмъ, гдѣ собираются несмѣтныя толпы народа. На эти дни всеобщаго ликованія прекращаются всякія работы,—время проводится въ играхъ, пирахъ, зрѣлищахъ и другихъ удовольствіяхъ. Взаимные визиты въ первые дни новаго года составляютъ обязанность величайшей важности, и никто не позволяетъ себѣ отъ нея уклоняться. Мандарины низшаго разряда являются на поклонъ къ мандаринамъ высшихъ чиновъ, подчиненные къ своимъ начальникамъ, дѣти къ своимъ родителямъ и старшимъ родственникамъ, слуги къ своимъ господамъ. Друзья и знакомые тоже спѣшатъ обмѣняться между собою поздравленіями. Изъявленія вѣжливости, любезности, на которыя китайцы и всегда очень щедры, за эти дни льются со всѣхъ сторонъ неудержимымъ потокомъ. Комплиментамъ, увѣреніямъ въ совершеннѣйшей преданности, въ неизмѣннѣйшей дружбѣ нѣтъ конца. Сверхъ того, разсылаются еще поздравительныя карточки, въ сопровожденіи тысячи мелкихъ подарковъ и гостинцевъ, а иногда и чего-нибудь покрупнѣе,

напримѣръ, шелковой матеріи на платье. Карточки эти, обыкновенно, бываютъ украшены гравированными на деревѣ символическими изображеніями трехъ главныхъ блаженствъ, составляющихъ предметъ стремленій каждаго китайца: наслѣдника, мѣста или чина и долгой жизни. Эти три пожеланія выражаются фигурами: ребенка, мандарина и старика рядомъ съ аистомъ, который считается эмблемою долголѣтія. Въ первое полнолуніе новаго года у китайцевъ справляется «праздникъ фонарей», вѣроятно, имѣвшій въ древности религіозное происхожденіе. Еще и теперь надъ дверями каждаго дома, посреди огней иллюминаціи выставляется красный транспарантъ съ слѣдующею надписью крупными буквами: «Правящему небесами, землей, тремя границами и тысячами духовъ.» Въ императорскомъ дворцѣ религіозный характеръ этого праздника высказывается еще яснѣе. Такая же надпись помѣщается надъ столомъ, уставленнымъ плодами, мясными блюдами, хлѣбомъ печенымъ и верновымъ, словомъ, всѣмъ необходимымъ для жертвоприношеній. Передъ этимъ столомъ всякій приходящій кланяется въ землю и сжигаетъ въ видѣ приношенія кусочекъ ладану или другого благовоннаго куренія. Праздникъ фонарей такъ же, какъ и новый годъ, празднуется въ Китаѣ повсемѣстно, и если про торжество первыхъ дней новаго года можно сказать, что въ это время вся имперія какъ бы «выходитъ изъ себя», то про три или четыре ночи, въ которыя совершается праздникъ фонарей, можно сказать, что тогда вся имперія «горитъ огнемъ». Города, деревни, берега рѣкъ и морей, окраины дорогъ,—все унизано и увѣшано свѣтящимися бумажными фонарями всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Въ городахъ ими убраны всѣ улицы, всѣ площади, всѣ дворы, ими, такъ сказать, усыпаны фасады дворцовъ и богатыхъ домовъ, да и въ самой бѣдной лачужкѣ, по крайней мѣрѣ, двери и окна непремѣнно свѣтятся фонарями. Даже корабли, стоящіе въ гаваняхъ, даже лодки, плавающія по рѣкамъ, и тѣ разукрашены огненными гирляндами вдоль всѣхъ своихъ мачтъ, рей и канатовъ. Китайскіе статистики считаютъ, что по всему Китаю въ каждую изъ этихъ ночей зажигается не менѣе двухсотъ милліоновъ огней. Богачи соперничаютъ другъ передъ другомъ въ великолѣпіи своихъ иллюминацій; каждый старается выставить фонари лучше и наряднѣе, чѣмъ у сосѣда. Мандарины, намѣстники областей, самъ императоръ заказываютъ фонари такой высокой работы, что они стоятъ дорого. Большая часть фонарей украшена фигурами скачущихъ всадниковъ въ битвѣ или въ какой-нибудь воинственной игрѣ, а иногда изображеніями птицъ, рыбъ, крылатыхъ насѣкомыхъ и другихъ животныхъ; все это движется, потому что рисуется на колесѣ, приводимомъ въ движеніе теплотой отъ заключающейся внутри фонаря лампы. Фонари бываютъ иногда отъ трехъ до пяти саженъ въ діаметрѣ, въ нихъ, какъ въ комнатѣ, помѣщаются люди, которые показываютъ тамъ разныя штуки и представленія для забавы народа. Многіе фонари за-

мѣчательны по своему устройству и богатству украшеній. Они дѣлаются изъ всего, что гладко и прозрачно: изъ перламутра, стекла устричныхъ раковинъ, доведенныхъ до надлежащей тонины, изъ шелковыхъ матерій, газа, тонкой и разноцвѣтной бумаги; на стѣнкахъ фонарей самыми яркими красками изображаются фигуры людей, деревьевъ, цвѣтовъ, горъ и животныхъ. По угламъ снаружи дѣлаются выпуклыя золоченыя украшенія, къ которымъ прикрѣпляются разноцвѣтныя атласныя полоски, развѣвающіяся по воздуху.

Формы фонарей самыя разнообразныя: шары, цилиндры, пирамиды, трехъ, четырехъ и шестисторонніе призмы, вазы, цвѣты, плоды, рыбы, корабли и проч. Работа всегда отчетливая и изящная. Понятно, что при этомъ зажженные фонари представляютъ фантастическое и очаровательное зрѣлище. Во время блеска иллюминаціи происходятъ утонченныя пиршества, на которыя китайцы такіе большіе мастера. Каждый достаточный китаецъ, насколько позволяютъ его средства, непремѣнно заготовитъ къ этимъ днямъ хоть какой нибудь фейерверкъ, а бѣдный хоть нѣсколько ракетъ броситъ на воздухъ; со всѣхъ сторонъ взлетаютъ вверху огненные снопы, сыплются цѣлые фонтаны звѣздъ, цѣлыя массы огненныхъ дождей, такъ что зарево на небѣ не угасаетъ. Это, поистинѣ, праздникъ огня, единственный въ цѣломъ свѣтѣ по своей оригинальности, по свободѣ въ праздничныхъ распоряженіяхъ, предоставленныхъ каждому лицу, и по замысловатости затѣй, которыми старается отличиться каждый.

Но особенно важенъ и значителенъ въ Китаѣ извѣстный праздникъ въ честь земледѣлія; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ немъ бываетъ «сынъ неба». Это древній китайскій праздникъ запашки. Каждую весну отъ министерства обрядовъ подается императору докладъ, въ которомъ обозначенъ день торжества и сдѣлано подробное расписаніе всей церемоніи. Императоръ тотчасъ же назначаетъ трехъ принцевъ своей фамиліи и девять сановниковъ двора, которые должны сопровождать царствующую особу богдыхана и ѣхать послѣ него. Церемонія совершается въ огороженномъ пространствѣ, около шести ли въ окружности, отдѣляющемся отъ храма Неба лишь одною очень широкою улицею, пересѣкающею китайскій городъ по направленію съ юга на сѣверъ; въ эту загородку только одинъ входъ—противъ храма. Императоръ и избранные имъ его спутники готовятся къ празднику трехдневнымъ постомъ. Церемонія начинается съ того, что на холмѣ саженъ въ семь или восемь вышиной совершается жертвоприношеніе Небу, или Шань-ди. Императоръ молится за весь свой народъ и испрашиваетъ для него обилія всѣхъ благъ земныхъ. Потомъ, въ сопровожденіи трехъ принцевъ и девяти вельможъ онъ спускается съ возвышенія и идетъ со всей свитой въ поле, которое императоръ долженъ засѣять. Сорокъ отборныхъ земледѣльцевъ впрягаютъ воловъ въ императорскій плугъ и приготовляютъ для него сѣмена пяти главныхъ сор-

товъ хлѣба: пшеницы, рису, бобовъ, проса и еще чего-то въ родѣ проса, называемаго китайцами као-тинъ. Сѣмена эти въ богато убранныхъ ящикахъ подносятся императору мандаринами. Богдыханъ, три принца и девять сановниковъ одѣты при этомъ въ костюмы земледѣльцевъ. Предсѣдатель совѣта Хупу становится на колѣни и подаетъ государю рукоятку серебрянаго плуга, за которую тотъ берется правой рукой; другой мандаринъ, также на колѣняхъ, подаетъ ему бичъ, принимаемый императоромъ въ лѣвую руку; два земледѣльца немолодыхъ лѣтъ ведутъ спереди воловъ, двое другихъ поддерживаютъ съ каждой стороны плугъ, а впереди всѣхъ идутъ два важныхъ чиновника. Какъ только императоръ трогается съ мѣста, всѣ знамена, находящіяся при церемоніи, взвѣваются на воздухъ, и хоръ пѣвчихъ, въ сопровожденіи инструментальной музыки, начинаетъ пѣть соотвѣтственный случаю гимнъ. За государемъ идутъ два мандарина: одинъ несетъ ящикъ съ сѣменами, другой беретъ ихъ оттуда и сѣетъ. Императоръ пропахиваетъ двѣ борозды, послѣ чего сдаетъ стоящимъ на колѣняхъ мандаринамъ плугъ и бичъ, которые сейчасъ же покрываются чехлами. Вслѣдъ затѣмъ императора отводятъ на ближайшее возвышеніе, гдѣ онъ садится и при остальной церемоніи присутствуетъ въ качествѣ зрителя. Тогда принимаются пахать трое принцевъ и проводятъ три борозды съ помощью свиты. Принцевъ смѣняютъ девять сановниковъ, которые, такимъ же образомъ, пропахиваютъ девять бороздъ. По окончаніи церемоніи, всѣ собираются вокругъ императора, къ нему подводятъ тогда стариковъ и земледѣльцевъ, приглашенныхъ на праздникъ. Всѣ эти люди одѣты въ платье, свойственное ихъ званію, и держутъ въ рукахъ орудія своихъ работъ. Они благодарятъ сына неба троекратными земными поклонами. Затѣмъ императоръ съ своимъ дворомъ удаляется, а земледѣльцы вмѣстѣ съ многочисленными мандаринами доканчиваютъ запашку и обсѣмененіе поля. Иногда императоръ приглашаетъ къ себѣ нѣкоторыхъ земледѣльцевъ на великолѣпный обѣдъ. Возвращается онъ съ этой церемоніи во дворецъ въ парадной колесницѣ съ музыкантами впереди и со всей пышной обстановкой, какая полагается въ такомъ случаѣ. Поле, на которомъ пахалъ императоръ, становится предметомъ самаго тщательнаго ухода и самыхъ внимательныхъ наблюденій; соотвѣтственно урожаю на немъ дѣлаются заключенія о томъ, что предстоитъ въ этомъ отношеніи всей имперіи. Хлѣбъ съ такого поля употребляется только для жертвоприношеній Небу. Великій праздникъ этотъ въ тотъ же самый день справляется такимъ же порядкомъ во всѣхъ главныхъ областяхъ имперіи. Тамъ императора замѣняютъ его намѣстники. Но въ городахъ въ это время происходитъ совсѣмъ другая церемонія. Всѣ улицы съ утра убираются разноцвѣтными фонарями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воздвигаются тріумфальныя арки; губернатора съ увѣнчанной цвѣтами головой при звукахъ музыки выносятъ на улицу въ его мандаринскихъ носилкахъ,

за которыми слѣдують множество другихъ, убранныхъ богатыми шелковыми коврами съ вытканными на нихъ изображеніями лицъ, чѣмъ-либо прославившихся въ исторіи земледѣлія. Впереди и позади этой процессіи движется множество людей съ знаменами и съ зажженными факелами въ рукахъ; главная же особенность церемоніи заключается въ томъ, что необходимую принадлежность ея составляетъ огромное глиняное изваяніе, изображающее корову, столь увѣсистую, что для несенія ея требуется не менѣе сорока человѣкъ. За этимъ диковиннымъ произведеніемъ скульптуры слѣдуетъ мальчикъ, у котораго одна нога обута, а другая босикомъ; онъ то-и-дѣло стегаетъ прутомъ корову; за мальчикомъ идутъ всѣ городскіе земледѣльцы, неся въ рукахъ разныя принадлежности своихъ занятій. Мальчикъ этотъ изображаетъ «духа труда и прилежанія». Маски и комедіанты замыкаютъ собою шествіе, которое доставляетъ немалое удовольствіе глазѣющей толпѣ. Губернаторъ со всѣмъ его окружающимъ направляется къ восточнымъ воротамъ города, какъ бы для встрѣчи весны, возвращается онъ въ свой дворецъ такъ же торжественно. По прибытіи на мѣсто, съ глиняной коровы снимаются всѣ украшенія и изъ внутренности ея вынимается несмѣтное количество маленькихъ коровокъ, тоже глиняныхъ, которыя раздаются народу; большая корова безпощадно разбивается въ черепки, ихъ можетъ получать всякій желающій.—Замѣчателенъ также китайскій праздникъ шелковицы. Но это, главнымъ образомъ, женскій праздникъ; главная роль тутъ принадлежитъ не императору, а императрицѣ. Въ опредѣленный календаремъ день, китайская императрица отправляется въ сопровожденіи принцессъ и придворныхъ дамъ въ храмъ, посвящаемый изобрѣтателю шелководства.

Окончивъ жертвоприношенія, императрица срываетъ своими нѣжными ручками извѣстное количество листьевъ шелковичнаго дерева для корма императорскаго завода шелковичныхъ червей,—церемонія, всегда совершающаяся при пышной обстановкѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ обрядностей. — Осенью происходитъ торжественный праздникъ въ честь плодородія земли и для ознаменованія играми съ увеселеніями окончанія полевыхъ работъ. Праздникъ этотъ продолжается болѣе двухъ недѣль. Въ теченіе его всѣ наперерывъ спѣшатъ въ храмы, веселятся и забавляются, чѣмъ только могутъ. Не говоря уже о пирахъ и обѣдахъ, чуть не на каждомъ шагу идутъ театральныя представленія; число народныхъ театровъ становится поразительно велико: не только въ городахъ, но даже среди полей, особенно поблизости большихъ храмовъ, воздвигаются подъ открытымъ небомъ наскоро созданные театры, одни сколоченные кое-какъ, другіе сдѣланные прочнѣе. Для актеровъ, плясуновъ и фокусниковъ это самая горячая пора, они безъ отдыха забавляютъ неутомимую въ удовольствіяхъ публику, которая, все время стоя, наслаждается театральными зрѣлищами. Возлѣ театровъ находятся столы,

заваленные фруктами, мясомъ и сластями. Праздникъ этотъ въ особенности любятъ китайскія женщины и дожидаются его съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что въ эти дни онѣ пользуются правомъ выходить на улицу.—Кромѣ исчисленныхъ, какъ извѣстно, у китайцевъ есть множество и другихъ праздниковъ, выполняемыхъ болѣе или менѣе торжественно, между прочимъ, существуютъ праздники какъ бы юбилейные, ихъ называютъ уаншу — «праздникъ долгой жизни» и празднуютъ черезъ каждыя десять лѣтъ. Торжественность этихъ дней значительно усиливается наградами и неисчислимыми милостями, которыми китайскіе императоры щедро осыпаютъ всѣ сословія имперіи. Въ эти дни прощаются осужденнымъ ихъ преступленія, выпускаются заключенные въ тюрьмахъ, уничтожаются недоимки и поземельныя подати на годъ впередъ и т. п.

Почти ребяческое увлеченіе праздничными забавами очень естественно въ китайцахъ: они—азіатцы и обитатели южнаго климата, по преимуществу, и притомъ мало развитые люди; китайская степенность, сдержанность и наружная холодность есть всецѣло результатъ конфуціанской дисциплины въ воспитаніи народа, указывающій на степень ея силы. Главнѣйшую принадлежность всякаго китайскаго праздника, главнѣйшую утѣху какъ простонародья, такъ и самой знати составляетъ присутствіе и участіе всевозможныхъ штукарей, начиная отъ простыхъ канатныхъ плясуновъ и кривлякъ всякаго рода. Сверхъ того, китайцы, вообще, страстные игроки, въ этомъ случаѣ они даже не подчиняются и закону, запрещающему азартныя игры. Но страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ все-таки заставляетъ ихъ, по возможности, скрывать это. Тѣмъ не менѣе, всѣ играютъ бѣшено. Есть игроки даже между дѣтьми. На всѣхъ улицахъ большихъ городовъ разставлены скамейки, принадлежность которыхъ—стаканчикъ и двѣ игральныя косточки—составляютъ для мастера неодолимое искушеніе. Если только онъ сдѣлаетъ неосторожность присѣсть на корточки передъ этимъ походнымъ игорнымъ столикомъ, то ему уже трудно оторваться отъ него, и китаецъ иногда много проигрываетъ. Дѣти, какъ это вездѣ бываетъ, всегда толпой окружаютъ играющихъ: слѣдовательно, рано узнаютъ это удовольствіе.

Внѣшній бытъ китайскаго народа является достаточно развитымъ и указываетъ, также какъ и другіе факты, на народное богатство. Но китаецъ, улучшая обстановку своего быта, расширяя кругъ удовольствій, руководится благоразумной умѣренностью, предусмотрительностью и самосохраненіемъ. «Можно сказать, говоритъ г. Георгіевскій, что если русскіе склонны жить шире своихъ средствъ, англичане стараются жить въ уровень со средствами, то китайцы тратятъ на свое прожитіе гораздо менѣе, нежели пріобрѣтаютъ, и откладываютъ въ запасъ часть капитала на случай всякаго рода невзгодъ и превратностей. Показная роскошь и мотовство осмѣиваются въ Китаѣ

и нерѣдко запрещаются правительствомъ. Для сынковъ, стремящихся истощить въ широкомъ разгулѣ унаслѣдованное отъ родителей состояніе стѣснительны законы и обычаи Небесной имперіи. Въ огромной массѣ китайскаго народа слишкомъ незначителенъ процентъ бѣдняковъ, могущихъ считаться пролетаріями; въ провинціальныхъ городахъ Срединнаго царства врядъ ли наберутся 20—25 человѣкъ нищихъ на 150—200 тысячъ жителей. Въ деревняхъ нищихъ почти совсѣмъ не оказывается. (Въ Китаѣ сдѣлаться нищимъ не такъ легко, какъ въ другихъ странахъ; предварительно нужно заявить себя негоднымъ членомъ общества и недостойнымъ поддержки со стороны родственниковъ, — конечно, не въ неурожайные годы!) Въ Срединномъ царствѣ съ незапамятныхъ временъ существуютъ благотворительныя учрежденія. Въ имперіи много лицъ, владѣющихъ огромными капиталами».

Итакъ, несомнѣнно, что соціальный бытъ многочисленнаго китайскаго народа и матеріальная его культура находятся въ замѣчательно-цвѣтущемъ состояніи, котораго Китай достигъ собственными средствами, т. е. безъ помощи какихъ-либо элементовъ цивилизаціи другихъ народовъ. Это составляетъ самое важное наслѣдство царящаго въ Китаѣ сильнаго нравственнаго авторитета конфуціанской морали, подчинившаго своему могущественному вліянію нравы 400-милліонной народной массы, необыкновенно преданной вслѣдствіе того труду и съумѣвшей самостоятельно устроить свои соціальныя отношенія на основѣ справедливости. Нужно вспомнить при этомъ, въ какомъ раззоренномъ и бѣдственномъ состояніи, несмотря на его естественныя богатства, находился китайскій народъ въ доконфуціанскую эпоху его жизни.

Современное состояніе Китая *).

Китай въ настоящее время сдѣлался страной доступной и открытой для всего міра. Его постоянно усиливающіяся въ теченіе 300-лѣтняго періода времени сношенія съ европейцами и другими иностранцами отражаются на жизни китайской націи многочисленными и разнообразными послѣдствіями. Между ними число бѣдственныхъ для страны долго перевѣшивало полезныя. Китаю съ его сравнительно немногочисленными, плохо содержимыми, недисциплинированными и дурно вооруженными войсками пришлось бороться одному съ хорошо организованными военными силами передовыхъ европейскихъ государствъ, — перенести поэтому нѣсколько неудачныхъ и разори-

*) Венюковъ. «Современное состояніе Китая», Пржевальскій «Путешествіе въ Китай».

тельныхъ войнъ, даже видѣть взятой приступомъ главную столицу Китая и резиденцію богдыхана—Пекинъ. Небогатое китайское верховное правительство должно было во время войны принуждать народъ къ усиленнымъ пожертвованіямъ на военныя издержки, прибѣгать къ неизвѣстнымъ до того времени Китаю государственнымъ займамъ, заключать съ иностранными державами невыгодные для китайцевъ договоры, которые оно долго не смѣло обнародовать даже и впослѣдствіи. Небольшое количество европейскихъ товаровъ мало имѣло значенія для богатой разнородными естественными произведеніями страны, притомъ между этими товарами въ самыхъ большихъ размѣрахъ оказался въ Китаѣ разрушающій человѣческій организмъ опій, употребленіе котораго стало быстро распространяться въ народѣ. Можно сказать, что Китай былъ униженъ, оскорбленъ въ самыхъ основахъ его нравственнаго и политическаго существованія. Неудачи войны подрывали авторитетъ правительства въ глазахъ народа и въ особенности не связанныхъ органически съ Китаемъ, подчиненныхъ ему, грубыхъ инородцевъ, населяющихъ обширныя разнородныя части Китайской имперіи. Они бунтовались и готовы были отложиться. Такое настроеніе этого населенія въ значительной степени являлось результатомъ и усилившейся въ то время дѣятельности находящагося въ Китаѣ европейскаго миссіонерства,—миссіонеры эти, большею частію, іезуиты враги, по призванію, національной китайской религіи и конфуціанской философіи. Съ 1840 года дѣятельность ихъ значительно увеличилась, и ни китайское правительство, ни китайскій народъ не въ силахъ были остановить ее, флоты цивилизованныхъ державъ стояли на сторожѣ и за каждую неудачу интригановъ готовились мстить всякаго рода насиліями. Всѣхъ инородцевъ въ Китайской имперіи не болѣе 12,000,000, но они занимаютъ огромную территорію и находятся въ очень грубомъ варварскомъ состояніи, словомъ, представляютъ дикую, необузданную силу. Три части центральной Азіи: Монголія, Восточный Туркестанъ съ Джунгаріей и Тибетъ подчинены Китаю. Кромѣ войскъ и административныхъ чиновниковъ, китайцы являются здѣсь еще, какъ колонисты-земледѣльцы и торговцы, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Въ предѣлахъ же инородческой центральной Азіи осѣдлое китайское населеніе въ значительной степени встрѣчается лишь на юго-восточной окраинѣ Монголіи, въ настоящее время оно начинаетъ прибывать въ оазисахъ сѣверной подошвы восточнаго Тянь-шаня, въ особенности въ Кульджинскомъ краѣ. Китайцевъ немного, по словамъ Пржевальскаго, живетъ и въ западной Джунгаріи, въ сѣверо-западной Монголіи и въ окрестностяхъ города Урги. Китайскіе торговцы существуютъ въ центральной Азіи повсюду. Общее число всѣхъ китайцевъ тамъ, говоритъ Пржевальскій, составляетъ приблизительно около 200 тысячъ. Монголія подчинилась Китаю въ концѣ

17-го вѣка. Ей оставлено прежнее удѣльное устройство; но владѣтельные князья находятся подъ строгимъ надзоромъ китайскихъ (манджурскихъ) сановниковъ, назначаемыхъ изъ Пекина. Здѣсь, въ палатѣ внѣшнихъ сношеній (Ли-фань-юань) сосредоточиваются всѣ дѣла, касающіяся Монголіи. Нѣкоторыя ея части, ближайшія къ собственно Китаю, нѣсколько передѣланы на китайскій образецъ. Законы внутренняго управленія монгольскихъ княжествъ изданы китайцами въ особомъ уложеніи. Общія же дѣла каждаго княжества рѣшаются на ежегодныхъ сеймахъ. Податей Китаю монголы не платятъ, они только обязаны содержать мѣстную администрацію и отбывать почтовую гоньбу. Кромѣ того, монголы наряжаютъ своихъ людей въ пограничные караулы, а въ случаѣ войны должны выставлять извѣстный контингентъ коннаго войска. «Для упроченія своей власти, говоритъ Пржевальскій, китайцы успѣшно практикуютъ въ Монголіи систему задабриванія владѣтельныхъ князей и высшаго духовенства (извѣстно, что подарки, по преимуществу, высшимъ чинамъ, существуютъ въ китайскихъ обычаяхъ изъ одного уже чувства утонченной вѣжливости). Для владѣтельныхъ князей соотвѣтственно ихъ роли назначены постоянные и довольно большіе оклады жалованья; кромѣ того, монгольскіе князья при обязательныхъ, повторяемыхъ чрезъ каждые 3 года поѣздкахъ ко двору въ Пекинъ съ подарками (лошади, верблюды и проч.) въ видѣ дани, въ обмѣнъ всегда получаютъ отъ богдыхана подарки еще болѣе цѣнные, за нѣкоторыхъ изъ важныхъ монгольскихъ князей выдаютъ иногда замужъ принцессъ императорскаго дома. Монгольское духовенство (буддійское) составляетъ большую силу и по своей численности, и по безграничному вліянію на народъ. Оно задабривается китайцами, замѣчаетъ Пржевальскій, широкимъ обезпеченіемъ его правъ и привилегій (это обстоятельство можетъ вытекать отчасти и изъ уваженія китайцевъ къ буддизму, какъ религіи существующей и въ самомъ Китаѣ), а также заискиваніемъ китайскихъ чиновниковъ передъ высшими представителями монгольской буддійской іерархіи, которой китайцы помогаютъ эксплоатировать народъ». Народная масса въ Монголіи, по словамъ Пржевальскаго, сильно раздражена противъ китайцевъ. Надъ Тибетомъ китайскій протекторатъ возникъ еще въ 13-мъ вѣкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ расширился и упрочился. Съ прошлаго столѣтія въ Лхассу назначаются два китайскихъ резидента, которые завѣдуютъ гражданскими дѣлами всей страны. Кромѣ того, они наблюдаютъ за дѣйствіями Далай-ламы и его собрата Тешу-ламы, пребывающаго въ городѣ Тиша-лѣ; онъ представляетъ второе лицо буддійской іерархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тешу-лама управляетъ собственно его провинціей Цангъ, а Далай-ламѣ непосредственно принадлежитъ провинція Уй; въ то же время онъ считается политическимъ главою всего Тибета, на западѣ котораго лежитъ слабо населенная кочевниками провинція Нари-Кхорсумъ, ея

администрація назначается изъ Лхассы; на востокѣ Тибета въ провинціи Кхамъ, въ городѣ Чапу-то живетъ важное духовное лицо Хутухта, завѣдующій управленіемъ этой провинціи въ зависимости отъ Далай-ламы. Весь сѣверный Тибетъ представляетъ дикую безплодную пустыню. Вмѣстѣ съ резидентами въ Тибетѣ содержится небольшой отрядъ китайскихъ войскъ, расположенныхъ въ Лхассѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Но главная опора китайскаго владычества въ Тибетѣ, по словамъ Пржевальскаго, основывается на хитрости со стороны китайцевъ и умѣломъ пользованіи дѣлами Далай-ламы. Его избраніе негласно находится вполнѣ въ рукахъ китайцевъ, оффиціальное утвержденіе дѣлается богдыханомъ. Податей Китаю тибетцы не платятъ: подчиненіе ихъ выражается торжественнымъ посольствомъ, назначаемымъ 1 разъ въ 3 года или въ 5 лѣтъ, оно отвозитъ въ Пекинъ подарки богдыхану и въ награду получаетъ отъ него еще болѣе цѣнные. «Китайцы стерегутъ изолированность страны отъ европейскихъ поползновеній и при мирныхъ наклонностяхъ тибетцевъ могутъ разсчитывать здѣсь на довольно прочную для себя власть», говоритъ Пржевальскій. «Въ совершенно иныхъ условіяхъ, продолжаетъ онъ, находится китайское владычество въ сопредѣльномъ Россіи Восточномъ Туркестанѣ, покоренномъ китайцами вмѣстѣ съ Чжунгаріей въ началѣ второй половины прошлаго вѣка. Обѣ эти страны образовали тогда два округа, составившіе одно намѣстничество, во главѣ котораго стоялъ облеченный высшей гражданской и военной властью китайскій (манджурскій) намѣстникъ, жившій въ городѣ Кульджѣ. Крупную администрацію края составляли также китайскіе чиновники, ближайшее же управленіе населеніемъ оставлено было въ Восточномъ Туркестанѣ за туземными беками, изъ которыхъ главные назначались китайскими властями и утверждались въ ихъ званіи изъ Пекина. Чжунгарія получила военное устройство. Кочевое населеніе въ горахъ управлялось собственными біями въ зависимости отъ китайцевъ. Послѣ передрягъ и безурядицъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ завоеванію, даже почти поголовному избіенію чжунгаръ китайцами, страна отдохнула и оправилась въ мирный періодъ до 1825 года. Съ того времени опять начинаются въ Восточномъ Туркестанѣ частыя смуты, вносимыя попытками ходжей вернуть имъ прежнюю власть и изгнать китайцевъ. Смуты эти съ перемѣннымъ счастьемъ для враждующихъ сторонъ и съ большими бѣдствіями для народа тянулись до начала шестидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, возстаніе дунганъ сокрушило китайскую власть въ большей части застѣнныхъ владѣній Западнаго Китая. Китайцы уничтожены были тогда и въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ, по обыкновенію, наступили междоусобія. Послѣ продолжительной борьбы его заняли китайцы и образовали тамъ особую область, которая вмѣстѣ съ двумя другими, Или и Тарбогатаемъ и частью провинціи Гань-су, составила, такъ

называемую, Новую линію.—Затѣмъ по указу богдыхана въ концѣ 1884 года образована изъ Таньшаньскихъ земель новая, девятнадцатая по счету, провинція подъ именемъ Си-уаянв (Гань-су-Синьуздньщень) съ главнымъ административнымъ центромъ въ городѣ Урумгѣ. Въ составъ этой провинціи вошли: Восточный Туркестанъ, области Или и Тарбогатай и 4 округа. Обѣ сѣверныя области, осѣдлое и кочевое населеніе которыхъ отличается разнообразіемъ, имѣютъ организацію военной колоніи. Въ Восточномъ Туркестанѣ въ 1884 году введено гражданское управленіе по образцу внутреннихъ областей Китая. Вся страна раздѣлена на восемь округовъ, образующихъ двѣ области, по четыре округа въ каждой. (Слѣдовательно, китайцы начинаютъ уже заботиться объ ассимилированіи покоряемыхъ ими странъ). Управленіе этими областями ввѣрено даотаямъ. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Аксу, другой—въ Кашгарѣ; послѣдній завѣдуетъ и внѣшней торговлей Восточнаго Туркестана. Начальниками округовъ и уѣздовъ состоятъ также китайскіе чиновники, отъ которыхъ находится въ зависимости мѣстная мусульманская администрація. Болѣе значительные ея представители хакимъ беки (уѣздные начальники) нынѣ систематически отстраняются отъ своихъ должностей, такъ что посредниками между китайскими властями и народомъ являются лишь мелкіе, не получающіе отъ казны никакого содержанія, туземные чиновники (слѣдовательно, они поневолѣ должны воровать) и переводчики изъ окитаившихся мусульманъ. «Тѣ и другіе совмѣстно съ корыстолюбивыми китайскими чиновниками отстранили даже тѣнь правды и закона отъ управляемаго ими народа», говоритъ Пржевальскій (обстоятельство это со стороны китайцевъ, конечно, должно объясняться прежде всего особыми свойствами національной китайской этики, съ точки зрѣнія которой варвары не люди; затѣмъ—китайскимъ корыстолюбіемъ, желаніемъ отмстить побѣжденнымъ врагамъ и ненавистью къ иноземцамъ, дѣлающимъ Китаю много зла; вообще, нужно припомнить, что китайскому народу пришлось даже возвести въ принципъ беззаконное управленіе варварами, притомъ китайскій кодексъ законовъ, строго проникнутый конфуціанскимъ элементомъ, не примѣнимъ нигдѣ, кромѣ собственно Китая, а другое законодательство не можетъ уважаться китайцами), «хотя для него оставленъ мусульманскій судъ по шаріату, но, продолжаетъ Пржевальскій, это только мертвая буква, маска, прикрывающая абсолютный произволъ и ужаснѣйшія беззаконія. Не лучше и податное устройство края. Кочующіе въ горахъ киргизы для обезпеченія ихъ сомнительной вѣрности вовсе освобождены отъ платы податей въ пользу китайцевъ, они отбываютъ лишь небольшія натуральныя повинности; осѣдлое же земледѣльческое населеніе Восточнаго Туркестана несетъ всю тяжесть поземельныхъ налоговъ, которые уплачиваются натурою, иногда деньгами по раскладкѣ, сдѣланной не соотвѣтственно ежегодному урожаю,

а известному количеству земли, все равно — обрабатывается ли она или нѣтъ. Лица, не имѣющія недвижимой собственности, такъ же, какъ и торговцы, ничего въ казну не платятъ. (Это напоминаетъ китайскіе туземные порядки). Земледѣльческій же классъ отбываетъ еще натуральныя повинности въ видѣ высылки людей на казенныя работы, доставки перевозочныхъ средствъ, наряда джигитовъ (разсыльныхъ на службу) и проч. При этомъ, какъ и при сборѣ податей, взяточничество чиновниковъ увеличиваетъ тяжесть самыхъ повинностей. Наконецъ, единственный косвенный налогъ, существовавшій въ Восточномъ Туркестанѣ, такъ называемый баджъ, въ размѣрѣ 10% съ стоимости продаваемаго скота, китайцы распространили въ 1885 году почти на всѣ предметы, продаваемые на базарахъ. Такимъ образомъ, говоритъ Пржевальскій, наложена новая тяжесть на земледѣльческій классъ, который и безъ того уже отдавалъ, по крайней мѣрѣ, 50% своего дохода на подати, взятки и разныя другія вымогательства. Ко всему этому необходимо прибавить презрительное отношеніе китайцевъ къ туземцамъ, нигдѣ и никогда не скрываемое.

По водвореніи въ краѣ китайцы стали угнетать населеніе: у богатыхъ жителей подъ страхомъ жестокихъ наказаній и ссылокъ отбирать деньги, имущество, товары; у населенія были отняты почти всѣ лошади и отданы въ лянзы, а само оно обложено непосильными податями и повинностями; отбирались даже дрова, солома, зерна; обобранные жители посылались на разныя государственныя работы, — рубить въ горахъ лѣсъ, устраивать плотины для запруживанія рѣкъ, воздвигать городскія стѣны и проч. (Въ этомъ проявляется уже китайскій утилитаризмъ). Чтобы избавиться отъ вліятельныхъ личностей, пользовавшихся уваженіемъ среди населенія, китайскія власти заманивали ихъ къ себѣ, подвергали пыткамъ и казнямъ или же ссылали въ заточеніе въ застѣнныя провинціи. (Нужно вспомнить, что наказанія не отличаются гуманнымъ характеромъ и въ самомъ Китаѣ). Съ учрежденіемъ новой линіи взятки и поборы увеличились, чиновники уже не стѣснялись никакими незаконными дѣйствіями. Словомъ, китайцы старались всячески эксплоатировать туземцевъ и тѣмъ возстановили ихъ противъ себя. Недовольство населенія увеличивали также и заботы китайцевъ объ ассимилированіи края (это уже указываетъ на смягченіе китайскихъ отношеній къ подчиненнымъ Китаю инозенцамъ). — Главнокомандующій Новой линіи старался замѣнить для населенія коранъ и мусульманское образованіе китайскими классическими книгами, полезному вліянію которыхъ китайцы, какъ извѣстно, придаютъ большую цѣну. Но эта, въ сущности, съ китайской точки зрѣнія, гуманная мѣра больше всего должна была возстановлять мусульманское населеніе, фанатически преданное своей религіи. Недовольство всѣхъ классовъ общества постоянно росло, говоритъ Пржевальскій, и нуженъ былъ только благопріятный поводъ,

чтобы накопившаяся злоба разрѣшилась всеобщимъ взрывомъ». — Въ 1856 году въ юго-западной провинціи Китая — Юнанѣ вспыхнуло самое грозное изъ всѣхъ предшествовавшихъ мусульманскихъ возстаній, оно скоро распространилось по всѣмъ остальнымъ провинціямъ Китая. Это возстаніе, извѣстное подъ именемъ дунганскаго, произвело страшное опустошеніе, какъ въ Чжунгаріи, такъ и въ Восточномъ Туркестанѣ. Началось ужасное истребленіе китайцевъ, манчжуръ и другихъ восточныхъ поселенцевъ. Въ одной Чжунгаріи погибло до полумилліона китайцевъ. Большіе многолюдные города, особенно многочисленные въ долинѣ верхней Или, лежали въ развалинахъ, среди которыхъ бродили хищные звѣри; оросительные каналы были заброшены, вслѣдствіе чего прежнія пашни обратились въ пустыри. Китайцы потерпѣли ужасный погромъ. Потушить мусульманское возстаніе и возстановить китайскую власть въ отпавшихъ провинціяхъ помогло китайцамъ русское правительство: съ его помощью имъ удалось пройти отъ Великой стѣны до Чжунгаріи и потушить пламя возстанія. Постоянныя междоусобныя распри, борьба разныхъ народностей, перемѣна господствующихъ племенъ служили причинами постепеннаго уменьшенія населенія Чжунгаріи. Побѣжденныя народности въ какіе-нибудь два-три года вырѣзывались и истреблялись сотнями тысячъ. Недавно возстановилось снова китайское владычество въ Чжунгаріи, но въ настоящее время трудно опредѣлить количество всего населенія въ странѣ и даже мѣстообитанія разнородныхъ племенъ, ее населяющихъ. Послѣ передачи Кульджинскаго края китайцамъ значительная часть населенія перешла въ русскіе предѣлы. По словамъ Пржевальскаго, русское имя пользуется большой симпатіей среди туземцевъ и въ Монголіи, гдѣ также проявляется ненависть къ китайцамъ. Номады Монголіи, дунганы, т.-е. китайскіе магометане, и жители Восточнаго Туркестана питаютъ сильную надежду сдѣлаться подданными Бѣлаго царя, имя котораго, наравнѣ съ именемъ Далай-ламы, является въ глазахъ азіатскихъ дикихъ массъ въ ореолѣ чарующаго могущества. Они надѣются на лучшую участь подъ русской властью. «Невыносимый гнетъ китайскаго владычества съ одной стороны, а съ другой, постоянные слухи о гуманномъ обращеніи съ инородцами нашихъ азіатскихъ окраинъ—вотъ что создало доброе имя русскимъ въ глубинѣ азіатскихъ пустынь, говоритъ Пржевальскій; въ особенности много помогло въ этомъ отношеніи покореніе Туркестана и водвореніе возможной законности въ странахъ, еще недавно бывшихъ ареною самаго широкаго деспотизма своихъ правителей. Сѣверные монголы, давно уже знающіе русскихъ со стороны сибирской границы, тяготѣютъ къ Россіи также вслѣдствіе беззаконія и произвола при китайскомъ господствѣ. Наконецъ, дунганы (магометане), такъ сильно враждующіе съ китайцами, ждутъ русскихъ, какъ своихъ избавителей отъ нихъ». Но положеніе русскихъ подданныхъ въ Китаѣ плохо:

начиная съ перваго нашего посольства въ Срединное царство въ 1653 году и до отказа китайцевъ утвердить недавній Ливадійскій договоръ, всѣ наши отношенія къ китайскому государству зиждутся на сохраненіи столь восхваляемой двухъ сотъ лѣтней дружбы, въ сущности же — на нашемъ двухвѣковомъ заискиваніи передъ Китаемъ, замѣчаетъ Пржевальскій. Отрадныя исключенія за весь этотъ длинный періодъ времени составляютъ лишь энергическія дѣйствія графа Рагузинскаго, заключившаго въ 1727 году договоръ, которымъ положено начало кяхтинской торговлѣ, да такія же дѣйствія во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ 19-го столѣтія графовъ Муравьева и Игнатьева, сказавшіяся пріобрѣтеніемъ Амурскаго края. Но потомъ Кульджинскую страну пришлось возвратить китайцамъ обратно. Они, особенно въ послѣдніе годы, сдѣлались чересчуръ заносчивы и высокомѣрны даже въ пограничныхъ сношеніяхъ съ нами. Я не говорю уже про Амурскій край, продолжаетъ Пржевальскій, сопредѣльный враждебной намъ Манчжуріи, — тамъ наглыя выходки китайцевъ по временамъ совершенно невыносимы. Но даже со стороны Монголіи, гдѣ китайская власть слабѣе, и тамъ китайцы съ невообразимымъ нахальствомъ, а главное безнаказанно, сплошь и рядомъ оскорбляютъ нашихъ пограничныхъ начальниковъ и нашихъ консуловъ, не соблюдаютъ трактатовъ, тормозятъ нашу торговлю и проч., и проч. (У китайцевъ до сихъ поръ еще не выработалось яснаго представленія о международномъ правѣ). Сосѣдніе той же границѣ инородцы, какъ наши, такъ и китайскіе, все это видятъ и знаютъ. Престижъ Россіи, уже достаточно поколебленный уступкою Кульджи, въ пограничныхъ мѣстностяхъ падаетъ съ каждымъ годомъ. Наоборотъ, въ глазахъ туземнаго населенія выростаетъ значеніе китайской власти. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Китая уже не скрываютъ желанія помѣриться съ нами на полѣ бранномъ и заранѣе намѣчаютъ результаты китайскихъ побѣдъ. Словомъ, пресловутая двухсотлѣтняя дружба, несмотря на всѣ наши старанія продлить ее, хотя бы даже цѣной уступокъ и поблажекъ, все-таки виситъ на волоскѣ, который не сегодня — завтра можетъ порваться. Китайцы придираются по всякому случаю, чтобы нарушить то или другое условіе заключенныхъ съ нами трактатовъ. Обязательно чувствуя громадную силу морскихъ державъ, Китай поджимаетъ передъ ними хвостъ и, наоборотъ, видя нашу уступчивость — ощетинивается въ эту сторону. Къ тому же преобладающее въ Пекинѣ вліяніе иностранцевъ и вѣроятныя интриги нѣкоторыхъ изъ нихъ еще болѣе парализуютъ наше положеніе въ Небесной имперіи. Немного лучше и русскія торговыя отношенія съ Китаемъ въ настоящее время. Хотя мы болѣе полутора вѣка ведемъ кяхтинскую торговлю, тѣмъ не менѣе весь годичный торговый оборотъ нашъ съ Небесною имперіею (по привозу и вывозу) достигаетъ лишь 24½ милліоновъ рублей. Между тѣмъ сравнительно недавно возникшая мор-

ская торговля западныхъ державъ такъ быстро возрастаетъ, въ особенности для Великобританіи, что ежегодный оборотъ этой торговли уже представляетъ цифру въ 1,200 милліоновъ франковъ. Конечно, въ этомъ случаѣ конкуренція для насъ немыслима,—весь приморскій Китай никогда не можетъ сдѣлаться нашимъ рынкомъ. Но въ застѣнныхъ владѣніяхъ Китая мы имѣемъ возможность развить и упрочить операціи нашей торговли, если устранятся тѣ причины, которыя служатъ для нея великими тормозами. Повторяю, говоритъ Пржевальскій, что высокомѣріе и наглость китайцевъ растутъ съ каждымъ годомъ (они, разумѣется, сознаютъ свою силу). Возможно даже, что Китай, подстрекаемый нашими недругами, самъ объявитъ намъ войну при первомъ случаѣ». Вотъ къ какимъ заключеніямъ о русскихъ отношеніяхъ къ Китаю приходитъ нашъ знаменитый путешественникъ г. Пржевальскій. Возвращаясь къ положенію китайскихъ подданныхъ инородцевъ, нужно сказать, что имъ всѣмъ теперь выгодно сдѣлаться христіанами, хотя бы только по имени; «а за христіанинымъ китайскимъ подданнымъ, говоритъ Венюковъ, всегда стоитъ миссіонеръ-европеецъ, и въ его распоряженіи находятся всѣ разрушительныя силы могущественнаго въ этомъ отношеніи Запада, который такъ упорно ищетъ своекорыстныхъ стяжаній въ Китаѣ». Добросовѣстнѣйшіе изъ миссіонеровъ сами называютъ пропаганду въ Китаѣ дѣломъ коммерческимъ. Іезуитскій орденъ—богатѣйшій собственникъ въ Срединномъ царствѣ: въ одномъ Шанхаѣ ему принадлежитъ цѣлая улица домовъ, въ Сикавѣ—фабрика и проч. Извѣстный путешественникъ миссіонеръ Гюцлафъ провелъ большую часть жизни въ торговыхъ операціяхъ, путешествуя по разнымъ странамъ «съ евангеліемъ въ одной рукѣ и съ аршиномъ въ другой». О насиліяхъ всякаго рода не стоитъ и говорить. Вся исторія Китая со времени договоровъ 1842—44 до 1870 г. есть рядъ такихъ насилій, почти всегда прикрываемыхъ религіознымъ знаменемъ. Тянь-цзинская рѣзня лѣтомъ 1870 года показываетъ, до какого ожесточенія способны довести народъ гнусныя продѣлки папистовъ и подобной имъ братіи. Христіанство особенно сильно распространяется на югѣ Китая. Вліяніе же миссіонеровъ, главнымъ образомъ, подготовило и внутреннія китайскія войны, извѣстныя подъ названіемъ «возстанія тайпинговъ», или великихъ миротворцевъ, хотя со времени воцаренія Дайцинской династіи кровавыя возстанія не одинъ разъ случались въ Китаѣ и прежде, ихъ возбуждала беззаконность дѣйствій китайской администраціи. Но къ этой основной причинѣ въ возстаніи тайпинговъ примѣшались и нѣсколько другихъ, осложнившихъ его характеръ. Прежде всего нужно имѣть въ виду національность царствующей въ Пекинѣ Дайцинской или Манчжурской династіи: для многочисленнаго и просвѣщеннаго конфуціанскимъ воспитаніемъ китайскаго народа было и есть въ высшей степени обидно повиноваться горсти людей чужестраннаго и даже вар-

варскаго происхожденія; несмотря на то, что въ этой династіи были и хорошіе императоры, народное патріотическое чувство всегда высказывалось противъ господства иноплеменниковъ. Еще въ 17-мъ столѣтіи образовались въ Китаѣ съ цѣлью изгнанія Маньчжуръ многочисленныя тайныя общества; но послѣ истребленія вождей ихъ въ 1803 году существованіе этихъ обществъ стало почти номинальнымъ, пока въ царствованіе Даогуна они вновь не усилились. Между ними особенную извѣстность пріобрѣла, такъ называемая, «Тріада», члены которой, во многомъ сходные съ европейскими франкмасонами, назывались братьями. По поводу ихъ говорится слѣдующее: «Братства, наиболѣе пугающія китайское правительство, суть тайныя общества съ загадочными названіями, члены ихъ собираются, чтобы толковать о предметахъ религіозныхъ и политическихъ. Къ числу такихъ обществъ принадлежатъ секты «Водяной лиліи» и «Сожигателей ладона». Слабость правительства дѣлаетъ его особенно неблагосклоннымъ ко всѣмъ тайнымъ обществамъ, и потому когда оно успѣваетъ захватывать вождей ихъ, то предаетъ ужаснымъ мученіямъ. Изъ всѣхъ этихъ обществъ самое ненавистное правительству — Тріада. Въ царствованіе Цзяцина, при началѣ текущаго столѣтія, это общество, извѣстное тогда подъ другимъ именемъ, быстро распространилось въ провинціяхъ и почти уже успѣло опрокинуть правительство, когда въ 1803 году его надежды были разстроены арестованіемъ и казнью главныхъ членовъ Тріады. Но хотя, по оффиціальнымъ донесеніямъ императору, ни одинъ человѣкъ изъ повстанской ассоціаціи живымъ не остался, — общество это продолжало существовать, только оно перемѣнило названіе. Развѣтвленія его простираются до Батавіи, Сингапура и Малакки. Члены ассоціаціи обязуются взаимно защищать другъ друга отъ нападеній полиціи, давать убѣжище для избѣжанія суда и мстить другъ за друга. Тѣмъ не менѣе заявленная цѣль товарищества есть благотворительность, какъ показываетъ девизъ его:

«Взаимно дѣлить радости,
Вмѣстѣ переносить несчастія».

Управленіе обществомъ ввѣрено тремъ ко, или «старшимъ братьямъ». Говорятъ, что уставы этой ассоціаціи писаны на сукнѣ и что ихъ при первой опасности бросаютъ въ колодцы. Пріемъ въ члены производится съ особенной церемоніей по ночамъ. Такъ было до 1830 года. Названіе Тріады произошло отъ того, что ученіе ея обнимало собою небо, землю и человѣка (въ этомъ видны слѣды новаго конфуціанскаго направленія); она имѣла девизомъ «свободу и равенство» и въ политическомъ смыслѣ была прямо враждебна маньчжурамъ. Члены Тріады очень многочисленны, особенно въ Южномъ Китаѣ, гдѣ чувства народной независимости и гордости всегда были живѣе, чѣмъ

въ Сѣверномъ, привыкшемъ къ варварству монголовъ и другихъ средне-азіатскихъ народовъ, попеременно господствовавшихъ на сѣверѣ отъ Желтой рѣки. Конечно, между мандаринами, поставляемыми не по выбору общества и смотрящими на управляемыя области, какъ на источникъ для возвышенія при помощи предложенія взятокъ высшему начальству, не могло быть много китайскихъ масоновъ; но зато внѣ чиновничьяго класса, т. е. между купцами, землевладѣльцами, учителями, медиками, ихъ было довольно. Проникшіе въ Небесную имперію иностранцы уже давно замѣтили въ ней существованіе партіи недовольныхъ и даже были отчасти знакомы съ ея организаціей. На почвѣ, разработанной этой партіей, основалъ свой «китайскій союзъ», извѣстный миссіонеръ Гюцлафъ, человѣкъ несомнѣнно даровитый, хотя подававшій не мало поводовъ къ разнымъ таинственнымъ, не всегда лестнымъ для его самолюбія, отзывамъ. «Китайскій союзъ» Гюцлафа, хотя и преслѣдовалъ по наружности однѣ религіозныя цѣли, но, несомнѣнно имѣлъ и политическій смыслъ, какъ это оказалось во время возстанія. Гюцлафъ былъ протестантъ, слѣдовательно, прежде всего человѣкъ свободы совѣсти. Возстановляя своихъ послѣдователей противъ національной конфуціанской религіи, тѣсно связанной въ Китаѣ съ понятіемъ о государствѣ, онъ вмѣстѣ съ стремленіемъ къ новому для китайцевъ религіозно-нравственному идеалу, внушалъ имъ стремленіе и къ новому идеалу гражданской жизни, т. е. къ освобожденію отъ конфуціанской рутины. Китайская унія была, слѣдовательно, вторымъ побочнымъ двигателемъ революціи, хотя главные дѣятели вышли и не изъ ея среды. Впрочемъ, протестантизмъ и самъ по себѣ, безъ отношенія къ политическому либерализму, принялъ важную долю участія въ возстаніи тайпинговъ, произведя сильное вліяніе на главнаго вождя и на всѣхъ первыхъ его послѣдователей. Самое знамя инсуррекціи было поднято «богопочитателями»—людьми, которые не разставались съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, съ толкованіями на нихъ, основанными на ученіи протестантскихъ миссіонеровъ. «Протестантизмъ, какъ религіозное ученіе, хотя и въ весьма различномъ отъ европейскаго видѣ, былъ необходимымъ элементомъ возстанія, потому что безъ возбуждающаго воображеніе начала трудно вызвать движеніе массъ въ странахъ, подобныхъ Китаю, съ его конфуціанской рутиной. Нужно было ввести въ убѣжденіе людей новое, жгучее понятіе идеи, которая бы охватывала все существо человѣка и безусловно руководила имъ. Нужно было дать народу протестантское понятіе о божествѣ со всѣми его аттрибутами. Протестантизмъ въ этомъ случаѣ имѣлъ то преимущество передъ болѣе пламеннымъ католицизмомъ, что при такомъ же фанатизмѣ онъ ближе подходилъ къ умственному складу китайцевъ, которыхъ можно назвать раціоналистами по преимуществу, говоритъ Венюковъ. Притомъ онъ рѣзко отличается отъ буддизма, дошедшаго въ Китаѣ до очень низкой формы

и упавшаго въ глазахъ народа, тогда какъ ученіе, вводимое изъ Рима, само признается въ сходствѣ съ буддизмомъ. Наконецъ, протестантскіе пасторы въ среднемъ итогѣ, гораздо честнѣе и искреннѣе въ своихъ убѣжденіяхъ, чѣмъ жадные католическіе монахи. Кромѣ развращенія администраціи, кромѣ усилевшаго войной пробужденія національнаго чувства при господствѣ иноплеменниковъ, кромѣ, наконецъ, вліянія пришлаго элемента — христіанства, у китайскаго народа были въ то время еще и другія побужденія взяться за оружіе, чтобы поколебать и, если можно, свергнуть пекинское правительство. Война 1839—42 годовъ съ англичанами, отяготившая народъ поборами и окончившаяся несчастнымъ Нанкинскимъ миромъ, глубоко оскорбила патріотизмъ китайцевъ, потрясла ихъ довѣріе къ властямъ (тѣмъ болѣе, что по китайскимъ понятіямъ небо караетъ народъ за грѣхи императора). Мало того, само пекинское правительство помогало оживленію патріотическихъ чувствъ, разжигая ихъ во время войны и даже дозволивъ для этого вооруженіе волонтеровъ. Народъ вооружался и дѣйствовалъ отдѣльными партіями. Ознакомленные съ такимъ образомъ дѣйствій, народныя массы стали употреблять его не только противъ туземцевъ, но и противъ домашнихъ враговъ. За крикомъ: «Вонъ иностранныхъ варваровъ!» начали раздаваться въ Китаѣ возгласы: «Долой недостойное правительство!» Крикъ этотъ, хотя и слабо, но слышался повсюду. Его услыхали и европейцы своимъ опытнымъ политическимъ ухомъ до начала возстанія, и еще въ августѣ 1850 года одинъ англійскій журналъ прямо указывалъ на предстоящую бурю и цѣль ея — изгнаніе неспособной династіи и водвореніе лучшей правительственной системы. Впрочемъ, недовольство дайцинскимъ царствующимъ домомъ давно уже стало въ Китаѣ всеобщимъ. Іерархія чиновниковъ была страшно испорчена, за исключеніемъ двухъ лицъ пекинскаго главнаго министра и кантонскаго генералъ-губернатора. Но они не могли спасти государство отъ серьезнаго потрясенія. Едва императоръ Даогуанъ сошелъ въ могилу, какъ начались волненія. Сынъ и наслѣдникъ его Сянь-фынь, вступившій на престолъ 26-го февраля 1850 года, былъ 19-лѣтній юноша, но уже испорченный благодаря придворной средѣ. Несмотря на свои молодые годы, онъ имѣлъ черствое сердце, открыто сталъ на сторонѣ старыхъ порядковъ и на всѣ заявленія о необходимыхъ реформахъ въ правительствѣ отвѣчалъ упорнымъ сопротивленіемъ. Его поддерживали лица, которымъ было это выгодно. Когда на юго-западѣ государства загорѣлось возстаніе, котораго цѣлью искоренить династію была громко заявлена, Сянь-фынь въ припадкѣ безсильной злобы казнилъ военачальниковъ, налагалъ на себя посты и по цѣлымъ ночамъ молился небу. Возстаніе вспыхнуло на югѣ Китая потому, что здѣсь собраны были всѣ элементы, нужные для пожара, и всѣ средства быстро распространить его. Провинціи Куанъ-си, Юнь-нань и Куй-чжеу содер-

жатъ массы инородцевъ, всегда полунезависимыхъ отъ Китая; они, несмотря на китайское вѣковое номинальное владычество, сохраняли свой языкъ, образъ жизни и, частію, самоуправленіе. Примѣръ этой сравнительной независимости не могъ не дѣйствовать заразительно на первыхъ повстанцевъ, которые притомъ въ инородцахъ немедленно нашли союзниковъ; названныя три провинціи очень отдалены отъ центра государства и, благодаря гористой мѣстности, недоступны для большихъ военныхъ силъ, а, напротивъ, очень пригодны для дѣйствія бандами, то есть для войны въ небольшихъ размѣрахъ; между живущими тамъ китайцами много ссыльныхъ; южные обитатели Китая своенравнѣе и живѣе сѣверныхъ; христіанство, центръ пропаганды котораго былъ въ то время въ Кантонѣ, болѣе всего распространилось въ южныхъ областяхъ, смежныхъ съ этимъ городомъ; тайныя общества были особенно многочисленны на югѣ же и, наконецъ, именно тутъ же подъ вліяніемъ многихъ благопріятныхъ условій появились первыя горячія головы, въ которыхъ созрѣла мысль о возстаніи и рѣшимость начать его. Организаторомъ и душою этого возстанія былъ сынъ бѣднаго крестьянина изъ окрестностей Кантона, онъ отличался замѣчательными способностями, получилъ конфуціанское образованіе, но потерпѣлъ въ жизни неудачи на поприщѣ ученаго и сдѣлался сельскимъ учителемъ. Покупая книги (которыя въ Китаѣ, вообще, пользуются большимъ почетомъ, даже каково бы ни было ихъ содержаніе), онъ случайно нашелъ переводъ многихъ главъ изъ библіи, онѣ произвели на него сильное впечатлѣніе. Хуанъ-сіу-цюань сталъ горячимъ поклонникомъ Іеговы и, живя въ уединеніи, какъ сельскій учитель, могъ свободно предаваться своимъ мечтамъ. Не разъ ему мерещились видѣнія. Однажды Хуанъ-сіу-цюань увидѣлъ старца, который сказалъ ему: «Всѣ человѣческія существа на свѣтѣ произведены и поддерживаются мною. Они ѣдятъ мою пищу и носятъ мою одежду, но никто изъ нихъ не помнитъ объ этомъ и не почитаетъ меня за это, они принимаютъ дары мои и вмѣстѣ съ тѣмъ поклоняются демонамъ, а противъ меня даже возстаютъ, чѣмъ возбуждаютъ гнѣвъ мой. Не совѣтую тебѣ подражать имъ!» Затѣмъ старецъ далъ юношѣ завѣтъ искоренять демоновъ, но беречь братьевъ и сестеръ; а въ залогъ этого вручилъ ему желтый плодъ очень сладкаго вкуса и печать, силою которой можно было одолѣвать злыхъ духовъ. Послѣ того даровитый Хуанъ-сіу-цюань убѣдился въ своемъ призваніи проповѣдывать и сталъ заниматься этимъ. Много народу приходило его слушать, вслѣдъ затѣмъ онъ рѣшился идти на проповѣдь единаго Бога и въ другія мѣста Китая; вскорѣ число его приверженцевъ возросло до 2000 человѣкъ. Съ этого времени (1847 — 48) Хуанъ-сіу-цюань сталъ вождемъ общины, которая была разсѣяна на значительномъ пространствѣ и подъ именемъ «богопочитателей» обратила на себя вниманіе китайскихъ властей». Гоненія, какъ извѣстно, обыкновенно

помогаютъ дѣлу распространенія новыхъ идей и тѣсно сплачиваютъ гонимыхъ. Можно сказать, что безъ гоненій невозможенъ даже успѣхъ ни одного ученія, ищущаго обновить человѣческій духъ. Съ послѣдователями Хуанъ-сіу-цюаня случилось то же самое. Когда одинъ изъ нихъ, Фынь-юнь-сонь, былъ посаженъ въ тюрьму, секта пріобрѣла своего мученика и опредѣленное знамя. Сначала она была чисто религіозною, но мало-по-малу получила политическій характеръ и, наконецъ, подняла за собой цѣлыя народныя массы, хотя первый толчокъ къ волненіямъ Куанъ-си, вызвавшій употребленіе оружія, былъ данъ не сектантами, а пиратами, разбѣжавшимися по югу Китая послѣ пораженія ихъ въ 1849 году англо-китайскимъ флотомъ. Дѣйствуя противъ этихъ разбойниковъ, грабившихъ страну, китайскія власти въ Куанъ-си приравняли къ пиратамъ и послѣдователей новорожденной секты, несмотря на то, что они всѣ вели строгую, хотя нѣсколько таинственную жизнь. Это вызвало не сопротивленіе, а повело къ кровавой борьбѣ. Съ богопочитателями сблизились члены Тріады, подвергавшіеся также гоненіямъ, и сообщили имъ свои планы изгнанія маньчжуръ и переустройства государства; такимъ образомъ, изъ религіозной секты образовалась политическая партія, разнообразная по своему составу, но одушевленная одной цѣлью и горячимъ патріотизмомъ. Тщетны были старанія мандариновъ укротить ее: соотвѣтственно ихъ усиліямъ росло и вліяніе повстанцевъ, а маньчжурское войско въ провинціи Куанъ-си слабѣло отъ утомленія и потерь въ стычкахъ. Въ августѣ 1850 г. Пекинская оффиціальная газета впервые упомянула объ инсургентахъ, а осенью 1851 года Хуанъ-сіу-цюань уже объявилъ себя небеснымъ государемъ и главою династіи тайпинговъ (Великаго мира), имѣющей цѣлью изгнать маньчжуръ изъ Китая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искоренить всѣхъ ими поставленныхъ мандариновъ, буддійскихъ и даосскихъ жрецовъ съ ихъ идолами. По вѣдомости 1849 года маньчжурскихъ войскъ въ Куанъ-си было 2300 человѣкъ, къ нимъ можно присоединить 23320 человѣкъ, такъ называемаго зеленого знамени, т. е. китайцевъ. Въ прокламаціи тайпинговъ къ народу говорилось: «Мы приглашаемъ васъ быстро изгнать маньчжуръ отовсюду и ждать нашего утвержденія въ Нанкинѣ. Что касается этихъ глупыхъ жрецовъ Будды и монаховъ-даосовъ, они должны быть всѣ истреблены, а монастыри ихъ уничтожены!» Вожди тайпинговъ съ самаго начала революціоннаго движенія съумѣли вести дѣло такъ, что успѣхъ былъ для нихъ обезпеченъ. Въ старинныхъ китайскихъ книгахъ о военномъ искусствѣ (оно было выше въ древнемъ Китаѣ, въ пору непрерывныхъ войнъ) они почерпнули полезныя свѣдѣнія и организовали свои силы такъ, что при столкновеніяхъ съ имперіалистами всегда одерживали надъ ними верхъ. Армію повстанцевъ и ихъ военную тактичность хвалили даже враги. «Повстанцы умножаются все болѣе и болѣе, пишетъ губернаторъ въ

Куань-си, и наши войска, чѣмъ больше дерутся съ ними, тѣмъ сильнѣе начинаютъ страшиться ихъ. Они могущественны, свирѣпы и никакими способами не могутъ быть приведены въ безпорядокъ; ихъ уставы и правила опредѣленны и строги». Черезъ полгода отъ начала возстанія боготочитатели имѣли уже 13000 солдатъ. Весною 1881 г. три округа въ Куань-си были во власти повстанцевъ, которые успѣли тутъ организовать собственную администрацію, истребивъ попавшихъ въ ихъ руки мандариновъ. Повстанцамъ недоставало только овладѣть какимъ-либо укрѣпленнымъ пунктомъ, чтобы пріобрѣсти прочную и постоянную базу для своихъ дѣйствій. Скоро и это пришло: 15-го августа 1851 года они успѣли захватить обнесенный стѣнами городъ Юнь-Гань, гдѣ по истребленіи маньчжуръ и буддійскихъ идоловъ завладѣли еще казною. Средства повстанцевъ увеличились, положеніе упрочилось, а главное—они подвинулись къ сѣверу, т. е. въ направленіи къ центру имперіи, чего всѣми мѣрами старались не допускать начальники императорскихъ войскъ. Но, вообще, мѣстное начальство выказывало относительно возстанія трусость и медленность дѣйствій.—Пораженіе слѣдовало за пораженіемъ, и обыкновеннымъ результатомъ каждаго было поголовное истребленіе сражавшихся или захваченныхъ имперіалистовъ. Повстанцы были особенно искусны въ устраиваніи засадъ и однажды поймали такимъ образомъ до 500 человѣкъ маньчжуръ, которые всѣ, за исключеніемъ 10 лицъ, бѣжавшихъ въ городъ Куй-линь, были истреблены. Въ виду такого хода дѣлъ пекинское правительство старалось отправить на театръ военныхъ дѣйствій лицо, которому можно было бы довѣриться и вмѣстѣ съ тѣмъ способное и энергическое. Выборъ палъ на проживающаго въ Фуц-зани отставного престарѣлаго Лина, нѣкогда бывшаго кантонскимъ губернаторомъ и составившаго себѣ извѣстность потопленіемъ опіума въ Кантонѣ. Линъ принялъ назначеніе, но умеръ, не доѣхавъ до главнаго города возмущенной провинціи Куань-си. Его замѣнилъ Ли-синъ-юань, который при всемъ усердіи не могъ сдѣлать ничего серьезнаго для искорененія инсургентовъ и ограничился только тѣмъ, что усилилъ оборону Куй-линя, оставивъ прочіе города на жертву повстанцевъ, которые и брали ихъ одинъ за другимъ, нигдѣ не останавливаясь и ограничиваясь только сборомъ контрибуцій хлѣбомъ и деньгами. Излишняя подвижность повстанскихъ войскъ зависѣла отъ того, что ихъ было немного и что они на первое время имѣли необходимость въ вещественныхъ средствахъ.

Пекинскій дворъ прозрѣлъ, наконецъ, грозившую опасность: коммиссаромъ для усмиренія возстанія въ Куань-си былъ назначенъ первый министръ Сай-шань-ха. Въ 1851 году повстанцы, занявъ Юнь-гань, обнародовали, что наступаетъ время правленія новой династіи «тай-пинговъ», о которой подъ рукою былъ пущенъ слухъ, будто она есть отрасль національной Минской династіи. Въ ноябрѣ 1851 года почти

всѣ города Куань-си, за исключеніемъ Куй-линя, сильнаго мѣстностью, обширными укрѣпленіями и большимъ гарнизономъ, подпали подъ власть повстанцевъ, тогда Хуанъ-сіу-цюань объявилъ себя императоромъ подъ именемъ Тайпинвана, а ближайшихъ своихъ сотрудниковъ назвалъ ванами, т. е. королями. Манифестъ его при этомъ случаѣ показываетъ увѣренность въ правотѣ и успѣхѣ своего дѣла. Трудно было бы ему не вѣрить въ законность своей миссіи, когда фанатическаго вождя инсургентовъ не покидало убѣжденіе, что онъ признанъ свыше въ утвержденію въ Китаѣ Бога—того самаго, который даетъ людямъ пищу и одежду, не получая отъ нихъ благодарности. Слова: Небесный отецъ, Верховный Господь, Старшій небесный братъ (подъ которымъ разумѣлся Іисусъ Христосъ) безпрестанно встрѣчались во всѣхъ прокламаціяхъ тайпинговъ и показывали ихъ исступленный мистицизмъ. При такомъ настроеніи духа понятна поспѣшность вождя инсургентовъ объявить себя императоромъ государства, изъ котораго онъ едва владѣлъ одной двадцатой частью, тѣмъ болѣе, что политически это было разумнымъ поступкомъ: сосредоточеніе въ однихъ рукахъ власти, освященной громкимъ титуломъ, давало самому дѣлу повстанцевъ больше ручательства за успѣхъ въ будущемъ. Какъ императоръ, избавитель страны отъ чужеземцевъ и прямой національный наслѣдникъ ихъ власти, Хуанъ-сіу-цюань отнынѣ съ большимъ сочувствіемъ массъ могъ дѣйствовать на избранномъ поприщѣ. Но только поприще это съ первыхъ же шаговъ сдѣлано было шаткимъ въ двухъ отношеніяхъ,—Тайпинъ-ванъ поставилъ около себя четырехъ королей съ очень широкой властью, обстоятельство это естественно ослабляло его собственную, кромѣ того, онъ неуклонно проповѣдывалъ свое религіозно-мистическое ученіе, несмотря на то, что оно вовсе не было приведено въ систему, даже не имѣло необходимой ясности, чтобы сдѣлаться общедоступнымъ, да и готовясь вступить въ образованнѣйшія провинціи Китая, гдѣ религіозный скептицизмъ распространенъ во всѣхъ классахъ общества, нужно было подумать о нѣкоторой сдержанности въ дѣлѣ распространенія новыхъ религіозныхъ идей и больше заняться политикою: мало было казнить мандариновъ, притѣснителей народа, обнародывать прокламаціи, приглашавшія каждаго честнаго гражданина спокойно продолжать его занятія, давать дѣйствительныя доказательства своего доброжелательства къ народу поддерживаніемъ строгой дисциплины въ войскахъ (чему далеко не слѣдовали имперіалисты),—нужно было не только разрушать, но и созидать. На это недоставало тайпинговъ, тѣмъ не менѣе успѣхи ихъ послѣ объявленія Хуанъ-сіу-цюаня императоромъ были очень велики и быстры. Маньчжурскій генералъ Улантай, предводительствовавшій войсками въ взволнованной странѣ, собиралъ разсѣянныя по четыремъ провинціямъ маньчжурскіе отряды, чтобы однимъ генеральнымъ сраженіемъ уни-

истощить повстанцевъ. Наконецъ, оно осуществилось, но было проиграно. Сраженіе это, самое большое изъ всѣхъ послѣдовавшихъ за время возстанія тайпинговъ, характеристично для тактики обѣихъ сторонъ: Улантай во главѣ 13,000 войска двигался съ юго-востока на Юнь-ганъ. Повстанцы, не дожидаясь непріятеля въ стѣнахъ города, вышли ему на встрѣчу. Немедленно маньчжурская армія стала въ боевой порядокъ и завязала перестрѣлку. Китайскія войска того времени представляли оригинальное зрѣлище. По замѣчанію Каллери, они походили на театральныхъ солдатъ,— пѣхотинцы одѣты были въ красныя съ бѣлыми каймами кофты съ нашитыми на нихъ на груди и на спинѣ бѣлыми овальными заплатками, среди которыхъ большими черными буквами вышиты названія полковъ. Они носили коническія шляпы съ разноцвѣтными обшлагами и вооружались плохими фитильными ружьями. Кавалеристовъ—очень незначительное количество, на дурныхъ и дурно осѣдланныхъ лошадяхъ; они имѣли видъ мусульманскихъ женщинъ въ дорогѣ, потому что обертывались въ длинные синіе плащи; оружіе ихъ составляли только лукъ и стрѣлы. Вся эта армія, раздѣленная на мелкія роты, по 60-ти человѣкъ въ каждой, имѣла множество значковъ, знаменъ и толпы музыкантовъ, неутомимо звонившихъ въ свои гонги (тазы), чтобы передавать команду высшихъ начальниковъ и вдохновлять сражающихся. Офицеры держались обыкновенно сзади ихъ частей и, конечно, не подавали солдатамъ примѣровъ храбрости. Когда войска подошли къ позиціи повстанцевъ, Улантай развернулъ часть своихъ силъ, чтобы начать атаку съ фронта, а другую направилъ во флангъ. Но непріятель сопротивлялся слабо и отступилъ, хотя и довольно медленно, благодаря перерѣзанной рѣками мѣстности. Имперіалисты уже достаточно утомились преслѣдованіемъ передовыхъ повстанскихъ войскъ, когда вошли въ долину, покрытую бамбуковыми кущами. Тутъ послѣдовало болѣе упорное столкновеніе, послѣ котораго отступившими тайпингами они наведены были на скрыто расположенную батарею изъ шестидесяти орудій и понесли страшный уронъ. Неистовые крики и грозныя гримасы, которыми сопровождались боевыя движенія китайскихъ солдатъ, конечно, нисколько не помогли тутъ. Пораженіе маньчжурскаго генерала вынудило кантонскаго генералъ-губернатора Сіу выйти, наконецъ, изъ бездѣйствія. Не обладая храбростью и не предполагая, повидимому, ея и въ подчиненныхъ ему войскахъ, Сіу прибѣгнулъ къ средству, поражающему своей первобытностью. Онъ приказалъ собрать 4000 быковъ, навязать имъ на рога осмоленной соломы и, зажегши ее, пустить быковъ въ такомъ видѣ ночью на непріятельскій лагерь. Собственныя войска должны были оставаться въ городѣ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ; выводъ же быковъ возложенъ былъ на нѣсколько тысячъ солдатъ, стоявшихъ особымъ лагеремъ. Такъ какъ, разумѣется, быковъ нельзя было привести тихо и

скрытно, то повстанцы, узнавъ все заранѣе, не только приготовились, но и воспользовались беззащитностью лагеря имперіалистовъ, напали на него и произвели страшное опустошеніе: больше 2000 человѣкъ арміи Сіу пало на мѣстѣ. Двѣ выигранныя большія битвы необыкновенно помогли дѣлу инсургентовъ. Онѣ не только развязали имъ руки въ Куанъ-си и въ западной части Куанъ-дуна, но сдѣлали возстаніе популярнымъ повсюду и вызвали инсуррекцію во многихъ другихъ областяхъ Китая. Острова Хайнанъ и Формоза, населенные многочисленными инородцами, дали первый тому примѣръ. Затѣмъ возстаніе вспыхнуло и во многихъ другихъ губерніяхъ. Предводителю инсургентовъ оставалось только выбирать, чтобы наносить пекинскому правительству наиболѣе чувствительные удары. Наконецъ, послѣ многихъ сраженій и штурмовъ городовъ, 19 марта 1859 года историческая столица китайскаго государства, центръ китайской общественной жизни и учености, попала въ руки повстанцевъ. Овладѣвъ Нанкиномъ и объявивъ его Небесною столицею, тайпинги впервые занялись устройствомъ тѣхъ мѣстностей, которыя находились въ ихъ власти. Оно имѣло, главнымъ образомъ, стратегическую цѣль. Такъ-какъ повстанцамъ нужно было еще овладѣть Пекиномъ для изгнанія оттуда маньчжуръ, то они старались основать на Янъ-тсе-кіанѣ базу для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій въ направленіи къ сѣверу и мало помышляли о судьбѣ пройденныхъ ими и временно завоеванныхъ земель. Можно сказать, что ихъ Небесное государство съ императоромъ, тремя королями и шестью министрами во главѣ, простиралось не далѣе областей Ань-хоя, Ху-бея и Цсянь-су, да и то обнимало лишь части, сосѣднія Янъ-тсе-кіану; все же остальное пространство Китая, даже пройденная тайпингами Ху-нань и самая Куанъ-си, вернулись подъ власть законнаго правительства или погрузились въ анархію. (Въ Китаѣ она не должна быть страшна при народной привычкѣ къ самоуправленію). Все число тайпинговъ простиралось отъ 100 до 120 тысячъ человѣкъ, собранныхъ въ Нанкинѣ. Мелкіе отряды повстанцевъ сновали по окрестностямъ для сбора хлѣба и денегъ. Въ Нанкинѣ въ огромномъ количествѣ собраны были плотники и кузнецы, чтобы работать надъ устройствомъ джонокъ и помѣщеній для самихъ повстанцевъ, такъ-какъ городъ послѣ штурма представлялъ картину опустошенія. Въ Чикіанѣ дѣлалось то же. Чувствуя свою слабость, предводители тайпинговъ рѣшились завербовать въ ихъ ряды населеніе цѣлыхъ городовъ, собирая его въ Нанкинѣ. Хотя въ арміи повстанцевъ была заведена строгая дисциплина, введенъ своего рода военный коммунизмъ, при которомъ отдѣльные солдаты не смѣли грабить, но это нисколько не избавляло страну отъ грабежей и поборовъ коллективныхъ, арміи имперіалистовъ также производили ихъ, но съ еще большей жестокостью и безпорядками (войска были, вообще, плохо обезпечены содержаніемъ). Китаю пришлось одиннадцать

лѣтъ страдать отъ анархіи. Хотя главный вождь инсургентовъ, стараясь пріобрѣсти въ народѣ популярность въ качествѣ гражданскаго правителя, объявилъ, что въ Нанкинѣ открываются экзамены на званіе мандариновъ и напечатаны имена записавшихся кандидатовъ, обнародовано было многочисленное собраніе законовъ и постановленій, заключающихъ въ себѣ книгу религіозныхъ началъ династіи тайпинговъ, книгу небесныхъ указовъ, объявленіе воли небеснаго отца, когда онъ сходитъ на землю, императорскія деклараціи тайпинговъ, прокламаціи западнаго и восточнаго королей, устройство арміи, правила для войскъ, новый календарь, уставъ церемоній, книгу Бытія въ переводѣ, оду юности и проч. Изъ одного заглавія видно уже, какой широкой дѣятельностью задавались тайпинги и какъ была она исполнена безпорядочности. Одно это должно было лишить ихъ довѣрія въ глазахъ воспитанныхъ конфуціанствомъ китайцевъ. Но Хуанъ-сіу-цюань и его ваны, достигнувъ власти, сдѣлали еще много и другихъ ошибокъ, отвернувшихъ отъ нихъ сердца. Небесный государь, слишкомъ уединяясь въ своемъ нанкинскомъ дворцѣ, окружилъ себя многочисленнымъ гаремомъ и какъ онъ, такъ и его сподвижники очень мало обращали вниманія на практическія нужды народа. Въ 1861 году умеръ слабый императоръ — Сянь-фынь, и управленіе дѣлами Китайской имперіи перешло въ руки умнаго и довольно энергичнаго лица, князя Гуна. Слѣдующіе затѣмъ три года были уже періодомъ полнаго упадка тайпинговъ.

На широкой набережной Вампу, въ Шанхаѣ, у входа въ англійскій садъ, разведенный на насыпномъ грунтѣ, стоитъ небольшой обелискъ, подножіе котораго исписано длинными рядами собственныхъ именъ. Обелискъ этотъ единственный въ Китаѣ памятникъ на европейскій ладъ, такъ-какъ туземные монументы состоятъ, по большей части, изъ тріумфальныхъ воротъ, часовень или просто надгробныхъ камней. Всматриваясь въ ряды надписей, путешественникъ видитъ здѣсь имена и фамиліи множества лицъ самаго разнообразнаго происхожденія: тутъ есть имена англичанъ, французовъ, испанцевъ, голландцевъ и одного русскаго—капитана Чирикова. Общая надпись, по-англійски, гласитъ, что монументъ поставленъ въ честь офицеровъ «Всегда побѣдоносной арміи», павшихъ въ войнѣ противъ тайпинговъ. Число именъ состоитъ изъ многихъ десятковъ. Если покойники и были авантюристами, для которыхъ все равно, кому ни служить, лишь бы брать хорошія деньги, китайское правительство все-таки могло поставить имъ памятникъ съ полной искренностью.—Они впервые научили имперіалистовъ смѣло смотрѣть въ глаза тайпингамъ и даже разбивать ихъ въ сраженіяхъ; они же показали фактически, что Срединное царство можетъ имѣть своихъ солдатъ, дисциплинированныхъ по-европейски и способныхъ сражаться не только съ минутной запальчивостью, но и съ постояннымъ мужествомъ. Начало «силы», или

иностраннаго легіона, относится къ 1860 году, когда даровитый американскій авантюристъ Вардъ организовалъ команду изъ бѣглыхъ европейскихъ матросовъ и солдатъ въ окрестностяхъ Шанхая для защиты этого города. Средства для сформированія команды даны были богатыми китайскими купцами Шанхая, которымъ междоусобіе причиняло большіе убытки, а приступъ повстанцевъ къ городу грозилъ совершеннымъ раззореніемъ. Команда Варда нѣсколько разъ оказывала услуги имперіалистамъ въ борьбѣ съ повстанцами. Но когда покончились недоразумѣнія съ западными державами, китайское правительство, руководимое княземъ Гуномъ, твердо рѣшилось во что бы то ни стало подавить возстаніе и обратило особенное вниманіе на увеличеніе числа европейски вооруженныхъ и обученныхъ войскъ, при чемъ не жалѣло денегъ. Въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, съ октября 1862 г., оно издержало на одинъ слабый иностранный легіонъ, носившій имя «Всегда побѣдоносной арміи», около 3½ милліоновъ рублей сер. А послѣ ряда успѣховъ, одержанныхъ этимъ легіономъ въ Чжецзянѣ, численность его была еще увеличена, самыя туземныя войска стали лучше вооружаться и слѣдовать европейской тактикѣ. Въ мартѣ 1863 года начальство надъ этой арміей принялъ искусный англійскій офицеръ, маіоръ Гордонъ, и иностранная «сила» на службѣ китайскому правительству получила прочную организацію. Гордонъ искусно воспользовался плохимъ состояніемъ дѣлъ тайпинговъ и сталъ принимать въ свой легіонъ многочисленныхъ бѣглецовъ изъ повстанскихъ рядовъ, которыхъ онъ не безъ основанія считалъ людьми болѣе способными къ военной службѣ, чѣмъ мѣстные китайцы. Наконецъ, иностранный легіонъ былъ доведенъ до 4000 человѣкъ европейски организованныхъ и вооруженныхъ солдатъ. Войско это получало точно выплачиваемое жалованье, особенно много платилось иностранцамъ, и охотниковъ поступать въ легіонъ было всегда множество. При помощи этой совершившей много побѣдъ арміи тайпинги, наконецъ, совсѣмъ были уничтожены.—Опустошенная и раззоренная столица ихъ пала передъ оружіемъ имперіалистовъ. Китайское правительство было такъ увѣрено въ близости этого успѣха, что еще за мѣсяцъ до событія распустило «Всегда побѣдоносную армію» и стало дѣйствовать только съ помощью туземныхъ войскъ.—Десять милліоновъ рублей, истраченныхъ на иностранный легіонъ, казались ему достаточнымъ вознагражденіемъ для западныхъ авантюристовъ, и оно было довольно, что сами европейскіе дипломаты начали требовать распущенія этого легіона. Съ тѣхъ поръ китайскія войска непрерывно улучшаются по европейскимъ образцамъ, хотя, естественно, они все еще далеки отъ совершенства. *) Вооруженіе сравнительно однообразно, оно раздѣляется только на боевое и декоратив-

*) Костенко: Военно-статистическій очеркъ—Чжунгарія.

ное. Первое состоитъ изъ луковъ со стрѣлами, сабель, пикъ, которыми вооружена конница, и ружей самыхъ разнообразнѣйшихъ системъ, начиная съ фитильныхъ и старыхъ кремневыхъ до скорострѣльныхъ магазинныхъ. Послѣднія принадлежатъ къ системамъ, уже устарѣвшимъ въ Европѣ. Количество скорозарядныхъ ружей новѣйшихъ системъ не велико. Парадное или декоративное вооруженіе состоитъ изъ трезубцевъ и бердышей съ лезвіями самой разнообразной и причудливой формы. Сюда же нужно отнести массу разныхъ знаменъ, флаговъ, значковъ различной величины и формы. Знамена состоятъ изъ длиннаго, нерѣдко трехсаженнаго бамбуковаго древка, очень легкаго и крѣпкаго, на концѣ котораго насажено тонкое копье или же трезубецъ, подъ нимъ привѣшивается иногда не одинъ пучекъ конскихъ волосъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ, и прибивается большой кусокъ шелковой плотной матеріи яркаго цвѣта и трехъ или четырехъугольной формы. На смотрахъ и парадахъ большая часть солдатъ показывается съ декоративнымъ вооруженіемъ. Пріемовъ и правилъ для сбереженія оружія не соблюдается никакихъ. Солдатъ дѣлаетъ съ ружьемъ, что хочетъ,—если оно стѣсняетъ его въ походѣ, онъ кидаетъ ружье на телѣгу, употребляетъ иногда какъ коромысло или рычагъ, изъ двухъ ружей составляютъ иногда нѣчто въ родѣ носилокъ, если ружье кажется тяжеловѣснымъ, то его укорачиваютъ. Правила прицѣлки и прикладки мало извѣстны не только китайскому солдату, но даже и офицеру: стрѣляютъ часто не цѣлясь, лишь бы произвести звукъ, разсчитывая этимъ напугать непріятеля. Холодное оружіе также довольно плохое: оно, за исключеніемъ штыковъ, выдѣлывается въ оружейныхъ мастерскихъ ручнымъ способомъ; выдѣлка грубая, желѣзо дурного качества; всего лучше пики, что не лезвіе, а древко, которое склеивается изъ бамбуковыхъ пластинокъ и отличается легкостью и крѣпостью. Но это слишкомъ длинное древко (отъ трехъ до четырехъ саженъ) гнется, и потому такой пикою трудно наносить вѣрные удары. Есть и сабли. Въ пѣшемъ строю китайскіе солдаты владѣютъ холоднымъ оружіемъ довольно ловко, хотя упражненія такого рода имѣютъ у китайцевъ характеръ акробатскаго представленія. Воины размахиваютъ оружіемъ во всѣ стороны, пригинаются къ землѣ, ползаютъ на брюхѣ и издаютъ разные угрожающіе звуки, думая запугать воображаемаго противника. Штыки примыкаются къ ружью по произволу солдата. Оружейныхъ мастерскихъ въ частяхъ войскъ не имѣется. Если солдатъ потеряетъ или испортитъ какую либо часть ружья, то совершенно спокойно обходится и безъ нея. Порохъ приготовляется ручнымъ первобытнымъ способомъ и не отличается высокими качествами; онъ содержитъ много мякоти. Патроны и коническія пули также грубаго издѣлія. Имѣются крѣпостныя ружья—фитильныя, которыя стрѣляютъ ядрами вѣсомъ въ два фунта и картечью въ видѣ пяти круглыхъ крупныхъ пуль. При каждомъ

тяжелыхъ ружья, которыя возятся на вьюкахъ, состоитъ по пяти человѣкъ прислуги. Есть еще магазинныя ружья системы Спенсера — семизарядныя, курковыя, доставленныя въ 1880 г. изъ Америки; количество ихъ незначительно. Военные снаряды возятся на пяти мулахъ. Китайское правительство сознаетъ недостатки вооруженія войска и предпринимаетъ значительныя улучшенія. Строевое обученіе китайскихъ войскъ также неудовлетворительно. Старый китайскій уставъ признается правительствомъ никуда негоднымъ, а вырабатываемый при помощи европейскихъ инструкторовъ новый еще не оконченъ. Войска плохо и матеріально обезпечены. Въ отношеніи къ подчиненнымъ замѣтна распущенность. Неуплата въ срокъ жалованья производитъ возмущенія. Изъ ружейныхъ пріемовъ употребляются только два: вольно и къ ногѣ. Употребленію штыка въ рукопашномъ бою вовсе не обучаютъ. Строй, практикуемый китайскими войсками, раздѣляется на боевой и парадный. Но онъ плохо выполняется: въ дѣйствительности во время похода китайскія войска идутъ въ разбродъ, по одиночкѣ, какъ кому удобнѣе, одни солдаты пѣшкомъ, другіе верхомъ или на подводахъ, часто отставая другъ отъ друга на большое разстояніе. Парады и смотры производятся рѣдко, въ самыхъ только торжественныхъ случаяхъ. Они сопряжены съ расходами для главнаго начальника, такъ какъ ему приходится на этотъ день, собирая солдатъ, выдавать имъ жалованье. Во время начальническаго смотра происходитъ много комическаго, — онъ оканчивается колѣнопреклоненіемъ всѣхъ войскъ передъ инспекторомъ. Тактической и боевой подготовки у китайскихъ солдатъ почти не существуетъ. Тактическій способъ дѣйствія въ бою состоитъ, главнымъ образомъ, въ оборонѣ, основанной, по преимуществу, на стрѣльбѣ залпами изъ каре, на атаку же китайскія войска рѣшаются очень рѣдко. Требованія, предъявляемыя китайскимъ уставомъ для кавалеристовъ, еще проще, чѣмъ для пѣхотинцевъ. Принятъ только, главнымъ образомъ, развернутый строй въ одну шеренгу, но въ большинствѣ случаевъ кавалерія дѣйствуетъ или безсвязной толпой или въ одиночку. Развѣдывательная и сторожевая служба китайской коннпцѣ вовсе не извѣстна. Въ одиночку всадники ѣздятъ очень хорошо, смѣло и самоувѣренно. Артиллерія имѣетъ развернутый строй и колонну въ одно орудіе. Для дѣйствія въ бою орудія располагаются на одной линіи съ пѣхотой. Саперное дѣло въ европейскомъ смыслѣ слова китайцамъ неизвѣстно. Дисциплина въ китайскихъ войскахъ очень плохая. Главная причина этого — деморализація начальниковъ, не умѣющихъ поддержать свой авторитетъ. Взяточники-начальники не пользуются уваженіемъ нижнихъ чиновъ. Бунты и возмущенія среди китайскихъ войскъ — явленіе обычное. Въ милиціонныхъ войскахъ дисциплина нѣсколько выше. Казарменныя помѣщенія очень плохи. Китайскіе солдаты, какъ на мѣстѣ, такъ и въ походѣ, продовольствуются артельнымъ порядкомъ, по десяткамъ. Каж-

дый десятокъ имѣетъ свою отдѣльную кухню съ двумя чугунными котлами, но иногда продовольствуются и въ одиночку. Костюмъ китайскаго солдата отличается сложностью и пестротой,—даже головной уборъ изъ пестраго платка, на курмѣ съ цвѣтной оторочкой и широкими рукавами нашиты бѣлые круги съ надписями, изображающими названіе части или какое-нибудь изреченіе, напоминающее солдату о его военныхъ обязанностяхъ, напримѣръ: «иди смѣло впередъ» или «побѣжитъ назадъ, будетъ убитъ» и т. п. Усовъ и бороды китайскіе солдаты не носятъ, волосы заплетаютъ въ длинную косу. Національная одежда милиціонеровъ состоитъ изъ халата китайскаго покроя. Въ случаѣ продолжительнаго похода строятся палатки. Санитарная часть китайскихъ войскъ (главнымъ образомъ, пограничныхъ) находится еще въ хаотическомъ состояніи: больные и раненые предоставляются на произволъ судьбы; въ войскахъ нѣтъ никакихъ лѣчебныхъ учрежденій, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заболѣвающимъ солдатамъ выдаются лѣкарства врачами, содержащими аптеки. Военные офицерскіе чины въ китайскихъ войскахъ дѣлятся на 7 классовъ, различающихся главнымъ образомъ, цвѣтомъ шарика на головномъ уборѣ и даже матеріаломъ, изъ котораго онъ сдѣланъ. Жалованье дается соотвѣтственно должности, а не чину. Права начальствующихъ лицъ недостаточно опредѣлены положительнымъ закономъ, вслѣдствіе чего въ китайскихъ войскахъ часто царитъ произволъ. Фортификаціонное дѣло, вообще, находится на низкомъ уровнѣ развитія сравнительно съ европейскимъ. До нѣкоторой степени оно развито только внутри Китая. Китайскія укрѣпленія на окраинахъ, возведенные изъ глины редуты, внутри которыхъ помѣщаются казармы и склады, или же города, обнесенные высокими глиняными стѣнами; но всѣ эти укрѣпленія не приноровлены ни къ условіямъ мѣстности, ни къ средствамъ обороны, а потому никакого сопротивленія для европейскаго противника не составляютъ. Они только защищаютъ отъ нечаяннаго нападенія. Китайскія войска по способу ихъ формированія и укомплектованія на манчжурскія знаменныя (изъ манчжуровъ, монголовъ и китайцевъ) и китайскія знаменныя войска (собственно изъ китайскаго населенія), раздѣляются на конницу и пѣхоту, вербованныя или наемныя войска, которыя организовались со времени возстанія тайпинговъ: они вербуются изъ всякаго рода людей, несмотря на различіе національностей, наконецъ, милиціонныя войска (монгольскія и сибосолонскія). Все мужское населеніе названныхъ племенъ обязано воинской повинностью, начиная съ 20-лѣтняго возраста до глубокой старости. Эти народности составляютъ какъ бы своего рода казачество. Вообще замѣтно, что военное дѣло въ Китаѣ еще очень ново въ европейскомъ смыслѣ этого слова; но для періода времени въ два съ половиною десятка лѣтъ прогрессъ его весьма значителенъ и заставляетъ многаго ожидать въ будущемъ.

Съ паденіемъ Нанкина инсурекцію тайпинговъ можно было считать подавленной, тѣмъ болѣе, что и вожди ея, большею частью, были казнены. Съ весны 1865 года самое имя тайпинговъ исчезаетъ изъ реляцій пекинскихъ генераловъ. Врагъ, терзавшій внутреннія области Небесной имперіи въ теченіе 15-ти лѣтъ, окончательно сошелъ со сцены, уступивъ мѣсто другимъ, которые продолжаютъ раззорять ее и до сихъ поръ, свирѣпостью своею далеко превосходя приверженцевъ Великаго мира. Магометане въ 4-хъ провинціяхъ стали на мѣсто тайпинговъ, борьба съ ними продолжаетъ занимать пекинское правительство и въ настоящее время. Въ теченіе ея оно не разъ терпѣло серьезныя пораженія, лишалось Восточнаго Туркестана и Чжунгаріи, которые потомъ, какъ извѣстно, снова были отвоеваны. Въ Пекинѣ находится 13 мечетей, принадлежащихъ китайскимъ магометанамъ, преимущественно турецкаго происхожденія. Всѣ пекинскіе туркестанцы—строгіе магометане, въ составѣ ихъ духовенства есть муллы и ахуны. По выраженію Риттера: «Извѣстная доля цивилизаціи не смягчила у магометанъ застарѣлой въ варварствѣ натуры». При послѣднемъ большомъ возстаніи свирѣпость мусульманъ далеко превзошла жестокости тайпинговъ. Огонь возстанія поддерживается между ними и до сихъ поръ, несмотря на неоднократныя побѣды императорскихъ войскъ. Мусульмане наводятъ страхъ на весь сѣверо-западъ Срединнаго царства. Общее число ихъ въ Китаѣ достигаетъ четырехъ милліоновъ. Они составляютъ опасныхъ внутреннихъ враговъ для страны, потому что узы вѣры связываютъ этихъ магометанъ съ многочисленными мусульманами, разсѣянными по цѣлой имперіи. Мусульманство давно водворилось въ Китаѣ, но оно долго оставалось сдержаннымъ. Въ 19-мъ столѣтіи мусульманство вырѣзало въ Небесной имперіи милліоны невѣрныхъ своихъ соотечественниковъ.

Итакъ, уже 3¼ столѣтія со времени возникшихъ сношеній съ европейцами китайскій народъ терпитъ почти непрерывныя бѣдствія, усилившіяся въ теченіе 18-го вѣка и достигшія очень значительной степени въ 19-мъ, когда къ внѣшнимъ войнамъ Китая присоединились еще и внутреннія. Естественнымъ результатомъ такого состоянія явилось раззореніе многихъ областей Срединнаго царства. Пятнадцать провинцій изъ восемнадцати, составляющихъ Китай, видѣли въ предѣлахъ своихъ повстанцевъ и отчасти служили театромъ войны противъ нихъ. Эти провинціи составляютъ сердце Небесной имперіи, средоточіе ея силъ и могущества. Особенно земли по нижнимъ частямъ Янъ-тсекіана, принадлежащія къ богатѣйшимъ странамъ цѣлой Азіи, потерпѣли много отъ ужасовъ междоусобной войны. Многіе большіе и нѣкогда цвѣтущіе города обращены въ развалины или, по крайней мѣрѣ, опустошены, встрѣчаются развалины селеній, мостовъ и проч. Самый Пекинъ, изъ котораго приходилось высылать многочисленныя

дружины, мало-по-малу началъ пустѣть и представлять во многихъ мѣстахъ груды развалинъ. Разореніе народа было ужасно! Въ 1874 году еще многіе тысячи земледѣльцевъ не успѣли вернуться на свои участки, отыскать ихъ родимыя пепелища! Пустыри встрѣчались среди самыхъ густо населенныхъ провинцій по недостатку рукъ и капиталовъ для ихъ обработки. Можно себѣ представить, сколько внесено было неурядицы въ благоустроенный бытъ китайскаго государства. — Дороги оказались испорчены, каналы разорены, мосты поломаны, дорого стоившія системы орошенія многихъ полей истреблены безъ остатка. Массы судовъ, плававшихъ по рѣкамъ, сожжены, большіе заводы фарфоровой посуды въ Увянь-нани, составлявшіе гордость Китая, уничтожены, шелковыя фабрики въ Су-чжеу также. Сама природа какъ бы помогла междоусобію въ опустошеніи края, направивъ въ 1850 году рѣку Желтую въ новое русло, къ сторонѣ Печелійскаго залива, при чемъ съ одной стороны залиты были многія обработанныя низменности, а другія земли вслѣдствіе этого сдѣлались безплодными. Каковы именно денежныя потери населенія областей, подвергавшихся войнѣ, объ этомъ ничего нельзя сказать, не только по недостатку численныхъ данныхъ, но и по несомнѣнной огромности этихъ потерь. Китай израсходовалъ 10 милліоновъ въ 3 года только на небольшой отрядъ, называвшійся «Всегда побѣдоносной арміей». Бывали періоды войны, гдѣ въ полѣ съ обѣихъ сторонъ находилось по нѣскольку тысячъ людей! (Обстоятельство это при небольшомъ количествѣ китайскихъ войскъ весьма значительно). Бѣдственное состояніе страны естественно усилило движеніе китайской эмиграціи, вслѣдствіе всего этого съ 1842 года населеніе Китая не только не возросло, но еще уменьшилось на количество 31-го милліона человѣкъ.

*) Китайская эмиграція возникла давно, вѣроятно, она стала увеличиваться одновременно съ развивающимися уже въ теченіе 300 лѣтъ сношеніями китайцевъ съ иностранцами. Основная причина ея происхожденія въ Китаѣ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что предпріимчивые и дѣятельные китайцы, теряющіе довѣріе своихъ соотечественниковъ, какъ это легко можетъ случаться въ Срединномъ царствѣ при особыхъ условіяхъ его соціальнаго быта, основаннаго почти исключительно на взаимномъ довѣріи и добросовѣстности граждань, теряютъ возможность на родинѣ поправить свои дѣла и становятся принужденными для этой цѣли отправляться въ чужія страны, естественно выбирая наиболѣе богатыя и благоустроенныя. Сингапуръ, Гонъ-Конгъ, Сайгань и другіе города востока заключаютъ въ себѣ много китайскихъ богачей, которые оставили свою родину почти

*) Венюковъ: „Современное состояніе Китая“; Max Leclerc: „L'emigration Chinoise“.

безъ куска хлѣба и живутъ мечтами вернуться въ нее, чтобы насладиться тамъ этимъ нажитымъ состояніемъ. Благодаря умѣренности потребностей, смышлености и трудолюбію, китаецъ вездѣ съумѣетъ разбогатѣть. Новѣйшіе изслѣдователи, вопреки до сихъ поръ общераспространенному мнѣнію, говорятъ, что Китай не имѣетъ никакой надобности искать въ другихъ странахъ необходимаго резервуара для своего слишкомъ густого населенія. При близкомъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что эмиграція вовсе не составляетъ для Китая жизненной потребности. «Кажется даже, что Срединное царство, говоритъ одинъ изъ нихъ, могло бы пропитать двойное число жителей, находящихся въ немъ въ настоящее время, если бы народонаселеніе было равномѣрно размѣщено и земля вездѣ обработана. По статистическимъ даннымъ 1885 года 15 провинцій Китая заключали въ себѣ 315,383,500 человѣкъ, остальныя 5 провинцій — 63,046,072 человѣка, что составляетъ число въ 392 милліона, не считая населенія вассальныхъ странъ, — хотя цифры эти, достаточно удовлетворяющія потребности сбора личной подати, очень далеки отъ дѣйствительности. Народная перепись 1760 года дала цифру только въ 197 милліоновъ, перепись же 1821 года — въ 355 милліоновъ (значитъ, народонаселеніе меньше, чѣмъ въ 100 лѣтъ, очень быстро выросло). «По вычисленіямъ ученаго Вильямса, въ Китаѣ приходится на 1 квадратную англійскую милю, 268 человѣкъ, тогда какъ въ Англіи — 289, въ Италіи — 249, въ Германіи — 213, въ Бенгаліи — 440. Но на девять восточныхъ провинцій Китая, составляющихъ ⅓ всей его поверхности, приходится только 154 человѣка на квадратную милю. Если имѣть въ виду кропотливый способъ китайской культуры воздѣлыванія растеній, при которомъ ничего не пропадаетъ, если имѣть въ виду то обстоятельство, что вся обработанная почва даетъ тамъ пищу человѣку, что въ Китаѣ нѣтъ луговъ, пастбищъ, въ плодородныхъ мѣстностяхъ собираютъ по 3 раза въ годъ жатву, что, вслѣдствіе усовершенствованія рыбоводства, рѣки и сажалки доставляютъ чудовищное количество рыбы, — нужно будетъ согласиться, что Китай производитъ очень достаточно, чтобы удовлетворять его обитателей. Хотя и случаются ужасныя голодовки, катастрофы, изгоняющія изъ провинцій милліоны жителей, забрасывающія ихъ за море или принуждающія эмигрировать во внутреннія провинціи государства, но все это скоропроходящія причины, ни одна изъ нихъ не дѣйствуетъ продолжительно, и есть основаніе думать, говоритъ Max Leclerc, что онѣ дѣлаются современемъ менѣе частыми и менѣе губительными. Если нѣкоторые изъ китайцевъ, продолжаетъ онъ, бываютъ принуждены покинуть ихъ домашніе очаги, чтобы искать счатія въ Кубѣ, Перу, Соединенныхъ Штатахъ, въ британскихъ колоніяхъ, то это потому, что другіе должны эмигрировать во внутреннія части страны. Провинціи пустѣютъ и населяются одна вслѣдъ за другою, соотвѣт-

ственно тому, какъ физическія или соціальныя катастрофы посѣщаютъ ихъ. Наводненія отъ разлива многихъ большихъ рѣкъ, продолжительныя и кровавыя возмущенія тайпинговъ и мусульманъ были главными поводами этихъ случайныхъ причинъ. Китай въ обширныхъ его владѣніяхъ имѣетъ достаточно помѣщенія для всѣхъ своихъ плодовитыхъ дѣтей. Ему нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ эмиграціи, тамъ нужна только соотвѣтствующая мѣстности организація, которая бы равномѣрно распредѣлила народонаселеніе. Въ собственномъ Китаѣ, въ особенности въ мѣстахъ, бывшихъ очагами тайпинговъ, земли, большею частью, запущены подъ паръ; въ Манджуріи, Монголіи, китайскомъ Туркестанѣ обширныя пространства земли никогда не знали плуга и находятся въ дѣвственномъ невоздѣланномъ состояніи.

Колонизація этихъ разноцентренныхъ странъ становится необходимой, не только вслѣдствіе экономическихъ причинъ, но также и соображеній, относящихъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Водворившійся тамъ недавно государственный порядокъ непрерырно развиваетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ густонаселенной имперіи централизаціонное движеніе народонаселенія. Развитіе средствъ сообщенія одновременно облегчитъ эту колонизацію внутри и сдѣлаетъ болѣе доступными уѣзды, лежащіе на окружности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убавитъ частые случаи голодовокъ, допуская неравномѣрность хлѣбныхъ сборовъ въ разныхъ провинціяхъ уравновѣситься таксой установившихся цѣнъ. Всѣ эти соображенія доказываютъ, что современный Китай заключаетъ въ своей почвѣ достаточные источники для пропитанія населенія даже еще болѣе многочисленнаго, чѣмъ то, которое въ немъ находится».

Установить точную статистику китайской эмиграціи въ общемъ ея объемѣ нѣтъ никакой возможности. Это можно сдѣлать только для нѣкоторыхъ странъ, колонизируемыхъ сынами Небесной имперіи. Въ ближайшей къ Китаю англійской колоніи Гонъ-Конгѣ въ 1881 году изъ 160,402 человѣкъ туземныхъ жителей было только 7,990 бѣлыхъ и 130,168 человѣкъ китайцевъ. Гонъ-Конгъ содержалъ въ 1886 г. 200,290 душъ. Огромное количество китайцевъ тамъ не убавилось. Въ рукахъ ихъ находится почти вся торговля рисомъ въ этомъ городѣ, составляющемъ главную гавань китайскихъ морей. Китайцы же доставляютъ тамъ оружіе и провіантъ на корабли. Китайское населеніе Гонъ-Конга состоитъ изъ богатыхъ купцовъ, ремесленниковъ и массы рабочихъ. Великолѣпныя зданія Гонъ-Конга, доки Абердина, магазины въ гонконгскомъ портѣ все это сооружено китайскими руками. Гонконгскіе китайцы-капиталисты участвуютъ своими капиталами во многихъ европейскихъ предпріятіяхъ и, въ особенности, служатъ повѣренными по прибыльной торговлѣ опіумомъ. Послѣ договоровъ 1858 — 60 годовъ разные почтенные Джардины, Гиббы и другіе не занимаются сами ни контрабандой, ни даже закон-

ной торговлей этимъ ядомъ, они передаютъ получаемый оптомъ изъ Индіи товаръ своимъ агентамъ изъ китайцевъ, которые уже и дѣйствуютъ настолько успѣшно, что ежегодно болѣе, чѣмъ на 17,000,000 рублей опіума ввозится въ Китай безпошлинно, о чемъ благородные европейцы - цивилизаторы не стыдятся публиковать въ газетахъ, какъ бы издѣваясь надъ дружественнымъ китайскимъ правительствомъ. Гонъ-Конгъ между колоніями самый богатый и вліятельный. Въ Сингапурѣ 86,766 китайцевъ на 2,769 бѣлыхъ. Тамъ китайцы держатся въ сторонѣ, не принимая участія въ принадлежащихъ европейцамъ правительственныхъ проектахъ и идеяхъ. Ихъ изолированные умы подчиняются всякаго рода предразсудкамъ, поощряющимъ любовь китайцевъ къ тайнымъ обществамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень опасны. Въ 1887 г. эти общества въ Сингапурѣ насчитывали 62,376 членовъ, въ Пенангѣ 92,581 человѣкъ. Когда извѣстіе объ этомъ распространяется въ такой грубой фанатической толпѣ, какъ китайскіе собратья въ Австраліи, съ которыми дурно обращаются, поднимается до того ужасный шумъ и гвалтъ, что никто не можетъ поручиться, чтобы онъ не привелъ къ самымъ губительнымъ послѣдствіямъ. Господствующее населеніе въ Сингапурѣ китайцы составляютъ не по одной только численности, но и по богатству. Европейцы, можно сказать, сохранили тамъ за собой лишь администрацію пароходства и продажи пиратамъ пороха и оружія; все остальное въ рукахъ китайцевъ, между прочимъ, и обширная торговля рисомъ, колоніальными продуктами и европейскими мануфактурными издѣліями. Въ Сайганѣ подъ крыломъ французскаго императорскаго орла процвѣли такіе китайскіе Црейры, что нѣкоторые изъ нихъ однѣхъ пошлинъ съ вывозимаго опіума уплачиваютъ ежемѣсячно по полумилліону франковъ. Въ самомъ Сайганѣ нѣтъ ни одной лавки даже съ европейскими товарами, которая бы не принадлежала китайцу. Исключеніе составляютъ только нѣсколько кофеенъ и бильярдныхъ, содержимыхъ французами. Далѣе къ западу отъ Малакскаго пролива на англійской почвѣ китайскія колоніи находятся въ 4-хъ мѣстностяхъ, гдѣ китайцы главные торговцы тековымъ деревомъ, слоновою костью, сахаромъ, рисомъ и проч. Они жестоко эксплоатируютъ тамъ бѣдныхъ невѣжественныхъ туземцевъ. Въ Бирманіи англичане сознаютъ пользу китайскаго населенія для страны, собираютъ китайцевъ и льстятъ имъ. Въ іюлѣ 1887 года нѣкто господинъ Кардъ Бернаръ выражался слѣдующимъ образомъ: «Изъ всѣхъ иностранцевъ, собравшихся въ настоящее время (по поводу юбилея королевы), нѣтъ никого для насъ симпатичнѣе китайцевъ, которыхъ энергія и промышленный духъ могутъ оказать великія услуги Бирманіи... Правительство королевы постарается сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы Бирманія стала пріятнымъ мѣстопребываніемъ для китайцевъ». Въ принадлежащей англичанамъ индійской газетѣ «Таймсѣ» говорится: «Присутствіе ки-

тайцевъ въ высокой Бирманіи можетъ быть для насъ очень выгоднымъ; ихъ трезвость, ихъ энергичная дѣятельность послужатъ могущественными факторами для развитія силъ страны». Въ Борнео чувствуется такая же потребность въ китайцахъ. Консулъ генералъ серъ Спенсеръ въ донесеніи своему правительству говорилъ: «Эксплоатировать сѣверъ острова Борнео и извлечь изъ этого большія выгоды очень легко, надо только пользоваться китайцами, это единственный народъ, который можетъ помочь европейской націи колонизировать островъ». Въ голландскихъ колоніяхъ на Явѣ китайцевъ 242,000. На принадлежащихъ Испаніи Филиппинскихъ островахъ издавна водворилось много китайцевъ, хотя здѣсь ихъ очень притѣсняютъ: всякій новый переселенецъ долженъ внести значительную сумму денегъ при своей высадкѣ на берегъ, всѣ китайцы обложены подушной податью вчетверо большей, чѣмъ туземцы, они не могутъ жениться на туземкахъ безъ принятія католичества. Общественное положеніе китайцевъ здѣсь плохо. Китайскихъ торговыхъ колоній на японской почвѣ 4000. Они представляютъ интересный примѣръ почти республиканскаго самоуправленія. Въ открытыхъ портахъ нѣтъ другихъ правительственныхъ лицъ, кромѣ консуловъ. Торговля китайцевъ тамъ обширна и стѣсняетъ даже отчасти европейскую. Китайцы имѣютъ свой банкъ, для взаимныхъ разбирательствъ выбираютъ старшинъ и за проступки и даже большія преступленія отдѣлываются денежными штрафами въ пользу общины и обиженныхъ. Въ Австралію за послѣднія 30 лѣтъ переселилось много китайцевъ, но эмиграціи этой положенъ предѣлъ предусмотрительнымъ эгоизмомъ англичанъ, которые боятся, чтобы океаническій міръ не перешелъ изъ ихъ рукъ въ китайскія. Китайскихъ эмигрантовъ сильно притѣсняютъ въ Австраліи. По поводу китайскаго вопроса въ этой странѣ составился билль объ ограниченіи количества китайцевъ и уничтоженіи назначеннаго прежде выкупа за голову.

Въ европейскихъ газетахъ и журналахъ задача казалась просто и грубо поставленной. «Европейская раса колонизовала въ антарктическомъ полушаріи огромный континентъ, говорилось тамъ, ей дѣлу грозитъ наводненіе двигающейся части Азіи, образовавшейся изъ человѣческихъ существъ, принадлежащихъ къ выносливой и жадной расѣ, которая можетъ опустошить страну. Въ такихъ обстоятельствахъ первобытные обитатели Австраліи защищаютъ ихъ имущество, насколько могутъ, не заботясь о разсужденіяхъ постороннихъ по поводу того, что даетъ имъ право существовать, владѣть и господствовать!» Число китайцевъ въ Австраліи ежегодно убываетъ на 3 процента со 100, если такой порядокъ дѣлъ продолжится въ теченіе 30 лѣтъ, тамъ не останется ни одного китайца. Въ настоящее время ихъ въ Австраліи не болѣе 51000 человѣкъ при 3-хъ-милліонномъ европейскомъ населеніи. Въ Новой Голландіи также довольно много китайцевъ, пре-

имущественно, работниковъ, ремесленниковъ и поденщиковъ. Политическихъ правъ они здѣсь не имѣютъ и вліятельныхъ колоній-общинъ не составляютъ, а разсѣяны по странѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ негры въ Соединенныхъ Штатахъ. Различныя партіи по вопросу уничтоженія китайской эмиграціи въ Австраліи пришли къ соглашенію, что въ основѣ всѣхъ волненій по поводу китайцевъ, какую бы окраску имъ ни придавали, лежитъ эпизодъ борьбы за существованіе между желтыми и бѣлыми работниками въ конкуренціи на рынкѣ заработной платы. Но когда приходится выяснять наиболѣе знаменательныя положенія, оцѣнка становится различной. Говорятъ, что эта совершенно неравная борьба зиждется на разнообразныхъ отрасляхъ промышленности. Въ Викторіи, какъ и въ Новомъ Уэльсѣ, выборное правительство вздумало вступить въ борьбу и употребить всѣ свои силы, даже произволъ, къ услугамъ бѣлаго работника. По этому поводу одинъ изъ колонистовъ писалъ: «Смута — дѣло чисто рабочаго класса. До настоящаго времени вліяніе китайцевъ на заработную плату было весьма ограниченнымъ, потому что такса назначалась очень высокая, напримѣръ, каменщикамъ 8-часовой день оплачивается 11-ю шиллингами, поденная плата на желѣзныхъ дорогахъ въ Новомъ Уэльсѣ — 4 шиллинга». Другой австралійскій колонистъ, не боявшійся подписываться вездѣ, гдѣ слѣдовало, восклицалъ: «Китайцы не работаютъ за болѣе низкую цѣну, чѣмъ европейцы, часто имъ даже лучше платятъ! Почему отдаютъ сынамъ неба предпочтеніе тамъ, гдѣ возникаетъ конкуренція? Прежде всего потому, что они отличаются положительностью характера, тогда какъ европейскій рабочій далеко не въ такой степени способенъ къ труду. Онъ, большею частію, лѣнивъ и притомъ требуетъ болѣе высокой платы за посильную работу. Въ городахъ, какъ и въ деревняхъ, бѣлые работники часто нищіе, требующіе пищи, какъ права. Нерѣдко, напримѣръ, 10, 20 смѣльчаковъ стучатъ ночью въ двери какой-либо станціи, требуя, чтобы ихъ накормили. Желаніе это часто удовлетворяется, для нихъ устраиваютъ даже кухни и допускаютъ, такимъ образомъ, вымогать деньги изъ боязни быть сожженными». Въ австралійскомъ правительствѣ легко возникаетъ агитація противъ китайцевъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе закона, по которому каждый бѣлый колонистъ по прошествіи 6-ти мѣсяцевъ срока пребыванія на австралійской территоріи становится уже избирателемъ. Она-то и организовала смуты, при чемъ, располагая страшной силой, клялись выгнать всѣхъ до послѣдняго китайца. Работникъ, не бывшій членомъ соединительнаго союза, рисковалъ остаться безъ куска хлѣба. Работники эти походили на ирландскихъ бойкотовъ, даже въ городахъ трудно было избѣжать ихъ тираніи, деревни же еще сильнѣе подвергались угрозамъ соединительнаго союза, члены котораго, привыкшіе къ пьянству и безпорядкамъ, требовали, чтобы

ими замѣняли трезвыхъ и трудолюбивыхъ сыновъ неба. Образчикомъ стремленія унижать китайцевъ можетъ служить слѣдующій примѣръ: Недавно въ гавань Сидней прибылъ почтовый пароходъ, управляемый китайцами. Глава рабочихъ гавани Сидней объявилъ капитану, что корабль его не будетъ нагруженъ до тѣхъ поръ, пока китайскіе работники не замѣнятся австралійскими, при чемъ первые должны будутъ остаться только въ качествѣ пассажировъ. Капитанъ предлагаетъ обязательство не возвращаться впредь съ китайцами на кораблѣ, — соединительный союзъ, чувствуя свою несокрушимую силу, не принимаетъ мировой сдѣлки, и капитанъ долженъ былъ уступить. Въ Австраліи нѣтъ недостатка въ людяхъ, искренно сожалѣющихъ объ этомъ систематическомъ выживаніи китайцевъ. Приверженцы австралійцевъ указываютъ имъ, что они впадаютъ въ большую ошибку, подвергаютъ опасности будущность своей колоніи, отказываясь отъ рабочихъ рукъ иностранцевъ за дешевую цѣну; говорятъ, что Австралія обширна, что многое еще остается въ ней сдѣлать: нужно распахивать и обработывать почву, копать рудники; замѣчаютъ, что австралійскій климатъ не позволяетъ выполнять всѣ эти работы бѣлымъ людямъ, что необходимо, напротивъ, облегчить въ Австраліи для китайцевъ ихъ предпріимчивость, или придется оставить въ почвѣ нетронутыми неисчислимыя богатства. Посреди возгласовъ интригановъ возвышаются въ пользу сыновъ неба безкорыстные независимые голоса: «Если китайцы такъ глубоко испорчены, какъ ихъ представляютъ, говорятъ они, то какъ объяснить, что сотни европейскихъ поселенцевъ въ Китаѣ берутъ сыновъ неба, какъ довѣренныхъ слугъ, и для воспитанія дѣтей, не боясь при этомъ за порчу нравовъ». Противники китайцевъ кричатъ только одинъ другого сильнѣе, что страна наводнена монгольскими варварами и что надо принять чрезвычайныя мѣры! Находились люди, которые упрекали китайцевъ даже и въ томъ, что у нихъ желтая кожа. Ихъ не многіе защитники утверждали, что китаецъ уважаетъ законъ, очень трудолюбивъ, вѣренъ и честенъ, много работаетъ за хорошую плату, не нуждаясь въ необходимомъ надворѣ, онъ умѣренъ въ своихъ потребностяхъ, хотя знаетъ всю цѣну европейскаго комфорта и при случаѣ пользуется его выгодами. Тѣ же адвокаты прибавляютъ: «Нравственность желтыхъ работниковъ безконечно выше нравственности бѣлыхъ, ихъ благотворительность безгранична: они помогаютъ бѣднымъ не безъ разбору, а соотвѣтственно ихъ заслугамъ, составляютъ совѣщанія для подписки пожертвованій на больницы и другія благотворительныя учрежденія. Китайцы многому научаются отъ насъ, но и намъ приходится многое заимствовать у нихъ. Они одни только въ колоніи занимаются обработкой земли и умѣютъ воздѣлывать овощи.» «Но въ упрекахъ людей, спѣшившихъ выбросить въ море дѣтей Гана, презрѣніе соединилось съ чудовищными обвиненіями, которымъ бри-

танскій кланъ придавалъ видъ крайняго лицемѣрія. 18-го февраля 1884 года законодатель британской Колумбіи издалъ законъ о регламентаціи китайскаго населенія. Ему предшествовали слѣдующія объясненія: «Мы слышали, что китайцы не расположены подчиняться нашимъ законамъ, что ихъ привычки и занятія различаются отъ привычекъ и занятій нашихъ гражданъ, что они стараются избавиться отъ должной подати, не умѣютъ вести себя въ случаѣ опасности, профанируютъ кладбища, извлекая оттуда покойниковъ; слышали также, что, вообще, законы, которыми управляются бѣлые, неприменимы къ китайскимъ и что китайское населеніе имѣетъ привычки, опасныя для комфорта и благосостоянія общества!...»

Глава Мельборна телеграфировалъ лорду Салюсбери 11-го апрѣля 1888 года: «Китайцы пріѣзжаютъ безъ женъ и дѣтей, конечно, не имѣя намѣренія утвердиться въ странѣ. Они постоянно находятся насторожѣ. Китайскій кварталъ въ нашихъ большихъ городахъ баснословенъ, всегда отличается отъ другихъ и часто носитъ на себѣ отпечатокъ гнусности. Это происходитъ не вслѣдствіе изолированности, нѣтъ, но потому, что иначе ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Китайцы такъ отличаются отъ насъ, что ассимиляція народа невозможна. Они не чуждая намъ раса, но остаются чужестранцами среди насъ. Существованіе между нами этого класса людей влечетъ къ очень дурнымъ послѣдствіямъ. Китайцы трудолюбивы, имѣя немного потребностей, не содержа даже женъ и дѣтей, они расположены работать за болѣе низкую цѣну, чѣмъ наши работники, кромѣ того, они могутъ выносить большее количество рабочихъ часовъ». Упрекали сыновъ неба и въ куреніи опіума, въ необузданности игры, въ непреодолимой наклонности организовывать тайныя общества. Наконецъ, министры Викторіи и Новаго Уэльса съ большой серьезностью объявили, что чистота бѣлой расы въ опасности, что она даже сама можетъ исчезнуть въ безконечномъ нарожденіи желтыхъ пришельцевъ. Колоніальный совѣтъ, соединившійся въ Сидни, высказалъ, что, довѣрчиво ожидая правленія его величества, онъ надѣется на помощь правительства австралійскимъ колоніямъ въ ихъ усиліяхъ освободить страну отъ опасности быть наводненной иностранной расой. Англійское правительство защищало права австралійцевъ поддерживать въ Австраліи преимущества британской расы, несмотря на его хорошія отношенія къ Китаю, хотя отчасти и опасалось за нихъ: «Торговый обмѣнъ между Англіей и Китаемъ, говоритъ одинъ англійскій министръ въ парламентѣ, ежегодно выражается сотнями милліоновъ. Политическія и торговыя связи съ Китаемъ Англія поддерживаетъ наилучшимъ образомъ. Въ Австраліи даже эта тѣсная связь безпокоитъ и раздражаетъ населеніе. Австралійцы въ нѣкоторыхъ пунктахъ могутъ повредить англійской политикѣ, смутить хорошія отношенія между Англіей и Китаемъ. Ежегодный торговый оборотъ

этихъ странъ достигаетъ 763 милліоновъ франковъ». Очевидно, китайская желтая раса становится очень многозначительнымъ элементомъ въ сношеніяхъ съ другими народами. Китайцы долго стекались въ изобиліи въ Австралію и благоденствовали тамъ, предлагая свои рабочія руки на рынкѣ труда. Они умѣли оказывать услуги, несвойственныя европейцамъ. Большая часть эмигрантовъ возвращалась въ Китай съ накопленными капиталами и вскорѣ замѣнялась другими эмигрантами. Притѣсняя китайцевъ, съ ними поступали вѣроломно: правительства отказывались признавать заключенные договоры, связывающіе метрополію съ Китаемъ. Они не имѣли никакого прямого интереса оберегать Срединное царство. Общія выгоды британской имперіи должны были исчезать передъ необходимостью успокоить народную раздражительность. Митрополія очутилась въ самомъ тяжеломъ положеніи, желая не вступаться въ то, что называлось внутренними дѣлами колоніи и затруднялась отвѣчать на жалобы китайской дипломатіи, требующей исполненія договоровъ. Она чувствовала необходимость поддерживать съ Китаемъ наилучшія отношенія, въ которыхъ британскіе интересы сильны и многочисленны, несмотря на то, въ Новой Зеландіи англо-саксонскій эгоизмъ выразился съ полной силой. Тамъ конституція страны объявляетъ врагомъ отечества каждаго, кто привезетъ китайскаго кули, англичане стараются пріобрѣсти эту почву для своей безраздѣльной эксплоатаціи. На многихъ островахъ Индійскаго и Тихаго океановъ, независимыхъ отъ европейцевъ, также находятся китайскіе поселенцы. Но самой важной эмиграціей китайцевъ можно считать выселеніе ихъ въ Соединенные Штаты и въ Америку вообще.

До 1870 года китайцы прибывали въ Санъ-Франциско ежегодно и поселялись въ Калифорніи и сосѣднихъ съ ней штатахъ. Въ 1868 году правительство Вашингтона получило свободный доступъ въ Китай для своихъ національностей и постаралось взамѣнъ этого обезпечить китайцамъ на его почвѣ наименованіе самой способной націи. Тогда произошло громадное стеченіе китайцевъ въ западной сторонѣ Сѣверной Америки. Въ 1868 году, вслѣдствіе новаго договора, прибыли въ Соединенные Штаты 10,684 китайца, въ 1869 году количество ихъ еще больше—14,902 человѣка, въ 1873—18,154 китайца, въ 1874 — 16,651 китаецъ, въ 1875—19,033 китайца, въ 1876—16,879 китайцевъ, въ 1881—20,711 китайцевъ, въ 1882—35,614 китайцевъ. «Когда эмиграціонное движеніе выходитъ изъ гаваней крайняго Востока, говоритъ Максъ Леклеръ, и приноситъ тѣсно сплоченныя массы дѣтей Гана въ Санъ-Франциско, Кубу, Манилью и другія мѣста, счастливые результаты оказываются при первыхъ же шагахъ ихъ. Въ необитаемыхъ странахъ, гдѣ ничего еще не сдѣлано, почву нужно распахивать, рудники раскапывать, строить желѣзныя дороги, является вмѣстѣ съ китайцами, какъ бы плодонос-

ный земляной нанось, покрывающій почву, бывшую до того времени безплодной. Но когда жатва начинаетъ созрѣвать и приближается время сбора хлѣба, бѣлый колонистъ, заплатившій желтому человѣку за обработку почвы, отбираетъ ее и становится капиталистомъ, благодаря труду китайца. Китайская эмиграція въ Америку свидѣтельствуетъ, что китайцы давно знаютъ и хорошо понимаютъ всѣ выгоды ассоціаціи. Эмиграція сформирована тамъ въ 6 большихъ компаній, соотвѣтствующихъ 6-ти округамъ, на которые Китай былъ раздѣленъ. Въ каждомъ изъ этихъ большихъ округовъ компанія находится подъ контролемъ мѣстнаго магистрата, организованнаго эмиграціей. Ему поручаютъ доставить эмиграціонный транспортъ живымъ или мертвымъ. Онъ слѣдитъ за китайцемъ, отправившимся въ чужую землю, наблюдая его путь и борьбу за существованіе, поддерживаетъ его, доставляетъ ему средства къ жизни, если эмигрантъ находится въ затруднительномъ положеніи, облегчаетъ въ болѣзни, вмѣшивается и старается поддерживать, когда онъ запутывается въ какомъ-либо гражданскомъ процессѣ. Въ обмѣнъ за эти услуги китаецъ вноситъ въ кассу компаніи $2^1/_2$ процента со всѣхъ своихъ барышей. Эта организація, быть можетъ, отчасти основана въ подражаніе обществамъ взаимной помощи и бдительности, учрежденнымъ европейскими колонистами въ первомъ опытѣ колонизаціи Калифорніи, когда еще царила анархія и не было никакой полиціи; такая организація дала китайцамъ огромную силу: въ 1876 году ихъ 6 колоній состояли изъ 148000 членовъ. Дѣйствія искусной и дисциплинированной въ ея предпріятіяхъ ассоціаціи сильно поддерживались сынами неба. Извѣстное количество китайцевъ, занимающихся разнообразными дѣлами, составляло между собою маленькія общества. Каждый мѣсяцъ они вносили въ кассу общины небольшую часть заработка. Когда составлялась назначенная сумма, капиталъ этотъ ввѣрялся одному изъ тѣхъ, кто запасся деньгами для торговли. Онъ обязанъ былъ дѣлиться со всей компаніей ея выгодами. Такая система могла существовать и преуспѣвать только при тѣсной солидарности китайцевъ въ чужой странѣ: основанная на взаимномъ самомъ глубокомъ довѣріи, она имѣла для своего общаго существованія нѣчто въ родѣ франкмасонства и тотъ же принципъ честности, который у китайцевъ находится еще на лучшемъ счету. Сыны неба большіе патріоты: хотя китаецъ и способствуетъ своимъ настойчивымъ энергическимъ трудомъ благополучію страны, гдѣ онъ временно водворился, но не колонизуетъ ея въ собственномъ смыслѣ этого слова, потому что главную и единственную цѣль его составляетъ возможность какъ можно скорѣе, вернуться въ землю своихъ предковъ. Собранный китайцемъ капиталъ поглощается неизмѣримымъ Срединнымъ царствомъ. Если изслѣдовать возникновеніе банковъ, то можно убѣдиться, что съ 1853 г. до 1878 г. водворившіеся въ Соединенныхъ Штатахъ китайцы, отправили въ Китай 180 милліоновъ дол-

ларовъ, или 900 милл. франковъ. Но успѣхи сыновъ неба на поприщѣ труда и благосостояніе ихъ общины стали возбуждать и въ Америкѣ сильную зависть въ средѣ бѣлыхъ колонистовъ, большею частью, не способныхъ выдерживать конкуренцію съ китайцами и при этомъ еще претендующихъ на болѣе высокую заработную плату.»—Недавно въ Соединенные Штаты былъ наплывъ итальянцевъ,—ихъ прибыло въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ 51000 человѣкъ; эта огромная толпа пролетаріевъ доставила много тревоги странѣ,—возникали скандалы, и приходилось производить слѣдствія. Они показали, что итальянцы-эмигранты являются, главнымъ образомъ, съ юга Италіи, что они невѣжественны, лишены энергіи и находятся въ самомъ плачевномъ видѣ. Эмигранты эти живутъ въ малонаселенной странѣ, гдѣ разбросанность жителей еще болѣе затрудняетъ обработку почвы. Они не въ состояніи были даже заплатить за свой проѣздъ, такъ что являлась необходимость помогать имъ и въ этомъ случаѣ. Кто найдетъ интересъ въ наводненіи американской почвы несчастными оборванцами! Въ послѣднихъ числахъ іюля прошлаго года 2000 итальянцевъ очутились безъ всякой помощи на улицахъ Нью-Іорка. Обстоятельство это ставило правительство въ очень затруднительное положеніе и слишкомъ тяжело окупало необходимое для страны увеличеніе населенія. 50 тысячъ итальянцевъ просили помощи у итальянскаго консула въ Нью-Іоркѣ. Второго августа телеграфировали изъ Филадельфіи въ «Таймсъ»: «Пароходъ Алезіа» отправился изъ Нью-Іорка въ Италію съ 300 итальянцевъ, привлеченныхъ въ Америку ошибочными разсчетами и не имѣющихъ возможности найти работу. Между ними находятся два разбойника, которыхъ правительство отсылаетъ въ Италію обратно». По поводу итальянцевъ кандидатъ въ президенты Гаррисонъ объявилъ, что Соединенные Штаты должны отказать иностраннымъ правительствамъ въ позволеніи присылать ихъ нищихъ и преступниковъ въ американскія гавани. Два другіе кандидата въ письмахъ къ правительству такъ же энергично высказывались противъ безконтрольной эмиграціи. Преслѣдованія коснулись и китайцевъ, у которыхъ было много завистниковъ. Но борьба съ ними оказалась нелегкой. Политика не желающихъ терять своего достоинства избирателей, даже и самая грубая, не позволяетъ рѣшительно вмѣшиваться безъ всякаго предлога въ наиболѣе возвышенный общественный строй, только несовершеннолѣтній американецъ, нѣкто г. Жанъ, могъ возстать противъ него въ письмѣ, адресованномъ къ сенатору Невады: «Если наводненіе китайцевъ продолжится, писалъ онъ, у васъ больше не будетъ американской цивилизаціи: ее замѣнитъ китайская!» Въ Соединенныхъ Штатахъ китайскіе переселенцы занимаются торговлею, ремеслами и земледѣліемъ. Многіе изъ вновь прибывшихъ служатъ поденщиками и заработываютъ въ день рубля по два. У китайцевъ тамъ есть свои лавки, банки, театры, кумирни и проч. Въ Кали-

форніи китайцы составляютъ почти четвертую часть населенія, но за гражданъ не признаются подъ тѣмъ предлогомъ, который могъ быть выработанъ только эгоизмомъ и лицемѣріемъ, а именно, что они не христіане, а потому не могутъ принимать присягу, хотя съ китайцами ведутся большія дѣла, требующія честности и основанныя на довѣріи. Въ южныхъ пріатлантическихъ штатахъ также находится не мало китайцевъ, которые замѣняютъ тутъ негровъ на плантаціяхъ, и какъ работники, разумѣется, оказываются несравненно лучше ихъ. Американцы притѣсняютъ китайцевъ по тому же побужденію, какъ и англичане въ Австраліи. Переселеніе китайцевъ въ Америку подчинено не маловажнымъ стѣсненіямъ. Особенно стараются не допускать въ Америку китайскихъ женщинъ, чтобы китайцы меньше размножались, такъ какъ имъ нельзя жениться на туземкахъ. Въ февралѣ 1870 года Калифорнскій сенатъ и законодательное собраніе ходатайствовали передъ конгрессомъ союза о томъ, чтобы принять мѣры противъ переселенія въ Америку китаянокъ, которыя тысячами пріѣзжаютъ въ Санъ-Франциско, будто бы для занятія проституціей!.. Въ томъ же году 13-го апрѣля въ городѣ Сакраменто, въ Калифорніи, установлено мѣстными янками такое правило: всѣ тѣ, кто будетъ употреблять для работы китайцевъ, японцевъ и азіатцевъ вообще, должны запастись особымъ на это позволеніемъ, при чемъ обязуются платить за каждаго рабочаго въ теченіе первой трети года 2 доллара, второй 4 доллара, третій 10 долларовъ, а за каждую послѣдующую—по 20 долларовъ. На митингахъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ предложено было даже расторгнуть контракты съ китайскими рабочими и впредь эмиграцію ихъ воспретить наравнѣ съ торговлей неграми. Наконецъ, 3-го іюня 1870 года Вашингтонскій сенатъ большинствомъ голосовъ отказалъ азіатцамъ въ правѣ гражданства и въ правѣ голоса на выборахъ, хотя при этомъ встрѣчались въ Америкѣ и защитники китайцевъ. Бывшій губернаторъ и кандидатъ въ президенты Горацій Сеймуръ говорилъ, что китайцы имѣютъ много хорошихъ качествъ: они усердные и вѣрные слуги, очень трудолюбивые работники и проч. «Если эти качества мы находимъ въ подонкахъ китайскаго населенія, продолжалъ онъ, то при свободной эмиграціи, которая можетъ привлечь въ Америку и богатыхъ китайцевъ, можно ожидать для страны много хорошаго». Но, вообще, съ китайцами очень дурно поступаютъ въ Америкѣ, къ нимъ придираются, на нихъ клевещутъ, стараются ставить въ самыя тяжелыя условія жизни. Встрѣчаются даже случаи торговли китайцами, какъ неграми. 17-го ноября 1880 года въ Пекинѣ былъ обнародованъ слѣдующій трактатъ: «Правительство Соединенныхъ Штатовъ имѣло право регламентировать, ограничивать или отсрочивать пріѣздъ и пребываніе китайскихъ работниковъ каждый разъ, когда это прибытіе и присутствіе китайцевъ казалось ему

способнымъ вредить и угрожать интересамъ страны, но ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ окончательно его запретить или уничтожить»! Договоръ этотъ былъ обнародованъ 5-го октября 1881 года. Американское правительство прежде всего постаралось воспользоваться правами, которыя ему давалъ онъ; китайцы же съ своей стороны пользовались имъ, чтобы прибыть въ Америку въ огромномъ количествѣ. 6-го мая 1882 года вышелъ законъ, прекращающій вторженіе китайскихъ работниковъ. Процентъ эмиграціи желтой расы значительно понизился: Въ 1883 году на 381 человѣкъ, въ 1884—на 84, въ 1885—на 54, въ 1886—на 8, въ 1887—на 28 человѣкъ. Цифра отъѣзжающихъ возрастала въ обратномъ смыслѣ, колеблясь между 10 и 17 тысячами въ годъ. Казалось, что правительство Вашингтона не опасалось возможности нападательнаго возвращенія китайцевъ, потому что завязывало торговыя сдѣлки, имѣя въ виду окончательное уничтоженіе эмиграціи. 12 марта 1888 года Боаръ, секретарь иностранныхъ дѣлъ, подписалъ въ Вашингтонѣ съ китайскимъ министромъ договоръ, который, слегка измененный сенатомъ, заключалъ въ себѣ слѣдующія положенія: Послѣ предисловія, гдѣ объявлялось, что китайское правительство въ виду антагонизма, значительныхъ и бѣдственныхъ безпорядковъ, которые произвело пребываніе китайцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ, желаетъ прекратить эмиграцію совсѣмъ и что оба правительства согласны соединенными силами стремиться къ этой цѣли, было условлено, что вторженіе китайскихъ работниковъ въ Соединенные Штаты запрещается впредь на 20 лѣтъ, но это запрещеніе неприложимо къ работнику, имѣющему въ Соединенныхъ Штатахъ одну законную жену, ребенка и родителей владѣющему тамъ имуществомъ въ 1000 долларовъ, или имѣющему долгъ равной цѣнности. Договоръ не касается должностныхъ лицъ, ученыхъ, учителей, купцовъ, путешественниковъ, учащихся; китайскіе работники, живущіе во время подписанія трактата на территоріи союза, и китайскіе подданные, прежде прибывшіе въ эти страны, имѣютъ право оставаться въ Америкѣ въ качествѣ лицъ, принадлежащихъ къ наиболѣе способной націи, не предъявляя правъ гражданства; китайское правительство объявляетъ вознагражденіе тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые, находясь въ Соединенныхъ Штатахъ, были жертвами дурного обращенія съ ихъ особой со стороны людей «безъ вѣры и закона». Правительство союза, отказываясь сразу разъѣдать дѣло, принимаетъ изъ человѣколюбія жалобы обиженныхъ къ свѣдѣнію, соглашаясь передать къ 1-му марту 1889 года въ руки китайскаго министра въ видѣ полнаго вознагражденія сумму въ 276,619 долларовъ; договоръ строго долженъ выполняться въ теченіе 20 лѣтъ, и если за шесть мѣсяцевъ до этого срока ни одна изъ договаривающихся сторонъ не заявитъ своего несогласія, онъ

останется въ силѣ на новый 20-ти-лѣтній срокъ. Бѣлые работники, съ ожесточеніемъ добивавшіеся изгнанія китайцевъ, достигли своей цѣли: заработная плата незамѣтно возросла въ Америкѣ тамъ, гдѣ прежде существовали китайскія общины. Проектъ обсужденія уничтоженія эмиграціи въ будущемъ предусматривалъ позволеніе отдать съѣстные припасы китайскимъ работникамъ, которые, живя въ Америкѣ, желали съѣздить навѣстить родную страну, не теряя права на возвращеніе. Но Китай отказалъ въ утвержденіи этого. Оффиціальное утвержденіе отказа не достигло еще вашингтонскаго правительства, какъ оно получило отъ своего министра изъ Пекина депешу, возвѣщающую, что послѣ самаго тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія дѣла утвержденіе отложено. Время это сенатъ избралъ для защиты характера прямой угрозы. Вслѣдъ затѣмъ, по милости несправедливаго вмѣшательства парламента, его шумныхъ и нетактичныхъ дѣйствій, правительство союза стало къ пекинскому двору въ дурныя отношенія. Оно въ одинъ день утратило благодѣтельныя послѣдствія продолжительныхъ и терпѣливыхъ торговыхъ связей. Притѣсненія китайскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ, Австраліи и другихъ мѣстахъ вызвали, наконецъ, протестъ со стороны пекинскаго правительства. 1-го января 1887 года путешественникъ маркизъ Тэенгъ напечаталъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ прочувствованную и хорошо обдуманную статью, надѣлавшую много шуму: «Извѣстно, что Китай долго спалъ, писалъ онъ, но онъ возвѣщаетъ теперь, что часъ пробужденія его насталъ, и самъ бьетъ зорю. Китай до сихъ поръ не интересовался тѣмъ, что происходило внѣ его предѣловъ,—онъ съ ножомъ у горла подписывалъ договоры, не понимая хорошо, о чемъ идетъ дѣло. Количество его подданныхъ, поселенныхъ въ чужихъ земляхъ, непрерывно возрастаетъ, соотвѣтственно этому умножаются и внѣшніе интересы китайской имперіи. Китай имѣетъ уже и иностранную политику, главной цѣлью которой ставитъ намѣреніе добиться передѣлки существующихъ договоровъ въ смыслѣ, болѣе соотвѣтствующемъ положенію Китая, какъ великой азіатской силы. Вотъ новый стиль китайскаго пера: Оскорбительное обращеніе, которому подвергаются китайскіе подданные въ извѣстныхъ иностранныхъ земляхъ, постыдно и для правительствъ, на глазахъ которыхъ совершаются эти факты, и для того, кто равнодушно смотритъ на страданія его подданныхъ, живущихъ внѣ отечества, какъ бы покровительствуя такимъ гласностямъ. По этому поводу выбрана китайская коммиссія: ей поручено произвести разслѣдованіе на мѣстѣ и составить рапортъ о чужеземныхъ національныхъ особенностяхъ. Надѣются, что такое доказательство интереса, съ которымъ императорское правительство начинаетъ относиться къ участи своихъ подданныхъ за предѣлами отечества, послужитъ для нихъ достаточнымъ удостовѣреніемъ въ лучшемъ обращеніи ино-

странцевъ, которымъ будетъ внушено, что права человѣка съ гуманной точки зрѣнія должно уважать и въ чужеземцахъ, тѣмъ болѣе, что они гости!» Къ этому прибавляется, что по окончаніи десятилѣтняго срока Китай не возобновитъ договоровъ, посредствомъ которыхъ онъ связываетъ свои верховныя права съ извѣстной частью его территоріи, жалуя ихъ иностраннымъ учрежденіямъ, сверхъ того, онъ будетъ стремиться привести въ соотвѣтствіе правила договоровъ съ условіями своихъ отношеній къ иностранцамъ. Слѣдственная коммиссія, отправленная пекинскимъ дворомъ въ началѣ 1887 года въ иностранныя земли, имѣла во главѣ генерала Вонгъ-Юнъ-Го, прекрасно говорящаго по-англійски. Генералъ этотъ, повидимому, умный человѣкъ, посѣтилъ многія мѣста, занимаемыя китайской эмиграціей и отвѣтилъ одной изъ депутацій, что ему кажутся дѣти Гана гораздо лучше на родинѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ; относительно же излишней заработной платы самое лучшее средство—предоставить сыновъ неба самимъ себѣ: тогда скоро бы увидали, что они вполнѣ способны расположить платить имъ дороже, чѣмъ европейцамъ. Въ одной мѣстности противники китайцевъ объявили генералу въ ихъ адресѣ, что европейцы не могутъ рѣшиться снизойти до уровня китайцевъ и, если китайская эмиграція не будетъ ограничена, Квинслендъ сдѣлается для сыновъ неба незавиднымъ мѣстопребываніемъ. Генералъ нахмурилъ брови и такъ возразилъ на это загадочное предсказаніе: «Послѣ моего возвращенія въ Китай будетъ сдѣлано нѣчто, и весьма вѣроятно, что это болѣе или менѣе вамъ не понравится». Въ августѣ коммиссія прибыла въ Гонъ-Конгъ и достигла Пекина. «Политика Китая очень проста, говоритъ Максъ Леклеркъ, — онъ ни въ какомъ случаѣ не считаетъ себя обязаннымъ помогать иностраннымъ государствамъ въ ихъ внутреннихъ смутахъ, а только поддерживаетъ права своихъ подданныхъ, обѣщанныя договорами. Дипломатія—искусство новое для Китая, поэтому ни одинъ изъ законовъ, не входящихъ въ основаніе договоровъ, съ точностью не выясняется». Китайцы выселяются изъ своей страны и сухопутными дорогами въ трехъ главныхъ направленіяхъ: на сѣверо-востокъ отъ Пекина, въ Маньчжурію и часть Монголіи. Здѣсь двѣ трети населенія состоятъ изъ китайцевъ, и самые туземцы мало-по-малу окитаиваются. Американскій миссіонеръ Уильямсъ и англійскій консулъ Медеусъ говорятъ, что въ монгольскихъ аймакахъ, между Сунгари и Хинганомъ, господствующимъ населеніемъ стали китайцы, а монголамъ остаются лишь тѣ земли, которыя не особенно удобны для земледѣлія. То же подтвердилъ путешественникъ Фриге, замѣтившій при этомъ, что распространенію китайцевъ положенъ климатическій предѣлъ,—приблизительно подъ 46° широты, такъ что къ сѣверу отсюда монголы уже занимаютъ всю степь одни. Китайцы въ Восточной Монголіи торгаши, горнора-

бочіе, но всего болѣе хлѣбопашцы. Процвѣтаніе китайскихъ колоній здѣсь стѣсняетъ опека чистоазіатской администраціи. Лица, знакомыя съ современнымъ состояніемъ Амурскаго края, свидѣтельствуютъ, что китайскіе эмигранты охотно пошли бы туда, если бы было позволено, даже на условіи селиться внѣ казачьей линіи и быть обложенными податями. Китайцы понимаютъ, что русское правительство тогда только станетъ считать ихъ предметомъ своихъ заботъ и владѣльцами данныхъ въ пользованіе земель, когда они сдѣлаются его подданными. Это же желаніе постоянно высказываютъ и живущіе уже въ русскихъ предѣлахъ китайцы манзы Усурійскаго края. Второй районъ для эмиграціи китайцевъ внутрь азіатскаго материка составляетъ сосѣдняя Великой стѣнѣ Южная Монголія. Сюда выселяются, впрочемъ, немногіе китайскіе торгаши и земледѣльцы. Центрами колонизаціи служатъ Долоноръ и Хухохотанъ. Выходцы — уроженцы сосѣднихъ провинцій Китая. Третій районъ для разселенія китайцевъ по Азіи составляютъ предгорья Тянь-шаня и Алтая. Здѣсь китайцы завладѣли было всѣми сколько нибудь удобными для осѣдлой жизни мѣстностями, но должны были уступить значительную часть ихъ мусульманскимъ туземцамъ или другимъ, единовѣрнымъ съ мусульманами выходцамъ. Эмиграція по этому направленію, и всегда бывшая подневольною, теперь совсѣмъ прекратилась, а часть прежнихъ колонистовъ ушла къ намъ, въ Заилійскій край. Недавно китайцы начали возстановлять нѣкоторыя селенія; но дѣло это подвигается еще очень медленно. Къ сторонѣ Тибета нѣтъ эмиграціоннаго движенія китайцевъ, и къ сторонѣ Индокитая оно совершается моремъ на джонкахъ, европейскихъ судахъ и, отчасти, сухопутно одиночными людьми, часто преступниками. Многіе города Сіама и Аннама содержатъ многолюдныя колоніи китайцевъ-торговцевъ и ремесленниковъ.—Въ настоящее время китайская эмиграція направлена, преимущественно, въ страны съ высшимъ политическимъ устройствомъ. Китайцы на чужбинѣ хранятъ свой языкъ, вѣрованія и крѣпко держатся другъ за друга. Китайская эмиграція окитаиваетъ тѣ страны, жители которыхъ менѣе цивилизованы, чѣмъ китайцы; она возбуждаетъ ревнивыя опасенія и крайнія притѣсненія со стороны американцевъ, австралійцевъ и въ особенности представителей англо-саксонской расы, стремящейся овладѣть почвой Востока.

Итакъ, китайская цивилизація сдѣлала азіатца - обитателя Востока, отличительной и преобладающей чертой характера котораго всегда была и есть въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Китая, крайняя лѣнь и апатія, въ такой степени дѣятельнымъ, энергичнымъ и смышленымъ, что онъ становится опаснымъ соперникомъ въ промышленной дѣятельности для наиболѣе выдающихся съ этой стороны современныхъ цивилизованныхъ государствъ—Англіи и Америки. — Китайской промышленности въ будущемъ предсказываютъ

самую блестящую участь. Пріобрѣтая черезъ эмиграцію широкое знакомство съ цивилизованными странами Стараго и Новаго свѣта китайцы до нѣкоторой степени имѣли возможность въ 19-мъ столѣтіи узнавать европейцевъ, ихъ цивилизацію и нравы и у себя дома. Общее число европейцевъ въ Китаѣ за 1866 годъ было около 6,100 человѣкъ.—Его составляли 587 миссіонеровъ (съ сестрами милосердія, монахами, причетниками и проч.), 136 человѣкъ дипломатовъ и консуловъ съ ихъ штатами, 290 человѣкъ чиновниковъ при китайскихъ таможняхъ, 91 человѣкъ инструкторовъ войска, техниковъ и ученыхъ на службѣ Китаю, 630 человѣкъ инженеровъ, докторовъ и другихъ спеціалистовъ не на службѣ Китаю, 2,200 человѣкъ купцовъ съ ихъ приказчиками, 2,250 человѣкъ лицъ разныхъ званій, живущихъ въ Китаѣ временно съ цѣлью наживы: парикмахеровъ, булочниковъ, портныхъ, полицейскихъ сторожей, лоцмановъ, матросовъ, трактирныхъ слугъ, публичныхъ женщинъ и другихъ. Слѣдовательно, самое большое количество этого европейскаго населенія можетъ быть названо чернью, отличавшейся грубымъ и даже буйнымъ поведеніемъ и старавшейся всячески обирать китайцевъ. Русскіе купцы и ихъ приказчики заявили себя въ Китаѣ, главнымъ образомъ, мотовствомъ и развратомъ. Но между европейцами и полезные для китайцевъ люди,—доктора, аптекаря, инженеры, механики и другіе, зарабатывающіе въ Китаѣ хорошія деньги,—были не изъ лучшаго калибра. Доктора безъ дипломовъ, инженеры изъ уволенныхъ отъ службы, механики, не нашедшіе себѣ мѣста въ Европѣ,—вообще, большею частью, въ своемъ родѣ оборыши. Судя по этимъ представителямъ, китайцы не могли составить высокаго понятія о европейской цивилизаціи, въ особенности о нравственныхъ качествахъ европейца. Но такое обстоятельство, вѣроятно, послужило для китайцевъ предостерегающимъ средствомъ отъ увлеченія европейскими пороками, на которые сыны неба стали смотрѣть съ большимъ презрѣніемъ, хотя тѣмъ не менѣе европейцы вносили въ Китай много новыхъ понятій и пробуждали народную любознательность, ослабляя вліяніе на умы китайцевъ многовѣковой конфуціанской рутины. Возстаніе тайпинговъ было, какъ извѣстно, въ значительной степени результатомъ европейскаго вліянія, и, хотя злоупотребленія китайской администраціи, съ которыми боролись тайпинги, совершенно не уничтожались по прекращеніи возстанія,—въ 1865 году Китай остался въ политическомъ смыслѣ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ 1849 году и раньше этого времени: бюрократія плодится и множится больше прежняго, продажа должностей даже усилилась, правительство создало и создаетъ еще новыя и ненужныя должности, чтобы продажею ихъ увеличивать свои финансы, буддійскіе и даоскіе жрецы благоденствуютъ не меньше чиновниковъ, число манчжуръ уменьшилось, но положеніе ихъ не сдѣлалось хуже, Пекинъ и теперь все тотъ же лагерь завоевателей, какимъ онъ былъ

въ 17-мъ вѣкѣ. Но каковы бы ни были результаты возстанія тайпинговъ, событіе это очень многознаменательный фактъ въ исторіи китайскаго государства при многовѣковомъ однообразіи его политической жизни, оно служитъ залогомъ лучшаго будущаго въ томъ направленіи, за которое ратовали тайпинги. Цѣли этого народнаго возстанія, продолжительность времени, въ теченіе котораго оно происходило, широкая форма, въ которой оно выразилось,—все это должно было произвести глубокое впечатлѣніе на воображеніе огромной китайской народной массы, тѣмъ болѣе, что она, приблизительно, имѣетъ общій уровень развитія и даже болѣе высокій, чѣмъ народная масса во многихъ европейскихъ государствахъ. Возбужденное тайпингами въ умахъ китайцевъ скептическое отношеніе къ недостаткамъ правительства и крайнимъ религіознымъ суевѣріямъ, несомнѣнно, должно послужить значительнымъ толчкомъ къ развитію умственной жизни народа и вмѣстѣ съ тѣмъ повести къ постепенному освобожденію отъ стѣсняющей ее многовѣковой конфуціанской рутины. Авторитетъ пользующихся огромнымъ почетомъ въ Китаѣ мандариновъ и китайскихъ религіозныхъ представителей — жрецовъ, которымъ выгодно удалять народъ отъ вліянія новыхъ началъ на его жизнь, вѣроятно, значительно подорвался въ глазахъ народа этимъ событіемъ; китайское правительство получило урокъ, котораго не забудетъ, и, несомнѣнно, послѣ этого должно уже быть насторожѣ, т. е. управлять болѣе въ духѣ народномъ: въ Китаѣ это необходимѣе, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ,—народная масса тамъ развита политически и слишкомъ многочисленна въ сравненіи съ ничтожнымъ количествомъ лицъ, составляющихъ китайскую администрацію, а центральное верховное правительство слабо и зависимо отъ народа. Въ Китай стали съ тѣхъ поръ довольно сильно проникать христіанство, магометанство и различныя западныя ученія, которыя противополагаютъ односторонней конфуціанской мудрости свободу изслѣдованія. Пекинская автократія потеряла свое вліяніе въ глазахъ китайцевъ, даже въ средѣ своекорыстнаго, закоренѣлаго въ своихъ привычкахъ чиновничества появились уже новыя понятія и новые люди,— они сидятъ по таможнямъ среди европейскихъ сотрудниковъ и не берутъ тамъ взятокъ. Люди эти воспитываются въ новыхъ школахъ и мало-по-малу перейдутъ на мѣста генералъ-губернаторовъ и министровъ, гдѣ, несомнѣнно, окажутся полезными для народа дѣятелями. Помощь иностранцевъ при возстаніи тайпинговъ заставила неподвижный пекинскій кабинетъ сдѣлать уступки европеизму: ввести въ Китай нѣкоторые западные обычаи и порядки. Началось съ измѣненія въ ратномъ дѣлѣ,— явилось 35 или 40 тысячъ европейски обученныхъ и вооруженныхъ солдатъ. Съ того же времени завелись въ Китаѣ военные инструкторы-иностранцы, полевая артиллерія, паровые военные суда. Теперь сыны Срединнаго царства работаютъ на верфяхъ, въ морскихъ и артилле-

рійскихъ арсеналахъ, обучаются мореплаванію и кораблестроенію, астрономіи и механикѣ. Въ настоящее время Китай имѣетъ нѣсколько крѣпостей, построенныхъ по правиламъ европейской фортификаціи, имѣетъ броненосцы, крейсера, канонерскія лодки, арсеналы во многихъ мѣстахъ государства и оружейныя мастерскія, военныя академіи въ трехъ городахъ. «Не забудемъ, говоритъ профессоръ Васильевъ, что никакая въ мірѣ держава не имѣетъ такихъ превосходныхъ данныхъ для созданія первой въ свѣтѣ арміи. Въ Китаѣ не къ чему производить насильственные или обязательные наборы: тамъ только бы открылась вакансія — на одну явится нѣсколько охотниковъ. Кромѣ 800,000 арміи, набираемой изъ простыхъ китайцевъ, у правительства есть еще 24 гвардейскихъ корпуса, въ которыхъ числятся всѣ потомки помогавшихъ ему въ завоеваніи маньчжуръ, монголовъ и передавшихся прежде китайцевъ. Къ этимъ корпусамъ принадлежатъ и потомки императорскаго дома, которыхъ теперь насчитываютъ до 100,000 человѣкъ! Къ 1872 году китайская внѣшняя торговля сдѣлала уже большіе успѣхи: общая сумма ея оборотовъ достигла болѣе 300 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 160 приходятся на вывозные товары, такъ-что денежный балансъ обратился въ пользу Китая. Въ это же время и въ слѣдующемъ году китайцы одержали важныя побѣды надъ внутренними врагами (различными народцами), допустили представителей европейскихъ націй явиться къ богдыхану безъ прежнихъ унизительныхъ церемоній, тогда же заключили дружескій союзъ съ Японіей, главными пунктами котораго были намѣренія двухъ договаривающихся государствъ перестать быть закрытыми другъ для друга, оказывать въ случаяхъ опасности взаимную помощь и добрыя услуги, обоюдно доставлять покровительство купцамъ и подданнымъ, не дозволять ни съ той, ни съ другой стороны нарушенія законовъ, допускать посланниковъ въ Пекинъ и Іеддо, переписываться на туземныхъ языкахъ, обоюдно назначать консуловъ для наблюденія за своими портами, отпускать военные корабли для покровительства, не помогать иностранцамъ въ войнѣ другъ противъ друга, не позволять своимъ консуламъ принимать это званіе отъ другихъ державъ, имѣть свои національные флаги, обоюдно допускать свободное обращеніе книгъ, принадлежащихъ той или другой странѣ. Послѣдняя статья этого договора заключаетъ въ себѣ гуманное условіе, не встрѣчающееся даже и въ европейскихъ трактатахъ. Европейская торговля въ Китаѣ перешла въ руки туземцевъ, — они запаслись и достаточнымъ количествомъ пароходовъ. Если до 1873 года у китайцевъ не было ни одного коммерческаго парохода, и грузы перевозились на паровыхъ судахъ, то десять лѣтъ спустя China Merchants Steam Navigation имѣла уже въ своемъ распоряженіи 33 парохода, китайцы забрали въ свои руки сообщеніе со всеми китайскими портами, Японіей и Америкой, не нуждаясь больше въ иностранцахъ, которымъ пришлось прекра-

тить свои дѣйствія, поэтому англичане-пароходовладѣльцы въ Китаѣ получаютъ теперь очень ничтожныя прибыли отъ ихъ операцій. Такимъ образомъ, почти совершенно устранивъ иностранцевъ отъ занятій перевозкою грузовъ между портами Китая, китайцы пошли дальше: новообразовавшійся флотъ ихъ поставилъ своей цѣлью содержать товаро-пассажирское сообщеніе между Европою, Восточной Азіей и Соединенными Штатами. Если для европейскихъ товаровъ находится сбытъ въ Китаѣ, благодаря ихъ дешевизнѣ, вслѣдствіе машиннаго производства, то и китайцы, ясно понимая коренную причину импорта, не желаютъ оставаться въ роли пассивныхъ потребителей и начинаютъ сами вырабатывать то, что привозится къ нимъ, какъ продуктъ заводской и фабричной промышленности европейцевъ. Въ Шанхаѣ и Лань-чжоу (главные города провинціи Гань-су) есть заводы для отливки орудій, въ Шанхаѣ еще находится пороховой и патронный, первые заводы для выдѣлки кожъ; въ Шанхаѣ и Фучжеу есть заводы для постройки и починки паровыхъ судовъ, въ Дагу—для постройки доковъ, въ Лань-чжоу—фабрика суконъ и шерстяныхъ издѣлій, въ окрестностяхъ Шанхая—бумаго-прядильная мануфактура и проч. «Конечно, говоритъ профессоръ Васильевъ, примѣненіе пара въ Китаѣ теперь еще ничтожно. Но нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда фабрикантамъ Манчестера, Бирмингама, Шеффильда, Лидса, Ліона и тому подобныхъ промышленныхъ городовъ придется сократить свои операціи и уступить значительную часть получаемыхъ въ настоящее время выгодъ китайцамъ (вывозъ китайскихъ товаровъ въ 1887 году былъ на 436,600,000 марокъ); у этихъ послѣднихъ въ изобиліи есть и шелкъ, и хлопокъ, и шерсть, и желѣзо, и каменный уголь, есть неустанное трудолюбіе, есть полная готовность учиться всему полезному, есть способность быстро усвоивать суть дѣла, есть, наконецъ, и желаніе, и умѣнье прибирать къ рукамъ все то, изъ чего извлекается выгода. Четыре года тому назадъ внутри Китая не было телеграфовъ, но теперь телеграфная линія занимаетъ въ Китаѣ 8821 километръ. Китайское правительство, конечно, не остановится на первомъ опытѣ и устроитъ телеграфное сообщеніе между всѣми важнѣйшими городами имперіи. Въ январѣ 1883 года оно предложило компаніи китайскихъ купцовъ соединить телеграфомъ Шанхай съ Кантономъ. Если въ Китаѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, продолжаетъ профессоръ Васильевъ (одна уже есть на протяженіи 138 километровъ), то не потому, что считаютъ ихъ безполезными,—проведеніе рельсовыхъ путей рѣшено въ принципѣ китайскимъ правительствомъ, но оно медлитъ осуществленіемъ своей мысли потому, что въ настоящее время не располагаетъ достаточнымъ количествомъ собственныхъ инженеровъ, а отдавать дѣло постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ руки иностранцевъ вовсе не находитъ выгоднымъ и удобнымъ. Не пройдетъ, быть можетъ, и полу-

тора десятка лѣтъ, какъ сѣть рельсовъ покроетъ территорію не только восемнадцати провинцій собственно Китая, но и другихъ частей обширной имперіи. Обучая своихъ солдатъ европейскому военному искусству, заводя у себя фабрики и телеграфы, проектируя желѣзно-дорожныя сообщенія между городами имперіи, китайское правительство въ то же время желаетъ имѣть своихъ собственныхъ стратеговъ, механиковъ и инженеровъ, сознавая, что всѣ эти машины, желѣзныя дороги, свѣтъ и сила электричества и прочія открытія не дѣло случайности, а продуктъ опытныхъ реальныхъ наукъ, оно заботится о томъ, чтобы молодые китайцы, хотя бы на первое время и въ ограниченномъ числѣ, усвоивали тѣ положительныя науки, развитію которыхъ обязаны своимъ могуществомъ Европа и Америка. Въ 1877 году 30 молодыхъ китайцевъ были посланы въ Англію, Францію и Германію для изученія инженернаго искусства. Въ послѣдующіе года подобныя миссіи повторялись и указывался болѣе широкій кругъ предметовъ для изученія. Помимо этого, лѣтъ 12 тому назадъ въ Гартфордѣ, около Нью-Іорка, открылась школа, въ которой 200 человѣкъ китайскихъ юношей отъ 15 до 20-лѣтняго возраста должны были ознакомляться съ европейскими науками. Въ пекинскомъ Тунь-вень-колледжѣ, основанномъ въ 1863 году для приготовленія переводчиковъ съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ, въ настоящее время преподаются также математика, астрономія, физика, химія, анатомія и естественная исторія. Знаменитый синологъ лордъ Эдкинсъ дѣятельно занимается переводами европейскихъ естественно-научныхъ книгъ на китайскій языкъ. При пекинской школѣ издается иллюстрированный журналъ для ознакомленія китайской публики съ Европою. Если количество китайцевъ, знающихъ позитивныя науки, теперь еще ничтожно, то нельзя сомнѣваться, что недалеко то время, когда Китай будетъ имѣть свои реальныя школы, свои университеты, своихъ ученыхъ теоретиковъ и практиковъ. Конфуціанство, которымъ живетъ китайская нація, поощряетъ изученіе матеріальнаго міра, а у самихъ китайцевъ найдется достаточно и ума, и фантазіи, и самой энергической настойчивости, чтобы усвоить европейскій позитивизмъ и способствовать его дальнѣйшему развитію. Если принять во вниманіе, замѣчаетъ профессоръ Васильевъ, что въ 1881 году въ портахъ Китая насчитывалось болѣе 400 европейскихъ и американскихъ торговыхъ домовъ, что въ Шанхаѣ, общій оборотъ внѣшней торговли котораго превосходитъ 400 милліоновъ рублей, въ 1880 году было 2197 иностранцевъ, не считая экипажей военныхъ и другихъ судовъ, и что въ этомъ городѣ находится верхній англійскій судъ для Китая и Японіи, многочисленныя иностранныя консульства и почтовыя управленія, три дока, 6 большихъ банковъ, 18 правленій мѣстныхъ акціонерныхъ обществъ, 13 клубовъ, множество масонскихъ, ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, редакціи 4-хъ га-

зеть съ англійскими названіями, телеграфное агентство, таможня, торговая палата, множество страховыхъ, пароходныхъ и другихъ учрежденій; если принять во вниманіе, что живущій въ Китаѣ европеецъ, будь онъ миллюнеръ, чиновникъ посольства, купецъ или банкиръ, не можетъ сдѣлать ничего безъ посредства и помощи китайцевъ, и что въ каждомъ европейскомъ домѣ существуетъ многочисленный штатъ китайской прислуги; если мы вспомнимъ, наконецъ, что промышленно-торговая колонизація китайцевъ простирается на Уссурійскій край, Канаду, Соединенные Штаты, Мексику, Центральную Америку, Антильскіе острова, Перу, Бразилію, Сандвичевы острова, Австралію, Зондскіе и Филиппинскіе острова, Сингапуръ и Сайганъ и что китайцы-колонисты только временно оставляютъ свою родину,— то мы должны будемъ согласиться, что для китайцевъ, по крайней мѣрѣ, восточныхъ провинцій имперіи въ довольно широкихъ размѣрахъ доступно близкое знакомство съ матеріально-бытовой культурой европейцевъ и американцевъ. Сыны Небесной имперіи, не уменьшая и не увеличивая достоинство этой культуры, склонны усвоивать ее, поскольку она способна разнообразить удобства жизни и примѣнима къ естественнымъ условіямъ ихъ страны. Китаецъ не безъ удовольствія ѣстъ французскія и англійскія кушанья и нерѣдко самъ умѣетъ приготовлять ихъ (въ домахъ европейцевъ готовятъ почти всегда повара-китайцы, лучшая гостинница города Викторіи на Гонконгѣ, содержимая по-европейски, всецѣло находится въ распоряженіи китайцевъ), не безъ удовольствія куритъ манильскія и гаванскія сигары, охотно покупаетъ для себя карманные часы, органчикъ (китайцы-музыканты Ли-фунъ чжона прекрасно знаютъ бальную музыку и умѣютъ играть національные гимны разныхъ народовъ), охотно замѣняетъ ручное шитье машиннымъ, охотно снимается въ фотографіи (число фотографовъ-китайцевъ уже довольно значительно въ Шанхаѣ и другихъ торговыхъ городахъ); европейскіе доктора не возбуждаютъ недовѣрія въ Китаѣ, китаецъ въ случаѣ надобности прибѣгаетъ къ ихъ помощи, прививаетъ себѣ оспу; китайскіе портные умѣютъ шить европейское платье, и китайскіе машинисты ничуть не стѣсняются ходить въ европейскихъ костюмахъ. Китайцы, несомнѣнно, не усвоятъ всѣхъ частностей европейскаго быта,— они слишкомъ практичны, чтобы пренебрегать естественными условіями быта своей родины, и слишкомъ горды своей цивилизаціей, чтобы слѣпо и безъ разбора хвататься за все чужое, но едва ли подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что рано или поздно китайцы позаимствуютъ изъ бытовой культуры европейцевъ все лучшее, все пригоднѣйшее и удобнѣйшее. Можно положительно утверждать, что китаецъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы достигнуть самой высшей точки умственнаго, промышленнаго и вмѣстѣ политическаго прогресса, говоритъ профессоръ Васильевъ; его принципъ глубокаго уваженія къ

къ наукѣ, стремленіе всего народа учиться съ необыкновеннымъ напряженіемъ, не стѣсняясь количествомъ лѣтъ, показываетъ, что тамъ можетъ вырасти нація самая образованная въ свѣтѣ, что она можетъ создать ученыхъ, которые въ состояніи будутъ не только разрабатывать науку сообща съ остальнымъ міромъ, но даже не остановятся на общемъ уровнѣ. Китайская ученость стараго времени, хотя и не удовлетворительна, но она пріучила китайцевъ къ критикѣ, къ глубокой, тщательной разработкѣ предмета. Тысячелѣтнее существованіе націи, устраивавшей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственнымъ соображеніемъ, придумываніемъ, обѣщаетъ, что новѣйшія открытія другихъ народовъ по физическимъ предметамъ найдутъ въ нихъ усердныхъ продолжателей и изобрѣтателей. Китайцы могутъ отличаться и въ артистическомъ, и въ художественномъ отношеніи. Далѣе, нѣтъ ремесла, нѣтъ промысла, нѣтъ ни одной торговой вѣтви, въ которой за китайца можно было бы бояться, что онъ отстанетъ отъ другихъ. И такъ-какъ все это будетъ сдѣлано тщательно и дешево, то міръ можетъ быть заваленъ китайскими товарами. Можетъ дойти дѣло до того, что китаецъ захватитъ всѣ рынки и промыслы всего свѣта! Рука объ руку, или даже идя впереди этого движенія, можетъ возрасти до неимовѣрной степени и политическое могущество Китая. Довольно сначала заселить всѣ находящіяся и теперь уже подъ властію Китая земли, какъ явится обширная имперія съ милліардомъ народа, развитого и дѣятельнаго. Захвативъ богатѣйшіе въ мірѣ острова Восточнаго океана, Китай въ одно и то же время можетъ угрожать Россіи и Индіи, Америкѣ и Западной Европѣ. При силѣ у него достанетъ безсердечія вырѣзать всѣхъ непокорныхъ, хоть весь міръ!» — «Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ желтый человѣкъ крайняго востока, говоритъ Максъ Леклеркъ (въ апрѣльской книжкѣ Revue de deux Mondes за 1889 г.), приводитъ насъ въ ужасъ! Мы долго смѣялись надъ нимъ, но теперь смутно сознаемъ, что пора насмѣшекъ надъ обитателями Китая прошла. Въ Европѣ начинаютъ слегка поговаривать о «китайской опасности», какъ объ одной изъ отдаленныхъ угрозъ, пока настолько затемненной гипотезами, что она не можетъ еще дѣйствовать на нашу жизнь. Однакожъ, калифорнійцы, австралійцы видѣли уже это чудовище лицомъ къ лицу, объявляли ему войну и клялись истребить его!» Баронъ Гюбнеръ, возвратившись изъ продолжительнаго путешествія черезъ Британскую имперію въ 1885 году, напечаталъ свои впечатлѣнія: «Нельзя скрывать, говоритъ онъ, что прогрессъ дѣтей Гана внѣ ихъ государства поразителенъ! Представивъ себѣ въ совокупности всѣ признаки китайской силы, чтобы измѣрить возможность отразить ее, чувствуешь глубоко потрясенной вѣковую безопасность обитателей Стараго свѣта!» Затѣмъ онъ перечисляетъ прекрасныя англо-саксонскія, европейскія колоніи, сталки-

вающіяся съ сынами неба и вступающія съ ними въ борьбу, и, имѣя въ виду оборотъ дѣлъ при этихъ обстоятельствахъ, приходитъ къ очень мрачнымъ взглядамъ на исходъ столкновеній между цивилизаціею бѣлыхъ и сильнымъ распространеніемъ повсюду желтыхъ въ 20-мъ столѣтіи. Въ чемъ же заключается дѣйствительная опасность? Слѣдуетъ ли бояться, какъ это дѣлаютъ австралійцы и американцы, мирнаго вторженія желтыхъ рабочихъ, страшныхъ ихъ количествомъ и незначительностію потребностей? Тамъ или тутъ опасность? «Китай въ настоящее время уже не то, что былъ онъ лѣтъ пять тому назадъ: каждая встрѣча съ европейцами, показывая ему его слабость, открываетъ въ то же время для Китая и его силу, замѣчаетъ маркизъ Твенгъ въ концѣ 1886 года. Китай проснулся, продолжаетъ онъ, слѣдуетъ ли видѣть въ его пробужденіи опасность для Запада? Нѣтъ, отвѣчаетъ маркизъ: китайцы никогда не были задорной, придирчивой націей. Китай не пожираемъ жаждой завоеваній, характеризующей другія націи; китайскій народъ имѣетъ возможность хорошо размѣститься и существовать въ полномъ довольствѣ въ своей странѣ, и потому могутъ успокоиться люди, мучимые страхомъ неизбѣжнаго въ будущемъ человѣческаго наводненія Европы желтой расой. Но въ Китаѣ создалась новая промышленность, которая не замедлитъ достигнуть громадныхъ размѣровъ: мануфактурныя учрежденія, эксплуатація рудниковъ, введеніе желѣзныхъ дорогъ послужатъ новыми источниками богатства,—они дадутъ заработокъ тысячамъ индивидуумовъ, жившихъ до сихъ поръ только земледѣліемъ. Рукодѣльная промышленность послужитъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ, залогомъ, открытымъ для человѣческой энергіи, опасно скопившейся въ слишкомъ населенныхъ провинціяхъ. Старый свѣтъ должны тревожить не напоры волнъ населенія дѣтей Гана, даже не распространяемая Китаемъ за морями колонизація, — если есть въ чемъ-либо опасность, такъ это въ усиливающемся экономическомъ развитіи Срединной имперіи».— «Прошло время пренебрежительнаго отношенія къ китайцамъ, когда сыны неба слыли за варваровъ, говоритъ одинъ замѣчательный китайскій документъ 1887 года; настала великая пора, когда должна существовать новая оцѣнка для обсужденія новыхъ силъ въ государствѣ; единственное средство для достиженія этого состоитъ въ введеніи западной науки и искусствъ». Это донесеніе китайца предлагаетъ въ завѣщанныя исторіей экзаменаціонныя программы конфуціанскаго классическаго образованія ввести испытанія по математикѣ. «Если такіе экзамены 1-й степени, говорится въ немъ, выдвинутъ таланты, способные къ дальнѣйшему ученію, ихъ имена внесутся въ протоколъ и они будутъ допущены въ Пекинъ къ экзамену высшаго разряда изъ слѣдующихъ предметовъ: философіи, математики, механики, тактики, артиллеріи, мореплаванія, электрическаго тока, ме-

ждународнаго права, исторіи». (Вотъ въ какой степени стремятся уже въ Китаѣ пополнять конфуціанское воспитаніе). Этотъ новый проектъ образованія не успѣлъ еще ввестись въ жизнь, какъ уже Тзинь-Ли-Я-менъ возвѣстилъ окончательное уничтоженіе традиціонныхъ предразсудковъ, ограничивающихъ китайское образованіе. Теперь всюду, гдѣ сыны неба входятъ въ соприкосновеніе съ европейцами, они учатся въ новыхъ хорошихъ школахъ, и многіе изъ учениковъ превосходятъ даже своихъ учителей. (Слѣдовательно, предсказаніе профессора Васильева по этому поводу сбывается!) «Удивительная способность китайцевъ къ торговлѣ давно извѣстна; въ настоящее время опытъ показываетъ, что они не менѣе искусны и въ промышленности.—Посѣтители Сингапура, Сеюна, Батавіи, Бонъ-кока, говоритъ г. Ланесонъ, поражаются значеніемъ, которое придали этимъ городамъ китайскіе торговцы и ремесленники, не говоря уже о Гонгъ-конгѣ, гдѣ европейское населеніе, какъ бы утопаетъ въ китайскомъ. Китайцы забрали въ свои руки не только небольшихъ размѣровъ торговлю и промышленность, но и значительную часть самыхъ важныхъ торговыхъ и финансовыхъ дѣлъ. Путешественникъ всюду встрѣтитъ китайскихъ торговцевъ или промышленниковъ готовыхъ удовлетворять его нужды. Во всѣхъ гаваняхъ Китайскаго моря китайскіе банки фигурируютъ, какъ наиболѣе важные, между значительными другими банками. Въ большихъ городахъ крайняго востока конкуренція существуетъ не только между китайскими и европейскими купцами, но и между произведеніями Китая и Европы, при чемъ преимущество часто оказывается на сторонѣ первыхъ». Дешевизна ручной работы въ Китаѣ доходитъ до смѣшного. Въ ремеслахъ, требующихъ ученой подготовки и техническаго знанія, изобиліе обученныхъ мастеровъ такъ велико, что вслѣдствіе конкуренціи заработная плата всегда остается очень низкой. «Работы самой утонченной конструкціи и механизма, продолжаетъ г. Ланесонъ, не менѣе удачно, чѣмъ и другія, болѣе легкія, выполняются смышлеными и дѣятельными китайскими рабочими. Ихъ можно встрѣтить въ большихъ каменотесныхъ, столярныхъ, плотничьихъ мастерскихъ, въ слесарныхъ такъ же, какъ и оружейныхъ мастерскихъ. Китайскіе рабочіе завладѣли самыми утонченными и самыми новыми орудіями. Когда между этими хорошо обученными мастерами окажутся выдающіеся на отборъ, которые, появившись въ Китаѣ, вкоренятъ тамъ всѣ роды промышленности, извлекая выгоду изъ поразительной силы приспособленія расы, дешевизны ручной работы, неистощимой предусмотрительности людей, разнообразныхъ матеріаловъ всѣхъ сортовъ, которые въ неизмѣримомъ количествѣ заключаетъ въ себѣ обширная Небесная имперія, тогда китайцы въ состояніи будутъ перенести въ Европу ту ужасную конкуренцію, которая существуетъ уже теперь на рынкахъ крайняго востока. И время это, быть можетъ, недалеко отъ насъ. Ловкіе китайскіе купцы, вла-

дѣющіе уже огромными капиталами, значительнымъ торговымъ флотомъ, съумѣютъ найти сбытъ для произведеній китайской промышленности. Хотя для насъ и нѣтъ поводовъ ожидать возможности видѣть когда-либо желтое населепіе наполняющимъ наши улицы, но можно разсчитывать, что продукты желтой расы обременятъ полки нашихъ большихъ магазиновъ.—Китай принялся строить рельсовые пути: по многимъ линіямъ уже есть движеніе на сѣверѣ, двѣ линіи открываются между островами Формозой, Тянь-тзиномъ и Тукао. Можно надѣяться, что рельсовые пути распространятся такъ же быстро, какъ и телеграфы. Въ 1880 году не было ни одного метра телеграфной нити на всей поверхности имперіи, — теперь Пекинъ соединенъ съ Шанхаемъ, Тянь-тзиномъ, Кантономъ, Владивостокомъ и со всѣми главными городами провинцій, онъ связанъ даже съ Европой подземной проволокой, благодаря соединенію, образовавшемуся въ Гонъ-тженгѣ на русско-китайской границѣ, подлѣ Посьета. Туземная пресса въ Китаѣ постоянно увеличивается въ размѣрахъ: въ ней появляются уже новыя для страны идеи объ образованіи, объ умѣньи управлять общественнымъ мнѣніемъ, поддерживать патріотическія чувства; появляются также энциклопедіи, словари, переведенные или скомплектованные по анологичнымъ произведеніямъ Запада и заключающіе въ себѣ множество техническихъ подробностей, они опубликовываются и продаются по самымъ низкимъ цѣнамъ. Китай пробудился: его отношенія къ иностраннымъ государствамъ указываютъ на вліятельную силу. Онъ сознаетъ уже свое значеніе, отдаетъ себѣ отчетъ въ этомъ и готовится выполнить свою роль. Его дипломатія измѣнила направленіе. — Китай вышелъ изъ состоянія неподвижнаго равнодушія и начинаетъ интересоваться тѣмъ, что дѣлается въ свѣтѣ: онъ знаетъ Европу, ея оборотную сторону, разъединяющіе интересы различныхъ націй, и пользуется ихъ соперничествомъ, хочетъ стоять на равной ногѣ. Китай возстаетъ противъ дурного обращенія, опредѣляемаго для его подданныхъ, противъ исключительныхъ мѣръ, относящихся къ нимъ. Онъ хочетъ имѣть у иностранцевъ своихъ консуловъ, и уже во многихъ мѣстахъ этого удалось достичь китайцамъ. Китайскіе дипломаты, посылаемые за границу, выбираются изъ молодыхъ мандариновъ, которыхъ находятъ нужнымъ обучать западнымъ языкамъ и наукамъ. По этому поводу Джингъ-ли-яменъ открыто объявилъ въ поименованномъ выше документѣ, что Китаю не нужно больше одностороннихъ конфуціанскихъ ученыхъ, пустыхъ болтуновъ, для представительства за предѣлами его государства!» Китай рѣшился заставить уважать себя другія націи: его дипломатія—заботиться объ этомъ, опираясь на солидную армію и сильный флотъ. Въ настоящее время китайская сѣверная эскадра, которая сдѣлала въ прошлое лѣто важные морскіе маневры по сосѣдству съ гаванью Артуромъ, сравнялась съ британскимъ флотомъ въ Китайскомъ морѣ, если не превзошла его

въ продуктахъ и вооруженіи. Эта эскадра заключала въ себѣ между другими крейсерами Armstrong te Ching-yuen и Chi-yuen, построенные въ 1887 году и отличающіеся необыкновенной скоростію движенія. Въ Китайскомъ морѣ нѣтъ ни одного англійскаго крейсера, который могъ бы за ними поспѣть. Морское китайское правительство предприняло постройку цѣлаго ряда торпедъ въ адмиралтействѣ. «Флотъ de Si-Hung-Chang не заслуживаетъ насмѣшекъ, сказалъ недавно одинъ англичанинъ, хорошо его осмотрѣвшій: искусно управляемый, съ исправнымъ экипажемъ, онъ будетъ для нашего восточнаго флота опаснымъ врагомъ во время атаки. Кромѣ него, въ Китаѣ есть еще два флота,—когда всѣ три они соединятся вмѣстѣ въ одномъ направленіи и подъ однимъ контролемъ, то составятъ очень внушительную силу». Гунъ-Тангъ также работаетъ надъ переустройствомъ арміи. «Итакъ, говоритъ Максъ Леклеркъ въ заключеніе своей статьи, если мы и не считаемъ нужнымъ раздѣлять шумливый страхъ австралійцевъ, если отказываемся отъ предсказанія объ исчезновеніи бѣлой расы подъ неизмѣримымъ желтымъ покровомъ, тѣмъ не менѣе извѣстно, что противукитайская агитація, распространяющаяся, какъ зараза, изъ Калифорніи къ Сандвичевымъ островамъ, оттуда въ Австралію, изъ Австраліи на Филиппинскіе острова, есть только симптомъ едва начавшейся борьбы. Она называется борьбой расъ, но сдѣлается, главнымъ образомъ, борьбой экономической, орудіями, употребляемыми въ ней, будутъ промышленная дѣятельность и торговая ловкость.—Быть можетъ, намъ придется увидѣть наши рынки опустѣвшими, нашихъ рабочихъ принужденными голодать, тогда мы прибѣгнемъ къ необходимымъ средствамъ, которыя предпишетъ намъ затруднительное положеніе: открывъ Китай съ помощью пушекъ во имя цивилизаціи, мы дойдемъ до того, что воздвигнемъ противъ вторженія продуктовъ крайняго востока нашу китайскую стѣну, изобрѣтемъ законы противъ сыновъ Гана, закроемъ для нихъ наши гавани, впадемъ въ варварство, изъ котораго разсчитывали извлечь китайцевъ,—варвары тогда будутъ отомщены!»

Вотъ, къ какимъ предположеніямъ приводитъ современное состояніе Китая насчетъ его будущности! И это послѣ того, какъ китайскій народъ перенесъ столько страшно-невыгодныхъ для него внѣшнихъ войнъ въ теченіе 18-го столѣтія, нѣсколько ожесточенныхъ внутреннихъ возстаній инородцевъ, соединенныхъ съ погромами и разореніемъ, не далѣе, какъ съ небольшимъ 25 лѣтъ тому назадъ, опустошившую страну цѣлую междоусобную войну съ тайпингами, огромныя денежныя траты и потери, сильную эксплоатацію Китая европейцами, распространеніе употребленія губительнаго опія среди народа, уменьшеніе на 31 милліонъ количества китайскаго народонаселенія!—Какъ не сказать послѣ этого, что китайцы необыкновенно живучая, крѣпкая, трудолюбивая, энергичная нація! Хотя приведенные здѣсь отзывы о

будущности китайскаго народа, быть можетъ, отчасти и преувеличены, но въ нихъ, несомнѣнно, есть значительная доля истины.—Главный залогъ и основу силы и матерьяльнаго благосостоянія китайцевъ, при которомъ они могутъ разсчитывать на будущее, еще несравненно болѣе блестящее, чѣмъ настоящее ихъ положеніе, составляетъ распространеніе въ многомилліонной народной китайской массѣ принципа конфуціанской морали, бывшаго строгой нравственной дисциплиной для сыновъ неба въ теченіе вѣковъ, сохранившаго китайскій народъ до настоящаго времени и пріучившаго его къ труду и самоуправленію; вслѣдствіе этихъ-то качествъ соціальный бытъ и матерьяльное благосостояніе 400-милліонной націи и достигли такого необыкновенно цвѣтущаго состоянія, быстро увеличившагося еще въ послѣднее время вліяніемъ европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи китайцы могутъ служить поучительнымъ образцомъ для подражанія всѣмъ народамъ въ мірѣ, несмотря на многовѣковую односторонность ихъ цивилизаціи! — Сынамъ неба многому приходится учиться у европейцевъ, но, въ свою очередь, есть чему поучить и другихъ!—Наиболѣе цвѣтущая сторона китайской цивилизаціи составляетъ очень важный элементъ, даже основу жизни у каждаго народа, но она, кажется, самое больное мѣсто въ организаціи, большей части, современныхъ европейскихъ государствъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, послѣ слишкомъ 2000-лѣтней исторической жизни китайской націи прогрессъ цивилизаціи этого народа до сношеній съ европейцами оставался одностороннимъ. — Въ состояніи застоя и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ регресса была вся область идеальной культуры: прогрессивное движеніе китайскаго языка началось только недавно, религіозныя понятія народа понизились сравнительно съ тѣмъ, какими они были въ древнемъ Китаѣ, самая форма государственнаго устройства уподобляется до сихъ поръ родовому быту, слѣдовательно, отличается первобытнымъ характеромъ, многія функціи развитой государственной жизни вовсе еще не существуютъ въ Китаѣ; литература въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть область изящной литературы, только теперь начинаетъ развиваться, вмѣсто дѣйствительной науки въ Срединномъ царствѣ долго былъ почти одинъ научный матерьялъ, изящное искусство находилось въ грубомъ неразвитомъ состояніи, понизился даже въ сравненіи съ древностью идеалъ китайской народной этики. — Но вмѣстѣ съ быстрымъ возрастаніемъ воспитаннаго конфуціанствомъ населенія улучшилось его матерьяльное благосостояніе, народъ подъ вліяніемъ традицій культа предковъ и родового быта привыкъ къ самоуправленію,

соціальный бытъ его организовался на основѣ справедливости, результатомъ внушеннаго конфуціанскимъ ученіемъ энергичнаго труда явилось въ Китаѣ цвѣтущее состояніе земледѣлія, промышленности и торговли, достигъ высокого благосостоянія экономическій бытъ народа. — Слѣдовательно, окончательный выводъ, къ какому можно придти по поводу китайской цивилизаціи, о значеніи которой такъ много спорятъ теперь, заключается въ томъ, что многовѣковая конфуціанская рутина, имѣющая нравственный принципъ въ основѣ своей, лишивъ народъ нормальнаго историческаго развитія, задержала прогрессъ его идеальной культуры; но она же, благодѣтельно отразившись на національномъ характерѣ, сильно способствовала прогрессу народной жизни въ области его матерьяльной культуры, доставившему народу высокую степень благосостоянія. Въ настоящее время 400,000-милліонному дисциплинированному въ теченіе многихъ вѣковъ конфуціанской моралью, одиноко развившемуся китайскому народу, который собственными средствами достигъ огромнаго прогресса въ средѣ его матерьяльной жизни и выработалъ хорошую основу соціальнаго быта, представляется возможность воспользоваться плодами высокой и многосторонней европейской культуры. При такихъ обстоятельствахъ китайцы, разумѣется, быть можетъ, достигнутъ впослѣдствіи могучаго, широкаго и, вѣроятно, своеобразнаго прогресса націи! Но не слѣдуетъ забывать, что идеальная сторона китайской цивилизаціи въ теченіе необыкновенно продолжительнаго времени находилась въ застоѣ. — Слѣдовательно, китайское государство представляетъ въ высшей степени поучительный образецъ огромной пользы вліянія нравственнаго авторитета на жизнь народной массы, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и предѣлы необходимаго ограниченія сильнаго авторитета для сохраненія нормальнаго историческаго хода цивилизаціи народа.

Анна Столповская.

КОНЕЦЪ.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. В. С. Соловьева «Китай и Европа».

Только-что окончивъ продолжительный трудъ по исторіи культуры китайскаго народа и получивъ, вслѣдствіе того, возможность всесторонне познакомиться съ ней, я не могу удержаться отъ возраженій на нѣкоторыя замѣчанія В. С. Соловьева объ этомъ народѣ, высказанныя имъ въ статьѣ «Китай и Европа», помѣщенной въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» за 1890 годъ, и сдѣлать это даже считаю своей обязанностью.

Прежде всего приходится замѣтить, что статья г. В. С. Соловьева по нѣсколькимъ вопросамъ страдаетъ, вообще, отсутствіемъ пріемовъ исторической критики и написана, какъ кажется, съ тенденціозной цѣлью—предубѣдить противъ увлеченія китаизмомъ.

Оба эти обстоятельства, несомнѣнно, должны были дурно отразиться на ней.

Вначалѣ авторъ говоритъ о сильномъ впечатлѣніи, которое произвела на него въ одномъ парижскомъ обществѣ многозначительная рѣчь китайца, свободно, съ настоящимъ парижскимъ акцентомъ, говорившаго на французскомъ языкѣ, и негодуетъ на легкомысленное отношеніе къ ней окружающихъ, сравнивая его «съ такимъ же легкомысленнымъ восторгомъ іудеевъ маккавейской эпохи, когда они впервые привѣтствовали римлянъ». «Есть, однако, и въ Европѣ умные и знающіе люди, которые смотрятъ со вниманіемъ и опасеніемъ на грозную тучу, надвигающуюся съ дальняго востока», замѣчаетъ по этому поводу В. С. Соловьевъ и цитируетъ мнѣніе Альберта Ревиля, говорящаго, что въ настоящее время существуютъ только двѣ цивилизаціи—наша и китайская со своими тремя или четырьмя стами милліоновъ представителей, чрезвычайно жизненная, совершенно бодрая и своимъ расширеніемъ способная возбудить наши опасенія. Дальше Ревиль прибавляетъ, что европейская цивилизація можетъ распространиться всюду, кромѣ Китая; что для Европы въ особенности опасно предстоящее развитіе государственнаго и военнаго могущества Срединной имперіи, вслѣдствіе усвоенія китайцами всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій европейской техники, которое, долго задерживаясь консервативнымъ духомъ націи, становится теперь обязательнымъ. Вслѣдъ

за цитатами мнѣній Ревиля В. С. Соловьевъ самъ, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе о несомнѣнности того факта, что при первомъ весьма неполномъ и несовершенномъ введеніи европейскаго орудія въ китайскую армію она становится способною мѣриться съ европейцами, указывая на существующую уже значительность китайскаго флота. «Съ христіанской точки зрѣнія намъ непозволительно видѣть въ какомъ бы то ни было народѣ—слѣдовательно, и въ китайцахъ—враговъ, противъ которыхъ нужно употреблять лишь средства насилія, говоритъ дальше В. С. Соловьевъ. Наши антипатіи и опасенія можетъ возбуждать не самъ китайскій народъ съ его своеобразнымъ характеромъ, а только то, что разобщаетъ этотъ народъ съ прочимъ человѣчествомъ, что дѣлаетъ его жизненный строй исключительнымъ и въ этой исключительности ложнымъ. Внѣшняя побѣда европейской культуры надъ Китаемъ можетъ быть прочною и желательною лишь подъ условіемъ внутренняго преодолѣнія китайщины, т.-е. того историческаго начала, на которомъ основанъ ограниченный и исключительный строй китайской жизни. А для такого внутренняго преодолѣнія прежде всего необходимо знать Китай не въ однѣхъ только подробностяхъ его историческаго прошлаго и его современнаго быта, а въ той вѣковѣчной нравственно-соціальной основѣ, которая составляетъ и его силу и его ограниченность». Потомъ В. С. Соловьевъ заявляетъ: «Задача моя состоитъ не въ описаніи того, какъ жили и живутъ китайцы, а въ объясненіи того, чѣмъ и во что они живутъ, т.-е. однимъ словомъ въ объясненіи китайскаго идеала».

Понятіе о народномъ идеалѣ не тождественно съ принципами жизни народа, слѣдовательно, г. В. С. Соловьевъ хочетъ говорить и о первомъ и о вторыхъ и ищетъ ихъ, по преимуществу, въ ученіи философа Лаоцзы и культѣ прошедшаго. . .

Невольно вспоминаешь при этомъ ту старую истину, что взятые отдѣльно факты изъ исторіи и жизни народа, гдѣ они составляютъ необходимыя части органическаго цѣлаго, не могутъ быть вѣрно поняты безъ связи съ произведшей ихъ средой и съ предшествующими и послѣдующими событіями.

Разбирая ученіе Лаоцзы, г. В. С. Соловьевъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Абсолютная пустота, или безразличіе, какъ умозрительный принципъ и отрицаніе жизни, знанія, прогресса, какъ необходимый практическій выводъ—вотъ сущность китаизма, возведеннаго въ исключительную и послѣдовательную систему. Отдавая всѣ права одному прошедшему, онъ заключаетъ въ себѣ принципіальное отрицаніе настоящаго и будущаго въ человѣчествѣ». — И это говорится о самомъ дѣятельномъ, поражающимъ своей энергіей народѣ, отличающимся еще притомъ замѣчательной житейской практичностью!

Усматривая въ ученіи Лаоцзы апатичное стремленіе къ бездѣйствію, г. В. С. Соловьевъ цитируетъ, между прочимъ, слѣдующія

его слова: «Состояніе мыслящаго и познающаго ума есть прямая противоположность состоянію тао или дао (путь). Тотъ, кто знаетъ тао, не можетъ быть ученымъ, а кто ученъ, тотъ не знаетъ тао.—Если человѣкъ избавится отъ свѣта ума, то онъ можетъ стать свободнымъ отъ всякой немощи. Откажись отъ ученья и избавишься отъ печали. «Вражда противъ разума и науки свойственна многимъ мыслителямъ-мистикамъ, говоритъ по поводу этихъ словъ китайскаго философа г. В. С. Соловьевъ, но у Лаоцзы, какъ настоящаго китайца обскурантизмъ имѣетъ своеобразный характеръ и особенное значеніе. Предаваясь самымъ крайнимъ отвлеченностямъ, онъ все-таки чувствуетъ себя членомъ «ста семействъ» и не перестаетъ думать о практическомъ интересѣ своего народа. Отрицая разумъ и науку, онъ имѣетъ въ виду не только погруженіе личнаго духа въ абсолютное безразличіе тао,—нѣтъ, онъ рекомендуетъ всему народу простое невѣжество, какъ истинный соціальный идеалъ. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что просвѣщеніе приноситъ только вредъ людямъ и что хорошее управленіе царствомъ должно основываться, исключительно, на народномъ невѣжествѣ: Мудрый и святой человѣкъ постоянно всячески заботится о томъ, чтобы сдѣлать народъ вполнѣ невѣжественнымъ и лишеннымъ желаній. Онъ старается, чтобы люди знающіе не смѣли дѣйствовать, онъ ко всему прилагаетъ бездѣйствіе, и тогда все управляется самымъ лучшимъ образомъ. Если вы, обращается Лаоцзы къ государственнымъ людямъ, откажетесь отъ мудрости и бросите благоразуміе, то народъ станетъ во сто разъ счастливѣе; если вы откажетесь отъ человѣколюбія и бросите справедливость, то народъ вернется къ сыновнему благочестію и къ родительской любви; если вы откажетесь отъ умѣнья и бросите пріобрѣтенія, въ народѣ исчезнутъ воры и разбойники. Еслибъ я управлялъ народомъ, то заставилъ бы его вернуться къ употребленію тесемокъ съ узлами. Еслибъ мой народъ жилъ такъ близко отъ другого народа, что между ними былъ бы слышенъ крикъ пѣтуховъ и собачій лай, все-таки ни одинъ человѣкъ изъ моего народа не захотѣлъ бы перейти границу и побывать у сосѣдей».

Неужели, усматривая въ философіи Лаоцзы сущность китаизма и приводя всѣ его крайнія мнѣнія, не стоило всесторонне обдумать вопросъ происхожденія этихъ мнѣній и обратить вниманіе на среду, окружавшую китайскаго философа, которая въ сильнѣйшей степени способствовала ихъ появленію?

Лаоцзы, родившійся въ 604 году до Р. Х., жилъ, можно сказать, въ эпоху броженія въ Китаѣ, когда еще вовсе не опредѣлились и даже не выяснялись основные самые существенные принципы исторической жизни китайскаго народа, который уже начиналъ перерастать въ то время состояніе родового быта. Тогда не только не почитали безусловно старины, но даже стали забывать наиболѣе важныя ея

стороны: оставлялись въ пренебреженіи благотворно дѣйствовавшіе на нравственность народа, строгіе религіозные обычаи сильно развитаго въ Китаѣ культа предковъ, бывшаго прежде регуляторомъ всей народной жизни. Государство еще не было объединено подъ одною властью: оно раздѣлялось на удѣлы, между которыми велась почти постоянная внутренняя война, повергавшая народъ въ страшныя бѣдствія; большая свобода личности при удѣльной системѣ и безурядицы отъ непрерывной войны производили крайнюю распущенность нравовъ. Но вслѣдствіе той же большой личной свободы время это было и блестящей порой наиболѣе сильнаго движенія китайской мысли: развитія политическихъ идеаловъ, знаній, самой философіи Лаоцзы и введенія разнообразныхъ новыхъ началъ въ жизнь народа, которыя въ смутныя эпохи нерѣдко кажутся и сильнымъ умамъ главнымъ источникомъ существующихъ бѣдствій. Тѣмъ болѣе это могло произойти въ Китаѣ, гдѣ строгія патріархальные и религіозные обычаи управляли до того времени жизнью народа. Вотъ откуда, вѣроятно, идетъ, по преимуществу, крайній обскурантизмъ Лаоцзы и его болѣзненно-апатичное отношеніе къ дѣйствительности, свойственное отчасти обитателямъ востока вообще.

Какъ извѣстно, философъ либеральнѣйшей европейской націи, Жанъ-Жакъ-Руссо не въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Х., а спустя 18 столѣтій послѣ него, возмущенный современной ему дѣйствительностью, проповѣдовалъ въ передовой странѣ Европы—Франціи возвращеніе людей къ простотѣ первобытныхъ нравовъ и быта, видя источникъ всѣхъ золъ въ цивилизаціи; однако въ этихъ его крайнихъ мнѣніяхъ никто не ищетъ основныхъ принциповъ французскаго народа.

Лаоцзы, вообще, оказалъ сравнительно съ Конфуціемъ, можно сказать, ничтожное вліяніе на китайскую народную массу. Изъ его ученія народъ не только не извлекъ основныхъ принциповъ для своей жизни, но даже, совершенно естественно, не понялъ сущности философіи даосизма, которая въ наступившую затѣмъ конфуціанскую пору не могла достигнуть дальнѣйшаго развитія въ Китаѣ и пустить глубокихъ корней тамъ. Лучшія идеи Лаоцзы, уже въ извращенномъ видѣ распространились въ народѣ: аскетическій идеалъ этого философа принялъ самую матеріальную форму,—во имя его стали стремиться не къ самоуничтоженію, а, напротивъ, искали жизненнаго элексира—напитка, дающаго безсмертіе и, слѣдовательно, вѣчную земную жизнь съ ея наслажденіями. Мистическое ученіе Лаоцзы, искаженное, такимъ образомъ, матеріализмомъ, было украшено впослѣдствіи многочисленными легендами на тему вѣчнаго земного безсмертія, подверглось отчасти вліянію проникшаго съ конца 4-го вѣка нашей эры въ Китай буддизма и приняло форму грубой религіи даосизма, удовлетворяющей только суевѣрной фантазіи народа и его любви къ чудесному. По словамъ нашего извѣстнаго синолога профессора Ва-

сильева, написавшаго специальное сочинение по религии Китая, даосизмъ сталъ впослѣдствiи разнороднымъ составомъ всякаго рода вѣрованiй и приемовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ одного только имени стараго учителя Лаоцзы. Философъ этотъ, жившiй въ доконфуцiанскую пору, былъ слишкомъ возвышенъ для понимания народной массы и далекъ отъ нея по своимъ отвлеченнымъ воззрѣнiямъ, поэтому не у него слѣдуетъ искать основныхъ принциповъ всей китайской народной жизни: они всецѣло были выработаны на основѣ древнихъ религiозныхъ понятiй культа предковъ практическимъ философомъ Конфуцiемъ и его школой, совершенно противоположной по своему здравому направленiю аскетической философiи Лаоцзы и его обскурантизму,—конфуцiанцы, довысивши уровень народнаго образованiя распространенiемъ школъ въ китайскомъ государствѣ, предложили китайцу непрерывный трудъ вмѣсто идеала бездѣйствiя и непрерывное стремленiе къ самоусовершенствованiю въ конфуцiанскомъ духѣ вмѣсто идеала невѣжества, на которые указываетъ г. В. С. Соловьевъ въ ученiи Лаоцзы.

Почитанiе старины, всегда естественно соединяющееся съ родовымъ бытомъ народа и культомъ предковъ, было, какъ уже сказано, сильно подорвано въ Китаѣ въ доконфуцiанскую пору быстрымъ развитiемъ историческаго процесса народной жизни. Но оно реставрировалось и получило своеобразный характеръ, благодаря усилiямъ консервативнаго философа Конфуцiя и его школы. Успѣху этого обстоятельства, вѣроятно, значительно способствовали особенности китайской патрiархальной древней жизни, въ которой было много хорошихъ сторонъ, но, главнымъ образомъ, царилъ и, можно сказать, управлялъ всѣмъ бытомъ народа развитой сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, культъ предковъ съ его многочисленными торжественными религiозными обрядами и обычаями, такъ глубоко всегда и вездѣ дѣйствующими на воображенiе народной массы. Съ поклоненiемъ предкамъ соединялись въ Китаѣ воспоминанiя о серьезныхъ религiозныхъ чувствахъ и теплыхъ семейныхъ отношенiяхъ; строгое соблюденiе обрядовъ и обычаевъ этого культа повышало уровень нравственности народа. Въ доконфуцiанской же старинѣ происходило и болѣе сильное движенiе китайской мысли, болѣе всестороннее развитiе китайской цивилизацiи, появлялось большее количество образцовыхъ личностей, заслуживающихъ подражанiя.—Какъ было не проникнуться уваженiемъ и преданностью къ такой старинѣ и не пожелать возвратить этотъ бытъ въ бѣдственное хаотическое время переходной поры китайской жизни, когда при непрерывной почти внутренней войнѣ со всѣми ея послѣдствiями происходила борьба старыхъ и новыхъ началъ, люди, утрачивая благодѣтельныя старыя нормы жизни, не изобрѣли еще на мѣсто ихъ никакихъ новыхъ и находились, какъ бы въ недоумѣнiи, ударяясь въ различныя крайности: аскетизма, эпикуреизма и проч.

и позволяя себѣ всевозможныя излишества. Такое направленіе, естественно, должно было привести въ Китаѣ къ реакціи въ лицѣ консервативнаго реформатора Конфуція, который, хорошо понимая всю практическую цѣну превосходно дѣйствовавшихъ на нравственность народа обычаевъ культа предковъ, постарался возстановить ихъ въ народной жизни и подъ формой этой дорогой и привычной народу древней основы его быта ввести многія полезныя новыя начала въ Китаѣ. Приводя для исправленія народной нравственности образцы древней добродѣтели, и помогая правительству въ объединеніи Китая, конфуціанская школа вырабатывала идеалъ практической житейской мудрости, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже вполнѣ противоположный безкорыстному поведенію проникнутаго глубокой религіозностью древняго китайца и довольно гуманныхъ соціальныхъ отношеній, исходной точкой для которыхъ послужила сильно развитая, вытекавшая изъ культа предковъ, идея сыновняго благочестія; изъ нея образовался цѣлый кодексъ правилъ для поведенія человѣка почти во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ его жизни, не исключая и положенія верховнаго правителя народа—богдыхана. Конфуціанское ученіе, благодаря усиліямъ представителей конфуціанства, длившимся въ теченіе вѣковъ, проникло всецѣло китайскую народную массу и охватило всѣ сферы народной жизни. Эти-то этическія понятія конфуціанской школы и составляютъ основные принципы китайской жизни, ту дорогую старину, за которую народъ недаромъ держится цѣлые вѣка, потому что вознагражденъ за то очень продолжительнымъ существованіемъ, хорошимъ строемъ соціальнаго быта и цвѣтущимъ состояніемъ матеріальной жизни. Но вовсе несправедливо приписывать китайцамъ безусловное почитаніе всего стараго ради одного только этого обстоятельства. Самъ г. В. С. Соловьевъ указываетъ на давно уже существующее въ Китаѣ введеніе новыхъ религій — даосизма и буддизма; еще лучшимъ опроверженіемъ тому служитъ сильное развитіе матеріальной культуры Срединнаго царства и въ особенности современное состояніе этой страны, гдѣ вводится масса разнообразныхъ улучшеній не только въ бытѣ народа, но и въ области его идеальной культуры. Важнѣе всего то обстоятельство, что даже старый идеалъ, исключительно, конфуціанскаго образованія теряетъ свой авторитетъ въ Китаѣ: его замѣняетъ введеніе настоящей европейской науки въ школахъ, изученіе иностранныхъ языковъ и т. п. Китайцы, какъ говорятъ очевидцы, проявляютъ при этомъ необыкновенную энергію и способности: конфуціанство научило ихъ уважать науку вообще.

Идеалъ китайской конфуціанской морали, несомнѣнно, какъ это и усиленно старается доказать г. В. С. Соловьевъ, ниже европейскаго, основаннаго на христіанствѣ этическаго идеала, потому что въ немъ нѣтъ космополитической любви къ ближнему и проповѣдуемаго хри-

стіанствомъ аскетизма. Китайцу, напротивъ, его государственная религія представляетъ и загробное благополучіе въ видѣ матеріальнаго земного довольства и вслѣдствіе этого завѣщаетъ стремленіе къ честному умноженію имущества, безъ котораго невозможно ни земное, ни загробное благополучіи китайской семьи (а о ней, вѣдь, прежде всего обязанъ заботиться китаецъ), вслѣдствіе многочисленныхъ издержекъ на похоронные обряды и постоянныя жертвоприношенія, при которыхъ отдается большое преимущество предметамъ, составляющимъ плоды собственноручной дѣятельности потомка жертвоприносителя, слѣдовательно, той же религіей требуется и обязательный трудъ отъ человѣка.

Сильно развитая идея сыновняго благочестія, которая необходимо должна выражаться всѣмъ поведеніемъ китайскаго гражданина не только по отношенію къ его семьѣ, но и къ обществу, фиктивно составляющему одну китайскую семью и къ изображающему какъ бы семейный бытъ цѣлаго народа государству, вызываетъ гуманныя дружелюбныя чувства между китайцами. «Кто любитъ родителей, не посмѣетъ ненавидѣть людей!» говорили конфуціанцы, и практическимъ подтвержденіемъ справедливости этого предположенія служитъ соціальный бытъ въ Китаѣ.

Какова бы ни была этика китайцевъ, но она проникла въ сознаніе этого многочисленнаго народа несравненно глубже, отразилась на національномъ характерѣ сильнѣе и распространена въ Китаѣ несравненно шире, чѣмъ въ народной жизни какого бы то ни было государства Европы высокій идеалъ христіанской морали. Въ этомъ-то и заключается, главнымъ образомъ, вся сила и значеніе китайцевъ.

По поводу китайской этики не лишнимъ будетъ замѣтить, что г. В. С. Соловьевъ, цитируя безъ всякихъ комментаріевъ одно изреченіе древняго китайскаго философа Конфуція, даетъ русской публикѣ ложное о ней понятіе, такъ какъ, не зная въ чемъ дѣло, приходится судить при этомъ съ точки зрѣнія христіанской морали. Въ апрѣльской книжкѣ, на страницѣ 205, онъ говоритъ, что по ученію Конфуція рисковать своей жизнью для спасенія ближняго безуміе. Цайнго сдѣлалъ такой вопросъ: «Если мужъ, исполненный добродѣтели человѣколюбія, услышитъ, что кто-то упалъ въ колодезь, проявитъ ли онъ добродѣтель человѣколюбія, если бросится спасать утопающаго?» Мудрецъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ станетъ онъ такъ дѣйствовать? Въ такомъ случаѣ мужъ превосходный долженъ удалиться, онъ не долженъ бросаться за утопающимъ, ему не слѣдуетъ ошибаться относительно объема нравственнаго долга, который вовсе не обязываетъ его терять жизнь, что было бы противно началамъ разума». Эти слова Конфуція, конечно, могутъ показаться крайнимъ эгоизмомъ; но какъ могъ китайскій консервативный реформаторъ, заботящійся больше всего о сохраненіи, по его мнѣнію, необыкновенно полезной для китайской

практической жизни древней основы народнаго быта — культа предковъ, по которому главное предназначеніе человѣка заключается въ выполненіи долга къ его родителямъ и предкамъ, посовѣтовать кому-либо самовольно распорядиться своей жизнью, хотя бы и для спасенія ближняго, и тѣмъ лишить своихъ родителей земного благоденствія и загробнаго спокойствія и блаженства: такой субъектъ становится въ Китаѣ не героемъ по-нашему, а преступникомъ. Конфуціанская школа отнесла впослѣдствіи подобные факты къ разряду очень большихъ преступленій со стороны дѣтей противъ родителей. Вотъ что говорится по этому поводу въ «Сяоцзинѣ», приписываемой Конфуцію книгѣ о сыновнемъ благочестіи: «Тѣломъ нашимъ до самыхъ волосъ и кожи мы обязаны родителямъ, сохранять свое тѣло и не портить его—это первое требованіе сыновняго благочестія!» По ученію этой школы сынъ при жизни родителей не можетъ жертвовать собою даже для друга; онъ не имѣетъ права взлѣзать на высоты или приближаться къ пропастямъ, чтобы не потерять своей жизни, нужной для служенія родителямъ; поступивъ противоположно, сынъ покроетъ родителей стыдомъ.

Слѣдовательно, въ приведенныхъ г. В. С. Соловьевымъ словахъ Конфуція выражается проповѣдь не эгоизма, а нравственнаго и даже религіознаго китайскаго долга.

Взгляды г. В. С. Соловьева на второстепенные вопросы его статьи также возбуждаютъ возраженія. Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русское Обозрѣніе» на страницѣ 765 онъ говоритъ: «Даръ земного благополучія и долголѣтія, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ фактически въ пользу китайскаго жизненнаго принципа». (Счастливые китайцы, какимъ это путемъ ухитрились они получить съ небесъ даръ земного благополучія, котораго иногда въ теченіе всей своей исторической жизни тщетно добиваются другія націи!) Что же значитъ эта фраза г. В. С. Соловьева, какъ не полное признаніе сильнаго развитія многихъ сторонъ цивилизаціи китайскаго народа? Вѣдь, не чудомъ же, въ самомъ дѣлѣ, китайцы достигли ихъ благополучія, а путемъ естественной соціальной эволюціи историческаго процесса! «Но рядомъ съ этимъ остается другой столь же несомнѣнный фактъ, продолжаетъ В. С. Соловьевъ, именно, что китайская культура при всей своей прочности и матерьяльной полнотѣ оказалась духовно-безплодною» (А развѣ усовершенствованія матерьяльной области жизни не есть результатъ дѣятельности человѣческаго духа? притомъ въ Китаѣ сдѣланъ значительный починъ и въ развитіи многихъ сторонъ идеальной культуры народа, хотя онѣ долго оставались въ несовершенномъ, съ европейской точки зрѣнія состояніи, наконецъ, философская система Лаоцзы, въ которой, по словамъ самого же В. С. Соловьева, можно удивляться смѣлымъ и своеобразнымъ оборотамъ мысли, философскія и соціальныя идеи Конфуція, Менцзы, Вань-ань-ши и дру-

гихъ китайскихъ выдающихся личностей, замѣчательная по своей практической мудрости теорія соціальнаго быта, выработанная конфуціанской школой, неужели все это плоды не духовной дѣятельности народа?), «и для прочаго человѣчества безполезною», оканчиваетъ свою рѣчь г. В. С. Соловьевъ. Это также далеко не вѣрно уже по одному тому обстоятельству, что китайская цивилизація возникла очень давно и несравненно раньше европейской: китайцы были цивилизаторами многихъ восточныхъ народцевъ и снабжали въ древности Европу произведеніями, которыхъ не могло еще существовать въ ней.

Распространившіеся среди европейцевъ слухи о землѣ Конфуція, окружавшіе ее ореоломъ богатства и могущества, съ очень древняго времени привлекали въ Китай европейскихъ обитателей; китайскія шелковыя и бумажныя ткани и другіе товары, казавшіеся въ Европѣ тогда рѣдкостями, цѣнились тамъ очень высоко. У римскаго историка 4-го столѣтія по Р. Х., Аміана Марцеллина встрѣчаются уже описанія китайскихъ купцовъ съ ихъ товарами; сношенія между Китаемъ и Греціею до мусульманскаго нашествія на нее постоянно разрастались въ размѣрахъ; изъ Китая доставлялись въ Византію шелковыя и бумажныя ткани, драгоцѣнные камни, жемчугъ и другіе изящные товары; въ 6-мъ столѣтіи по Р. Х. перенесено было изъ Китая въ Европу шелковое производство; полезнѣйшія для человѣчества изобрѣтенія и открытія—компасъ, порохъ и книгопечатаніе появились въ Китаѣ гораздо раньше, чѣмъ въ Европѣ, и вопросъ о томъ, самостоятельно ли они возникли въ послѣдней, считается еще спорнымъ, по крайней мѣрѣ, существуетъ весьма вѣроятное мнѣніе, утверждающее, что они изъ Китая занесены были въ Европу. Но, несомнѣнно, что полезное вліяніе китайской старой цивилизаціи на молодую европейскую было бы несравненно сильнѣе при другомъ географическомъ положеніи и свойствахъ самой китайской страны, въ чемъ уже вовсе не виноваты китайцы. Уединенное на крайнемъ востокѣ, среди горъ, морей и степей, Срединное царство щедро награждало обитателей своихъ естественными произведеніями, избавляя ихъ этимъ отъ необходимости заводить сношенія съ другими странами; раннее развитіе цивилизаціи въ Китаѣ и ея своеобразный характеръ заставляли китайскій народъ относиться съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ къ иноземцамъ и считать ихъ, большею частію, варварами: національные представители изъ Америки и изъ многихъ европейскихъ государствъ только посредствомъ пушекъ, большихъ издержекъ, потери многочисленныхъ войскъ и страшныхъ военныхъ усилій добились, наконецъ, въ теченіе продолжительнаго времени къ началу 19-го столѣтія почти вполнѣ свободныхъ сношеній съ Китаемъ. Самыя уже эти ихъ усилія показываютъ, что Срединное царство не считается въ Европѣ страной безполезной для нея. Извѣстно, въ какомъ огромномъ количествѣ доставляются

въ настоящее время въ Европу произведенія китайской промышленности (совершенство нѣкоторыхъ китайскихъ товаровъ еще недостижимо для европейцевъ, въ этой области въ Китаѣ существуютъ открытія, неизвѣстныя въ Европѣ); довольно вспомнить, хоть объ одномъ чаѣ, грузовъ съ которымъ всегда ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ въ Англіи, Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Но совершенно естественно, что вслѣдствіе изолированности и необыкновеннаго плодородія Срединнаго царства китайская культура до настоящаго времени не могла сдѣлаться сопричастной обще-человѣческому прогрессу націй, а потому и оказала, сравнительно, очень мало вліянія на культуры другихъ странъ. Взаимодѣйствіе элементовъ культуръ различныхъ народовъ очень важно, но оно прежде всего въ полной зависимости отъ мѣста обитанія народа. Зато, въ настоящее время, сдѣлавшись вполнѣ доступной, китайская культура представляетъ взору иноземца возбуждающее удивленіе стройно организованное огромное государственное тѣло съ необыкновенно многочисленнымъ распространившимся въ сильной степени и въ чужія страны, населеніемъ, которое отличается строгой воздержностью и предпріимчивостью характера и пользуется изобиліемъ благъ земныхъ. Въ такомъ видѣ культура эта, несомнѣнно, во многихъ отношеніяхъ можетъ быть полезна другимъ націямъ, хотя требовать отъ нея полноты и совершенства европейской культуры—результата обще-историческаго прогресса многихъ народовъ было бы крайне несправедливо.—«Китайцы народъ большой, но не великій», замѣчаетъ дальше В. С. Соловьевъ. (А развѣ уже одно то обстоятельство, что онъ достигъ такого роста и сохраняетъ его въ теченіе необыкновенно продолжительнаго времени, не составляетъ величія народа, указывая на его внутреннюю силу? А вполнѣ самостоятельное развитіе исторической жизни націи также ничего не значитъ?), въ этомъ народѣ не было и великихъ людей, продолжаетъ В. С. Соловьевъ, единственное исключеніе—Лаоцзы (какъ-будто можетъ въ теченіе продолжительной исторической жизни народа появиться всего только одинъ великій человѣкъ, какъ оазисъ въ пустынѣ!); но удивляясь смѣлымъ и своеобразнымъ оборотамъ его мысли, не слѣдуетъ забывать, что все существенное въ этой мысли было высказано съ неменьшей смѣлостью, но съ большей ясностью и полнотой индійскими мистиками, авторами Упанишадъ и Богаватъ-гиты». Такимъ образомъ, г. В. С. Соловьевъ хочетъ отнять у китайцевъ и этого единственнаго, признаваемаго имъ великаго философа, намекая на индійское вліяніе, хотя самъ же нашелъ въ его философской системѣ сущность китаизма, притомъ буддизмъ, по словамъ г. В. С. Соловьева, появился въ Китаѣ только въ половинѣ 1-го вѣка нашей эры (по другимъ источникамъ—въ концѣ 4-го вѣка до Р. X.), а Лаоцзы, какъ извѣстно, родился въ 604 году до Р. X.

Лаоцзы — лучшій представитель китайской философіи доконфуціанскаго времени, когда въ Китаѣ еще не получили всюду преобладающаго значенія конфуціанское ученіе и строгія нормы конфуціанской морали, и вслѣдствіе этого ничѣмъ не стѣснялось всестороннее развитіе народной цивилизаціи. Онъ былъ главнымъ выразителемъ интеллектуальнаго сознанія въ древнемъ Китаѣ. Такимъ образомъ, появленіе философіи было и тамъ, какъ это вездѣ и всегда бываетъ, произведеніемъ своего времени. Возвышаясь надъ общимъ уровнемъ, передовые люди въ китайскомъ обществѣ не могли тогда уже удовлетворяться полученными по преданію древними примитивными культами предковъ и природы съ ихъ многочисленными суевѣрными обрядами, и стали относиться къ этому скептически. Вслѣдъ затѣмъ, естественно, должны были выработаться болѣе возвышенныя религіозныя понятія, заключающія въ себѣ, какъ это обыкновенно бываетъ въ первобытную пору исторической жизни народа, и его общее высшее міровоззрѣніе, т.-е. философію. Тогда появилось въ Китаѣ религіозное ученіе таосцевъ (отъ Тао, или Дао — путь), идеи этой секты и были формулируемы Лаоцзы, получивъ у него дальнѣйшее развитіе. Даосизмъ въ своемъ первоначальномъ видѣ представляетъ высшій моментъ развитія китайскаго мышленія, которое никогда не поднималось выше этого, вслѣдствіе задержанія конфуціанствомъ свободнаго движенія прогресса идеальной культуры народа, и въ позднѣйшую пору. Лаоцзы опредѣленно высказываетъ свои воззрѣнія на многое изъ того, что составляетъ коренной интересъ философіи человѣчества вообще. (При этомъ неудивительно сходство его идей съ идеями индійскихъ философовъ, которые вдобавокъ такъ же, какъ и онъ, жили еще на востокѣ). Многообразіе видимаго міра китайскій философъ свелъ къ абсолютно единому, которое въ такой формѣ не можетъ уже быть ни опредѣляемо, ни анализировано человѣческимъ мышленіемъ (какъ близки эти понятія даже и къ европейской современной философіи!); въ идеѣ о божествѣ Лаоцзы доходитъ почти до того, что называется монотеизмомъ— высшей формой религіознаго сознанія человѣчества: верховное Дао, изображаемое творцомъ, отъ котораго все происходитъ и къ которому все снова возвращается, считается всемогущимъ и неисповѣдимымъ, — оно и первобытная сила, и первобытная матерія, и первобытная идея. Дао предшествуетъ видимому многообразію предметовъ: глубоко и неистощимо Дао, это—бездна, породившая всѣ предметы, весь видимый міръ. «Возникновеніе и уничтоженіе индивидуальностей есть не что иное, какъ обнаруженіе жизни вѣчносущаго Дао; прекращеніе индивидуальнаго существованія называется покоемъ; достиженіе покоя—исполненіемъ своего назначенія; исполненіе назначенія называется вѣчностью; Дао міровая матерія, міровая сила, міровой разумъ! Высшее благо для людей—не имѣть собственныхъ же-

леній и всегда согласоваться съ Дао». Указывается очень высокій идеалъ истинно-должнаго поведенія для человѣка: добродѣтель въ высокомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ слѣдованіе по пути Дао. Это значитъ познать самого себя (то же говорилъ Сократъ), ограничить свои желанія, побѣдить свои страсти,—«сострадание, бережливость, смиреніе, не позволяющее домогаться первенства въ мірѣ,—вотъ три драгоцѣнности, которыхъ я держусь», говоритъ Лаоцзы. Онъ первый отвергъ самостоятельность и неуничтожаемость души, на вѣрованіи въ которую основанъ культъ предковъ. Но Лаоцзы, какъ и другіе восточные философы, погружаясь мыслью въ обсужденіе недоступныхъ для человѣческаго пониманія предметовъ, впалъ въ крайній мистицизмъ и дошелъ до идеала полнаго бездѣйствія, находя, что все въ мірѣ, когда теряетъ свою индивидуальность, поглощается божествомъ, чему должны подвергнуться и всѣ предметы китайскаго политеизма: небо, духи вообще и проч. — «Какъ умозрительный философъ, говоритъ г. В. С. Соловьевъ, Лаоцзы ищетъ абсолютнаго начала, какъ истый китаецъ онъ ищетъ его, исключительно, въ прошедшемъ, слѣдовательно, онъ ищетъ безусловно прошедшаго, такого, которое предшествуетъ всему существующему»; но кто же изъ всѣхъ древнихъ и даже новыхъ философовъ не интересовался такимъ именно прошедшимъ? Почему для этого необходимо быть истымъ китайцемъ?

Итакъ, Лаоцзы былъ, несомнѣнно, вполнѣ самостоятельный китайскій философъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу извѣстный голландскій профессоръ по исторіи религіи, Тьель («Исторія развитія религіи», страница 39-я): «Часто темная по смыслу система развитія Таотекинга (сочиненіе Лаоцзы) чисто китайская,—происхожденіе ея несправедливо приписываютъ вліянію индійской философіи, съ которой эта система сходится больше по формѣ, чѣмъ по содержанію. Она существенно отличается отъ доктрины буддистовъ, особенность этой системы составляетъ болѣзненный аскетизмъ»; между тѣмъ, какъ самъ г. В. С. Соловьевъ сознается, что для подтвержденія его мнѣнія о заимствованіи у буддійскихъ философовъ историческихъ данныхъ не оказывается (апрѣльская книжка, страница 194, въ выноскѣ). Даосизмъ подвергся вліянію измѣнившагося въ Китаѣ буддизма уже въ его искаженной матеріализмомъ формѣ, и китайскій буддизмъ также способствовалъ въ свою очередь искаженію религіи даосизма. Вліяніе философіи Лаоцзы вообще увеличило въ первое время число китайскихъ мыслителей, занимавшихся разнообразными вопросами. Вѣроятно, и ихъ больше или меньше можно отнести къ разряду, если не великихъ, то, по крайней мѣрѣ, выдающихся людей; въ доконфуціанскую пору существовало много замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей: царей, имена которыхъ надолго сохранились въ потомствѣ, знаменитыхъ (конечно, для того времени) придворныхъ политиковъ,

проявлявшихъ свою дѣятельность въ борьбѣ между удѣлами. Правда, что съ появленіемъ на сценѣ всѣхъ уровнявшаго типичнаго конфуціанца число выдающихся личностей сильно сократилось въ Китаѣ, хотя они встрѣчались и впослѣдствіи: таковъ, напримѣръ, былъ знаменитый Вань-ань ши, надѣлавшій много шуму, проповѣдникъ улучшенія соціальныхъ отношеній, лучшіе императоры-представители китайскихъ династій. Но, кромѣ всего этого, неужели можетъ не считаться великой личностью даже самъ Конфуцій, имя котораго носитъ цѣлая эпоха исторической жизни китайскаго народа? Если не заслуживаетъ названія великаго человѣкъ, съумѣвшій съ необыкновенной проницательностью понять нужды своего народа, оказать ему разнообразныя неоцѣнимыя услуги и возбудить къ себѣ въ цѣлой народной массѣ самую глубокую, доходящую до обожанія, преданность и благоговѣйное почтеніе, переходящія въ Китаѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе многихъ столѣтій, то послѣ этого непонятно, какой и критерій слѣдуетъ примѣнять при опредѣленіи великихъ личностей? Вѣдь, если въ конфуціанствѣ и заключается что-либо утрированное, оказавшее дурныя послѣдствія, то это принадлежитъ уже послѣдователямъ Конфуція, а не ему лично. Но и между ними встрѣчалось много замѣчательныхъ личностей, какъ, напримѣръ, философъ Менцзы и другіе; основатель недавно происходившаго въ Китаѣ, сильно взволновавшаго всю страну, возстанія тайпинговъ — Хіу-сюань и его помощники, также герои въ своемъ родѣ. Но и безъ перечисленія такихъ людей, одинъ уже фактъ существованія въ странѣ цивилизаціи служитъ доказательствомъ присутствія въ ней возвышающихся надъ общимъ уровнемъ личностей. Слѣдовательно, Китай, какъ и всѣ другія государства, не могъ быть лишенъ великихъ людей.

На китайскій культъ предковъ г. В. С. Соловьевъ высказываетъ взглядъ вовсе не научный, какъ того заслуживаетъ это историческое явленіе. Вотъ что говоритъ онъ по поводу его на страницѣ 763: «Само по себѣ староверческій китайскій идеалъ содержитъ въ себѣ основаніе всякой истины и всякой нравственности (выраженія совершенно неясныя). Прошедшее прежде всего имѣетъ на насъ права. Мы не сами начинаемъ свою жизнь, мы получаемъ ее отъ того, что было прежде насъ; мы обязаны ею прошедшему, предкамъ. Безъ признанія этой зависимости и безъ уплаты нашего долга прошлому мы по совѣсти не имѣетъ права жить. Сохранять связь съ умершими предками и служить имъ есть, безъ сомнѣнія, первая обязанность живущихъ. Спрашивается только, какъ наилучшимъ образомъ исполнять эту обязанность? (Такимъ образомъ, г. В. С. Соловьевъ какъ бы находитъ, что культъ предковъ вовсе не есть явленіе, свойственное, по преимуществу, первобытной порѣ въ жизни народа). Достаточно ли для этого сохранять неизмѣнно то, что было при предкахъ, достаточно ли посредствомъ гаданій освѣдомляться объ

ихъ болѣе или менѣе фиктивной волѣ? И, вопервыхъ, возможно ли и стоитъ ли сохранять безъ измѣненія то, что по необходимости подверглось страшному измѣненію, называемому смертью?»

Такіе вопросы, вѣроятно, и въ Китаѣ давно уже считаются праздными! Какъ неумѣстно кажется это примѣненіе современной точки зрѣнія къ факту, происхожденіе котораго свойственно, исключительно, младенческой порѣ въ исторической жизни народа и составляетъ одну изъ фазъ въ ея развитіи! Что сталось бы со многими явленіями прошлой жизни человѣчества, если бы пришлось обсуждать ихъ только съ современной точки зрѣнія? Но г. В. С. Соловьевъ не стѣсняется дѣлать это. На стран. 766 онъ самъ говоритъ: «Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности обличать съ христіанской и европейской точки зрѣнія ограниченность китайской жизни и мысли и указывать на невозможность для человѣческаго духа удовлетвориться окончательно тѣми предѣлами умѣренности и благоразумія, въ которые заключенъ китайскій идеалъ». Еще бы просвѣщенному европейцу 19 столѣтія съ его сложными духовными потребностями, утонченностью чувствъ, который привыкъ имѣть возможность разнообразно удовлетворять пытливость своего ума черезъ европейскую науку и эстетическое чувство черезъ усовершенствованное европейское искусство, изнѣженному притомъ, избалованному европейскимъ большимъ комфортомъ внѣшней жизни, было бы возможно удовлетвориться, да еще и окончательно сравнительно простымъ, строгимъ и несложнымъ идеаломъ китайца, который, получая одностороннее конфуціанское образованіе, глубоко проникнутый конфуціанской моралью, главнымъ образомъ, стремится только черезъ строгое выполненіе его обязанностей имѣть спокойную совѣсть и посредствомъ упорнаго постояннаго труда увеличивать свои матеріальныя блага жизни!

Однако г. В. С. Соловьевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ находитъ идеалъ китайскаго народа истиннымъ. На страницѣ 771 онъ говоритъ: «Оцѣнивая по существу этотъ китайскій идеалъ, мы находимъ его истиннымъ въ его исходной точкѣ, именно въ признаніи правъ прошедшаго (или, говоря конкретно, предковъ) надъ настоящимъ (надъ нами), — въ признаніи нашей обязанности служить предкамъ, утверждать и укрѣплять въ себѣ привязанность къ нимъ. Но любовь къ предкамъ подлежитъ тому же закону, какъ и всякая другая любовь. Законъ любви требуетъ отъ насъ, чтобы мы дѣлали добро любимому предмету. Какое же добро мы можемъ дѣлать предкамъ, чѣмъ, дѣйствительно, можемъ послужить имъ? Въ состояніи духовнаго младенчества люди очень просто отвѣчаютъ на этотъ вопросъ: они кормятъ умершихъ предковъ, стараются доставить имъ возможность продолжать и за гробомъ прежнюю матеріальную жизнь. Но съ развитіемъ религіознаго сознанія такое простое отношеніе становится невозможнымъ, является сомнѣніе въ томъ, что матеріальное суще-

ствованіе есть само по себѣ благо, является вопросъ объ истинной жизни». По поводу этого можно замѣтить, что съ развитіемъ религіознаго сознанія соединяется и болѣе духовное пониманіе религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ существовать первобытная форма культа предковъ, основаннаго на вѣрованіи въ загробное матеріальное существованіе души умершаго, его смѣняютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ высшія формы религіознаго сознанія человѣчества, хотя въ нихъ и сохраняются остатки прежнихъ вѣрованій. Продолжительное существованіе въ Китаѣ культа предковъ, или, вѣрнѣе его остатковъ, зависитъ отъ совершенно исключительныхъ условій исторической жизни китайцевъ, задержавшихъ развитіе религіознаго сознанія этого народа; оно, главнымъ образомъ, есть результатъ величайшаго событія исторіи Китая — конфуціанства, давшаго ей совершенно оригинальное, сравнительно съ исторической жизнью всѣхъ другихъ народовъ, направленіе. Почитаніе предковъ теперь уже далеко не составляетъ въ Китаѣ, какъ въ древнѣйшую доконфуціанскую пору, предмета глубокой живой вѣры въ загробное матеріальное существованіе душъ усопшихъ. И самъ г. В. С. Соловьевъ говоритъ, что, разумѣется, для современныхъ образованныхъ китайцевъ, при всемъ ихъ уваженіи къ этому культу, онъ сталъ, вообще говоря, лишь благочестивой фикціей, символическимъ выраженіемъ общихъ идей о зависимости настоящаго отъ прошлаго, о безусловной обязательности сыновняго благочестія, не упраздняемаго и смертью, о святости преданія и старины. При такомъ взглядѣ самыя жертвы предкамъ суть учтивое о нихъ воспоминаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе древняго обряда, освящающаго и одухотворяющаго семейный союзъ» («Р. О.», февральская книжка, стр. 683). Культъ этотъ, какъ извѣстно, въ переходное время былъ уже сильно подорванъ въ Китаѣ въ сознаніи народа; послѣ того его, разумѣется, нельзя было реставрировать съ прежней полнотой и значеніемъ; хотя конфуціанство и возвело культъ предковъ въ государственную религію Китая, но наряду съ этой китайскій народъ давно принялъ и обряды другихъ религій — буддійской и даоской, въ настоящее время китайцы въ большомъ количествѣ становятся христіанами, часто они даже совсѣмъ индифферентно относятся ко всякой религіи, но обряды культа предковъ, какъ государственной религіи, тѣмъ не менѣе выполняются ими, хотя, конечно, вовсе не съ прежней точностью, полнотой и религіознымъ энтузіазмомъ. Г. В. С. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ, что уже и надъ умомъ Конфуція первобытная вѣра въ полную реальность загробной жизни, хотя прямо и не отрицается имъ, но сама по себѣ не имѣетъ уже никакой силы и интересуетъ его лишь по своимъ морально-практическимъ послѣдствіямъ. На вопросъ своихъ учениковъ, говоритъ г. В. С. Соловьевъ, существуютъ ли, дѣйствительно, духи умершихъ, онъ отвѣчалъ: «Если сказать, что существуютъ, тогда

хорошіе сыновья, пожалуй, разорятся на культъ предковъ; а если сказать не существуютъ, тогда плохіе сыновья станутъ, пожалуй, оставлять своихъ отцовъ вовсе безъ погребенія». Отсюда такое заключеніе: «Должно приносить жертвы предкамъ, какъ-будто бы они дѣйствительно, присутствовали; слѣдуетъ поклоняться духамъ и геніямъ, какъ-будто бы они были предъ нами». «Во всякомъ случаѣ, отдаленные предки не занимаютъ значительнаго мѣста въ конфуціанской морали, говоритъ г. В. С. Соловьевъ, сила сыновняго благочестія сосредоточивается здѣсь, главнымъ образомъ, на отношеніи къ непосредственнымъ родителямъ». Но, по словамъ г. В. С. Соловьева, выполненіе обрядовъ Конфуцій считалъ очень многозначительнымъ: «Мудрецъ сказалъ, цитируетъ г. В. С. Соловьевъ, «если не знаешь обрядовъ или законовъ, регулирующихъ общественныя отношенія, то у тебя нѣтъ ничего, чѣмъ бы опредѣлялось и устанавливалось твое поведеніе, а потому: не смотрите ни на что въ противность обрядамъ, не слушайте ничего въ противность обрядамъ, не дѣлайте ничего въ противность обрядамъ!» Г. В. С. Соловьевъ даже думаетъ, что преобладаніе ритуализма въ конфуціанской религіи, пріучающаго замѣнять сущность видимостью, способствуетъ развитію лицемѣрія и лживости у китайцевъ. Но врядъ ли это справедливо, потому что въ глазахъ современнаго китайца обряды культа предковъ все-таки должны имѣть значеніе дорогихъ и потому возбуждающихъ въ немъ глубокое къ себѣ уваженіе преданій древней религіозной формы вѣрованій китайскаго народа, достигавшей нѣкогда громаднаго значенія въ Китаѣ, когда ею регулировалась вся жизнь народа до мельчайшихъ ея частностей и религіозные обычаи культа предковъ отражались въ высшей степени благодѣтельно на семейныхъ отношеніяхъ китайцевъ, возвышая общій уровень народной нравственности. Благодаря культу предковъ, отцы и матери семействъ старались тогда достойнымъ образомъ вести себя, а главное хорошо воспитывать дѣтей ихъ, отъ которыхъ пользовались большимъ почетомъ при жизни и ожидали религіознаго поклоненія послѣ смерти, а безъ него считалось невозможнымъ и загробное блаженство. Сохранились отъ того времени замѣчательныя наставленія отцовъ къ дѣтямъ, проникнутыя правилами, какъ бы христіанской морали, многочисленныя свидѣтельства о подвигахъ семейной добродѣтели, нѣжности семейныхъ чувствъ. Естественно, что этотъ сильно развитой и потому благотворный въ Китаѣ для практической первобытной народной жизни культъ былъ востановленъ конфуціанской философской школой и получилъ значеніе обязательной государственной религіи, соблюденіе ритуала которой охраняется съ тѣхъ поръ закономъ. Изъ культа предковъ произошла и основа конфуціанской этики — сыновнее благочестіе, которымъ, можно сказать, держится весь механизмъ китайской семьи, соціальнаго строя и государства. Слѣдовательно, культъ предковъ тѣснѣйшимъ образомъ

связанъ со всей государственной жизнью китайскаго народа. Вотъ чѣмъ только объясняется его необыкновенно продолжительное существованіе въ Китаѣ. Китайскій гражданинъ, испытывая благодѣтельныя послѣдствія государственнаго порядка своей страны, проникается чувствомъ глубокаго патріотизма и вслѣдствіе этого дорожитъ культомъ предковъ, какъ религіей, изъ которой вытекаетъ самая существенная основа всего китайскаго государственнаго строя; но при его здравомъ, крайне практическомъ направленіи едва ли современный китаецъ очень много заботится теперь о загробномъ существованіи своихъ предковъ, для которыхъ прежде оставался иногда въ нищетѣ, тратя все имущество на похоронные обряды и даже жертвовалъ жизнью, заживо погребаясь съ умершимъ (жена съ мужемъ, слуги съ господиномъ), хотя отрѣшиться вполнѣ отъ этого вѣрованія въ силу одной уже страшно укоренившейся привычки, ему, должно быть, очень трудно. Впрочемъ, современное состояніе Китая можетъ служить доказательствомъ значительнаго ослабленія авторитета идеала культа предковъ въ сознаніи китайцевъ: отъ его вліянія освобождаются уже даже очень важныя стороны народной жизни, какъ, напримѣръ, образованіе. Послѣдствія этого факта должны быть весьма значительны въ Китаѣ.

«Противоположность двухъ культуръ—китайской и европейской, говоритъ В. С. Соловьевъ на страницѣ 779,—сводится въ сущности къ противоположенію двухъ общихъ идей: порядка съ одной стороны и прогресса съ другой. Съ точки зрѣнія порядка важнѣе всего прочность соціальныхъ отношеній, идея прогресса требуетъ ихъ идеальнаго совершенства. Прочный порядокъ есть состояніе, которое держится силой прошедшаго, прогрессивное совершенствованіе есть дѣятельность, опредѣляемая идеаломъ будущаго. Что Китай достигъ прочнаго порядка—это несомнѣнно; насколько европейскій прогрессъ ведетъ къ соціальному совершенству—вотъ вопросъ».

Почему такое странное сопоставленіе двухъ совершенно несоотвѣтственныхъ другъ другу понятій, которыя оба прилагаются къ одному и тому же предмету—культурѣ народа? Какимъ образомъ можетъ появиться у народа культура, да еще съ стройнымъ порядкомъ государственной и соціальной жизни, если не путемъ историческаго процесса, т.-е. постепеннаго опредѣленнаго осложненія и усовершенствованія многихъ сторонъ народной жизни, выражающагося въ развитіи культуры, которое и составляетъ сущность прогресса? Почему же въ Китаѣ есть культура, но нѣтъ прогресса, а вмѣсто него только порядокъ, тогда-какъ онъ-то, по справедливому замѣчанію Герберта Спенсера, и составляетъ существенный признакъ присутствія въ странѣ прогресса, между тѣмъ какъ, наоборотъ, безпорядочностью въ общественной жизни характеризуется регрессивное движеніе? Почему прочный порядокъ можетъ держаться только силою прошедшаго,

а не его внутренними достоинствами и, главное, соотвѣтствіемъ съ средой?

Отвѣтовъ на всѣ эти вопросы нѣтъ въ статьѣ г. В. С. Соловьева, а потому у китайской культуры ни въ какомъ случаѣ нельзя отнять имени прогресса. Вслѣдъ затѣмъ, на страницѣ 774 г. В. С. Соловьевъ самъ говоритъ, что истинный прогрессъ есть прогрессъ порядка; его дальнѣйшія разсужденія по этому поводу составляютъ прекрасное объясненіе того обстоятельства, какимъ образомъ существованіе прогресса можетъ соединяться съ сохраненіемъ порядка. Вотъ что говоритъ г. В. С. Соловьевъ на той же страницѣ, вооружаясь противъ ложной, по его мнѣнію, идеи о прогрессѣ, существующей въ настоящее время въ Европѣ: «Съ прошлаго столѣтія получило значеніе въ Европѣ представленіе о прогрессѣ, какъ основанномъ на безусловно отрицательномъ отношеніи къ прошедшему, къ традиціонному порядку. Такое представленіе не только далеко отъ истины, но въ немъ упразднены существенные признаки самой идеи поступательнаго развитія, или прогресса. Эта идея предполагаетъ существенное и сознаваемое единство того, что развивается, или прогрессируетъ, т. е. прежде всего дѣйствительную внутреннюю солидарность старыхъ и новыхъ поколѣній прогрессирующаго человѣчества. Если новая истина не имѣетъ глубокихъ корней въ прошедшемъ, если мы должны начинать сегодняшнюю работу съ простого разрушенія того, что дано, то, конечно, наша новая истина будетъ скоро брошена какъ старая и наша сегодняшняя работа будетъ завтра разрушена какъ, никуда негодная. Разрывая связь съ прошедшимъ, отрекаясь отъ своей истинной солидарности съ предками, мы даемъ право нашему потомству разорвать связь съ истиннымъ дѣломъ, отречься отъ солидарности съ нами. А въ такомъ случаѣ мнимый прогрессъ человѣчества не только потеряетъ существенную опору въ дѣйствительной жизни, но и совершенно утратитъ всякій опредѣленный идеалъ будущаго. Если точка отправленія историческаго прогресса есть ложь и ничтожество, то цѣль его оказывается безусловно неизвѣстною,—быть можетъ, также ложь и ничтожество, а въ такомъ случаѣ какимъ же идеальнымъ мотивомъ можетъ опредѣляться наша дѣятельность. Это не я опровергаю ложную идею прогресса, доводя ее до абсурда; нѣтъ, этотъ абсурдъ прямо утверждается самими представителями этой идеи, громко провозглашающими относительность истины, въ силу которой то, что сегодня признается за истину, завтра будетъ ложью и замѣнится новой мнимой истиной, которая въ свою очередь окажется ложью, и т. д. до безконечности. Но почему же такая смѣна обмановъ, изъ которыхъ каждый въ сущности не хуже и не лучше другого,—почему такая «дурная безконечность» будетъ называться развитіемъ или прогрессомъ?» Вотъ какъ прекрасно и горячо отстаиваетъ г. В. С. Соловьевъ идею поступательнаго прогресса съ болѣе или менѣе полнымъ сохраненіемъ стараго порядка жизни!

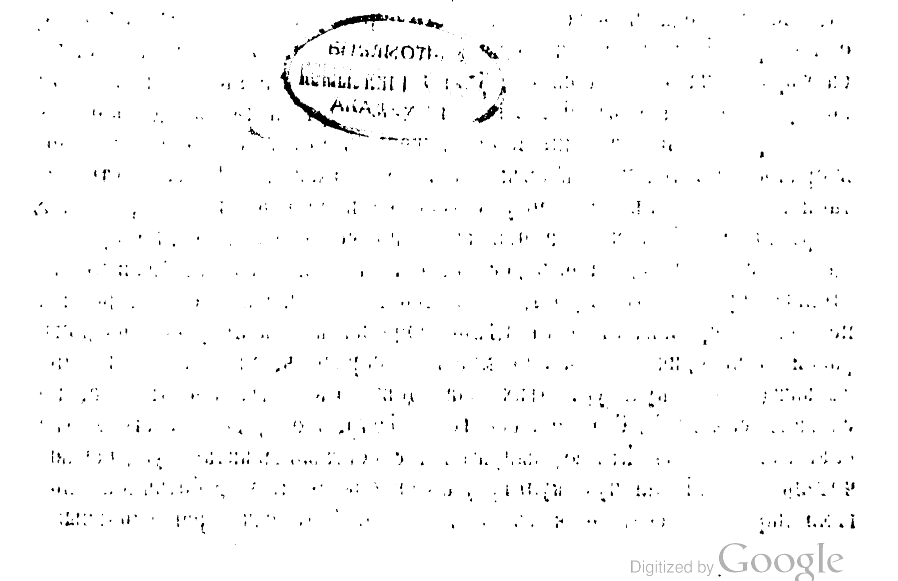
Такой прогрессъ, несомнѣнно, существовалъ и существуетъ въ Китаѣ, хотя онъ и не захватывалъ тамъ со времени появленія конфуціанства въ одинаковой степени всѣхъ сторонъ народной жизни.— Вслѣдствіе исключительныхъ историческихъ условій развитіе китайской цивилизаціи отличалось своеобразнымъ характеромъ: вполнѣ нормальное, всестороннее и быстрое прогрессивное движеніе китайской культуры было очень надолго задержано проникшимъ въ Китаѣ во всѣ сферы народной жизни вліяніемъ величайшаго событія ея—конфуціанства, послѣдствіемъ котораго оказался застой въ развитіи духовной области въ жизни народа, поэтому прогрессъ китайской цивилизаціи со времени могущественнаго водворенія конфуціанскаго ученія и конфуціанскихъ нормъ жизни въ Китаѣ сдѣлался одностороннимъ, т. е. цивилизація китайцевъ могла уже съ тѣхъ поръ развиваться только именно въ той сферѣ народной жизни, прогрессивному существованію которой конфуціанство не только не вредило, но даже значительно способствовало, усиливъ въ народѣ соціальныя чувства, истекающія изъ основного китайскаго принципа сыновняго благочестія, распространивъ солидарность взглядовъ у китайцевъ черезъ конфуціанское образованіе, т.-е. общее обязательное усвоеніе принциповъ конфуціанской морали, и возбудивъ необыкновенную энергію въ трудѣ, безъ котораго невозможно ни земное, ни загробное благополучіе китайской семьи, а заботы о ней, вслѣдствіе преобладанія всюду основного конфуціанскаго принципа, выступили на первый планъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, прежде всего было улучшено положеніе семьи, этой всегда и вездѣ хорошей основы благосостоянія государства. Но дальнѣйшее развитіе въ Срединномъ царствѣ философіи, науки, литературы, даже самаго языка должно было пострадать отъ конфуціанства: на нихъ отразилось подавляющее вліяніе его, конфуціанскія, сравнительно, одностороннія сочиненія наводняли китайскую литературу въ ужасныхъ размѣрахъ, на это тратились лучшія интеллектуальныя силы народа; конфуціанское воспитаніе, закаляя характеръ китайца, давало ему одностороннее направленіе и ограниченный кругъ свѣдѣній. Это повторялось въ теченіе вѣковъ; но зато инициатива дѣятельности китайцевъ тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе проявилась въ матерьяльной сферѣ народной жизни, на ней, очевидно, сосредоточились, по преимуществу, силы народа, и онъ достигъ блистательно успѣха. Если въ настоящее время китайскую цивилизацію можно назвать односторонней не только сравнительно съ цѣлой европейской культурой—плодомъ развитія исторической жизни многихъ народовъ, но и по сравненію съ каждой изъ культуръ этихъ народовъ въ отдѣльности; зато, по словамъ самого В. С. Соловьева (стр. 767), люди, даже всего менѣе благосклонные къ Китаю, вынуждены сопоставлять китайскую, исключительно, національную культуру съ европейской, выработанной многими народами, если не какъ равноцѣнныя, то какъ равносильныя.

Слѣдовательно, развиваясь и совершенствуясь въ настоящее время при свободныхъ сношеніяхъ съ иноземцами все полнѣе и многостороннѣе, культура Срединнаго царства можетъ разсчитывать на самый блестящій, но, вѣроятно, оригинальный прогрессъ въ будущемъ; залогомъ его служатъ хорошія основы китайскаго соціальнаго строя и громадная сила и выдержка національнаго характера необыкновенно многочисленнаго народа.

Но совершенно напрасно, по свидѣтельству г. В. С. Соловьева, европейскіе реакціонеры видятъ источникъ силы Китая въ его преданности старинѣ: оказывается, что китайцы вовсе не такъ уже консервативны, какъ принято о нихъ думать издавна. — Всѣ благія послѣдствія въ жизни этого народа производитъ, главнымъ образомъ, одно только очень важное обстоятельство: сохраняющееся въ теченіе продолжительнаго времени и обязательно постоянно проявляемое въ практической жизни необыкновенно-значительное повышеніе уровня нравственныхъ понятій у многочисленной китайской народной массы. Оно-то и даетъ Китаю, несмотря на недостатки духовной стороны его культуры, огромное преимущество передъ другими государствами и заслуживаетъ подражанія всѣхъ народовъ въ мірѣ.

Въ заключеніе приходится замѣтить еще, что названіе статьи г. В. С. Соловьева «Китай и Европа» далеко не соотвѣтствуетъ ея содержанію,—о Европѣ, вообще, говорится въ ней слишкомъ мало въ сравненіи съ Китаемъ.

Анна Столповская.

Источники сочиненія: Георгіевскій: Древняя исторіи Китая. Георгіевскій: Принципы жизни Китая. Васильевъ: Религіи Востока. Васильевъ: Китайская литература. Венюковъ: Современное состояніе Китая. Мертваго: Сношенія китайцевъ съ европейцами. Матусовскій: Географія Китая. Отецъ Іокинфъ: Различныя свѣдѣнія о Китаѣ. Пржевальскій: Путешествіе въ Китай. Военно-статистическій очеркъ. Костенко: Чжунгарія. Симонъ: Срединное царство. Каррьера: Всеобщая исторія культуры. Реклю: Географія. Marquise de Courcy: L'empire du Milieu. Pautier: Chine. Vivien de Saint Martin: Географическій словарь. Les recits de Marco Polo. Tiele: Esquisse d'une histoire de la religion. Reville: Les religions des peuples non-civilisés. Le Bon: L'homme et les sociétés, leurs origines et leur histoire. Max Leclerc: L'emigration chinoise.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
13	18 снизу	птичьныхъ	птичьихъ
—	3 ›	замѣтельно	замѣчательно
16	2 ›	басейна	бассейнъ
30	2 ›	отъ другихъ-либо	отъ другихъ либо
34	19 ›	бы (предводители)	ба
35	1 сверху	пророжденныхъ	прирожденныхъ
36	14 ›	министерствъ	министровъ
60	3 ›	стянли	стѣсняли
105	9 ›	«Да будетъ миръ и вѣчная дружба между его величествомъ императоромъ Китая и между подданными обѣихъ имперій!»	«Да будетъ миръ и вѣчная дружба между его величествомъ императоромъ Китая и его величествомъ императоромъ французовъ и между подданными обѣихъ имперій!»
136	19 ›	совершаемъ	совершаетъ
173	7 ›	остнованіе	основаніе
220	2 снизу	фитишизмъ	фетишизмъ
227	24 сверху	породенія	порожденія
241	18 снизу	въ недовольство	въ недовольствѣ
257	5 ›	отдонхуть	отдохнуть
268	9 ›	приворнымъ	придворнымъ
273	8 сверху	до; бродѣтели	добродѣтели
275	2 снизу	(720—327 до Р. Х.)	(отъ 720—627 г. до Р. Х.)
276	5 сверху	«Лунь-ю»	«Лунь-юй»
282	2 снизу	повергавшіеся	подвергавшіеся
290	2 сверху	о поздкѣ	о поѣздкѣ
294	11 снизу	вырвать	выразить
295	7 сверху	можъ	можетъ
297	22 снизу	философіями	философами
305	7 ›	остротѣ	остротъ
333	15 ›	топовъ	тоновъ
337	1 сверху	общепочтительность	отцепочтительность
342	6 снизу	въ брежнее	въ прежнее
409	11 ›	услевіе	условіе
410	19 сверху	огущественнаго	могущественнаго
428	15 ›	относящихъ	относящихся

Кольцова, А. В. Стихотворенія, изд. 10-е. М. 1889 г. Ц. 20 к.

Корсака. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. *Е. Корша.* 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева.* М. 1870 г. Цѣна 7 р.

Куно-Фишера. Лессингъ какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. *И. П. Рассадина.* М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціуса. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ.* М. 1880 г. Цѣна 12 р.

Лавелэ. Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева.* Ц. 6 р.

Левитова. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьею о жизни его. *Ф. Д. Нефедова.* 2 тома. М. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лессинга, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина.* М. 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша.* М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева.* М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовской.* М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго* и *А. Н. Веселовскаго.* т. I Ц. 6 р., т. II и III Ц. 7 р., т. V Ц. 3 р. 50 к. М. 1887 г.

Морлея, Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша.* М. 1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Ольденберга, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. *П. Николаева.* М. 1891 г. Цѣна 2 р.

Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана.* М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина.* М. 1882 г. Цѣна 2 р.

Риля А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. *Е. Корша.* М. 1888 г. Ц. 2 руб.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ.* М. 1881 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка.* М. 1879 г. Цѣна 10 р.

